

Радик Вахитов

ОТ УРАЛ~БАТЫРА ДО САЛАВАТА ЮЛАЕВА

Радик Вахитов

ОТ
УРАЛ~БАТЫРА
ДО
САЛАВАТА
ЮЛАЕВА

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЭТЮДЫ

Издательство
"КИТАП"
имени
Зайнаб
Бишевой

УФА • 2009

УДК 94 (470. 57)
ББК 63.3 (2 Рос. Баш)
В 22

Книга издается в авторской редакции

Вахитов Р. Ш.

В 22 От Урал-батыра до Салавата Юлаева: Исторические этюды. –
Уфа: Китап, 2009. – 592 с.: ил.

ISBN 978-5-295-04931-6

В книге рассказывается о зарождении башкирского народа в горно-лесной части Урала в эпоху первобытно-общинного строя. Автор рассматривает возникновение металлургии и металлообработки среди предков древних башкир в эпоху меди и бронзы, зарождение у них бортничества, коневодства и кумысоделия.

Описываются пребывание Руси и Башкортостана в составе Золотой Орды и последующие события, приведшие к присоединению Башкортостана к Московскому государству с образованием многонациональной России.

Автор предлагает новые данные о предках Салавата Юлаева, рассказывает о его потомках, приводит родословные героя, составленные им самим и местными патриотами-краеведами.

ТП – 2009

ISBN 978-5-295-04931-6

УДК 94 (470. 57)
ББК 63.3 (2 Рос. Баш)

© Вахитов Р. Ш., 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	6
Глава 1. Башкирский эпос «Урал-батыр» о древнейшей истории Урала ..	15
Глава 2. Заратуштра и уход ариев	38
Глава 3. От эпоса «Урал-батыр» к Библии и «Авесте»	60
Глава 4. Под девятью ярусами неба	73
Глава 5. Золотой век Прототюркской цивилизации	96
Глава 6. От Великой Китайской стены до туманного Альбиона	126
Глава 7. Тюркский каганат и древнебашкирские племена	151
Глава 8. Угры, мадьяры, венгры	168
Глава 9. О происхождении башкирского народа	182
Глава 10. Неизвестная Восточная Русь	212
Глава 11. Кто же заложил Киев?	247
Глава 12. Древняя Русь: от рассвета до заката	253
Глава 13. Чингисхан и его дела	259
Глава 14. Русь и Башкортостан в составе Золотой Орды	270
Глава 15. От закона назад к бесправию	298
Глава 16. Первый замысел России	313
Глава 17. Под крыло двуглавого орла	334
Глава 18. Основание Уфы: мифы и реальность	357
Глава 19. Народный герой и национальная идея	366
Глава 20. Салават и память о нем	388
Глава 21. О чем поешь ты, Салават?	408
Глава 22. Род Салавата в башкирских эпосах	421
Глава 23. Родина Салавата в названиях и именах	435
Глава 24. Предки Салавата	476
Глава 25. Взгляд со стороны на шежере Салавата	507
Глава 26. Семья и потомки Салавата	519
Глава 27. Когда же родился Салават?	537
Глава 28. Торжество побед и горечь поражений	543
Глава 29. Пугачевщина в гримасах истории	564
Послесловие	582
Примечания	586

*Посвящается 100-летию записи
бакирского эпоса «Урал-батыр»*

ОТ АВТОРА

Родина моя на Юрюзани, там, где, кажется, сам легендарный Урал-батыр рассек своим алмазным мечом горные хребты. И потекла река меж обрывистых берегов, образовав скалистые каньоны, в которых даже нежное воркование голубей так разносится эхом, что чудится нашествие каких-то громадных птиц, прилетевших из далекой древности.

Мое раннее детство прошло в небольшой деревушке Иске Каратаулы (Ст. Каратавлы). История этой деревни уходит своими ветвистыми корнями к древнебашкирскому роду Кувакан, сражавшемуся на берегах Юрюзани с древними мадьярами, а от них еще дальше в глубь веков – к племени Тазлар, предкам древних башкир, упомянутым еще за 500 лет до начала нашей эры «отцом истории» Геродотом под именем аргиппеев, «лысых людей».

Ничто в моей молодости не предвещало того, что я когда-нибудь займусь историей. В средней школе, а затем и в Уфимском авиационном институте этот предмет вызывал у меня стойкое неприятие из-за необходимости запоминать даты разных событий, особенно съездов Коммунистической партии Советского Союза, решения которых также приходилось заучивать.

Потом я защитил диссертацию и учил студентов разным техническим дисциплинам, занимался научной деятельностью. Написал множество статей и даже книгу «Системы запуска авиационных газотурбинных двигателей».

Моя урбанизированная душа черствела, а в мыслях господствовали идеи построения систем управления космическими энергетическими установками, перемешиваясь с новыми цифровыми методами решения некорректных математических задач. Лишь иногда, увидев лошадей – мою детскую, неистребимую временем любовь, я отворачивался от них, и на глазах проступала предательская слеза.

То роптал во мне голос крови. Ему, этому голосу, все мои занятия были чужды. Мои предки не знали ни космических энергетических установок, ни некорректных математических

задач. Они занимались бортничеством, разводили лошадей и другой скот, запивали кумысом вкуснейшие блюда из баранины. Жили совсем другой жизнью, к которой, конечно, я не мог вернуться. Моя жизнь шла своим чередом, я был востребован вместе со своими идеями и делами. Казалось, ничто не могло изменить мою судьбу.

А голос крови, хоть и загнанный в самые дальние уголки моей души, все не умолкал, нашептывая что-то моему сознанию. Он становился особенно властным, когда я изредка посещал родные места. Будто там его питала какая-то неземная энергия.

Как сейчас помню тот ласковый летний вечер, вроде бы обычный в череде тех дней, но незаметно изменивший всю мою жизнь. Солнце уже клонилось к горизонту, когда я возвращался на автомобиле из родной деревни в Уфу. Вот позади на косогоре осталось наше сельское кладбище, внизу, слева от дороги, текла Юрюзань, едва выбившаяся из тесных горных ущелий, а справа замелькали дома деревни Новые Каратавлы – выселка из нашего аула.

Покидая родину, обычно в этих местах мы мысленно прощались с ней: то ли оттого что здесь заканчивались земли нашего древнего рода, то ли причиной было исчезновение из вида нашей Юрюзани – она пряталась за скалы, и ее невозможно уже было разглядеть с дороги.

И в этот раз сказал я безмолвно родине своей: «Прощай, жди, Бог даст, свидимся!» Но внезапно заговорил в ответ тот самый голос крови: «Что ж, езжай в свою Уфу, поторопись – кабы не убежала она от тебя! Хорошо, видно, тебе там, даже ночевать не остаешься теперь на родине – приехал и уехал, будто чужой человек, командирочный! Только почему же тоска грызет тебя там временами?» – издевался и ехидничал он надо мной.

Мне стало не по себе, словно на кровавую мозоль наступили. «Действительно, я будто в командировку езжу на родину в последнее время, к родственникам не заглядываю, решу свои вопросы – и скорей домой, в Уфу, – ругнул я себя. – Даже мимо кладбища лихо проехал, не остановился, могилу бабушки Фатымы не проводал!»

Придорожный знак около деревни требовал лишь ограничить скорость, а голос крови продолжал роптать: «Остановись! Ведь и в Новых Каратавлах живут родные тебе люди!» Одолеп все-таки он меня, как сейчас говорят, «достал»: я притормозил и свернул в переулок, ведущий к деревенской улице.

С детства не бывал я в этой деревне. На смену почерневшим от времени и дождей послевоенным угрюмым избушкам сюда пришли просторные дома из кондовой сосны, улыбающиеся глазами белых окон в голубых ресницах резных наличников.

«К кому зайти? И что, просто напроситься на ночлег? – ругал я тот голос. – Скажи родне, что я приехал!» Некоторых родственников из этой деревни я знал лишь со слов бабушки Фатымы, а других видел один-два раза. Первых, должно быть, давно уже нет в живых, надежда оставалась на тех, с кем хотя бы коротко был знаком сам.

Год назад на районном сабантуе, проводимом обычно неподалеку от этой деревни, мой отец Шакир Казыханович Вахитов познакомил меня с нашим родственником Давлетом Абдрашитовым – колхозным пчеловодом, жившим в Новых Каратавлах. «Пчеловоды бедными не бывают», – подумал я и стал разыскивать его дом.

Когда я вошел в калитку его усадьбы, Давлет-агай распрягал лошадь. Он только что вернулся домой с пасеки. Русские в таких случаях говорят: «Незванный гость хуже татарина», но у башкир на этот счет другие традиции. Поздоровались, обнялись, похлопали друг друга по спине, и Давлет-агай пошел открывать ворота, чтобы я загнал машину во двор. Потом он представил меня своей жене, упомянув свое родство с моим отцом.

Деревня еще хранила традиции башкирской кухни. На большом блюде дымилась отварная конина, суп я заправлял коротом, вкус которого был уже давно забыт, с далекого детства. Гостя, как в старину, угощали медовухой, называемой *бал балы*. Мы пели песни и вели разговоры о родне, о жизни нашей малой родины, о пчелах, ставших профессией моего родственника. Благодаря беседе с Давлет-агаем, я вспомнил названия местных урочищ, многих трав, насекомых, мелких зверушек, ушедших из памяти вместе с детством.

В разговоре хозяйка пожаловалась, что Давлет-агай и дома на усадьбе развел пасеку, однако сам не смотрит за домашними пчелами, они на ее попечении. И тут он изрек знаковые слова. Может быть, и в нем заговорил голос крови.

– Если трудно тебе, то давай пару ульев подарим Радику в знак нашего близкого знакомства, – сказал он своей супруге. А потом обратился ко мне:

– У тебя есть дача? Ведь твой прадед Юмадил был знатным пчеловодом, во время Великой Отечественной войны в преклонном уже возрасте возглавил колхозную пасеку. Дед твой

Казыхан с бабушкой Фатимой тоже держали пчел. Перед войной их пасека была самой большой в деревне.

– Дача-то есть. Но смогу ли я сладить с пчелами? Правда, будучи подростком, мне приходилось гостить у брата моей мамы Дилавир-бабая, и он приучал меня работать с пчелами. Но давно это было, – ответил я.

– Ну! Да ты готовый пчеловод! – Давлет-агай не собирался менять свое решение. О подарке было сказано, и он, по нашим обычаям, должен был быть вручен.

– Ничего, привезешь ульи на свой участок, поставь подальше от дома и туалета, летки открой, а потом купи какую-нибудь книжку о пчеловодстве, читай и ухаживай за пчелами, – подвинул он свою идею.

– Легко у тебя все получается, а может, у них в семье аллергия к укусам пчел, да и соседи могут запротестовать, – предупредила его жена.

Но разговор перешел на другую тему, а потом мы подхватили песню, с которой шла по улице молодежь во главе с гармонистом, терзавшим свою гармонь...

Мне вспомнились слова Геродота из его «Истории» (V в. до н. э.): «Персы – большие любители вина. За вином они обычно обсуждают самые важные дела. Решение, принятое на таком совещании, на следующий день хозяин дома, где они находятся, еще раз предлагает на утверждение гостям уже в трезвом виде. Если они и трезвыми одобряют это решение, то выполняют».

Но мы не персы. Утром меня уже будил чей-то голос. Я вновь заподозрил было в нем голос крови, но, проснувшись, отчетливо услышал в свой адрес слова моего Давлет-агая.

– Гостя, конечно, не подобает рано будить, но ульи уже готовы, стоят около твоей машины. Мы их собрали в дорогу, а везти надо до полуденной жары, по холодку, так что садись пить чай – и в дорогу!

Вот так на моем дачном участке близ аула Кляш Чишминского района появилась первая пара ульев и в мою жизнь пришли пчелы. Потом пасека разрослась, стала давать товарный мед. Изучая жизнь пчелиной семьи, мне все больше хотелось узнать ее природную суть. Так я обратился к башкирскому бортничеству, а вот здесь уже начиналась история.

Оказалось, что борти упоминались башкирами во многих древних письменных источниках: шежере, заемных записях, договорах о припуске и продаже земли, жалобах и даже в протоколах допроса бунтовщиков. Это дало мне обилие

исходного материала и большое поле деятельности для размышлений.

Нашими соседями по даче были писатели. Одному из них, Булату Рафикову - известному писателю-историку, работавшему в то время главным редактором журнала «Агидель», - я и предложил свою первую статью по истории башкирского бортничества. Через несколько лет написал свою первую историческую книгу «Пчелы и люди». В ней я рассказал о древних охотниках за медом и бортниках средневековья, о колодных пасеках и зарождении пчеловодной науки на Урале, о развитии промышленного пчеловодства и современном бортничестве в заповеднике «Шульган-Таш».

Книга получилась весьма интересной. Я получил множество писем от пчеловодов и историков, в 1994 г. был приглашен на международный симпозиум «Традиционная этническая культура и народные знания», проводившийся Институтом этнологии и антропологии РАН при содействии ЮНЕСКО. В соавторстве с Р. Г. Кузеевым я сделал там доклад «Зарождение башкирского бортничества в процессе освоения среды обитания».

Так голос крови привел меня к древнейшему занятию моих сородичей - пчеловодству, бортничеству, а от него - к истории.

Моя специальность по профилю образования связана с инженерными науками и математикой. Поэтому и взгляд на историю у меня особый - «инженерно-математический». Кроме того, оказалось, что восстановление исторических событий - конечная задача любого историка, сродни решению некорректных математических задач, в которых исходные данные задаются приближенно, как и сообщения исторических первоисточников.

Как и в математике, решение необходимо искать в классе приближенных версий, чтобы постановка его в историческую панораму не выводила нас за пределы сведений из известных ранее источников и сообщений о смежных событиях.

Другими словами, историческую картину следует создавать на основе совокупности сведений и фактов, обязательно с учетом их взаимосвязей и приближенного, неточного характера. Здесь много общего с системным подходом, широко распространенным в конструировании технических устройств. А в исторических науках этот метод, к сожалению, применяется редко, за исключением, может быть, археологии. В истории царит еще до сих пор позитивизм - метод, при котором исследователи слепо следуют каждой букве древнего текста, не задумываясь над тем, что этот

текст содержит много неточностей, обусловленных обстоятельствами его написания.

Можно ли получить точное решение, если условия задачи заданы приближенно? Школьник уверенно ответит, что нет! А историки этим занимаются без тени всякого сомнения. Этнографы, например, описывая происхождение и развитие какого-либо этноса, как правило, отходят от объективного анализа всех известных фактов и их взаимосвязей. Здесь они отдают безусловное предпочтение только тем источникам, которые обнаружены ими лично. Сблaзн выставить на передний план свою находку столь велик, что мало кто задумывается над степенью приближения к истине. А факты, противоречащие своей концепции, просто выбрасываются из рассмотрения. Подобных случаев немало в башкирской истории, и ниже я намерен остановиться на некоторых из них.

Системный подход к воссозданию исторических панорам активно применял Лев Николаевич Гумилев, которого я считаю одним из своих учителей. Хотя я и не был с ним лично знаком, но на его трудах учился, многое от него перенял. Тем не менее с некоторыми его выводами и высказываниями, имеющими скорее патриотический характер, чем научный, я не могу согласиться. Но и винить его за это не стану. Мало кто свободен от таких недостатков, да и 13 лет сталинских лагерей не могли не отразиться на его сознании.

Кроме математической стороны моего подхода к изучению истории, следует остановиться и на инженерной части. Поскольку я начал свой путь в исторической науке с башкирского бортничества, естественно, меня заинтересовала конструкция гнезда для пчел, сделанного человеком в рукотворном дупле дерева. Это и называется «борт», или по-башкирски *солок*.

Чем отличаются башкирские борти от черемисских (марийских) или русских бортей? Как эти отличия в конструкции связаны с образом жизни того или иного народа? Как бортники поднимаются на дерево, какие используют приспособления? Какие инструменты необходимы для изготовления борти? Встречаются ли они среди находок археологов?

Выявление необходимого набора инструментов для делания борти и поиск этого набора в археологических памятниках позволили определить время и место возникновения башкирского бортничества. Для инженеров совершенно ясно, что изготовление самого инструмента и приспособлений для производства – необходимый и столь же трудоемкий процесс, как и получение

самой детали. Без инструмента, необходимых приспособлений, сырьевых и энергетических компонентов нет изделия, как в современном мире, так и в древности. К сожалению, традиции исторической науки далеки от понимания этой простой истины.

Найдут, например, археологи прекрасные украшения и посуду из золота и серебра, определяют по сопутствующим черепкам от глиняной посуды время захоронения и припишут авторство этих замечательных вещей каким-нибудь ранним кочевникам, скитающимся по степи в толпе своей первобытной общины. Археологи не задаются вопросами о наличии у этих кочевников необходимого инструмента, плавилен, кузниц, угля, руды.

Встречаются даже их статьи, где они вполне серьезно уверяют, что эти великолепные изделия, полученные из металла путем литья,ковки, резания, штамповки и волочения, можно изготовить в зимних стойбищах, на коленке, у очага с тлеющим кизяком. Это взгляд на историю, лишенный инженерного понимания. Убежден, будущее истории в широком участии в исследованиях инженеров, генетиков, зоологов, биологов, ботаников и других специалистов естественных и технических наук.

Исследование башкирского бортничества дало мне разрез всей башкирской истории. Как ни странно, наши историки не изучали бортничества. С одной стороны, для этого мало навыков историка, требуется еще и знание жизни пчелиной семьи, а с другой – была сочинена большая ложь, будто прародина башкир где-то в степях и полупустынях близ Аральского моря и, дескать, оттуда мои предки пришли на берега Юрюзани. Будто мы очередные пришельцы на уральской земле. Это делалось для того, чтобы убить в башкирах чувство родины, чувство хозяина на земле предков.

Но пришельцами на Урале были другие. Сначала татары, удмурты и мари бежали с Волги на Урал, боясь истребления от русского нашествия во времена Ивана Грозного. А затем сами русские люди, освободившись, наконец, от крепостного рабства, тысячами семей потекли на Урал в поисках плодородных земель. То была переселенческая эпопея. Однако русские люди, скупая за бесценок, а порой и просто захватывая, башкирские земли, не желали оставаться на положении пришельцев.

День за днем, год за годом, в течение многих десятилетий великорусские шовинисты создавали представления о величии своей нации. Они считали лишь себя полноценными гражданами Российской империи, остальные народы были людьми «ино» –

инородцами и иноверцами, которых они были вынуждены терпеть.

Соответственно, возвеличивалась русская история в ущерб прошлому малых народов. Поднимая, например, на пьедестал славы великого князя Александра Невского, никто даже не упоминал о том, что он был рожден кипчакской княжной, т. е. был наполовину тюрк по крови.

Великорусский шовинизм русских историков благополучно и без потерь перекочевал в империю под названием Советский Союз. Советские историки открыто возвели русский народ в положение «старшего брата», возвысив его над другими народами. Малым народам была уготована незавидная роль «младших братьев», которые, по словам их кумира Ф. Энгельса, якобы пребывали в темноте и дикости средневековья. Историческая же роль «старшего брата» в том и состоит, дескать, чтобы вытащить их оттуда. Представителей малых народов, бывших ранее инородцами, стали называть теперь также одним словом, а именно: «национал» – в смысле «нерусский», «неполноценный». Вот под эту коммунистическую идеологию, открыто перенявшую великорусский шовинизм, и была создана кочевническая концепция происхождения башкирского народа.

Ее создатели, написав множество работ на эту тему, так и не потрудились объяснить, как возникли традиции бортничества среди степных пастухов, разводящих баранов и другой рогатый скот. Или как башкиры научились играть на курае, который, как известно, в степи не растет. Эти противоречия просто оставили без внимания, как и многие башкирские историко-эпические произведения.

У каждого народа есть свои неотъемлемые характерные черты, без которых невозможно представить его историю. Для русского народа это православие, самодержавие и соборность, стремление решать наиболее важные вопросы, собравшись на собрание, вече, съезд. Так и башкир невозможно представить без пчел, знаменитого меда и курая. Если сюда добавить башкирскую лошадь, то получится полная визитная карточка башкирского народа. А нам пытались представить историю происхождения башкир в степях и полупустынях – без бортничества и курая, вычеркнув из памяти народа его эпосы, кубаиры, песни.

Кочевническая концепция происхождения башкирского народа умело переплетена с этническим составом башкир и по-другому называется еще и тюркской теорией. Этим также обосновывалось важное, но лживое утверждение, что тюркские народы – это

сплошь кочевники, зародившиеся в степях Центральной и Средней Азии. Альтернативой кочевнической концепции выставлялось не лесное, уральское происхождение башкир, а угорская, или мадьярская, теория происхождения башкирского народа. Этим достигалось и некое подобие наукообразия, состязательности мнений: дескать, вот есть наша, правильная, концепция, а вот и альтернативы, имеющие, естественно, много недостатков.

Но между строк читалось другое: хоть тюрки были предками башкир, хоть угры, только все равно – кочевники, и те и другие!

Декларируя в своих прежних книгах порочность кочевнической концепции происхождения башкирского народа, я считал себя обязанным написать и этот труд, обосновывающий лесное, уральское, происхождение башкир – народа, возникшего с самых древних времен, с каменного века.

Здесь подводится итог моим историческим исследованиям, описанным в книгах «Пчелы и люди», «Под крыло двуглавого орла» и «Шежере Салавата». Их небольшие тиражи сразу стали библиографической редкостью и породили многочисленные просьбы из разных регионов России и ближнего зарубежья о высылке этих книг. Учитывая это обстоятельство и взаимосвязанность исторического материала, я счел необходимым включить в своё новое сочинение и ряд ключевых глав из предыдущих книг, дополнив их и незначительно переработав.

Благодарю всех, кто высказал критические замечания по поводу моих исторических трудов – с добрыми намерениями и без таковых. Последние замечания я особенно ценю, ибо считаю, что именно им я обязан своею лучшею строкой!

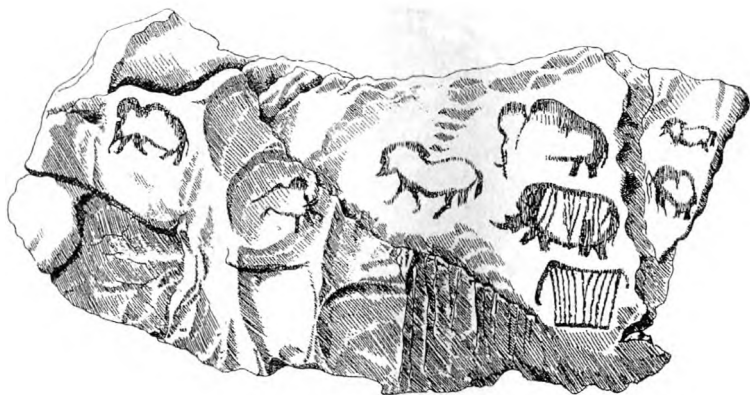
Глава 1

БАШКИРСКИЙ ЭПОС «УРАЛ-БАТЫР» О ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ УРАЛА

Люди на Урале жили с самых незапамятных времен. Охотники-неандертальцы появились на Южном Урале около 100 тысяч лет назад. Здешняя природа в ту пору представляла собой приледниково-лесостепь, по просторам которой бродили стада мамонтов и паслись табуны диких лошадей. В ореховых рощах можно было встретить шерстистого носорога, в дубравах хозяйничали кабаны, перерывая землю в поисках корма, а в горных пещерах устраивали свои логова пещерные львы, обитали медведи.

Охотиться на этих животных и защищаться от хищников можно было лишь сообща, поэтому неандертальцы жили большими группами – родовыми общинами и все состояли между собой в родстве: общими были и мужья, и жены, и дети. Пищу делили по принципу «кто успел, тот и съел».

Свои поселения древние люди устраивали по берегам рек и озер, занимались рыболовством, но их манили и пещеры. Ровный климат, незамерзающая и чистая вода привлекали первобытных людей. Они часто оборудовали в пещерах временные стоянки для отдыха, приготовления пищи или просто для того, чтобы переждать непогоду. А она, эта непогода, первой заставила людей задуматься о своей судьбе. Среди них появились поверья, связывающие между собой разные стороны их жизни: выпадение снега и удачу в охоте, крик совы близ селения и смерть близкого человека.

Восточная группа настенных красочных изображений в Зале рисунков на верхнем ярусе пещеры Шульганташ

Но часто случалось, что снег выпадал, а удачи в охоте долго не было, старые и больные сородичи умирали безо всякого крика совы. Люди стали верить в существование некоей сверхъестественной силы, управлявшей их судьбой. Вот в дальнем углу пещеры вдруг что-то завывало, поднялся вихрь, закруживший пыль, а затем сверкнула молния, ударил гром. Огонь, пролетевший по стволу дерева, росшего возле входа в пещеру, насмерть поразил соплеменника, бежавшего в пещеру, чтобы укрыться от дождя. Одни считали, что это сделал большой камень, лежащий в дальней части пещеры, другие представляли виновника в образе человека со множеством рук и ног, а третьи сваливали все на большую птицу, вылетевшую из пещеры при первых раскатах грома. Последних оказалось больше числом, и это племя стало оказывать птицам разные знаки внимания, подкармливать их остатками своей пищи, добываясь их благосклонности. Так эти люди стали верить в сверхъестественную силу той большой птицы, жившей по соседству с ними. Она стала их божеством.

Вера в бога возникла вместе с абстрактным мышлением, когда человек стал способен представлять что-то в своем уме, не видя этого перед глазами. Ему захотелось изобразить свое видение, рассказать своему богу о том, что он хочет получить от него. Это желание не покидало человека. И тогда он, получив красную охру и растворив ее в животном жире, нанес свои желания на скальные стены пещеры. Дошло ли это письмо до бога? Это знает лишь сам бог, а вот до нас оно дошло. По времени создания эти рисунки

называют палеолитической живописью — искусством, относящимся к эпохе палеолита, раннего каменного века.

Такая живопись найдена на стенах пещер Шульганташ (Каповой) в Бурзянском районе Республики Башкортостан и Ямазташ (Игнатьевской) недалеко от города Уфы, близ станции Аша в Челябинской области. Рисунки на стенах пещеры Шульганташ обнаружил в 1959 г. зоолог А. Рюмин. На стенах второго яруса, в 300 метрах от входа, изображены мамонты, лошади, носороги, предмет, похожий на корзину с ручками, а в задних залах первого яруса имеются рисунки геометрических фигур в виде квадратов, кубиков, треугольников.

Зачем эти рисунки здесь в труднодоступных, плохо освещенных местах пещеры? Почему люди рисовали тех животных, которых часто видели в природе? А корзина рядом с ними для чего?

Древние люди считали, что в этих дальних, самых темных углах пещеры живет какая-то сверхъестественная сила, великий дух, который управляет их жизнью. Временами там слышались какие-то завывания, или подземный ручей начинал вдруг бурлить, порождая при этом множество пузырей и брызг. Люди не могли найти объяснения, почему однажды охота бывает удачной и завершается убийством зверя, а в другой раз сами охотники становятся его жертвой. Это было лишь самое начало верований, связанных с жизнью и смертью, с жизненно важным процессом, позволяющим утолить наиболее частое и неприятное чувство голода, а пещера служила не только временным жилищем, но и являла собой природный первобытный храм.

Настенные пещерные рисунки древнего Урала, пройдя через всю историю человечества, сохранились в черед более чем 20 тысячелетий. Их и во всем мире известно совсем немного, всего несколько пещер имели такие росписи. Позже, уже в начале нашей эры, когда люди сами стали строить храмы, рисунки появились на рукотворных стенах, а также на специальных дощечках, называемых иконами. Появилась целая отрасль творений человека иконопись.

Мамонты исчезли с лица земли в последнепериод, около 15 тысяч лет назад. Значит, люди, их рисовавшие, обитали на Урале еще раньше. Вот они-то и были началом коренного населения края, нашими очень далекими предками. Эти люди и породили Уральскую цивилизацию, которая долгое время развивалась самостоятельно, без воздействия иных цивилизаций.

Конечно, первобытные люди жили не только в пещерах Шульганташ и Ямазыташ. Скалистые берега уральских рек богаты каменными пустотами, вымытыми водой. В них круглый год держится ровная температура, текут подземные ручьи чистой воды. Многие из этих пещер описаны учеными-путешественниками XVIII в. П. Палласом, И. Лепехиным, П. Рычковым и его сыном Н. Рычковым. Однако их археологическое исследование состоялось уже в наше время. Но археологи не проявляли к пещерам большого интереса, многие из них так и остались еще не изученными. Это, видимо, связано с трудностью проникновения в эти древние жилища, опасностью работы в них. Здесь, кроме знаний археолога, требуются еще и навыки спелеолога. Но, несмотря на это, некоторые пещеры обследованы достаточно тщательно.

С. Бибиков в 1948 – 1949 гг. обнаружил стоянки первобытных людей раннего каменного века в пещерах на реке Юрюзань: Ключевой, Бурановской, Гребневой и Усть-Катавской [1]. Надо же! Когда я родился и делал первые шаги по берегу родной Юрюзани, по близлежащим скалам, по пещерам лазил этот человек, собирая кости людей и зверей, разные заостренные камни, служившие нашим предкам оружием и орудиями труда. И вот теперь, спустя 60 лет, я изучаю его находки, словно иду за ним по пятам.

А С. Бибиков в этих пещерах обнаружил культурный слой – следы пребывания человека с останками животных, каменных орудий и прослойками древесного угля. Очень интересны останки древнего животного мира, современного людям, жившим в этих пещерах. Кто же обитал в них вместе с людьми или в их отсутствие? Каких зверей добывали на охоте мужчины и приносили сюда для того, чтобы накормить сородичей? По костям, найденным в пещере Ключевой, археологи определили следующих животных и птиц: копытные – шерстистый носорог, лошадь, зубр, олени северный и благородный, лось, косуля азиатская; хищники – пещерный лев, медведь, россомаха, куница, горноста́й, волк, лисица и песец; грызуны – бобр, заяц, пищуха, тушканчик большой, хомяк, водяная крыса, сурок, белка, суслик рыжеватый; насекомоядные – еж, крот; птицы – глухарь, тетерев-косач, белая куропатка, тундровая куропатка, сорока, ворона, ласточка, голубь, орел, пустельга, кулик, утка, гусь.

Исходя из обитания в долине Юрюзани северного оленя, песца и тундровой куропатки, можно сделать вывод о том, что климат на Южном Урале в эпоху палеолита был более холодным, чем

в настоящее время. Европейский ледник таял и уходил на север, но его влияние еще ощущалось. Большинство из упомянутых здесь животных и птиц нам известно, они живут и в наши дни. А вот те виды, которые исчезли с лица земли, представляют особый интерес. По костям, найденным в пещере, трудно представить их облик, но о некоторых из них, доживших до исторической эпохи, сохранились сведения.

Арабский путешественник Ибн Фадлан, побывавший на Волге в X в. нашей эры, следующим образом описал шерстистого носорога: «...животное, по величине меньшее, чем верблюд, но больше быка. Голова его – голова верблюда, а хвост его – хвост быка, тело его – тело мула, копыта его подобны копытам быка (парнокопытное. – *Р. В.*). У него посреди головы один толстый крупный рог. По мере того как он возвышается, он становится все тоньше, пока не сделается подобным наконечнику копья. Из рога некоторые имеют в длину от 5 локтей до 3 локтей, больше или меньше этого. Оно питается листьями деревьев халандж (возможно осины. – *Р. В.*), имеющими превосходную зелень. Когда оно увидит всадника, то направляется к нему, и если под ним рысак, то он спасается от него с трудом, а если оно догонит всадника, то оно хватается его своим рогом со спины его лошади, потом подбрасывает его своим рогом и не перестает делать таким образом, пока не убьет его. А лошади оно ничем не вредит, никоим образом и никоим способом. И они, люди, преследуют его в диких местах и лесах, чтобы убить его. А это делается так, что они влезают на высокие деревья, между которыми животное находится. Для этого собираются несколько стрелков с отравленными стрелами, когда оно окажется между ними, то стреляют в него, пока не изранят его и не убьют» [2].

Очевидно, что война людей с шерстистым носорогом закончилась не в пользу животного. Он был для древнего уральского населения лишь предметом охоты и, в конце концов, превращался в вожденную тушу мяса, которую разделявали и в корзинах изображенных на стенах пещеры Шульганташ, уносили в свое каменное жилище. Здесь мясо жарили на углях костра и устраивали большой праздник по случаю удачной охоты.

Из экзотических животных, кроме шерстистого носорога, необходимо отметить еще и пещерного льва. Это был знаковый зверь, уже тесно связанный с человеком. Как упоминалось выше, его кости были обнаружены С. Бибиковым в пещере Ключевой на Юрюзани, заселенной людьми в эпоху верхнего (раннего) палеолита.

В это время, 35 - 10 тысяч лет назад, кроманьонцы, предки современного человека, расселяются по всему Уралу до Полярного круга. У них появляются новые орудия из камня, а также копье-металки – деревянные приспособления наподобие современного крючка для вязания, только, конечно, больших размеров. Копье-металки позволили увеличить дальность полета копья, что дало возможность поражать зверя на большом расстоянии. Способы охоты стали более добычливыми.

Пещерный лев был хозяином каменного жилища. Его грозный рык отпугивал всякого, кто приближался к пещере. Он впускал туда лишь людей – они приносили свою охотничью добычу, разделывали здесь туши зверей, ели мясо, а остатки: моталыги, черепа и другие крупные кости – люди щедро бросали своим соседям, жившим в дальних темных уголках пещеры. Так постепенно, день за днем, люди приручили пещерных львов. Да и львами-то их называли скорее условно. Размерами они едва ли превосходили крупную собаку, только голос имели более грозный и громкий, который, отдаваясь эхом в глубине пещеры, производил устрашающее действие на непрошенных гостей. Дети, предоставленные самим себе в отсутствие родителей, смело посещали логово этих зверей, порой дружили с их детенышами, вместе росли. Всем известное повествование «Маугли» создавалось не на пустом месте. Да и в наши дни случалось, что дети вырастали в семье хищников. При этом они теряли страх перед зверьем, рычали и лаяли, наподобие их детенышей.

Так и первобытные пещерные дети, часто играя со львятами, уже их не боялись, баловались с ними, садились на них верхом, привязывали, чтобы те далеко не убежали. А звери, с детства привыкнув к обществу людей, потом верно им служили, так же, как сегодняшние собаки.

Обнаружение костей пещерного льва в каменных жилищах, заселенных людьми, говорит о чрезвычайно важном факте в истории древнего Урала. Дело в том, что лев, по-башкирски *арыслан*, неоднократно упоминается в башкирском эпосе «Урал-батыр». В части описания детства главных героев эпоса, братьев Урала и Шульгена, есть там и такие строчки [3. С. 111]:

На охоту не выезжали на коне,
Не брали в руки лука и стрел,
Держали как равных при себе
Льва – для езды верховой...

.....

Когда Шульгену [было] двенадцать,
Уралу исполнилось десять,
Один сказал: «На льва сяду!»,
Другой сказал: «Выпущу сокола!»

.....
Телом еще не окрепли вы;
Сукмар в руках держать,
Сокола на птицу выпускать,
На льва сесть верхом
Время ваше еще не пришло.

И далее:

Когда старость к тебе придет,
Сгорбишься, высохнешь ты,
Тогда не сможешь сесть на своего льва,
Не сможешь на охоту пойти,
Не сможешь сокола выпускать,
Еды им не сможешь достать;
И лев твой, и собака твоя,
И сокол, и пиявки твои –
Все станут голодать,
Кровью нальются их глаза,
Когда, изголодавшись, твой лев
Разъярится на привязи своей,
В ярости бросится на тебя
И согнет тебя пополам
Да на куски тебя разорвет –
Что станет с тобою тогда? [З. С. 116]

Как видим, в эпосе «Урал-батыр» лев представлен как домашнее животное. На нем ездят верхом дети, его привязывают. В башкирском языке у слова *арыслан* – «лев» есть и производные: *арс*, означающее внезапный, грозный, злобливый лай собаки; *арс-арс* – повторный такой лай; *арсылдау* – неистовый злобный лай. С эпосом созвучна и пословица: *Арысланға атланһаң, камсын кылыс булһын*, что означает: «Если сядешь верхом на льва, то пусть плетка твоя саблей будет». Неужели действительно ездили верхом на пещерных львах?

Башкирский эпос «Урал-батыр» – священное сказание тенгрианства, или тенгризма, как говорят в Европе. Это древняя природная религия, зародившаяся на Урале еще в каменном веке и получившая распространение среди прототюркских и тюркских народов. Конечно, как и любое другое священное сказание или писание, этот эпос построен на мифических мотивах. Но не сюже-

ты здесь важны, а само упоминание льва. Значит, башкирский эпос «Урал-батыр» начал слагаться в среде предков древних башкир в эпоху верхнего палеолита, в раннем каменном веке, 35 – 10 тысяч лет назад, когда жили еще на Урале пещерные львы. Это подтверждают и другие начальные строки кубаира. [3. С. 114]:

Добыв много дичи, с охоты
Вернулись отец и мать, говорят,
По обычаю все вместе
Сели за трапезу вчетвером,
Всю дичь они разодрали,
К еде приступили...

Дичь тогда просто раздирали на части, не готовили на огне, а ели в сыром виде. Мы датировали начало сложения эпоса «Урал-батыр» путем сопоставления текста с находками археологов – обнаружением костей пещерного льва в пещерах, населенных человеком в верхнем палеолите, т. е. раннем каменном веке. Действительно, в пещерах, заселенных в более позднее время – в эпоху неолита, позднего каменного века, костей пещерного льва археологи уже не находят. Тот же С. Бибилов, исследуя неолитические стоянки древних людей там же, в долине реки Юрюзани, в Бурановской пещере и у Старичного гребня, выявил лишь останки животных, сохранившихся до нашего времени: лошади, лося, косули, бурого медведя, лисицы, куницы, хорька, зайца, пищухи, хомяка, водяной крысы, бобра, сурка, суслика [4]. В эпоху неолита пещерного льва уже не было на Южном Урале.

Подтверждением столь раннего сложения начальной части эпоса «Урал-батыр» является и описание в ней самой ранней поры человеческого общества: люди еще не применяют огонь для приготовления пищи, питаются сырым мясом, пьют кровь, живут лишь охотой на диких зверей и рыболовством, с ними нет еще привычных нам домашних животных, а также глиняной посуды. Так, отец семейства Янбирде наставлял своих сыновей-подростков [3. С. 112]:

Жажда одолеет в игре –
Чистую воду пейте,
В ракушки налитую кровь
Пробовать не смейте!

Как известно, глиняная посуда появилась на Урале в эпоху неолита – в новокаменном веке (V – IV тысячелетия до н. э.),

а до этого, как видим, в качестве посуды люди использовали ракушки.

Есть в начале эпоса «Урал-батыр» и упоминание об орудиях труда и оружии древних людей, хотя теперь уже смело можно говорить и писать о предках древних башкир, ведь эпос-то башкирский [3. С. 115]:

Красивое было деревцо!
Словно младенец, сосущий грудь,
Корни свои распластав,
Оно высасывало влагу из земли.
Когда ж, от родного корня оторвав,
От сучьев и веток очистили его,
Стало, как каменный твой молоток,
Как сокол, что пускают на птиц,
Как щука, что ловит рыб,
Как пиявка, что кровь сосет,
Как собака, с которой охотятся на дичь, –
Разве не стало дубиной оно?

Речь здесь идет о каменном молотке и деревянной дубине, с которой охотились на волков, косуль и других зверей, за исключением самых крупных, например медведя.

Мифы здесь переплетаются с исторической реальностью. Да, мы знаем палеолитическую живопись на стенах наших пещер, нам известны каменные орудия, другие безмолвные свидетели того времени. Они вроде бы безымянны, но башкирский эпос «Урал-батыр» рассказывает нам о жизни в каменном веке башкирским языком! Народ, его создавший, известен – это предки башкирского народа! Значит, сам башкирский народ консолидировался и имел свой язык уже в каменном веке. Не просто имел язык, но и создавал литературно-исторические произведения! При внимательном чтении эпос «Урал-батыр» – это начало истории башкирского народа, созданной самим народом на башкирском языке.

Первоначально эпос «Урал-батыр» был записан Мухаметшой Бурангуловым в 1910 г. от сэсэнов Габита Аргынбаева (1856 – 1921) и Хамита Альмухаметова (1861 – 1921). В 2010 г. исполняется 100 лет со времени записи этого эпоса. Габит-сэсэн обучился своему искусству у известного сэсэна Ишмухаметамы Мырзакаева, который перенял исполнительское мастерство и тексты эпосов от Байк-сэсэна.

Башкирские сэсэны в полной мере разделили судьбу своего народа. Многие башкирские эпосы записаны от исполнителей

одним человеком – Мухаметшой Бурангуловым, сельским учителем. За свои деяния он четырежды арестовывался, а в 1950 г. был осужден Особым совещанием НКВД на 10 лет, из них 6 лет отсидел и лишь в 1956 г. был освобожден. Полностью реабилитирован Верховным судом БАССР в 1959 г. Тогда же ему вернули звание народного сэсэн Башкортостана.

И после освобождения М. Бурангулову не давали работать. Он обращался в партийные органы, но там по-прежнему разговаривали с ним сквозь зубы, будто Бурангулов так и оставался «врагом народа», а решение суда о реабилитации – какая-то нелепая ошибка, с которой нужно смириться. И все!

Почему же так относились к простому учителю? Да, он писал еще и пьесы, которые шли на сценах театров, но они не касались политики. Дошло до абсурда: пьеса М. Бурангулова «Идукай и Мурадым» с успехом шла в театре в 1940 г., получила одобрение «Литературной газеты», а в 1950 г. за эту пьесу он был обвинен в национализме и приговорен к 10 годам лагерей. Значит, не в пьесе было дело, это был лишь повод. Тогда в чем же?

Очевидно, в тех эпосах, которые М. Бурангулов записал от сээнов. Его записи постарались уничтожить во время заключения под стражу. Его жену выселили из квартиры, а бумаги сожгли. При этом пропали оригиналы записанных эпосов в рукописной форме. В архивах сохранились лишь машинописные, отредактированные варианты. Идеологи коммунизма прилагали немало сил, чтобы внушить башкирам, что они были темным народом, кочевниками, что у них до Октябрьской революции вообще никакой литературы не было, а вся их история – это сплошь классовая борьба бедных против богатых.

Эпосы же рассказывали совсем другое. Это мешало тем, кто принял идеологические установки и начал творить по заказу коммунистической партии. Отправив М. Бурангулова в «места не столь отдаленные» и похоронив его труды в архивах, они развязали себе руки. Все те, кто травил ученого, достигли потом государственного признания, почета, званий и наград. Стали классиками башкирской литературы и истории. Поэтому и после освобождения, реабилитации М. Бурангулову не было жизни в литературе.

Исполнители же эпосов Габит-сэсэн и Хамит-сэсэн умерли от голода в трагичном 1921 г., когда ленинская продразверстка вымела из деревень последние зерна хлеба. Ишмухамет-сэсэн (1781 – 1878), как и многие его современники, большую часть своей жизни провел на военной службе, был кураистом при

начальнике 9-го Башкирского кантона Кагармане Куватове, а также при генерал-губернаторе Оренбургской губернии В. А. Перовском.

Башкиры с берегов Юрюзани по праву гордятся своим земляком сэсэном Байк Айдаром (1710 – 1814), родившимся в деревне Махмут. Он сын известного тархана Байназара, участвовал в Национально-освободительной войне башкирского народа 1735 – 1740 гг. и в восстании 1755 – 1756 гг. Бежав от казни в казахские степи, поднимал башкир на Национально-освободительную войну 1773 – 1775 гг., был идейным вдохновителем Салавата Юлаева и его соратников. С началом Отечественной войны 1812 г., несмотря на свои 102 года, песнями и стихами напутствовал башкирских воинов на защиту России от нашествия войск Наполеона. Вернувшихся победителей встречал песней, названной впоследствии его именем – «Байк».

К сожалению, из сотен, а может быть, и из тысяч сэсэнов, через умы и сердца которых дошли до нас древние эпосы, мы знаем только эти имена.

Башкирский эпос «Урал-батыр» – самое древнее произведение мировой литературы, начавшее складываться в раннем каменном веке в недрах первобытно-общинного строя и дошедшее до наших дней! У него нет аналогов!

Эпос «Урал-батыр» можно считать и священным сказанием, и мифическим произведением. Профессор А. Сулейманов в своей вводной статье [3. С. 107] «Жизнеутверждающий памятник башкирской культуры» пишет: «Миф – не только украшение его, но и основа, и материал. Произведение сквозь мифологическую призму описывает возникновение новой жизни человечества после двух пережитых им всемирных потоков, рассказывает о новом расселении людей, о переходе от охоты к скотоводству, о завоевании жизненного пространства, о борьбе с темными силами».

Автор вышеприведенных строк – филолог. Он и другие филологи, в силу интересов своей специальности, видят в «Урал-батыре» прежде всего мифическую основу, находят здесь сходства с сюжетами мифов других народов. Некоторые исследователи на этом сходстве усматривают генетическое родство между народами [5].

Да, с точки зрения применения сюжетных линий, «Урал-батыр» построен на мифической основе, но материал-то при этом взят исторический. Иначе и быть не может – мифы рождаются на грешной земле, в умах людей, а их познания идут из прошлой жизни. Если математика – самая точная наука, то история – самая древняя. Каркас «Урал-батыра» мифический, но заполнен он

сугубо историческими деталями. Этим он схож с другими священными писаниями и сказаниями, например с Библией. Ведь и в Библии наряду с мифами – такими как всемирный потоп, чудесное спасение Ноя и других его спутников, присутствуют и вполне реальные исторические события и личности, как, например, восстановление иудейского храма с разрешения персидского царя Кира, поддержка этого строительства царем Дарием, другим правителем Персидской державы.

Различие лишь в том, что писание Библии, собрание книг Ветхого и Нового Завета было начато в XIII в. (II тысячелетие до н. э.), а истоки «Урал-батыра» уходят в ранний каменный век, имевший место 35 – 10 тысяч лет назад. Кроме того, Библия действительно письменный источник, а «Урал-батыр» создавался как произведение устного народного творчества и передавался из поколения в поколение.

Вот уж парадокс! Такой вроде бы несовершенный носитель информации, как человеческая память, оказался столь долговечным, что прошел через десятки тысяч лет! С этой точки зрения, башкирский эпос «Урал-батыр» представляет собой историческую громаду, которой нет равных в мире. До нас дошло повествование о жизни первобытных людей, составленное тогда же – в раннем каменном веке. Они сами, эти первобытные люди, рассказывают нам о том, как охотились на зверей, как раздирали дичь на куски и ели мясо в сыром виде, пили кровь, пользуясь в качестве посуды ракушками, о своих каменных молотках и деревянных дубинах.

Ничего подобного не найти ни на египетских папирусах, ни на глиняных пластинах из древнего Шумера. Эпос «Урал-батыр» оказался самым древним на сегодняшний день носителем исторической информации. Даже археология блекнет перед ним. Археологи исписали тысячи томов, сопоставляя глиняные горшки, орнаменты на них, пытаясь установить родство между различными народами. Но они ни единым словом не обмолвились о том, как люди пили и переносили воду до появления глиняной посуды. Эпос «Урал-батыр» рассказывает, что для этих целей первобытный человек пользовался ракушками, так как жил обычно на берегах больших и малых рек. И позже, когда появилась глиняная посуда, люди не забыли ракушку – ее разбивали, дробили, толкли и получившийся песок добавляли в глиняное тесто, предназначенное для изготовления горшков и других сосудов. Эта преимущество, выявленная археологами, – еще одно подтверждение правдивости древних авторов.

Во второй части эпоса рассказывается о возникновении верований древних башкир. Здесь излагается основная идея тенгрианства – вера в бессмертие, в «жизнь» в потустороннем мире. Герои эпоса – братья Шульген и Урал пытаются найти и убить саму Смерть, ищут дорогу к Живому Роднику. А первым персонажем верований предков древних башкир стала девушка-лебедь, звали ее Хумай. Ее «родила» Кояш-Солнце от царя птиц Самрау, и первый религиозный миф рассказала людям она, пойманная ими девушка-лебедь:

Полетела я мир повидать,
Не земная птица я,
У меня есть своя страна,
Я не безродная сирота.
Когда на земле не было никого,
Никто по ней еще не ступал,
[Мой отец] пару себе искал,
Но на земле никого себе не нашел,
Выбрать же из другого рода
Равную себе не смог,
Полетел в небо любимую искать,
Загляделся на Солнце и Луну...

Так с обожествления птиц, особенно лебедей, с их царя Самрау, его дочери Хумай, родства их с Солнцем и Луной, еще в каменном веке в среде предков древних башкир началось развитие тенгрианства (тенгризма). Эта религия сложилась здесь, на Урале, и эпос «Урал-батыр» последовательно рассказывает о развитии этого верования.

В эпосе мифы чередуются с историей. Конечно, в тексте нет конкретных дат, но образные исторические метки имеются. По ним можно установить хронологию событий или, по крайней мере, определить эпоху, в которую они происходили. Переход от каменного века к выплавке металлов, к меди и изготовлению из нее изделий отмечен следующими строками:

Урал с Шульгеном вдвоем,
Считая годы, месяцы, дни и ночи,
Горы переваливали, реки переходили,
Ехали через темные леса,
Ехали вперед, говорят.
И однажды, когда ехали так,
У берега какой-то реки,
Под деревом большим
Возле медного сундука

Седобородого старца
С длинной палкой в руке
Встретили они, говорят...

Берег какой-то реки, медный сундук, старец с длинной палкой странника в руке – это знаковые слова. Медный сундук – это изделие из меди. Оно означает начало эпохи энсолита, III – начало II тысячелетия до н. э. (*азне* – «медный», *литос* – «камень», т. е. медно-каменный век). Берег какой-то реки – эти слова пока запомним, а сейчас займемся старцем, тем более что он указал братьям Уралу и Шульгсуну на символический перекресток двух дорог. Одна из этих дорог вела в сказочную, райскую страну, которой правил царь птиц Самрау, отец царевны-лебеди Хумай, а другая – в страну царя Катила.

Рай – он и есть рай: блаженство, мир и любовь царят там, но до него простым смертным не дойти. А вот другая страна, возглавляемая царем Катилом, что же она собой представляла? Эпос рассказывает об этом:

Направо пойдете – на всем пути
Плач и стенания ночи напролет.
То жестокостью прославленная
Падишаха Катила страна.
От падишаха и его приближенных
Горе и страдания терпят там,
Кровавые слезы льют,
Там горы человеческих костей,
Вся земля кровью залита.

Символические слова: «Вся земля кровью залита» понятны, они обозначают жестокость. А вот что скрывается за строкой: «Там горы человеческих костей»? Той же жестокостью эти слова не объяснить, здесь скорее речь идет о непогребенных останках людей. Чем это вызвано? Большим сражением, эпидемией, голодомором или какими-то иными причинами?

После сражений, эпидемий или голодомора останки людей не складывают в «горы», рано или поздно хоронят. А здесь кости убирали, складывали, но не предавали земле. Можно предположить, что речь идет о каком-то необычном погребальном обряде, связанным с нетрадиционным вероисповеданием.

Другая вера – иной народ. Что за люди населяли страну царя Катила? Откуда они взялись? Взглянем на «Атлас археологии Республики Башкортостан» [6]. В начале II тысячелетия до н. э. на

Урал и в Поволжье в поисках сырья для выплавки бронзы переселились скотоводческие племена индоевропейцев. В археологической науке уральские и поволжские индоевропейцы известны как носители абашевской культуры, названной так по первому ее памятнику возле села Абашево в Чувашии.

Археологи так и не пришли к единому мнению по поводу того, откуда явились на Урал и в Поволжье эти индоевропейцы. Собственно, вопрос о прародине индоевропейцев до сих пор считается загадкой мировой истории, несмотря на то, что индоевропейцы дали начало греческой, римской, германской, славянской и в определенной мере индийской культурам.

Загадка – загадкой, но все же попробуем и мы приоткрыть завесу над этой тайной, ведь очень часто историки «тень наводят на плетень», создают проблему там, где ее нет. Культур, родственных абашевской, археологи в ближайшей округе не обнаружили, хотя, надо отметить, искали весьма упорно. Вывод напрашивается сам собой – они пришли издалека. Но кого и как искать в этом «далеке»?

История – дисциплина гуманитарная, но археологи часто обращаются к услугам наук естественных, в которых все измеряется: в метрах, граммах, амперах, ньютонах и т. д. Очень близка к археологии наука антропология, изучающая строение скелетов представителей разных народов. Мне кажется, что антрополог – это археолог, в одной руке у которого череп, извлеченный из погребения, а в другой – линейка или штангенциркуль. К счастью, черепа абашевцев дошли до лабораторий антропологов, попав на стол не к кому-нибудь, а к большому авторитету в этой области М. М. Герасимову. Он произвел детальный анализ абашевских останков и установил, что большинство черепов относится к пришлому европеоидному средиземноморскому типу. Направление поиска определилось – это Средиземноморье, «колыбель человечества».

Но генетическое родство должно было породить и сходство культур. Есть ли оно? Археологи в таких случаях ищут совпадения в форме керамических сосудов и орнаменте, наносимом на них. Здесь на это рассчитывать не приходится. Очень далеко ушли индоевропейцы от своей прародины, сменилось несколько поколений женщин, создающих эту керамику, причем много женщин было взято в пути от других народов. Как менялись женские лица, так преобразовывался и орнамент на сосудах, которые они делали.

Самым консервативным элементом культуры считается погребальный обряд. Обустройство могилы сохраняется в народе века-

ми, оставаясь постоянным до смены религии. Абашевцы на Урале обкладывали могилы каменными плитами, перекрывали их такими же плитами или деревом.

А теперь перенесемся в самый центр Эгейского моря, туда, где раскинулись небольшие острова, образующие некое подобие круга. Отсюда их греческое название Киклады («круговые»). На этих островах раскопаны поселения и могильники конца III тысячелетия до н. э. В них обнаружены погребения, имеющие форму ящика, образованного тонкими каменными плитами, представляющие собой как бы встроенный в землю саркофаг. Но эти острова не могли быть прародиной абашевцев – ничто в их культуре не напоминало о связях с морской стихией. Однако жители островов и абашевцы вполне могли быть из одного корня. Тогда возникает вопрос – откуда переселились люди на острова Киклады? Возможно, там и есть прародина индоевропейцев-абашевцев?

Действительно, в конце III тысячелетия до н. э. на острова и материковое побережье Эгейского моря переселяются греки-ахейцы из Придунавья и причерноморских степей. Не знаю, есть ли на земном шаре место более благоприятное для скотоводства, чем причерноморские степи. Здесь теплый и мягкий климат, пастбищный период длится почти круглый год. Не удивительно, что именно здесь бурно развивалось скотоводство. Места в степи хватало всем, так почему же вдруг степняки-скотоводы, как волны от брошенного в воду камня, побежали в разные стороны? Одни подались на острова, другие рванулись на запад и стали известны как латиняне, а третьи вдруг двинулись на холодный север. Что породило эту волну переселения?

Человечество познало металл! Пока это были медь и бронза, но и они давали владельцам огромное преимущество перед другими племенами. Более производительными становились орудия труда, более грозным – оружие. Началась бронзовая лихорадка, подобная той, что позже охватывала людей при поисках золота.

На Урале индоевропейцы сами себя называли арами, *ар* – от ахейско-греческого, возможно причерноморского, *эор* – «мужчина». Поясню происхождение этого слова. Скифы, кочевники причерноморских степей, называли амазонок *эорпата*, что по-эллиниски означает «мужеубийцы» (*эор* – «муж», *пата* – «убивать»).

Народы Причерноморья, в частности скифы, именовали индоевропейцев гиперборейями, а Уральские горы – Гиперборейскими. Эти народы в течение многих веков поддерживали связь со своими северными сородичами. Они знали северян, бывали у них, обменивались посольствами и подарками. Поэтому скифы сообщали

много интересных сведений греческому историку Геродоту о северных народах, были его основными информаторами.

Греки называли индоевропейцев-арисв аримаспами, также проявляли к ним большой интерес. Их древний поэт-путешественник Аристей совершил поездку к аримаспам и написал о них поэму. В своих мифах греки назначили северным сородичам бога Аполлона, придав ему тотем, черного ворона, – священную птицу ариев. Не забудем и то, что вместе с ариями на холодный Урал пришла и свинья, столь любимая греками.

Уральские арии свои медные изделия после отливки дополнительно проковывали. Так же обрабатывали медные орудия и на берегах Эгейского моря. Их литейный процесс был столь же несовершенен. При отливке не достигалась необходимая форма изделия. Уральские арии и греки-ахейцы владели одним и тем же процессом металлообработки.

Да и в трудах археологов нет-нет да и мелькают упоминания о наличии у ариев-абашевцев, живших на Урале, то костяных псаллий – элементов конских удил, аналогичных подобным из шахтных городищ Микен, то ножа киммерийского типа. Микены – город Эгейской цивилизации, известный по древнегреческому поэту Гомеру как «златообильные Микены». Киммерийцы также народ из Эгейского мира.

Арии, расселяясь по Уралу и Поволжью, строили свои жилища так же, как и индоевропейцы на берегах Эгейского моря, располагая помещения по одной оси. В средней части их селища располагался зал с большим центральным очагом под отверстием в кровле, поддерживаемой опорными столбами. Здесь выплавлялся металл из привозной руды и ковались медные изделия. В этом же помещении лепилась глиняная посуда. Нередко капли металла попадали в глину и выявляли этим соседство мужского и женского ремесел.

К залу с одной стороны примыкало жилое помещение с несколькими очагами, колодцем и хозяйственными ямами. Здесь устраивались нары-лежанки. С другой стороны к залу пристраивалось помещение для содержания скота. Все помещения сообщались между собой, из одного можно было легко попасть в другое. Таким было, например, поселение ариев-абашевцев Береговское I при впадении реки Нугуш в Белую.

По такому же принципу строились греками дворцы на островах Пелопоннес, Тиринф, Пилос и на материковой территории. В этом плане типичен Пилосский дворец. Его обитателем мифы называют Нестора, отличавшегося необычайным долголетием и мудростью.

Главные дворцовые помещения располагались на одной оси и составляли прямоугольный комплекс. Большой зал с очагом в центре и круглым отверстием в кровле, поддерживаемой колоннами, греки называли мегароном. Через два примыкающих к мегарону коридора можно было пройти в жилые комнаты и многочисленные подсобные помещения, где хранились запасы продуктов питания, вина, воды.

Как видим, основные идеи построения своих селищ ариабашевцы унесли со своей прародины. Пусть на Урале они строили совсем не дворцы (численность народа была маловата), но основные национальные традиции строительства все-таки соблюдались.

Вопросы происхождения ариев-индоевропейцев, определения их прародины весьма сложны и объемны. Здесь лишь кратко приведены мои соображения по этому поводу. Некоторые другие сведения, подтверждающие причерноморское происхождение ариев-абашевцев, еще встретятся на страницах этой книги.

В Библии индоевропейцы представлены как потомки Иафета, одного из сыновей Ноя, спасшегося вместе с семейством от всемирного потопа на своем ковчеге. Греки-ахейцы и ионийцы, по Библии, считаются потомками Иавана, сына Иафета, а северные, уральские, индоевропейцы восходят, по-видимому, к Рифату, внуку Иафета. Об этом говорит распространенность на Урале мужских имен Риф, Рифат, Рифкат, а также еще одно, библейское, название Уральских гор – Рифейские горы. Семитские же народы, потомки Сима, другого сына Ноя, – иудеи, христиане, арабы считали северян потомками Гога и Магога, сыновей Иафета, олицетворяющих собой силы зла, идущие с севера.

Мы отвлеклись от Урала, от страны царя Катилы, где, по эпосу «Урал-батыр», земля была покрыта «горами человеческих костей», предположив, что в этой стране имел место какой-то необычный погребальный обряд. Если уж мы дошли до семитских народов, до сынов Израилевых – иудеев, то будет весьма целесообразно полистать их Библию и поискать в ней упоминание о погребальном обряде ариев. Всякое необычное, как правило, обращает на себя внимание. Действительно, в Книге пророка Иезеркиля сказано: «...говорит Господь Бог: вот Я – на тебя Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала (сыновья Иафета. – *Р. В.*)! И поверну тебя и поведу тебя, и выведу тебя от краев севера и приведу тебя на горы Израилевы... Падешь ты на горах Израилевых, ты и все полки твои, и народы, которые с тобой; отдам тебя на съедение всякого рода хищным птицам и зверям полевым...»

Библия написана своеобразным языком. Если речь идет о намерениях Бога, то следует понимать, что это уже случилось. У Бога намерения неисполненными не остаются. Значит арии – потомки Иафета, ко времени написания Библии уже ходили войной на иудеев, и с помощью Бога иудеи побили ариев, а Господь Бог отдал тела врагов на съедение птицам и хищным зверям. Это не что иное, как искомый нами своеобразный похоронный обряд ариев. Действительно, далее в Библии: «И дом Израилев семь месяцев будет хоронить их, чтобы очистить землю... и назначат людей, которые постоянно обходили бы землю и с помощью прохожих погребали бы оставшихся на поверхности земли для очищения ее, по прошествии семи месяцев они начнут делать поиски. И когда кто из обходящих увидит кость человеческую, то поставит возле нее знак, доколе погребатели не похоронят ее в долине полчища Гогова».

Отметим, однако, что здесь шило вылезло из мешка. Хоть Библия и утверждает, что иудеи с помощью их Бога разбили ариев, но победители не стали бы исполнять чужой погребальный обряд, очищая свою землю, и семь месяцев терпеть на своей территории разлагающиеся трупы. Значит, иудеи потерпели поражение в той войне и оказались под властью ариев, заставивших их исполнить свои традиции. Но не будем судить строго иудеев, многие приукрашают свою историю, особенно в части обращения поражений в победы. Как бы то ни было, мы получили из Библии описание столь загадочного и необычного погребального обряда. Отметим, что это описание не реконструировано кем-то из археологов, а записано очевидцами или с их слов. Такой обряд был исполнен на чужой земле, врагами, под принуждением. Надо полагать, что в повседневной жизни он был несколько иным.

После смерти ария выкапывалась могила, а тело выставляли в безлюдном месте и там его объедали птицы, собаки или хищные звери. До семи месяцев трупы лежали непогребенными. Звери и собаки расчленили тела. По прошествии указанного срока родственники начинали искать останки. Найденные и опознанные кости предавались земле. Но, видимо, много останков оставалось ненайденными, неопознанными, и назначенные общиной люди сгребали их в кучи.

Археолог В. С. Горбунов, главный исследователь уральской абашевской культуры, раскопавший немало поселений могильников ариев, отметил [7], что целые, неразделенные костяки на приуральских памятниках – большая редкость. В погребениях абашевцев чаще всего находили разрозненные кости (57 %),

а более трети могил (37 %) вообще не содержали никаких останков, оказались засыпанными пустыми. Здесь приведены данные по большому некрополю около деревни Ст. Ябалаклы в Чишминском районе Республики Башкортостан.

Поначалу это рассматривалось многими археологами как результат ограбления погребений, однако В. С. Горбунов доказал, что таким был ритуал абашевцев.

Большое количество могил ариев, засыпанных пустыми, говорит о том, что кости покойников остались непогребенными, лежали где-то на поверхности земли. Это и были те самые «горы человеческих костей» в стране царя Катилы, описанной в башкирском эпосе «Урал-батыр».

Совместное проживание арийцев и древних башкир было отмечено археологами. Так К. В. Сальников, один из первых исследователей абашевской культуры на Урале, писал: «Что касается башкирского района абашевской культуры, то, несмотря на слабую изученность памятников первой половины II тысячелетия до н. э., на этой территории с каждым годом умножаются доказательства, что здесь обитали племена, родственные энеолитическому населению Прикамья и Зауралья. На это указывает тип керамики со стоянок на реке Уфе, исследованных Л. Крижевской, на реке Белой, изученных Г. Матюшиным, на реке Дема, открытых у города Давлеканово Г. Матвеевой».

Он отмечал также, что на могильниках арийцев встречались захоронения и местных аборигенов по их обряду, что свидетельствует о достаточно мирных отношениях. Сходными были также и технологические процессы металлургии, ведь и те и другие изготавливали, по сути, медные изделия. Для получения бронзы им не хватало олова. Арийцы по образцу местного населения делали металлические ножи и наконечники копий. Конечно, археологи вели речь о местном аборигенном населении, не уточняя его этническую принадлежность. Башкирский эпос «Урал-батыр» они во внимание не принимали.

К. В. Сальников, относя Мало-Кызыльское селище, расположенное в Зауралье, к абашевской культуре, все-таки признавал, что в форме и орнаменте керамических сосудов этого памятника большую роль играли элементы, идущие из среды местного уральского населения. Керамика явственно делилась на две группы: местную и абашевскую. На восточном склоне Уральских гор арийцы оказались в гуще местного населения.

Здесь результаты работы археологов, сведения из Библии и строки из башкирского эпоса «Урал-батыр» говорят об одном и

том же, бьют в одну точку: в начале II тысячелетия до н. э. по соседству с предками древних башкир жили скотоводческие племена ариев-индоевропейцев. Это и была страна царя Катила, описанная в эпосе «Урал-батыр». И какие же обычаи царили в этой стране?

Вспомним: Урал-батыр, отправившийся указанной старцем дорогой, добрался до площади, расположенной напротив царского дворца. Отметим, что царский дворец – это минойско-микенская традиция того времени. Начало II тысячелетия до н. э. в истории Эгейского мира так и называется – стародворцовым периодом. Около дворца Урал-батыр увидел толпы разных родов, группы голых молодых людей, парней и девушек, их отцов и матерей, рыдающих от горя. Он спросил у людей, стоявших с ним рядом: «Что же здесь происходит?» Из толпы вышел старик и объяснил ему:

В нашей стране падишах есть,
Среди приближенных туре (вельможа) есть,
Среди [вот] этой толпы
Люди из разных родов есть.
В день рождения падишаха каждый год
В честь его матери и отца,
В честь колодца, из которого брали воду,
Чтоб новорожденного падишаха омыть,
От каждого рода ежегодно
Существует обычай жертвы приносить.
На знамени падишаха
Птица – черный ворон – [изображена].
Раз в году бывает день,
Когда кормят этих птиц.
Вон, егет, видишь их?
Встречал ли ты этих птиц?
Прилетели на гору, сели они,
Учуяли, что пища будет им.
Когда девушек в колодец бросят,
Когда девушки умрут,
Когда выгнать их всех,
Воронам [на съедение] швырнут,
Они тут же их склюют.
Вот эти связанные егеты
Приведены из всех родов.
Дочь падишаха каждый год
Себе выбирает одного;
После нее сам падишах
Рабов отбирает для дворца;

А оставшихся [людей]
В жертву приносят Тенгри.

Обычаи и ритуалы, совершаемые падишахом, напрямую восходят к канонам древнеарийской религии, к вере в бога Диве и его дочь-супругу Дивию. Эта религия пришла на Урал с берегов Средиземного моря вместе с ариями-индоевропейцами. Не случайно в эпосе речь идет о царе Катиле, живущем со своей дочерью, и нет ни слова о его супруге. Да и Урал-батыр называет падишаха кровожадным людоедом-дивом.

Черный ворон, исполнявший главную роль в погребальном обряде арийцев, был для них священной птицей. В их представлении ворон, выклеывая глаза, поедая мягкие ткани умершего человека и улетаая, как бы по кусочкам доставлял его прямо на небеса, сразу в рай. Поэтому ворон арии любили, ежегодно устраивали для них праздник. Он дошел и до наших дней под названием Каргатуй. Даже в XX в. среди башкир существовал еще такой обычай устраивать на горе пиршество для птиц. Их кормили кашей, кусочками хлеба. Вот такой след оставили арийцы, проживая по соседству с предками древних башкир на уральской земле.

Урал-батыр понравился дочери царя Катила. Он взял ее в жены, она родила ему сына, названного именем Яик. Это тоже символично, река с таким названием берет начало в Зауралье и впадает в Каспийское море. Это знаковая река. Эпос «Урал-батыр» дает нам понять с помощью этого брака, что предки древних башкир породнились с ариями-индоевропейцами и что с рекой Яик связана их дальнейшая совместная судьба.

Предки древних башкир не смирились с властью и обычаями пришельцев, представленных здесь царем Катилом и его приближенными. Одолели и изгнали эту власть. Мифически это представлено победой Урал-батыра над быком Минотавром.

Интересны следующие строки эпоса:

У быка четыре копыта
Треснули пополам,
В трещины набился песок,
Кровью обильно залились, говорят.

На первый взгляд, здесь обозначены малозначительные детали, описывающие поверженного быка. Но сразу возникает вопрос – разве бык до боя с Урал-батыром был непарнокопытным животным? Нет, конечно. Тогда почему же древний сказитель повест-

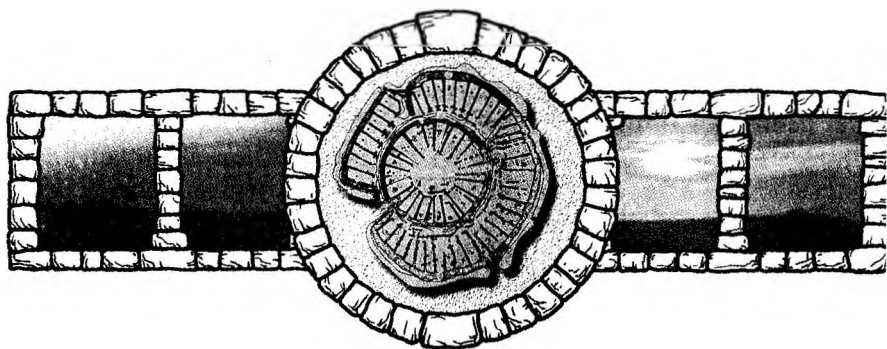
вует о раздвоении копыт? Значит, есть в этих строках какой-то иносказательный смысл. Но какой же?

Без сомнения, здесь затронуты какие-то религиозные мотивы, ведь речь идет о низвержении божества ариев. Обратимся к Библии. Хоть ее и начали слагать в XIII в. до н. э., через 500 лет после описываемых в эпосе событий, все-таки эти мотивы должны были найти отражение в Библии.

Действительно, в третьей книге Моисея, называемой Левит, в главе 11-й речь идет о чистых и нечистых животных, птицах и рыбах, дозволенных Богом человеку для употребления в пищу: «Всякий скот, у которого раздвоены копыта и на копытах глубокий разрез, и который жует жвачку, ешьте».

Отсюда становятся понятными вышеприведенные строки из башкирского эпоса «Урал-батыр». Наш герой не только поверг божественного быка арийцев, но и «опустил его на землю», превратил божество в съедобное животное – надежно и навсегда. Все четыре копыта треснули пополам, в трещины набился песок, они обильно залились кровью. Чужая власть и ее религия были подавлены.

Глава 2

ЗАРАТУШТРА И УХОД АРИЕВ

Кажется, что башкирский эпос «Урал-батыр» – неиссякаемый источник познаний для изучения историй уральских народов. Эпоха бронзы, старик с медным сундуком на берегу реки, развилка двух дорог... Не случайно он там оказался. Это изгнанник, пророк новых верований и обычаев, а развилка дорог – символ раскола веры, ведь новые верования большей частью возникают у реки.

История знает много примеров религиозного раскола. Все они имеют схожий сценарий. Первоначально появляется пророк и начинает проповедовать преимущества своей веры и унижать старые обычаи. У этого пророка появляются сторонники, и они разносят новые идеи по округе. Религиозные догматы весьма консервативны, их изменение обычно не приветствуется в народе, воспринимается со страхом. Начинается религиозная вражда. Не зря говорят, что нет пророка в своем отечестве. Проповедников новой веры обычно изгоняют из общины, или он сам уходит в уединение, как, например, Мухаммед, пророк ислама.

Так и старик с медным сундуком оказался один у развилки дорог на берегу какой-то реки, видимо близкой для него, родной, священной. Далее по эпосу, старший брат Шульген от перекрестка пошел налево – в Страну благополучия. На своем пути он встретил другого старца, с которым у него завязалась беседа. Шульген рассказал ему о перекрестке дорог, о старике с медным сундуком. На это новый попутчик поведал Шульгену:

Старец, что встретился тебе,
Младшим братом приходится мне.
Мы родились с ним в одной стране.
Дряхл по виду он и забит,
И морщинами весь покрыт.
Телом своим едва владеет –
Быть возможно ль его худее?
А теперь на меня взгляни –
Не егету ли я сродни?
Если братишкой его назову,
Ты подумаешь, что я лгу.
Тайна же такова, егет:
Все сородичи в нашей стране –
Стар иль млад – в том разницы нет, –
Каждый друг другу будто родной,
Будто от матери одной.

Действительно, в первобытном обществе могло признаваться лишь родство по матери, отцов своих никто не знал. Женщина в известные периоды своей жизни вступала в половую связь с несколькими мужчинами, и кто становился отцом ее будущего ребенка, она и сама не знала. Такие, казалось бы, мелкие детали еще раз доказывают, что эпос складывался с натуры, в то же самое время, о котором он рассказывает. Удивительно, потрясающе, но – это факт! Эти строки сложены в то время, когда люди жили не семьями, а табунами! Однако вернемся к беседе Шульгена с новым попутчиком:

Были верны мы клятве такой:
Вовек не грабить свою страну,
Не проливать человеческую кровь,
Не набивать без конца кошель,
Не прятать в землю, не зарывать
Богатства страны своей родной,
На всех одинаково делить
То, что сумел ты один добыть;
Счастье уделом сильных считая,
Слабых тем самым не обижать,
Ту, которая дочь родила,
Низкой матерью не считать,
В воду детей ее не бросать,
Проклятых обычаев не держать –
Такая клятва была у нас.

Здесь речь идет о моральных и материальных ценностях башкирского народа, заложенных еще в глубокой древности. С тех незапамятных времен сложился обычай общего владения землей на основе кровного родства, весьма почитаемого в башкирском народе. Предки древних башкир уже знали о богатствах своей страны, умели их добывать и делили на всех поровну. Так складывались основы общинного, родового, наследственного владения землей и ее богатствами, которые через много веков переросли в вотчинное право. Это очень важный этап в истории башкир, определивший их историческую судьбу на последующие 3,5 тысячелетия.

А от каких же проклятых обычаев отрекались предки башкирского народа? Один из них указан в тексте. Его принесли на Урал арии-индоевропейцы. Они, для того чтобы ограничить численность племени из-за трудностей с пропитанием, новорожденных девочек – будущих матерей топили, девочек-подростков часто съедали. Археолог К. В. Сальников [8] описал следы такого ритуала на поселении абашевской культуры, расположенном на берегу реки Малый Кызыл, правом притоке Урала (Яика). Протобашкиры же, как видим, не приняли его, отвергли.

Не проливать человеческую кровь, не грабить свою страну, каждый друг другу будто родной, богатства на всех одинаково делить... Когда читаешь эти строки, возникает впечатление о каком-то сказочном, мифическом народе, очень мирном, почти святом. Неужели предки древних башкир были такими?

Да, были и долго такими оставались. Более чем через тысячу лет греческий историк Геродот написал [9] о них как о святых людях, выделив среди сотен народов. Но об этом речь впереди, а сейчас вернемся к старику с медным сундуком. О чем дальше рассказал Шульгену брат того старика?

Брат мой клятву ту не берег:
Всех, кого одолеть он мог,
Грабил безжалостно и убивал,
Разорял или избивал;
Обычай сам создавать он стал.
В Смерти друга себе признал,
Чтобы легче кровь проливать.
Потому-то его из страны,
Где мы были на свет рождены,
Люди, вставшие заодно,
На чужбину изгнали давно.
И теперь он вдали от нас

В нищете, как ты видел, живет,
Жизнь страдальческую ведет.
Одряхление и смерть потому
Рано так подкрались к нему.

Действительно, старик с медным сундуком оказался пророком, не признанным в своей общине, внесшим раскол в жизнь и верования своего рода: «Обычай сам создавать он стал», за что и был изгнан. Значит, этот пророк своим происхождением был из древних башкир, но отверг веру предков – тенгрианство, отказался от главной идеи этой веры – бессмертия: «в Смерти друга себе признал...»

Обычно в такой ситуации обращаются к другой вере, чаще всего к вере соседнего народа. А иной верой на уральской земле оставалась тогда религия арийцев, восходящая к дикому и жестокому богу Диве, которому арии поклонялись еще в Средиземноморье. Он был главным божеством греков-ахейцев еще до перехода их из причерноморских степей на берега и острова Эгейского моря. Древние латиняне, предшественники римлян, от своих предков, индоевропейцев, также унаследовали культ Дьяушпитара, которого именовали Дивус Патер или Юпитер. Этот бог считался владыкой неба, света и грозových бурь. Дивус, или Диве, был очень далек еще от будущего Зевса и соответствовал богу-быку минойской религии Минотавру, жившему в лабиринте, где ему отдавали на съедение юношей и девушек. Супругой Диве или дочерью, а возможно и супругой, и дочерью (у индоевропейцев это случалось часто), была Дивия, чья связь с коровой передается эпитетом *ко-ви-йя* – «коровья». Сыном этой «говяжьей» пары считался Диво-ну-со-йо, известный как бог вина и виноделия Дионис. Людоедство было священным ритуалом этой божественной семейки и их поклонников.

Недавно на острове Крит, в городе Кноссе, считавшимся столицей царя Миноса, было обнаружено древнее подземное помещение со множеством больших сосудов, заполненных расчлененными частями, по большей части, детских скелетов. На костях виднелись следы скобления и зарубки от ножа, и не было никаких следов огня. Детей раздирали и поедали – точно так, как, согласно одному из греческих мифов, делал Дионис.

Он был «достойным» сыном своего отца, и его следовало бы называть Дэвионисом. Его культовыми эпитетами были «сыроедащий» и «человекорастерзватель». Известно, что каннибализмом занимались куреты, жрецы верховного бога Диве на острове Крит.

Вот так, с первобытной дикости, начиналась Великая Древнегреческая цивилизация, давшая нам начала демократии, поражающая красотой и изяществом своих творений.

К поклонникам этой веры на Урале как раз и пришел старик с медным сундуком, покинув свой древнебашкирский род. Это были арии-абашевцы, сородичи его матери, украденной еще в молодости предками древних башкир. В традициях ариев-индоевропейцев и на Урале оставались и жертвоприношения людей, и употребление в пищу человеческого мяса. Естественно, у человека, выросшего на иных обычаях, такие ритуалы вызвали отвращение и жестокость по отношению к тем, кто этим занимался. Новый пророк назвал их «дивами» или «дэвами» по имени их кровожадного бога Диве. Он повел с ними непримиримую войну. Не все арии были каннибалами, этим занимались жрецы и близкие им люди, считавшие, что съеденное мясо пожилого человека принесет им его опыт и долголетие, а мясо молодых людей передаст молодость и здоровье. Собственная физическая слабость, немоть, замешанные на жадности и зависти, порождали стремление исполнять такие ритуалы.

Кто же он, этот пророк? Теперь осталось лишь назвать имя того старика с медным сундуком, что сидел на берегу реки. Он известен в мировой истории. Первого пророка арийской религии на персидском языке звали Заратуштра, а на греческом – Зороастр, а его религия вошла в историю человечества под названием зороастризм.

Легенды и пророчества Заратуштры возникли еще при его жизни, и первые видения постигли его именно тогда, когда он стоял в водах святой реки Даити. С них и начинается «Авеста» – священное писание зороастризма. Считается, что ее тексты – это речи и наставления самого Заратуштры. В современном религиоведении неизвестно, когда и где он родился, где жил и когда умер. Есть лишь предположения разных авторов по поводу времени и места его жизни. Но все они основываются на текстах «Авесты», а ее записали через 1,5 тысячи лет после пребывания арийцев на Урале, после того как воины Александра Македонского уже на Иранском нагорье перебили все святы места и главных жрецов зороастризма. Лишь от чудом уцелевших рядовых священников, мало что знавших, дошли до нас тексты «Авесты». Поэтому в «Авесте» нет четкой хронологической последовательности изложения, много наслоений, упоминается Заратуштра, его сын, потом другой Заратуштра. Кроме того, арийцы жили настолько замкнуто

в себе, что и в мировой литературе об их религии практически нет никаких сведений, позволяющих уточнить их священное писание.

Надо отметить, что в текстах «Авесты» есть упоминания о прародине ариев в стране с холодным климатом, расположенной к востоку от истоков реки Ранхи, о белом лесе – надо полагать, о березовых рощах. Если учесть, что на языке лесных народов Ра – это река Волга, а в древности ее истоками считались верховья реки Белой, то по ориентирам, данным в «Авесте», прародина арийцев располагалась в Зауралье, а их священной рекой Даити был Урал (Яик) со своими притоками, называемый в древности Даих. Здесь же, на этой же реке, по башкирскому эпосу «Урал-батыр», размещалась страна ариев, возглавляемая царем Катилом. Внука этого царя, сына его дочери и Урал-батыра, звали Яик. Кубаир дает нам такой ориентир.

Башкирский эпос «Урал-батыр» – единственный в своем роде источник, где упоминается о пророке эпохи бронзы, породившем религиозный раскол и изгнанном за это из своей общины. Это точно совпадает с судьбой Заратуштры, описанной в «Авесте». Сходства есть, но грош им цена, если этим все и ограничится. Пойдем дальше...

Имя Заратуштра означает «богатый верблюдами». В этом нет ничего противоречащего нашей версии. Возможно, Заратуштра водил караваны. Верблюды в Зауралье, особенно в южной, степной части, не были редкостью в древности. Верблюжьи караваны с товарами из Средней Азии доходили и до северных широт. Это животное изображено на гербе Челябинской области. К сожалению, в данной книге нет возможности подробно представить читателю зороастризм, священное писание «Авесту» и пророка Заратуштру. Взглянем на религию арийцев и их пророка сквозь призму эпоса «Урал-батыр».

В эпосе пророк – достаточно жестокий и злой человек, он имеет дядю или старшего брата, оба происходят от предков древних башкир, прототюрков. А какие сведения о пророке Заратуштре и его родственниках сохранились в текстах «Авесты»? Если они совпадут, то можно будет уже с уверенностью отнести деятельность Заратуштры и его реформы к Уральским горам, древнему Башкортостану.

Заратуштра родился в семье Порушаспы, имя которого означает «погонщик лошадей» или «богатый лошадьми». Судя по имени, отец Заратуштры занимался разведением лошадей. Его мать – Дукхда, дочь Фрахимвара. Она вместе с семьей была изгнана из общины, так как их считали колдунами. Семья направилась к

родственникам Порушаспы, по-видимому предкам древних башкир. Об этом говорят следующие сведения о Порушаспе и его семье.

Во-первых, его имя переводится «богатый лошадьми», а *аргиней* по-гречески «всадник». Во-вторых, противником Заратуштры выступил Братреш-тур, живший с Заратуштрой в одной общине. Братреш-тур был туром, прототюрком, в отличие от аров, арийцев, к именам которых добавлялось *-ар*. Так, старших братьев Заратуштры, родившихся еще в арийской общине матери, звали Ратушт-ар и Рангушт-ар. Проживание Заратуштры в одной общине с Братреш-туром говорит о том, что они были родственниками по отцу Заратуштры, т. е. как и Порушаспа, происходили от предков древних башкир. Заратуштра, как следует из текста «Авесты» (Ривайат, 47. 4–6), также был изгнан из общины, как и пророк, описанный в эпосе «Урал-батыр».

Братреш-тур всю жизнь преследовал Заратуштру и в конце концов убил пророка-реформатора в глубокой старости, в возрасте 77 лет. И в эпосе «Урал-батыр» пророк представлен уже глубоким стариком, особо отмечен его старческий вид. Здесь также показан его родственник, осуждающий пророка и его деяния. Этот родственник степень родства с пророком определил башкирским словом *кустым*, что означает «младший брат или племянник». Отметим, «кустым»-пророк происходил из одного с ним рода.

В эпосе этот «дядя» осуждает пророка, противопоставляет себе, говорит, что он жесток, злобен, убивает людей, за что и был изгнан из общины. Нет пустых слов в эпосе! Так, может быть, этот «дядя» и есть Братреш-тур, погубивший Заратуштру?

Как видим, сведения из текстов «Авесты» о семье Заратуштры, его изгнании из рода, пожизненном враге, убившем его, совпадают с текстом башкирского эпоса «Урал-батыр». Можно с определенной уверенностью говорить и писать о том, что отец Заратуштры Порушаспа был из «туров», предков древних башкир. Такая генеалогическая связь проистекает также из общего родства арийцев и протобашкир, также отмеченного в эпосе женитьбой Урал-батыра на дочери царя Катилы.

Есть тому и другие подтверждения. Согласно «Авесте», Порушаспа был четвертым человеком, выжавшим священный сок Хаомы. Что это за такой сок, если велся поименный учет тех мужчин, которые смогли выжать его? Причем это считалось поступком доблестным, знаменитым.

Сок Хаомы вошел и в религиозные ритуалы ариев. В литературе по зороастризму есть несколько версий об этом соке. Со-

гласно им, она является соком растения. Так, в новой ведической религии индоариев, распространенной в Индии (1200 – 400 гг. до н. э.), Хаома-Сома считалась соком мифического бессмертного растения, дарующего людям видение высшего мира. Однако в текстах «Авесты» сведения о напитке Хаома довольно противоречивы. Сок – это дар природы, а окружающая арийцев природа кардинальным образом менялась на их длинном историческом пути, пройденном ими от причерноморских степей, через холодный Урал, до тропической Индии. Поэтому и Хаома то называется золотистым соком чудотворного растения, то молочным напитком:

Молился Ардви-Суре Спитама-Заратуштра
На Арьяном-Вайджа у Датии (река. – *Р. В.*) благой,
Там почитал он Ардви и Хаомы молочной
И прутьями барсмана, искусными речами
И мыслью, и делами, и сказанными верно
правдивыми словами (Адривур-Яшта, 24,104).

Хаома считалась божественным напитком, после употребления которого человек впадал в сон и общался с богами. Заратуштра в начале своей деятельности пророка, когда еще жил в общине родственников отца, среди предков древних башкир, признавал Хаому благодетельным напитком и его приготовление считал божественным ритуалом. После раскола и изгнания его из этой общины он запретил производство Хаомы «как омерзительного зелья» и в «Ясне» (48.10) осудил его употребление.

Отсюда следует вывод, что производили и употребляли Хаому молочную родственники его отца, предки древних башкир. А его отец Порушаспа (богатый лошадьми) был знаменит этим – он признавался четвертым человеком, получившим этот напиток.

А в чем же состоял его героизм? Что такое особенное совершил Порушаспа, выжав сок Хаомы? За что его зачислили в столь почетный список? Думаю, за то, что он подоил молодую кобылицу!

Это и сейчас удел людей мужественных и смелых. Женщины-дойярки даже при наличии специального станка часто отказываются доить кобылу в первый раз. Не всякий мужчина отваживается на это. Иная кобыла творит при первой дойке такие чудеса, что станок ходуном ходит. А ведь сегодня мы имеем дело с лошадьми, которые на протяжении уже тысяч поколений живут вместе с людьми – запрягаются, седлаются, доятся.

Тогда же, в эпоху бронзы, стремились подоить дикое животное с наброшенным на ее шею арканом-удавкой, а кобылица, обезумев

от страха, стремилась ударить и укусить обидчика. В древности никаких станков не было, и обучать кобыл дойке действительно могли лишь героические люди. Поэтому их знали и почитали.

Если это происходило в Зауралье, то какие-то связи с башкирским языком должны были остаться. Действительно, я вспомнил старинное башкирское слово *хаумал* – хаумал, означающее – что бы вы думали? – молоко кобылицы или только что приготовленный, молодой кумыс! Совпадение удивительное! Арийская священная Хаома, напиток богов, – это хаумал, башкирский кумыс, а выражение «выжать сок Хаомы», родившееся в результате неоднократных переводов, означает не что иное, как «подоить кобылу».

О том, что кумыс действительно умели готовить на Урале в то время, говорят следующие строки из эпоса «Урал-батыр», описывающие появление царя Катилы на площади перед дворцом:

Нахмурившись злобно,
Свирепый в гнев своем,
С затылком, как у дикого кабана,
С ногами толстыми, как у слона,
С противным, огромным животом,
Похожим на хаба, наполненную кумысом,
Людей в гнев своем
Заставив головы склонить –
Появился падишах Катил, говорят.

Здесь *хаба* – деревянная посуда – и кумыс обозначены башкирскими словами. Арийскими же словами, означающими посуду и кумыс, были *хауыт* и *хаумал*. Поэтому в современном башкирском языке посуду называют *хауыт-хаба*, а молодой кумыс, в отличие от старого, хорошо забродившего, – *хаумал*. Относительно напитка хаумал и кумыса были и пословицы: *хаумал эшән, һимертә, кымыз эшән, иҫертә* – «Молодой кумыс здоровье прибавляет, а старый – пьянит». Или: *хаумал эшән, кымыз юк* – «Выпьешь молодой кумыс, старого не будет». Все это говорит о взаимном проникновении арийской и башкирской культур, подтверждая родственные связи отца Заратуштры с предками древних башкир.

Представляя пророка, описанного в эпосе «Урал-батыр», мы называли его стариком с медным сундуком, сидящим на берегу реки. О медном сундуке, олицетворяющем эпоху меди, энеолит, выше уже говорилось. А вот берег реки? Какой смысл заложил сказитель в эти слова?

Пояснений нет. Может быть, они и были, но выпали в череде тысячелетий. Обратимся к текстам «Авесты». Там говорится, что однажды, когда Заратуштре исполнилось 30 лет, он отправился к реке, вошел в нее, достиг середины потока, где вода была наиболее чистой, и, оглянувшись, увидел на берегу бога Воху-Мана (Благую мысль). Тот сказал Заратуштре: «Ступай за мной, о Заратуштра праведный, на собрание бессмертных святых» и привел его к Амеша-Спента (собранию), которые пребывали в Арьянам-Вэджа на берегу Вахви Дати.

Заратуштра спросил их: что богам наиболее угодно от людей, чем должны они руководствоваться в своей жизни? На что верховный бог Ахура-Мазда сказал Заратуштре: во-первых, добрые помыслы, во-вторых, добрые слова, в-третьих – добрые дела. Это один из основных канонов зороастризма, и его формирование в «Авесте» неразрывно связывается с рекой. Так и в эпосе «Урал-батыр» пророк упоминается сидящим на берегу реки. Это святая для него река.

В текстах «Авесты» эта река называется Вахви Данти – Датия благая. Из уральских рек лишь Урал (Яик) по своему древнему названию Даих подходит к имени Данти, Датия [10]. Действительно, одно из поселений ариев-абашевцев обнаружено археологами на притоке Урала – Малый Кызыл. Здесь же, в Зауралье, традиционно жили предки древних башкир. В эпосе «Урал-батыр» Яик, сын Урала и арийки – дочери царя Катилы, символизирует родство между арийцами и предками древних башкир.

В такой же смешанной семье родился и Заратуштра. Его мать Духда была арийской колдуньей, жрицей древней арийской веры. Отец же его, Порушаспа, богатый лошадами, умеющий укротить и подоить кобыл, приготовить Хаому (кумыс, хаумал), происходил из предков древних башкир. Именно в смешанных семьях, как ни странно, наиболее часто обостряются религиозные и национальные противоречия. В молодости любовь и взаимное половое влечение супругов отодвигают на задний план различия в религии и национальности. Детей воспитывают матери, и они обычно прививают детям свою веру и национальные обычаи. Не зря родным языком называют язык матери.

С возрастом супругов, когда любовь и половое влечение теряют силу, веротерпимость постепенно сменяется религиозной и национальной рознью, а иногда и враждой. Материнское воспитание берет свое, и часто дети в смешанных семьях проявляют враждебность к ритуалам веры отцов. Так и Заратуштра, в молодости и в начале своей деятельности пророка, когда еще жил

от страха, стремилась ударить и укусить обидчика. В древности никаких станков не было, и обучать кобыл дойке действительно могли лишь героические люди. Поэтому их знали и почитали.

Если это происходило в Зауралье, то какие-то связи с башкирским языком должны были остаться. Действительно, я вспомнил старинное башкирское слово *хаумал* – хаумал, означающее – что бы вы думали? – молоко кобылицы или только что приготовленный, молодой кумыс! Совпадение удивительное! Арийская священная Хаома, напиток богов, – это хаумал, башкирский кумыс, а выражение «выжать сок Хаомы», родившееся в результате неоднократных переводов, означает не что иное, как «подоить кобылу».

О том, что кумыс действительно умели готовить на Урале в то время, говорят следующие строки из эпоса «Урал-батыр», описывающие появление царя Катилы на площади перед дворцом:

Нахмурившись злобно,
Свирепый в гнев своем,
С затылком, как у дикого кабана,
С ногами толстыми, как у слона,
С противным, огромным животом,
Похожим на хаба, наполненную кумысом,
Людей в гнев своем
Заставив головы склонить –
Появился падишах Катил, говорят.

Здесь *хаба* – деревянная посуда – и кумыс обозначены башкирскими словами. Арийскими же словами, означающими посуду и кумыс, были *хауыт* и *хаумал*. Поэтому в современном башкирском языке посуду называют *хауыт-хаба*, а молодой кумыс, в отличие от старого, хорошо забродившего, – *хаумал*. Относительно напитка хаумал и кумыса были и пословицы: *хаумал эшән, һимертә, кымыз эшән, иһертә* – «Молодой кумыс здоровье прибавляет, а старый – пьянит». Или: *хаумал эшән, кымыз юк* – «Выпьешь молодой кумыс, старого не будет». Все это говорит о взаимном проникновении арийской и башкирской культур, подтверждая родственные связи отца Заратуштры с предками древних башкир.

Представляя пророка, описанного в эпосе «Урал-батыр», мы называли его стариком с медным сундуком, сидящим на берегу реки. О медном сундуке, олицетворяющем эпоху меди, энеолит, выше уже говорилось. А вот берег реки? Какой смысл заложил сказитель в эти слова?

Пояснений нет. Может быть, они и были, но выпали в череде тысячелетий. Обратимся к текстам «Авесты». Там говорится, что однажды, когда Заратуштре исполнилось 30 лет, он отправился к реке, вошел в нее, достиг середины потока, где вода была наиболее чистой, и, оглянувшись, увидел на берегу бога Воху-Мана (Благую мысль). Тот сказал Заратуштре: «Ступай за мной, о Заратуштра праведный, на собрание бессмертных святых» и привел его к Амеша-Спента (собранию), которые пребывали в Арьянам-Вэджа на берегу Вахви Дати.

Заратуштра спросил их: что богам наиболее угодно от людей, чем должны они руководствоваться в своей жизни? На что верховный бог Ахура-Мазда сказал Заратуштре: во-первых, добрые помыслы, во-вторых, добрые слова, в-третьих – добрые дела. Это один из основных канонов зороастризма, и его формирование в «Авесте» неразрывно связывается с рекой. Так и в эпосе «Урал-батыр» пророк упоминается сидящим на берегу реки. Это святая для него река.

В текстах «Авесты» эта река называется Вахви Дати – Датия благая. Из уральских рек лишь Урал (Яик) по своему древнему названию Даих подходит к имени Дати, Датия [10]. Действительно, одно из поселений ариев-абашевцев обнаружено археологами на притоке Урала – Малый Кызыл. Здесь же, в Зауралье, традиционно жили предки древних башкир. В эпосе «Урал-батыр» Яик, сын Урала и арийки – дочери царя Катилы, символизирует родство между арийцами и предками древних башкир.

В такой же смешанной семье родился и Заратуштра. Его мать Духда была арийской колдуньей, жрицей древней арийской веры. Отец же его, Порушаспа, богатый лошадами, умеющий укротить и подоить кобыл, приготовить Хаому (кумыс, хаумал), происходил из предков древних башкир. Именно в смешанных семьях, как ни странно, наиболее часто обостряются религиозные и национальные противоречия. В молодости любовь и взаимное половое влечение супругов отодвигают на задний план различия в религии и национальности. Детей воспитывают матери, и они обычно прививают детям свою веру и национальные обычаи. Не зря родным языком называют язык матери.

С возрастом супругов, когда любовь и половое влечение теряют силу, веротерпимость постепенно сменяется религиозной и национальной рознью, а иногда и враждой. Материнское воспитание берет свое, и часто дети в смешанных семьях проявляют враждебность к ритуалам веры отцов. Так и Заратуштра, в молодости и в начале своей деятельности пророка, когда еще жил

в общине родственников отца, признавал Хаому (кумыс) благодетным напитком, его приготовление считал божественным ритуалом. После раскола и изгнания его из этой общины он запретил своим сторонникам производство Хаомы «как омерзительного зелья» и в «Ясне» (48.10) осудил его употребление.

Заратуштра были близки арийские традиции и обычаи, воспитанные им с молоком матери. Он в сути своей оставался арийцем, но не все древнеарийские ритуалы воспринимал душой. Заратуштра протестовал против тех обычаев, которые шли от верований в жестокого и дикого бога Диве. Здесь сказывалось все-таки воздействие на него культуры древних башкир. Для них Диве был олицетворением сил зла, бесчеловечности, дикости и людоедства. Отсюда у Заратуштры зародилась ненависть к жрецам бога Диве, исполняющим обряды человеческого жертвоприношения и поедающим человеческое мясо на ритуальных тризнах.

Он не только был против диких ритуалов каннибализма, распространенного среди арийцев, но и поднимал своих сторонников на борьбу с ними. При этом Заратуштра сам проявлял необычайную жестокость по отношению к дивам-людоедам – не мифическим, а реальным жрецам бога Диве и их сторонникам. В Авесте, в «Видевдате» (8.73) есть такие слова: «О Создатель плотского мира, праведный. Если маздаяснийцы (поклонники бога Ахура-Мазды, зороастрийцы. – *Р. В.*), пешком ли проходя, пробегая ли, проезжая ли, наткнутся на огонь, трупы варящий, труп бы варили, труп бы жарили, что тогда делать маздаяснийцам?» И сказал Ахура-Мазда: «Пусть будет убит варящий труп, пусть убьют его...»

Ахура-Мазда

Употребление здесь слов «варящий», «варили», «жарили» не оставляет сомнений в том, что речь идет о приготовлении пищи из человеческого мяса. И кара весьма жестокая – смертная казнь. Это характеризует Заратуштру, ведь он считается автором главных канонов зороастризма. Не оправдывая Заратуштру, а лишь в целях объективности изложения, надо сказать, что арии могли принести в жертву юношу или заманить в жилище чью-то дочь-подростка, изнасиловать ее, убить, поджарить мясо на домашнем очаге, съесть его и там же, под полом, похоронить останки. Такой случай описал археолог К. В. Сальников [8]. Он в Мало-Кызыльском селище ариев-абашевцев под полом нашел лишь обгорелые косточки и украшения несчастной девочки: серебряные височные спирали, бронзовый браслет. Несколько поодаль найдено еще два таких же небольших детских браслета. Под полом жилища помещалось, судя по находкам, не одно детское погребение.

Вот против таких диких обычаев и восстал Заратуштра. Он стал убивать людоедов-дивов, сам обрел недобрую славу и поначалу вовсе не имел сторонников среди арийцев. Вместе с тем некоторые обычаи и традиции предков древних башкир были для него также неприемлемы. Судя по священным писаниям, он отрекался от угона и захвата скота, от набегов на селения соседей, призывал сложить оружие, не похищать невест у соседей, а заключать браки между своими родственниками.

Башкиры, даже в столь глубокой древности, весьма дорожили своей землей, а Заратуштра же, наоборот, не признавал никаких и ничьих прав собственности на землю: «Я обеспечиваю свободное движение и свободную жизнь тем хозяевам, которые содержат на этой земле скот...»

Но главное же в его словах: «Проклинаю дэвов. Отрекаюсь от сообщества с мерзкими, вредоносными, неартовскими, злокозненными дэвами, самыми лживыми, самыми зловонными, самыми вредными из всех существ, отрекаюсь от дэвов и их сообщников, от тех, кто насильничает над живыми существами. Отрекаюсь в мыслях, в словах, в знамениях, в делах. Отрекаюсь от всего друждевского (людоедства)».

А к чему же добру призывала зороастрийская религия? Присягая своей вере, зороастриец говорит: «Исповедую себя поклонником Ахура-Мазды, зороастрийцем. Клятвою обязуюсь иметь добрую мысль, клятвою обязуюсь говорить доброе слово, клятвою обязуюсь вершить доброе дело».

Ни одна религия не возникала на пустом месте. Любые, даже самые древние, верования проистекали из более ранних религиозных представлений. Идеи борьбы добра со злом Заратуштра заим-

ствовал из существовавших уже тогда на Урале верований предков древних башкир, отраженных в эпосе «Урал-батыр». В этом эпосе с самого начала, с детства его героев Урала и Шульгена, повествуется об их противостоянии, причем Урал представляется олицетворением добрых мыслей, слов и дел, а Шульген, наоборот, с детства пьет кровь, вместе с хищниками встает на защиту Смерти. Мысли, слова и дела Шульгена были отнюдь не добрыми. Он стал предводителем дивов, и не было мира между братьями. В башкирском эпосе «Урал-батыр» эта борьба идет внутри одного народа, возглавляется родными братьями, служит интересам воспитания молодого поколения в духе добра.

Заратуштра идеи борьбы добра и зла перенял весьма извращенно. Он перенес все доброе: и мысли, и слова, и дела – на своих сторонников, на свой народ, а все злое, коварное, лживое и нечистое – оставил на стороне других народов. И чем дальше от арийцев жили эти народы, тем злее, коварнее и ничтожнее, по его мнению, они были.

Заратуштре, жившему в молодости среди предков древних башкир, безусловно, были известны и каноны тенгрианства, и эпос «Урал-батыр». Ведь и тогда жили сэсэнны, исполнявшие кубаиры на разных торжествах. Поэтому и верховный бог зороастризма Ахура-Мазда представлялся арийцам в таком же виде, как и Тенгре, – Чистым Голубым Небом. И общались они со своим богом, как и предки древних башкир, поднявшись на вершину горы. Геродот в V в. до н. э. писал о зороастрийцах [9. С. 131]: «Зевсу (в смысле главному богу. – Р. В.) они обычно приносят жертвы на вершинах гор и весь небесный свод называют Зевсом».

Как видим, не только арийцы оставили свои культурно-религиозные следы на Урале в среде предков древних башкир, но и религия прототюрков отразилась на верованиях ариев, причем на главных канонах.

Пророк арийцев Заратуштра создал религиозный раскол, который неизбежно породил вражду. В результате он увел большую часть арийцев с Урала, и об этом есть упоминание в эпосе «Урал-батыр»:

А враги, сбежавшие с нашей земли,
Пусть завидуют ее красоте;
Быть стране достойной любви!
Быть саду достойным земли!
На зависть нашим врагам
Пусть сияет [наша] земля!

Враги древних башкир просто ушли, сбежали. И археологи отмечают внезапный уход ариев – носителей абашевской культуры – с Урала, исчезновение здесь их столь своеобразного похоронного обряда. К. В. Сальников пишет, что абашевцы были вынуждены уйти из Башкирии [8. С. 226]. Но почему? Как удалось Заратуштре поднять с насиженных мест большую часть арийцев и увести в неведомые страны? Ведь их никто не прогонял с оружием в руках, большой войны не было. Что же случилось?

Это одна из загадок ариев, на которую археологи не дали ответа. Таких ребусов немало в истории Урала. Если задаться целью разрешить их, то можно положить на это всю жизнь и не найти ответа. Я же обычно поступаю проще – оставляю в памяти «крючок». Если повезет, то со временем в потоке поступающей информации за него могут «зацепиться» и нужные сведения. Так произошло и с этой загадкой арийцев.

При работе над этой книгой возникла необходимость в просмотре трудов путешественников XVIII в., изучавших Оренбургскую губернию, в которую входила в то время и Башкирия. И вот в записках одного из них, Николая Петровича Рычкова, сына известного П. И. Рычкова, вдруг обнаружились интересные сведения. Путешествуя по реке Белой, близ Благовещенского завода он обнаружил развалины древних городищ, точнее, большие бугры и ямы, оставшиеся от них. Но обитали ли здесь арийцы? Оказалось, что да, жили, неподалеку располагалась их стоянка Турбаслы. Капитан Н. Рычков, не имея сведений о древних жителях тех мест, решил расспросить о них местных жителей. И они рассказали ему следующее [11. С. 267]:

«В сих городищах живали чудские народы, которые, приметя опасность, грозящую им погибелью, ушли искать себе убежища в другие места. Опасность сия по мнению их состояла в следующей причине. В то время, когда предки древнего народа обитали в сих местах, было у них лесов очень мало, а березовых дерев во всей стране их не находилось; одни пространные поля, удобные для паствы скотов, служили к их пропитанию. Наконец вдруг увидели они не только на степях своих, но и внутри самих их жилищ вырастающие березовые деревья. Сие не свойственное их странам растение произвело в них несказанный ужас, а знатоки растолковали народу, что сие новое растение предвещает им, что скоро в сих местах будут селения Белого царя, и потому советовали им, чтобы спасали себя уходом в другие места. Народ немедленно склонился на советы столь справедливых истолкователей, и с тех пор будто бы чудские народы оставили свои старинные места...»

Конечно, не одни арии-абашевцы пожили в этих местах за прошедшие 3,5 тысячелетия, но есть моменты, которые указывают на то, что это предание именно о них. Во-первых, были знатоки, истолкователи, которые поднимали народ на уход из своих поселений, и мотив для этого был если не религиозный, то, по крайней мере, суеверный, что в древности мало чем отличалось. Во-вторых, в предании речь идет об очень древних временах, когда климат на Урале менялся в сторону потепления и на смену хвойному лесу приходили лиственные породы: липы, осины и березы. В-третьих, и это главное, в «Авесте» прародина ариев, наряду с холодной зимой, связывается с белым, надо полагать березовым, лесом. Если исходить из предания, то появление в священном писании арийцев белых берез оказывается вовсе не случайным, а даже наоборот, весьма обоснованным, связанным с очень важным событием в их истории – уходом с прародины.

Интересно, что процветающая страна древних башкир, оставшаяся на Уральских горах после ухода большей части ариев, отмечена древними авторами. В. Татищев в своей «Истории Российской» [10. С. 95] приводит ссылки на древнегреческого поэта Пиндара (VI–V вв. до н. э.) и Свидаса (конец IX в. – начало X в.), под авторством которого в XV в. был издан обширный «Лексикон о лицах и народах». До них дошли сведения о скифах гиперборейских – северных скифах, которых Клавдий Птолемей, римский историк II в., на своей карте [10. С. 171] разместил по обе стороны Уральского хребта. Причем скифов-скотоводов, проживающих к западу от Уральских гор, Птолемей назвал внутренними (intra), тех северных скифов, которые занимали Зауралье, он назвал внешними (extra).

Так вот, эти гиперборейские, северные, скифы, предки древних башкир, по словам Пиндара и Свидаса, претендовали на свое весьма древнее происхождение и утверждали, что их «праотец всех бог эллинский Уранус их первый король был».

Сколько интересных сведений в одной этой строке! Уранус – это наш Урал-батыр! Конечно, влияние древнегреческого происхождения авторов этих сведений сказывается в написании имен. Но, как и в башкирском эпосе, из этого источника видно, что предки древних башкир обожествили Урал-батыра. Он стал их первым общенародным вождем после ухода ариев-абашевцев.

Греки называли его Уранусом. Если отбросить характерное греческое окончание, то получается Уран. Божество гиперборейских, северных, скифов, предков древних башкир, вошло в грече-

ские мифы и стало названием третьей по величине планеты Солнечной системы – Уран.

А может быть, наш Урал-батыр был в древности Уран-батыром? Кто прав – древние греки или сэсэны, передававшие эпос из уст в уста? Нет, наши сэсэны жили здесь, на Уральских горах, доверимся их памяти, но будем помнить и то, что одна из далеких, холодных планет носит имя Урал-батыра. Отложим это в памяти и вернемся на нашу родную уральскую землю.

А куда же увел Заратуштра арийцев с Уральских гор? Судя по его имени (богатый верблюдами), он хорошо знал южные края, куда ходили верблюжьи караваны. Докуда же они добирались? Можно полагать, но весьма осторожно, что до Индии. Свидетельство тому – куры и петухи, упоминаемые в эпосе «Урал-батыр» в части, относящейся к эпохе меди. Эту птицу приручили именно в Индии. В нашей природе нет и не было ее диких сородичей, да и прожить на воле, без ухода со стороны человека, куры и петухи не могут. Это завозная птица – значит, пути в Индию были ведомы погонщикам верблюдов.

Путь ариев с Урала потянулся на юг. Их своеобразный погребальный обряд может служить чем-то наподобие визитной карточки или маяка. Только истинные арийцы исполняли такой ритуал. Пройдем и мы по этим маякам.

Начнем с Урала. Нет сведений о том, как двигались арии: по воде на плотах или сухопутно, но археолог К. В. Сальников отмечает их на Нижней Волге. Он пишет: «Создается впечатление, что и на Нижней Волге мы имеем дело не с проникновением отдельных вещей из более северных районов, а с продвижением сюда абашевских или близких им этнических групп».

Самое удивительное, что похоронный обряд арийцев сохранялся на Нижней Волге вплоть до XVIII в. В. Татищев [10. С. 528], побывав там, отметил следующий вид «похорон» среди калмыков: «Простой же люд большей частью оставляют птицам и зверям на съедение, из-за чего около Астрахани и по степям, где они обитают, голов и костей человеческих валяется великое множество». Прямо как в стране царя Катилы из башкирского эпоса «Урал-батыр».

Далее на юге, следы зороастрийского погребального обряда отмечались древнегреческим географом и историком Страбоном среди народа, называемого каспиями, проживавшего на южном побережье Каспийского моря. Здесь же по соседству Гиркания и Парфия, где правил своими сатрапиями князь (кави) Виштаспа, отец известного персидского царя Дария I.

На востоке древнего Ирана, между Парфией, Бактрией и Дрангианой, существовала область Арейя, населенная ариями. Отсюда во второй половине II тысячелетия до н. э. арии расселились в Северной Индии, став предками древних индийцев. С ними шла и священная корова. Крупный рогатый скот составлял и здесь основное богатство ариев. В ведийском (арийском) языке даже слово «война» – *гавишти* буквально означает «захват коров». Если слово «гавишти» разделить на две части, то получим *гав* – «корова», от которого происходит слово «говядина», и *ишти* – «захват». Отсюда весьма неожиданно становится понятным самое древнее название башкир – *иштяк*, в смысле «захватчик». Так называли и называют башкир казахи и киргизы, на которых башкиры совершали набеги с целью захвата скота и невест.

Так арийцы дошли до Северной Индии, преодолев в своей истории громадный путь от берегов Черного моря через Урал и сюда, на Средний Восток. Поэтому их и называли индоевропейцами. Они принесли с собой не только генетический фонд, но и культуру, обычаи, традиции и верования.

Едва ли какая-либо другая религиозная идея ариев принесла столько вреда человечеству, как утверждение превосходства одного народа над другими нациями и вероисповеданиями. Здесь пальма первенства, безусловно, принадлежит Заратуштре. Он изначально внушил зороастрийцам превосходство их над всем миром. Арийцы считали лишь себя носителями всего доброго, а остальной мир – сосредоточением всех сил зла и мракобесия. На этой основе зороастризм обрек себя на замкнутость внутри одного народа. Эта замкнутость лишила зороастризм главного свойства мировых религий – открытости для любых народов, стремления расширяться, привлечь к себе всех верующих. Поэтому зороастризм не получил широкого распространения в мире. «Авеста» рассказывает о том, что Заратуштра с большим трудом привлекал к себе сторонников. Но его идея избранности, превосходства одного народа над другими оказалась все-таки востребованной в истории человечества. Это очень интересный вопрос, для его разъяснения придется вновь покинуть на время седой Урал и двинуться вслед за ариями на юг, на берега Каспийского моря, и далее, на Средний и Ближний Восток.

Первыми после ариев захотели стать избранными иудеи. Как выше упоминалось, в их Библии отмечено нашествие на них арийцев с севера, потомков Гога и Магога. Авторы Библии записали, что иудеи длительное время, более семи месяцев, исполняли похоронный обряд ариев. Надо полагать, что дети Израилевы за

это время познали и другие догматы их религии, в том числе и о превосходстве одного народа над другими.

Вера от Бога, а религия – от людей. Каждый народ сам выбирает свое вероисповедание, если ему его не навязывают силой. Иудеи в XI – X вв. до н. э. заключили договор со своим Богом Яхве. Они обязались исполнять волю Бога, почитать его, а он обещал сделать иудеев владыками мира, подчинить им другие народы, дать им в прокормление всю землю и размножить иудеев по всему свету. Они перехватили у ариев лишь идею избранности, но их одиозным и диким погребальным обрядом погнушались. Эта идея также привела иудеев к замкнутости, заключению браков внутри своего народа, что обусловило его физическое вырождение. Лишь в наше время, понимая это, евреи стали заключать смешанные браки.

По соседству с Ближним Востоком, на Среднем Востоке возникла и разрослась до огромных размеров Персидская держава. Но в VI в. до н. э. после гибели знаменитого царя персов Кира II от рук прототюрков-массагетов, смерти его сына Камбиза и недолгого правления некоего самозванца по имени Гадаута Персидская держава начала разваливаться. Царь Дарий I, пришедший тогда к власти, затеял большие реформы с целью сохранения государства, включавшего земли не только персов, но и многих других народов. Однако и сами персы не отличались преданностью своему царю. Смутное было время. Требовалась национальная идея, способная объединить с царем хотя бы персов.

Такую идею и предложил Дарию I его отец Виштаспа (Гистасп), который правил сатрапиями Парфией и Гирканией, соседствующими с Ареей и Каспией, где проживали в то время арии-зороастрийцы. Это была их старая идея избранности, величия своего народа. Она-то и понравилась Дарию I и его отцу Виштаспе как национальная идея, способная объединить персов. А они, персы, по утверждению Геродота, были «больше всех склонны к заимствованию чужеземных обычаев». Дарий I с Виштаспой сами приняли зороастризм и взялись за дело обращения персов в эту религию. Семена падали в благодатную почву, и вскоре персы, по мнению того же Геродота, стали считать себя выше других народов:

«Сами они, по их собственному мнению, во всех отношениях далеко превосходят всех людей на свете, остальные же люди, как они считают, обладают доблестью в зависимости от отдаленности: людей, живущих далее всего от них, они считают самыми негодными».

Дарию I удалось-таки привить зороастризм в Персидской державе в VI в. до н. э. Персы даже переняли дикий похоронный обряд арийцев. Отметим особо, что это сделали они, царь Дарий I и его отец Виштаспа, так как их предшественники на персидском троне – и великий библейский персонаж Кир II, и его сын Камбиз – не были зороастрийцами. Известны их поклонения и египетским, и вавилонским богам.

Позже, в V в. до н. э., начались греко-персидские войны. Весь мир узнал от пленных о распространении зороастризма среди персов. И стала она, эта религия, считаться персидской, а ее историю начали рассматривать через призму возникновения ее в Персии. Истоки зороастризма и более чем тысячелетний период ее начальной истории остались неизвестными. Проявления же элементов зороастризма на Урале считаются теперь привнесенными из Ирана разными кочевыми племенами и заимствованными из великой древневосточной культуры. Гордиться, дескать, надо и за честь принимать!

Авестологи, замкнувшись в текстах «Авесты» и сравнивая одни строки с другими, все еще ищут княжество кави Виштаспы. Там, по легендам, было принято, наконец, учение Заратуштры, якобы от него самого. Но это, как известно, легенда – мифический этап присутствует в начале любой религии. Историческая же быль зороастризма в Персии и реальная роль Виштаспы, отца царя Дария I, в принятии персами этой религии описана выше.

Отмечу попутно в доказательство своих слов, что в текстах «Авесты», в «Ривайат» (47, 4 – 6) говорится о прибытии Заратуштры в царство кави Виштаспы, сына кави (князя) Арватаспа. Речь идет о потомственных князьях. На Бехистунской скале Дарий I в честь своих побед приказал выбить надпись. Она начинается словами: «Я – Дарьявуш, великий царь, царь царей, сын Гистаспа, внук Арсама, Ахеменид...»

Подтверждается и потомственная знатность, и совпадение имен, а также то, что и тот и другой правили уделами в большой державе (княжеством, сатрапией). Отца Дария I в разных исторических документах называли и Виштаспой, и Гистаспом. Это одно имя, а разночтения внесены, по-видимому, переводчиками. Отца кави Виштаспы по «Авесте» звали Арватаспой, а деда Дария – Арсамом. Имена похожи, различия, конечно, есть, но их и не могло не быть, если учесть, что имя деда Дарий повелел выбить на скале в VI в. до н. э., а «Авесту» начали записывать через 400 лет. Такие искажения вполне допустимы, ведь и «Авеста», и Бехистунская надпись претерпели еще и неоднократные переводы, да и тот, кого

мы называем Дарием, был, оказывается, Дарьявуш. Так что одну загадку «Авесты», относительно личности и места проживания кави Виштаспы, можно считать разгаданной – это сатрап Виштаспа, правивший Парфией и Гирканией в Персидской державе, возглавляемой его сыном, царем Дарием I.

Идея Заратуштры об исключительности арийцев оказалась востребованной и в наше время. В XX в. глава нацистов Гитлер объявил немцев арийской, высшей расой, а чистейшими из них считались блондины с голубыми глазами, не испорченные никакой семитской чернявой примесью. От этой расы, по замыслу нацистов, из Германии должна была пойти новая цивилизация.

Развязав Вторую мировую войну, Гитлер в первую очередь принялся уничтожать конкурентов по исключительности – евреев, а потом взялся за христиан, объявив Иисуса Христа блудным сыном еврейки. Очень много было расстреляно и мусульман, обрезанных так же, как и евреи. Заимствовав у арийцев претензии на превосходство над всем миром, Гитлер, однако, ни единым словом не обмолвился о необходимости принятия их весьма одиозного похоронного обряда. Не поняли бы его немцы.

Среди желающих объявить себя представителем арийской, высшей расы Гитлер в истории оказался далеко не последним. Со временем появились его последователи – неонацисты, даже Русь объявили арийской [12]. Вот только никто из них не поторопился бросать тела своих покойных родителей на растерзание воронам и собакам. А без этого ритуала – какие они арийцы? Так, одни претензии на избранность.

Среди других диких канонов зороастризма, определенных Заратуштрой, нельзя пройти мимо наставления к заключению браков между ближайшими родственниками: отца с дочерью, брата с сестрой. Протестуя против набегов древних башкир на соседей с целью умыкания невест, Заратуштра подарил человечеству и эту дикость, которая более 2,5 тысячелетий бытовала на Древнем Востоке. Известный среднеазиатский поэт Фирдоуси, живший в X в. н. э., описывая происхождение Александра Македонского в своем «Шахнаме», отмечает Брахмана, сына Исфандияра, женившегося на своей дочери Хуме:

И по законам древних времен
На дочери своей женился он.
Красою сердца к себе влекла Хума,
От шаха вскоре понесла Хума...

Этот обычай ариев символично отражен и в башкирском эпосе «Урал-батыр» – в образе царя Катила, живущего со своей дочерью. Древние башкиры не допускали подобной дикости. Даже брак дальних родственников считался у них преступлением, а такое сожительство отца и дочери каралось смертью. Поэтому и был распространен среди башкир обычай, называемый *барымтой*, – набег на дальние племена с целью захвата невест.

Конечно, без внимания Заратуштры не мог остаться и столь своеобразный похоронный обряд арийцев. Они считали, и не без оснований, что вокруг мертвого тела человека собираются дэвы – не мифические, а вполне реальные жрецы-людоеды, стремящиеся исполнить свой древний ритуал, идущий от поклонения богу Диве. С ними Заратуштра повел непримиримую борьбу. Он призывал своих сторонников уносить трупы подальше от селения, прятать в безлюдных местах, где они становились добычей птиц, в первую очередь ворон, хищных зверей и собак. Собака в этом деле стала первым конкурентом дэвов и поэтому особо почиталась Заратуштрой. На это есть специальные указания в Авесте. На вопрос Заратуштры: «Кто есть благое создание?», Ахура-Мазда отвечает: «...дикая остромордая собака, которую злословящие люди называют именем Друджака (людоед)... И если кто-либо, о Спитама-Заратуштра, убьет Ванхапару, дикую остромордую собаку... то повредит свою душу на девять поколений, для которого мост Чинват (в рай) станет непроходимым, если он при жизни не искупит этого греха».

Мы уже отмечали, что ворон стал тогда священной птицей всего населения Урала, в том числе и предков древних башкир. Как архаичный обычай сохранился у башкир и *Карғатуй* – праздник почитания и кормления этих птиц. Ворон стал и птицей Аполлона, греческого бога, которого древние греки «закрепили» за своими сородичами, ушедшими на север.

Собака вроде бы не нашла такого мифического почитания в среде древнего уральского населения. Но попробуйте в башкирской деревне найти живодера, способного умертвить собаку или ее никому не нужных щенков. Едва ли кто возьмется! И дело не только в преданности этого животного человеку. «Бог покарает», – будет вам сказано в оправдание отказа, хотя ни одна мировая религия не почитает собаку как священное животное. Ни одна, кроме зороастризма, но ее мировой религией никак не назовешь.

Конечно, у арийцев есть и чему поучиться. Для них не было ничего более позорного, чем лгать и делать долги. Очень тяжелым

преступлением считалась кража – за нсс убивали. Это понравилось немцам со времен Гитлера, они не воровали и не воруют.

Еще одна традиция зороастрийцев, достойная внимания, – это воспитание мужества с малых лет. После военной доблести, большой заслугой мужчины считается большое число сыновей в семье. Мальчиков с 5 лет и до 20-летнего возраста они обучали только трем навыкам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости. Умение владеть конем и оружием, без сомнения, было необходимо для мужчины в древнем мире. Этими навыками владели и воины других народов, но у арийцев это возводилось в догматы религии.

От ариев-абашевцев остались на Урале среди предков древних башкир и другие обычаи, касающиеся общения с природой, почитания огня и воды. Они дошли и до наших дней. Помню, в детстве старики нас поучали, что нельзя плевать или мочиться в реку и на горящие угли костра. Огонь и вода считались священными, и запрещалось их загрязнять. Арийцы даже не мыли в реке грязные руки. Полагалось набрать воды из реки в чистую посуду, а затем уже использовать воду по назначению. Кстати, именно за этим занятием, когда Заратуштра вошел в реку, чтобы набрать воды, к нему и пришло, по его словам, озарение, и он начал общаться с богами.

Реки и озера были даже для первобытных людей божественными, так почему же мы забыли это? Едва ли наши предки потерпели бы то безобразие, что творится на берегах водоемов в наши дни. Они бы навели порядок. Так, может быть, арийцы действительно «высшая раса», а мы – их выродившиеся потомки?

Глава 3

ОТ ЭПОСА «УРАЛ-БАТЫР» К БИБЛИИ И «АВЕСТЕ»

Башкирский эпос «Урал-батыр» – вовсе не отвлеченный миф и не сказка о подвигах легендарного Урала и похождениях его брата Шульгена. Это история древних башкир, созданная и сохраненная самим народом на своей родине, на своем башкирском языке. Казалось бы, что может быть лучше, честнее, правдивее для написания истории башкирского народа?

Но историческая наука распорядилась иначе. Писаниями историков, в основном иных национальностей, для которых духовные ценности башкир ничего не значили, а руководящей силой была коммунистическая идеология, создавалась совсем другая, угодная политике псевдоистория башкирского народа.

До последнего времени мало кто из историков воспринимал эпос «Урал-батыр» в качестве текстового исторического источника. Скажи кому-нибудь, что нашел текст на башкирском языке, дошедший до нас от каменного века, описывающий события эпохи бронзы, – на смех поднимут! Да и не я его нашел! Мне лишь посчастливилось увидеть – нет! – скорее, услышать исторические мотивы.

...Луг на пологом берегу Юрюзани, а через реку – высокая отвесная скала, на которой где-то в вышине воркуют голуби. И они вдруг замолкают, когда начинает петь курай. Вот уже в кругу кураистов возникает сэсэн Баик Айдар. Ему уже больше ста лет, но его танец полон энергии, бодрости, оптимизма. Под мелодии курая он начинает свой неторопливый рассказ:

Многие поколения я пережил,
Побывал во многих краях,
Когда чувств никаких не имели,
Когда страха не знали люди,
Отцы не признавали своих детей,
А дети отцов не знали –
Вот такое время я видал.
Когда люди, вместе собравшись,
Парами совокуплялись;
Когда сильные племена
Грабили слабых – и такое я видал.
Когда змеи, дивы и их падишахи
Преследовали людей,
Кого встречали поодиночке,
Они съедали, головы себе растя,
Некоторых обращали в рабов,
Вершили в стране свою власть...

От самых первых ступеней человеческого бытия начинает свое повествование глубокий старец – от первобытного общества, в котором еще не было семьи и где люди поедали друг друга, а потом стали превращать в рабов. Невольно хочется спросить сэсэн: он, что, историю первобытного строя изучал? Нет, конечно, историей не интересовался этот старец, неграмотен был. Он лишь знал наизусть эти строки, передаваемые из поколения в поколение.

Баик-сэсэн поет и рассказывает эпос «Урал-батыр», а своими телодвижениями изображает бой Урал-батыра с быком царя Катилы. Вот он повергает будто бы быка на землю и поет о том, что теперь быку суждено навеки стать покорным людям, служить им и работать вместе с ними.

Вот он вскидывает вверх руки и громко кричит: «Тенгре-е-е!...» Скалы отражают этот крик, и эхо уносит его куда-то к вершине скалы, будто на самом деле стремится передать Богу обращение людей. А сэсэн уже лежит на земле, ноги как связанные, руками машет, как крылами, шею вытянул, словно птица, и из уст его исходит голос девушки-лебедя:

Полетела я мир повидать,
Не земная птица я,
У меня есть своя страна...

И пел тревожно курай, переливалась мелодия, будто лебедь отчаянно хлопала крыльями, пытаясь освободиться от пут и рук человека, улететь в свою страну:

Моя мать по имени Кояш (Солнце).
Отпустите меня –
Отец меня все равно найдет,
Придет и выручит [меня из беды].
Я падишаха Самрау
Дочь, мое имя – Хумай...
...Я вернусь в свою страну
Путь к Живому Роднику
Я вам укажу.

Эти строки слагались еще в каменном веке. Песнь столетнего сэсна будто унесла стоявший вокруг него народ в ту далекую эпоху, к древнему богу Тенгре и окружавшим его божествам. И встала во всей своей красе древняя, природная вера в Чистое Голубое Небо, здесь же были всем хорошо известные Солнце и Луна, птицы и их царь Самрау. К ним поднимались люди по склону близлежащей горы, общались с ними на родном языке, говорили понятные слова, не было никакой необходимости заучивать наизусть большие тексты на непонятном языке. Это была наша, уральская религия, родные нам обычаи и традиции, принятые нашими очень далекими предками. А главное, тенгрианская религия соединяла человека с природой, с той окружающей средой, в которой он рождался, жил и умирал.

Природа и есть та высшая сила, которая управляет человечеством. Нам лишь кажется, что во главе нашей жизни стоит разум. Человеческое мышление – это тоже творение природы. Гены, передаваемые из поколения в поколение, определяют не только пропорции нашего тела, но и создают наш внутренний мир, образ мышления, управляют всеми нашими поступками. Не случайно в народе давно замечено, что яблоко от яблони недалеко падает.

Небо и земля, огонь и вода, небесные светила и птицы были для людей священными. Им поклонялись, их берегли и защищали, понимая, что это основа жизни на земле. Главные каноны тенгрианства определяли бережное отношение человека к природе, поклонение ей. Соблюдение этих канонов считалось богоугодным поведением, за что Бог наделял таких людей своей благосклонностью. Не за жертвы, ему принесенные, а за бережное отношение к природе, поклонение ей! К сожалению, ни одна мировая религия не переняла природных черт тенгрианства.

Религиозный фанатизм стал главным догматом мировых религий. Убить иноверца, кастрировать раба и сделать из него евнуха для гарема, обречь священнослужителей на безбрачие, лишить их возможности иметь семью и детей – вот далеко не полный список

надругательств над природой, совершавшихся христианами и мусульманами. Мировые религии замкнулись на человеческом обществе и потеряли связь с природой, стали пропагандировать поступки, обряды и традиции, чуждые человеку и окружающей его среде. Отсюда необходимость охраны окружающей природы – не от нашествия саранчи, а от самого человека – превратилась в одну из главных проблем мировой цивилизации. И обращение к таким природным религиям, как тенгрианство, может сыграть здесь положительную роль. Но всех мировых проблем не решить, вернемся на Урал, на скалистый берег Юрюзани.

А там столетний сэсэн всем своим видом, энергичными, живыми движениями танца, казалось, наяву стремился найти Смерть и победить ее. Вот он уже бьется со змеем и его подданными – дивами. Потом останавливается, замирает, поднимает голову, взгляд его устремляется вверх, на вершину скалы. Он складывает ладони около рта, и раскаты конского ржания несутся над рекой. Эхо подхватывает их, и уже кажется, что где-то там, на вершине скалы, бьет копытом и ржет легендарный конь Акбузат.

Сейчас он спрыгнет со скалы, и белая лебедь подлетит к сэсэну, сбросит с себя птичий наряд и станет девушкой-красавицей Хумай. Она подведет к певцу коня, даст ему в руки алмазный меч. Чудится, Урал-батыр вот-вот взмахнет им над головой и тысячи солнечных лучей разлетятся вокруг, отражаясь от алмазов в рукояти меча.

Сэсэн подойдет к коню, посмотрит на него и начнет рассказывать, как будто изумляясь:

Лука золотая у седла,
Золотые удила в узде...

И вновь в тексте сказания появляется металл. Причем металл драгоценный – золото. Но может быть, здесь он случайно, – так, для красного словца?

Нет! В эпосе нет случайных выражений. Просто сэсэн «перелетел» через тысячелетие. Эпоха меди и бронзы сменилась на Урале не так, как во всем мире, – эпохой раннего железа. Между этими двумя периодами истории человечества здесь проблестела эпоха золота, изумившая весь мир. Мы на страницах этой книги еще побываем в этой золотой эпохе, а пока отметим лишь, что строки башкирского эпоса «Урал-батыр» о золотых частях конской сбруи перекликаются с сообщениями историка Геродота, относящимися к V в. до н. э.

Так эпос «Урал-батыр» переплетается с историей. Далее столетний сэсэн вместе с кураем и вовсе перешел на библейские мотивы:

Землю залила голубая вода,
Небо красным полыхающим
Пламенем, огнем занялось.
В небе птицы не могли летать,
Ни одна душа места не находила себе на земле,
Измучились и исстрадались все.

А по Библии (Бытие, 6:17) говорит иудейский Господь: «И вот, Я наведу на землю потоп водный, чтоб истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; все, что есть на земле, лишится жизни».

Удивительные совпадения – «душа» в эпосе и «дух жизни» в Библии. Это говорит о следующем: у предков древних башкир уже сложились представления о душе, духовности в целом, что нашло отражение в их священном сказании. И это – не единственное совпадение. В Библии Господь повелевает Ное (Бытие, 6:14): «Сделай себе ковчег из дерева гофер; отделения сделай в ковчеге и осмоли его смолою внутри и снаружи».

В эпосе же «Урал-батыр» сказано несколько короче, а может быть, что-то и забыто за давностью лет:

Люди сделали лодки себе –
Не погибли, не утонули в воде.

Библейский Ной и Урал-батыр имеют некоторые сходства. И тому и другому помогает Бог, оба праведны и непорочны. По Библии, у Ноя было три сына: Сим, Хам и Иафет. Авторы Библии весь известный им мир поделили между потомками сыновей Ноя. Симову племени, или семитским народам, они отдали Малую Азию и Ближний Восток, Хамовым детям – северное побережье Африки, а потомкам Иафета – Европу и все, что к северу и на восток от Черного моря.

Урал-батыр также имеет трех сыновей: Иделя, Яика и Нугуша, а также племянника Хакмара. По древнебашкирским традициям, области обитания привязывались к долинам рек. Предки древних башкир, жившие по берегам реки Агидель, считались потомками Иделя, по реке Урал – потомками Яика, по реке Нугуш – Нугуша и по Сакмару – Хакмара. Подобно сыновьям библейского Ноя,

в эпосе сыновья Урала помогают отцу в строительстве лодок для спасения людей. Нугуш рассказывает отцу:

И детям, и старикам –
Всем лодки сделал я,
В лодки их всех посадил,
А сам в битву вступил один.

В отличие от библейского Ноя, спасшегося от потопа лишь со своим семейством (таково было повеление иудейского Бога), Урал-батыр с сыновьями спасали весь свой народ, со стариками и детьми.

Спасение и к древним башкирам, и к иудеям пришло в виде гор. Наш сэсэн показывал рукой на близлежащие горы и пел под мелодии курая:

...посреди широкого моря
Возникла гора, говорят,
Где пересек море конь Акбузат,
Дорога поднялась, говорят...
Там, где поскакал Акбузат
Дорогой, недоступной воде,
Всплывала высокая гора, говорят.
Все люди из воды
На нее выбирались, говорят.

А у иудеев:

«И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских. Вода постоянно убывала до десятого месяца; в первый день десятого месяца показались верхи гор... И сказал Бог Нюю: “Выйди из ковчега ты, и жена твоя, и сыновья твои, и жены сынов твоих с тобою”».

Библия и эпос «Урал-батыр» имеют удивительное, если не сказать противоестественное, совпадение в возрасте и продолжительности жизни первочеловеческой пары. По эпосу:

Старик (Янбирде) и старуха (Янбика)
Сами не помнили, говорят,
Откуда сюда пришли,
Где остались отец их и мать,
Где родная земля, не помнили они.

Библия конкретно указывает продолжительность жизни Адама – 930 лет, а других патриархов: Енос – 905 лет, Мафусал – 969 лет,

Ной – 950 лет. Далее, после Ноя, будем считать после всемирного потопа, продолжительность жизни уменьшается по плавной кривой: Сим (сын Ноя) – 600 лет, Евер – 464 года, Авраам – 175 лет, Иаков – 147 лет, Иосиф – 110 лет. Можно, конечно, и посмеяться с высоты наших атеистических воззрений над этими цифрами: «Столько не живут, и старухи детей не рожают, даже если старикам бес в ребро тычет кулаком! Выдумают же евреи!» А с другой стороны, зачем им это выдумывать? Да и башкирский эпос, никак не связанный с Библией, рассказывает примерно то же самое. Могло ли быть так, хотя бы теоретически? Дадим волю фантазии!

Человеческий организм – что до потопа, что после него – оставался таким же и жил в течение своего биологического срока. Его измеряли годовыми циклами. Если в современности этот срок составляет 100 лет, то мог ли до потопа человек жить 900 лет? Вполне мог, если Земля вокруг Солнца вращалась тогда быстрее и по меньшей траектории. За биологический срок жизни, отсчитанный, например, по механическим часам, по маятнику, протекало тогда значительно большее число годовых циклов, пусть те же 900! Потом вдруг наша Земля сталкивается с очень крупным метеоритом. При ударе выделяется колоссальное количество тепла, льды тают, вода затопляет материки – вот вам и всемирный потоп. От удара планета Земля переходит на большую траекторию, движется по орбите медленнее, и человек теперь живет всего около 100 увеличенных годовых циклов. И Библия оказывается права! На сегодня известно несколько гипотез всемирного потопа, но описанная выше – единственная, согласующаяся со сроками жизни библейских персонажей.

Не верите? Вам не нравится божественное сотворение мира по Библии? Тогда читайте труды Ч. Дарвина, посвященные эволюционной теории происхождения жизни на Земле. Но и эту теорию никто до сих пор не доказал, даже спустя 150 лет после Ч. Дарвина. Она получила распространение в коммунистическую эпоху, стала теоретической основой атеизма, так как отрицала божественное сотворение мира. В настоящее время эволюционную теорию зарождения жизни на Земле все чаще подвергают критике. И основной здесь довод – до сих пор никто так и не обнаружил останков промежуточного звена между человеком и обезьяной. Да и сам Чарльз Дарвин перед смертью просил почитать ему Библию. Но это едва ли стоит рассматривать как показатель слабости его научных творений, скорее следует отнести к падению воли ученого перед смертью.

Эпос «Урал-батыр», затрагивая более древние временные пласты по сравнению с Библией и «Авестой», тем не менее оставляет без ответа главный вопрос священных писаний – о появлении людей на Земле. Эпос хоть и начинается с описания жизни отдельной семьи, но в нем присутствуют и другие люди, не родственные им, которые не считаются творениями Бога.

Да, их Бог всемогущ и управляет жизнью на Земле, но в эпосе нет сведений о том, что Бог сотворил мир. И в более поздних тюркских письменных источниках, затрагивающих каноны тенгрианства, повествование начинается с одновременного появления Бога-Тенгре, Земли и людей. Решающую роль в сотворении мира эпос отдает самой окружающей природе. И этим он ближе к эволюционной теории зарождения жизни на Земле, созданной Ч. Дарвиным, нежели к библейским мотивам первочеловеческой пары, состоящей из Адама и Евы.

Эпос начинается с того, что жизнь уже возникла на Земле. Сказитель ничего не выдумывает, не берет на себя ответственности за то, чего не знает. Этим он вызывает еще большее доверие к себе, возвышая себя над сочинителями других священных писаний, фантазировавших о том, чего никогда не видели. И далее, рассказывая о последующих эпохах, эпос придерживается и подтверждает эволюционный путь развития башкирского народа и человечества в целом.

Если и дальше рассматривать параллели в Библии и в башкирском эпосе «Урал-батыр», то нельзя пройти мимо вопроса о душе, духовности, о запрете пить или есть кровь. По Библии, Господь говорит иудеям: «Если кто из дома Израилева или из пришельцев, которые живут между вами, будет есть какую-нибудь кровь, то обращай лицо Мое на душу того, кто будет есть кровь, и истреблю ее из народа ее. Потому что душа тела в крови... Если кто из сынов Израилевых и из пришельцев, живущих между вами, на ловле поймает зверя или птицу, которую можно есть, то он должен дать вытечь крови ее и покрыть ее землею» (Левит, гл.17).

Эти библейские правила дошли до современного Башкортостана через посредство мусульманской религии, зародившейся среди арабов, – таких же потомков библейского Сима, как и иудеи. Сегодня башкиры, застрелив зверя или птицу из ружья, подходят и перерезают горло, чтобы вытекли остатки крови. Точно также и забой домашнего скота башкиры производят по мусульманским правилам, заимствованным из Библии. Животному, подлежащему забойу, обычно связывают конечности, как Авраам связал сына своего Исаака перед принесением в жертву еврейскому Богу.

Потом перерезают шейную артерию, дав возможность крови истечь на землю. Это место присыпают землей. Такие мусульманские обычаи пришли к нам вместе с исламом в XIV в.

А предки древних башкир также одухотворяли кровь. По эпосу «Урал-батыр», Яик, сын Урала, так рассказывает о крови врагов, пролитой его отцом:

«Вот ты, оказывается, какая, кровь!
Тебя, оказывается, пролил мой отец,
Когда отец мой Урал приехал сюда,
Оказывается, вы пошли войной против него.
Не потому ли не остывашь, кровь,
Что рука батыра коснулась тебя?
[Не потому ли] не успокаиваешься ты?
Раз ты – грязная кровь,
Ворон тебя не пьет, не впитывает земля,
Пенишься, не сохнешь ты».
После того, как я это сказал,
Кровавая лужа забурилась,
Страшный шум подняв,
Брызнула на белый камень,
[Который был] от кровавого озера в стороне,
Начала колыхаться кровь,
О тайне своей поведала [мне]...

Как видим, и в представлениях древних башкир человеческая кровь была людской душой, способной слышать и говорить. А кровь животных считалась у них эликсиром силы и здоровья. Обычай выпивать кровь охотничьей добычи сохранялся в традициях предков древних башкир с самого каменного века. Об этом рассказывается в начале эпоса. Такой обычай перешел потом на всю Великую Тюркскую цивилизацию. Тюрки, утомившись в бою, часто прокалывали вену своего коня, обычно запасного, и пили конскую кровь.

Ввиду того, что кровь животного не исключалась древними башкирами из пищи, они забивали животных на мясо иным способом, не так, как семитские народы. Животному, подлежащему забою, например быку, ног не связывали, а наносили внезапный сильный удар в лоб молотком, топором или булавой. Поэтому животное, специально откормленное на мясо, у башкир и сегодня называется *һуғым*, от слова *һуғыу* – «ударить, нанести удар». Такой способ забоя был распространен среди башкир до принятия ислама в XIV в. Сейчас он представляет интерес больше исторический, особенно эти сведения ценны для археологов, которые

часто обнаруживают в древних захоронениях черепа жертвенных животных. Если череп имеет пробоину во лбу, то без сомнения можно считать это делом рук древних башкир, прототюрков, тюрок. К сожалению, этот признак еще не использовался археологами при идентификации захоронений на Урале, несмотря на то что бычьих черепов с пробоиной во лбу найдено немало в могильниках эпохи бронзы.

Проследим, насколько же историчен эпос «Урал-батыр» в разрезе ездовых животных. В начальной части эпоса, сложенной в недрах каменного века, дети – Урал и Шульген, ездили на львах. Это, видимо, мифический образ, но нельзя сбрасывать со счетов пещерных львов – первых домашних животных предков древних башкир, живших с ними в тех же пещерах. Ведь служат же собаки ездовыми животными в районах Крайнего Севера. А тогда наступление ледника на Урал сделало климат значительно более холодным, чем в настоящее время. Может быть, в те времена на Урале собаки или пещерные львы были единственно возможным видом транспорта. Во всяком случае, мелкие ездовые животные выглядят более естественно, чем, например, лошади в климатических условиях, характерных для околледниковой территории. В конце эпоса, когда эпоха бронзы сменяется золотым веком, мифы рассказывают, что к древним башкирам сошел с небес легендарный конь Акбузат. Это иносказательный символ, поэтому, спускаясь с небес на землю вслед за Акбузатом, можно сказать, что здесь речь идет о приручении предками древних башкир лошади.

Сыновья Урала уже ездили на обычных конях – толпарах. В литературе почему-то толпаров относят к легендарным, сказочным коням. Я с этим не могу согласиться. Толпар – это обычный боевой башкирский конь, имеющий лишь одну особенность, которая заключается в позднем рождении, в появлении на свет ближе к осени. Поздние жеребята подходят к зиме в очень раннем возрасте. Шансов выжить на вольном выпасе у них практически нет. Еще не окрепнув, они оказываются вынужденными переносить все тяготы жестокой зимней поры: добывать корм из-под снега, разбивая ледяную корку своими совсем еще слабыми ногами, отбиваться и уходить от хищников. Многие из таких жеребят погибают в первую же для них зиму. А вот те, которые выживали, очень ценились башкирами за жизнестойкость, боевой и смелый характер. Именно таких жеребят башкиры выращивали себе под седло для участия в боевых походах, из них и вырастали толпары. Об этом мне рассказывали старики на наших сабантуях. Они знали в конях толк, воевали на них.

Как видим, и в разрезе ездовых животных в эпосе соблюдается определенная последовательность: от простейших ездовых собак и пещерных львов к приручению лошадей и верховой езде. Причем эта последовательность согласуется и с изменениями климата в послеледниковый период. История народа и изменения природы встают перед нами как одно целое.

Сопоставляя эпос «Урал-батыр» с другими священными писаниями и сказаниями, нельзя обойти отношение к жертвоприношению людей. По Библии, иудеи приносили в жертву Богу своих детей. Юные создания, не успевшие получить никаких травм на своем теле, наилучшим образом подходили для этих целей. Авраам, боясь послушаться своего Бога, повел на заклание своего сына Исаака, связал ему ноги и руки, но их Бог, видя покорность Авраама, остановил его. Арии-индоевропейцы, придя на Урал со своей верой в бога Диве, также приносили в жертву людей, употребляя в пищу мясо жертвы. Однако предки древних башкир еще в эпоху бронзы прогнали их со своей земли, изжили этот дикий обычай:

Смерть, видимую для глаз,
Мы прогнали из страны, уничтожили [навсегда],
Кровожадных дивов [всех]
Перебили, горы сложили из них...

«Смерть, видимая для глаз» – это публичное зрелищное прине-сение в жертву людей. В эпосе есть упоминание и о «смерти, невиди-мой для глаз» – гибели от недугов и болезней. Жертвоприношения людей были главным пороком языческих религий и сохранялись очень долго. Римляне жгли христиан на ритуальных кострах в начале нашей эры. В языческой Европе такие жертвоприношения продолжались и в средние века. В Киевской Руси последний младенец Иоанн был принесен в жертву в конце X в., незадолго до крещения Руси, и стал первым святым мучеником Русской право-славной церкви.

Башкирский эпос «Урал-батыр» – это священное сказание древ-ней религии прототюрков и тюрков – тенгрианства, или тенгризма, на западный манер. В религиоведении ее относят к языческим культам, с чем, конечно же, нельзя согласиться. Для язычества характерны многобожие, идолопоклонство и человеческие жертво-приношения. Ничего этого нет в тенгрианстве. У предков древних башкир был единый бог – Тенгре, Чистое Голубое Небо. Это был творец – всемогущий, всевидящий, всезнающий. Даже Господь

иудеев не был столь свободен, ибо состоял в договоре со своим народом, а договор всегда предусматривает обязанности сторон.

Пантеон, окружавший Тенгре, представлял собой сообщество служителей, исполнявших его волю, как ангелы например. Это в первую очередь царь птиц Самрау и его дочь лебедь Хумай, принимающая временами человеческий облик. Не от этих ли превращений в семитских религиях появился ангел в образе человека с крыльями?

Ясно одно: задолго до появления на Ближнем Востоке семитских религий и священных писаний на Урале уже была распространена монотеистическая религия с богом единым – Тенгре. Историк Геродот в V в. до н. э. из сотен упомянутых им в его «Истории» народов выделил аргиппеев – предков древних башкир, назвав их священными. В древности, до нашей эры, мировой религиозный центр располагался не на Ближнем Востоке, а на Урале. Здесь зародилось тенгрианство, а затем и зороастризм, причем первоначально, как отмечал все тот же Геродот, зороастрийцы также поклонялись Чистому Голубому Небу – Тенгре, что совпадает со строками из эпоса «Урал-батыр»:

Дочь падишаха каждый год
Себе выбирает одного;
После нее сам падишах
Рабов отбирает для дворца;
А оставшихся людей
В жертву приносят Тенгре.

Суть откровений Заратуштры заключается в следующем. Их главное божество – творец всего благого Ахура-Мазда, который представляется хранителем *аша* (порядка, праведности, справедливости). Ему изначально противостоит Ахриман – зловердный, порочный и жестокий, как и все дэвы. Ничего нового Заратуштра не придумал. Он хорошо знал священное сказание своих предков по отцу, эпос «Урал-батыр». Стержень эпоса – борьба праведного Урала, стремящегося принести счастье и благоденствие родному народу, со своим братом Шульгеном, вставшим на сторону темных сил зла и мракобесия.

Если представления о грандиозном потопе, изложенные в башкирском эпосе «Урал-батыр», вполне согласуются с известным потеплением климата в древности и таянием ледников, то библейские строки о всемирном потопе не имеют такой природной основы. Невозможно представить себе Ближний Восток, залитый

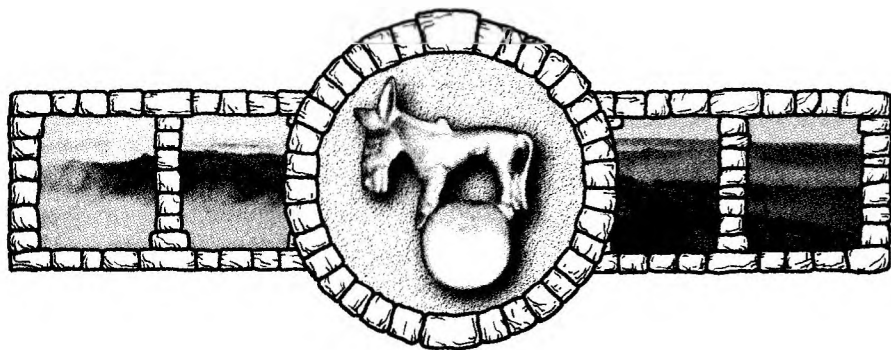
водой. Лишь больная фантазия, пораженная религиозным фанатизмом, может представить себе картину потопа на Ближнем Востоке. Отметим и то, что спасительная для Ноя и его спутников земля в виде горы Араратской появилась на далеком от иудеев севере.

Все это, в совокупности с указанными выше совпадениями сюжетных линий эпоса «Урал-батыр» с библейскими мотивами, свидетельствует о том, что многие краеугольные камни Библии были перенесены ариями с Урала на Ближний Восток. Другими словами, в текстах Библии есть сюжеты, заимствованные из эпоса «Урал-батыр».

Башкирский народный эпос «Урал-батыр» созвучен не только с Библией и «Авестой», но и с древним киргизским эпосом «Манас». У киргизов Иштяк (от арийского «захватчик»), предок башкир, приходится дядей по материнской линии их легендарному Манасу. И в этом сомневаться не приходится, зная давние взаимоотношения башкир и киргиз-кайсаков. Барымта – угон скота и умыкание невест – обычай, широко распространенный среди тюркских народов.

Только судьба у этих священных писаний и сказаний различна. Библия и «Авеста» давно уже стали объектом пристального внимания историков всего мира. Наши ученые – такие как А. Валиди и Р. Кузеев, считающиеся классиками истории башкирского народа, в своих трудах неоднократно упоминают и «Огузнаме», старинный дастан огузов, и «Манас», и другие писания и сказания тюркских и иных народов. Вот только башкирский эпос «Урал-батыр» они ни разу (!) не удостоили своим вниманием. О какой же истории башкирского народа, ими созданной, можно говорить, если она разработана без изучения исторического эпоса, сложенного самим башкирским народом?

Глава 4

ПОД ДЕВЯТЬЮ ЯРУСАМИ НЕБА

Переход от охоты и рыболовства к скотоводству сильно изменил отношения между людьми, родами и племенами. Это был величайший шаг в истории человечества – появилась собственность. Если раньше охотничья добыча принадлежала всему роду и распределялась по принципу «кто успел, тот и съел», то теперь скот уже имел своего хозяина. Более того, домашние животные, особенно лошади, знают по себе, сами порождают чувство хозяина. Это уже близкие живые существа, разделяющие с человеком многие невзгоды, помогающие ему. А главное, каждый человек стал вкладывать свой труд в содержание животных и получать от них продукты питания, одежду. Делиться со всем родом ему уже совсем не хотелось. Если родство люди еще и ощущали, то «общий стол» пропал.

Разведение домашней скотины неизбежно выдвигало мужчину на первое место как хозяина этих животных, защитника стад и воина, что не могло не привести к возникновению патриархальных отношений. И женщины теперь уже не хотели жить сами по себе и вести в одиночку тяжелую борьбу за выживание себя и своего потомства. Они старались сблизиться с мужчинами, имевшими скот и способными прокормить и защитить их и детей. Так стали возникать патриархальные семьи.

Появилось «мое»: скот, женщины, дети – и «чужое». Свое надо было защищать, а чужое – захватывать. Отсюда возникли грабительские набеги на соседние племена. Отдельные поселения по

традиционной осевой конструкции уже не спасали от врагов. Возникла необходимость в укрепленных городищах.

Они не могли не появиться, но археологи долгое время вели их безуспешные поиски. Тот же К. В. Сальников в 1965 г. с сожалением писал:

«Городища с земляными валами и сохранившимися до наших дней рвами среди памятников культур эпохи бронзы на интересующей нас территории, действительно, неизвестны. В других районах они появились рано. Еще на заре эпохи бронзы, в энеолите, у ранних земледельцев и скотоводов трипольской культуры (нижнее Приднепровье. – *Р. В.*) возникает необходимость в защите своих поселений. Общеизвестно круговое расположение жилищ на трипольских поселениях, которое обычно рассматривается как вызывавшееся необходимостью ограждения стад».

Как видим, уважаемый археолог предсказал не только строительство городищ, но и круговое расположение жилищ в них, земляные валы и рвы. Такое городище будто стояло у него перед глазами. Да и предпосылки для этого были.

Дело в том, что в XVIII в. до н. э. климат на Урале был намного теплее современного и до XV в. до н. э. среднегодовая температура повышалась. Поэтому, вслед за ариями-абашевцами, на Урал продвинулись и другие южные племена скотоводов, относящиеся к так называемой срубной культуре, названной так по их обычаю обрамлять свои могилы небольшими срубам. Эти племена зародились в степи, имели большее количество скота по сравнению с ариями-абашевцами, и их изделия из бронзы отличались функциональным разнообразием: топоры различной формы, тесла, пещни, загнутые серпы. У срубняков, назовем их так, металл из области украшений реально перешел в сферу орудий труда и оружия. Срубняки не занимались людоедством, и потому их покойники в невредимом виде укладывались в могилу – на левый бок с согнутыми коленями и руками, сложенными у лица.

Это так называемая поза адорации, символизирующая обращение к Богу, покорность ему. Они и в жизни в такой позе же общались с Богом. Вставали на колени, руки прикладывали к груди, прижимая ладони друг к другу, склоняли голову. У этих людей была совсем другая религия, нежели у ариев-абашевцев. Если Заратуштра призывал людей творить добро, чтобы помочь богу Ахура-Мазде в борьбе с силами зла, возглавляемыми Ахриманом, то поза адорации срубняков говорила уже о всесии Бога, покорности ему людей и просьбе милости.

Человек у арийцев считался помощником Бога, его соратником, а у срубняков – это уже раб божий. Такая религия сближала сруб-

няков с предками древних башкир, поклонявшихся богу Тенгре, всемогущему и всемогущему, от которого полностью зависела судьба людей.

Итак, эпоха бронзы началась на Урале с переселения сюда сначала ариев-абашевцев – с верованиями и культурой древнегреческого происхождения, иафетидов по Библии, и степняков – носителей срубной культуры, имевших значительно большее количество скота и иную, нежели у ариев, веру. Однако археологи уловили и некоторое родство между этими волнами пришельцев. Они обнаружили их совместное поселение близ современной деревни Ст. Ябалаклы в Чишминском районе Республики Башкортостан. И арии, и степняки хоронили своих покойников на одном общем могильнике, и те и другие отсыпали могилы курганами. Что-то общее между ними было – возможно, они говорили на одном языке. К сожалению, наши археологи и этнографы так и не распознали ни происхождения ариев-абашевцев, ни этническую принадлежность степняков-срубняков.

А вот средневековым историкам они были известны. Французский историк-писатель Самуэль Бошар (1599 – 1667) степняков определил как киммерийцев, а их предшественников в северных странах, ариев, – как ионийцев и фракийцев. Основываясь на Библии (Бытие, гл. 10), он дал следующую картину их происхождения: «...киммеры (степняки. – *Р. В.*) от Гомера, Иафетова сына, произошли, пришли из Армении в полуночную (северную. – *Р. В.*) страну и обходя места по обе стороны Дона, после долгого странствования там поселились. С ними единокровцы были от Яфана (Иаван, также сын Иафета. – *Р. В.*) ионы и фраки, от Тира (знаменитый финикийский город. – *Р. В.*) происходящие, которые прежде них пришли, гонимые сзади гомеритами, Грецию и страны по Истру (Дунаю. – *Р. В.*) завоевали» [10. С. 314].

Итак, по Бошару, подтверждается наше утверждение о том, что арии-абашевцы имели то же происхождение, что и древние греки – от ионийцев и фраков, говорили на одном из диалектов древнегреческого языка. Пришли же арии-абашевцы на Урал и в Поволжье с берегов Дона, вытесненные оттуда степняками-киммерийцами. Сообщения Бошара удивительным образом перекликаются с трудами современных ученых, причем как археологов, так и филологов [13, 14].

Н. И. Ашмарин обнаружил в чувашском языке своеобразные элементы, следы какого-то древнего языка – не финно-угорского и не тюркского, возможно восходящего к древнейшим индоевропейским диалектам. Это послужило Н. Я. Марру основанием назвать

чувашей «иафетидами на Волге» – в смысле потомков библейского Иафета, сына известного Ноя.

Бошар писал об ионийцах – греках, гонимых сзади киммерийцами. Археолог К. В. Сальников также отметил: «Материалы абашевских памятников убеждают, что сосуществование срубного и абашевского населения не могло продолжаться долго. Абашевцы были вынуждены уйти из Башкирии» [8. С. 226].

И в связи с ариями-абашевцами, и в связи со срубниками он неоднократно упоминал на Урале местное энеолитическое население, культура которого проявлялась и в своеобразии керамических сосудов, и в украшениях, и в медных орудиях. Так, К. В. Сальников в 1937 г. раскопал энеолитическую стоянку местного населения Кусы-куль близ города Миасса, датирующуюся первой половиной II тысячелетия до н. э. Он представлял себе это население как охотников, рыбаков, собирателей орехов и ягод, не имеющих еще домашнего скота, но знакомых с медью и умеющих делать из металла примитивное оружие в виде ножей и наконечников для копий. Именно такими мы видим предков древних башкир в первой половине эпоса «Урал-батыр».

Константин Владимирович очень сожалел, что нет археологических данных по местному населению, что археологи не проявили еще должного интереса к горно-лесной зоне Урала. А об эпосе «Урал-батыр», надо полагать, он вообще не знал. Над своей замечательной книгой «Очерки по древней истории Южного Урала» он работал в 60-х гг. XX в.

В это время пожелтевшие листки с текстом эпоса «Урал-батыр», исписанные рукой опального М. Бурангулова, пылились где-то в архивах Комитета государственной безопасности СССР. Там они и канули в Лету, современный нам текст этого эпоса известен по отпечатанному на пишущей машинке экземпляру, сохранившемуся в научном архиве. Насколько этот текст соответствует первоначальной записи, остается только гадать.

Когда Сальников писал эту свою книгу, Бурангулов, освободившись из заключения, реабилитированный, обивал пороги партийных и научных организаций, добиваясь права продолжить писательскую и научную работу, в том числе и над эпосом «Урал-батыр». Но тщетно – партийные, писательские и научные чинуши разговаривали с ним сквозь зубы, будто его реабилитация случилась в результате какой-то ошибки. Словом, величайшее творение человеческой мысли – башкирский эпос «Урал-батыр» еще не скоро увидел свет. Не мог с ним ознакомиться и археолог К. В. Сальников. Оба исследователя ушли из жизни в 1966 г.

А теперь вернемся вновь в эпоху бронзы к степнякам-киммерийцам, переселившимся на Урал вслед за ариями. Приведем здесь и самые древние письменные сведения о них. Выше я упоминал о надписи на Бехистунской скале, сделанной по приказу персидского царя Дария в честь его побед и свершений. Эта надпись выполнена на трех языках: персидском, эламском и аккадском и высечена на отвесной скале на высоте 105 метров. Все три надписи, по-видимому, не идентичны, в исторической литературе пишут о трех отдельных версиях. Так вот, в аккадской версии этой надписи киммерийцы упомянуты как саки, обитавшие севернее Окса (Аральского моря) [9. С. 587]. Это уже совсем интересно, ведь саки хорошо известны в уральской истории. Как говорится, концы сходятся с концами, – значит, мы на верном пути.

Рассмотрим теперь вкратце, что собой представлял тогда этот народ. По данным археологов, их хозяйство основывалось на скотоводстве, в стаде ходили все виды домашних животных: корова, овца, коза, свинья и лошадь. Корова преобладала, давала мясо и молочные продукты. Второе место в мясном питании занимали лошади или мелкий рогатый скот. На юге, ближе к степям, преобладали овцы, а севернее – лошади. Свиней разводили в лесной и лесостепной зонах, степные районы не благоприятствовали содержанию этих животных.

Археологи, изучая коренной перелом в истории человечества, связанный с переходом к содержанию домашних животных, считали, что скотоводство не ограничивалось получением мяса, молока, шерсти, шкур и т. д. Дескать, нет никаких оснований сомневаться в использовании лошади в качестве тяглового животного в запряжке. Их заявления основывались на обнаружении в Башкирском Приуралье элементов конских удиц, костяных псалий, которые применялись еще предшественниками срубных племен – абашевцами. Добавим сюда, что к тому времени срубняки уже имели и двухколесные повозки. Горячие головы даже считали их боевыми колесницами, запряженными специально выученными лошадьми. Да, были и псалии, уздечки и повозки, но с запряжкой лошади археологи явно поторопились.

Для того чтобы запрячь коня, нужна упряжь, уздечки здесь явно мало. Упряжь – это достаточно большой набор элементов, охватывающих шею лошади и ее туловище. Во всем мире по-разному запрягают лошадей, видов упряжи много. Так называемая русская упряжь, кроме уздечки, содержит дугу, хомут, седелку, подпругу, вожжи, чересседельник, подбрюшник и шлею. Без хорошей упряжи лошадь, в силу ее подвижного типа поведения, невоз-

можно запрячь в повозку и использовать в качестве тяглового животного, тем более в боевых условиях. На разных примитивных приспособлениях она в поездке либо изранит себя, либо ломает повозку.

Первым тягловым животным были волы – ездовые быки более крупных размеров, как правило кастрированные. И такие животные были у срубняков. Если судить по найденным костям, то в их стаде имелось две породы крупного рогатого скота: одна мелкая, мясо-молочная, а другая крупная, по-видимому тягловая. Волы срубняки запрягали в повозки с помощью примитивного хомута – деревянного ярма, накладываемого на шею. Волы не так подвижны, как лошади, поэтому такая примитивная упряжь для них была вполне пригодна. Что же касается запряжки лошади в повозку, то определенно можно сказать, что это транспорт не срубняков, а их далеких потомков. А вот для верховой езды на лошади уздечки и примитивной перевязи, позволяющей закрепить овечью шкуру на спине коня, вполне достаточно.

И это уже огромный скачок в жизни человека. Люди становятся более подвижными, начинают перегонять свои стада с зимовий на летние пастбища, меняют их по мере поедания травы, заготавливают и перевозят сено. Так возникает полукочевой образ жизни с недалекими сезонными переездами – яйлажное (от башк. *йэйләү* – «летняя стоянка, яйлау») животноводство.

Земледелие срубных племен оставалось примитивным, но по сравнению с ариями стало более совершенным. В арсенале орудий труда срубняков, наряду с каменными мотыгами, появились косари для расчистки пойм рек от кустарников, серпы для уборки урожая. Для перемалывания зерна в муку использовались каменные зернотерки и песты. Одним словом, земледелие не играло существенной роли в жизни срубных племен. Питание они разнообразили за счет собирательства, искали дикий мед, собирали орехи, ягоды: землянику, клубнику, калину, малину, черемуху, смородину.

Что же касается горного дела и металлургии народов, живших на Урале в эпоху бронзы, то их рудники стали известны еще в XVIII в. от известных академических экспедиций. Большинство из них располагалось в Зауралье. В то время при работах на Каргалинских медных рудниках неоднократно находили глиняные тигли и другие предметы, связанные с древней металлургией. Их доставляли в контору владельца рудника Пашкова на Воскресенский завод (Стерлитамакский уезд), но, к сожалению, судьба этих предметов неизвестна.

«Все рудопромышленники, – отмечал И. Лепехин, – единогласно уверяют, что жившая некогда чудь (древние народы. – Р. В.) самую лучшую руду отбирала. Она никогда порядочно руды не добывала, но, лазя под землей наподобие кротов, отковыривала лучшую руду кабаньими клыками».

П. Паллас упоминает о находках слитков меди вместе с тиглями из бслей глины в древнем Сайгачьем руднике на реке Бердянке к востоку от Оренбурга. Тут же оказались кости погибших рудокопов, вислообушные топоры и крюкастые серпы срубного типа. Эти орудия использовались для расчистки территории, а топоры дополнительно применялись еще и в качестве кирки.

Если выплавка меди из руды производилась на рудниках, то отливка медно-бронзовых изделий выполнялась на поселениях, где найдено множество литейных форм и тиглей. По следам этих древних копей и начиналась на Урале российская горнодобывающая промышленность, ведь своих рудознатцев русские заводчики не имели.

Руководители академических экспедиций XVIII в. описали на Урале и другие следы срубной культуры. Так, П. Паллас, побывав на реке Сим, отметил древний их обычай огораживать могилы несколькими венцами срубов: «Напоследок приехали мы в одну, над ручьем в Лемез впадающим, лежащую башкирскую того же имени деревню, в кою въезд проложен через башкирское кладбище, где могилы отчасти хворостом оплетены, а отчасти небольшим срубом отличены».

По мнению археологов, появление киммерийцев – носителей срубной культуры – в Урало-Поволжском регионе относится ко второй четверти II тысячелетия, к XVIII–XVIII в. до н. э. Это время можно назвать «медной лихорадкой» на Уральских горах и в предгорьях. Известия о находках залежей медных руд быстро разлетелись по бескрайним евразийским просторам. Люди двинулись за металлом, из которого уже делали не только украшения, но и новые, более производительные орудия труда, оружие высокой поражающей силы.

И местное население получило импульс для своего развития. Оно разводило тех же животных: коров, овец, лошадей, но на их подворьях не было свиней. Значит, эти люди не имели никакого отношения к Средиземноморью, к древним грекам, так любившим свинину. Их религия и погребальный обряд также сильно отличались от традиций пришельцев. Предки древних башкир, как и арии-абашевцы, были огнепоклонниками, но, в отличие от последних, не берегли чистоту огня. По обычаям дедов и отцов,

живших в начале II тысячелетия до н. э. в пещерах на реке Юрюзани, они сжигали своих покойников. При этом они считали, что огонь с помощью дыма уносит души людей прямо к Богу – в Чистое Голубое Небо.

Это были весьма цивилизованные люди. Они умели готовить кисломолочные продукты, используя для этого сосуды с отверстиями около дна для слива густых осадков. Из шерсти они уже делали ткани, а не только войлок. В их поселениях, занимавших 1 – 3,5 га с 10 – 15 хижинами, выявлены небольшие печи, сложенные из отлично обожженных кирпичей с полусферическим, купольным сводом. Самое удивительное, что эти кирпичи оказались сделанными руками женщины! На поверхности кирпичей сохранились отпечатки ее маленьких пальчиков.

Гениальная женщина! Она не только лепила этими пальчиками глиняную посуду, маленькие кирпичи, но и умела отжечь их и сложить печь с купольным сводом. И это 3,5 тысячи лет тому назад! Пройдет время, и из таких кирпичей начнут строить жилища, здания и сооружения, а купольные своды появятся над храмами, мавзолеями, дворцами в далекой Европе! Купола разойдутся по всему миру, через тысячу лет римляне станут считать их своим изобретением, но никто не вспомнит женщину с маленькими пальчиками, сложившую на Урале первый купол из кирпичей, сделанных своими руками.

После ухода большей части ариев-абашевцев – воинствующих зороастрийцев во главе с Заратустрой, возникли благоприятные условия для развития единой для всех уральских народов религии – веры во всемогущего и всеильного бога Тенгре, представляемого в виде Чистого Голубого Неба. Религиозные различия стираются, что неизбежно приводит к возникновению общих поселений и могильников. Процесс сближения и скопления скотоводческих племен наиболее интенсивно развивается в районе современного города Магнитогорска. В этом плане наиболее показательно Мало-Кызыльское селище. На его могильнике в большинстве погребений костяки лежали скорченно, на левом боку, в упомянутой выше позе адорации. Однако в каждом кургане хотя бы одно захоронение отступало от этого правила: в первом оказалось трупосожжение, во втором – костяк в сидячем положении, в третьем – на спине. Именно такие отличия, указанные здесь как исключения из правила, станут позже характерными для прототюркских и тюркских народов.

Здесь зародилась наша Уральская цивилизация. В определенном смысле ее можно считать Прототюркской, но не потому, что

тюрки ее создали, а потому, что она дошла до тюркских народов, сформировала их образ жизни, материальную культуру, обычаи и верования. Эта цивилизация возникла в более холодном климате, чем, например, Средиземноморская, считающаяся «колыбелью человечества». Она не имела выхода к морям и крупных судоходных рек, а те, что имелись, перемерзали на зиму. Самый простой и самый древний вид транспорта – водный – не получил здесь быстрого развития. Холодный климат не способствовал быстрому росту численности населения, продолжительность жизни была короткой. Поэтому Прототюркская уральская цивилизация в глубокой древности развивалась не столь бурно как, например, Египетская.

Но в иные моменты она резко уходила вперед. Ее несомненным преимуществом стали богатства недр Урала. Как только история человечества вышла на переломный момент – выплавку и использование металлов, так темпы развития Прототюркской цивилизации резко возросли, стали опережающими по сравнению с южными цивилизациями. С началом выплавки бронзы она стала играть одну из главных ролей на арене мировой истории.

Развитие скотоводства, сосредоточение металлических изделий в поселениях неизбежно должно было породить грабительские набеги. Так уж устроен человек: зависть с самой древности толкала его на подвиги. Ну и, конечно, женщины, невесты. Они всегда были вожделенной добычей. С другой стороны, чтобы все это уберечь, надо было объединяться и строить укрепленные городища. На такие стройки требовались большие людские и материальные ресурсы, а чтобы их собрать, нужна была сильная власть. Так возникла необходимость в древнем государстве.

Количественные изменения в виде скопления скотоводческих племен в Зауралье рано или поздно должны были привести к качественному скачку – строительству укрепленных городищ. Их предсказал еще К. В. Сальников. Он писал о круговой планировке улиц, кольцевых защитных стенах и рвах. Почему именно круговую планировку городища предсказал уважаемый археолог?

Думаю, потому, что круговыми были известные ему городища трипольской культуры. Археологи мыслят аналогиями. Это их системный подход – великое достижение археологической науки. Не зря историки говорят: «Хочешь знать правду – спроси у археолога!»

Ну а почему же ставили свои дома по окружности трипольцы? На этот вопрос также не трудно дать ответ, только мыслить при этом надо математически. Но я не собираюсь утомлять читателя

математическими формулами, прошу поверить на слово, что при определенной площади, занимаемой поселением, его граница в форме окружности будет иметь наименьшую длину по сравнению, например, с квадратом, прямоугольником или любой другой кривой линией. Что это дает?

Нетрудно сообразить, что минимальная длина границы поселения при строительстве превращается в экономию материалов, людского труда и сокращение сроков возведения. Круговая оборонительная стена также дает преимущества при обороне городища – на одного воина приходится минимальный отрезок стены. При ограниченных людских ресурсах эти соображения имеют решающее значение при выборе архитектуры городища. В более многочисленных цивилизациях люди отстраивали свои города и в других формах: квадратной, прямоугольной, шестигранной.

Так появились ли предсказанные К. В. Сальниковым городища на Урале в эпоху бронзы? Конечно, появились, только нашли их археологи уже после его кончины, всего через два года.

Сейчас эти открытия уже обросли легендами. Первый культурно-археологический памятник, включающий укрепленное поселение, могильники и храм-святилище, был открыт в 1968 г. экспедицией под руководством В. Ф. Генинга. Памятник расположен в степном Зауралье на реке Синташта, левом притоке Тобола. Археологи здесь работали девять сезонов – с 1969 по 1986 г.

В конце июня 1987 г. работы уже сворачивались, собранные материалы и снаряжение уже загружали в автомобили, как вдруг прибежали двое мальчиков из соседней деревни Андреевки. Они передали археологам рассказы взрослых о том, что выше по течению реки тоже есть какие-то древние развалины. Один из мальчиков в доказательство своих слов протянул бронзовый наконечник стрелы. Это произвело на ученых впечатление, но времени на обследование указанной территории уже не было. Решено было отложить разведку на следующий год.

Однако вмешался в дело «его величество случай». Неподалеку от лагеря археологов совершил вынужденную посадку маленький самолет Ан-2, по-народному «кукурузник». Археологи помогли пилотам исправить поломку, а те, в свою очередь, проявили интерес к раскопкам. Дружеский контакт состоялся, и археологи попросили летчиков сделать круг и осмотреть долину реки выше по течению. Сведения мальчиков подтвердились! Оказалось, что и к северу от их лагеря, и на запад имеются следы древних городищ, проглядывались курганные могильники.

А затем было три года сплошных разведок. В этой округе обнаружили два десятка укрепленных городищ и их могильники. Они оказались сосредоточенными в прямоугольнике со сторонами в 350 и 150 км, протянувшемся вдоль восточного склона Уральских гор. Укрепленные поселения располагаются на расстоянии 60–70 км друг от друга. Автор этого выдающегося открытия Г. Б. Зданович называет эти городища «протогородами», ареал распространения именует «Страной городов», а саму культуру – «протогородской цивилизацией». Термины эти, конечно же, условны. Если с «протогородами» и «Страной городов» еще можно согласиться, то «протогородская цивилизация» едва ли оправдывает свое содержание.

Во-первых, «Страна городов» строилась в XVI в. до н. э., а в XIV в. до н. э. уже прекратила свое существование. Всего сто пятьдесят-двести лет – маловато для цивилизации. Во-вторых, она не имела ни самостоятельного начала, ни оригинального развития. Появление «Страны городов» явилось результатом закономерного эволюционного развития скотоводства и металлургии на Урале, более того – неизбежность ее существования и открытия была предсказана археологом К. В. Сальниковым.

Городища «Страны городов» не имели в своей архитектуре ничего особенного. Для сравнения обратимся к поселениям трипольской культуры, существовавшей в бассейнах Днепра, Южного Буга, Днестра очень долго: с 3000-го по 1700-й гг. до н. э. В поселениях трипольской культуры дома располагались по кругу или овалу, иногда строилось несколько концентрических колец из жилищ трапециидальной формы. В центре – загон для скота, окруженный домами. В поздних поселениях найдены остатки рва и вала. Многоочажные большие дома делались из глины, с плетневым или деревянным каркасом. Они разделялись перегородками на отдельные помещения. Пол имели многослойный, глиняный, иногда плитчатый, из обожженной глиняной плитки.

«Страна городов» стала коротким, но весьма значимым этапом Прототюркской цивилизации, переросшей затем в Великую Тюркскую цивилизацию. Именно здесь верования коренных жителей Уральских гор, предков древних башкир, и пришлых народов: ариев-абашевцев, срубняков-киммерийцев сформировались в единую религию – тенгрианство, что выразилось в строительстве первого тенгрианского храма. Но не будем торопиться, расскажу обо всем по порядку.

Как указывалось выше, первый из открытых «протогородов» располагался на речке Синташта, левом притоке Тобола. Он

датируется 1600 – 1500 гг. до н. э. Жилая часть комплекса площадью около 1,5 га была окружена кольцом оборонительных сооружений в виде стены из грунта и дерева, а также рвом. Сохранилось два въезда в город: южный, обращенный к реке, и северный – в направлении к храмово-погребальному комплексу и могильникам. Сооружение отдельных ворот, обращенных к храму, свидетельствует о частом его посещении и большом значении культовых мероприятий в жизни населения.

В городе сохранились участки круговой улицы с ливневой канавой и 24 жилища. Ввиду того, что улица была не прямая, дома в плане не прямоугольные, а трапециевидные. Сторона дома, прилегающая к улице, несколько больше противоположной стороны. Площади домов составляли 90 – 140 кв. м. Сооружения наземные, не землянки, стены из глинобитных блоков, иногда с использованием деревянных столбов. Жилище разделялось перегородками. Один из отсеков предназначался для хозяйственных нужд, в нем располагались колодец, очаг и погреб.

Погребальный комплекс включает два могильника: большой (40 могил) и малый (9 могил) с культовым сооружением в центре и еще несколько курганов. Здесь появились и новые, типично прототюркские черты в погребальном ритуале. Умерших хоронили в больших ямах, глубиной до 2,5 – 3 м, внутри которых устраивались как бы жилища – деревянные камеры, делалась глиняная обмазка, облицовка.

В могилу укладывалось все то, что считалось нужным покойному в потусторонней жизни: глиняные сосуды с едой и питьем, бронзовые ножи, иглы, тесла, гарпуны. Предки тюрков верили в бессмертие. Вспомним эпос «Урал-батыр». Как упорно Урал искал Смерть, чтобы победить и убить ее саму! Поэтому в могилы складывали все то, что имел покойник при жизни. Среди находок были каменные булавы, медные топоры, втульчатые копья, кремниевые наконечники стрел.

Для сравнения приведу также доисламский обряд погребения тюрков, описанный в 922 г. известным нам арабским путешественником Ибн Фадланом: «А если умрет человек из знати, то для него выроют большую яму в виде дома (!), возьмут его, наденут на него его куртку, его пояс, его лук... и положат в его руку деревянный кубок с набизом, поставят перед ним сосуд с едой, перенесут все, что он имеет (!), и положат с ним в этом доме. Потом посадят его в нем, и дом над ним покроют настилом (!) и накроют над ним нечто вроде купола (!) из глины. Потом возьмут его лошадей и в зависимости от их численности забудут 100 или 200 голов».

Это описание сделано через 2,5 тысячелетия после «Страны городов», но погребальные обряды очень консервативны и сохраняются у народов долго. Они меняются лишь со сменой религии. Пока тюрки исповедовали тенгрианство, их обряд оставался таким. Его характерные особенности: «большая яма в виде дома», «все, что он имеет, положат с ним в этом доме», «дом над ним покроют настилом и наладут над ним нечто вроде купола», а также принесение в жертву лошадей, для того чтобы покойный мог пользоваться ими на том свете.

Сохранились в городище на берегу реки Синташты и остатки колесниц, и множество костяных элементов конской сбруи – псалий. Это часть удила. Уздечка в то время была единственным элементом конской сбруи. Судя по результатам работы археологов и отсутствию сведений о находках других частей конской сбруи, лошади в «Стране городов» использовались лишь для верховой езды или как вьючные животные, а в колесницы запрягали волов.

Однако особенно интересно обнаруженное храмово-погребальное сооружение. Большой курган представлял собой полусферу диаметром 85 м и высотой 4,5 м, обнесенную вокруг рвом. Раскопки этого кургана выявили следующее. Вначале здесь хоронили покойников. Погребальный склеп состоял из камеры 3 х 3,5 м, сложенной из круглых бревен и перекрытой мощным накатом. Над камерой была воздвигнута платформа 3,6 х 3,6 м высотой 1,5 м, над платформой возвышался купол диаметром 18 м и высотой 3 м. Все сооружение было окружено грунтовой стеной, толщиной 1,5 м, и рвом, вырытым в желтой глине.

Итак, погребение, над ним насыпан курган, над курганом еще возвышение в виде платформы, а над ней купол – таков примитивный храм, первоначальный его вид. Неизвестно, сколько лет он простоял и когда разрушился. На его развалинах был сооружен другой храм – святилище, более сложное сооружение. Он имел вид девятиступенчатой усеченной пирамиды, высотой не менее 9 м, воздвигнутой из бревенчатых срубов-клетей, грунта и камыша.

Сооружение это было весьма велико, соответствовало знатности человека, погребенного под ним. Это был, видимо, вождь, а значит, главный знаток и исполнитель религиозных ритуалов. Представим себе: на девятиметровой высоте, на последнем ярусе располагалась площадка диаметром 24 м, и над ней возвышался купол! Ступени, или ярусы, пирамиды и верхняя площадка, купол использовались для ритуальных действий.

Боюсь поверить собственной догадке! И до нас дошел обычай ставить культовые сооружения на могилах святых. Вспомним хотя

бы кэшэнэ Хусейн-бека в Чишминском районе Республики Башкортостан. И его покрывает сверху купол! Древняя история оказывается не такой уж и далекой!

Именно древние тюрки делили небо на девять ярусов, видя в этом смысл, понятный только им. Девять ярусов неба – девять ступеней пирамиды! Девятка называлась у тюрков «цифрой Тенгре». В легенде о происхождении тюрков упоминается девятилетний мальчик – основатель рода, девять сыновей у волчицы, тотема тюрков.

Есть и другие признаки, связывающие население «Страны городов» с прототюркским миром, с предками древних башкир. Здесь начинает формироваться культ лошади, характерный для прототюрков и тюрков. Все чаще при похоронах жителя «Страны городов» забивается именно лошадь, предназначенная для езды на том свете. Туши лошадей складываются в погребальной камере рядом с покойником или сверху на перекрытии. Покойников иногда хоронят в сидячем положении, как, например, на Мало-Кызыльском могильнике 1. Как упоминалось выше (по Ибн Фадлану), так, сидя, отправляли в мир иной знатных тюрков.

Весьма показателен в этом плане и ритуальный жертвенный комплекс 1 городища Синташта. Он представлял собой яму почти квадратной формы. На дне ее, у середины южной стенки,

Ритуальный жертвенный комплекс 1 городища Синташта

располагался глиняный сосуд, поставленный вверх дном. Вдоль восточной стенки вплотную друг к другу лежали на нижних челюстях пять конских черепов, все параллельно в ряд, передними зубами к середине ямы. Вдоль противоположной западной стенки также на нижних челюстях и встречно, передними зубами к середине ямы покоились еще пять черепов. Крайним с севера лежал конский череп, а остальные четыре черепа принадлежали безрогим быкам. На лобных костях всех бычьих черепов обнаружены пробоины диаметром 2 – 2,5 см. Рядом с сосудом лежали два бараньих черепа.

Сейчас трудно сказать, какой ритуал здесь исполнялся. Можно лишь догадываться, что он посвящался памяти богатого и знатного человека, имевшего немалое поголовье скота. В этом случае, стоило кому-нибудь из уважаемых людей сказать: «Я видел во сне усопшего, и он говорил мне: “Вот видишь, товарищи меня уже перегнали, и на ногах у меня образовались язвы. Я не догнал их и остался в одиночестве”», как немедленно забивали одну из лошадей, некогда принадлежавших покойному, и устраивали пиршество. Шкуру коня растягивали на могиле, а череп укладывали в жертвенник и говорили: «На этой лошади он поедет в рай». И так продолжалось не единожды, возможно ежемесячно, в течение года, так как черепов в жертвеннике оказалось двенадцать. Когда заканчивались лошади, переходили на быков, а затем и на баранов.

Обратим внимание на пробоины в лобных костях бычьих черепов. Я уже выше писал о том, что башкиры в древности, до принятия ислама, забивали домашних животных ударом в лоб, и это животное называлось *һуғым*. Ибн Фадлан также отмечал: «А сами тюрки животных не закалывают, а убивают их, ударив по голове».

П. Косинцев и А. Варов [15] изучили костные остатки на поселении Тюбьяк, где проживали арии-абашевцы и срубняки-киммерийцы – соседи предков древних башкир по «Стране городов». Они описали множество фрагментов черепов крупного рогатого скота, но ни один из них не имел пробоины. Это и следовало ожидать. Библийские народы забивали скот, перерезая шейную артерию и выпуская кровь.

Сомнений не остается в том, что и жертвенный комплекс в Синташте принадлежал предкам древних башкир, был частью их поминального ритуала, исполняемого по канонам тенгрианства. Сюда следует добавить и характерные женские украшения бронзового века – такие как нагрудники из Синташты и наконечники из Старо-Ябалаклинского некрополя, мало чем отличающиеся от современных башкирских украшений.

По мнению известных археологов Н. Мажитова, В. Горбунова, Г. Здановича, истоки этногенеза народов Уральского региона, в том числе современных башкир, восходят к племенам эпохи бронзы [16]. Археологи – народ прагматичный, доверяют лишь своим материальным находкам. А башкирский эпос «Урал-батыр» рассказывает о том, что корни истории предков древних башкир еще глубже, они уходят в недра каменного века.

И купол! Как забыть маленькие пальчики той прототюркской женщины, слепившей глиняные кирпичи и построившей печь с купольным сводом. Честь ей и хвала! А в прототюркские традиции вошло строительство купольных храмов на курганных погребениях, на могилах усопших. Здесь их поминали, молились за них, общались с Богом, приносили ему жертвы. Для этого они старались подняться выше, ближе к богу неба – Тенгре.

И поныне среди башкир сохранился обычай раз в году подниматься на высокую гору всем родом, с детьми и внуками. Поднявшись, они общаются с духами предков, просят у них благословения, очищают свои души, обращаются к богу Тенгре.

Известно, что и Чингисхан перед своими походами поднимался на гору, три дня и три ночи без пищи и воды молился Тенгре, прося благословение и победу. Вот как описывает этот ритуал Р. Груссе в своей книге «Чингисхан»: «Он обернулся к солнцу, повязал на шею свой пояс, повесил на руку шапку и, обнажив грудь, девятикратно (!) поклонился солнцу (небу. – Р. В.), совершил кропление и молитву.

Здесь мы имеем дело с одной из церемоний, характерных для первобытной монгольской религии. Почести, возданные Темучжином, являлись частью ритуала поклонения алтайцев божествам гор. Именно так тюрки седьмого столетия молились покрытой лесом горе Отукен, очевидно, являвшейся одной из вершин Хангайских гор» [17].

Когда он спускался с горы, воины встречали его дружным скандированием: «Тенгре, Тенгре, Тенгре!» Отметим, что и знамя Чингисхана было девятихвостым, девятка действительно была цифрой Тенгре и прошла через всю историю тенгрианства, от самого начала в «Стране городов».

В приуральской степи высоких гор нет, поэтому прототюрки строили такие вот пирамиды. Подобное сооружение в Синташте не было единственным, и через тысячу лет пирамиды воздвигались в Зауралье (на одной из них я остановлюсь в следующей главе).

Поднимаясь на пирамиды, предки древних башкир на каждом ярусе совершали свой ритуал, обращаясь к соответствующему

ярусу неба. На верхней площадке они общались с богом Тенгре. Все остальное здесь было запрещено – по-башкирски *хәрәм*: ни есть, ни пить, ни разговаривать. Эта верхняя площадка и называлась *харам*, отсюда и пошло слово «храм». Под куполом совершалось таинство жертвоприношения.

Не здесь ли, за 1500 – 1600 лет до Рождества Христова, зародилась религия с Богом Единым? Не здесь ли человечество сделало первую попытку уйти от дикости язычества, от господства предмета: солнца, воды, журавля, деревянного идола – к господству духа! У подножия пирамиды собирались предки древних башкир на свои праздники, и сзэсны под мелодии курая протяжно напевали строки их священного сказания «Урал-батыр».

Вот оно, начало духовности. Здесь родились представления о собственной душе, о душах умерших предков, парящих в небе наподобие птиц над вершиной пирамиды, где молившиеся люди оставили им кусочки священной пищи.

А «колыбель человечества» – Средиземноморье еще 1500 лет будет поклоняться и богу солнца, и богу огня, и богу воды, и богу войны, и богу мира, и богу силы, и богу красоты, и богу любви, и многим другим богам, пока наконец не выйдет из темноты язычества и придет к Богу Единому. До начала записи Библии, священного писания иудаизма и христианства, оставалось еще двести лет!

Завершая рассказ о городище-крепости на берегу речки Синташта, необходимо отметить, что его население было довольно разнородным. Наряду с предками древних башкир, в нем проживали и остатки ариев-абашевцев. Археологи зафиксировали в могильнике и их своеобразный похоронный обряд – расчлененные погребения. Но их было уже немного. Импульс расселения ариев-абашевцев на восток, в Зауралье, иссяк, да и не степными они были людьми. Сказался также уход большей части ариев в южные страны, организованный Заратуштрой и его единоверцами.

Антропологический тип погребенных в Синташте, да и во всей «Стране городов» – протоевропеоидный, или, проще говоря, со временем такие черепа, как в «Стране городов», будут у европейцев. Европа молодая зачала от тюрка. В первых веках нашей эры, после нашествия гетов, готов и гуннов, падения Римской империи, тюркская кровь разойдется по всей Европе.

Другим археологическим открытием в «Стране городов» стал Аркаим, расположенный на реке Б. Караганка и ее левом притоке Утяганка в предгорной долине у восточных склонов Уральских гор. Памятник датируется XVII – XVI вв. до н. э. Он также имеет

укрепленное поселение и могильник. Общая площадь городища-крепости составляет 2 га [18].

Можно предполагать, что поселение возникло вокруг культовой площади, на которой собиралось местное население для решения своих насущных проблем. Площадь имела почти круглую форму диаметром 25 – 27 м. В ее центре располагалось большое ритуальное кострище.

Вокруг этой площади была построена круговая оборонительная стена диаметром 85 м и шириной по основанию 3 – 5 м. Она сооружалась из срубов, бревенчатых параллельных стенок, скрепленных поперек бревнами, и глинобитных блоков. Образовавшиеся пустоты заполнялись грунтом, но не везде – в теле стены имелись подсобные помещения, проходы, необходимые для обороны. Перед этой стеной был вырыт ров, как бы увеличивающий ее высоту. На верхней поверхности стены сооружался деревянный бруствер, служивший в качестве шита для людей, оборонявших крепость. Стена имела лишь один проход – вовнутрь. Собственно, это сооружение и было начальным этапом крепости. В случае нападения за этой стеной могли укрыться и люди, и их скот.

Дальнейшим развитием городища стало строительство жилых помещений внутри этой кольцевой стены. Все пространство между оборонительной стеной и площадью поделили глухими радиальными перегородками и получившиеся отсеки закрыли стенками со стороны площади, прорубив в них дверь. Так получились трапециевидные дома площадью 110 – 180 кв. м. Ширина жилых помещений составила 6 – 8 м, а длина – около 20 м. Окон в таких домах не было. Свет попадал вовнутрь через специальные проемы в потолке. В каждом доме около противоположной от двери стены ставилась лестница, по которой можно было подняться к проему в потолке для выхода на защитную стену в случае внезапного нападения врагов.

Примерно одну треть дома жители отводили для общих нужд. Здесь располагались водозаборный колодец, яма-холодильник, металлургические печи и другое оборудование для ремесла: гончарного дела, выделывания шкур, наковальни и горны. В остальной части помещения устраивались нары, камин, жертвенники и другие бытовые устройства. В таких домах жили большие семьи, состоящие из трех поколений. Было достаточно тесно, если учесть, что каждая женщина за свою жизнь рожала 10 – 15 раз.

По мере роста населения началось строительство второй защитной стены и еще одного ряда домов, примыкающих к ней. Но эта вторая стена имела уже четыре прохода, необходимые для общения с внешним миром. Перед ней также выкапывался ров, а

сверху устанавливался защитный бруствер. Между первым и вторым рядами домов возникла круговая улица, на которой обустроили ливневую канализацию.

В Аркаиме во внутреннем кольце было построено 27 жилищ, а во внешнем – 40. Можно сделать приблизительный подсчет численности населения. Пусть будет старшее поколение – 2 человека и 4 семьи их детей, в каждой молодой семье по 5 своих детей. Тогда нетрудно подсчитать, что в каждом доме жили 30 человек. Соответственно, во всем городище-крепости Аркаим проживало около 2 000 человек. Расчет, конечно, приближенный, но определенные представления о численности населения он дает. При заселении второго кольца домов произошел полуторакратный прирост численности – с 810 до 2 000 человек. Третье кольцо домов потребовалось бы при росте численности до 5 000 человек. Такой прирост в истории Аркаима не состоялся. Уровень производства был весьма примитивен, торговля практически отсутствовала, климатические условия не способствовали быстрому росту численности населения.

Если в «Стране городов» было около 20 крепостей, то получаем цифру 40 000. Но Аркаим был самым крупным городищем, остальные существенно уступали ему в жилой площади. С учетом этого можно считать, что общее население «Страны городов» составляло не менее 30 000 человек. Ведь нельзя исключать и того, что археологи открыли еще не все городища-крепости. Кроме того, не все население этой страны жило внутри городищ-крепостей. В одной только аркаимской долине в радиусе 5 – 6 км от укрепленного центра найдено 5 поселений бронзового века с остатками слоев XVII – XVI вв. до н. э.

При раскопках поселения собрано множество фрагментов керамики, изделий из кости и камня, орудий из металла: ножи, серпы, струги, шилья, украшения. Здесь же найдено множество предметов, связанных с выплавкой металла и металлообработкой: литейные формы, куски шлака, сопла горнов, молотки и наковальни. Вот когда предки древних башкир освоили металлургию и металлообработку! В эпоху бронзы! Русский промышленник Демидов, считающийся основоположником металлургии на Урале, родился через 3,5 тысячелетия после того как древнебашкирские женщины надели нагрудники и вплели себе в волосы нарядные наконечники с металлическими украшениями, изготовленные руками их отцов и мужей.

Поселения и могильники «Страны городов» созданы по иерархической схеме, выделены высший – управляющий и низший – подчиненный уровни. Жилища правителей и знати сосредоточены в центре, за двойным кольцом оборонительных стен, их захоро-

нения сопровождалось богатыми жертвенниками и обильными поминальными тризнами. Простолюдины жили во внешнем кольце жилищ и вне города, их могилы убраны скромнее.

Уже работала военная и архитектурная мысль. Во всем этом просматривается ранняя государственность: вождь, он же главный блюститель религиозных канонов, и жизнь по законам права, исходящего из обычаев.

Мы увидели в «Стране городов» тенгрианский храм – ступенчатую пирамиду, покрытую куполом, прототюркские могилы с курганами на них, оружие, конное снаряжение и лошадей в могилах – это «визитная карточка» тюрков и их предков. И, наконец, протоевропеоидные черепа, которые тюрки «разнесли» по большей части Евразийского континента.

А теперь обратимся к автору этих открытий Г. Здановичу (да простят меня его соавторы). Он признал «Страну городов» памятником арийских племен. «Аркаим: арии на Урале. Гипотеза или установленный факт?» – под таким заголовком вышла его статья в международном ежегоднике «Фантастика и наука» [18].

С ариями мы уже познакомились на страницах этой книги, знаем кое-что об их верованиях, можем и сами сопоставить арийскую (абашевскую) культуру со сведениями, полученными археологами в «Стране городов».

Судя по тому, что вторичные расчлененные захоронения отмечены в «Стране городов», арии там действительно проживали, но их было мало и активной роли в жизни этой страны они уже не играли. Это проявилось и в составе стада здешних жителей. Особая роль в нем принадлежала лошади, ставшей культом у тюрков и их предков, а свинья, столь любимая ариями, исчезла.

Более того, собака, священная у ариев, приносилась в жертву в «Стране городов» вместе с лошадьми и коровами и как помощница для охраны стад сопровождала покойников в мир иной. Арии собак в жертву никогда не приносили. По святости собака у ариев приравнивалась к человеку, она противостояла злым дэвам. В «Авесте» весь фрагмент 13 «Видевдата» посвящен собаке, здесь же приводятся разные наказания за ее убийство: тысяча ударов конской плетью, смерть с преждевременным отходом души, сопровождающимся ее мучительным воем. Упоминание здесь девятки – цифры Тенгре – говорит об общих истоках зороастризма и тенгрианства.

Жители «Страны городов» с большими усилиями воздвигли первый тенгрианский храм на берегу реки Синташты в виде ступенчатой пирамиды. А в канонах зороастризма не было таких традиций. Геродот писал [9. С. 131] о персах, исповедовавших

арийскую религию: «Воздвигать статуи, храмы и алтари у них не принято. Тех же, кто это делает, они считают глупцами...»

Арии, как отмечалось выше, строили свои жилища по осевой планировке – так же, как и их сородичи на берегах Эгейского моря. Такие жилища неоднократно становились находками уральских археологов. А в «Стране городов» жилища ставились по круговой схеме.

В «Стране городов» был иным и похоронный обряд. Там, как упоминалось выше, усопших погребали в обширных и глубоких могилах (3,5 м), и большинство покойных имели, в отличие от ариев, целый костяк, хотя «вторичные» захоронения здесь также встречались.

Все эти отличия населения «Страны городов» от современных им ариев говорят о том, что эта страна и ее городища-крепости, храмы создавались другим народом – прототюрками, предками древних башкир. Это начало нашей Прототюркской цивилизации, переросшей за прошедшие тысячелетия в большую семью тюркских народов.

Великую Тюркскую цивилизацию и ее истоки не искали и не изучали. Другим цивилизациям повезло больше, их исследовал весь мир, а основная территория, населенная тюркскими народами, оставалась за «железным занавесом» Советского Союза практически 80 последних лет.

Природные богатства Урала, особенно неглубокие залежи медных, оловянных и далее железных руд, дали первое преимущество Прототюркской цивилизации. Если государства Средиземноморья были морскими державами и водный транспорт играл у них ведущую роль, то Великая Тюркская цивилизация стала сугубо сухопутной. Нет худа без добра! Лошадь стала основным видом транспорта на многие века. Более трех с половиной тысяч лет конь верой и правдой служил тюрку. Обратимся вновь к башкирскому эпосу «Урал-батыр». Умирая и прощаясь со своим народом, Урал-батыр сказал:

Акбузат мой, алмазный меч
Останутся в моей стране,
Тому, кто, крепко держась в седле,
Сможет мечом владеть на войне,
Батыр тот будет всегда на коне.

Пророческие слова – конь и оружие величайшей твердости принесли боевую славу тюркам и обеспечили распространение Великой Тюркской цивилизации на большей части Евразийского

континента. В эпосе прослеживается культ коня, характерный для тюрков. Акбузат (конь серой масти) и Харат (золотистый конь) — чудесные крылатые лошади. Акбузат после гибели Урал-батыра пригоняет с неба на Урал коней, которых приручают предки древних башкир.

Само слово «лошадь» тюркского происхождения. Тюрки для военных походов и работы использовали мерингов кастрированных жеребцов. Мерин по-тюркски *алаша*. Отсюда родилось русское слово «лошадь».

Первенство в использовании лошади под вооруженным всадником обычно отдают ассирийцам. Их история изучена, конечно, лучше, чем история тюркских народов. Однако едва ли ассирийцы первыми стали воевать верхом на конях.

В «Стране городов» предков древних башкир уже хоронили вместе с их конями. А приручили лошадей прототюрки почти на тысячу лет раньше, в эпоху энеолита, когда они жили и развивались в составе носителей так называемой суртандинской культуры, имевших уже домашних животных и примитивные орудия из меди. Территория распространения суртандинской культуры перекрывает «Страну городов», но суртандинцы жили на этой земле в конце IV — III тысячелетиях до н. э., и в основном по берегам озер.

Бронзовый век был ознаменован переселением человека на берега рек. Появившимся в то время домашним животным стала нужна чистая проточная вода. В этом плане «Страна городов» оказалась в весьма интересном месте. Здесь ось водораздела притоков Урала, несущего свои воды на юг, к Каспийскому морю, и Тобола, впадающего в Иртыш и далее в Обь, текущую на север, к Ледовитому океану. Может быть, это и есть самое «высокое» место на Земле?

Высоту горных вершин обычно измеряют от «уровня моря», и Уральские горы в таком измерении не самые высокие. А мерил ли кто-нибудь высоту гор от центра Земли? Ведь планета Земля — не идеальный шар, и вполне может оказаться, что вершина Эверест в Гималаях — не самая удаленная от ее центра точка.

Но, так или иначе, Бог посеял дикую пшеницу и дикий ячмень здесь, в Приуралье, в башкирской степи. И не только этим он указал место начала цивилизации. Он создал еще здесь природную кладовую, дав человеку медь, золото, серебро, железо, марганец, радиоактивные и другие металлы, нефть и уголь. Действительно, «Страна городов» родилась в Богом помеченном месте. А какую судьбу предначертал он ей?

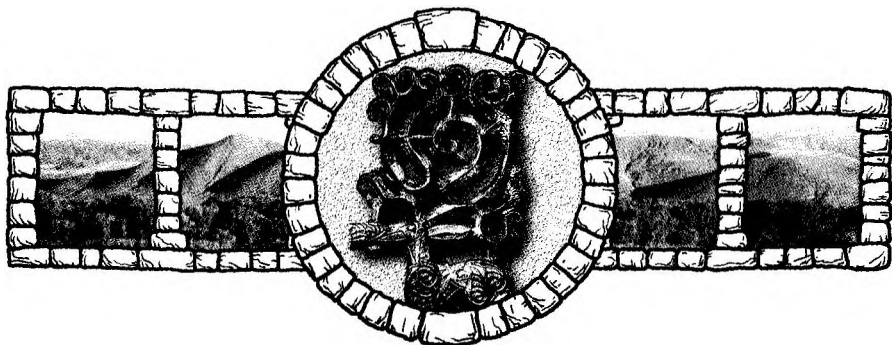

Эта страна просуществовала по историческим меркам недолго, сто пятьдесят – двести лет, с XVII по XV в., а потом по непонятным причинам была покинута ее жителями. Много это или мало, можно поспорить. Вся история великого и могучего Советского Союза умещается в какие-то 70 лет. За это время страна прошла путь от деревянной сохи до освоения космоса, от маленьких речных мельниц до гигантских гидроэлектростанций. Но не в сроках вопрос, а в том, почему жители покинули свою процветающую страну и почему далее в уральской истории не встречаются более такие городища-крепости, как Аркаим. Археологи не дают ответов на эти вопросы. Никаких следов вражеского нашествия, голода, эпидемий среди людей или скота они не выявили. Наиболее вероятной причиной ухода жителей мог явиться лишь какой-то природный катаклизм. Древние люди были практически беззащитны от напастей природы.

За время существования «Страны городов», с XVII по XV в. до н. э., климат в Приуралье оставался заметно теплее современного, причем среднегодовая температура еще более повышалась с одновременным снижением количества осадков. Однако в XV в. произошло резкое похолодание климата, а количество осадков возросло [19]. Что же могло произойти в результате такого изменения климата? Превратилась ли степь в полупустыню? Или, наоборот, зимы стали более суровыми, выпали глубокие снега и скот остался без корма? Пока остается только гадать, но, возможно, со временем появятся какие-то новые сведения, проливающие свет на эту тайну.

А куда же делась культура строительства городищ-крепостей? Думаю, что она не пропала, скорее, осталась невостребованной. «Страну городов» создала сильная династическая власть, правившая в течение двух веков на густонаселенной территории. Это весьма субъективные факторы, которые позже могли и не сойтись на одной территории в одно время. Но и в этом вопросе остается надеяться на новые открытия. Может быть, где-то есть развалины городов-крепостей, построенных этими людьми на новом месте, но местные мальчики все никак не добегают до археологов или самолет-«кукурузник» все никак не сломается около их лагеря. Будем ждать и надеяться.

Глава 5

ЗОЛОТОЙ ВЕК ПРОТОТЮРКСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Мы оставили племена предков древних башкир Аркаим, Синташ, Таналык (названия условные) в 1700 – 1500 гг. до н. э. в Зауралье на стыке гор и степи. Если здесь действительно имело место начало цивилизации, то со временем должно быть ее развитие в том или ином виде. Какова судьба этих племен?

В изучении истории обычно движутся от поздних временных пластов к более ранним временам. Этой науке не свойственны прогнозы. А если все-таки пойти нетрадиционным путем? Что, если попытаться составить прогноз, а затем сравнить его с реальной картиной исторических памятников прогнозируемого времени?

Всякое новое зарождается тогда, когда продолжается старое. Попробуем нащупать системные связи в развитии Прототюркской цивилизации. Если они подтвердятся и приведут к ожидаемому новому состоянию, то это будет подтверждением и исходного «старого», и ожидаемого «нового». Системный подход не даст нам ошибиться.

Возьмем в качестве отправной точки «Страну городов» 1700 – 1500 гг. до н. э. и попробуем представить себе народ этой местности через 1000 лет, в V в. до н. э.

Прототюрки «Страны городов» умели строить теплые, просторные жилища. Это способствовало хорошей рождаемости и выживаемости молодого поколения. Их жилища находились внутри оборонительных сооружений. Народ мог защитить себя, а значит, уберечь от уничтожения, от больших потерь. В таких усло-

виях можно ожидать рост народонаселения, и через 1000 лет здесь должен быть многочисленный народ или его остаток.

В «Стране городов» умели выплавлять и обрабатывать металл, и располагалась она на восточных отрогах Урала. Трудно найти более богатую природную кладовую. Прототюрки, конечно же, найдут серебро и золото – здесь, в Зауралье, оно рядом. У них будет много золота! Золото станет их отличительной чертой. Золото – мягкий металл. Если бронзовый век дал возможность освоить литье и ковку, то на мягком металле прототюрки научатся и другим, более сложным, способам его обработки.

Они поймут, что любой металл можно резать инструментом из другого более твердого металла. Они смогут плющить его в небольшие листы, а лист металла раздвинет новые горизонты. Однажды, может быть случайно, человек надавит на нагретый золотой лист твердым предметом, и лист тут же примет форму этого предмета. Так они освоят новый вид обработки металла – штамповку.

Конечно, в первую очередь прототюрки будут использовать золото для украшений. Следует ожидать, что это будут украшения для человека. Потом они украсят золотом сбрую коня, посуду, оружие. Какими будут эти украшения? Что на них будет изображено? Так же, как и первобытный человек, рисовавший на стенах пещер зверей и сцены охоты, прототюрок будет изображать своих домашних животных, а также диких зверей, всадников, стреляющих из лука.

Найдут они и железную руду. Она тоже здесь рядом. Это гора Магнитная. Поэтому, может быть, раньше других, они научатся выплавлять железо, варить сталь. Те способы обработки металла, которые прототюрки постигнут на золоте, они перенесут и на железо. Безусловно, это даст Прототюрокской цивилизации огромные преимущества перед другими цивилизациями. Ведь уровень развития навыков обработки металла – это мерило технического прогресса, качества и количества металлического оружия и орудий труда.

Прототюрки научатся воевать на лошади. Имея оружие высокой твердости и остроты, легкую и тяжелую кавалерию, они, можно прогнозировать, завоюют степь и покорят огромные пространства.

Похоронный обряд прототюрок также не трудно прогнозировать. Он должен сохраниться, не на века, а на тысячелетия. По-прежнему покойников они будут ложить в закрытую погребальную камеру, перекрывая ее сверху накатом из бревен. Сверху над

несколькими захоронениями насыпят курган. Над курганами с могилами знатных людей, вождей или царей они будут строить культовые сооружения. Отличительной чертой этих храмов будет купол.

Определенный порядок в устройстве поселений «Страны городов», наличие архитектурной и военной мысли при строительстве говорят о том, что эта страна кем-то управлялась. Поэтому можно ожидать, что и через тысячу лет здесь будет какое-то государство во главе с единым правителем.

Итак, около V в. до н. э. в Приуралье, а возможно, и по всему Южному Уралу с примыкающей к нему степью, мы спрогнозировали новый прототюркский народ. Он велик числом, могуч, хорошо вооружен, богат, имеет много золота. Его культура очень высока, он живет в государстве с единым правителем и поклоняется единому богу Тенгре. Такой очень богатый и сильный народ должен быть известен остальному миру.

* * *

Здесь можно спрогнозировать еще одну, внесистемную, связь. Это взгляд наших современников – археологов на Великую Тюркскую цивилизацию. Многие из них вышли из советской поры. Не допустят они у прототюрков ни многочисленности, ни мощи, ни развитой культуры, ни первенства в обработке металлов. Не увидят они и нашей древнейшей религии – тенгрианства. Они скажут: «Нет пантюркизму». Если мы и найдем на исторической арене спрогнозированное нами государство прототюрков, оно не будет историками признано прототюркским, а будет каким-нибудь иным.

Вопреки здравому смыслу и многочисленным признакам, выявляющим древних прототюрков, их памятники, как обычно, припишут какому-нибудь исчезнувшему народу, не оставившему в истории сколько-нибудь заметных следов. И эту страницу вырвут из тюркской истории безжалостной рукой. Не было тогда на исторической арене «старшего брата» – русского народа, значит, и у древних башкир не было никакой культуры, никакого золота – одна тьма и нищета!

* * *

Действительно, через 1000 лет Прототюркская цивилизация стала известна остальному миру. Весть о ней разнесли купцы и путешественники из «колыбели человечества» – с побережья Средиземного моря.

В VI – V вв. до н. э. греки построили на берегу Черного моря торговый город Ольвию. Отсюда торговые караваны причерноморских кочевников-скифов доходили и до Уральских гор, закупали здесь меха. Купцы и рассказывали грекам о народах, живших в тех краях.

«Отец истории» Геродот записал эти сведения в 445 г. до н. э., чем и обессмертил свое имя. Упомянув о разных ордах, кочевавших по Великой степи, он пишет о главном народе степей – сильных массагетах, победивших Кира. Тогда ими правила царица Тимербике, «железная женщина», Тамара или Томирис – на греческий лад.

Скудные сведения дошли до нас об этом народе. Раз была царица, значит, было и царство, была государственность у этого народа. И потом, под предводительством женщины победить Кира! Это царь Персидской державы, один из самых могущественных правителей Древнего Востока. Упомянут и в Библии как великий и мудрый правитель.

Царство массагетов практически неизвестно нашей истории. Да и самой истории Урала нет в истории Древнего мира. Будто и не жили здесь люди в древности и не было столь могущественного народа, властителя Великой степи, разбившего самую сильную армию того времени. Осталось от него лишь описание той войны с Киром, относящееся к 530 г. до н. э. Однако и это может дать определенное представление о массагетах. Кого же и как они разбили?

В 558 г. до н. э. Кир стал царем Персии и через 5 лет освободил свою страну от владычества Мидии. В течение следующих 2 лет им были покорены и другие страны, также входившие в состав Мидийской державы: Парфия, Гиркания и, вероятно, Армения.

Вскоре персы захватили все города на Малоазийском побережье Средиземного моря. Между 545 и 539 гг. до н. э. Кир завоевал восточно-иранские и среднеазиатские страны Дрангиану, Маргиану, Хорезм, Согдиану, Бактрию.

После этого он решил начать войну с Вавилонией и в сентябре 539 г. покорил это царство. Кир принял титул «царь Вавилона, царь стран» и разрешил иудеям восстановить Вавилонскую башню, в связи с чем и упомянут ими в Библии.

Надо отметить, что Кир имел очень сильную армию. Именно ему приписывали авторство в изобретении боевой колесницы с двумя воинами, один из которых управлял лошадьми, а другой стрелял из лука. На одной из персидских печатей даже изображалась сцена, где стрелок из такой колесницы поражает

стрелами льва. В армии Кира была и легкая кавалерия – воины передвигались верхом на конях, вооруженные копьями, защищенные панцирями и бронзовыми щитами.

Все страны к западу от Персии и до границ Египта добровольно подчинились персам. Кир, несомненно, готовился захватить и Египет. Однако он решил прежде обезопасить северо-восточные границы Персидской державы. Сильные массагеты с востока, от Каспийского моря, совершали набеги на его владения в Средней Азии.

В 530 г. до н. э. Кир предпринял поход в Среднюю Азию. Незадолго до этого кочевые племена саков захватили Бактриану – область между Амударьей и Сырдарьей, подчиненную персам.

Вот как описывает поход Кира на саков знаменитый греческий географ Страбон, живший на рубеже нашей эры (64 г. до н. э. – 24 г. н. э.). По его словам, Кир двинулся походом на саков, но, побежденный в сражении, бежал. Потом, расположившись на стоянку в том месте, где он оставил багаж со множеством припасов, и особенно вина, Кир дал войску немного отдохнуть, а затем, оставив палатки, полные припасов, под вечер выступил, делая вид, что бежит. Пройдя сколько ему показалось нужным, Кир остановился. Саки между тем подошли и, захватив лагерь, полный съестного и вина, наелись и напились до отвала. Тогда Кир возвратился и застал саков обезумевшими от пьянства. Одни из них были перебиты спящими, другие же пали от мечей неприятеля в то время, когда плясали без оружия. Почти все саки погибли.

Окрыленный устроенным побоищем, Кир двинул свою армию на массагетов. Переправившись через большую реку, предположительно Амударью, персы заманили массагетов в ловушку и уничтожили часть их войска. И здесь Кир проявил крайнюю жестокость. Он убил плененного сына царицы Тимербике [13]. Увидев это, окруженные массагеты стали биться с отчаянием обреченных. После жесточайшей схватки они наголову разбили персов. Погиб и сам Кир – «царь стран».

Царица Тимербике приказала отрубить мертвому Киру голову, положить ее в меховой мешок и залить кровью, чтобы насытить ею кровожадного врага. Этот мешок и другие останки Кира массагеты вернули персам в назидание. Сохранилась гробница Кира в Пасаргадах.

Кто же они, столь воинственные, мужественные массагеты? О них мало что известно. Они не в почете у наших историков, этнографов и археологов. Даже сакам, разбитым Киром во время пьяного куража, повезло больше. Их знают, известны их погребения,

область обитания, обряды, вооружение, посуда, украшения. Саки были потомками известных нам срубняков-киммерийцев.

А массагеты? Будто в одночасье возник этот могущественный народ, покоривший всю Великую степь, и столь же быстро пропал после победы над Киром. Однако ни один народ не появляется вдруг и не исчезает бесследно.

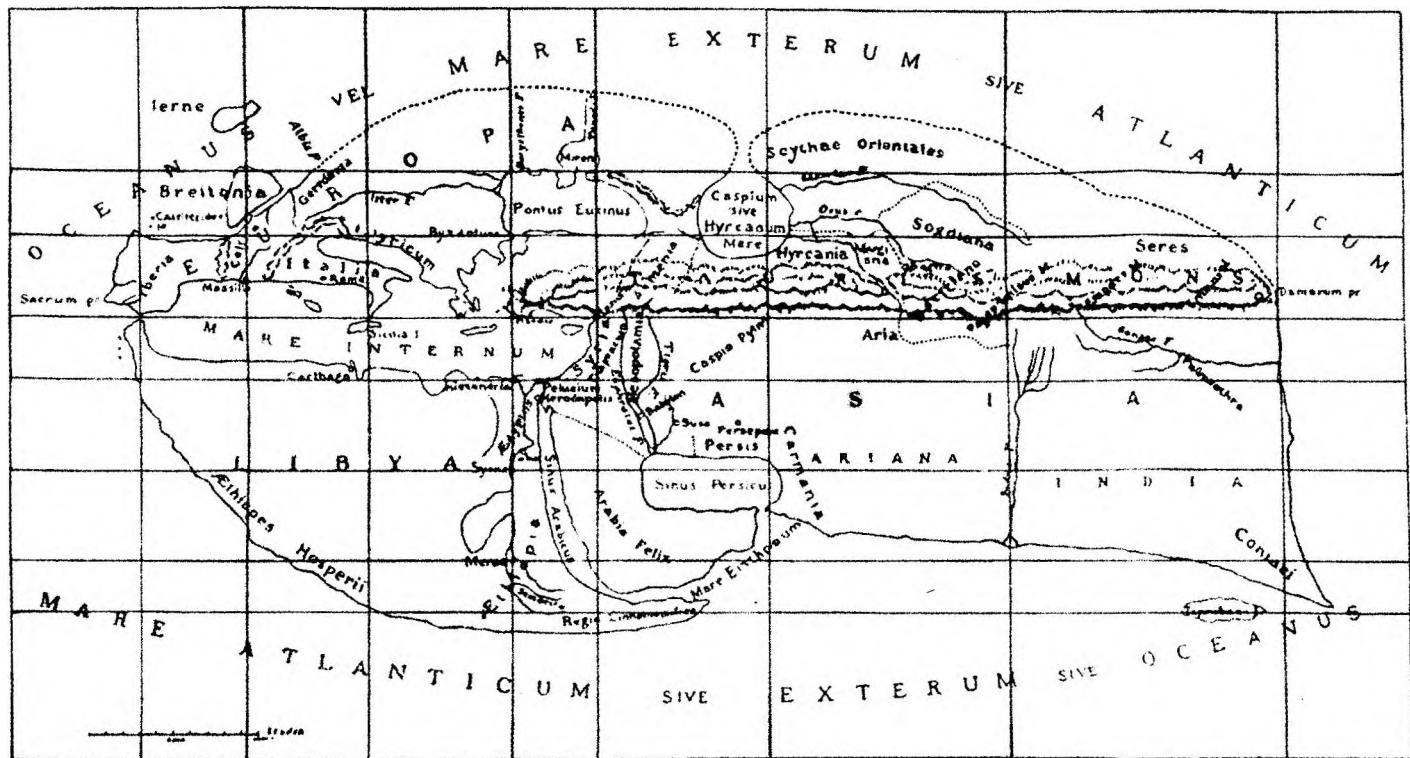
А что же массагеты? Они тоже не пропали бесследно. Это был очень многочисленный народ, занимавший огромную территорию. По сведениям того же Страбона, одни массагеты жили в горах, другие – на равнинах, третьи – на болотах, четвертые – на островах. В качестве ориентира, определяющего страну обитания массагетов, Страбон обозначил реку, которая на севере впадает в Северный Ледовитый океан, а другим устьем – в Каспийское море.

Ясно, что два устья у реки быть не может и такой реки нет. Страбон за одну реку принял две реки: Урал и Тобол. Расстояние между истоками Урала и Уя, самого крупного притока Тобола, не более 5–6 км. Если исключить этот прогал, то действительно получается как бы одна река, текущая и в Северный Ледовитый океан, и в Каспийское море. Купцы, бывавшие на Урале, по-видимому, поднимались к верховьям реки Урал (Яик) и по притокам Тобола проникали дальше на север в поисках шкурок соболей. Это был путь «из греков в тайгу». От сообщений купцов Страбон и придумал такую реку, он назвал ее Араксом. Чтобы понять это сообщение, необходимо знать карту мира, составленную Страбоном [20] (См. с. 102). По этой карте Каспийское море сообщается протокой с Северным Ледовитым океаном. Как бы то ни было, страну обитания массагетов Страбон обозначил достаточно определенно, пусть и таким нелепым способом. Это Уральские горы, степи Приуралья, Зауралье, озерный край, болота Западно-Сибирской низменности.

Но ведь именно здесь, на восточных отрогах Уральских гор, близ истоков Урала и Уя, мы оставили «Страну городов» за тысячу лет до сражения массагетов с Киром. Конечно, войско царицы Тимербике вернулось домой. Они привели с собой пленных персов, к ним примкнули и пришли на Урал племена, жившие в оазисах прикаспийских пустынь – предки туркмен.

Теперь поищем следы массагетов, персов, туркмен на территории Урала и Приуралья в недалеком прошлом.

На северо-востоке современного Башкортостана расположено село Месягутово – центр Дуванского района. Род *мясогут* был в составе древнебашкирского племени Тамьян, и сегодня многие башкиры, проживающие на берегах Ая, считают себя не айлин-

Карта мира по Страбону

цами, а тамьянцами. Есть деревня Месягутово и в Янаульском районе. Другая деревня Мясогут зафиксирована в XVIII в. П. Рычковым в 163 верстах юго-восточнее Уфы, в Зауралье, совсем недалеко от «Страны городов».

Мясогут – это и есть сохранившийся этноним от «массагет», который с начала нашей эры в Европе станет известен как «гет», а позже, во II – III вв. – как «гот».

Там же, на северо-востоке Башкортостана в XVIII в. отмечалась Трухмен(Туркмен)-Тавлинская волость, населенная потомками саков – туркменами, а в шежере тырнаклинского рода встречаются персидские имена [21].

Итак, спрогнозированный нами могущественный, многочисленный, воинственный народ, потрясший весь мир разгромом персидского царя Кира, нашелся. Это массагеты. Они заняли огромную территорию: Урал, Приуралье, Западно-Сибирскую низменность, захватили и покорили прилегающие степи.

Что это за народ? Какова его материальная и духовная культура? Обратимся вновь к сочинениям Геродота [9. С. 215]. Но читать Геродота следует с пониманием того, что он писал с чужих слов, по сообщениям разного рода купцов и путешественников. Кроме того, он был греком. Отсюда понятна определенная субъективность и тенденциозность его сообщений. Отбросим также его замечания о дикости нравов азиатов, свойственные писателям «цивилизованных» стран, которые легко подхватывали разные небылицы о далеких народах. Итак, слово Геродоту.

«Массагеты носят одежду, подобную скифской, и ведут похожий образ жизни. Сражаются они на конях и в пешем строю. Есть у них обычно луки, копья и боевые секиры. Из золота и меди у них все вещи. Но все металлические части копий, стрел и боевых секир они изготавливают из меди, а головные уборы, пояса и перевязи украшают золотом. Также и коням они надевают панцири, как нагрудники. Уздечки же, удила и нащечники инкрустируют золотом. Железа и серебра у них совсем нет в обиходе, так как этих металлов вовсе не встретишь в их стране. Зато золота и меди там в изобилии», – пишет он.

Какие выводы можно сделать из этого сообщения Геродота? Массагеты сражались верхом на конях и в пешем строю – нет и намек на боевые колесницы, так же как и на другие элементы конской сбруи, помимо уздечки и перевязи, закрепляющей баранью шкуру на спине лошади. Воин, сидящий на коне верхом, оказался более маневренным и боеспособным по сравнению с бойцом на колеснице. Боевая колесница становится эффективной

тогда, когда она легка по конструкции, несет вооружение, значительно превосходящее оружие одиночного воина, и есть дороги, по которым она может проникнуть в тыл или боевые порядки противника.

Так во времена Гражданской войны, в наше время, на тачанки устанавливали пулеметы, имелся запас боевых гранат, а отдельные воины были вооружены значительно слабее: пехотинцы винтовками, а кавалеристы – пашкой и пикой. Конечно, в таких условиях применение боевых тачанок оправдывало себя. Но в эпоху бронзы достичь для колесницы такого превосходства в вооружении было невозможно, и она не давала какого-либо превосходства в бою. Возможно, в армии Кира и были боевые колесницы, но эффективность их оказалась невысокой и он в буквальном смысле поплатился головой за это.

А Геродот продолжает: «Об обычаях массагетов нужно сказать вот что. Каждый из них берет в жены одну женщину, но живут они с этими женщинами сообща. Ведь рассказы эллинов о подобном обычае скифов относятся скорее к массагетам. Так, когда массагет почувствует влечение к какой-нибудь женщине, то вешает свой колчан на ее кибитке и затем спокойно совокупляется с этой женщиной».

Ну, греки, греки... Геродот – старый вун и фантазер! Какие только небылицы не выдумают они о людях другой веры! Еще бы написал, что муж этой чужой жены, хозяин повозки, стоит рядом и терпеливо ждет, пока его женой кто-то попользуется! Слышал какую-то байку об обычаях скифов-кочевников и перенес ее на массагетов, нimalo не задумываясь.

На самом деле все было по-другому. До Геродота купцы донесли, что среди массагетов существует семейный обычай многоженства, не принятый в остальном мире.

Если массагет-прототюрк брал в жены девушку, он оплачивал калым ее родителям. Новая семья создавала свое хозяйство. Массагеты в то время жили пастушым животноводством и рыбной ловлей. У них было много скота. Рождались дети. Жизнь воина была недолгой. После военных походов многие семьи оставались без хозяина. Однако прототюрки не бросали на произвол судьбы своих вдов, ее детей и их хозяйство. Кто-то из братьев погибшего становился ее мужем. Вдова, ее дети со своим хозяйством присоединялись к его семье. Иногда вдова была много старше своего нового мужа, порой подростка. Этот обычай помогал росту численности народа даже при частых войнах и прошел через

2,5 тысячелетия. Последний раз наблюдался в 1946 г. после Великой Отечественной войны среди башкир Салаватского района РБ.

Геродота называют не только «отцом истории», но и «отцом лжи» за его склонность подхватывать и вполне серьезно описывать разные «жареные» выдумки заезжих рассказчиков. Сам он был греком и, конечно, знал о каннибальских наклонностях своих предков. Видимо поэтому, он не упускал случая покуражиться на этот счет, описывая другие народы:

«Никакого предела для жизни человека они (массагеты. – *Р. В.*) не устанавливают. Но если кто у них доживет до глубокой старости, то все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо варят вместе с мясом других жертвенных животных и поедают. Так умереть – для них величайшее блаженство. Скончавшегося же от какого-нибудь недуга они не поедают, но предают земле. При этом считается несчастьем, что покойника по его возрасту нельзя принести в жертву».

Сам себе противоречит древний историк. Вроде массагеты, по его словам, давали жить своим старикам и старухам сколько захотят, предела не устанавливали, а тут – раз, и хватит! пора в котел вместе с молоденьким барашком – сынок младшенький вон и нож уж точит! Вот и верь после этого древним письменным источникам! Но не все сведения Геродота такие «жареные», есть и деловые: «Хлеба массагеты не сеют, но живут скотоводством и рыбной ловлей (в реке Аракс чрезвычайное обилие рыбы), а также пьют молоко. Единственный бог, которого они почитают, – это солнце. Солнцу они приносят в жертву коней...»

Геродот отмечает здесь единобожие прототюрков-массагетов, принесение Богу в жертву коней, но считает его солнцем. Это его ошибка, возможно порожденная неточностью перевода слов информаторов, ведь и до него сведения доходили через скифов. Прототюрки поклонялись Чистому Голубому Небу (Тенгре), а днем на нем сверкало Солнце. Они неразделимы – отсюда путаница.

Страбон в своих писаниях следовал «Истории» Геродота, но сделал и некоторые обобщения, касающиеся массагетов, саков и других племен, населявших Великую степь: «Они постоянно нападают на своих соседей и затем снова примиряются с ними». Тюрки издавна грызутся между собой, как собаки, – это Страбон отметил абсолютно точно. И виной тому я считаю Великую степь и их образ жизни.

Тюрки держали много скота. Им всегда не хватало пастбищ, которые ведь только весной-летом зеленеют и цветут, а к осени выгорают. Зеленая трава остается лишь по опушкам леса, по

берегам больших и малых рек и озер. Здесь и начинаются стычки, порой льется кровь.

Если ты один, хотя бы и верхом на лошади, заехал на стойбище к тюрку, то он будет тебе искренне рад, проявит все тюркское гостеприимство. Но если ты со своим скотом оказался в пределах прямой видимости, то берегись. Табунный жеребец мог угнать кобылиц соседа, а разборка шла с оружием в руках. Впрочем, кража коней и невест из соседнего племени за преступление не принималась, а считалась мужской доблестью.

Евреи, те, не в пример тюркам, ничего не имели, сорок лет шли за Моисеем по пустыне и сплотились. Бедность сплавливает, а богатство разъединяет – это правило справедливо и сегодня.

Вот бы тюркам такую сплоченность! Они бы еще тогда, во времена Геродота, покорили бы весь мир! Но Бог раздал «всем сестрам по серьгам»: кому лихих коней и острые шашки, а кому – сплоченность.

Страбон, конечно, ни массагетов, ни саков не называл тюрками. Однако он уже видел, что формируется новый народ: «У всех такого рода племен находим и некий общий образ жизни, о чем я нередко упоминаю: их погребальные обряды, обычаи и весь быт схожи; это люди самобытные, дикие и воинственные, однако при деловом общении честные и не обманщики...»

И это тоже Великая степь! Она не только срабатывала тюркские племена и затем их мирила, но и объединяла их в один народ. Формировала единую материальную и духовную культуру. Степь была пространством общения и дала тюркам единый язык, схожий быт и обычаи. Благодаря степи один и тот же, по сути, народ расселился по ее бескрайним просторам от Дуная и Днепра до Дальнего Востока, до Китая, от таежных лесов до песков Средней Азии.

Великая степь для Прототюркской цивилизации была тем же, что и река Нил для Египта, Средиземное море – для греков и римлян. Это была великая транспортная система – транссибирская магистраль. В степи не только кочевали, по ней вели торговлю, держали связь со всем остальным миром. Причерноморские степи подступали к греческим городам на берегу Черного моря, а оттуда уходили уже морские пути по всему Средиземноморью. На общем языке легче было общаться. По степи разносилась культура, передавалось умение плавить и обрабатывать металл, переходили из рук в руки лучшие образцы оружия и доспехов, украшений, конской сбруи.

А где же спрогнозированное нами богатство прототюрков? Не только Геродот и Страбон писали об их богатстве золотом, но и башкирский эпос «Урал-батыр» рассказывает:

Когда предстал таким Акбузат,
Весь майдан был изумлен:
На спине его лежало седло,
А к луке того седла
Привешен меч алмазный.
Лука золотая у седла,
Золотые удила в узде...

Как видим, текстовые сведения о необыкновенном богатстве золотом предков древних башкир совпадают между собой. Вслед за эпохой бронзы на Урал пришел век золотой. Заметили ли его археологи?

Современником массагетов был всемирно известный теперь Филипповский курганный могильник, датирующийся рубежом V – IV вв. до н. э. Он расположен в междуречье Урала и его притока Илека, неподалеку от деревни Филипповка Илекского района Оренбургской области.

Опять река Урал и ее притоки! На притоке Урала Б. Караганка стоял древний город Аркаим и другие поселения «Страны городов», а на Илеке – открыт Филипповский курганный могильник. Здесь недалеко Каргалинские медистые песчаники, золото-полиметаллические месторождения Баймакского рудного района, отличающиеся повышенным содержанием в рудах золота, серебра, свинца и бария. Золото, серебро и медь были в то время легкодоступны, добывались на поверхности земли. Эти мягкие металлы и дали прототюркам возможность научиться новым методам металлообработки и с помощью их создать изделия высочайшей культуры. Последние и были найдены при раскопках Филипповского курганного могильника.

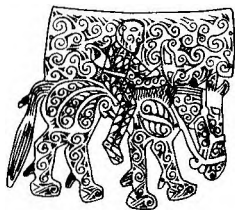
Этот могильник состоял из 25 земляных курганов различных размеров, среди которых 3 были «царскими». В 1986–1990 гг. раскопки на этом могильнике проводила экспедиция под руководством А. Пшеничникова. При раскопках центрального кургана была обнаружена могильная яма круглой формы диаметром 20 м, глубиной около 2 м, имевшая с юга коридор – вход, длиной 17,5 м. Над ямой возвышался шатер с мощными стенами из толстых бревен, поставленных под углом 40–45° в 5–7 рядов. Коридор также

был перекрыт бревнами, построен в виде тамбура с мощными воротами на 4 столбах.

Курган неоднократно подвергался ограблению, однако археологам удалось найти два тайника, вырытые рядом с могильной ямой. В 1-м тайнике найдена деревянная посуда, окованный золотом серебряный сосуд; во 2-м – золотая и серебряная утварь, большое количество золотых украшений: накладок и нашивок.

В коридоре обнаружены предметы вооружения и конского снаряжения. Слева, у входа в могильную яму, найдены 5 фигур оленей, а справа – 4 железных предмета серповидной формы, обложенные листовым золотом, и 4 круглые бляшки, инкрустированные цветной пастой. В самой погребальной камере находилось более 600 изделий из золота! Есть смысл описать эту коллекцию из драгоценных металлов, разделив ее на группы.

Первая группа – это золотые и серебряные листы, которыми отделаны фигуры оленей. Вторая группа – золотые украшения деревянной посуды, различные украшения стенок сосудов, ручки-ушки – всего более 30 предметов. Деревянные части посуды не сохранились. Однако, судя по металлическим оковкам, она была самая разнообразная: чашка, миски, ковши, пиалы, кувшины. Третья группа представляет собой утварь, полностью изготовленную из золота и серебра: золотой кувшин с двумя ручками в виде фигуры летящего архара; золотая чаша, золотая подставка полусферической формы с изображением 2 верблюдов, хищной птицы и волка; два серебряных ритона; серебряный плоскодонный сосуд

Золотые изделия из Филипповских курганов

горшковидной формы, инкрустированный золотой проволокой. Четвертую группу представляют золотые литые и штампованные украшения: накладки, нашивки, выполненные в зверином стиле, женские подвески, бляшки. Пятая группа – оружие и конское снаряжение: железный меч и кинжал, точильный камень в золотом футляре, железные удила с псалиями, обложенными листовым золотом. А. Пшеничнюк в энциклопедии «Башкортостан» пишет: «Центральный курган являлся усыпальницей знатной семьи. Вероятно, это было захоронение вождя племени, возможно, и вождя союза племен ранних кочевников Южного Урала».

Каких же кочевников имел в виду А. Пшеничнюк? Он отнес Филипповский могильник к памятникам раннесарматской культуры. Как же сам А. Пшеничнюк охарактеризовал эту раннесарматскую культуру в статье, посвященной сарматам, помещенной в той же краткой энциклопедии «Башкортостан»? «Этот народ не имел поселений, пользовался глиняной посудой, находился на стадии разложения первобытно-общинного строя», – пишет он.

Чудеса, да и только! Первобытные люди, кочующие родами по степи, как бездомные собаки, не имея поселений, обрабатывают металл на уровне некоего металлургического комбината. Здесь и литье, и ковка, и резание, и шлифовка, и прокат в листы, и штамповка, и пайка, и волочение в проволоку. А художественный уровень какой? Это надо видеть, словами не описать. Едва сарматы научились есть из посуды, делать глиняные горшки, как – нате вам! – деревянная посуда, изумительно отделанная золотом и серебром, золотые и серебряные чаши, кувшины, ритоны, украшения в зверином стиле, только звери большей частью не степенные: горные бараны-архары, олени, пантеры, тигры, кабаны.

В могилах сарматов археологи находили мечи, кинжалы, копья, стрелы, остатки конского снаряжения. И все!

Так чем же они обрабатывали дерево, чтобы сделать из него деревянную посуду? Для этого нужен набор деревообрабатывающих инструментов.

Чем же они плавили руду и получали металл? Для этого нужны горн, сопла для него, тигли, клещи. Их у сарматов тоже не было.

Даже если предположить гениальность первобытного сармата, то для изготовления этих изделий нужны плавильни и кузницы, инструменты и штампы. Ничего этого у сарматов, конечно, не было.

Была кибитка, запряженная парой волов, медленно бредущих по степи, десяток баранов и пара коров, поднимающих за кибиткой пыльный след, да пара голодных псов, замыкающих шествие. Вот

и все хозяйство сарматской семьи. Ранние сарматы жили первобытной общиной и не имели ни государства, ни царей. Поэтому говорить о «царских» захоронениях в Филипповских курганах, имея в виду ранних сарматов, вовсе не приходится.

Крупные могильники сами по себе свидетельствуют об оседлости жившего здесь народа. Могильник – это часть коммунального (общего) хозяйства города или городища, как, например, колодцы, ливневая канализация и т. п. И если такое поселение близ могильника еще не обнаружено, то это вовсе не означает, что его там не было.

Самым почитаемым животным у населения, оставившего после себя Филипповские курганы, был олень. Его изображения, фигурки встречаются здесь наиболее часто. Олень был тотемом прототюрок, ранних тюрок и высветился позже в гуннской истории, как указующий гуннам путь в Европу. В более поздней истории тюрок их тотемом становится серый волк. Были и переходные варианты. Так, например, согласно монгольским легендам, праотец монголов родился от серого волка и дикой лани.

Среди сокровищ Филипповских курганов нередко изображения двугорбых верблюдов, горных баранов, сайгаков, пантер, волков, тигров, реже встречаются кабаны, косули, лошади и рыбы.

Изображенный животный мир может в некоторой степени рассказать и о среде обитания народа: от лесной тайги, где обитали олени, до пустынь с верблюдами. Грифоны – фантастические птицы, стерегущие золото, по Геродоту, были тотемами уральского народа под названием исседоны. Это люди, жившие на берегах уральской речки Исети – левого притока Тобола.

А. Пшеничнюк пишет, что звериный стиль изображений находит из Филипповских курганов имеет много общего с искусством саков Средней Азии и Казахстана, алтайских племен скифского времени, скифов Северного Причерноморья.

Всех «замаскированных» прототюрок перечислил здесь автор открытия, кроме массагетов. Будто не было тогда на исторической арене этого самого могущественного народа, главенствующего в Великой степи.

А ведь именно у массагетов, по описаниям Геродота и Страбона, было много золота. Это их тюркские могилы в Филипповских курганах с традиционными еще со времен Аркаима и Синташты погребальными камерами, курганами и куполами над ними. Это их реки Урал и Тобол, указанные Страбоном как одна река, текущая в двух направлениях. Здесь найдено предсказанное нами выше

золото прототюрок, искусство их древней цивилизации. Массажеты имели свою мощную державу во главе с царицей Тамарой.

Я встретился с А. Пшеничнюком и прямо спросил его: почему он относит сокровища Филипповских курганов к ранним сарматам? Ведь он сам в энциклопедии «Башкортостан», в разделе о сарматах написал, что они не имели поселений, значит, не было у них и больших кладбищ – могильников. Сарматы находились на стадии разложения первобытно-общинного строя, имели глиняную посуду, а здесь она деревянная, отделана золотом и серебром, у них не было никаких инструментов для обработки дерева и золота. Налицо слишком большая разница в уровне материальной культуры сарматов и сокровищ из Филипповских курганов.

И что они, сарматы, – в степи, в своих юртах, на очагах тлеющего кизяка (топливо из сухого прессованного навоза) плавил металл? Для этого нужен более жаркий огонь, уголь – каменный или древесный, дубовый или березовый. Высокой температуры в очаге не получить и золото не расплавить, если не раздувать огонь горном. Его у сарматов тоже не найдено.

Что же – первобытные кочевники раскатывали металл в лист, штамповали его, паяли, сваривали, волочили проволоку? Чем? Инструментов ведь у них таких также не найдено, несмотря на то что сарматских курганов раскопано немало.

Анатолий Харитонович пытался убедить меня в том, что у нас неверное представление об уровне культур степных кочевников, что она значительно выше, чем мы привыкли думать.

«Представления о культуре, конечно, могут быть разные, – возразил я, – а вот материальная часть культур весьма определена. Если у сарматов не было элементарных плавильных устройств, инструментов для обработки дерева и металла, значит, не их эти замечательные золотые творения, не ими созданы, а другим народом. А уже выставки идут под сенсационной вывеской «Сарматское золото»!

К концу беседы А. Пшеничнюк несколько изменил свою точку зрения об авторах и хозяевах сокровищ Филипповских курганов в лице ранних сарматов. Разница в уровне материальных культур была не просто огромна. Эти культуры были несопоставимы. Он сказал, что выделяет лишь временной пласт, к которому относились эти сокровища, а вопрос о творцах оставляет открытым. Он также согласился со мной и в том, что в степи в юрте, на коленке, таких изделий не сделать. Нужны стационарные плавильни с необходимым набором оборудования, кузницы с инструментом и

хотя бы хороший древесный уголь. Интересно, отразится ли его новая точка зрения в его дальнейших публикациях?

В начале 2006 г. историческая общественность отметила 70 летие А. Х. Пшеничнюка. Вышел юбилейный сборник трудов «Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время [22]». Есть там и статья юбиляра «Звериный стиль Филипповских курганов», в которой он детально описал и систематизировал золотые изделия Филипповки.

В этой статье А. Х. Пшеничнюк относит Филипповские курганы к «самым богатым раннекочевническим памятникам на Южном Урале и в Нижнем Поволжье». Однако отмечает близость стиля филипповских изделий и творений лесостепных и лесных народов, хотя и настаивает на принадлежности своих находок к культуре древних кочевников. В заключение он написал: «Единство и своеобразие звериного стиля Филипповки дают полное основание говорить о наличии у южноуральских номадов (кочевников. – Р. В.) своей мастерской или собственной школы по производству ювелирных изделий. Были, вероятно, у древних кочевников Южного Урала и свои ремесленные центры, и мастерские по изготовлению оружия, конского снаряжения, украшений и т. д.».

А в условиях натурального хозяйства того времени сюда следует добавить и плавильни для выплавки железа, кожевенные мастерские для получения кожи, используемой в конском снаряжении (уздечки, перевязи) и одежде (пояса, защитные доспехи). Получается ремесленный город, древнее городище по крайней мере. Тогда понятно и наличие здесь крупного могильника в виде Филипповских курганов.

Но какие же они тогда номады – кочевники, тем более ранние? Здесь речь может идти об оседлом, более цивилизованном народе, а не о степных бродягах сарматах.

Завершая разговор о золотых изделиях Филипповских курганов, хотелось бы отметить следующее. Во всех публикациях об этих находках речь идет об оленях. Но и сам А. Х. Пшеничнюк заметил [22. С. 29]: «Характерна также “горбоносость” оленей. Подчас затруднительно определить, кто изображен на том или ином рисунке – олень, лось, сайгак или косуля».

Сайгаки и косули не имеют ветвистых рогов, они у них лишь слегка изогнуты. А вот изделия, изображающие «оленей» с ветвистыми рогами, выдающими в них старых самцов, имеют еще одну, не замеченную до сих пор деталь – бороду под нижней челюстью. Художник умело стилизует ее под дополнительную подставку, но этот элемент присутствует всюду, где есть ветвистые рога.

Сочетание горбоносости, ветвистых рогов и бороды выдан изделиях не оленя, а лося. Ни северные олени, ни маралы горбоносы, ярко выраженной бороды не имеют. Лось же, наоборот горбонос, а старые самцы с ветвистыми рогами бывают приня жены еще и солидной бородой.

В этом плане весьма показателен рисунок [22. С. 30. № 9] изображающий горбоногого зверя с рогами и бородой, поедающего грибы. Причем делает он это, опустившись на колени. Неоднократно приходилось видеть, как лоси поедают коренья поверхности земли, например озимь или сахарную свеклу полей. При этом они опускаются на колени. Видимо, так же едят и грибы.

Лось – зверь лесостепи. Отсюда вывод – изделия создавались лесостепной зоне, для лесостепного народа, имеющего тотем в виде лося, возможно, мастерами – выходцами из городов-оазисов Средней Азии, хорошо знающими и верблюдов, и сайгаков архаров.

Статьи коллег А. Х. Пшеничнюка в этом сборнике также касались темы Филипповских курганов. Антрополог Р. М. Юсупов [22. С. 63 – 65] изучил черепа погребенных в Филипповских курганах. Что же показали его исследования? Какими расовыми чертами обладали эти люди?

Как оказалось, смешанными, они имели два компонента: арийский, лесной, близкий к срубно-андроновскому варианту степной, связанный с сако-массагетскими племенами, а так монголоидную примесь с Алтая. Ничего общего с сарматами и савроматами.

С массагето-сакским миром археологи А. Ковригин, Л. Корякова, П. Курто, Д. Ражев и С. Шарапова [22. С. 187 – 203] связывали обычай деформации черепа – длительное ношение на голове ребенка специальной повязки, придающей черепу яйцеобразную форму. Так они определяют северную границу распространения массагето-саков. Это озерно-болотистая местность южнее Тюмени в пойме Тобола.

Хочу отметить, что яйцеобразные черепа археолог Н. Мажитов нашёл и при раскопках Бирского могильника, относящегося к бахмутинской культуре (V – VIII вв.). Как видим, массагето-сакский мир имел не только весьма обширную географию, но осуществлял связь разных эпох. Зародившись в конце эпохи бронзы и достигнув расцвета в веке золотом, этот мир прототюркского дошел и до эпохи раннего железа, реализовавшись в виде тюрко-угорских народов. Таким образом, подтверждается сообщение

древнего географа Страбона о проживании массагетов в горах, на равнинах, на болотах и островах.

Некоторые уральские археологи [22. С. 76 – 77] склонны считать, что массагеты и саки мигрировали из Средней Азии, из Приаралья, в конце VI в. до н. э. в Приуралье и Зауралье под натиском Ахеменидской державы персов. Имеются ввиду завоевательные походы Кира и Дария I.

Но Кир был разбит массагетами, а Дарий лишь раз в 519 г. ходил в степь. Он захватил в плен вождя саков и поставил своего правителя, признавшего его власть. Но ненадолго.

В истории же Средней Азии считается, что массагето-саки жили в степи, на севере, и оттуда совершали свои набеги. События в Средней Азии не подтверждают версии о миграции оттуда массагето-саков на Урал. Да, они уступили на некоторое время Приаралье, Бактрию – междуречье Сырдарьи и Амударьи – персам. Но это были земли, захваченные ими ранее, а не родина массагетов. Да и Страбон, описывая массагетов, среди областей их обитания не упоминает песчаных ландшафтов.

Хорезм, в низовьях Амударьи, и Фергана представляли собой островки оседлой цивилизации, выдвинутые в мир степняков, и тем особенно привлекали их. Культура Древнего Востока, безусловно, «мигрировала» в степь и далее на север, в Южное Приуралье, после набегов степняков. Об этом свидетельствуют и импортные изделия из золота и серебра, найденные в Филипповских курганах. Не исключено, что «импортировались» также ремесленники и мастера-ювелиры в качестве рабов, ведь в Хорезме, например, были развиты уже ремесла.

Интересна в этом плане статья А. Таирова «Саки Приаралья в степях Южного Зауралья» [22. С. 76 – 91]. Он пишет: «Политические события в Средней Азии, прежде всего вокруг Хорезма, вынудили кочевников Южного Приаралья не только передвинуть свои зимовочные территории на Устюрт, но и перенести политический, экономический и культурный центр своего племенного объединения и родовые могильники с юга на север, в степи Южного Приуралья. Здесь, на Илеке, с конца VI в. – начала V в. до н. э. возникают крупные некрополи родоплеменной верхушки».

А. Таиров фактически относит Филипповские курганы к массагето-сакскому миру и улавливает возникновение здесь крупного племенного объединения нового народа. Он отмечает, что во второй половине VI в. до н. э. на Южном Урале начинается вызревание характерных черт новой археологической культуры.

Именно этим объясняется резкое и многократное увеличение курганных памятников, почти неизвестных в предшествующее время.

Действительно, Филипповские курганы сразу были названы А. Пшеничнюком «царскими». Их богатое содержание, наличие множества экземпляров государственного тотема в виде золотого лося (оленя) говорит о могуществе захороненных здесь правителей крупного государственного объединения. Это вторая половина VI в. до н. э., 600–550 гг., Южный Урал.

Сопоставим теперь мнение наших археологов с сообщениями Геродота и Страбона. По их описаниям, чуть позже, в 530 г., существует царство массагетов во главе с царицей Тамарой и ей удастся разбить самую мощную армию того времени во главе с «царем стран» Киrom. Все встает на свои места.

А. Таиров исследовал могильник Маровый шлях, оставленный массагето-саками в междуречье Б. Караганки и Утяганки, современный Филипповским курганам. Это особенно интересно, ведь здесь недалеко Аркаим. Есть ли какая-нибудь преемственность массагето-саков со «Страной городов»? Звенья ли они одной цивилизации, которую мы называли Прототюркской?

Конечно, над седым Уралом пролетело целое тысячелетие. Это огромный период в истории народов. Редким народам удастся его преодолеть. Тысячелетия характерны для цивилизаций. Поэтому близости культур «Страны городов» и массагето-саков ожидать не приходится, но некоторые черты, связанные с религией, с похоронным обрядом могут пройти и через тысячелетие. Это наиболее консервативные части культур.

Как оказалось, преемственность есть, и поразительная! Насыпь кургана № 2 в могильнике Маровый шлях представляла собой пирамиду! Она так же, как и в «Стране городов», была возведена над какой-то полый деревянной столбовой конструкцией. Сохранились две ступени пирамиды, но А. Таиров считает, что их было больше.

Удивительно, но факт: Великая Тюркская цивилизация, как и Египетская цивилизация, как и цивилизация древних инков в Америке, начиналась со строительства пирамид над могилами знатных людей.

Таким образом, не только строение черепов массагетов из Филипповских курганов подтверждает их далекую родственную связь с населением «Страны городов», но и пирамиды над захоронениями – первые прототюркские храмы соединяют их через тысячелетие. Эта культурно-генетическая связь подтверждает

прототюркскую версию развития Аркаима, Синташты и всей «Страны городов», выдвинутую мной выше.

Непонятным остается пока одно. Массagetы во второй половине VI в. заняли территорию, где тысячелетие назад стояли древние городища, оставили там крупные могильники, свидетельствующие о высочайшей культуре металлообработки, – а их называют и считают номадами, кочевниками наподобие цыган? Системные связи, тянущиеся от этого народа, при этом неестественно обрываются.

Крупные могильники возникают рядом с городищами. Высочайшая культура металлообработки свидетельствует о наличии плавильни, кузниц, ювелирных мастерских – центров ремесла, что также характерно для городов. Пока эти города, плавильни, кузницы, мастерские – белые пятна на нашей археологической карте, но уверен: пройдет время, и они найдутся, ведь сведения о них есть.

У археологов не принято искать ответа на вопрос: «А где же эти замечательные изделия были сделаны?» Орнамент на разбитых черепках от глиняных горшков чаще всего определяет носителя новой открытой культуры, но иногда при этом случаются неувязки, и тогда археологи пускаются во все тяжкие... Так, известный археолог С. Плетнева, специалист по степным народам, в одной из работ отметила, что «в зимних становищах степняков было неплохо налажено кузнечное производство со своими традиционно степными приемами и критериями».

Вот так наши ученые-историки могли доходчиво объяснить, что в степи, в зимовьях, были кузницы и что в них несколько по-иному, чем в лесной зоне, стучали молотком – по-степному.

Это было, безусловно, легче, чем разобраться в сути и найти места, где добывали руду с содержанием золота и серебра, плавильни, где выплавлялся металл, кузницы и ювелирные мастерские, где делали эти высокохудожественные изделия. Но тогда ломалась вся надуманная теория кочевого образа жизни носителей данной культуры. А ведь стоило лишь взглянуть на карту близлежащих мест, прочитать названия горных вершин, озер.

По-иному действовали искатели подземных кладов – грабители могил. По словам А. Пшеничнюка, и Филипповские курганы были ограблены дважды: первый раз непосредственно после захоронения, а второй – в более позднее время. Кладоискатели не только грабили могилы, но и стремились найти золотиносные жилы, залежи руды с самородками – места добычи золота. Их материальная заинтересованность была значительно выше, чем у археологов.

Земля слухами полнится. Неизвестно как, но в 1667–1668 гг. до Москвы, до Тайного приказа доходит известие старца Лота из Далматовского Успенского монастыря. Этот монастырь был заложен на Среднем Урале при впадении Течи в реку Исеть. По словам Лота, «...золото и серебро, которые находят русские люди в татарских могилах (тюркских. – Р. В.), происходит из руды, которую добывают сибирские татары и их калмыцкие люди в горе по вершине Уфы, Чадены и Яику реке... и домницы и ямы в том месте есть, а езды от Катайского острогу (Катайск, 52 км от Далматово. – Р. В.) – 11 дней. Около той горы речка названием Тасмы устьями сошлась в Ай-реку, а длина той горы верст 7, поперек в версту, в вышину сажень на 200 и более. На ту гору проложены дороги великие. Теми дорогами ездят многие башкирцы, этот камень берут и плавят золото и серебро, ту руду они продают в Уфу русским людям по 13 рублей пуд. Есть и город каменный на берегу озера Иредяша в полднище пути, и башни великие и палаты каменные. Башкирцы его скрывают, а также некто служилый человек видел на острове Иртяш-озера этот город в саморостном камени, вокруг него ров, а за тем городом сделаны домницы исстари, видны плавильная руда и шлак. В длину городище 100 сажень, поперек 50 сажень».

Гора, с проложенными по ней дорогами и речкой Тасма в подошве, есть Тасма-тау. Речка Тасма протекает недалеко от Златоустовского (Косотурского) завода. Озеро Иртяш расположено между современными городами Касли и Кыштым в Челябинской области. Обращает на себя внимание название озера – Иртяш. Его можно перевести с башкирского языка как «плавильня», ведь *иртеу* – плавка металла, *иретмә* – сплав металлов.

Названия рек и озер, как правило, очень древние, сохраняются не только веками, но и тысячелетиями. Да и старец Лот говорил, что здесь плавил металл исстари. Описал он и древние городища. Их было два. Одно было в половине дня пути от берега озера Иртяш. Полдня пути, видимо, пешком – монах обычно имел дело со странниками, путешествующими таким способом. За полдня путник мог пройти около 10–15 км. На этом расстоянии от берега озера Иртяш расположен современный город Кыштым. Название города также говорит само за себя: *кыштым* означает «зимовье».

Старец Лот рассказал и о втором городище, расположенном на острове Иртяш-озера. Действительно, на озере имеется остров, судя по современной карте. Островное городище было построено «в саморостном камени». Вспомним Страбона – он писал о массагетах, живущих и на островах.

Я не был там, на озере Иртяш. Могу лишь предположить, что речь идет о пещерном городище в большой скале – «саморостном камени». Пещеры – идеальное место для зимовки и для древнего металлургического комбината. В них постоянная температура, есть вода, может быть сделана хорошая вытяжка. Что говорить! Пещеры – самое древнее жилище человека!

Итак, вокруг скального городища ров, а внутри – древние домины, плавильная руда и шлак. Вот в таких местах, а не в степи, не в юрте, едва согреваемой зимой горящим в очаге кизяком, творили древние массагетские мастера. Здесь выплавлялись золото и серебро, создавались изделия изумительной красоты.

К сожалению, нет археологического описания этого городища, да и вряд ли оно появится в обозримом будущем. Дело в том, что озеро Иртяш находится в непосредственной близости от атомного центра, известного как НПО «Маяк», на котором в 1957 г. произошла так называемая Южно-Уральская катастрофа, заразившая радиоактивными отходами близлежащие водоемы.

Конечно, плавильня на острове озера Иртяш не была единственной у массагетов. По Страбону, они жили и на горах. От корня *иретеу* – «плавить» происходит название известной в Башкортостане горы Иремель, а также горного хребта Ирендык. И близ горы Иремель, и на хребте Ирендык известны месторождения рассыпного золота. А последний из крупных самородков золота, найденный в 1993 г., так и называли – Ирендыкский медведь. На острове озера Иртяш плавил миасское золото, а у подножия горы Иремель – белорецкое. Это современные названия месторождений рассыпного золота.

Держава массагетов и близких к ним саков была велика и могущественна. В ее состав входили и древние башкиры. Геродот называл их аргиппеями. Само название можно перевести как «быстроходные» (*гиппо* – «конь», *гипподром* – «место для испытаний лошадей»). Есть в русском и башкирском языках слово «аргамак», пришедшее, по-видимому, из Древней Греции или Византии, означающее «быстрый конь». Пусть читателя не удивляет, что Геродот назвал древних башкир аргиппеями. В этом нет ничего особенного. Каждый народ на протяжении своей истории имел различные названия, исходящие от других народов. Казахи, например, и сегодня называют башкир иштяками.

Более важны те сведения, которые Геродот в начале V в. до н. э. сообщил о древних башкирах – аргиппеях. Во-первых, он отметил, что страны и народы, живущие между Древней Грецией и аргиппеями, хорошо известны, у них бывают скифы и греки –

купцы из торговых городов северного побережья Черного моря. Геродот описал и внешний облик древних башкир: аргиппеи лысые от рождения, плосконосые и с широкими подбородками. Среди башкирских племен до настоящего времени известно племя Таз или Тазлар, в переводе «лысые люди». Едва ли они были лысыми от рождения. Давно известна склонность башкир брить голову и бороду. Возможно, в обычаях народа в древности бритье головы имело место не только у мужчин, но и у женщин и детей, или это был какой-то религиозный обряд. Не исключено, что этот обычай был вызван необходимостью предотвращения кожных заболеваний или размножения насекомых. Так или иначе, «лысые люди» Геродота, аргиппеи, сохранились в башкирском этносе в виде племени Тазлар. Селения с таким названием есть и сегодня в Бураевском и Зианчуринском районах Республики Башкортостан. Тазлары жили и живут по сей день на берегах Юрюзани в нашей деревне Каратавлы (ныне Малояз), шежере их рода записано краеведом Х. Кульмухаметовым.

А когда они проявились на археологической карте? По черепам, выкопанным из-под земли через тысячелетия после захоронения, конечно же, невозможно определить наличие или, наоборот, отсутствие на них волосяного покрова. Однако зацепка все-таки есть. Носители так называемой межовской культуры, жившие на Урале в XII – VIII в. до н. э., которых отождествляют с древними уграми, имели в своем арсенале бронзовые бритвы и оселки [23]. Бритва – довольно редкая находка археолога. И потому ее связь с бритоголовым населением этой же территории кажется нам вполне очевидной.

Геродот отметил и место расселения древних башкир – аргиппеев: у подножия высоких гор, к западу от исседонов (народа, живущего в бассейне реки Исети). Он описал и образ жизни аргиппеев: «Говорят на особом языке, одеваются по-скифски, а питаются древесными плодами. Имя дерева, плоды которого они употребляют в пищу, понтик... плод его похож на бобовый, но с косточкой внутри. Спелый плод выжимают через ткань, и из него вытекает черный сок под названием “ачи”. Сок этот они лижут и пьют, смешивая с молоком. Из гуци “ачи” они приготавливают лепешки». *Ачи* на тюркских языках означает «кислый» – значит, сок этого растения служил закваской для получения кисломолочных продуктов. Здесь мы имеем редчайший случай, когда из языка столь древнего народа до нас дошло слово. Это тюркское слово! Значит, аргиппеи – древние башкиры, были тюркоязычным народом.

Что интересно, современные ученые до настоящего времени так и не определили это дерево, плоды которого составляли основу пищи аргиппеев. Высказывались предположения, что это *Prunus padus* L (подорожник). Дескать, джунгары в северном Китае и теперь еще едят с молоком плоды этого дерева [9. С. 608]. Конечно, это так же далеко от истины, как Китай от Уральских гор.

Поначалу я тоже пытался выявить это дерево. По форме плода и способности прокормить население в течение года, это, несомненно, был орешник, орех-лещина, фундук. Орех по-башкирски *сәтләүек*, первоначально было *әсетләүек* – «закислитель, закваска», *ачитке* по-тюркски.

Мы не знаем, какую долю занимал орешник в наших лесах в геродотовские времена, до начала нашей эры. Конечно, никто не подсчитывал площадь леса, занимаемую этим деревом – высоким кустарником. Но есть здесь косвенные сведения, позволяющие полагать, что орешника в наших лесах было много и он давал хороший урожай.

Дело в том, что орешник-лещина тесно связан с медоносными пчелами, он цветет весной самым первым из кустарников, обеспечивая пчел самым ранним кормом. Пчелы же, посещая цветы орешника, опыляют его, способствуя появлению плодов, а те, в свою очередь, размножают поросли орешника. Даже 50 лет назад пчел в Башкортостане было значительно больше, и мы в детстве ходили осенью по орехи, как сегодня еще ходят по грибы и ягоды.

К сожалению, количество пчелиных семей в силу разных причин в последнее время резко сократилось. Перевелись и орехи. Уже практически никто специально не ходит в лес по орехи. А по свидетельству многих натуралистов, еще 250 лет назад количество пчелиных семей в лесах Башкортостана было несравнимо больше, чем сейчас. Следовательно, и урожай орехов тогда был также несравним с сегодняшним.

Кроме того, упомянутый выше Ибн Фадлан, побывавший в Волжской Булгарии в X в., отметил: «Я не видел в их стране чего-либо в большем количестве, чем деревьев орешника. Право же, я видел из него такие леса, что каждый лес имел в длину 40 фарсахов, при такой же ширине (40 фарсахов – более 200 км. – Р. В.)».

Уральские леса мало чем отличаются от лесов Поволжья. Значит, плоды ореха-лещины вполне могли быть основным продуктом питания для немногочисленного населения уральских лесов.

Но Геродот писал, что спелый плод выжимают через ткань и из него вытекает черный сок под названием *ачи* – «кислый», который

аргиппеи пьют, смешивая с молоком. Из оставшейся гущи они готовили лепешки. Эта часть сообщения Геродота опровергла версию орешника и склоняла чашу весов в пользу черемухи. Мне самому не раз приходилось жевать бабушкины черемуховые лепешки, запивая их чаем или молоком. Иначе их есть невозможно, они настолько кисло-сладки, что скулы сводит.

Так что же за дерево описано Геродотом? Орешник или черемуха? А почему собственно «или»? «Отец истории» на Урале не бывал, писал с чужих слов, а ему рассказывали и об орешнике, и о черемухе. Да к тому же имел место двойной перевод сообщения с языка древних башкир на скифский язык, а потом со скифского на греческий. Запутаться было нетрудно, вот у Геродота орешник и перемешался с черемухой. И орехи, и ягоды черемухи, лепешки из нее употребляли в пищу древние башкиры.

Геродот пишет, что аргиппеи добавляли в молоко кислый сок «ачи» и делали кисломолочный продукт. Учитывая, что аргиппеи занимались разведением лошадей, а другого скота у них было мало, то вполне понятно, что они доили и кобылиц. Молоко у аргиппеев было в основном конским и, смешивая его с «ачи», они получали кумыс и пили его. Совсем не случайно Лев Толстой, живя среди башкир и лечась кумысом, писал своей жене «о башкирах, от которых Геродотом пахнет».

Геродот отметил, что лошади аргиппеев не боятся холода и отлично себя чувствуют в этом климате. Теплолюбивый грек писал, что у нас «зима столь сурова, что восемь месяцев там стоит невыносимая стужа, да и остальные четыре месяца не тепло». «Пастбища там плохие», – писал греческий историк. Действительно, горные долины не располагали к разведению большого поголовья домашних животных.

«Каждый живет под деревом. На зиму дерево всякий раз покрывают плотным белым войлоком, а летом оставляют без покрывки», – так Геродот представлял себе жилище древних башкир. А это были летние шалаши из веток деревьев, которые на зиму оборачивали войлоком. Все это сооружение было легко переставлять с места на место. Так рождалась юрта. Отметим, раз был у аргиппеев белый войлок, значит, были и овцы.

Особенно интересны следующие слова Геродота, касающиеся менталитета древних башкир: «Никто из людей их не обижает, так как они почитаются священными и у них даже нет боевого оружия. Они улаживают распри соседей, и если у них найдет убежище какой-нибудь изгнанник, то его никто не смеет обидеть».

И еще один любопытный факт, подмеченный Геродотом: «Скифы же, когда приходят к аргиппеям, ведут с ними переговоры при помощи семи толмачей на семи языках». Значит, вот из какой древности идут сведения башкирских эпосов о «семиродцах», семи родах, образовавших племенное объединение башкирского народа. Раз семь родов, семь языков составляли единый народ, имевший единый межродовой, «особый», по Геродоту, язык, значит, была над этим народом единая власть и законы обычного права. Они жили в едином древнем государстве, представлявшем собой объединение племен. Вот где корни государственности башкирского народа.

Огромная держава массагетов и саков, в которую входили и аргиппеи – предки древних башкир, стала достойным продолжением развития Прототюркской цивилизации.

А что же позволяет делать нам столь громкое заявление? Может быть, и не было своей цивилизации в Приуралье? Может быть, народы, здесь жившие, ничего не создали сами, а развивались исключительно за счет торговых или военных контактов с другими цивилизациями?

Нет, наши предки шли своим путем. Они жили в центральной части Евразийского континента с холодным климатом, где практически отсутствовали водные магистрали, пригодные для судоходства. Лодка и парус – символы цивилизаций Средиземноморья – если и имели здесь применение, то весьма ограниченное. Богатые недра Урала, высочайшая культура металлообработки и неразделимое единство мужчины и лошади – вот характерные черты Прототюркской цивилизации, обеспечившие прогресс в развитии прототюркских народов. Символом прототюркских, а затем и тюркских, народов стал всадник – человек на коне. В тюркских языках, например в башкирском и татарском, нет слова «мужчина», а есть *ир-ат*, что означает «всадник», единство мужчины и лошади.

Совсем не случайно древний тюркский мир оставил нам в наследство столько пород лошадей. Потомки саков – туркмены, жившие в оазисах пустынь Средней Азии, – вырастили «небесных коней», красавцев-ахалтекинцев. В донских степях казаки, потомки кипчаков, вплоть до конца XIX в. разводили стародонскую породу. Башкиры ездили на башкирских конях, снабжали ими российскую армию. Киргизы разводили киргизских лошадей, карачаевцы – карачаевских, якуты – якутских, казахи – «джабе», народы Алтая – алтайских. Тюрки во все времена боготворили коня.

Лошади давали им мясо и молоко, из которого они делали кумыс, а из шкур пошивались прекрасные элементы одежды и обувь.

Кисломолочный напиток кумыс также плод Прототюркской цивилизации. Кумыс не только утоляет жажду, но и лечит людей. Издавна известны его свойства в борьбе с туберкулезом. Он способствует повышению иммунитета организма человека, улучшает пищеварение и обмен веществ. Сегодня кумысолечение имеет мировое значение.

А тогда, три с половиной тысячи лет назад, когда прототюрк выехал в степь верхом на коне, она – эта степь – из цветущей, пахнувшей тысячами трав равнины превратилась в великую транссибирскую магистраль, протянувшуюся от одного края Евразии до другого. Именно народы Прототюркской цивилизации первыми в истории человечества научились преодолевать большие расстояния по суше. Они создали Великий шелковый путь, связавший впервые Китайскую цивилизацию со Средиземноморской.

В руках у всадников-прототюрков было оружие необычайной твердости и остроты, что позволило им покорить многие народы и страны. В результате в V – III вв. до н. э. в евразийской степи и прилегающей к ней лесостепной зоне начинают складываться мощные объединения государственного типа. Царство массагетов и их союзников саков было одним из них.

Образование мощного государственного объединения сопровождалось захватом больших территорий, появлением потока беженцев. От этого вся степь приходила в движение, волны которого докатывались до Средиземного и Балтийского морей, до Атлантического и Тихого океанов. Наступала очередная эпоха переселения народов.

Массагеты породили первую такую эпоху. Ее волны растеклись от Урала на запад и на восток. И там, на востоке, ударившись о Древнекитайскую цивилизацию, усилились и повернули обратно. Потом в степях Приуралья родился другой народ, другое государство, известное в истории как держава гуннов. Гунны, тюркизованные угры, пошли с востока на запад, покорили Европу, и она зачала от прототюрка многие свои народы. И это все было сотворено Прототюркской цивилизацией.

И, наконец, величайшими достижениями Прототюркской цивилизации, повлиявшими на ход мирового развития человечества, были единобожие и духовность, ставшие основой мировых религий: христианства и ислама. Боги язычников могли жить в лесу, на болотах, их идола стояли по берегам рек. Множество

греческих богов обитало на горе Олимп. Египтяне обожествляли своих правителей.

У прототюрок же был один Бог – Вечное Голубое Небо – Тенгре, творец и повелитель всего духовного, живого и мертвого. Среди массагетов тенгрианство получило свое дальнейшее развитие. Они строили свои храмы на могилах усопших, связывая это с представлениями о душе. По верованиям прототюрок, у человека было две души: первоначальная – *кот* и злая, временами поселяющаяся в нем – *өрэк*. Эти понятия дошли до наших дней. Выражение *котомдо алды* дословно означает «душу отнял», а в разговоре – «испугал».

От злой души *өрэк* произошло слово *өрәке* > *аракы* – «водка, спиртной напиток», возбуждающий злую душу человека, а также *өркөттө* – «испугал».

Считалось, что после смерти человека его душа превращается в птицу и улетает на небо. Там их повелителем был Самрау со своими женами Кояш (Солнце) и Ай (Луна). У царя птиц две дочери: Хумай от жены Кояш и Айхылу – от жены Ай.

Хумай – мифическая священная птица в образе лебедя, ее называют также «птицей счастья». И сегодня, если на лице человека радость, улыбка, светятся глаза, то его могут спросить по-башкирски: *Аккош күкәйе таптынмы?* В переводе это означает: «Нашел яйца лебедя?» Это то же самое, что и «Нашел перо жар-птицы?» У прототюрок, а затем и у тюрков конь стал священным животным. Прототюрки первыми в истории человечества отказались от приношения в жертву людей. Ритуалы язычников, пытающихся задобрить своих богов, бросая людей в огонь и в воду, были противны прототюркам.

Единобожие прототюрков-массагетов было известно в «колыбели человечества», в Средиземноморье. Об этом, как упоминалось, писал Страбон. Совсем не случайно идеи единобожия проникли в Античную цивилизацию через Персидскую державу. Вспомним: первый контакт Прототюркской и Средиземноморской цивилизаций произошел в сражениях массагетов и саков с персидским царем Киrom.

Грустным и тяжелым был путь домой у остатков его разбитого войска. Их боги не принесли персам удачи, а, наоборот, обрекли на жестокое поражение, на большой позор. Голова их царя ехала домой, бултыхаясь в кожаном мешке, наполненном кровью. Так повелела царица массагетов Тимербике. Кир убил ее сына. И она по-своему решила насытить их кровожадного царя. Их боги оказались бессильны против этой «железной» женщины, против ее

всесильного Бога – Вечного Голубого Неба – Тенгре и «птицы счастья» Хумай. Они несли жизнь, свободу и победу! Им не нужно было приносить в жертву людей.

Поэтому вскоре, как отмечал Геродот, большую популярность на древнем Ближнем Востоке получил культ Сераниса, считавшегося владыкой неба и царства мертвых. Не меньшую популярность имел культ женского божества – Великой Матери, олицетворявшей земное начало, плодородие, плодовитость. Со временем такие представления в религиозном мышлении стали распространяться по Восточному Средиземноморью и Ближнему Востоку. Идеи единобожия формировались и в древнем Израиле – Иудейском царстве. Главным богом израильтян и иудеев считался Яхве, владыка грома и молнии, посылающий на землю благодатный дождь. Пророки, странствующие по Иудее, страстно призывали народ отказаться от поклонения иным богам. Постепенно среди иудеев складывалось отношение к Яхве как единственному и всемогущему Богу-творцу.

Отвлеченное божество не могло иметь мифологии, и место богини-супруги занял сам народ Израиля. Поэтому во многих библейских книгах доминирует тема взаимной любви и союза (завета) между Яхве и его народом. На основе таких верований в Иудее возникла гражданско-храмовая община с религией, названной иудаизмом, которая в V – III вв. до н. э. стала официальной идеологией Иудеи.

Однако, несмотря на государственную поддержку иудаизма, некоторыми пророками разносились и идеи о Боге-творце и его супруге, создавались о них различные мифы и верования, которым предстояло стать основой христианства и ислама. Таков неоценимый вклад Прототюркской цивилизации в создание мировых религий. Эта цивилизация имела очень глубокие корни в древнем мире. Она построила на своих корнях ветвистую крону в виде многочисленной семьи тюркских народов, расселившихся по Евразии от Атлантического океана до Дальнего Востока. Их культуры и языки были очень похожи, много общего имелось в быте, обычаях и традициях. Нет сомнения в том, что рано или поздно истории этих народов будут изучены и обобщены с точки зрения принадлежности к единой Великой Тюркской цивилизации.

Глава 6

ОТ ВЕЛИКОЙ КИТАЙСКОЙ СТЕНЫ ДО ТУМАННОГО АЛЬБИОНА

Парус и конь были главными движущими силами в древности и в средневековье: парус на воде, а конь на земле. Так же, как сегодня создаются новые марки автомобилей, так и в средние века выводились новые породы лошадей. Одни предназначались для работы, пахоты, другие возили роскошные экипажи, на третьих скакали верхом. Многие из этих пород дошли до наших дней.

Их трудно сравнивать между собой, каждая хороша по-своему. Однако среди них есть одна особая, самая резвая, – это чистокровная верховая порода. Еще ее называют английской верховой: Англия – родина этой породы.

Она была выведена в XVII – XVIII вв. на основе местных и ввозимых пород лошадей. С древних времен здесь были резвые и выносливые кони. Достоверные сведения о хороших качествах английской лошади находим у писателя Маркмана. В 1664 г. он отмечал: «Если дело касается работоспособности и выносливости, то не найдется лошади, которая могла бы сравниться с английской породой. Последняя не только хорошо сложена, но и смела, сильна и вынослива».

Позже в породу влили кровь восточных жеребцов: арабских, варварийских, испанских, турецких. Сегодня на чистокровной верховой породе держится весь скаковой мир. Это и азарт скачек, это и спорт, это и большие выигрыши в тотализатор. Стоимость некоторых жеребцов этой породы достигает 50 млн долларов.

Чистокровная верховая – удивительная лошадь. Многовековой отбор по скаковым качествам создал уникальную породу: резвую, смелую, выносливую, не жалеющую себя ради победы. Только лошадей этой породы можно загнать насмерть – она будет скакать по требованию всадника до тех пор, пока не упадет замертво.

Благодаря таким качествам кровь английской верховой лошади приливают в самые разные спортивные породы. Это повышает резвость рысаков, улучшает показатели спортивных пород в преодолении препятствий и в конном троеборье – прыжковых видах конного спорта.

Меня всегда удивляло то, что чопорные англичане, символ цивилизованного Запада, окруженные морем со всех сторон, так увлекаются коневодством, лошадьми, самым сухопутным видом транспорта. Они заядлые любители скачек, и не просто скачек, а скачек с препятствиями, где ломают себе шеи не только скакуны, но и их отчаянные жокеи. Это так называемый стипльчез. Из них самый знаменитый – Ливерпульский, трасса длиной в 7,5 км с 30 препятствиями.

Кони есть и, видимо, будут в особом почете у их королей, королев, принцев и принцесс. Королевские особы не пропускают ни одной из традиционных скачек. На Аскотский кубок, например, королева Елизавета II является в карете, запряженной шестеркой великолепных коней. Это ритуал, и он безупречно исполняется 250 лет. Каждый член королевской семьи обязан ездить верхом. Некоторые из них умеют это делать на высочайшем уровне. Принцесса Анна была чемпионкой Европы в конном троеборье. «Новые русские», прежде чем отправить своих детей на учебу в Англию, учат их верховой езде – таково неперемное условие приема в престижные учебные заведения этой страны.

Есть у англичан еще одна причуда – это парфорсная охота: не с вертолета и с карабином, оснащенным оптическим прицелом, как следовало бы ожидать от людей богатых и «продвинутых», а верхом на лошади по полям и лугам со сворой борзых или гончих преследуют они лис. Охотиться на лис начали они для уничтожения «рыжих разбойников», воровавших домашнюю птицу и заражавших собак бешенством. Со временем такая охота превратилась в элитарное развлечение. Ради этого вывели даже специальную породу коней – гунтеров: помесь чистокровной верховой породы с рабочей лошадью.

В сезон охоты на лис прерывает свою работу даже английский парламент. Это тоже их традиция. Англичане, одевшись в красные,

черные, синие рединготы (пиджак для верховой езды), белые лосины, сапоги, садятся на коней и сломя голову несутся по полям, холмам и оврагам за сворой собак, преследующих зверя. По пути они преодолевают естественные препятствия: ручьи, канавы, упавшие деревья, заборы, земляные валы. Главная цель – не отстать от собак, а когда они догонят и разорвут зверя, отнять у них кусочек его шкуры. Кто первый это сделает – тот рыцарь охоты, тому на вечернем пикнике у костра вручат значок и дубовую ветвь.

Помню еще из школьного курса истории, что эти парламентарии, прерывающие свою работу на сезон охоты на лис, в парламенте своем сидят на мешках с овечьей шерстью. Издавна не только чистокровные верховые скакуны, парфорсная охота, но и овцы, овечья шерсть, шерстяная ткань – вот визитная карточка англичан, их вековые традиции, причем от простых граждан до королевской семьи. Добавим сюда народные баллады о Робин Гуде – благородном разбойнике, мастерски стрелявшем из лука.

Кони, скачки, охота верхом на лошади, меткая стрельба из лука, овцы – получился полный набор из жизни степного тюркского хана. Откуда степные традиции у жителей морской державы? Кто и когда занес их из степи на туманный остров? И почему он раньше назывался Альбион, а затем стал Англией?

В английской истории нет и намека на пришельцев из степи. А вот памятники их встречаются. В южной Англии, например, в местечке Саттон-Ху найдена группа курганов. Их насыпали в VI в., только неизвестно, в чью честь, над чьими могилами? Откуда в Англии курганы, которых никогда не было у коренных жителей – бриттов и кельтов?

Кроме того, в башкирской истории известно письмо Иоганки-венгра, миссионера Ордена миноритов, к генералу ордена брату Михаилу. В этом письме, датированном 1320-м г., написанном из Баскардии (Башкирии), Иоганка-венгр с англичанином Вильгельмом отмечали схожесть языка башкир с языком англичан [24].

Очевидно, что Альбион – это самоназвание, так именovali свою страну бритты и кельты – коренные жители, а Англией, «островной землей», ее называли пришельцы. Их нет в английской истории – это и понятно. Завоевание кем-то своей страны – не самая лучшая страница ее истории. Такие страницы часто стараются вырвать и выбросить на свалку истории. Но для завоевателей это лучшие страницы их истории. Они эти страницы берегут и помнят.

История Прототюркской цивилизации сохранила в своей памяти англосаксонский поход гуннов. Это они основали в V в. Анг-

лию, тогда же заложили города Кент, Йорк – особую гордость англичан. Мурад Аджи в своей книге «Полюнь половецкого поля» отмечает, что слово «Лондон» на древнестюркском языке означает «место у реки, где много змей» [25].

В рукописных книгах V – VIII в. в Англии и Ирландии преобладают тюркские традиции. Встречающийся в них орнамент поражает сложностью переплетения геометрических узоров. Европейские историки называли это «варварской плетенкой». В этих же книгах встречаются миниатюры в зверином, традиционно степном стиле.

Тюрки-гунны и есть степные предки англичан. Это подтверждает и сходство древнебашкирского языка с английским языком, отмеченное в письме упомянутого Иоганки. Авторы раннего средневековья, например римлянин Марцеллин, описывая черты характера гуннов, в первую очередь отмечают их страсть к лошадям. А китайские исторические записи часто упоминают о «тысячелийных» конях как о важном достоянии гуннов-хунну. Гунны специально разводили лошадей лучших высокорослых резвых пород.

Вот здесь истоки чистокровной верховой породы, которой так гордятся англичане! Вот откуда резвость их местных лошадей! Отсюда и их страсть к лошади, к конным охотам и играм, свойственная тюркам и не утихающая уже 1,5 тысячелетия. Вот почему англичане на манер степняков, оседлав коня, сломя голову несутся за зверем, презрев опасность, забыв все: и дела, и политику.

И овцы, овечья шерсть, шерстяная ткань пришли на туманный Альбион вместе с гуннами. Они были их пищей, одеждой, коврами и многим другим.

Что же это за народ – гунны? О них написано немало литературы, в основном «страшилок» о дикости их нравов. Так, видимо, и закладывались традиции летописцев покоренных стран – представлять завоевателей в образе дикарей, ведущих скотский образ жизни. По отношению к тюркам это было и в самом деле нетрудно сделать. Они перемещались по степи вместе с женами, детьми, со своим скотом. Его у них было много. Ехали они верхом на потных лошадях. Естественно, не благовониями пахли. На их стоянках испражнялись кони, забивались овцы, текла кровь, дымили костры, в котлах варилось мясо. Все это в пути было. Но, закончив свое путешествие, они строили прекрасные города, дома и терема, преимущественно из дерева, чему также удивлялись древние европейские авторы. Сами гунны о себе практически не писали. Их

письменность только зарождалась. До нас дошли лишь короткие надписи под рисунками. О гуннах писали китайцы, греки, римляне — их современники, противники, враги. Конечно, нельзя изучать историю народа, исходя из точки зрения его противников. Но другой возможности в данном случае нет.

В конце III в. до н. э. в Центральной Монголии и степном Забайкалье сформировался тюркоязычный кочевой народ хунну, который под руководством полководца Модэ вторгся в Китай и заставил императора Лю Бана выплачивать дань.

Многочисленные письменные сведения о хуннах содержатся в китайских источниках. Одним из первых о хунну написал «отец китайской истории» Сыма Цянь (135–86 гг. до н. э.). Главный труд его жизни «Ши Цзи», охватывающий события огромного периода с легендарных времен до начала I в. до н. э., был по существу первой всеобщей историей Китайской цивилизации [26]. В этом труде, пожалуй, впервые был применен системный подход к изучению истории. Автор искусно сопоставлял различные данные, рассматривал события во взаимосвязи, излагал достоверное и упускал сомнительное. Из этого труда мы и почерпнем сведения об образе жизни хунну и их действиях в пределах видимости китайских источников.

Хунну, обитая за северными пределами Китая, кочуют со своим скотом с одних пастбищ на другие. Из домашнего скота держат больше лошадей, а также крупный и мелкий рогатый скот, частью разводят верблюдов, ослов и лошаков. Земледелием хунну не занимались, но каждая семья имела отдельный участок земли для пастбища. Письменности у них не было, но законы словесно объявлялись, а значит, государство было.

Мальчики, как только становились способными сесть на барана, обучались стрельбе из лука. Юноши, владеющие луком, поступали в латную конницу. Особо отметим — в латную, следовательно, хунну имели не только оружие, но и латы — защитные элементы одежды и конской сбруи, что свидетельствует о достаточно высоком уровне развития для начала нашей эры. Во время перекочевков за скотом хунну занимались полевой охотой, от которой питались, а также различными воинскими упражнениями. Такова была их врожденная суть.

«Длинным», дальним их оружием был лук со стрелами, а «коротким», ближним — сабля и копье. При удаче они шли вперед, при неудаче — отступали, и бегство не ставили в стыд себе. Видя добычу, ни благоприличия, ни справедливости не знали. Напом-

ним, это взгляд на хунну с китайской стороны, то есть мнение их противников. Объективности ждать не приходится.

И правители, и простой народ хунну питались мясом домашнего скота, надевали кожаную одежду и обувь, прикрывались также шерстяными и меховыми одеяниями. По смерти отца хунну женились на мачехе, по смерти братьев женились на невестках. Обыкновенно называли друг друга именами, прозвищ и кличек не имели.

Предметом особой гордости у хунну были лошади резвых пород, выводимых, как сейчас говорят, методом народной селекции. Сокровищем хунну считались «тысячелийные» кони. Это были кони, способные преодолеть 1000 ли в сутки. Ли равен 576 м, следовательно, 1000 ли есть 576 км.

Сегодня, во время соревнований по конным пробегам, суточная дистанция не превышает 160 км. После преодоления этого расстояния лошадь должна оставаться здоровой, способной нормально двигаться после небольшого отдыха. Но преодолеть 576 км за сутки? Нет! Это скорость 24 км/час в течение 24 часов. Едва ли это возможно. Тысяча километров в сутки – это округление с большим натягом. Тысяча взята для «красного словца». Да и всаднику преодолеть такое расстояние едва ли под силу.

Так или иначе, но очень резвые и выносливые кони у хунну были, что позволяло им быстро преодолевать большие расстояния. Поэтому боеспособность их конницы была неподобна. Их вождь Модэ имел под собой около 300 000 войска, разделенного на 10 000-ные подразделения, которыми правили темники. Их было 24. Каждый из 24 старейшин имел у себя тысячников, сотников, десятников. Таким образом, у этого народа было высокоорганизованное, очень мобильное войско, а о строгости их военной дисциплины и преданности вождю складывались легенды. Основной тактикой ведения боя у хунну было искусное заманивание противника в засаду, окружение и уничтожение его. При неудаче они рассыпались, «рассеивались подобно облакам». Убитых на поле брани они не бросали. Кто убитого привозил с поля боя, тот получал его имущество.

Их верования были очень близки к тенгрианству уральских прототюрок. В первую луну нового года старейшины узким кругом съезжались в храм при орде правителя. Они приносили жертву небу, земле и духам своих предков, почитали солнце и луну, предпринимали дела, смотря по положению звезд и луны, считая это указующим жестом свыше. В их переписке с правителями

Китай встречаются слова: «...поставленный Небом хуннский великий Шаньюй (правитель)...» или «По милости Неба...», что говорит о поклонении их тюркскому богу Тенгре – Вечному Голубому Небу.

Население Китая росло очень быстрыми темпами, и ему нужна была земля. Под непрекращающимся натиском Китая государство хунну клонится к упадку. В 72 г. до н. э. китайцы организовали великий поход на хуннов. Их силы настолько превосходили хунну, что те далеко бежали, собрав все имущество и скот.

Волны китайского натиска неуклонно вытесняют хунну с обжитых земель. В 25 г. до н. э. хунну делятся. Южные хунну остаются на старом месте, а северные переселяются в район Семиречья. Эти хунну в своем большинстве направляются на запад в сторону Урала. Здесь были самые сильные и воинственные представители этого народа. По пути они покоряли другие народы, смешивались с ними и принимали к себе самых сильных, самых воинственных людей. Таким путем сформировалась другая народность, воинственные наклонности которой были зловещими. Предполагается, что часть хунну осталась в Семиречье, а другая часть прошла в степи Приуралья и смешалась с уграми. С этого времени они известны в истории как гунны.

Когда и как это произошло? К сожалению, это самая темная страница в истории гуннов. С поля зрения китайцев они ушли, западу же еще не были известны.

Другая загадка – это история угров, территория их обитания. Этот народ практически не изучен, известно лишь, что угры были язычниками. Между тем именно в контакте с ними сформировались гунны, отсюда они ушли на завоевание Европы и покорили ее. Оставшееся население позже, перемешиваясь с уральскими тюрками, образовали другой народ – древних мадьяр.

Что же касается угров, то Абулгази пишет о многочисленном азиатском народе угурах, или уйгурах, кочевавших в Прииртышье и промышлявших бобров, куниц, соболей и белок. Н. Карамзин считает, что именно они распространились до пределов современной ему Уфимской губернии. Гумилев указывает на расселение угров в Волго-Уральском междуречье.

По Гумилеву, начало смещения хунну от границ Китая относится к 48 г. н. э., а приход к уграм и перемешивание с ними – к 155–158 гг. Как видим, это был не быстрый завоевательный поход военных отрядов, а медленное перемещение, переселение всего народа в течение 100 лет. В результате за 200 лет продвиже-

ния на запад и перемешивания с уграми, хунну превратились в восточноевропейский этнос – гуннов.

Народ хунну, проживая близ Китая еще до нашей эры, занимался земледелием, сеял просо. Причем, как показали археологические раскопки, земледелие у них было плужным. Может быть, дикие злаки, ячмень и пшеница, произраставшие в приуральских степях, остановили многовековое переселение этого народа на запад. Хунну, перемешавшись с язычниками уграми, стали совсем другим народом. При этом они сохранили свой язык, ставший затем основой тюркских языков.

Около 200 лет существовало государство гуннов в междуречье Яика и Волги. Все это время гунны вели затяжную изнурительную войну с аланами, занимавшими причерноморские степи. Здесь, на берегах Кубани и Дона, аланы освоили земледелие, торговали зерном с греками. Дионисий Галикарнасский, греческий автор, упоминает об аланах еще в I в., считая их сильным народом, богатым конями.

В 370 г. следует взрыв активности гуннов и начинается движение их дальше на запад, в страны Западной Европы. Л. Гумилев, верный своим географическим идеям, связывает этот прорыв гуннов с усыханием степи в III в. н. э. В середине IV в., как он считает, наступила кульминация временного усыхания степи. Аланское земледелие оказалось подорванным, что ослабило их военную силу. Гунны в 370 г. наконец разгромили аланов, а через год ворвались в причерноморские степи, во владения готского короля Германариха. Готы (геты), по словам Л. Гумилева, по сравнению с гуннами были легкомысленны и наивны, как дети, поэтому проиграли войну и потеряли прекрасную страну у Черного моря.

Здесь сам Л. Гумилев, по-моему, проявляет легкомыслие, обвиняя в этом готов. Степь усыхала в течение I – III вв. н. э. Процесс этот был медленным, продолжался в течение трех веков. Народы к нему приспособились, а постепенный характер этого усыхания позволял им менять как место своего проживания, так и образ жизни. Не будем забывать и того, что прорыв гуннов из междуречья Волги и Яика на запад был началом эпохи Великого переселения народов. Едва ли легкомысленными и наивными были готы во главе с их умудренным королем Германарихом. Не были слабы в военном отношении и аланы. Они 200 лет успешно противостояли гуннам.

Что же случилось? Почему едва ли не вся Евразия пришла в движение? Откуда у гуннов внезапно возросла военная мощь?

Технологический прогресс имел место и в столь древнее время. Нет, это был еще не порох, и пушки еще не нагоняли суеверный страх своими выстрелами, подобными громовым раскатам. Великая Тюркская цивилизация породила стремя – два неправильных металлических кольца, подвешенные на ремнях к седлу и предназначенные для упора ног всадника.

Сегодня мало кто не знает, что такое стремя, стремена. Каждый человек хотя бы на экране кино или телевизора видел, как ставят ногу в стремя и вскакивают в седло. Но это не самое важное достоинство стремени. Главное – оно сильно помогает при езде верхом – как просто скакать, так и вести боевые действия, использовать оружие, сидя в седле.

А было время, когда стремени не знали. Кто хотя бы раз ездил верхом без стремян, тот, возможно, сам убедился, как неудобно усидеть на лошади на быстрых аллюрах, особенно на рыси. Каждое движение ноги лошади отдается толчком по всаднику, его непрерывно подбрасывает вверх, и лишь сохранением равновесия – с силой сжимая бока лошади ногами, удастся остаться верхом на коне. Любое резкое движение может привести к падению.

Да, опытные всадники могут при этом и выстрелить из лука, и направить копьё на противника, и орудовать мечом или саблей. Но удары при этом получаются несильные, так как всадник на лошади не имеет упора.

А упор – это великая вещь! Не случайно древний ученый Архимед говорил: «Дайте мне точку опоры, и я переверну земной шар!» Стремя дало эту точку опоры. Всадник получил возможность встать на стременах. Ритмично привставая в такт движениям лошади, он избавился от неприятной тряски на рыси. Главное – стоя на стременах и не рискуя упасть, он смог теперь совершать более резкие движения саблей, наносить столь сильные режущерубящие удары, что разваливал противника кривой саблей от плеча и до пояса. Один удар не только поражал смертельно одного противника, но и ужасающе действовал на других.

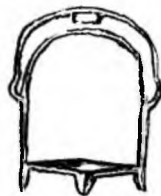
С применением стремян сильно возросла и поражающая способность копья. Всадник теперь на скаку лишь направлял копьё на противника и с упором в стремена крепко держал его до удара, а после поражения противника выбрасывал копьё из рук. Удары копьем, часто поражавшие противника насквозь, также оказывали сильное деморализующее действие.

Теперь изменилась и тактика атаки конницей. Рассыпавшись влаву, всадники неслись на противника с шашкой наголо и

*Всадник с реманными
стременами*

*Деревянное и металлическое
стремена*

копьями наперевес. Нанеся первый удар копьем, всадники начинали рубить противника шашкой направо и налево от себя, поражая противника сильными рубяще-режущими ударами. Некоторые умельцы делали это «с потягом» – рубили шашкой, одновременно потягивая ее на себя, усиливая при этом режущий эффект.

Кроме того, езда со стременами стала значительно удобнее как для всадника, так и для лошади. Если без стремян всадника подбрасывало при каждом движении лошади и он постоянно своей задницей бил по ее спине, что было болезненно как для всадника, так и для лошади, то с появлением стремян, привставая на них в темп движению, всадник смог гасить эти толчки. Конники называют этот навык умением «облегчаться». Так с помощью стремян значительно облегчилось передвижение всадников на рыси – основном маршевом аллюре конницы. Это существенно увеличило длительность суточных переходов, а тем самым и боеспособность армии.

Расстановка сил с появлением стремени резко изменилась. Те народы, которые первыми освоили стремяна, изготовили кривые сабли-шашки и научились новым способам ведения конного боя, оказались сильнее. Гунны одними из первых, если не первыми, освоили стремяна и этим получили преимущество перед своими западными противниками. Поэтому пали от них аланы и разбежались готы – народы не менее воинственные, а сарматы, орудовавшие прямыми мечами, вообще исчезли с исторической арены.

Появление стремян – это революция в верховой езде, а всадник был олицетворением той эпохи. «Стременная революция» всколыхнула Великую степь. Произошел качественный скачок в вооружении конницы, но не одновременно у всех народов: у кого-то

раньше, у кого-то позже. Весь прототюркский мир пришел в движение, началась эпоха Великого переселения народов, в корне изменившая лик молодой Европы. Историки не заметили изобретения стремян, их революционной роли в ту эпоху. А зря! Тогда бы они поняли истинную причину, вызвавшую Великое переселение народов.

Мне удалось найти лишь эпизодические упоминания о появлении стремян в Центральной Азии между 200 и 400 гг. Эта территория находилась на периферии древнего Китая, и события, происходящие в ней, попадали в китайские хроники [27]. К сожалению, нет и археологической систематизации по времени изобретения стремян. Однако сообщения китайских источников о времени появления стремян среди тюрков Центральной Азии согласуются со временем активизации гуннов и прорыва их в Западную Европу.

Время появления стремян у гуннов по материалам археологических раскопок установить трудно. Это связано с тем, что первые стремена изготавливались из ремней. Овечья шкура на спине лошади, перехваченная перевязью с прикрепленными к ней ремennыми стременами, и представляла собой элементарное седло. Такие седла, только без овечьей шкуры, дошли и до наших дней. Их используют башкирские мальчики в скачках на сабантуе. Преимущество подобного седла в его малом весе, что очень важно в скачках на длинные дистанции.

Ременные стремена просты и легки, но «режут» стопу, причиняя боль. Поэтому вскоре в ременную петлю стали вставлять деревянную распорку, служащую одновременно и подставкой для ноги. Такие стремена на скачках мне также приходилось видеть.

Элементарное седло, состоящее из шкуры барана, перевязи и ременных стремян, конечно, лучше, чем ничего, но оно весьма неустойчиво. Шкура, как и сама перевязь, сползает на бок, и езда на таком седле требует немалой ловкости. Единственной возможностью хоть как-то зацепиться на спине лошади является ее выступающая холка.

Понадобилось нечто твердое, накладываемое на холку с двух сторон и прижатое к ней перевязью. Так родился ленчик, разделивший перевязь на две части, соединяемые пряжкой: подпругу и пристругу. Аналог ленчика используется в русской упряжи и называется седелкой. Сверху на ленчик установили кожаную подушку для удобства сидения и прикрепили ременные стремена. Так родился кожаное седло.

Войско хунну(гуннов), изображенное китайскими художниками

Но кожа и ремни не сохраняются в земле в течение веков, поэтому появление кожаных седел и ременных стремян не улавливается археологической наукой. Остается уповать на письменные источники или различные изображения всадников. Но стремяна – очень маленькая деталь, порой трудно просматриваемая на древних изображениях.

В последнем случае наличие или отсутствие стремян легко определить по положению ног всадника. Если стремян нет, то ноги всадника почти прямые, свободно опущены и носок стопы свисает ниже пятки. Как, например, у всадника из золотой коллекции Филипповских курганов. Это VI в. до н. э.

При наличии стремян посадка всадника изменяется, ноги сгибаются в коленях, а стопы принимают характерное положение, создаваемое упором самой широкой части стопы в стремя. Носок приподнимается и становится вровень с пяткой или выше ее.

До нас дошли изображения хунну(гуннов), сделанные китайскими художниками, а это II – I вв. до н. э. Здесь изображены и пешие лучники, и легкая кавалерия, также стреляющая из луков, и латная конница с саблями наголо. Клинки сабель направлены вверх-назад, находясь в исходном положении для нанесения рубящего удара. Согнутые колени и характерное положение ступней всадников с опущенной пяткой и приподнятым носком выдают наличие стремян. Один из всадников, стреляющий из лука, и вовсе стоит на стремянах, сместившись назад на круп.

Кони хуннов изображены с открытой пастью и оскаленными зубами. Это боевые кони, обученные нападению на противника. У двух коней отчетливо видны все четыре конечности. Их взаимное расположение выдает аллюр, которым движется лошадь. При этом каждая пара ног на одной стороне (передняя и задняя) идет синхронно: либо выносятся вперед, либо толкается назад. Это иноходь, аллюр, – самый удобный для длительных переходов вид пере-

Деревянное седло

движения на лошади. Иноходцы всегда были в почете у кавалеристов. На иноходи не трясет, как на рыси, а лишь слегка покачивает.

От природы редкие лошади бегут иноходью, но этому аллюру можно коня и обучить – с помощью несложной ременной шлейки. Возможна и определенная селекционная работа с целью выведения иноходцев, как это

делается сегодня в США. Там разводят и испытывают иноходцев, они бегут резвее рысаков. Возможно, именно иноходцев хунну называли «тысячелийными» конями. Только на них всадник может покрывать сотню и более километров в сутки. На других аллюрах сделать это нереально. На рыси трясет и нужно «облегчаться», привставать на каждый шаг движения лошади. Это утомляет всадника, а на галопе быстро устает лошадь. Конечно, не у всех хунну были иноходцы, но каждый стремился иметь такого коня, и они были в цене.

Таким образом, еще до начала нашей эры, близ Китая, в поле зрения китайцев, хунну ездили верхом в седле со стремянами, имели саблю для нанесения рубяще-режущего удара. В степи они ездили на кожаных седлах с ремennыми стремянами. Попад в Южное Приуралье в I – II вв. н. э. и смешавшись с уграми, хунну (гунны) овладели инструментами деревообработки и освоили дерево как рабочий материал. У них появились более удобные деревянные стремяна и деревянные седла. С точки зрения верховой езды, деревянные стремяна мало чем уступают металлическим, но прочность их значительно ниже. А внезапная поломка стремени в бою могла всаднику стоить жизни. Поэтому вначале деревянные стремяна окантовывали металлом, а затем и вовсе перешли на металлические изделия.

Надо полагать, что в степи Восточной Европы наиболее знатные гунны въехали уже на деревянных седлах с металлическими стремянами. Забегая вперед, в подтверждение этого отметим, что именно их потомки – авары распространили металлические стремяна по степям Восточной Европы. Это уловила археологическая наука. Однако следует отметить, что не время существования того или иного народа и уровень его культуры определяли материал и тип стремян, это зависело больше от знатности и материального положения всадника, доступности дерева или металла. Металличе-

ские стремяна были хорошим трофеем, а деревянные обладали одним преимуществом – они были «скрытнее», не гремели при ударе о другие детали снаряжения или оружия. Так, даже спустя тысячелетие, монголы в XIII в. ездили и с ременными, и с деревянными стремянами [20. С. 239]. На деревянном седле с деревянными же стремянами ездил Салават Юлаев.

Итак, гунны в 376 г., разбив готов, заняли Паннонию – придунайские степи, а через несколько десятилетий продолжили продвижение на запад. В 434 г. они под руководством своего правителя Ругиллы осадили Константинополь. Император Феодосий послал тогда гуннам дань – 350 золотых ливров. Затем эта дань была увеличена вдвое. Так Восточная Римская империя стала данником гуннов.

После смерти Ругиллы власть над гуннами перешла к двум его племянникам – Аттиле и Бледе. По некоторым сведениям, Атила убил своего брата и стал единоличным вождем. Благочестивые христиане называли его «бичом божьим». Можно привести еще и слова римского сановника Ромула: «Никто из тех, которые когда-либо царствовали, не произвел столько великих дел, как Атила, и в такое краткое время. Его владычество простирается и над островами, находящимися в океане. И не только всех скифов, но и римлян заставляет он платить дань. Военная сила его такова, что ни один народ не устоит против нее».

Говоря об островах в океане, Ромул имел в виду и Англию, о завоевании которой я уже писал выше.

Какими же видели гуннов в Европе? Современником описываемых событий был известный нам Аммиан Марцеллин. Он описал некоторые свойства и черты характера гуннов. Среди них, в первую очередь, он отмечал страсть к лошадям. Они издавна разводили высокорослых резвых лошадей. Каждый хозяин отбирал для своего хозяйства кобыл и жеребцов с лучшими потребными свойствами: резвостью, выносливостью, склонностью к выезде, мягкостью характера или, наоборот, свирепостью в бою.

Гунны значительную часть жизни проводили на конях. Сидя на них, они проезжали огромные расстояния, ели, пили, вели торговлю, порой и спали, покачиваясь в седле, что было невозможно без стремян.

Марцеллин характеризует гуннов как великолепных воинов: «В бою выстраивались клином, громко кричали, действовали быстро, перестраивались группами и наносили удары по врагу с разных сторон. Подобная тактика позволяла уничтожать большое число

воинов противника. Их острые стрелы с наконечниками из кости позволяли истреблять противника, не приближаясь к нему. В ближнем бою они добивали противника саблями. На пеших воинов и разбегающихся врагов они бросали арканы». Он отмечал также и горячность гуннов: «...иногда, повздорив, они начинали воевать между собой». Это типично тюркское. Тюрки издавна и везде грызлись между собой, как собаки.

У гетов I - V вв. был свой историк. В VI в. гет Иордан написал историю своего народа под названием «De rebus Getica», известную как его труд «О происхождении и деяниях гетов» [28]. Сочинения Иордана ценны еще и тем, что, наряду с гетами, он давал характеристику и тем народам, с кем они вступали в контакт, например гуннам, венедам – предкам русских, римлянам, грекам.

Так, Иордан писал, что селение, в котором проживал Аттила, «было подобно обширнейшему городу; деревянные стены были сделаны из блестящих досок, соединение между которыми было на вид так крепко, что едва-едва удавалось заметить стык между ними». И далее: «Видны были тринклинии, протянувшиеся на значительное пространство, и портики, раскинутые во всей красоте. Площадь двора опоясывалась громадной оградой: ее величина свидетельствовала о дворце».

Дворец был украшен шатровыми крышами, башнями и башенками. Очевидцев поражала тонкая восьмигранная отделка бревен, резные наличники и ставни, высокое крыльцо с резным навесом. В селении все дома были рублеными. Бревна аккуратно подгонялись одно к другому. Византийский посланник Прииск Понтийский отметил, что у гуннов такая постройка имела многовековую традицию.

А в нашей истории гуннов считают кочевниками, скитающимися по степи со своими юртами – шалашами из войлока. В Европе они построили такие селения, которые удивили даже греков и римлян. Какие же кочевники эти гунны? Где же правда? И кому нужна ложь?

Грек Прииск обратил внимание на то, что в их домах пахло свежим деревом и что вдоль стен стояли широкие лавки, а рядом – дубовые столы. Оказывается, эти «дикие кочевники» ели, сидя на лавках за столом, а не на полу в юрте, скрестив ноги!

Византийца поразила и одежда гуннов: «Они носят короткие полукафтаны из некрашеной шерсти, которую прядут их жены, белые широкие шаровары и кожаную обувь, перевязанную на подъем ремнями. А в особенности же обращают внимание своим

искренним ласковым обхождением и любовью к ближнему. Одежда их женщин весьма опрятна и ловко сделана, она состоит из исподницы и кофты темно-синего цвета, обшитых светлой каймой и без, белой рубахи, спущенной ниже юбки и убранной складками около шеи и рук с оборкою, похожей на кружева. Девушки ходят с открытой головой, убирая себе волосы различными монетами. Все они носят серьги, запястья и кольца даже с трехлетнего возраста».

Помню, в детстве мне приходилось наблюдать, как убирали свои волосы мои бабушки. В косы они вплетали веревочку, на концах которой были искусно закреплены большие серебряные монеты. Так убирали себе волосы, видимо, и гуннские женщины.

Византийский посланник был поражен у гуннов и белой баней — единственным сооружением из камня. Такого он нигде не видел ранее.

Иордан дал Аттиле такую характеристику: «Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил на всех трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутой сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом (кожи), он являл все признаки своего происхождения».

О красоте не спорят. Такое описание внешности Аттилы дошло до нас от историка гетов-готов, его врагов, и это, скорее всего, месть за содеянное им. Внешность его не была такой отталкивающей. Сестра римского императора Валентиниана Гонория сама предложила Аттиле руку и сердце. Этот император был искусным дипломатом. Ему удалось противопоставить Аттиле короля вестготов Теодориха. Так Валентиниан получил себе сильного союзника в борьбе с гуннами.

В 451 г. на Каталаунских полях (совр. Шампань во Франции) сошлись две армии. Одной командовал римский полководец Аэций, возглавивший ополчение из вестготов, некоторых других племен и аланов. На стороне Аттилы сражались остготы и гепиды во главе с их выдающимся вождем Ардарихом. Таким образом, в

этой битве одни тюрки – гунны сражались против других тюрков – готов, защищавших интересы Рима.

Много крови было пролито. Очевидцы рассказывали, что текла она ручьями и жаждущие воины пили ее как воду. Иордан пишет, что пало с обеих сторон 165 000 человек, не считая 15 000 гепидов и франков. Они сошлись раньше главного сражения, еще ночью.

Казалось, Атиллы уже был повержен. Он укрылся в лагере, сооруженном из телег, и готовился к смерти – собирался броситься в огонь костра, разожженного из конских седел. Лагерь оказался окруженным. Но судьба была на стороне Атиллы. Король вестготов Теодорих, объезжая войска для их обозрения, был сбит с коня и растоптан насмерть своими же воинами. Его сын Торисмунд ночью, блуждая в темноте, наткнулся на врагов. Он храбро отбивался но, раненный в голову, был сброшен с коня. Его свои воины все-таки отбили, но он отказался от намерения сражаться. Вестготы – главная ударная сила римлян, оказались без полководца. Добивать Атиллу они не захотели и ушли с поля сражения.

Аттила, заметив отход вестготов, долго еще оставался в лагере, предполагая со стороны врагов некую хитрость. Вслед за отсутствием врагов наступила тишина, и дух могучего короля вновь обратился к прежней вере в судьбу.

Европейские историки победу в этой битве отдают римлянам, считая, что Аттила был повержен. Но войска Азия после битвы разбежались в разные стороны, а Аттила пошел на юг покорять Италию.

Он осадил и взял город Аквилею – столицу провинции Венеция (Венеция), основанную лесными людьми венетами, пришедшими сюда с берегов Балтийского моря. Аттила опустошает Медиолан (Милан), Тицин, истребляя с яростью близлежащие селения, разрушает чуть ли не всю Северную Италию и собирается идти на Рим.

Тут к нему подоспело посольство из Рима с мирными предложениями. Пришел к нему сам папа Лев на Амбрулейское поле в Венеции, прося пощадить страну и Рим. Аттила принял мир, но угрожал разорить Италию, если ему не пришлют Гонорию, сестру императора Валентиниана, дочь Платиды Августы с причитающейся ей частью царских сокровищ. Эта девушка Гонория по воле брата содержалась в замке, заточенная туда в состоянии девственности, ради чести дворца. Она тайно послала евнуха к Аттиле и просила защитить от властолюбия брата. Это

было и вовсе недостойное деяние для особы из императорской семьи: купить себе свободу сладострастия ценою зла для государства.

Гонорию Аттиле отдали, и он не тронул Рим (ее именем римляне называли известную болезнь, распространяемую распутством и неукротимостью плоти). Однако не Гонория спасла Рим. Аттила не пошел на юг, испугавшись чумы, опустошившей Италию.

Иордан, историк готов, пишет, что вестготы позже все-таки разбили гуннов Аттилы, но он не сообщает ни даты, ни места битвы – почти такой же, какая до того произошла на Каталаунских полях. Это, скорее всего, мстительная ложь. На такую же битву через такое короткое время (не более 1 года) не были способны ни гунны, ни вестготы. Аттила же отправил послов в Константинополь к Маркиану, императору Восточной Римской империи, и увеличил дань до 2 тысяч золотых ливров.

Насколько жизнь Аттилы была удивительной, настолько смерть его оказалась ничтожной. Он умер как мужчина, но не как герой. Историк Прииск рассказывает, что Аттила взял себе в супруги, после бесчисленных жен, девушку замечательной красоты по имени Ильдиго. Ослабевший на свадьбе от наслаждения ею и отяжеленный вином и сном, лежал он, плавая в крови, которая обыкновенно шла у него из ноздрей, но теперь, изливаясь через горло, задушила его. Так опьянение принесло постыдный конец прославленному в войнах герою.

Его предали земле так, как тюрки хоронили своих царей. Среди степи в шелковом шатре поместили его тело. Это представляло поразительное и торжественное зрелище. Лучшие воины гуннов объезжали шатер кругом и пели погребальные песнопения: «Великий король Аттила, господин сильнейших племен! Ты, который с неслыханным могуществом овладел Скифским и Германским царствами, который захватом городов поверг в ужас обе империи римского мира и принял их ежегодную дань! И со счастливым исходом совершив все это, скончался не от вражеской раны, не от коварства своих соплеменников, но в радости и веселье, без чувства боли, когда народ пребывал целым и невредимым. Кто же примет это за кончину, когда никто не считает ее подлежащей мщению?»

После того как Аттила был оплакан такими стонами, воины справили на его кургане тризну, сопровождая ее громадным пиршеством. Ночью тело тайно предали земле, накрепко закрыв в три гроба: из золота, серебра и железа. Сюда же положили оружие,

добытое в битвах с врагами, драгоценные нагрудные бляхи, сияющие блеском камней, останки забитых жертвенных коней. Для того чтобы предотвратить разграбление, воины осыпали стрелами всех тех, кто принимал участие в погребении.

После того как все было кончено, между наследниками разгорелась борьба за власть. Как пишет Мурад Аджи, одних сыновей у него было 184, а девочек не считали. Против гуннов восстали подчиненные им германские племена. К реке Недао пришли для решающей схватки две части некогда единого войска Аттилы. Они разбили друг друга. Не враги победили гуннов – они уничтожили себя сами.

Со смертью Аттилы рухнула великая держава гуннов, рассыпалась на мелкие осколки. Возникли самостоятельные государства вестготов, остготов, гепидов, вандалов и других тюркских народов. Не исчез и гуннский народ. Поселившись в Паннонии, построив города, изумлявшие европейцев, гунны остались там навсегда. Они, по происхождению своему – угризованные в Приуралье тюрки, составили основу венгерского народа. Это был первый «десант» тюрко-угров из приуральских степей в Паннонию. Там они со временем создали Венгерское королевство, став католиками.

Не было тогда в Европе ни немцев, ни англичан, ни французов, ни австрийцев, ни поляков, а были вестготы, остготы, гепиды, вандалы и другие тюркские племена, на основе которых и зародились современные европейские народы. Однако последние предпочитают не помнить этого родства. Немцы, например, считают своими предками лесных жителей, населявших север Европы, называя их арийцами. Но этносы не рождаются один из другого. У каждого человека есть отец и мать. Так и у каждого этноса есть как минимум два «родителя». У большинства европейских народов одним из «родителей» был тюркский народ.

Еще одно обстоятельство надо отметить из той эпохи. В I в. близ Вислы, севернее Дакии, – страны, занимаемой готами, жили венедалы. Их также отмечают в соседстве с эстами и герулами, жителями берегов Балтийского моря. Венедалы более славились своей многочисленностью, нежели искусством воевать, – это отмечает Н. Карамзин. В IV в. готский король Германарих пошел войной на венедалов. Вначале они пытались обороняться, а затем бежали на восток, в восточную Европу. Иордан писал, что венедалы и славяне – один народ. Выскажем лишь предположение, что венедалы – раннее, а славяне – более позднее название этого народа.

Так часто было в истории. Один народ жил на каком-то месте, затем по какой-то причине уходил оттуда, с кем-то перемешивался на новом месте и назывался уже по-другому. Например, были массагеты, потом просто геты, затем готы.

Так и в случае с венедами. Некоторое время они были под властью готов, перемешались с ними в какой-то степени и стали славянами. Это были предки русского народа, и на страницах этой книги мы встретимся с ними еще не раз. Пока отметим лишь, что тюркская кровь перемешивалась с прибалтийской, европейской, в предках русского народа еще с тех, очень древних, времен – с первых столетий нашей эры. Не все гунны ушли на запад покорять Европу. Значительная часть их осталась в Приуралье и, продолжая перемешиваться с тюрками, стала предками мадьяр, внесших существенный вклад в формирование башкирского народа.

К сожалению, гуннов вообще нет в башкирской истории. Энциклопедия «Башкортостан» даже не упоминает о них. А ведь это прямые предки башкирского народа, некогда покорившие Европу. Башкирская историческая наука страдает беспамятством. Она выкинула гуннов на обочину истории.

Но столь лакомый кусок не залежался в забвении. Татарские историки нашли ему достойное место в своей истории. Несмотря на то, что ни хунну, ни более поздние гунны не имели никакого отношения ни к татарам, ни к их предкам, татарский историк И. Тагиров именно с них начинает «Историю национальной государственности татарского народа и Татарстана» [29]. Он достаточно подробно рассматривает зарождение гуннов, возникновение у них государственности, завоевание Европы, триумф Аттилы и его конец. Пример внимания достоин.

С распадом Гуннской державы заканчивается история Древнего мира. Середина V в. – это рубеж, за которым начинается раннее средневековье.

Помню, в далеком детстве, когда закончилась начальная школа и мы перешли в среднюю, у нас появились уроки истории. Это была история Древнего мира. Мы изучали Египет, Древнюю Грецию и Римскую империю, Месопотамию и Вавилон, Персию, Индию и Китай. Как-то я спросил у учительницы: «А что же было тогда в том месте, где мы живем, на Урале? Жили ли здесь люди?» Она ответила: «Жили, наверное, дикари какие-нибудь!»

Из истории Древнего мира была исключена половина Евразии. На исторической карте одну шестую часть суши покрывало белое пятно неизвестности. Самым близким к нам «цивилизованным

местом» было государство Урарту на территории современной Армении.

Еще совсем юному Л. Гумилеву, когда он учился на первом курсе исторического факультета, пришла в голову мысль заполнить эту лакуну во всемирной истории, написав историю народов, живших между тремя культурными регионами: Западной Европой, Ближним Востоком и Китаем. Светлыми и по-юношески наивными были его мечты. Он еще не представлял себе, под какой политический каток попадет он за стремление осуществить их.

Л. Гумилев, конечно, увидел развитие Великой Тюркской цивилизации на бескрайних евразийских просторах, но описать ее открыто все-таки не решился. Он называл ее Великой степью. Да и это ему дорого обошлось – 13 годами лагерей и последующей многолетней травлей со стороны ученого мира.

Конечно, тогда нам не рассказывали о Великой Тюркской цивилизации, о выдающейся царице массагетов Тимербике, сокрушившей библейского персонажа «царя стран» Кира, о великом Аттиле, поставившем на колени обе части Римской империи. Не слышали мы и о гетах и готах, покоривших в древности Европу и определивших ее молодое лицо, язык и архитектуру.

Когда прототюрки – массагеты (геты, готы) пришли в Европу, Древний Рим пребывал не только в дикости рабовладельческого строя, но и в темноте и невежестве язычества по указу своего императора проводил массовые жертвоприношения людей. Тюркская цивилизация разошлась по Европе и Азии со своей религией мирового значения – тенгрианством, признающим единого бога – Тенгре. Многие каноны современных мировых религий христианства и ислама взяты из тенгрианства, например единобожие, понятие о душе, воздержание от пищи во время поста и уразы, не вещественная, а духовная суть Бога.

Геты (даки) и готы исповедовали тенгрианство. Им были чужды людские жертвоприношения. Это от прототюрков христиане переняли свой символ – крест (тюрк. *тәре*). Поначалу он у христиан, как и у прототюрков, был равносторонним. Таким мы видим его изображенным на одежде кардиналов, щитах римских воинов. Позже равносторонний крест привязали к посоху, насадили для удобства держания на рукоять. Нижняя вертикальная часть креста удлинилась. Он приобрел формы известного католического символа. Лишь в 325 г., более чем через 200 лет после прихода тюрков, крест – их символ тенгрианства – на Никейском Вселенском соборе стал единым символом христианской веры.

Так, раз за разом сокрушая языческий Рим, прототюрки-готы способствовали проникновению христианства в страну, в которой предстояло стать его цитаделью.

Да, существовала римская система образования, основанная на «семи свободных искусствах», включавших грамматику, логику, риторику, арифметику, геометрию, музыку и астрономию. Но прототюрки продвинулись значительно дальше римлян в металлургии, металлообработке, в познании законов природы, физических законов. «Мать наук» – физика была основой их образования. Считать и писать они тоже умели.

А художественная мысль прототюрков? Вспомним прекрасные золотые изделия массагетов из Филипповских курганов, выполненные в традиционно степном зверином стиле. Ничего подобного Древний Рим не знал и не имел.

Известно римское право, но у прототюрков было свое обычное право, исходящее из обычаев народа. Право – категория, характерная для общности людей, народа, государства. Основой же международного права было и, к сожалению, остается право силы. Здесь римляне значительно уступали прототюркам.

С этих, очень древних, времен рафинированные европейцы известны своей неспособностью защитить себя силой оружия, стремлением откупиться от нашествия. Сколько раз лишь только прототюрки подходили к воротам Рима, Константинополя, других городов, – как жители ведрами выносили золото, платили дань, не желая обороняться. Кто эту дань не принимал, захватывал город, тот становился варваром, вандалом, разрушителем.

Патриотизм не был свойственен римлянам. Рисковать жизнью ради себя и своих близких – не их черта. Л. Гумилев назвал бы это потерей пассионарности, а римлян – дряхлеющим этносом.

Признано, что искусство и архитектура раннехристианского европейского средневековья были подражательными. Заимствованы у прототюрков и звериный стиль, характерный для золота массагетов, и их гробницы с куполами над могилами, названные в последствии «мавзолеями». Думаю, что и слово это тюркского происхождения, означающее «дом покойного», однокоренное с *мәйет* – «покойник».

Мавзолей – поминальное святилище над могилой – сооружение, увенчанное куполом, симметричное относительно центральной оси. Такие мавзолеи строили прототюрки за 2000 лет до римлян в «Стране городов» и массагеты за 700 лет в Зауралье. Последние известны как Филипповские курганы.

Архитектура таких мавзолеев с основанием в виде круга (ротонда) и восьмиугольника (октагон) стала использоваться римлянами для построек баптистерий и капелл. Позже такой тип построек лег в основу крестово-купольных храмов, получивших распространение в Восточной Римской империи. Это и неудивительно – прототюрки шли с востока. Много таких сооружений было построено в столице прототюрок-остготов Равенне: Баптистерий православных, мавзолей Галлы Плакидии, мавзолей Теодориха, вождя остготов.

Конечно, такого заимствования европейцы не признали, ведь стоял уже Пантеон с купольным сводом, архитектура которого была перенята у прототюрок ранее, при первых контактах римлян с даками (гетами). Считается, например, что в мавзолее Теодориха остготы пытались создать, «подобно римлянам», купол, но использовали для этого большой монолитный камень, придав ему форму купола.

Европейцы заимствовали архитектурные традиции не только у прототюрок: гетов, готов, гуннов. Существенный вклад в строительство храмов, крепостей и замков внесли крестоносцы, завоевавшие Сирию и Палестину. Они принесли в Европу традиции строительства цилиндрических башен и систем двойных стен.

Собственный художественный и архитектурный язык Европа обрела лишь в средневековье, в романский его период, в XI – XII вв. Это был переход от «варварских» тюркских держав к «классическим» государствам. К тому времени на карте Европы появились Франция, Германия, Италия, Дания, Швеция, Норвегия, англосаксонские королевства. Это были времена правления католической церковной власти, крестовых походов и мракобесия инквизиции.

В середине XII в. Европа вдруг очнулась. С Франции начался новый период средневековья – готический, продлившийся до XV в. Светская власть набрала силу, а церковная ушла в тень. Тогда кардиналы стали «серыми», перешли на роль советников королей, хотя и имели еще свою гвардию. Все античное, римское, ушло в прошлое. На первый план вышли тюркские готические ценности: честность, отвага, воинская доблесть, патриотизм, преданность. Появились рыцари «без страха и упрека».

Этот готический период в истории Европы изображен в романе А. Дюма «Три мушкетера». С одной стороны, там борются продажность, коварство, хитрость, предательство приближенных кардинала, олицетворяющих уходящие, «римские», ценности, а с другой –

новое лицо Европы, имеющее тюркские черты: храбрость и отвагу, преданность и честь, пренебрежение к золоту и богатству. Таковы мушкетеры короля. Стали все более популярны тюркские традиции, внесенные в Европу готами, гуннами. В рукописях того времени перечисляются «семь искусств рыцаря»: верховая езда, плавание, стрельба из лука, фехтование, стихотворство, игра в шахматы и традиционно степное занятие – птицеводство. В Европе возникли специальные школы верховой езды. Появились учителя фехтования и мастера выездки коней – берейторы.

Термин «готический» для европейской культуры того времени был равносителен «варварскому», означая прямую противоположность «античному», «римскому». Но и тогда никто не относил «готику» к Тюркской цивилизации. В памяти Европы готы оставались варварами, неизвестно откуда взявшимися.

Знаменитый архитектурный готический стиль, в котором построены лучшие европейские соборы, монастыри, городские ратуши, государственные рейхстаги, имел в своей основе каркасную систему и ее важнейшую составную часть – ребристый купольный свод. Благодаря каркасу стена перестала быть несущим элементом. Такое «освобождение» стены позволило шире использовать ажурный декор и витражи из цветного стекла.

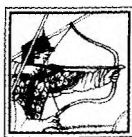
Каркас, ребристый купольный свод и отверстие сверху – это основа конструкции тюркской юрты. На подобной основе был построен римский Пантеон. Более поздние европейские строения сооружались на такой же конструктивной основе. Они не имели лишь большого круглого окна сверху, но дополнялись высокими стреловидными башнями.

Неизвестно, кто и когда дал название готическому стилю в архитектуре, но этот человек, безусловно, знал, откуда тот пришел. Однако брюзжащих об ошибочности названия хватало, особенно среди советских авторов, как это ни странно. Они злопыхали: «Название “готика” не отражает сущности этого стиля. Стрельчатый стиль вот его более точное определение» [30]. Как велико желание отрицать все тюркское, даже имеющее место в далекой Западной Европе! Цитированная книга – не монография по истории архитектуры, а учебное пособие по мировой художественной культуре, предназначенное для учащихся средних школ, гимназий, лицеев.

С какой целью это делается? Подрастающее поколение не должно знать достижений Великой Тюркской цивилизации! Борьба с «пантюркизмом» продолжается. Все это звенья одной

цепи: «арии» на Урале в Аркаиме и Синташте, «сарматское золото» Филипповских курганов, «стрельчатый стиль» готических замков и храмов Европы.

Что же остается тюркским народам от их цивилизации? Умение пасти скот? Но едва ли удастся скрыть очевидное. Исторический поиск не стоит на месте. Надеюсь, что придет время, когда на уроках истории дети будут изучать и Великую Тюркскую цивилизацию, влияние ее на судьбу всего человечества, а в историях Древнего мира и средневековья появится, наконец, новый раздел – «Евразия: Великая Тюркская цивилизация».

Глава 7

ТЮРКСКИЙ КАГНАТ И ДРЕВНЕБАШКИРСКИЕ ПЛЕМЕНА

Невозможно описать весь путь развития Тюркской цивилизации в одной книге. Поэтому будем двигаться скачками, перенесемся во времени в середину первого тысячелетия нашей эры. За гуннами на исторической арене появляются тюрки и сразу же становятся известными в Средиземноморье. Посол их хана Дизавула прибыл в Константинополь в 568 г. Этого хана называли «новым Аттилой». Он, покорив многие народы, жил во дворце, украшенном шелковыми коврами и золотыми сосудами. Сидя на богатом троне, Дизавул принимал послов из Византии и от римского императора Юстиниана. Он заключил с ними союз и победно воевал с персами. Тюрки были вполне цивилизованным народом, торговавшим с Китаем, Персией и Грецией.

Они отмечены в византийских летописях. Один из древних историков Феофан называл тюрков массагетами, а другой – Меландр считал их потомками саков. Так или иначе, но потомственная связь тюрков с массагетами и саками проявлялась не только в сходстве их материальных культур, но и в упоминаниях письменных источников, оставленных древними историками.

Империя массагетов и саков была велика и могущественна. Но ничто не вечно под луной. Многочисленный народ, расселившийся от Волги до Дальнего Востока и на равнинах, и на горах, и на островах, и на болотах, разделился на мелкие осколки – там, где ломался ландшафт. Эти мелкие этнические осколки, получившие различные названия, отличались друг от друга диалектом языка,

некоторыми деталями одежды, приготовлением отдельных блюд, песнями и танцами. Однако через многие сотни лет они сохранили свой единый язык, веру в единого бога Тенгре, погребальные ритуалы, обычаи, образ жизни, навыки металлообработки, характер и любовь к коню.

Неразделимое единство мужчины и лошади не могло не отразиться на характере и обычаях тюрок. Лошади живут косяками: один жеребец и десяток-два кобыл. Для тюрок также характерно многоженство. Косячный жеребец не терпит рядом себе подобных, бьется с пришельцами не на жизнь, а на смерть. Также и тюрки не переносят рядом кого-либо. Территория, занимаемая родом, священна и оберегаема от пришельцев. Из-за вечной нехватки пастбищ тюрки грызутся между собой, как голодные собаки. Нет и не было согласия между тюркскими народами.

Они умыкали друг у друга невест, воровали коней и другой скот. Барымта, грабительский набег – древний тюркский обычай. Это не считалось преступлением, а наоборот, относилось к молодецкой удали.

Один из таких народов, насчитывающий пятьсот семейств под рукой князя Ашина, был вытеснен китайцами из Северного Китая в предгорья Алтая. Это бегство обрело характер легенды, записанной теми же китайцами.

Будто бы остатки народа хунну [31] были начисто истреблены соседями. Уцелел лишь один девятилетний мальчик, которому враги отрубили руки и ноги и бросили в болото. Там его нашла и вскормила волчица. Когда мальчик подрос, волчица забеременела от него. Юношу враги все-таки нашли и убили, а волчица убежала на Алтай и там родила девять сыновей. Потомков их и стали называть *тюрками*, что значит «сильный, крепкий».

Легенда есть легенда, тем более записанная врагами. Но и она несет в себе какую-то информацию. Первое, что надо отметить: тюрки родственны народу хунну – гуннам, между ними не более ста лет, общий язык и сходство культур. Второе: легенда отмечает тотем тюрок – волчицу. Золотая волчья голова красовалась на боевых тюркских знаменах. Третье: мальчику девять лет, девять сыновей волчицы, девять – священная цифра тюрок. Вспомним девятирусную пирамиду, храм тенгрианства, построенный на берегу уральской реки Синташта два тысячелетия тому назад. С тех далеких времен идет священная девятка.

Тюрки рода Ашина, китайцы их называли еще и *тюркютами*, создали сильную армию и под предводительством Бумын-кагана и Истеми-хана совершили ряд завоевательных походов. В результате

в Евразии возникла огромная держава тюркютов, простирающаяся от Дона и Волги до Великой Китайской стены. Эту державу называют Первым Тюркским каганатом. Ее первый правитель Бумын, или Тумын, принял титул «иль-хан» или «каган», что означает «великий хан».

Началом истории этой державы принято считать 545 г. В этом году император Западной Китайской империи Вэнь Ди послал к ильхану Бумыну некоего Ань Нопаньто для установления дружественных отношений. Посланник происхождением был близок к тюркютам, знал их язык и его приняли радушно. Тюркюты поздравляли друг друга, говоря, что к ним прибыл посол от великой державы, что и их государство должно возвыситься.

Первый Тюркский каганат был государством, основанным тюркютами, жившими на Алтае. Это государство возникло на основе Великой Тюркской цивилизации, включавшей множество народов и племен, обитавших в Великой степи, прилегающей к ней лесостепной зоне, а также в предгорьях Урала, Кавказа, Алтая и Тянь-Шаня. Все эти народы были весьма сходны в языке, культуре, верованиях, обычаях и традициях.

Еще шире был тюркоязычный мир. Со времен готов и гуннов на тюркском языке и его наречиях говорили и народы нетюркского происхождения, потому как тюркский язык стал уже языком межнационального общения на огромной части Евразии.

Здесь уместно вспомнить: цивилизацию, зародившуюся на Урале, мы называли Прототюркской не по имени народа, ее основавшего, а по названию более позднего государства – Тюркского каганата, которое достигло наибольшего могущества и размеров в истории этой цивилизации. Далее ее можно уже смело называть Тюркской.

Тюркский каганат достиг своего могущества благодаря освоению промышленного производства железа, изделий из него и методов его обработки. Металлургия и обработка металлов, прежде всего бронзы и золота, были известны еще со времен массагетов, но железо, «железная революция» потребовали развития новых методов.

Во всем остальном мире раннее железо было мягче бронзы. Это связано, видимо, с тем, что способы закалки бронзы прямо противоположны способам закалки железа. Бронзу закаляют нагреванием с последующим медленным остыванием. Такая термообработка железа и его сплавов, наоборот, лишь «отпускает», смягчает этот металл. Железо, сталь закаляют нагреванием с последующим быстрым охлаждением в воде или масле. Хорошие изделия из

железа и его сплавов получали не только тюркюты на Алтае, но и тюркские племена на Урале.

По истории Тюркского каганата написано несколько трудов. Можно выделить здесь хорошую книгу Л. Гумилева «Древние тюрки» [32], и потому нет необходимости описывать их историю подробно. Нам она интересна в первую очередь тем, что в сфере влияния Первого Тюркского каганата оказались древнебашкирские племена. С этой точки зрения и будем рассматривать историю тюрков.

Первый Тюркский каганат просуществовал недолго – около ста лет. В начале VII в., раздираемый внутренними противоречиями и ощущавший постоянное давление со стороны Китайской империи, он распался на две части: Западный Тюркский каганат и Восточный Тюркский каганат.

К концу 60-х гг. VII в. Западный Тюркский каганат оказался в подчинении у китайских правителей. К началу VIII в. он освободился от власти Китая, однако из-за вторжений извне это государство пало в 740 г., и на его территории возникли Хазария, Великая Булгария, каганаты народов *канглы (печенегов)*, *огузов*, *кипчаков* и государственные образования других народов.

Восточный Тюркский каганат вел частые войны с Китаем, то, попадая под его власть, то вновь обретая свою независимость. В жестоких боях, проходивших в 30-х гг. VIII в., каганату снова удалось отстоять свою независимость. В этих боях прославился Кюль-Тегин, выдающийся тюркский полководец. Он скончался в 731 г., в период мира с Китаем, возобновления торгового обмена тюркских лошадей на китайский шелк. Узнав об этом, китайский император направил специальное посольство с манифестом, выражающим соболезнование. В посольстве были мастера, которые соорудили великолепный монумент Куль-Тегину на берегу Орхона, притока Селенги, впадающей в Байкал.

Все сооружение, где был захоронен прах Куль-Тегина, обнесено рвом, прерывающимся перед воротами, и стеной из глины, покрытой черепицей. У ворот установлены две статуи баранов из мрамора, обращенные друг к другу. За ними, на спине мраморной черепахи – китайского символа вечности, стоит знаменитая стела с надписью, наделавшей немало шума в исторической науке. Эта надпись была выполнена рунами-резами на камне и представляла собой образец древнетюркской письменности. Камни с такими письменами находили на берегах Орхона и Енисея, и потому называли их орхонско-енисейскими руническими письменами.

Эти письма известны давно. Еще в 1719–1727 гг. по Сибири путешествовал Даниэль Готлиб Мессершмидт, ученый из Данцига. Неподалеку от Нерчинска на старом кладбище ему показали камни, на которых наряду с рисунками были письменные знаки, очень напоминающие древнегерманские руны.

Однако более чем на 150 лет эти письма были забыты. Интерес к ним пробудился в 1875 г., когда финский путешественник М. А. Кастрен опубликовал работу «Енисейские надписи». Вышеописанный памятник Куль-Тегину на берегу Орхона в 1890 г. посетил также финн А. Гейкель. Найденные надписи он срисовал и в 1892 г. издал в Гельсингфорсе. Расшифровал эти письма датчанин В. Томсен, профессор кафедры сравнительного языкознания Копенгагенского университета.

Российские ученые к тюркским письмам интереса не проявляли. Однако после выхода в свет книги В. Томсена «Дешифрованные орхонские надписи» стало ясно, что древние тюрки имели свою письменность. Причем эта письменность у тюрков была задолго до появления на исторической арене будущего «старшего брата» – русского народа, якобы вытеснившего малые народы, в том числе и тюркские, из многовековой тьмы и отсталости. Неожиданно подобные письма стали обнаруживать в архивах, в библиотеках и на стенах зданий «старушки Европы». Стало очевидным происхождение древнегерманских и древневенгерских рун – эту письменность гунны занесли в Европу еще в IV в.

Здесь уместно вспомнить китайские источники времен народа хунну, соседствовавшего с Китаем. Их изучил и перевел Н. Я. Бичурин (Иакинф). Его перу принадлежит прекрасная книга «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена [31]».

Эти источники отмечали большое сходство между народом хунну и тюрками. «Обыкновения их вообще сходны с хуннускими, – подчеркивается в источниках, – живут в палатах (домах. – *Р. В.*) и войлочных юртах, переходя с места на место, смотря по достатку в траве и воде, занимаются скотоводством и звериною ловлею, питаются мясом, пьют кумыс, носят меховое и шерстяное одеяние. Мало честности и стыда, не знают ни приличия, ни справедливости, подобно древним хунну. Они пьют кумыс, поют песни, стоя друг против друга (и сегодня. – *Р. В.*), считают за честь умереть в бою и за стыд принять смерть в постели. Женились на своих мачехах, невестках и тетках, вход в жилище делали с востока, не имели постоянного местопребывания, но каждый имел свой участок земли».

В китайских источниках проявляется явное стремление представить тюрков как дикарей, которые не имели даже письменности. В то же время в их сообщениях проскакивали иные сведения: «...буквы письма их походят на буквы народа Ху».

Значит прототюрки – хунну/гунны – еще на заре своей истории, в 200 г. до н. э., имели уже свою письменность. Неизвестны те временные глубины, от которых она берет начало. Во всяком случае гуннский период – не самое начало тюркской письменности.

Сейчас уже известно, что Центральная Европа писала и говорила на тюркском языке вплоть до XV в. Тюркский язык был языком межнационального общения, тогда его знали все. Дело-производство также велось по-тюркски. Вот откуда сходство древнегерманских, древненемецких и тюркских рун, а также немецкого, венгерского и английского языков того времени. Все они были диалектами тюркского языка, плода Великой Тюркской цивилизации.

Китайские источники не оставляют и камня на камне от выдуманной теории кочевого образа жизни тюрков. Со времен гуннов они вели оседлый образ жизни с недалекими сезонными переездами. Жили в домах и войлочных юртах, переезжая по своей территории в поисках хорошей травы и воды. «Не были кочевниками и тюрки, около зимовников развивалось земледелие», – писал и Л. Гумилев [32]. Так жили и мои предки – башкиры, которым также навесили ярлык кочевников, бродяг, скитающихся по свету со своим скотом.

Башкирские слова: *йәйләү* – «летнее стойбище», *язғы йорт* – «весенний двор», *кыштым* – «зимовье» и другие, обозначающие вполне конкретные места, также начисто отвергают кочевничество. У бродяг-кочевников не может быть зимовья, весеннего двора или летнего стойбища. Они и сами не знают, куда закинет их судьба весной или летом.

Башкиры издавна, со времен начала истории народа, славились коневодством и пчеловодством. Причем одни и те же люди разводили лошадей и бортничали – разводили пчел в дуплах деревьев. Могли ли они быть кочевниками, скитающимися по степи? Нет, конечно! Пчеловодство исключает кочевнический образ жизни. Уход за пчелами в бортях, добыча меда требовали присутствия бортника в своих бортных угодьях в определенные сезонные сроки. Это недвижимость, и ее не бросали. Башкиры дорожили бортями. Позже, в XVIII в., продавая свои земли, они всегда оговаривали право бортничать на них.

А теперь вернемся к орхоно-енисейским письменам, к надписи на памятнике Куль-Тегину. Разные ученые люди переводили их на разные языки. При этом они, естественно, руководствовались своими представлениями о тюрках, их религии, культуре, истории. Возьмем перевод на русский язык из книги С. Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности [33]», изданной в 1951 г. и широко цитируемой в настоящее время. Влияние представлений автора сказывается с первых же строк: «Когда было сотворено вверху голубое небо и внизу бурая земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган».

Неужели таким темным был автор, чтобы написать такую нелепицу? Сотворены небо, земля, сыны человеческие и над ними тюркские каганы!

Нет, конечно! Нелепицу придумал переводчик, и ее теперь переписывают все, кому не лень! Со времен В. Томсена известно, что первым словом было «Тенгре» – Бог. В оригинале: «Тенгре когда возник на небе, а внизу земля, между ними появились тюрки. Мои предки Бумын, а позже Истеми правили ими...»

Казалось бы, небольшая разница: «сыны человеческие» и «тюрки», «Тенгре» и просто «голубое небо». Но это лишь на первый взгляд. Автор перевода и мысли допустить не мог, что тюрки имеют столь древнюю историю – от истоков человечества. Такая история свойственна не отдельному народу, а цивилизации.

Таким вот образом из наших тюркских памятников выскребается наша история. Это еще не все: «Сев на царство, они поддерживали и устраивали племенной союз и установление тюркского народа».

А в оригинале не так: «Воссев на царство, они учредили Эль (государство) и установили Тере (крест) народа тюрков».

Если вчитаться, то автор перевода в одном предложении царство – государство низвел до племенного союза. Так и пытается он внушить читателю, что территория, занимавшая половину Евразии, была не огромным государством со специальной структурой управления, а всего-навсего племенным союзом, протянувшимся от Дона до Амура. Не замечает переводчик и того, что Тере – равносторонний крест был символом тенгрианской веры, которым прототюрки, а затем и тюрки показывали Богу место своего пребывания на земле, просили его обратить внимание на это место. Позже крест перешел к христианам, обрел рукоятку и поменял форму.

Между тем тюрки уже целое тысячелетие своей цивилизацией соединяли Средиземноморскую цивилизацию с Китайской. Уже

шли караваны по Великому шелковому пути от Китая до Византии, по самому длинному на земле сухопутному пути! И все это «племенной союз»? Почему? Да потому, чтобы сегодняшние турки чувствовали себя не продолжением Великой Тюркской цивилизации, а потомками бродяг-кочевников, способных лишь на племенной союз.

Для нас же орхоно-енисейские письма ценны тем, что в них впервые в 731 г. в письменной форме упоминаются древнебашкирские племена Табын (татабы), Катай (кытай), Кувакан (уч-курыканы) и Тангаур (тонгра).

Обратимся вновь к надписи на памятнике Куль-Тегину. Описывая похороны Бумын-кагана и Истеми-кагана, автор отмечает: «... в качестве плачущих и стонущих пришли спереди из страны солнечного восхода народ степи Беклийской, а также табгач (Китай), тибетцы, авары и Рим, киргизы, уч-курыканы, отуз-татары, кытай и татабийцы...» Это о 552 – 553 гг.

За годы своего правления автор – Билге-каган, брат Куль-Тегина, совершил 12 военных походов, в том числе в 717 г. против племен *кытай* и *татабы*. Результатом этого похода были отбитые у татабов табуны коней. Среди покоренных Куль-Тегинем народов значится и племя *тонгра*.

Он умер в 731 г. Надпись на его памятнике рассказывает: «В качестве плачущих и стонущих пришли кытай и татабийцы во главе с Удар-Сенгуном; от народа табгачей пришли Исьи и Ликенг и принесли 10 000 даров и бесчисленное количество золота и серебра; от тибетского кагана пришел Белен, сзади от народов, живущих в стране солнечного заката: согд, берчекер и бухарские народы, – пришли Нек-Сегун и Огул-Тархан».

Отметим, что между похоронами Бумын-кагана и Куль-Тегина прошло около 180 лет. На похоронах последнего уже не было курыкан.

Авторы кочевнической концепции происхождения башкирского народа считают, что древнебашкирские племена Табын и Кувакан имели древнеалтайское происхождение, а Катай якобы восходит к киданям, создавшим в X – XII вв. государство Ляо от Японского моря до Восточного Туркестана и подвергшимся тюркизации со стороны уйгуров, кипчаков и нойманов. Так написано в краткой энциклопедии «Башкортостан», а именно: предки табынцев, куваканцев и катайцев пришли на Урал с востока в середине XIII в. в общем потоке движения «кыпчакских кочевников». И все племена при этом якобы кружили по Уралу и его предгорьям, прежде чем осесть на свои традиционные

территории. Это «кружение» предназначалось, видимо, для усиления кочевнического характера этих племен.

Однако эта кочевническая концепция происхождения башкирского народа существует лишь сама по себе. Прежде всего, она вступает в явные противоречия с трудами более ранних исследователей и ученых, занимавшихся историей этих племен на Алтае, в Центральной Азии и на Дальнем Востоке.

Мы считаем, что эти древнебашкирские племена Табын, Катай и Кувакан имеют уральское происхождение и их движение было направлено с запада на восток, с Урала на Алтай, в Маньчжурию, и осуществлялось в процессе развития Великой Тюркской цивилизации.

Начнем с племени Кувакан. Территория его расселения — это долины рек Юрюзань, Сим, Ай, Катав и Миасс. Его родовой состав: *елан, сагит (сагыш), тау, сатка, кыркулле, тюбеляс*.

Издавна куваканцы славились своими достижениями в металлургии и металлообработке. Это они обеспечили прорыв Тюркской цивилизации в эпоху раннего железа. Куваканцы были известными рудознатоками. На их территории, в горных долинах рек, было множество залежей железных руд. Здесь и располагались их древние плавильни и кузницы. Теперь их следов уже не найти. На их местах в XVIII в. вырос целый куст южноуральских железоделательных заводов. Россия тогда еще не имела своей геологической службы. А нарождающийся класс заводчиков уже был. Они спрашивали себе земли и строили свои заводы там, где ранее были башкирские плавильни и кузницы. Так на землях куваканцев были построены Саткинский, Симский, Златоустовский и Юрюзаньский заводы.

Железо и железные изделия куваканских мастеров были известны далеко за пределами Урала. Около куваканской деревни Каратавлы была пристань, где товары из железа грузились на барки и весной по полой воде сплавлялись вниз по Юрюзани, Уфе, Белой, Каме, Волге вплоть до берегов Каспийского моря.

От куваканцев сохранились некоторые их деревни. Так, от рода *таулы* дошла до нас деревня с таким же названием недалеко от устья Катава, а также упомянутая выше деревня с пристанью Каратавлы на Юрюзани. Она была севернее деревни сородичей, поэтому в названии появилась приставка «кара». Деревня Каратавлы (Ст. Каратавлы) существовала до 60-х гг. XX в., а затем была поглощена селом Малояз, райцентром Салаватского района РБ. Ее история известна со времен распада Золотой Орды, когда часть тюркского племени Таз, бежав от кровавой междоусобицы ханов

Токты и Ногая, осела по соседству с каратавлинцами, а другая часть – ушла еще севернее, на берега Б. Таныпа. Однако эти временные пласты – не самое начало истории этой деревни.

К сожалению, райцентр Салаватского района, отстроенный после Великой Отечественной войны между башкирской деревней Каратавлы и русской Михайловкой, был назван четвертым по счету Малоязом. Рядом есть Татарский Малояз, неподалеку Русский Малояз, одна из соседних деревень называлась еще и Новым Малоязом. Бедность фантазии местных руководителей стерла с карты деревню Каратавлы с богатейшей и древнейшей историей.

От рода *елан* сохранились деревни Еланлино в Кигинском и Еланьш в Салаватском районах РБ. На месте древних плавильен рода *сатка* стоит город с таким же названием, а Саткинский металлургический завод до сих пор выплавляет чугун из местных залежей железной руды. В Челябинской области есть поселок Тубеляс от куваканского рода с таким же названием.

Строительство южноуральских железоделательных заводов на земле куваканцев стало их трагедией. Их согнали с родной земли, разрушили их кустарные железоплавильни и кузницы. Куваканцы расселились по ближайшим свободным местам: где на правах припущенников, а где и захватив земли соседей. Их компактные поселения сохранились лишь там, где заводов не было.

Куваканцы не смирились со своей трагической судьбой. В башкирских восстаниях XVIII в. несколько их поколений принимали самое активное участие – были их идеологами и предводителями, снабжали повстанцев оружием. Самые известные из них – Бепеней Трупбердин, казненный колесованием по приказу В. Татищева, и Салават Юлаев, родословная которого по мужской линии восходит к племени Кувакан.

Это современная уже эпоха, а в древности, в первых веках нашей эры, часть племени Кувакан ушла в Сибирь. В середине VI в. уч-курыканы/куваканы присутствовали на похоронах Бумынкагана, предводителя Тюркского каганата. В надписи на памятнике Куль-Тегину куваканы/курыканы отмечены не как свои, а как прибывшие. Следовательно, они не были подвластны тогда Тюркскому каганату.

В Сибирь куваканы пришли степью, и дошли до Прибайкалья. Но они не были степняками. Это были лесные люди, жившие в долинах рек. Они искали ландшафт, сходный с тем, в котором сложились. Поэтому переселение кувакан продолжилось по реке

Лене, на плотках вниз по течению. Осели куваканы на прибрежных лугах, в долинах Лены и ее притоков.

Их, видимо, было три рода, если судить по надписи на памятнике Куль-Тегину (там упоминаются уч-курыканы, а уч по-тюркски – «три»). Первоначально их поселения обнаружили при археологических раскопках в 1912–1914 гг. Тогда их называли «курумчинскими кузнецами» за их характерное занятие металлургией и металлообработкой. В археологических памятниках было обнаружено множество инструментов и приспособлений для плавки и обработки железа.

Академик А. Окладников доказал, что это были курыканы. Их сыродутное железо содержало до 99,45 % чистого металла, и потому было весьма ковким и прочным. Они делали сабли, ножи, наконечники стрел и копий, даже умели чинить лопнувшие котлы, накладывая на них заплатки. Вместе с тем курыканы/куваканы занимались скотоводством и земледелием, применяя искусственное орошение полей.

Тюрки-курыканы/куваканы стали предками якутского народа. Они приехали сюда на своих лошадях, от которых пошла в сибирской тайге якутская порода лошадей. Она очень схожа с башкирской породой, также способна переносить суровую зиму, тебеневать, добывая себе подножный корм, нагуливать на зиму хороший жировой запас.

Курыканы, как и куваканы на Урале, разводили большие табуны прекрасных лошадей, строили городища и крепости, остатки которых сохранились и поныне.

«Искусство их напоминает кыргызское, одежда и письменность – тюркские», – писал академик А. Окладников. Он не брал в сравнение далекие древнетюркские племена Урала, но и упоминание о сходстве с киргизами подтверждает приход курыкан/кувакан с запада, ведь киргизы жили в то время значительно западнее Прибайкалья.

Обратного пути курыкан «в куваканы», на Урал, быть не могло. Для этого надо было бы из тайги попасть в степь, а реки вспять не текут. Да и степь была занята Тюркским каганатом, с которым у кувакан не сложились хорошие отношения. Поэтому, можно утверждать однозначно, что куваканы пришли с Урала в Прибайкалье и стали курыканами, а не наоборот, как утверждают авторы кочевнической гипотезы происхождения башкирского народа.

Племена Табын и Катай – древнейшие тюркские племена, сложившиеся на северо-востоке Башкортостана и в Зауралье. Племя Табын расселилось в Зауралье по берегам рек Миасс, Урал,

Уй, Тобол, Синара, Теча, в степях Притоболья. Оно известно на местах своего обитания с I в. Об этом писал А. Валиди. Начало его истории уходит в более глубокие пласты времени.

Племя Катай занимало территорию южнее табынцев по реке Инзеру и верховьям Белой, а также притобольские и приуйские степи за Уралом. Степняков называли *Ялан Катай*. Можно предположить, что название племени исходит от названия реки *Кытау* (Катав). Отсюда роды, населявшие верховья этой реки, получили название *Бала Катай* (Малый Катай), а роды, жившие по нижнему течению – *Оло Катай* (Большой Катай).

Как и куваканцев, катайцев согнали в XVIII в. с берегов Катава при строительстве железоделательных заводов – Катав-Ивановского и Усть-Катавского.

Выше упоминалось об озере Иртяш (называемом еще Ирисят). На озере имеется большой остров, где некогда были древние тюркские плавильни, укрепленное городище в скалах. Неподалеку от озера Иртяш есть озеро Кызылташ. Берега этих озер были древним центром северо-восточного племенного союза, в который входили племена Табын, Катай и Кувакан. Здесь располагались места их зимовий. Эта округа так и называлась – Кыштым, что означает «зимовье». Здесь древние тюрки собирали свои курултаи. Эти традиции сохранились на многие века.

Табынцы и катайцы – это детища Тюркской цивилизации, развившейся на Урале еще до нашей эры. Неизвестно, по какой причине, но часть этих племен по зауральской степи ушла на восток. Они прошли всю Южную Сибирь, дошли до Дальнего Востока и нашли ландшафт, сходный с тем, на котором сложились. Это были отроги Хингана и сопки Маньчжурии, так напоминавшие холмы на восточных склонах Уральских гор.

Здесь закончился их длинный многовековой путь. Они осели на этих сопках, потеснив местные племена. Их здесь называли «кытай» и «татабы». Они долгое время сохраняли свою самостоятельность, отбиваясь от воинов Первого Тюркского каганата. Но в 594 г. кытай и татабы были покорены тюркютами и вместе с татарами образовали удел наследного принца Шангара на северо-востоке Тюркской державы.

Эта держава на протяжении всей своей истории вела войны с табгачами – так они называли жителей Китая. Отметим, что ни страна, ни народ в то время Китаем и китайцами не именовались. Табгачи же называли катайцев «киданиями», а татабийцев – «народом Хи». Но и те и другие сохранили собственные самоназвания, пронеся их через всю свою историю. А она была очень интересна.

При тюркютах и катаях, и татабы то оказывались под их властью, то уходили из-под нее. Они не состояли членами орды тюркютов, а были ее данниками или «союзниками».

Наследником тюркских каганатов стал Уйгурский каганат. Раздор между уйгурами и китайцами в 788 г. посеяли татабы. Они вместе с татарами (шивэй) произвели набег на Китай. В 795 г. китайцы рассчитались с ними, истребив татабов «до 60 000 человек» [31]. Отсюда можно судить о том, насколько многочисленным был народ татабы. Если половина и осталась после этой резни, то всего их было до 120 000 человек. Это бросило татабов в объятия уйгуров, и следующий набег на Китай в 806 г. они совершили уже вместе с ними. Однако и Уйгурское ханство развалилось. Татабы отошли от уйгуров в 835 г.

Кидани были народом воинственным, но немногочисленным. Вначале они были охотниками и рыбаками, но в VII – IX вв. перемешались с тюрками-катаями, усвоили навыки скотоводства, а от южных соседей переняли земледелие.

В начале X в. особенно энергично действовал один из восьми их вождей Елюй Амбагань. Он с 903 по 916 гг. покорил все соседние народы: татабов, чжурджений, бохат, татар, ути, и его государство стало именоваться «империей Ляо». Другой император киданей – Дэгуан в 936 г., воспользовавшись восстанием в Китае, без боя обратил в бегство китайское войско и захватил 16 округов Китая, в том числе Ю (Пекин). Таким образом, Кидань стала гегемоном Восточной Азии, а часть исконно китайских земель оказалось под властью иноземцев.

Собственно, с тех пор Срединная империя стала называться «Китай» – по имени захвативших ее врагов, большинство которых составляло тюркское племя Катай, Кытай, чьи предки пришли сюда с берегов уральской реки Катав. Итак, получается, что название Китай известной стране дали ее северные соседи, хорошо знавшие тюркский народ Катай. С южной стороны эту страну называли Чана, Чайна. Под этим названием она известна в Южной Азии, Европе и Америке.

В 1125 г. существование «империи Ляо» прекратилось. Двумя годами раньше отошли татабы, и их полководец Сяо Гань объявил себя императором «Великого Хи». Далее следы татабов теряются. Они были покорены чжурджениями и стали поставлять коней для их армии. Движение же на восток в последующей истории татабов не отмечено.

А что же мы читаем в энциклопедии «Башкортостан»? Там авторы кочевнической концепции возникновения башкирского

народа пишут: «В эпоху подъема Тюркского каганата началось переселение табынцев с Алтая и из Центральной Азии в Семиречье, где в конце I тысячелетия н. э. они вступили в контакт с кыпчакскими племенами. Вместе с кыпчаками мигрировали на запад...»

В эпоху подъема Тюркского каганата, как свидетельствует надпись на памятнике Куль-Тегину, табынцы/татабы жили на восточных границах этого каганата, и до 1125 г. их судьба известна.

В 1129 г. последний принц киданей Елюй Даши увел на запад 40 000 всадников, которые остались ему верны. Достигнув города Бишбалыка, Даши подсчитал свои силы. К нему примкнули семь оседлых племен Притяньшанья и еще восемнадцать разных племен. Татабов среди них не было. Вся эта орда образовала южнее Тянь-Шаня государство, известное в истории как «империя кара-китаев», со столицей близ современного города Бишкека.

Вильгельм Рубрук, ездивший послом к монголам в XIII в., просажал через эту империю. Он называл ее народ *кара-катаями*, или просто *Катай*. Это государство позже было завоевано Чингисханом. Возможно, кто-то из кара-катайцев в составе монгольского войска и был на Урале, но это были отдельные воины или их подразделения, а не народ. Если бы хоть часть народа кара-катай пришла на Урал, то она принесла бы к нам следы китайской культуры, языка, письменности или христианства несторианского толка. Это было единственное государство в Средней Азии, в котором исповедовали христианство. Однако ни китайских, ни христианских (несторианских) следов среди башкир племени Катай не выявлено. Следовательно, и племя Катай, как и племя Табын, зародившись на Урале, в своем развитии прошло путь с запада на восток, а не наоборот, как считают авторы кочевнической концепции происхождения башкир.

Таким образом, история трех древнебашкирских племен Табын, Катай и Кувакан полностью разрушает кочевническую гипотезу происхождения башкирского народа. Его основу составили не тюрки-кочевники, пришедшие с Алтая и Центральной Азии, а уральские тюрки, детища Великой Тюркской цивилизации, развившейся на Урале. Приход тюрков-кочевников с Алтая и Центральной Азии – не более чем миф, созданный для того чтобы нашими предками сделать бродяг-кочевников: пришельцев, не знающих ни родины, ни родительских могил, ни культуры, ни письменности, не умеющих строить дома, коротающих дни и ночи в тесной юрте, сжигая ссохшиеся комки конского навоза.

В угоду кочевнической концепции происхождения башкирского народа наши историки не признали ни за одним башкирским племенем умение находить руду, выплавлять металл и обрабатывать его. Металлургия и металлообработка даже не значатся среди традиционных хозяйственных занятий башкир. Нашей этнической истории известны лишь скотоводство, пчеловодство, охота, рыболовство и земледелие [35].

Будто не было в башкирской истории одного из наиболее крупных горнопромышленников Урала Исмаила Тасимова – инициатора развития горного дела в России, основателя первой в России высшей технической школы – Горного училища в Санкт-Петербурге (ныне Горного института им. Г. В. Плеханова).

И. Тасимов из своих доходов образовал первоначальный бюджет этого учебного заведения, содержал его, а институт носит имя Г. В. Плеханова. Не знаю, какое отношение к горному делу имел Плеханов, известный социал-демократ. Может быть, получил образование в этом Горном институте. Но разве назовут именем башкира высшее учебное заведение в России, если горного дела, металлургии и металлообработки вовсе нет в истории башкир?

Выше я уже упоминал о древних плавильнях на башкирской земле. Добыча руды была освоена башкирами очень давно. Об этом, как упоминалось, в середине XVII в. сообщал в Москву старец Лот из Далматовского монастыря. Наличие на карте Башкортостана географических названий Иртяш, Иремель, Ирендык, означающих «плавильня», а в башкирском языке оригинальных, башкирских, а не русских слов *корос* – «сталь», *коросо* – «сталевар», говорит о том, что башкиры с самых древних времен занимались металлургией, умели выплавлять сталь.

Эпос «Урал-батыр» неоднократно упоминает о булатной стали. Урал-батыр говорит:

Опорою в пути мне был Акбузат,
Опорою рук моих был булат.

Булатный меч в этом эпосе сравнивается по твердости с алмазом, называется алмазным. Значит, башкиры еще в глубокой древности умели плавить сталь высочайшей твердости. Это было величайшим достижением Великой Тюркской цивилизации.

Другой башкирский эпос – «Идукай и Мурадым», продолжая историю булатного меча, отмечает его свойство не подвергаться ржавчине [34]. Следовательно, башкиры уже знали о нержавеющей стали. Стоит ли этому удивляться, ведь различные легирую-

щие добавки, необходимые для получения нержавеющей стали, были здесь же, в недрах Уральских гор.

В эпосе описывается также, как на летних стойбищах, во временных помещениях (*аласык*) создавались кузницы с очагом и выковывались различные металлические изделия. В частности, в эпосе идет речь об изготовлении наконечников для стрел:

Аласығына ут яғып,
Уралда ау ауларға
Һазак һуккан кызашты
Барып күреп һөйләшкән.

В переводе это означает, что старик Хабрау, готовясь к охоте, разжег огонь в летнике и пригласил кузнеца (*кызашты*) для изготовления наконечников стрел. Наличие в башкирском языке оригинального слова *кызаш*, означающего «кузнец», свидетельствует о древности профессии. Из повествования можно понять, что эта профессия была свободной. Кузнец, видимо, имел лишь инструмент, а металл и кузня были от заказчика.

Отсюда можно предположить, что в древней металлургии и металлообработке имело место разделение труда. Одни добывали руду, другие выплавляли металл, третьи его покупали или выменивали и приглашали кузнецов для изготовления нужных им изделий. Это для мелочей типа наконечников стрел, которые выковывались без глубокого прогрева, на открытом огне обычного очага. Поэтому в башкирско-русских словарях *кызаш* переводится как «кузнец холодного (в смысле не очень горячего) металла».

Крупные изделия – такие как сабли (шашки), наконечники копий, сохи, элементы конных экипажей, подковы и стремена – изготовлялись в специальных стационарных кузнях, и они у башкир были. Об этом свидетельствует указ императрицы Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г., принятый с целью подавления башкирских восстаний 1735–1736 гг. Этим указом башкирам запрещалось иметь кузницы. Так башкиры были отстранены от металлообработки, а с захватом их земель при строительстве медеплавильных и железоделательных заводов они лишились возможности заниматься металлургией. В XX в. это дало повод В. Ленину и И. Сталину вырезать из территории Башкирии весь куст южноуральских заводов и передать их Челябинской области под предлогом отсутствия у башкир инженерных кадров по металлургии и металлообработке. Так на карте образовался «язык», протянувшийся от г. Сима почти до самой Уфы. Башкиры

называют его «языком змеи». Дрогнул рука у кремлевских правителей – и родина Салавата Юлаева оказалась бы в Челябинской области. Граница прошла всего в 3 – 5 км от его родной деревни.

Традиции металлургии и металлообработки идут от самых начал Великой Тюркской цивилизации. Как упоминалось выше, еще за 1500 лет до нашей эры в «Стране городов» древние прототюрки занимались выплавкой металлов. Корни башкирской, тюркской металлургии так же глубоки, как и корни коневодства. История башкирской металлургии и металлообработки еще ждет своего исследователя.

Глава 8

УГРЫ, МАДЬЯРЫ, ВЕНГРЫ

Башкирский народ на одном из этапов своей истории неожиданно обрел двойника с другой верой и несколько иным характером. Они были братьями по отцу-тюрку, но одного родила мать-башкирка, а другого – молодая жена, взятая из соседнего угорского племени. Братья вместе росли, были похожими друг на друга, умели постоять за себя, отлично владели конем и оружием.

Старший брат разводил лошадей, овец и другую живность, лазил на деревья, делал борти, добывал мед, охотился на пушного зверя и медведей, плавил металл, ковал орудия труда и оружие, поклонялся единому богу Тенгре. Он пел протяжные песни под мелодии курая и жил вблизи своего укрепленного поселения, переезжая с юртой то на весенний двор, то на летние пастбища, возвращаясь осенью к своему зимовью. А младшего брата тянуло к реке, он любил рыбалку, отправлялся в разные опасные путешествия по воде и суше, привозил богатую добычу и товары из далеких стран. Его мать, дочь угорского шамана, научила его огненным танцам под удары бубна, повесила на шею разные амулеты, главным из которых был деревянный фаллос, олицетворявший в ее сознании начало всех начал. Ее сын не раз видел могущество всепоглощающего огня, его жизненную необходимость людям и стал огнепоклонником. Он, как и мать, считал своим покровителем вожака журавлей, которые жили на болоте недалеко от их селения. Когда осенью журавли взмывали над болотом, выстроившись в клин, и, издавая свой прощальный крик,

скрывались за горизонтом, он со священным трепетом целовал свой деревянный талисман, передавая ему свою судьбу.

Братья внешне походили друг на друга, жили дружно, а заезжие купцы даже путали их, называя одного именем другого. Так было в молодости, а повзрослев, каждый из них избрал свой путь...

* * *

Башкирские историки считают, что известный арабский путешественник средневековья Ибн Фадлан, посетивший волжских булгар в 921-922 гг., описал башкир (народ аль-Басгифт) как язычников, склонных к фетишизму. Они утверждают, что Ибн Фадлан оставил нам «наиболее достоверные и разносторонние данные о башкирах» [35. С. 15].

А башкирский эпос «Урал-батыр» рассказывает о поклонении башкир единому богу Тенгге, о тенгрианстве – древней религии тюрков. Башкирам были чужды традиции язычества, неприемлемы приношения людей в жертву воде и огню. Язычество не нашло отражения и в других башкирских эпосах, нет его и в памяти народа, в традициях и обычаях. Из всего того, что написал Ибн Фадлан о языческих верованиях народа аль-Басгифт, нет ни единого следа в культуре современных башкир!

Но ведь и Ибн Фадлан не выдумал все это, записав то, что видел или слышал. Так где же правда о верованиях, традициях и обычаях древних башкир? В записках Ибн Фадлана или в наших эпосах, в памяти народа?

Лжи нет ни у Ибн Фадлана, ни в башкирских эпосах. Значит, вывод напрашивается один – они рассказывали о разных народах, о двойниках под названием «башкиры».

Или другой пример из более поздней истории. Башкирские *шежере* – родословные летописи – повествуют о добровольном подданстве башкир Чингисхану, о вхождении в его империю, об уплате ясака и службе в его армии, участии в его походах, о дипломатических миссиях башкирских ханов к Чингисхану, о теплом их приеме. Об этом рассказывает и «Сокровенное сказание монголов».

А современные историки, основываясь на средневековых источниках, пишут о 14-летней героической борьбе башкир с монгольским нашествием. И, как бы заглаживая это противоречие, заявляют о последующем мирном договоре и совместном поко-

рнии 15 государств. Л. Гумилев в своей книге «Древняя Русь и Великая степь» отметил [36. С. 483]: «Монголо-башкирская война тянулась 14 лет, т. е. значительно дольше, чем война с Хорезмийским султанатом и Великий западный поход... Башкиры неоднократно выигрывали сражения и, наконец, заключили договор о дружбе и союзе, после чего монголы объединились с башкирами для дальнейших завоеваний».

Считается, что монголо-башкирская война шла с 1220 по 1234 гг., причем монгольское войско вышло из этой тяжелой войны не ослабленным, а усиленным за счет башкир. Но подробностей этого героического противостояния монголам башкирская историческая наука почему-то не изучает. Подумать только! Четырнадцать лет сдерживать нашествие армии, покорившей большую часть Евразии, – и молчать об этом! Кто эти герои, выигрывавшие сражения? Где они происходили?

Отмеченные противоречия – очень «острые углы» в истории башкирского народа. Их предпочитали не трогать, ведь они были даже не «углами», а «лезвием бритвы». Одно неосторожное движение, и нарыв придуманной кочевнической концепции истории башкирского народа мог прорваться. Видимо, для написания исторического портрета башкирского народа удобнее было иметь двоякое лицо на одном теле, чем разделить двух двойников. В этом случае можно было собрать с обоих ликов нужные черты и создать заказанный портрет.

А между тем разгадка лежала на поверхности. Западно-европейские путешественники XIII в. П. Карпини и В. Рубрук писали о *баскартах* и *паскатирах*, проживавших в Приуралье, отмечая, что язык у них венгерский, а страну эту называли «Магна Хунгария», или «Великая Венгрия». Великий Л. Гумилев, упоминая о 14-летней монголо-башкирской войне, также отметил, что продвижение монголов на запад затянулось еще и потому, что «существовал этнический барьер – Великая Венгрия, ныне именуемая Башкирией».

Вот она, причина указанных выше противоречий – *древних венгров, мадьяр*, называли вплоть до конца XIII в. башкирами, баскардами, паскатирами, башчижит, бажджарт и т. п. Этот этноним в разных его модификациях и транскрипциях примерно до конца XIII в. относился к древним мадьярам, а затем при перемешивании мадьяр с тюркскими племенами и финскими лесными народами перешел в XIV в. на формирующийся башкирский народ.

Древние венгры, мадьяры, были язычниками, а башкиры переняли от древних предков свою религию – тенгрианство. Мадьяры воевали с монголами 14 лет, а башкиры добровольно вошли в империю Чингисхана, приняли его законы, платили налоги и служили в его войске.

Вот они – двойники, носившие в разное время одно и то же имя: *башкирд, башчижит, бажджарт, басгифт, баскарт, наскатир*. У них были разные культуры, языки, верования, традиции и обычаи, но единым было одно – любовь к коню.

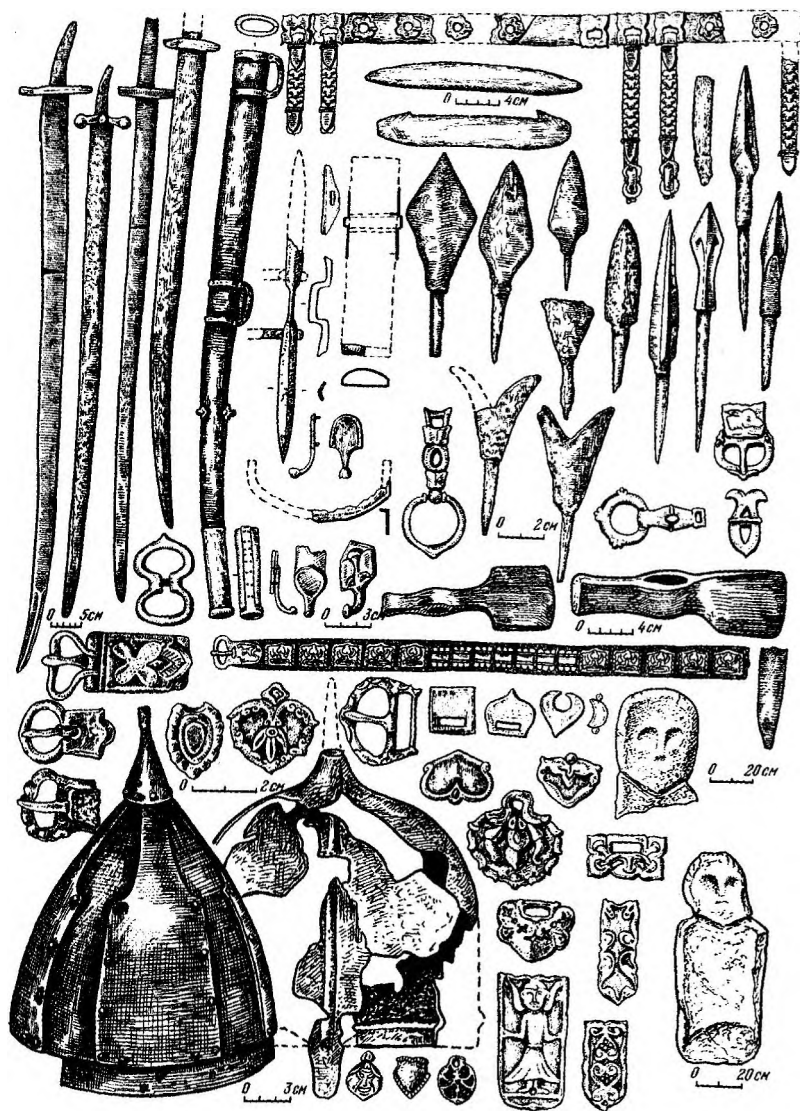
Знали ли современные историки о двойниках? Конечно, знали! Но младший из двойников, первоначальный носитель общего этнонима, их мало интересовал. Добрая его половина в древности ушла далеко на запад, на берега Дуная. Разные авторы раннего средневековья отмечали их и на местах первоначального обитания, и в пути – и все под общим именем «башкир» на разных языках и в разных транскрипциях.

Трудами наших историков эти упоминания были перенесены на древнебашкирские племена. Одни ученые просто заблуждались, слепо следуя за созвучным этнонимом, другие старались привязать историю башкир к надежным древним источникам, а третьи использовали эту ситуацию для обоснования своих политкорректных концепций. В результате получилось, что древние башкиры якобы побывали и в Приазовье, и в причерноморских степях, и на Северном Кавказе. На этой основе и родилась кочевническая концепция происхождения башкирского народа.

А есть ли возможность распознать ситуацию? Конечно, есть – было бы желание.

Предками мадьяр были гунны. Не все они в III – IV вв. ушли на запад покорять Европу. Ушли, видимо, угризованные тюрки – народ более подвижный, а остались тюркизованные угры, ведущие оседлый образ жизни, занимающиеся земледелием. С развитием Великой Тюркской цивилизации в угорскую среду проникает все больше тюркского компонента. Угры обретают воинственность, свойственную тюркам, осваивают конные методы ведения боя, их хоронят вместе с конем и оружием. Однако они сохраняют самый консервативный элемент своей культуры – религию, остаются язычниками.

В середине VI в. угры попали под власть Первого Тюркского каганата. Однако в 597 г. они восстали, но были подавлены. Часть их – племена Тарних, Кочагир и Забендер, бежала на запад в

Оружие древних мадьяр-башкирдов

освоенную еще гуннами Паннонию, а другая часть была вынуждена оставить степь тюркам и уйти на север, на берега Агидели, Камы, Ика. Это и были мадьяры-башкирды. От них остались памятники кушнаренковской культуры, зародившейся в VI – VII в. Как и тюрков, их хоронили под курганами с конем, сбруей и оружием. Однако набор украшений, детали поясной гарнитуры,

керамические сосуды выдавали их далеких предков – угров из Зауралья и Западной Сибири.

В VIII – IX в. эти тюркизованные угры распространяются по всей территории современного Башкортостана. Они занимают бассейн реки Демы, среднее течение Агидели, горно-лесные долины Юрюзани и Ая, степное Зауралье и озерный край.

От этих мадьяр остались памятники, названные караякуповской культурой, по одноименному городищу у деревни Караякупово в Чишминском районе РБ. Территория расселения носителей этой культуры и была страной «Магна Хунгария» – Древней Венгрией. Исследования археологов установили верхнюю дату существования караякуповских захоронений. Это середина IX в. – время, совпадающее с началом мадьярской миграции на запад.

Вот этих мадьяр средневековые авторы, в основном арабские, и называли башкирдами в различных формах написания этого этнонима. Если исходить из этого, то многое в истории древних народов Урала и Приуралья становится понятным, противоречия и неувязки исчезают.

Начнем с записок упомянутого выше путешественника Ахмеда ибн Фадлана и его сведений о «башкирах» [37]. Весной 921 г. в Багдад прибыл посол правителя волжских булгар Алмуша с просьбой «о присылке к нему кого-либо, кто наставил бы его в мусульманской вере, преподавал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть».

В июне 921 г. из Багдада в Волжскую Булгарию выехало посольство во главе с Сусаном ар-Расси, происходившим, видимо, из русов, торговавших по Волге. В состав посольства вошли тюрки Текин и Барыс, знакомые с Булгарией, посол булгар Абдаллах ибн Башту, свита, охрана, слуги. Секретарем, ведшим путевые записки, был Ахмед ибн Фадлан. Караван состоял из 5 000 человек и 3 000 лошадей, были еще и верблюды. Тюрки Текин и Барыс пришли в Багдад с послом Абдаллахом, и все они возвращались в Волжскую Булгарию. Текин – не имя, а титул – «царевич». Сын царя булгар Алмуша дважды сходил в Багдад.

Посольство, в котором был Ибн Фадлан, опасаясь хазар, враждовавших с булгарами, проехало окружным путем через Среднюю Азию, Бухару, плато Устюрт, по древнему торговому пути, связывавшему Хорезм с Уралом. Караван переправился через Эмбу, Яик, миновал Самарскую луку и прибыл в Булгар 12 мая 922 г.

По пути Ибн Фадлан описал разные народы, их одежду, быт, обычаи и вероисповедания. Спустившись с плато Устюрт, караван арабов пришел к кочевьям огузов. Здесь Ибн Фадлан описал похоронный обряд и религию тюрок: «А если кого-нибудь из них постигает несправедливость или случится с ним что-либо неприятное, он поднимет свою голову к небу и говорит: *Бир тенгри* – а это по-тюркски [клянусь] богом единым, так как *бир* по-тюркски «один», а *тенгри* – на языке тюрок – «Бог».

Ибн Фадлан пишет далее: «Потом мы сходили [много] дней и переправились через реку Джаха (Чеган), потом после нее через реку Ирхиз, потом через Багач (Моча), потом через Кинал, потом через Сух (Сок), потом через реку Кюнджюлю (Кундурча) и попали в страну народа из [числа] тюрок, называемого аль-Башгирд...»

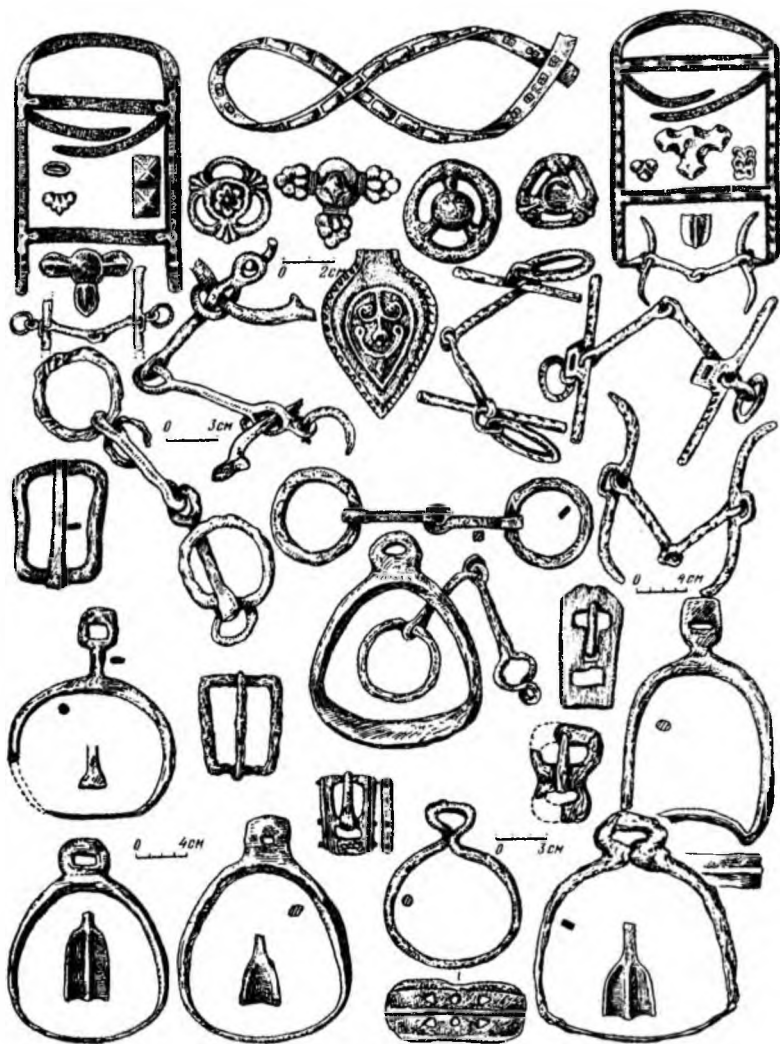
Вчитаемся внимательно в эти строки. Судя по перечню рек, караван шел с востока на запад. И этот пройденный путь до реки Кундурча не был в «стране аль-Башгирд». Араб пишет, что они попали в эту страну, лишь переправившись через реку Кундурчу. Таким образом, «страна аль-Башгирд», о которой писал Ибн Фадлан, была западнее реки Кундурча, в междуречье Волги и Кундурчи, – там, где сегодня расположены города Тольятти, Димитровград и Ульяновск.

Эту территорию, как считает археолог В. Иванов, в X – XI вв. занимали тюрко-угорские племена [38]. Они были подвластны волжским булгарам. Их культура была близка как предшествующим ей кушнаренковской и караякуповской (тюрко-мадьярским) культурам, так и культурам тюркских народов, живших по соседству.

Пересекая страну враждебно настроенных «аль-Башгирд», посольство старалось держаться от них подальше. Однако и здесь дотошный Ибн Фадлан ухитрился собрать интересные этнографические сведения. Кто-то из сопровождавших его лиц рассказал ему, что у них имеются две отличные друг от друга системы религиозных представлений. Одни из «аль-Башгирд» считали, что миром управляет верховный бог неба со своими двенадцатью помощниками: «Кое-кто из них говорит, будто бы у него 12 господов: у зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у воды господь, у лошадей господь, у птиц господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе, – самый большой из них...»

Здесь просматривается описание тенгрианства с верховным богом Тенгре - Вечным Голубым Небом. Это сообщение Ибн

Элементы конного снаряжения древних мадьяр-башкирдов

Фадлана перекликается с башкирским эпосом «Урал-батыр», где среди божеств упоминается Яншишма (повелительница воды), Улем (повелительница смерти), Самрау (повелитель земли), Солнце (повелитель дня), Луна (повелитель ночи), Акбузат (повелитель лошадей), Хумай (повелительница птиц).

Население «страны аль-Башгирд» было неоднородным. Угорская его часть придерживалась традиций язычества: «Мы видели, как одна группа из них поклоняется змеям, другая – рыбам,

еще одна группа поклоняется журавлям». «Мне рассказывали, – пишет Ибн Фадлан, – что башкиры когда-то вели войну с какими-то врагами, притом эти враги нанесли им поражение и обратили их в бегство. Когда это произошло, журавли так сильно закричали позади их врагов, что те испугались и сами обратились в бегство. За помощь с тех пор эти башкиры стали поклоняться журавлям...» А. Ковалевский, автор «Книги Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу», также считал что «поклонники журавлей» принадлежали к угорским племенам, родственным мадьярам [37. С. 64].

В «стране аль-Башгирд», отмеченной Ибн Фадланом, башкирский народ никогда не жил. Это была мадьярская колония, сохранившаяся даже в XIII в. Здесь венгерский монах Юлиан, посланник короля Белы, нашел, наконец, своих сородичей. Они и в то время, как отметил Юлиан, оставались язычниками.

Другой арабский географ – ал-Балхи (850 – 934 гг.) писал о «башджарах», которых знал два племени. Первое, около 2 000 человек, жило по соседству и под властью волжских булгар, на границе с гузами, а второе – соседствовало с печенегами. «Они и Печенеги – Тюрки, близкие соседи Румийцев (Византии. – Р. В.)», – отметил ал-Балхи.

Еще один араб X в., Ибн Русте, писал, что этот народ разделяется на две группы племен, одна из которых жила рядом с печенегами на границе с Византией, а другая – близ Волжской Булгарии, и находились в политической зависимости от царя булгар.

Сообщения Ибн Фадлана, ал-Масуди, ал-Балхи и Ибн Русте о башкирах, баджгурдах, башджардах перекликаются между собой, не противоречат, а дополняют друг друга, давая полное представление о переселении древних мадьяр с Приуралья и Поволжья на юго-запад в придунайские степи. Они рассказывают о разделении народа на две группы племен, одна из которых осталась в Поволжье по соседству с Волжской Булгарией, а другая ушла на юго-запад в непрерывных стычках с накатившей на них миграцией печенегов. Как известно, эта группа племен в конце своего пути пришла в Паннонию и образовала Венгерское королевство. Приняв христианство, они стали католиками.

В 1275 – 1276 гг. известный арабский географ Закарийя ал-Казвини писал [39]: «Башкырт – большой народ из тюрок, между Кустантинией (Константинополем. – Р. В.) и булгарами (дунайскими. – Р. В.)... Они говорят: “У лета господь, у зимы господь, у дождя господь, у ветра господь, у земли господь, у воды господь,

Украшения и посуда древних мадьяр-башкирдов

у смерти господь и у жизни господь". Среди них есть такие, которые поклоняются журавлям, и это большой народ. Но большинство из них – христиане». Если теперь сравнить сообщения ал-Казвини о народе «башкырт» и Ибн Фадлана о народе «аль-Басгифт», то получается, что «башкырт» – это те же мадьяры «аль-Басгифт», только переселившиеся на Дунай и принявшие христианство.

Как отмечалось выше, миграция мадьяр на запад началась в середине IX в. Причины этого ухода описаны венгром братом

Юлианом – доминиканским миссионером, совершившим в 1235 – 1236 гг. путешествие на Волгу в поисках прародины венгров и соотечественников, оставшихся там [40]: «Найдено было в истории венгров-христиан, что есть будто бы другая Венгрия – старейшая, из которой вышло когда-то 7 вождей со своими народами искать себе место для жительства, потому что земля их не могла вместить многочисленности жителей. После того как они прошли и разрушили много царств, пришли они наконец в страну, которая называется Венгрией, а тогда называлась пастбищами римлян... Там наконец они были обращены в католическую веру первым их королем, святым Стефаном, тогда как прежние венгры, от которых эти произошли, пребывали в неверии, как и доныне остаются язычниками».

Брат Юлиан в поисках своих соплеменников дошел до Волжской Булгарии – города, из которого, «по слухам, выходит 50 000 бойцов». По мнению историка А. Халикова, таким городом в Среднем Поволжье мог быть лишь «Великий город» – Биляр. В этом городе Юлиан встретил одну мадьярскую женщину, которая была отдана замуж в Биляр из страны, какую он искал. Она указала Юлиану путь, утверждая, что через две дневки он найдет тех «венгров», которых ищет. Так и случилось. Он нашел своих сородичей близ реки Этиль (Волги) – там, где Ибн Фадлан обозначил «страну аль-Башгирд».

Юлиан побывал в их семьях, ходил по домам, беседовал с ними. В своих заметках он писал, что язык у них совершенно венгерский, они язычники, не имеют никакого представления о Боге, богаты конями и оружием, весьма отважны в войнах.

Как сообщили ему сами «язычники-венгры», проживавшие здесь, татаро-монголы нападали на них 14 лет, но не могли победить их на войне, а наоборот, в первой же битве были побеждены ими. Поэтому избрали их себе в друзья и союзники и вместе они покорили 15 царств. Теперь становится ясно, почему мы не знаем героев 14-летней монголо-башкирской войны – они были мадьярами.

Обратимся теперь к фрагментам карты мира 1154 г., составленной знаменитым арабским географом, картографом и путешественником Абу Абдаллахом Мухаммедом ибн Мухаммедом ал-Идриси [41, альбом карт 5]. На этой карте обозначена река Атиль (Итиль, Идель, Волга), ее левый приток Кама, слияние рек Уфы и Белой, вытекающей из горного массива.

В нижнем течении Волги показаны хазары и бургасы, а выше, при устье Камы, обозначена «страна болгар из тюрок» (*ard bulger min al turk*). А восточнее болгар, к горному хребту, очевидно, Уральскому, расположена страна «*ard basqıvt min al atvek*».

Множество исторических трудов обошла эта «страна башкир» – «*ard basqıvt*» как наиболее конкретное указание расселения древних башкир [38. С. 121]. Но никто из авторов этих трудов не обратил внимания на поясняющую часть, на окончание фразы «*ard basqıvt min al atvek*» (Подчеркнуто мной. – *Р. В.*).

О булгарах Идриси четко обозначил, что они из тюрок, тюркский народ, – «*min al turk*». А «*ard basqıvt*» – «башкир» – Идриси отнес к другому народу не тюркского этнического круга: «*min al atvek*». Обратим на это особое внимание.

Еще раньше в 1072–1074 гг. тюркский ученый Махмуд ал-Кашгари в своей работе «Свод тюркской лексики» («Диван лугат ит-тюрк») также отделил «башкир» от тюрок: «...Киргиз, кыпчак, огуз, тухси, йагма, чигиль, уграк, джарук говорят по-тюркски, но имеют свои наречия. Языки йемеков и «башкир» к ним близки» [42]. Таким образом, язык «башкир» XI в. не был даже отдельным наречием тюркского языка, а был лишь близок к нему, помесью какого-то иного языка с тюркским. Тот народ, который в XI – XII вв. называли «башкирами», не был тюркским, а был другим – «*al atvek*», в отличие от «*al turk*».

Сопоставляя путевые заметки Ибн Фадлана, сделанные в X в., сведения Махмуда ал-Кашгари XI в., карту Идриси XII в., сообщение брата Юлиана в Венгрию, а также труды П. Карпини и В. Рубрука, относящиеся к XIII в., можно сделать следующие выводы.

В X в. и до конца XIII в. этнонимами: *башгирд*, *башдждард*, *наскатир*, *баскард* и т. п. называли древних мадьяр, говоривших на древневенгерском языке и бывших язычниками. Именно они в «башкиро-монгольской войне» противостояли нашествию 14 лет, а на 15-й год стали союзниками монголов в их завоеваниях.

Вспоминаю слова Л. Гумилева: «Великая Венгрия именуется ныне Башкирией». Мы стали Иванами, не помнящими родства. Нам навязали надуманную кочевническую концепцию, основанную на родстве башкир с печенегами – народом, скитающимся по степи без дома, без родины. Родство с таким народом позволило и башкир сделать такими же кочевниками. Но об этом речь ниже.

Здесь же я хочу остановиться на другом. Венгры всегда помнили о своем родстве, искали прародину, своих предков и сородичей. И не только в далеком XIII в. В 1995 г., если мне не изменяет память, в Уфу приехала венгерская делегация в связи с 1100-летием перехода мадьяр из Приуралья и Поволжья в придунайские степи. Они хотели повторить этот переход. Конечно, сделать это «в натуральную величину» они не могли. Знаменитый переход длился не один десяток лет. Его окончанием они считали 895 г., и в 1995 г. члены делегации хотели совершить юбилейный переход из Башкортостана в Венгрию.

Они купили лошадей на Уфимском конном заводе и собрались доехать на них до Венгрии. Перед выездом из Уфы их кони стояли на ипподроме «Акбузат». Там мне и удалось коротко переговорить с людьми из их сопровождения. Они планировали конным обозом доехать до Волги, до той самой «Страны башкир», где в XIII в. компактно проживали мадьяры, спуститься вниз по Волге в степи и далее проехать степями через Украину к себе на родину, в Венгрию.

Вот, пожалуй, и все, что сохранилось в моей памяти об этой экспедиции. Я тогда не интересовался историей этого народа и, к сожалению, упустил шанс узнать историю перехода мадьяр на запад с точки зрения венгерских историков. Остается лишь кусать локти.

Тем более что на следующий год в Уфу прибыла вторая экспедиция. Как удалось узнать, эти туристы считали дату окончания перехода мадьяр годом позже. Якобы именно они придут в Будапешт к 1100-летию перехода. Может быть, первая экспедиция не справилась с задачей и не дошла до Венгрии, и дату юбилея перенесли на год. Не знаю. Движение экспедиции не освещалось в наших средствах массовой информации.

Конники к этой затее сразу отнеслись с сомнением. Сегодня коням придется идти не по мягкому степному грунту, а дорогами, большей частью покрытыми асфальтом или бетоном. В древности переход длился десятки лет, не на одном поколении лошадей. Конечно, и члены второй экспедиции говорили, что на конях они будут ехать лишь показательные участки пути, места торжественных встреч, а остальной путь планировали преодолеть на автомобильном транспорте. Это было уже реально, и вторая попытка венгров пройти путь предков, скорее всего, удалась.

К сожалению, в нашей башкирской исторической науке внимания мадьярам уделяется очень мало, если не сказать, что не уделяется совсем. В нашей истории нет места уграм, мы даже не знаем, откуда и когда они взялись в Приуралье, нет гуннов, ушедших отсюда покорять Европу и поставивших на колени Рим, как нет и массагетов, победивших одну из самых сильных армий древнего мира и разнесших по Европе достижения Великой Тюркской цивилизации.

Все это затмила ошибочная концепция башкиро-печенежского родства, позволившая «обосновать» кочевническую историю башкир. Будто бы кто-то специально порвал родственные связи башкир, вычеркнул из истории славные дела наших предков и навязал эфемерные отношения.

Глава 9

О ПРОИСХОЖДЕНИИ БАШКИРСКОГО НАРОДА

При чтении башкирского эпоса «Урал-батыр» не остается сомнений в том, что предки современного башкирского народа зародились на Урале в раннем каменном веке, с самых начал первобытно-общинного строя. В письменных источниках они появляются в V в. до н. э. в сочинениях греческого историка Геродота под именем аргиппеев. Еще в 1940 г. французский историк С. Я. Лурье [43] назвал «лысых людей» Геродота – аргиппеев предшественниками древних башкир. Действительно, древнебашкирское племя Таз, Тазлар (лысые) известно в башкирской истории и нынешние потомки тазларцев помнят свое этническое название. Сочинения Геродота донесли до нас единственное слово из языка аргиппеев, предков древних башкир. Это слово *ачи* – «кислый», слово из языка тюркских народов. Кроме того, из «Истории» Геродота мы узнали и о существовании у предков древних башкир объединения из семи племен, известного нам из башкирских эпосов как «семиродцы» (башк. *ете ырыу*).

В XVIII в., когда российские ученые только начали изучать историю Башкортостана, башкир также считали потомками древнейшего населения Урала. Известный путешественник П. С. Паллас писал о башкирах [11. С. 125]: «И если башкирцы действительно суть потомки древних жителей Уральских гор и, как новые повествователи думают, свойственники венгерскому народу, то примечания достойно, как обхождение их с татарами не только древний их язык вовсе истребило, но и черты лица их и цвет волос

с татарами подобными учинило, не переменяя впрочем ни их образа жития, ни места».

Но это взгляд со стороны: сведения от грека Геродота, немца Палласа и француза Лурье. В нашей же, российской, а затем и в советской, истории вопрос происхождения башкирского народа встал на политические рельсы. Какого-то малого народа со столь древней и, главное, известной историей не могло быть в России. История России формировалась как собрание легенд, предназначенных для возвеличивания русского народа, и в ней не было места для древнейших историй малых народов.

По мнению русских историков, русский народ начал развиваться в IX – X вв., и это была та временная граница, с которой можно было еще начать историю любого другого малого народа. Но не ранее!

Великорусский шовинизм российских историков перешел и на советский период, когда иерархическое деление на «старшего брата» и «младших братьев» обрело силу коммунистической идеологии. В ее основе, в сфере национальной политики, лежало указание Ф. Энгельса на исторически прогрессивную роль России по отношению к народам Востока [44]. Историки-коммунисты подхватили это указание как руководство к действию. Но для того чтобы следовать этому указанию, эти народы необходимо было представить темными и отсталыми, неизвестно где возникшими, случайно оказавшимися на своей родине. Специальных распоряжений никто не давал, но это давно стало исторической традицией, думаю, что с XVIII в. от М. Ломоносова и В. Татищева, когда истории малых народов стали использоваться для обоснования колониальной политики, якобы несущей этим народам блага цивилизации.

В конце XIX – начале XX в. в России возникла школа историков-востоковедов, возглавляемая академиком В. Бартольд. В нее входили: В. Минорский, В. В. Радлов со своим кружком, С. Е. Малов, А. В. Шмидт, И. Ю. Крачковский и другие известные историки. С ними активно сотрудничал Ахметзаки Валиди. И. Крачковский переводил Коран на русский язык, но основным направлением деятельности этой школы историков стал поиск и выкуп древних рукописей в библиотеках частных лиц, мечетей и медресе Средней Азии. Это было «золотое дно» для изучения истории Древнего Востока.

Среди находок особенно ценными считались арабские рукописи и книги. Попадались сочинения ал-Масуди, Ибн Мискавейха и других известных ныне авторов. Они публиковались большей

частью за границей, во Франции, Германии через В. Минорского – посла России в Иране, выдающегося востоковеда, который после революции, в эмиграции, преподавал в университетах Лондона и Парижа. Естественно, на этих источниках и создавали они свои исторические труды, им отдавался приоритет при написании истории восточных народов. Сочинения западных авторов – таких как Геродот, Константин Багрянородный, «Венгерский аноним», византийские хроники, русские летописи, во внимание особенно не принимались. До системного подхода в изучении истории было еще очень далеко.

А. Валиди, можно сказать, всю жизнь работал над историей своего родного народа. В результате он написал «Историю башкир», которую позже читал в Стамбульском университете в составе курса «История колонизации». Когда была создана его «История башкир»? Сейчас это установить трудно. Сам он, лишь раз в одной из библиографий, упомянул в 1950 г., что такая рукопись хранится в библиотеке Стамбульского университета. Авторы, писавшие до него труды по истории башкир, например Мунир Хазыев [45], к вопросу о происхождении башкирского народа не обращались, но все они начинали свои изыскания с появления в трудах арабских историков этнонима *бажгурд*, *башжирт*, *басгифт* и т. п. По тому же пути поиска этнонима пошел и А. Валиди, только он обнаружил этноним в более ранних трудах китайских историков (VII – VIII вв.), но в формах, мягко говоря, вызывающих сомнение, – *ба-шу-ки-ли* (проф. Чанг Ланг) и *бей-дин* (проф. Мау Цай). При чем А. Валиди считал сведения китайских источников наиболее надежными, но обоснования их достоверности в его труде [46] отсутствуют. Это, скорее, его интуитивное мнение, сложившееся из-за тяги к восточным источникам.

Племена с таким названием обитали в Средней Азии и Западном Туркестане и были ветвью племенного объединения Тие-ле, более известного как Телес.

Но этот путь ориентации на этноним, ставший традиционным, оказался ошибочным. В истории много примеров, когда один и тот же этноним (название, имя) носили разные народы, разделенные во времени каким-то интервалом. Например, до известного нам татарского народа, татарами называли племена, враждебные монголам и погубившие отца Чингисхана. После нашествия монголов на Русь русские люди стали именовать татарами и монголов, и всех тюрок, пришедших вместе с ними. Арабы называли волжских булгар так же, как и славян, – «сакалиба». Или еще пример – Китай получил

свое тюркское название от племени Катай, захватившего его. А весь остальной мир знает его как Чайна.

Основываясь на китайских источниках, А. Валиди пришел к выводу, что они указывают на происхождение башкир в Средней Азии и в степях около Аральского моря-озера.

Конечно, он подверг анализу и сочинения арабских авторов, искренне считая, что арабы указывали расселение башкир на местах их нынешнего обитания. Но, проявляя научную добросовестность, он отметил и сведения, отличающиеся от его взглядов. А. Валиди приводит в своей «Истории» сообщения ал-Масуди, ал-Истахри, ал-Бируни, Гардизи, в которых утверждается расселение бажгурдов и на берегах Аральского моря-озера, и на Волге, и между Каспием и Аралом, и на Северном Кавказе, и у берегов Черного моря, и даже неподалеку от Византии и Рима.

Источник источнику рознь. Ал-Масуди, например, родившийся в начале X в., был придворным историком и географом Арабского халифата со столицей в Багдаде, имел энциклопедические познания, как губка впитывал разные сведения от купцов-путешественников. А жил он в очень интересное время. Тогда на исторической арене господствовали три мощных государства: Арабский халифат, Хазарский каганат и Византия. В это же время произошел всплеск активности или, по Гумилеву, пассионарный взрыв у викингов, жителей прибалтийских стран. Эти пираты-купцы еще в IX в. проплывали по рекам от Финского залива по Волге до южного побережья Каспийского моря и далее, до Арабского халифата. Но вскоре хазары в дельте Волги взяли этот торговый путь под свой контроль и стали собирать большую пошлину. Тогда купцы проложили сухопутный маршрут из халифата к Волжской Булгарии через Среднюю Азию и Устюрт.

Но ни один прибыльный торговый путь не обходится долго без рэкета и охраны, т. е. на современном сленге «крыши». А за право «крышевания» всегда приходилось биться с конкурентами. Весь этот сухопутный маршрут после большой войны в 840 г. был поделен между огузами, карлуками, кимаками, печенегам и башгурдами. Огузы в союзе с карлуками и кимаками вытеснили печенегов и поддержавших их башгурдов за пределы Устюрта.

Пребывание здесь башгурдов было, по-видимому, лишь боевым походом с целью завоевания сферы «крышевания» или, скорее, они охраняли караван, шедший из Волжской Булгарии в Арабский халифат. Ибн Фадлан, проезжавший здесь в 922 г., опасался их при переправе через реку Чаган на южных отрогах

Мугоджарских гор, но понапрасну, никаких следов башгурдов здесь не оказалось. Остатки же разбитых печенегов ему попались на пути. В знак поражения они носили одежду с обрезанными рукавами и жили в подчинении у огузов. При переправе через Яик (Урал) караван арабов уже не опасался нападения башгурдов, и никакие защитные меры не предпринимались. Видимо, путникам стало достоверно известно, что их там нет.

Все это было известно всезнающему ал-Масуди, но в его сочинения вошло лишь упоминание о пребывании башгурдов, об участии их в боевых действиях против огузов. А историки стали считать, что башгурды жили там и были в родстве с печенегами. Весь ход дальнейших взаимоотношений башгурдов с печенегами показал, что они были злейшими врагами. Тогда где же обитали башгурды?

А. Валиди действительно повезло как историку, и он нашел достоверные источники, отвечающие на этот вопрос. Первый из них – это дастан огузов «Огузнаме», одно из древнейших тюркских сказаний. По этому сказанию, «башкиры» проживали на берегах Волги, в гористой местности, по соседству с волжскими булгарами. Эта гористая местность в дастане огузов называлась «Башкорт таудары» (Башкирские горы). Это горы в районе Самарской луки. Сегодня их именуют Жигулевскими горами. Народ, который там обитал в то время, характеризуется в сказании огузов как мощный и мобильный, который из-за своей гордости и горячности не перед кем не склонял головы. И это говорили огузы, которые, по словам ал-Масуди, победили бажгурдов. Напутал здесь что-то придворный историк. Впрочем, это было для него характерно. Отметим здесь, что, по сказанию огузов, «башкиры» поклонялись или подчинялись фулусу. А. Валиди не уточняет, что это такое: божество, вождь или тотем.

Казалось бы, почему не поверить древнему сказанию? Но А. Валиди все-таки перетянул этих «башкир»-бажгурдов на Урал, а «Башкорт таудары» посчитал Уральскими горами. Иначе, если не сделать этого, то не удавалось этот народ связать с современными башкирами, которые на берегах Волги, в районе Самарской луки, никогда не жили. Похоже, А. Валиди не мог даже мысли допустить, что этноним *бажгурд*, *бажджард*, так многократно упомянутый в арабских источниках, столь ценимых им, принадлежал тогда не его родному башкирскому народу, а другому этносу.

Но был еще один арабский источник, найденный им самим, в котором этот вопрос затрагивался напрямую. Мне было интересно, как он поступил с ним? Конечно, он не мог обойти его вниманием

при написании «Истории башкир». Но поверит ли он своему детищу или вновь «потянет» бажгурдов на Урал? Правда, в этом источнике они назывались *басгифтами*, однако обо всем по порядку.

Еще в самом начале эмиграции, в 1923 г., А. Валиди прибыл в иранский город Мешхед, где в течение трех дней занимался изучением древних книг и рукописей в библиотеке имама Ризы. Он обнаружил сочинение упоминавшегося выше Ибн Фадлана, известное востоковедам до этого лишь в изложении Якута. В 1939 г. А. Валиди издал книгу «Путевые заметки Ибн Фадлана», посвятив ее своему учителю и другу В. В. Бартольд.

Как выше упоминалось, Ибн Фадлан вполне конкретно указал «страну аль-Басгифт» западнее реки Кундурча, в междуречье Волги и Кундурчи, прилегающем к Самарской луке. Это полностью совпадало со сказанием огузов, даже отмеченное в их дастане поклонение фаллосу (фулусу), вырезанному из дерева мужскому половому члену, описал Ибн Фадлан. Это были мадьяры, которых все арабские авторы называли башгурдами, башгирдами, башжардами и т. п.

Что же делает А. Валиди, анализируя территорию расселения басгифтов, описанную Ибн Фадланом [46. С. 23]? Здесь у него возникают проблемы – ведь башкирский народ здесь никогда не жил! Что делать?

Тогда он отодвигает восточную границу «страны аль-Басгифт», указанную Ибн Фадланом, далее на восток, к берегам Сока, и пишет о том, что здесь жили самарские башкиры, и переходит к верованиям басгифтов. На них мы уже останавливались. Так этноним *башгурд*, употребляемый арабскими авторами X в. в разных вариациях, оказался перенесенным с мадьяр на башкирский народ. А. Валиди был убежден, что сведения мусульманских авторов, касающиеся мадьяр, следует относить к башкирам [46. С. 21]. К сожалению, неизвестна основа такой убежденности. Было ли это следствием признания родства древних башкир и мадьяр или какими-то иными соображениями руководствовался А. Валиди, мы не знаем. А прародиной древних башкир стало считаться побережье Аральского моря и реки Сырдарьи. Такая версия происхождения башкирского народа родилась в Турции, в «Истории башкир», написанной А. Валиди, профессором Стамбульского университета.

Я готов снять шляпу и преклонить колено перед памятником Ахметзаки Валиди, который, я надеюсь, благодарный башкирский народ ему когда-нибудь поставит. Безусловно, это крупный

политический деятель, посвятивший свою жизнь служению родному народу. Потерей семьи, родных и близких, пожизненным изгнанием поплатился он за служение ему, за свой подвиг. Боевой путь и трагичная судьба сближают его с Салаватом Юлаевым.

Как и песни Салавата, исторические труды А. Валиди заслуживают самого пристального внимания. Сам он, будучи крупным ученым мирового уровня, относился к трудам других историков, даже очень близких ему, с точки зрения объективной критики. Так, например, опубликованное мнение его учителя и друга В. В. Бартольда о том, что тюрки не были коренным населением Туркестана, вызвало возражение А. Валиди, написавшего об этом в своей статье в достаточно резкой форме. В. В. Бартольд не менее эмоционально ответил ему в печати, отстаивая собственную позицию [47]. Это было нормой в работе двух известных историков. Хотелось бы, чтобы и мой анализ «Истории башкир» А. Валиди был воспринят читателем с этой сугубо научной точки зрения, никоим образом не затрагивающей его как политического деятеля.

В Советском Союзе историю башкирского народа, его происхождение начали активно изучать в 50-х гг. XX в., когда в г. Уфе появилась плеяда молодых ученых, среди которых выделялись Раиль Кузеев и Нияз Мажитов. Р. Г. Кузеев пошел по пути этнографических исследований, а Н. А. Мажитов стал археологом. У каждого из них сформировалась своя точка зрения на историю башкирского народа, его происхождение.

Напомню, рукопись «Истории башкир» А. Валиди с 1950 г. хранилась уже в библиотеке Стамбульского университета, но между Советским Союзом и социалистической системой государств, с одной стороны, и всем остальным миром – с другой, висел «железный занавес». Более того, А. Валиди в СССР считался башкирским националистом, антикоммунистом, белым эмигрантом, одним словом «врагом народа». Его исторические труды широкому кругу ученых не были известны, в печати не обсуждались, в библиографиях не встречались. Это так, но удивительно другое: Раиль Гумерович Кузеев построил свою концепцию происхождения башкирского народа на тех же краеугольных камнях, что и А. Валиди.

Р. Г. Кузеев также пошел в своих поисках вслед за этнонимом *баджгард*, упомянутым в сочинениях ал-Масуди и притянутым этим арабом к этнополитическому кругу печенегов и огузов. Якобы в их среде, на Сырдарье и в Приаралье, возникли баджгарды и бурджаны, родственные печенегам, которые в VII–VIII вв. составили основу древнебашкирского этноса [48. С. 426].

Все точно так же, как и у А. Валиди. Естественно, без ссылки на него. Однако добавилась родственность баджгардов, бурджан и печенегов, но нет ни слова о характере и других сторонах этой связи. В чем проявлялось это родство? И потом, одна и та же среда, один ландшафт, единый образ жизни, кругом печенеги, и вдруг среди них образуются какие-то другие племена – *баджгард* и *бурджан*. Чем же тогда они отличались от печенегов, и что породило это отличие?

Л. Гумилев достаточно убедительно доказал, что один этнос не может возникнуть из другого, нужно воздействие еще одного народа. Если печенеги были одним из прародителей, то кто же был другим? Р. Г. Кузеев не дает ответа на этот вопрос и как бы даже теряет к печенегам интерес. Далее он пишет, что древние башкиры – преимущественно тюркские племена центральноазиатского происхождения [48. С. 427]. Здесь Р. Г. Кузеев вновь солидарен с А. Валиди, связывая происхождение, по крайней мере части древнебашкирских племен, с упомянутым выше объединением Теле. Он так же, как и А. Валиди, ссылается на древнекитайский источник 643 г., согласно которому одно из ответвлений племен объединения Теле, кочевавшее между Аральским и Каспийским морями, носило известное нам от А. Валиди название *ба-шу-ки-ли*. Р. Г. Кузеев также отождествил это название с этнонимом «башкурт».

И далее он повторяет А. Валиди в свете того, что предки Теле были этническими наследниками гуннов в бассейне Волги в VII – IX вв., в их числе он перечисляет *бо-хан* (булгар) и *бей-дин* (башкир). Конечно, у Р. Г. Кузеева нет ссылок на А. Валиди и указаний на китайские источники. Отсутствуют и фамилии китайских профессоров, приведенные в «Истории башкир» А. Валиди. Это наводит на мысль о том, что Р. Г. Кузеев был знаком с этим трудом А. Валиди и в основополагающих местах своей концепции происхождения башкирского народа не вышел за рамки его «Истории».

Согласно этой концепции, древние башкиры, а не мадьяры составляли авангард печенежской миграции в Приуралье и далее на юго-запад в конце IX – начала X в. По мнению Р. Г. Кузеева, его учеников и последователей, древние башкиры вместе с печенегами дошли до степей Причерноморья и Северного Кавказа. А оттуда, по неизвестной причине, вернулись в приуральскую степь и через «речные ворота», образованные верховьями Демы и Б. Кинеля, поднялись на Бугульминско-Белебеевскую возвышенность. Древнебашкирские племена некоторое время якобы кочевали, кружили там, прежде чем осесть в местах своего постоянного проживания

ния. В речные «ворота» эти племена шли, по мнению исследователей, из нежелания преодолевать большие водные преграды ввиду наличия мелкого скота.

Эти идеи, вся концепция башкиро-печенежского родства и кочевнического образа жизни древнебашкирских племен были высказаны около 50 лет тому назад. За это время было выполнено множество археологических исследований. Однако эта концепция так и не нашла своего подтверждения.

Нет ни единого археологического материала, подтверждающего родство башкир и печенегов. Так и не найдено ни одной башкирской могилы в степях Причерноморья и на Северном Кавказе. Так и не выяснена причина, по которой древние башкиры якобы оставили столь благодатные для кочевого скотоводства земли, где пастбищный период длится почти круглый год, и двинулись на холодный Урал - туда, где глубокие снега покрывают пастбища долгие полгода.

Магьяр, на их длинном пути, заметили все заинтересованные стороны, нашлись их археологические памятники. Хазары дали в жены их вождю знатную хазарку. Византийский император Константин Багрянородный написал о магьярах своему сыну Роману II. Славяно-русский летописец Нестор отметил пребывание магьяр на берегах Днепра, написал об Угорских горах близ Киева.

А древних башкир там не заметил никто. Народ-невидимка? Нет! Невидимки оставляют следы, а их тоже нет. Значит, это просто гипотеза, так и не нашедшая своего подтверждения.

По мнению авторов кочевнической концепции происхождения башкирского народа, башкиры, дойдя до степей Причерноморья, вдруг повернули на северо-восток и пошли обратно на Урал. Так никто и не потрудился объяснить причину их возврата. Это, однако, свидетельствует об отсутствии необходимой системной связи.

Такие резкие повороты в миграции народов не происходят беспричинно. Благодатную землю добровольно не покидают, за нее бьются не щадя жизни, а на полях сражений остаются могилы павших бойцов. На сегодня в нашей истории нет ни противника древних башкир, ни полей сражений, ни могил павших. Ничем в археологических памятниках не обозначен и обратный путь башкир на северо-восток, на Урал.

А проход через речные «ворота», сухопутный проход между истоками Б. Кинеля и Демы, далее через Бугульминско-Белебеевскую возвышенность? Согласно мнению авторов кочевнической концепции, через них прошли многие древнебашкирские племена. Зачем? А из-за того якобы, чтобы не переправляться со скотом

через большие реки. Надуманность проблемы, в свете записок Ибн Фадлана, очевидна. Его караван, в котором также было немало мелкого скота, взятого на питание, без особых трудностей преодолел реку Яик (Урал) и разные другие реки.

«Ворота» же при движении племени надо было найти или знать их. Это сегодня достаточно взглянуть на карту и выявить сухопутный путь. А тогда карт не было, путь без больших водных преград найти было значительно труднее, чем преодолеть их. Кроме того, узкие места в пути во все времена были освоены разного рода бандитами. Печенеги, например, поджидали купцов у днепровских порогов, а хазары перехватывали караваны судов в дельте Волги. Такие места старались обходить, а не двигаться через них. Если через «ворота» и Бугульминско-Белебеевскую возвышенность прошли многие древнебашкирские племена, то здесь их следы должны были быть оставлены особенно густо. А их здесь тоже нет! На всей этой возвышенности археолог В. Иванов обозначил лишь один археологический памятник того времени.

Отсутствие упоминаний о башкирах в западных источниках и их археологических памятников в Причерноморье, на Северном Кавказе и на обратном пути оттуда на Урал – серьезное противоречие кочевнической концепции происхождения башкирского народа. Однако она настолько прочно вошла в историю башкир, что многие ученые, понимая ее надуманность, предпочитали все-таки не замечать ее недостатки, а порой и сглаживать их.

Тот же археолог В. Иванов, видя указанные противоречия, пытался смягчить их. Так, он писал, что «...культура башкир того времени не отличалась от образа жизни и культуры кочевников огузо-печенежского этнокультурного круга» [38]. Дескать, башкирские могилы следует искать среди печенежских могил в Заволжской Печенегии (западнее Волги. – *Р. В.*), но и там их трудно отличить от памятников, оставленных печенегами.

Круг замкнулся. Получается: будем считать, что башкиры родственны печенегам, кочевали вместе с ними, но доказать это невозможно, потому что они родственны и очень похожи по культуре.

Сегодня уже можно определенно сказать, что концепция башкирской перекочевки в X в. из Приаралья в причерноморские степи и Северный Кавказ в авангарде печенежской миграции и обратного движения на Урал через речные «ворота» и Бугульминско-Белебеевскую возвышенность не нашла подтверждения со стороны археологической науки.

А что же скажет этнография? В конце 80-х гг. теперь уже прошлого века я работал над рукописью книги «Пчелы и люди» [49]. Там были и пчелы, и наблюдения за природой, и медведи, и куницы, и способы охоты на них, и, конечно, люди, жившие на Урале в разные времена. Невольно я втянулся в изучение истории пчеловодства, и в частности башкирского бортничества. Мне было интересно, как отнесутся профессиональные историки к моим творениям? Я шел к ним и обсуждал их же работы через призму истории бортничества.

В беседах с археологами я выделил из их находок группу инструментов, необходимых и достаточных для изготовления борти. Это вызвало у них неподдельный интерес – так никто еще не систематизировал орудия труда, найденные при раскопках. Такой подход давал дополнительную информацию об образе жизни носителей той или иной археологической культуры, при том же объеме первичного материала.

Бортничество башкир упоминалось также и в их шежере – родословных летописях, сопровождаемых пояснительными сведениями. Так я дошел до этнографов, до Р. Г. Кузеева. Оказалось, что в этнографической литературе очень мало сведений о бортничестве – видимо, в силу специфичности этого промысла.

Пчела так и не стала домашним животным, человек так и не сумел ее приручить. Она может жить в жилище, построенном человеком, но покидает его, подчиняясь инстинкту размножения, улетает в леса или поселяется в самых невероятных местах, может жить без участия человека.

Бортничество – это одновременно и отрасль хозяйства человека, и лесной промысел. Через бортничество выявляются хозяйственные связи, правовые отношения, торговые пути, уровни металло- и деревообработки, расслоение общества. Это с одной стороны, а с другой – высвечиваются взаимодействия человека с окружающей средой, природой и животным миром.

История бортничества башкир – это как бы разрез временных пластов народа, и в этом разрезе видно то, что недоступно по другим каналам исторической информации. Эту возможность проверить через бортничество свою концепцию башкиро-печенежского родства, кочевнического происхождения башкирского народа и увидел Р. Г. Кузеев. Мне он поставил задачу выяснить, где и как зародилось башкирское бортничество, коренное ли это занятие башкир или заимствовано у других народов.

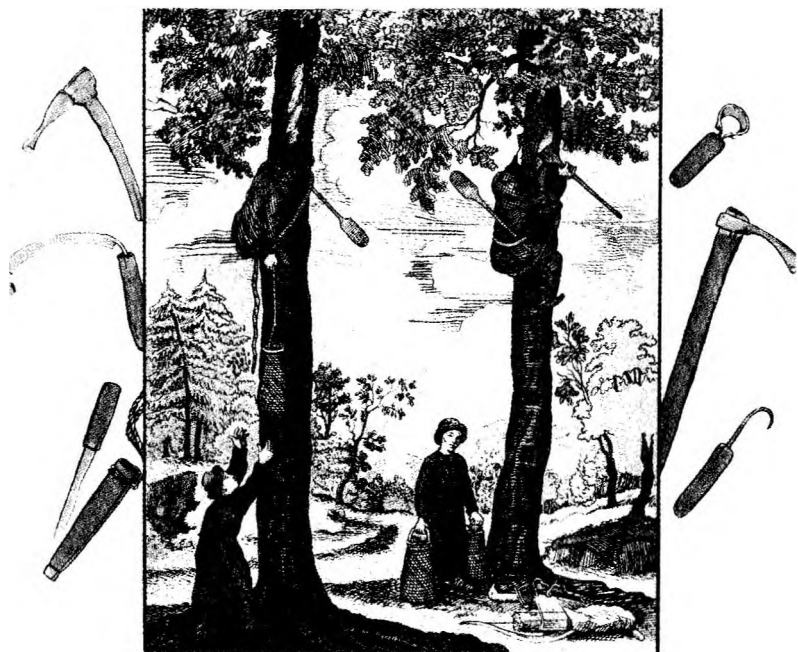
Бортничество горно-лесных башкир

Его концепция находила подтверждение, если башкиры принесли бортничество на Урал с Алтая, Средней Азии, Северного Кавказа или заимствовали его у местных финно-угорских народов.

А если нет? Вопрос был непростой. Как оказалось, он ставился уже перед экспедицией Ф. Илимбетова, изучавшей пчеловодство северо-восточных башкир в начале 70-х гг. XX в. Проехав по северо-востоку Башкортостана, эта экспедиция собрала оригинальный материал по части бортничества, орудий труда пчеловодов, колодных ульев и приемов работы.

На этой основе Ф. Илимбетов попытался ответить на упомянутый выше вопрос. Не изучив пчеловодства Сибири и Средней Азии, он тем не менее заявил, что пчеловодство «у северо-восточных башкир, по всей вероятности, имеет точки соприкосновения с аналогичными занятиями народов Западной Сибири и Средней Азии» [50].

Это лилась вода на мельницу авторов кочевнической концепции зарождения башкирского народа. Дескать, башкирские племена, пришедшие из Сибири и Средней Азии, принесли с собой и навыки бортничества.

Бортничество черемис и волжских булгар

Но, увы! Получился казус, хоть его в то время никто и не заметил, даже не обратил внимания на голословность этого утверждения. Как мне удалось выяснить, ни Сибирь, ни, тем более, Средняя Азия вообще не знали бортничества. В природе Сибири пчелы не живут. Их завезли туда из Башкирии в XVIII в. офицеры, участвовавшие в подавлении Пугачевщины, в частности полковник Н. Аршеневский, арестовавший Салавата Юлаева. Там пчеловодство началось сразу с колодных ульев. Бортничеством в Сибири не занимались, точек соприкосновения быть не могло. Ну а Средняя Азия? Там просто деревья такие не растут, на которых можно было бы построить борт. Не знал бортничества и Северный Кавказ. Там дикие пчелы жили в скалах.

Все это я рассказал Р. Г. Кузееву. Тогда он предложил изучить связи башкирского бортничества с аналогичным занятием финно-угорских народов: черемис и удмуртов. Ставился вопрос – может быть, от них, придя на Урал, башкиры переняли навыки бортничества?

Р. Г. Кузеев привез из Финляндии статью А. Хамяляйнена о бортничестве финно-угорских народов [51], а также заметки

марийца Т. Евсеева, опубликованные в «Журнале Финно-угорского общества» в Хельсинки [52].

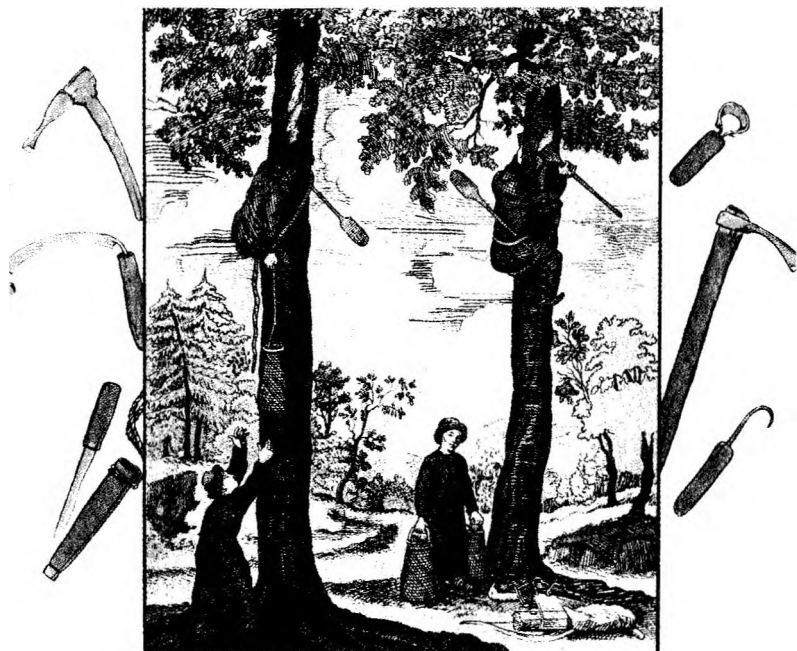
Конечно, сходства в бортничестве черемис и башкир были, но в основном в терминах, что свидетельствовало больше о взаимных влияниях языков. Способы работы на бортных деревьях, приспособления для этого, а главное, конструкции бортей существенно отличались. Башкиры делали свои, «башкирские», борти, работали на дереве, стоя на специальной подставке для ног, называемой *элеңге*. А у черемис были другие конструкции бортей, они работали, сидя на специальной доске, их основной бортный ремень *кирам* имел узлы и петли, чего не было у его башкирского аналога.

Бортный промысел органично вписывался в полукочевой образ жизни башкир с недалекими сезонными переездами. Весной они чистили борти, готовили их к заселению дикими роями пчел, а летом их не беспокоили, отъезжали на летние пастбища, занимались летними делами – заготавливали корма, дрова. Глубокой осенью, вернувшись домой, башкиры осматривали борти и забирали мед. А черемисы же, в отличие от башкир, летом часто посещали свои борти, наблюдали роение. Если пчелиная семья у них роилась, они исполняли целый ритуал по этому случаю. Башкиры для подъема по дереву к дуплу с пчелами изобрели свой, совершенно оригинальный способ. Они с помощью одного лишь ремня-кирама почти бегом поднимались к рукотворному дуплу.

Так что и здесь преимущества бортничества башкир от финно-угорских народов не получалось. Оригинальность конструкции башкирской борти, способа лазания на нее, работы с ней, не имеющая аналогов во всем мире, говорит о том, что башкирское бортничество имеет столь же глубокие временные корни, как и сам народ. Эпос «Урал-батыр» рассказывает, что предки древних башкир еще с бронзового века были знакомы с жизнью пчелиной семьи, различали матку, рой, медоносные деревья и цветы. Бортничество прошло вместе с народом все начальные этапы от поиска гнезд диких пчел, изъятия из них меда до создания рукотворных бортей и приспособлений для этого промысла.

Бортъ – это недвижимость, а бортный промысел характерен лишь для оседлых лесных народов: русских, прибалтов, черемис, волжских булгар. Лишь башкир, без достаточных на то оснований, историки определили в степных кочевников. Но это лишь одна сторона медали, есть и другая, главная и тягостная.

Эта концепция кочевнического происхождения башкирского народа, созданная Р. Г. Кузеевым и его последователями, отнимает у башкир родину, делает их очередными пришельцами на родной

Бортничество черемис и волжских булгар

Но, увы! Получился казус, хоть его в то время никто и не заметил, даже не обратил внимания на голословность этого утверждения. Как мне удалось выяснить, ни Сибирь, ни, тем более, Средняя Азия вообще не знали бортничества. В природе Сибири пчелы не живут. Их завезли туда из Башкирии в XVIII в. офицеры, участвовавшие в подавлении Пугачевщины, в частности полковник Н. Аршеневский, арестовавший Салавата Юлаева. Там пчеловодство началось сразу с колодных ульев. Бортничеством в Сибири не занимались, точек соприкосновения быть не могло. Ну а Средняя Азия? Там просто деревья такие не растут, на которых можно было бы построить борт. Не знал бортничества и Северный Кавказ. Там дикие пчелы жили в скалах.

Все это я рассказал Р. Г. Кузееву. Тогда он предложил изучить связи башкирского бортничества с аналогичным занятием финно-угорских народов: черемис и удмуртов. Ставился вопрос – может быть, от них, придя на Урал, башкиры переняли навыки бортничества?

Р. Г. Кузеев привез из Финляндии статью А. Хамяляйнена о бортничестве финно-угорских народов [51], а также заметки

марийца Т. Евсеева, опубликованные в «Журнале Финно-угорского общества» в Хельсинки [52].

Конечно, сходства в бортничестве черемис и башкир были, но в основном в терминах, что свидетельствовало больше о взаимных влияниях языков. Способы работы на бортных деревьях, приспособления для этого, а главное, конструкции бортей существенно отличались. Башкиры делали свои, «башкирские», борти, работали на дереве, стоя на специальной подставке для ног, называемой *элеңге*. А у черемис были другие конструкции бортей, они работали, сидя на специальной доске, их основной бортный ремень *кирам* имел узлы и петли, чего не было у его башкирского аналога.

Бортный промысел органично вписывался в полукочевой образ жизни башкир с недалекими сезонными переездами. Весной они чистили борти, готовили их к заселению дикими роями пчел, а летом их не беспокоили, отъезжали на летние пастбища, занимались летними делами – заготавливали корма, дрова. Глубокой осенью, вернувшись домой, башкиры осматривали борти и забирали мед. А черемисы же, в отличие от башкир, летом часто посещали свои борти, наблюдали роение. Если пчелиная семья у них роилась, они исполняли целый ритуал по этому случаю. Башкиры для подъема по дереву к дуплу с пчелами изобрели свой, совершенно оригинальный способ. Они с помощью одного лишь ремня-кирама почти бегом поднимались к рукотворному дуплу.

Так что и здесь преемственности бортничества башкир от финно-угорских народов не получалось. Оригинальность конструкции башкирской борти, способа лазания на нее, работы с ней, не имеющая аналогов во всем мире, говорит о том, что башкирское бортничество имеет столь же глубокие временные корни, как и сам народ. Эпос «Урал-батыр» рассказывает, что предки древних башкир еще с бронзового века были знакомы с жизнью пчелиной семьи, различали матку, рой, медоносные деревья и цветы. Бортничество прошло вместе с народом все начальные этапы от поиска гнезд диких пчел, изъятия из них меда до создания рукотворных бортей и приспособлений для этого промысла.

Борт – это недвижимость, а бортный промысел характерен лишь для оседлых лесных народов: русских, прибалтов, черемис, волжских булгар. Лишь башкир, без достаточных на то оснований, историки определили в степных кочевников. Но это лишь одна сторона медали, есть и другая, главная и тягостная.

Эта концепция кочевнического происхождения башкирского народа, созданная Р. Г. Кузеевым и его последователями, отнимает у башкир родину, делает их очередными пришельцами на родной

уральской земле. Будто бы скитались где-то безродные тюркские племена, а затем оказались вдруг здесь, на Урале.

И А. Валиди, и Р. Кузеев, разрабатывая историю происхождения башкирского народа, ссылались на использование ими народных сказаний и легенд. Действительно, А. Валиди весьма тщательно изучил исторический эпос огузов «Огузнаме» в Национальной библиотеке в Париже, даже перевел его на турецкий язык и издал в Стамбуле. Р. Кузеев, как он сам отметил, подробно проанализировал цикл преданий и легенд о сером волке – прародителе и путеводителе тюрков. Эти легенды сказочного характера были распространены среди алтайских и центральноазиатских тюрков, а к башкирам они не имели серьезного отношения. Чтобы убедиться в этом, достаточно пролистать сборник «Башкирские предания и легенды».

А ведь был уже записан башкирский эпос «Урал-батыр», и он хранился в библиотеке той организации, где работал Р. Кузеев. Но мы не найдем эпоса «Урал-батыр» в его библиографиях. Уверен, он знал о существовании записи эпоса, ведь опальный М. Бурангулов, освободившись из заключения, в 60-х гг. XX в. тщетно обивал пороги научных учреждений, добываясь публикации собранного им материала. А Р. Кузеев с 1960 по 1987 г. работал заместителем председателя Президиума Башкирского филиала Академии наук СССР, курировал гуманитарные направления башкирской науки. Почему же Р. Кузеев, зная об эпосе «Урал-батыр», предпочел также его замалчивать? Потому что в эпосе «Урал-батыр» говорится совсем о другой истории предков башкирского народа, нежели та, что создана Р. Кузеевым. Возьмем в руки еще раз этот исторический эпос, зародившийся в недрах первобытно-общинного строя. О чем он рассказывает?

Уральские горы носят имя Урал-батыра, славного сына башкирского народа. Этот кубаир поэтическим языком повествует о неразделимом единстве башкир с Уральскими горами, уральской природой с незапамятных времен. Все герои эпоса связаны с уральской землей: Шульген – его имя носит знаменитая пещера Шульганташ; Яик, Идель, Нугуш, Сакмар – реки, берущие начало на Урале; Ямантау и Иремель – уральские горные вершины.

Несмотря на то что повествование ведется с каменного века, от первобытно-общинного строя, в эпосе нет и упоминания об Алтае, Средней Азии, Черном море. Кавказские горы (Каф-тау) – это для башкир очень далекие мифические горы, за которыми живут змеи, достигшие ста лет и превратившиеся в аждаху. Нет в «Урал-батыре» и намек на кочевой образ жизни башкир, длительные

скитания по степи. А есть реальность, гордость башкирского народа: «небесные» кони, оружие с твердостью алмаза и пчелы, пчелиные рои, их матки.

Есть еще и народная песня «Урал», известная ранее под названием «Ете ырыу», а в ней – слова о том, что родина башкир там, где растет курай, который, как известно, в степи не встречается. Ни алтайцы, ни другие народы Сибири или Средней Азии, Северного Кавказа никогда не пели песни под мелодии курая, не играли на нем. «И отец ты нам, Урал, и мать ты нам, Урал», – поется в этой башкирской песне.

Все это говорит о том, что башкиры с самого начала своей истории зародились и жили здесь, на Урале, были лесными людьми, занимались разведением лошадей и другого скота, охотой и бортничеством, вели полукочевой образ жизни с недалекими сезонными перекочевками.

Наличие в башкирском языке слов *кыштым* – «зимовье», *язғы йорт* – «весенний двор», *йәйләү* – «летняя стоянка» говорит о наличии некоторой постоянной территории обитания племени, рода или семьи. В жизни кочевников не бывает ни зимовий, ни весенних дворов, ни определенных летних стоянок. Они зимуют там, где накрывает их снежная пурга, весной выгоняют свой скот на оттаявшие от снега лужайки, а лето проводят в долинах небольших речушек, поросших сочной и вкусной травой.

Географические названия – а они очень древние, такие как Иртяш, Иремель, Ирендык, Ирисят, свидетельствуют о наличии у древних башкир плавилен, кузниц и городищ около них. Это тоже характеризует их как оседлых людей. Башкиры испокон веков занимались бортничеством, а борти требуют сезонного ухода. Значит, хозяева не могли отъезжать от своих бортей далеко и надолго. Они были лесными, оседлыми людьми, выезжающими на летние пастбища.

Это подтверждается, например, «Сокровенным сказанием монголов» – родословной летописью Чингисхана [53]. В параграфе 239 описан поход его сына Джучи к лесным народам, среди которых упоминаются и башкирские племена. Сообщается также о прибытии вождей этих народов к Чингисхану с подарками и просьбой о подданстве, о теплом их приеме.

В год Зайца (1207) Джучи был послан с войском правой руки к лесным народам. Двигаясь на запад, Джучи подчинил ойратов, бурятов, бархунов, урсутов, хабханасов, ханхасов и тубасов. Далее он подступил к тумен-киргизам. Тогда к Джучи явились киргизские нойоны Еди, Инал, Алдшер и Олебек. Они выразили покор-

ность. Джучи принял под власть монгольскую все лесные (*лесные!*) народы, а именно: «Шибир, Кесдиин, Баит, Тухас, Тенлек, Тоелес, Тас и Бачжигит». Он взял с собой нойонов (вождей) этих лесных народов и представил их Чингисхану.

Вожди били ему челом, поднесли своих охотничьих птиц, белых соболей, подвели белых мерингов, за что Чингисхан пожаловал им в жены трех своих дочерей. Милостиво обратившись к Джучи, Чингисхан соизволил сказать: «Ты старший из моих сыновей. Не успел и выйти из дома, как в добром здравии благополучно возвратился, покорив без потерь людьми и лошадьми лесные народы. Жалую их тебе в подданство».

Что же это за лесные народы? Не все из них в то время, в начале XIII в., имели этнические названия. По древнему тюркскому обычаю, народы и племена часто называли по рекам, вдоль берегов которых они жили. В конце своего похода Джучи дошел до «народов Тенлек, Тоелес, Тас и Бачжигит».

Тенлек – это река Таналык, правый приток Урала, протекает по юго-востоку современного Башкортостана. Тоелес – река Туяляс (рус. Худолаз) с водопадом Туяляс в Баймакском районе РБ. Тас – известное древнебашкирское племя Таз. Бачжигит – это уральские мадьяры, в отличие от «Башкирд», которыми автор «Сокровенного сказания» назвал венгров, «живущих по соседству с франками и исповедующих христианскую религию».

В 1207 г. древнебашкирское племя Таз жило на территории современного Башкортостана по соседству с уральскими мадьярами и народами, населявшими берега рек Таналык и Туяляс. Следы этого племени и сегодня есть на берегах Юрюзани, Ая и Таныша. Это не выдумка, а хроника похода Джучи, написанная если не современниками, то не более чем через 40 лет после описываемых событий.

А теперь обратимся к авторам кочевнической концепции происхождения башкирского народа. Где они располагают племя Таз в начале XIII в.? Далеко на юге. Якобы тазларцы кочевали тогда в приаральских степях. По их мнению, лишь в конце XIII в. они переселились на север в Приуралье [54. С. 557]. Явное противоречие надуманной концепции с источником, не вызывающим сомнения.

Башкирские шежере выделяют два племенных союза, существовавших во времена Чингисхана. Одно из таких шежере попало ко мне из архива краеведа Х. Кульмухаметова, записавшего его в начале 50-х гг. XX в. в деревне Лагерь Салаватского района РБ.

Шежере начинается с Чингисхана как верховного правителя, на второй ступени Юлбуга, а ниже – Майкы-бий, причем указывается, что Майкы-бий – «сын» Чингисхана. Это дань средневековым обычаям. По восточным принципам того времени, один правитель считался «сыном» другого, если находился у него в подчинении, в вассальной зависимости.

Майкы-бий – известная в истории личность. Шежере древнейшего башкирского племени Табын рассказывает: «С самого начала Чингисхан дал страну Майкы-бию и дал оран (клич) – Салават, дерево – лиственницу, птицу – карагаш (горный орел)». Это означает, что Чингисхан выделил улус Майкы-бию по всем правилам средневековых правителей. По сути дела, Майкы-бий стал наместником великого хана.

Где же располагалась «страна Майкы-бия»? Ответ на это дает другое шежере этого же племени, относящееся к роду Кара-Табын: «Во времена Чингисхана Майкы-бий, живя в местности Миадак в Уральских горах, кочевал в долине реки Миасс. Он Чингисхану возил подарки, став его спутником, ездил вместе с Чингисханом на одной повозке, дали ему имя Уйшин Майкы-бий».

Казалось бы, скупы строки этого шежере. Однако сколько информации несут они о том времени! «Кочевал в долине реки Миасс» – вот вам и диапазон «кочевков» вождя союза племен. Едва ли половина современного района! Разве это кочевник? Очевидно, что речь в данном случае может идти лишь о сезонных перекочевках с зимовья на весенний двор, оттуда на летнее стойбище, а затем, ближе к осени, – к зимовью.

Сравним вновь сведения из шежере с кочевнической концепцией происхождения башкирского народа. Где же, по ее версии, находилось племя Табын во времена Чингисхана? А шли, кочевали из Поволжья почему-то в восточную часть Бугульминско-Белебеевской возвышенности. По мнению авторов концепции, табынцы пришли на берега Миасса лишь после распада Золотой Орды, примерно через 300 лет после того, как табынец Майкы-бий с берегов Миасса ездил на одной повозке с Чингисханом. Якобы 300 лет они скитались по степям. Расхождение в 300 лет!

Вновь явное противоречие. Конечно, в шежере могут быть искажения. Но в данном случае все предельно конкретно. Указано время, когда древнебашкирские племена добровольно вошли в состав империи Чингисхана. Это первое – второе десятилетия XIII в.

Точно указано место пребывания племени Табын – долина реки Миасс. Здесь жил Майкы-бий, вождь северо-восточного племенного союза башкирских племен Табын, Катай, Айле, Кувакан,

расселившихся от Ая до Тобола. Таким образом, и в случае с племенем Табын кочевническая концепция не выдерживает сопоставления с древним источником.

И фраза о том, что Майкы-бий ездил с Чингисханом в одной повозке, не должна вызывать иронии. Монгольские юрты ставились на огромные повозки, в которые запрягали десятки волов. Это были, по сути, дома на колесах. Выражение «ездил с ним в одной повозке» означает «жил в его доме, был принят в его юрте». Майкы-бий был очень близок к Чингисхану. Известно из монгольских хроник, что когда Чингисхан заподозрил в измене своего верховного жреца Кэчу и приказал его убить, то на его место он взял Уйшина из рода Баарин. Это был Майкы-бий, вождь племени Барын-Табын. В те далекие времена вожди племен были еще и верховными жрецами, а древние башкиры еще со времен Геродота славилась как люди святы, большие знатоки своей тенгрианской веры.

Существовал в то время и юго-восточный союз башкирских племен Бурзян, Кыпчак, Тангаур и Усерган. Его возглавлял Муйтен-бий.

Шежере племени Усерган рассказывает:

...Наступила эпоха Чингисхана.
Прадед башкирского народа –
Сын бия Токсабы,
Муйтен его имя.
Всевышний создал его стройным,
Был он львом среди мужчин.
Человек, увидевший его лик,
Почитал его.
Пусть бог во всем будет милостив к нему.
Он сделал род свой знатным.
Когда жил, он был известен, таков дар от бога.
Доброту его мужественного сердца
Почитал народ.
Имел он богатство, конь его был из аргамаков.
Жену он взял из знатного рода.
Пять пар верблюдов он нагрузил подарками,
Когда ездил к Чингисхану.
Хан оказал ему почести,
Посадил его рядом с собой.
Получил он похвалу от хана,
Визирем сделал его хан за жизнерадостность...
Вернувшись оттуда, Муйтен-бий
В своей стране стал бием.

Как видим, во времена Чингисхана башкирский народ был разделен на племенные объединения. Существовало как минимум три племенных союза: северо-восточный во главе с Майкы-бием, юго-восточный, возглавляемый Муйтен-бием и мадьярский – к западу от Уральского хребта и до Волжской Булгарии.

Первые два союза добровольно вошли в состав империи Чингисхана. Мадьяры, носители этнонима «бачжигит», хоть и проявили покорность при Джучи, но были настроены враждебно по отношению к монголам и Чингисхану. Позже они были разбиты и уничтожены. О разгроме народа бачжигит упоминается в «Сокровенном сказании монголов».

В середине XIII в. в формировании башкирского народа еще участвовал и мадьярский компонент. В это время католические монахи П. Карпини и В. Рубрук совершили путешествия к монголам. Они описали не только обычаи и традиции монголов, но и привели ряд сведений о народах, проживавших на их пути и на смежных территориях. На земле современного Башкортостана они не были, но в своих записках с чьих-то слов оставили после себя кое-какие сведения. В частности, заметки В. Рубрука были истолкованы Р. Кузеевым в русле его кочевнической концепции происхождения башкирского народа и, опираясь на них, он представил башкир как пастухов, не имеющих ни жилищ, ни селений, ни городов.

Однако при внимательном чтении описания путешествия В. Рубрука и рассмотрении его труда в совокупности с другими источниками того времени, перед нами предстает несколько иная картина. Во-первых, В. Рубрук, в отличие от наших историков, не только четко разделит *паскати́р (башки́р)* и венгров – так он на западный манер называл мадьяр, но и обозначил территорию преимущественного расселения этих народов.

Землю паскати́р (башки́р) он определил в Зауралье: «Проехав 12 дней от Этили (Волги), мы нашли большую реку, именуемую Ягак (Яик); она течет с севера из земли Паскати́р...» Эти слова Рубрука вполне согласуются и с древнейшими источниками, и современными представлениями о местах наиболее компактного расселения башкирского народа.

О мадьярах он писал: «это – пастухи, не имеющие никакого города; страна их соприкасается с запада с Великой Булгарией». Это Предуралье, и расселение тюрко-угорских племен по берегам Белой, Уфы, Камы и Волги также подтверждается изысканиями археологов. Нет ничего удивительного и в том, что В. Рубрук написал: «От этой страны к востоку, по упомянутой северной

стороне, нет более никакого города». Из этой фразы Р. Кузеев заключил, что башкиры не имели ни селений, ни городов. Да, выдергивая из древнего текста нужные места, можно обосновать что угодно. Но истина там, где сведения из одного документа, подтверждаются другими источниками. А вот ал-Идриси еще в 1154 г. писал совсем иное [39. С. 17]:

«Из городов внутренних (к западу от Уральского хребта. - Р. В.) басджиртов назовем Мастр и Кастр. Оба города невелики, и купцы редко посещают их. И никто в них не бывал, так как местные жители убивают всех чужестранцев, которые хотят проехать через их страну».

Отсюда вполне ясно, что города на уральской земле были, только скрывались – и башкирами, и мадьярами. В этом была жизненная необходимость – в городах размещались плавильни и кузницы, ювелирные и шорные мастерские, склады оружия, орудий труда, мехов, меда, воска и других товаров, предназначенных для торгового обмена. В зауральских городах с самого золотого века выплавлялись изделия из золота и серебра. А желающих поживиться чужим добром всегда хватало, поэтому башкиры и скрывали свои города от чужеземцев.

Если бы не было городов на уральской земле, то откуда тогда обилие прекрасных металлических изделий в захоронениях X – XIII вв.? Они поражают красотой и изяществом форм, глаз оторвать невозможно, так и хочется надеть на коня древнюю уздечку, украшенную набором таких оригинальных и красивых заклепок, пристегнуть к седлу их стремяна, а к поясу – шашку в ножнах, отделанных серебром.

Э-эх!.. Поднять коня в галоп, рвануть шашку из ножен, подбросить концом платок и рубануть его на лету, так чтобы обе половинки подхватил ветерок и унес прочь, с глаз долой.

Так что же, всю эту красоту делали на коленях, в юрте? На коленках можно валенок подшить, да и то не очень удобно. Рубрук не знал о башкирских городах, поэтому так и написал. И язык населения этой территории он называл венгерским, потому что был на Волге, общался с мадьярами. Этого нельзя вычеркнуть из истории, но и не стоит драматизировать его сообщения. К западу от Уральских гор в населении преобладал мадьярский компонент, а к востоку и в горно-лесной зоне – древнебашкирский. Существовало двуязычие. Мадьяры, участвовавшие в торговле с IX – X вв., были более известны разного рода купцам и проводникам караванов, со слов которых П. Карпини и В. Рубрук записали свои сведе-

ния. Магьярский язык, распространенный не только в Приуралье, но и в Поволжье, был, видимо, языком межнационального общения.

Можно предположить, что именно в это время от магьяр к тюркам перешли традиции земледелия, принесенные в Приуралье еще древними хуннами из далекого Китая. Башкирское слово *икмәк*, означающее «хлеб», имеет древнемагьярское происхождение – *екмек*. В тюркских языках «хлеб» – *эпәй* (башк.), *ипи* (татар.).

Нетрудно найти точки соприкосновения и в духовной сфере. Магьяры были огнепоклонниками, как и их предки – угры. Помню, в детстве старики внушали нам, мальчикам, уважительное отношение к огню. Запрещалось, например, гасить огонь, помочившись на угли костра. Башкирское слово *торомбаш* («головешка», досл. «то, что на конце имеет огонь»), происходит от угорского *тором*, что означает «огонь». Их верховный бог – Тором.

Несмотря на то что некоторые аспекты магьярской культуры все-таки высвечиваются в языке и культуре башкир, среди башкирских историков стало «правильным тоном» отрицать магьяро-башкирское родство. Этноним «бажгурд», «бажджард» их объединенными усилиями оказался перетянутым с магьяр на древних башкир, и магьяры стали чем-то похожим на пятое колесо в телеге башкирской истории.

А для меня это родство – объективная реальность. В моем родном Салаватском районе близ деревни Лагыр на берегу реки Ай было поселение магьяр. Это известный Лагеровский памятник караякуповской культуры. В этих местах жили мои предки по отцу, а название реки Юрюзань, на которой я вырос, происходит от древнемагьярского *Дьюро* (быстрая) *узен* (река), т. е. *Йор үзән* (башк.) – «Быстрая река». Родина моей мамы всего в 15 км от деревни Караякупово, близ которой было главное городище носителей этой культуры.

Прошло более 1000 лет с тех пор, когда жили здесь магьяры. Не все они ушли на запад в поисках лучшей земли и лучшей судьбы. Снялись с насиженных мест и двинулись в путь молодые и самые мобильные люди из этого народа, жаждущие славы и богатства. Те же, кто был доволен своей судьбой, обременен большим хозяйством, не тронулись с насиженных мест. Остались и невесты, взятые тюрками от магьяр. Все эти годы тюркская кровь перемешивалась с угорской и создавался тот этнос, который сегодня называют башкирским народом. Наверное, есть и во мне толика крови этого славного, непокорного, героического народа.

А тогда, в конце 80-х гг. XX в., работая над своей книгой «Пчелы и люди», я безуспешно пытался соединить историю башкирского бортничества с кочевнической концепцией происхождения башкирского народа. Я очень хотел это сделать, видя искренний интерес и внимание Раиля Гумеровича Кузеева к моей работе. Но это оказалось невыполнимым. Недвижимость в виде бортовых деревьев никак не стыковалась с его кочевническим «арало-уральским циклом». Согласно этой идее, зимние месяцы древнебашкирские племена со своими стадами проводили в присырдарьинских степях, а по мере приближения весны стада пергонялись на север, и в летние месяцы скот укрывался в прохладных долинах Уральских предгорий. С первыми признаками осени кочевники якобы снимались с летних пастбищ и медленно продвигались на юг (через выгоревшие степи!), добираясь до приаральско-присырдарьинских зимних пастбищ к наступлению зимы [55]. В этом цикле кочевания не оставалось места ни для бортничества, ни для металлургии и металлообработки.

Если историкам и удалось вычеркнуть металлургию и металлообработку из традиционных занятий башкир [35], благо древние их плавильни оказались разрушенными при строительстве заводов, то с бортничеством этого не получилось. И его бы спрятали, только, как шило из мешка, торчат бортовые деревья на бурзянской земле, а башкиры, проживающие там, все еще, по обычаям отцов и дедов, ухаживают за бортьями и добывают мед.

Завершая рассказ о кочевнической концепции происхождения башкирского народа, основанной на зарождении древнебашкирских племен на берегах Сырдарьи и Аральского моря, выдвинутой А. Валиди и развитой Р. Кузеевым, есть смысл остановиться на их взаимоотношениях, ведь они жили и работали по разные стороны «железного занавеса». Как же идеи А. Валиди проникли через этот занавес и оказались подхваченными Р. Кузеевым?

В 1968 г. в Уфе началась подготовка к празднованию 50-летия Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики, образованной в 1919 г. при непосредственном участии А. Валиди. Еще раньше, в 1965 г., была предпринята попытка установить с ним связь с целью заполучить документы, касающиеся образования БАССР. Мой отец рассказывал мне, что известный писатель Мустай Карим ездил в Турцию с поручением договориться с А. Валиди о передаче в СССР писем В. Ленина, но эта миссия не увенчалась успехом. Да и едва ли он сохранил письма В. Ленина за три года войны в Туркестане и последующие годы эмиграции в

Иране, Афганистане, Индии, Египте, Париже и Берлине, до тех пор пока не осел в Турции.

Делать это напрямую было безнадежным делом, ведь советская власть лишила его родины и семьи. Такое не забывается. Тогда решили сделать ход конем – башкирский ученый профессор Касим Ахмеров обратился с письмом (23.03.1968) к ректору Стамбульского университета с просьбой сообщить, есть ли в их библиотеке материалы, касающиеся истории башкирского народа и его языка, проводятся ли в университете подобные исследования? Как и следовало ожидать, ректор направил это письмо для ответа А. Валиди.

Уже осенью, 18 сентября того же года, он ответил К. Ахмерову и сообщил, что передал в ректорат свой конспект лекций по курсу «История башкир», который вскоре будет выслан в Уфу. Он давал согласие на опубликование своего труда с переводом его на русский и башкирский языки с условием сохранения содержания. А. Валиди все еще интересовался судьбой своей жены Нафисы Валидовой, друзей и соратников Хурматуллы Идельбаева, Сагита Мираса, Х. Юмагулова, просил сообщить, живы ли они. Едва ли он питал надежду их увидеть. Просто работал над «Воспоминаниями» и хотел определиться, как писать о них – как о живых или ушедших уже из этого мира, не зная, что они давно репрессированы, расстреляны или погибли в сталинских лагерях. Со своей стороны, А. Валиди высказал просьбу выслать ему 1-й и 2-й тома «Материалов по истории Башкирской АССР» и труды Р. Кузеева, интересовался, где можно приобрести эти книги.

Надо полагать, что К. Ахмеров получил «Историю башкир» от А. Валиди и ознакомил с этой рукописью Р. Кузеева [170]. Это следует из дальнейшей переписки. Не знаю, успел ли сам К. Ахмеров ответить А. Валиди, но едва ли: в феврале 1969 г. он скончался. Дальнейшая переписка шла через профессоров Ахнафа Харисова и Раиля Кузеева. Они выслали ему семь книг и сообщили о смерти К. Ахмерова. В своем последнем письме на родину (8.10.1969) в их адрес А. Валиди сожалел о неполучении высланных ему книг и высказывал надежду на встречу в Турции на конгрессе по тюркской истории, сообщал о высылке в Уфу следующей партии книг [56].

В этом письме слышатся уже и мотивы тоски по родине, по родственникам и друзьям молодых лет. Он вспоминает вдруг детскую сказку «Сак-Сук». Весьма назидательная сказка. Наша мама рассказывала нам ее в детстве, когда я ссорился со своей сестренкой Лерой. Приведу кратко ее содержание.

Жили два брата Сак и Сук, часто ссорились и дрались на глазах матери. Видя это, она сильно переживала, страдала, пыталась их остановить, помирить, но братья не слушали ее, враждовали между собой. Не выдержало сердце матери, она прокляла их. Едва мать сказала свои роковые слова, как между братьями выросла гора. Она разъединила их навеки. «Са-ак!» – звал младший брат другого с одной стороны горы. «Су-ук!» – отвечал ему старший брат с другой стороны. Тосковали братья, искали друг друга. Эхо разносило по горам голоса братьев, но увидеть друг друга они уже не смогли никогда.

А. Валиди просил уфимских коллег: «Если бы вы смогли собственноручно переписать и прислать мне этот риваят, было бы очень хорошо. Ясно, что эта сказка является обрывком песен тюрков туюхунов “Ах, мама родная”, которую они пели еще в третьем веке по христианскому летоисчислению, находясь на китайской границе и тоскуя по своим сородичам, оставшимся где-то далеко». «Надо полагать, за Великой Китайской стеной», – можем добавить мы.

Конечно, он попытался придать научную основу своей просьбе, но в ней звучит глубокая тоска престарелого человека, понявшего, что никогда уже он не увидит родины, близких людей. Он чувствовал себя одним из тех братьев Сак-Сук. Родная сторона, братья и сестры остались по ту сторону проклятой горы в виде границы СССР, преодолеть которую уже не оставалось никакой надежды.

Эта тоска дремала в нем долгие годы, спрятавшись за новой семьей, занятостью научной и преподавательской деятельностью, а с неожиданным возникновением контакта с родиной проснулась и неумолимо захватила его сознание, возрождая угасшую уже надежду. Но и она умирала вместе с ним. После этого письма А. Валиди прожил менее года.

Книга Р. Кузеева «Происхождение башкирского народа» вышла в 1974 г., через пять лет после того, как рукопись «Истории башкир», принадлежащая перу А. Валиди, была отправлена в Уфу. А. Валиди был историком с мировым именем, потому краеугольные камни его «Истории» легли в основу кочевнической концепции происхождения башкирского народа. Делать ссылки на труды опального историка, возведенного в ранг «врага народа», Р. Кузеев, естественно, не мог, найденные А. Валиди китайские источники вошли в книгу Р. Кузеева без указания происхождения. Так непросто и драматично рождалась эта концепция. Тем не менее она оказалась политкорректной, согласующейся с установками

коммунистической идеологии относительно отсталости и кочевого образа жизни башкирского народа. А это означало ограждение от критики и широкую поддержку.

...Мои далекие предки жили здесь с самого каменного века. Первыми русскими, татарами и чувашами, появившимися в Башкортостане, были беглецы от крепостного рабства. А мои близкие предки положили сотни тысяч жизней лучших своих сынов за 200 лет борьбы за свою землю, свободу и веру. Их рубили, вешали, четвертовали, колесовали, здесь каждая пядь земли полита кровью моих предков, это моя родная кровь. Их уничтожали поколение за поколением, а их земли, жен и детей отдавали пришлым народам.

Археолог Нияз Абдулхакович Мажитов не пошел на поводу у этнонима «баждгард» и подобных ему. Не зря историки говорят с иронией: «Хочешь знать правду, спроси у археолога». Он из года в год, сезон за сезоном раскапывал древности на уральской земле и шаг за шагом отслеживал историю развития башкирского народа. Найденные им материалы из археологических памятников свидетельствовали о зарождении предков древних башкир здесь, на Урале, и о непрерывном развитии башкирского народа в череде веков. Его утверждения этнографы называли автохтонной теорией происхождения башкирского народа и постоянно критиковали, ссылаясь на то, что ни одна из выявленных на сегодня археологических культур не имеет сугубо башкирских черт.

Да их и не могло быть – башкиры с самой древности пользовались деревянной и кожаной посудой. Керамическую посуду, столь ценимую археологами, делали лишь невестки, взятые со стороны, от других народов, что также вводило ученых в заблуждение.

История башкирского народа, исчисляемая тысячелетиями, не могла быть ограничена рамками какой-то отдельной археологической культуры. Она должна представляться рядом культур, взаимосвязанных в пространстве и времени. И Н. Мажитов выявил эту последовательность археологических памятников, приводящую к формированию современного башкирского народа на его исконной территории.

Стояла золотая осень 2008 г. Я встретил Нияза Абдулхаковича на крыльце здания, где размещается Академия наук РБ. В последние годы он занимался раскопками укрепленного городища, условно названного Уфа - 2, а в средневековье известного как город Башкорт, существовавший на территории современной Уфы с начала нашей эры и до XIV в. Я поинтересовался у него о новых находках, в конце беседы он неожиданно с улыбкой спросил:

«А что, у бахмутинцев инструменты бортничества были такими же, как и у башкир?» Нияз Абдулхакович не ждал ответа, он его знал еще двадцать лет назад, после первой нашей встречи. Мы попрощались, а мне вдруг стало приятно оттого, что этот маститый ученый своим вопросом дал понять, что и мне удалось тогда внести свою маленькую лепту в построение его концепции непрерывного развития башкирского народа на родной уральской земле. Нахлынули воспоминания о тех годах, когда я начал интересоваться результатами работы наших археологов с целью отыскания истоков бортничества.

Из их материалов я выяснил, что к середине I тысячелетия нашей эры на основе местных пьяноборских и карабызских племен (названия условные) сформировалась новая культура, названная бахмутинской по раскопке у села Бахмутино, некогда существовавшего на реке Уфе. Предполагают, что в формировании бахмутинской культуры приняли участие племена угорского происхождения, пришедшие с юга Западной Сибири во II – III вв. К началу нашей эры железо окончательно вытеснило бронзу в сферу украшений. В середине I тысячелетия появились новые железные орудия, сделавшие возможной чистовую обработку дерева. Поэтому следы истоков бортничества в толще веков бахмутинских племен становятся уже реальностью.

Я начал поиски с посещения Башкирского краеведческого музея, с экспозиции, посвященной эпохе раннего железа. И вот на стенде по бахмутинским племенам я увидел орудие труда, вначале поразившее меня своим названием – *лошкарь*, прозрачно намекающим на участие в вырезании ложек.

– Что они, ложками ели? – спросил я девушку-экскурсовода.

– А почему бы нет? – ответила она и показала мне металлическую ложку, отлитую еще пьяноборцами.

На этом наш разговор закончился, и мы перешли в следующий зал. Там стояла экспозиция башкирского бортничества, а среди инструментов бортника висел тот же лошкарь. Только назван он был по-другому – *юңғыс*, что означает «струг», да и ручка деревянная одета на нем. Естественно, мне захотелось поближе познакомиться с материалами бахмутинской культуры на предмет поиска других инструментов, необходимых для изготовления борти.

Оказалось, что наиболее содержательные сведения по этой культуре содержатся в книге Н. Мажитова «Бахмутинская культура» [58]. В ней подробно описываются свыше 200 погребений очень богатого по археологическому материалу Бирского могильника. Я листал эту книгу и искал лошкарь (*юңғыс*) среди предме-

тов, найденных Н. Мажитовым в Бирском могильнике, ибо выставленный в музее был именно оттуда.

А вот и он! Таблица 29, материал из погребения 156. И не один! «Да ведь это полное снаряжение бортника!» – пораженный собственной догадкой, смотрел я на эти рисунки. Топор, тесло, скобель, удила, наконец! И нож, наконечники стрел были ему нелишни. Приведу дословное описание погребения, так как интересны и детали, они о многом рассказывали.

«Костяк лежал головой на северо-запад, на спине с вытянутыми конечностями. Череп отсутствовал. Выше левого плеча – бронзовая проволочная серьга и браслет. На кисти левой руки – железные удила, видимо, в руку была вложена уздечка, кожаные части которой сгнили. Ниже кисти, снаружи левого бедра – шесть железных (на медведя) и два костяных (на куницу) наконечника стрелы и одна серебряная В-образная пряжка. Рядом со стрелами – вторая серебряная пряжка, скобель. Ниже крестцовой кости – бронзовая позолоченная пряжка. Между бедер – железный нож, а между голеньей – трубчатая кость лошади. Снаружи длинных костей правой ноги – короткий однолезвийный меч, на котором лежали железный проушной топор, железное тесло и бронзовая пряжка. Около рукоятки меча – большая В-образная позолоченная бронзовая пряжка. Справа от острого конца меча – лошкарь и скобель из железа. Между пяточными костями ног две позолоченные бронзовые пряжки, видимо, ноги были перехвачены ремешками».

*Оружие, орудия труда и украшения из памятников
бахмутинской культуры*

Топор, тесло, скобель и лошкарь-юңғыс – это необходимый и достаточный рабочий инструмент для делания башкирской борти. Весь этот набор, почти в таком же виде, висит в экспозиции «Бортничество башкир» в Башкирском краеведческом музее (ныне Национальный музей РБ).

Преимущество материальной части бахмутинской культуры налицо, и не только с современными башкирами. Погребение 77 указывает на связь бахмутинцев и с более ранним населением Южного Урала – сако-массагетским миром. В этом погребении обнаружен костяк с искусственно деформированным черепом. Напомню читателю, что с этим миром археологи А. Ковригин, Л. Корякова и другие [22] связывают обычай деформации черепа путем длительного ношения на голове ребенка специальной повязки, придающей черепу яйцеобразную форму.

Еще одна особенность, характерная для тюрков, объединяет сако-массагетов (VI – I вв. до н. э.), бахмутинцев (IV – VIII вв.) и башкир – это формирующийся культ лошади. Почти в каждом погребении бахмутинской культуры, особенно в Бирском могильнике, присутствуют элементы конской сбруи и кости лошади, встречаются металлические фигурки лошадей и всадников. Отсутствуют седла и стремяна, но это еще не значит, что их там не было. Как и кожаные элементы уздечки, они истлели в череде веков. К середине I тысячелетия гунны разнесли их по всей Евразии, но их седла и стремяна, как и у башкир, были деревянными. Это тоже указывает на их связь с башкирами.

Золото массагетов, найденное в Филипповских курганах, позолоченные и золотые пряжки носителей бахмутинской культуры, добыча башкирами золотой руды, отмеченная старцем Лотом в XVI в., – это тоже звенья одной цепи, в данном случае золотой.

Однако, несмотря на обилие прототюркских и тюркских характерных признаков, археологи считали бахмутинскую культуру финно-угорской по происхождению. Делая такой вывод, они, как всегда, руководствовались формой керамических сосудов и орнаментом, нанесенным на них. Это любимый «конек» археологов, важная часть их системного анализа. По сходству рисунка, нанесенного на глиняный горшок, и его форме они судят не только о родстве народов, но и о языке. Не собираюсь предавать анафеме их метод, ему следует весь археологический мир. Но хотел бы отметить одну особенность Уральского региона, которая может привести к ошибочным выводам при сравнении керамики.

Глиняные сосуды в древности делали женщины. Они их били, по поводу и без повода, они же их и лепили. А предки древних башкир со времен бронзового века старались брать невест изда-дека, большей частью их умыкали в набегах на соседние племена. Это было одной из причин, по которым Заратуштра увел ариев с Урала. Девушка, попав в чужую семью, лепила глиняную посуду так, как учила ее мать. Порой это было единственной памятью о родине и родной семье на всю оставшуюся жизнь, и эту память она стремилась передать своим дочерям. Так «лицо» этого племени, согласно керамической посуде, формировалось большей частью сторонними людьми и не соответствовало этническому содержанию.

А вот металлические украшения для женщин делали мужчины, обучаясь этому у своих отцов. Их навыки также передавались из поколения в поколение, а влияние сторонних лиц сводилось к минимуму. Поэтому металлические части женских нагрудников и накосников (украшений, вплетаемых в косу), изготовленные еще в бронзовом веке, мало отличаются от украшений, которые башкирские и мишарские женщины носили еще во времена моего детства.

Н. А. Мажитов в 70-х гг. XX в. выдвинул и обосновал гипотезу об автохтонном (местном, уральском) происхождении и развитии башкирского народа на основе взаимодействия мадьяр с древнебашкирскими племенами, связав в единую историческую цепь бахмутинскую, турбаслинскую, кушнаренковскую и караякуповскую археологические культуры с процессами формирования древнебашкирского этноса. Сегодня он протягивает эту цепь уже ко временам эпохи бронзы.

Думаю, что недалек тот день, когда достижения и находки археологической науки ученые свяжут с башкирским эпосом «Урал-батыр» и будет научно обосновано возникновение предков древних башкир на уральской земле в исторических глубинах каменного века.

Глава 10

НЕИЗВЕСТНАЯ ВОСТОЧНАЯ РУСЬ

Казалось бы, о какой неизвестной Руси может идти речь в начале XXI в.? Незабвенный киевский летописец Нестор начал писать историю Руси в XII в., опираясь на существовавшие до него исторические сведения, некоторые доступные ему западные источники, древнегреческие хроники и комментарии 90-летнего воеводы Яня. Нестор описывал события, состоявшиеся за 250 лет до него. «Начальная летопись» Нестора, известная также под названием «Повесть временных лет», стала как бы фундаментом истории Руси и не подвергалась никаким сомнениям вплоть до начала XX в.

В. Татищев, М. Ломоносов, Г. Миллер, Н. Карамзин, С. Соловьев и другие историки XVIII и XIX вв. начинали свои знаменитые труды с описания истории Руси по летописи Нестора. Здесь была и слава русского оружия, и князь Олег вешал свой щит на ворота Константинополя, и мудрая княгиня Ольга обводила вокруг пальца византийского императора Константина Багрянородного, и ее сын Святослав якобы громил могучее царство хазар. К сожалению, русские историки практически не обращали внимания на арабские и западные источники того времени, хотя многие из них были им доступны.

В начале XX в. А. Шахматов первым подверг критическому анализу летопись Нестора [59] и нашел в ней достаточно много нелепостей. Получалось, например, по Нестору, что первый князь со славянским именем Святослав родился как первенец от престарелых родителей, когда его отцу Игорю было минимум

65 лет, а матери Ольге – более 50 лет. Совсем как в Библии, где дети рождались от столетних родителей. Не удивительно ли?

После победы Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. советская историческая наука получила сильный импульс в своем дальнейшем развитии и установку на изъятие из истории всего иностранного, особенно западных судьбоносных влияний. В свете победы над фашистской Германией, которая кичилась северным норманнским происхождением немцев, начало русской государственности от тех же северных норманнов стало уже совсем неприемлемым.

Историки и филологи пошли в наступление на «святая святых» – «Повесть временных лет». Академик Д. С. Лихачев в 1950 г. [60] не только усомнился в достоверности исторических фактов, описанных в этом своде летописей, но и охарактеризовал «Повесть временных лет» как блестящее, как же иначе, литературное художественное произведение. Он писал, что в этом своде исторические сведения либо преобразены творческим воображением автора, как, например, легенда о приглашении варягов, либо подменены новеллами, некоторые из которых восходили к бродячим сюжетам.

Вместе с легендой о призвании варягов – норманнов для установления государственности на Руси покончили и с самой «Повестью временных лет». Но почему же тогда страна называлась Русью, ее правители – русами, а жители – русскими людьми? Похоже, «с грязной водой выплеснули и ребенка», истории Древней Руси не стало никакой.

Ситуацию попытались исправить М. Артамонов [61], А. Новосельцев [62], И. Фроянов [63], А. Сахаров [64], но безуспешно. Отчаянную попытку предпринял и Л. Гумилев [65. С. 308]: «Можно ли исправить ошибки летописца, сделанные, несомненно, умышленно?» – вопрошал он. И отвечал, что можно, если сменить угол зрения на 180°, обычно применяемую индукцию – на дедукцию, если обрамить сюжет, лишенный сведений, пространственно-временными данными, выверенными и не вызывающими сомнения. Он, по сути, призывал отойти от текста летописи и с привлечением сторонних источников рисовать картину исторических событий тех лет.

Конечно, в отношении метода реконструкции Л. Гумилев не ошибался. Это его выверенный метод системного подхода, в пользу которого он призывал отречься от позитивизма – строгого следования тексту документов.

Но сюжет-то, который он собирался обрамить деталями, был отвергнут им и ранее Д. Лихачевым. Чем не обрамляй порочный сюжет, ничего правдоподобного не получится. Л. Гумилеву также очень хотелось покончить с норманнской теорией происхождения государственности Руси. Он метался, призывал «сменить угол зрения на 180°», т. е. увидеть в сочинениях Нестора нечто противоположенное тому, что тот написал, что само по себе далеко от науки. Так, он искал росов на берегах Днепра – все для того, чтобы выкинуть русов – норманнов из истории Древней Руси.

Л. Гумилев, несомненно, знал сочинения арабского путешественника X в. Ибн Фадлана, неоднократно ссылаясь на его труд, но нигде ни единым словом не упомянул об описанных арабом русах, живших и торговавших на Волге.

Но и Л. Гумилеву не удалось представить целостную историю Древней Руси, ее и сейчас нет. Сочинение Нестора «Повесть временных лет» нежно предано анафеме, как «блестящее литературное произведение» [65. С. 314], а взамен ничего не предложено, кроме безуспешных попыток устранить неувязки древнего летописца.

Еще тридцать лет назад, изучая историю башкирского бортничества и работая над своей первой исторической книгой «Пчелы и люди», я наткнулся на сочинения упомянутого выше арабского путешественника Ибн Фадлана. Этот араб в 922 г. побывал у волжских булгар, а также в стране «ал-Басгифт», заселенной древними мадьярами. Я искал в труде араба упоминания о бортничестве и нашел их. Но эти путевые заметки были настолько интересны, что породили многие раздумья.

Конечно, самые яркие впечатления оставили описанные Ибн Фадланом обычаи, связанные с похоронами знатного руса. Это был явный норманн, его хоронили в ладье, сожгли вместе с кораблем и жертвами, в том числе и с женщиной, над которой совершили ритуальное убийство.

Потом араб описал царя русов, его дружинников, обычаи в их стране. Причем не оставалось сомнений в том, что все это он видел своими глазами. Об этом свидетельствовали и его диалоги с участниками описываемых событий. Тогда я заинтересовался вопросом: в какой же Руси побывал Ибн Фадлан? Каким путем он возвращался от волжских булгар на родину?

Цепь его повествований не вызывала сомнения – он плыл вниз по Волге, так как после волжских булгар и Руси он описал порядки в стране хазар, живших в низовьях этой реки. По заметкам Ибн Фадлана получалось, что если плыть от волжских булгар вниз по

Волге, то рядом со страной мадьяр, называемой арабом «аль-Басгифт», возможно на противоположном берегу Волги, располагалась Русия – страна русов, северных норманнов, со своим населением, живущим по скандинавским обычаям: с царем, дружинниками и наложницами.

Тогда, тридцать лет тому назад, у меня – человека, делающего первые шаги в изучении истории башкирского народа, бортничества, эта Волжская Русь не вызывала какого-то особого интереса. На историю Древней Руси я смотрел через призму «Повести временных лет». В последние же годы, продолжив работу по исследованию истории башкирского народа, пришлось вновь вернуться к труду Ибн Фадлана, ведь в нем речь шла о народах, проживающих по соседству с башкирами. А написание книги «Под крыло двуглавого орла» вновь потребовало изучения истории русского народа, объединившись с которым башкиры положили начало образованию великой многонациональной России с ее разнообразием культур и вероисповеданий.

Тут и я пришел к описанной выше тупиковой ситуации в истории Древней Руси. Однако в той книге я еще следовал «Повести временных лет», отойти от нее у меня не было оснований, а «сменить угол зрения на 180°», по рекомендации Л. Гумилева, никак не получалось. Но именно тогда я завел у себя папку под названием «Неизвестная Восточная Русь», в нее я вносил все обнаруженные сведения на эту тему.

По прошествии двух лет неожиданно обнаружилось, что папка эта серьезно пополнилась. В ней, кроме сочинений всезнающих, а порой и хорошо фантазирующих арабов, особенно придворных, появились и серьезные труды – такие как книга шведского археолога Х. Арбмана «Викинги» [66], письма хазарского еврея и их царя Иосифа X в., сообщения Кембриджского и Венгерского анонимов, сведения из «Бертинских анналов». Сюда можно было бы добавить и труд византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей». Это, конечно, известные источники, но ранее их всегда вешали на сюжеты «Повести временных лет», обрамляя летописный свод деталями из этих трудов, как зеленую елочку стеклянными игрушками. Для детей – красота, а для истории ничего хорошего из этого не получилось.

И тогда у меня мелькнула шальная мысль: а что, если попробовать составить историю Древней Руси без «Повести временных лет», лишь на основе этих сторонних трудов? Ведь говорят же, что со стороны виднее! Надо полагать, что славянского

и древнерусского героизма поубавится, но к истине можно и приблизиться.

Что собой представляли народы той части Восточной Европы до образования Древней Руси и прихода сюда викингов? В лесах юго-восточной Европы обитали потомки *антов* – древляне и поляне, на западе – ятвяги, волыняне, уличи, тиберцы. На севере жили потомки *венедов*: словене, кривичи, полочане, вятичи, радимичи, древичи. Венеды бежали сюда из Западной Европы под натиском готов и гуннов еще в V – VI в.

Все эти родственные племена были мирными людьми, называемыми славянами. Они известны, по Н. Карамзину, более своей многочисленностью, нежели воинским искусством. Слабость оружия венедов, антов и славян отмечал в VI в. и Иордан [28].

Описывая послов славян к аварскому хану, Н. Карамзин приводит их же слова: «С оружием обходиться не умеем и только играем на гусях. Нет железа в стране нашей. Не зная войны и любя музыку, мы ведем жизнь мирную и спокойную...» По многим источникам, из славянских земель вывозили много пленных рабов и мадьяры, и русы, и хазары, и печенеги. Кроме того, для купцов-иностранцев славяне заготавливали шкурки белки, куницы и горноста.

Славяне предпочитали жить в темных лесах, служивших им защитой от врагов и дающих им возможность заниматься звериной ловлей и пасечным земледелием. Всякий славянин строил себе отдельную хижину для своей семьи на некотором расстоянии от прочих, чтобы жить безопаснее и спокойнее. Окружающий лес, ручей, поле составляли его владения. Каждая семья была маленькой республикой, не переносившей ничьей власти. Они считали, что свобода – дикая, неограниченная, есть главное добро человека.

Решения, важные для народа в целом, принимались на народных собраниях. Иногда при отражении врагов они собирались в ополчение, выбирали воевод, но в походах им не подчинялись, проявляя своеволие и недисциплинированность. Жили в основном по принципу «мой дом – моя крепость». И при нападении врагов, численностью более 20 человек, спасались бегством в леса, благодаря быстроте бега, которую историки отличали еще у их предков – венедов.

Оружия славянам действительно не хватало, залежей железных руд и вовсе не было в их стране. Железо они выплавлять не умели, археологи не нашли на их территории ни плавильных печей, ни горнов, ни шлака. Металлические изделия славяне выменивали у купцов-иностранцев на шкурки пушных зверей.

Славяне имели обычаи дикие, подобно зверям, с которыми жили среди лесов темных. В ссорах убивали друг друга, не знали браков, основанных на согласии родителей и супругов. Женились методом умыкания, похищения девиц. Нравы и обычаи славян описаны Н. Карамзиным в его «Истории государства Российского», и все желающие ознакомиться с ними могут легко это сделать. Великий Новгород со своим вечевым колоколом многие века был олицетворением славянской вольности, славянского характера.

На севере Восточной Европы жили финно-угорские народы: чудь, меря, весь, вогулы и другие племена. Они были значительно богаче славян, так как добывали более ценные меха: соболей, черных лисиц, песцов. Да и Скандинавия была им ближе. Оттуда и шли металлические изделия в обмен на мягкую рухлядь.

Но как же возникла Русь и что это за народ – русы? Почему их так называли?

Это был восточно-европейский вариант нового явления – движения викингов, которое внезапно началось в VIII в. в Скандинавии и развивалось в IX в. В жизни скандинавов произошел резкий сдвиг – пассионарный толчок, по Л. Гумилеву. Среди них появляется новый тип людей – мореплаватели, искатели добычи, приключений и впечатлений, заимевшие связи в разных странах. Их называли викингами, в смысле «мореплаватель-бандит», «пират-торговец». Когда юноша покидал сельский хутор и вступал в дружину викингов, его оплакивали как покойника. Жизнь его была полна приключений и опасностей, а потому, как правило, оказывалась очень короткой. Домой он более не возвращался: либо погибал в походе, либо оседал в какой-нибудь стране.

Появлению викингов на исторической арене, по Арбману, способствовали три причины: перенаселение в Скандинавии, успехи в кораблестроении и принуждение язычников к переходу в христианскую веру.

Но в этом вопросе следует учесть и новейшие открытия в этой области. В телепередаче 12 января 2009 г. по историческому каналу «365 дней» сообщалось о том, что археологи раскопали на острове Готланд в Балтийском море торговый город, служивший базой викингов, его порт и могильник, в котором покоились останки этих купцов-пиратов. Ученые, с целью выяснения их происхождения, взяли пробы из материала зубов и произвели генетический анализ. Каково же было их удивление, когда результаты анализа показали у каждого второго из родителей викингов ген монголоидности.

Откуда монголоидность на острове Готланд в X в.? Следует полагать, что это повторение генетического кода гуннов, произо-

шедшее, согласно законам генетики, через 17 – 18 поколений. Гунны покорили всю Европу, вплоть до Балтийских и Британских островов.

Думаю, что именно это повторение генетического кода воинственных гуннов и породило всплеск пассионарной активности. Едва ли, как утверждает Арбман, в средневековье имело место перенаселение в Прибалтике, да и большие морские суда не требовались для похода на восток по рекам Восточной Европы. Также время преследований за веру еще не наступило, крестовые походы еще были впереди. Но походы франкского короля Карла Великого на северных язычников немало способствовали набегам викингов на христианские страны.

В VIII – IX вв. молодые скандинавы стали кошмаром для всех прибрежных областей Европы. Путь из Норвегии лежал на запад, из Дании – на юг, а из Швеции – на восток. По восточному пути (Austrvegn) ладьи скандинавов устремлялись через Финский залив, Неву, Ладожское и Онежское озера, через земли финно-угров к Каспийскому морю – ближе к арабским странам, а также на юг, к сказочно богатой Византии.

Онежское море-озеро в древности называлось Русским, и именно шведов, основавшихся на берегах этого моря-озера, в Скандинавии знали как русов. Летописец Нестор путался в догадках, не зная, откуда появились варяги, а скандинавский археолог Х. Арбман однозначно написал, что в Скандинавии именно шведов называли русами. Х. Арбман приводит и некоторые археологические данные по истории движения викингов [66. С. 84]. Так, серебряные клады, найденные в Южной Скандинавии, отражают возникновение и изменение ее торговых связей с другими странами. Клады IX в. в основном состояли из арабских монет Восточного халифата и колец, изготовленных на Волге. Они содержали очень малое число каролингских и английских монет.

В начале X в. усиливается поток арабского серебра в Скандинавию. Это может свидетельствовать не только о расширившейся торговле, но и о военных набегах викингов на берега Волги и Каспия.

Только в X в., около 960 – 970 гг. в составе скандинавских кладов появились византийские монеты, арабские монеты из Западного халифата. Значит, лишь в это время начинает работать путь «из варяг в греки» и возникают поселения русов-скандинавов в

Киеве. Начиная с 1000-го г. доминируют в скандинавских кладах английские и немецкие монеты.

Содержание этих кладов указывает нам на время и направления продвижения викингов на восток. Первоначально, в первом десятилетии IX в., они пробивались на Волгу, в сторону Каспийского моря, к Восточному Арабскому халифату. На этом пути они должны были двигаться по рекам через гигантские пространства, населенные не только финскими и славянскими племенами, но и богатыми и сильными булгарами и хазарами. Основное богатство этого региона состояло в его натуральных ресурсах: пушнине и рабах, которых можно было выгодно продать на рынках Востока.

На этом основании швед Х. Арбман также считает, что летопись Нестора нельзя считать надежным источником в описании начал движения шведских викингов в восточном направлении, так как они вначале пробивались на Волгу, к Каспию, и известия об этом до Нестора не дошли.

Более определенные свидетельства того времени исходят от франкских «Бертинских анналов», которые сообщают, что в 839 г. Людовик Благочестивый принял в Ингельгейме посольство от византийского императора Феофила. Посольство сопровождали несколько шведов, называвших себя *росами*. Так указано в письме грека Феофила, который сообщал также королю, что шведы-росы были направлены своим князем в Константинополь для переговоров, но не смогли вернуться на родину тем путем, которым пришли, из-за диких племен, преградивших им дорогу.

Скандинавы, прибывшие к Людовику с посольством, сообщили, что их князя называют «каган», то есть так же, как своих правителей величали хазары, проживавшие на севере Каспия, и булгары, располагавшиеся в среднем течении Волги.

На этом основании Х. Арбман сделал предположение, что в 839 г. на Верхней Волге уже существовало независимое шведское государство русов по примеру моделей государств булгар и хазар. Он оговорился, что это лишь предположение, гипотеза, но скандинав как в воду смотрел и в точку попал. Швед понимал, что на столь длинном и трудном пути от Швеции до Каспия должна быть колония – поселение скандинавов для отдыха, возможно, и перепродажи товара. Не исключено, что одни викинги везли меха и рабов с верховьев Волги, а на перевалочном пункте, в колонии, перепродавали их другим своим соотечественникам.

Скорее всего, первые специализировались на чудских и славянских народах, знали их языки, обычаи, торжища, а другие жили и работали с тюркскими и тюрко-угорскими народами, где также требовались знания языков, обычаев, свои связи и договоренности.

Х. Арбман лишь нащупал независимое скандинавское государство русов, предполагая его существование на Верхней Волге, видимо, из-за того что Средняя Волга была занята булгарами, а Нижняя Волга – хазарами. Вот здесь он немного ошибся, но обо всем по порядку.

Первые сведения о государстве русов на Волге пришли все от того же арабского путешественника, мусульманского миссионера Ибн Фадлана, побывавшего в Волжской Булгарии летом 922 г. Но для нас сейчас интересно даже не его пребывание в стране булгар. Более важен его обратный путь.

А. Ковалевский, автор «Книги Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу», пишет, что араб вернулся в Багдад по тому же пути, по которому пришел к волжским булгарам, – по суше, через Среднюю Азию. Дескать, плыть по Волге на Каспий через Хазарию было опасно. Но разве пробираться через пустыню по землям огузов было безопаснее? Главное, путевые записи Ибн Фадлана вполне определенно указывают на водный путь возврата – по Волге через Каспийское море.

После описания прощальной беседы с царем булгар, Ибн Фадлан начинает в своих записках рассказывать о русах и далее булгар не вспоминает. Он, конечно, слышал ранее о них, видел их, ведь русы приезжали с торговыми караванами в Багдад. Они стали фактически его последней надеждой на возвращение домой. Он невольно обманул царя булгар в его надежде получить деньги от халифа на постройку крепости. В письме халифа к царю булгар эти деньги были указаны, но Ибн Фадлан не смог их получить в пути, как ему предписывалось. Поэтому ему не приходилось рассчитывать на помощь царя булгар в снаряжении отдельного каравана для отправки посольства домой через Среднюю Азию. Это стоило немалых расходов, а попутных караванов, похоже, не предвиделось.

По тексту записок араба следует, что он начал общаться с русами, прибывающими в Волжскую Булгарию по своим торговым делам, побывал в их селении. Можно предположить, что с помощью них у него возникла перспектива возвращения на родину, ведь для русов путешествие в Восточный халифат или хотя бы до международного торгового центра в Гургане, на восточном побе-

режье Каспия, также было прибыльным делом. А пребывание в их торговой флотилии посольства самого халифа значительно облегчало путь. Как бы то ни было, но Ибн Фадлан оставил после себя такое описание скандинавов X в., проживающих на Волге, какого нет, наверняка, и в самой Швеции.

Однажды он увидел русов, прибывших к булгарам по Волге (Итиль), с торговой флотилией. Увидел и обомлел: «Я не видел людей с более совершенными телами, чем у них. Они подобны пальмам, белокуры, румяны лицом и белы телом. Они не носят ни курток, ни кафтанов, но у них мужчина носит кису – кусок материи, которой он охватывает один бок, причем одна рука выходит из нее наружу. При каждом из них имеется топор, меч и нож, причем со всем этим он никогда не расстается. Мечи их плоские, с бороздами, франкского образца. Иной из русов от края ногтей до самой шеи разрисован всякими изображениями, картинками и тому подобным».

Что касается женщин, то либо он считал неудобным рассматривать и описывать их прелести, либо половая ориентация у него была нетрадиционной, но мы ничего не узнаем от Ибн Фадлана об их внешности, цвете волос, глаз, кожи. Он отметил лишь, что на груди каждой из них висит особая коробочка из железа, серебра, меди, золота или дерева в соответствии с богатством их мужей. И у каждой коробочки – обруч и нож, также прикрепленные на груди. Коробочкой араб назвал, по всей видимости, открывающийся медальон, цена которого соответствовала уровню состояния мужа.

На шее у женщин висели ожерелья из золота и серебра. Если муж владел десятью тысячами дирхемов, то его жена носила ожерелье в один ряд, если же супруг имел двадцать тысяч дирхемов, то супруга уже носила ожерелье в два ряда. Таким образом, каждые десять тысяч дирхемов состояния мужа прибавляли один ряд к ожерелью жены, так что у некоторых женщин на шее бывало много рядов ожерелий. Отметим, что состояние русов измерялось арабской монетой – дирхемами, что указывает направление их торговой деятельности в сторону арабского мира.

Самым лучшим украшением считались у русов зеленые бусы «из керамики, которые бывали у них на кораблях». Они очень дорожили этими бусинами и не жалели денег, чтобы приобрести их. Покупали одну такую бусину за дирхем и нанизывали их в ожерелье своих жен. Зеленые бусы из керамики были, по-видимому, изделиями из стекла, весьма драгоценного в то время.

Деньгами у русов, а точнее, долговыми обязательствами для торгового обмена с лесным населением, служили шкурки серой белки – без шерсти, хвоста, передних и задних лапок и головы. С их помощью они совершали разные меновые сделки. Надо полагать, что на этих шкурках русы записывали условия сделки, как на глиняных пластинках в древних городах Шумера. Эти шкурки представляли собой первые образцы письменности в Восточной Европе. Позже на Руси стали писать большие тексты с помощью гусиных перьев на пергаменте – также специально выделанной шкуре.

Ибн Фадлан отмечал, что весов русы не имеют, а существуют у них лишь стандартные бруски металла. Если это не гири, то что? А если гири, то должны быть и весы. Куплю-продажу сыпучих товаров они совершали с помощью мерной чашки.

Понаблюдав за русами, этот рафинированный мусульманин, совершавший 5 омовений перед намазами (молитвами) и ходивший в туалет непременно с кумганом (кувшином с водой), быстро в них разочаровался. Гигиенические процедуры русов, точнее, их отсутствие, вызывали в нем чувство презрения: «Русы – грязнейшие из творений Аллаха. Они не очищаются ни от кала, ни от урины, не омываются от половой нечистоты и не моют рук своих после еды».

Араб далее писал, что русы каждый день моют свои лица и головы самой грязной водой, какая только существует на свете. А это происходило следующим образом. Утром одна из служанок приносила большую лохань с водой своему господину. Он мыл в ней свои руки, лицо и даже волосы, вычесывая их гребнем в лохань. Потом, по словам араба, сморкался и плевал в нее. Когда же господин заканчивал мыться, девушка-служанка несла лохань к сидящему рядом русу и тот совершал то же самое, что и его товарищ. Так она переносила лохань от одного руса к другому. И каждый якобы в нее сморкался, плевал и мыл свое лицо и волосы в ней.

Прочитав это, я подумал, что это очередное «обливание грязью» неверных язычников. Ибн Фадлан не скупился на подобное, обзывая и тюрок, и русов «грязнейшими из творений Аллаха». С другой стороны, придумать это он также не мог. Очевидно, что он эту картину наблюдал, но «не заметил», как девушка меняла воду.

Но потом я догадался. Русы были моряками, об этом свидетельствовали их татуировки. В морских плаваниях соленой водой не помоешься, тем более волосы не вымоешь. А пресная вода на

морских судах всегда была дефицитом. Поэтому русы на кораблях привыкли мыться в тазу. Не изменили они своей привычке и на берегу, хоть пресной воды здесь было достаточно. Видимо, считали, что к приятному привыкнуть легко, отвыкать – трудно. Кроме того, все эти процедуры с водой в среде язычников были связаны с определенными верованиями, религиозными канонами, которые они боялись нарушать.

Ибн Фадлан описал и сцены работорговли: «Русы приплывают из своей страны и причаливают свои корабли на реке Итиль (Волга) и строят на ее берегу большие дома из дерева. И собирается их в одном таком доме десять или двадцать, когда больше, когда меньше. Там у каждого из них длинная скамья, на которой располагается он сам с девушками – красавицами для продажи».

Не отсюда ли пошло выражение «торговый дом»? Как видим, была и выставка товара, была и реклама – ее значение для торговли понимали и работорговцы. Едва входил в торговый зал заезжий купец, присматривающий себе живой товар, как кто-нибудь из русов тут же затевал половой акт со своей рабыней. От созерцания этого покупатель возбуждался и редко уходил без приобретенной невольницы. Работорговля – гнуснейшее занятие, и нравы этих людей были дикими и разнузданными.

Когда корабли русов причаливали к пристани на реке Итиль, каждый из них выходил на берег, держа в руке хлеб, мясо, лук, молоко и набиз (хмельной напиток, видимо, медовуха). Он подходил к воткнутому в землю бревну с вырезанным на нем человеческим лицом. Вокруг этого самого большого бревна было множество идолов поменьше.

Рус подходил к большому идолу, склонялся перед ним и говорил: «О мой господь! Я прибыл из далекой земли и со мной прибыли столько-то девушек и столько-то собольих шкур...» Так он перечислял все то, что привез для продажи, и сказав: «Я пришел к тебе с этим даром», – ставил принесенные с собой продукты перед этим бревном с личиной и заканчивал свою молитву такими словами: «Я прошу, чтобы ты пожаловал бы мне купца, у которого много денег, чтобы он покупал у меня товары в соответствии с моими желаниями и не перечил бы мне при сделке».

Если торги для него будут трудными или неудачными и пребывание его здесь затянется, он снова придет к бревну с подарками. Если и это не поможет и не улыбнется ему счастье, то поднесет подарок каждому из меньших идолов, попросит помочь в деле и скажет: «Это жены нашего господа, дочери и сыновья его». Он

будет обращаться то к одному, то к другому идолу, будет просить их, искать заступничества, униженно кланяться перед ними.

Если торги пройдут удачно и он продаст, что привез, то скажет: «Господь мой внял моей просьбе и мне следует вознаградить его». И тогда он купит несколько овец или рогатого скота, зарежет их и раздаст часть мяса. Оставшуюся часть принесет к тому месту между идолами и оставит там. Головы забитых животных он повесит на воткнутое в землю дерево. С наступлением темноты все это съедят собаки, а рус скажет удовлетворенно: «Господь мой остался доволен и съел мой дар».

Отметим, что русы, прося что-либо у своих богов, приносили в жертву животных, причем раздавали часть мяса своим соплеменникам. Славяне же, обращаясь к своим богам, приносили в жертву людей, определяя по жребию жертву из молодых соплеменников. Однако у русов также были ритуальные убийства людей, но это исполнялось при совершении похоронного обряда знатного руса.

Ибн Фадлан описал у русов лишь языческие обычаи и традиции. Христиан он у них не заметил. Это подтверждает сообщение Х. Арбмана о том, что в отряды викингов уходили молодые язычники, стараясь избежать принудительного крещения.

Араб видел не только самих викингов, но и их жен. Значит, он побывал и в их селениях. Дальнейшее его повествование это подтверждает. Конечно, у русов его так не чествовали, как у волжских булгар, не был он и царским гостем. Поэтому о проживании среди русов в ожидании попутной okazji в сторону родины Ибн Фадлан особенно не распространялся. Он описал лишь наиболее значительные, на его взгляд, события. Его, конечно, особенно интересовали события духовные, связанные с религиозными ритуалами.

«Мне часто рассказывали, – отметил араб, – о похоронах знатных людей. Говорили, что самое простое в этом случае – это сожжение. Так что мне все время очень хотелось познакомиться с этим ритуалом и понаблюдать». Слова «часто рассказывали», «все время» говорят о том, что он прожил в селении русов не один день.

И вот однажды он услышал, что умер один выдающийся муж из числа русов. Ибн Фадлан тотчас отправился на похороны и все тщательно записал. Может быть, это и не очень приятное чтение, но сведения Ибн Фадлана уникальны в своем роде, весьма интересны. О русах в русской истории мало что известно. Пожалуй, лишь то, что они были родом с берегов Балтийского моря, язычники, и все! А тут такое красочное и подробное описание священного ритуала с человеческим жертвоприношением. Опишу его словами Ибн Фадлана [37].

После смерти знатного руса положили временно в могилу и покрыли настилом на десять дней, пока производились кройка и шитье одежды для ритуала. Могила, очевидно, использовалась как холодильник. Если умирал бедный человек из русов, то они сажали его в лодку, украшали ее и сжигали все вместе. Когда умирал богач, то собирали все его состояние и делили на три части. Одну часть оставляли для его семьи, одну треть тратили на организацию похорон, шитье одежды и тому подобное, а на последнюю треть покупали набиз – медовуху и пили ее день и ночь до окончания похорон. Они сильно злоупотребляли пьянством, так что иной из них даже умирал с кубком в руке. Вот откуда пьянство пришло на Русь. Славяне этим не отличались.

В те десять дней, пока идут приготовления к похоронам, русы сочетаются с женщинами и играют на сазе, музыкальном инструменте. Будто большой праздник в их селении. А семья покойного решает, кто из принадлежащих покойному девушек или юношей умрет вместе с ним. И кто-нибудь из них говорит: «Я». Раз он это сказал, то уже окончательно, ему нельзя взять свое слово обратно, если даже он захочет этого. На это шли в основном девушки, видимо, их жизнь в качестве рабынь была столь унижительна, что смерть казалась им избавлением.

И вот спросили девушек-рабынь: «Кто умрет вместе с ним?» Одна из них сказала: «Я». После этого ее поручили двум девушкам, чтобы они охраняли ее и были бы с нею, куда бы она ни пошла. Дело доходило до того, что они иногда даже мыли ей ноги. Родственники же умершего принялись за кройку и шитье для него одежды и устройства всего того, что необходимо. А девушка каждый день пила набиз и пела, веселилась и радовалась своему будущему.

И вот настал день, когда должны были сжечь покойника и с ним ту девушку. В этот день Ибн Фадлан направился к реке, на которой находился корабль покойного. Судно вытащили на берег и для него поставили четыре устья – направляющие для перемещения судна по суше. Вокруг них соорудили что-то вроде больших помостов. Потом ладью протасили по устьям и поместили ее на это деревянное сооружение. И русы стали корабль охранять, ходить взад и вперед, говорили что-то непонятное арабу.

В середине корабля русы соорудили шалаш из дерева и покрыли его разного рода кумачами. Потом они принесли скамью и установили ее на судне. Пришла старуха, называемая ангелом смерти. Под ее руководством на скамью разостлали стеганные матрацы и византийскую парчу, положили несколько подушек из той

же парчи. Старуха имела богатырское телосложение и довольно мрачный вид. Она руководила обшиванием усопшего, его устройством на ладье. Ей же предстояло убить жертву – ту девушку, которая в то время все пела и веселилась.

Потом Ибн Фадлан отправился со всеми к могиле, куда временно было помещено тело усопшего. Они сначала сняли слой земли с настила, потом убрали сам настил и извлекли тело в покрывале, в котором он умер. Араб подошел ближе и заметил, что покойник почернел от здешнего холода. Оказалось, что еще раньше они поместили в его могилу набиз, какой-то плод и музыкальный инструмент – что-то вроде лютни. Это чтобы он мог выпить, закусить и веселиться. И вот теперь они вынули все это.

На покойного одели шаровары, гетры, сапоги, куртку, парчовый кафтан с золотыми пуговицами. Голову покрыли парчовой шапкой, отделанной собольим мехом. Приодев таким образом, они понесли его к ладье, поднялись на нее и внесли покойника в шалаш, устроенный на корабле. Там посадили его на стеганный матрац и подперли с боков подушками. Дотошный араб наблюдал все это близко и в подробностях, боясь упустить хоть малую деталь.

Потом принесли набиз, плод, разного рода цветы и ароматические растения и положили все это рядом с ним. Принесли еще хлеба, мяса, лука и поставили это перед ним. Приволокли собаку, рассекли ее пополам и бросили в корабль. После этого принесли все его вооружение и положили рядом. Потом стали гонять двух лошадей и гоняли до тех пор, пока они не вспотели. Затем рассекли их мечами и бросили в ладью. Привели двух коров, тоже рассекли их и так же бросили в судно. Доставили петуха с курицей, забили и оставили при покойнике.

Так язычника снарядили в потустороннюю жизнь. Все было здесь: и хмельное питье, и пища, и домашние животные – собака для охраны или охоты, жеребец и кобыла, бык с коровой, петух с курицей. Очередь доходила и для будущей жены, также необходимой в том мире.

«Этот обряд совершался при большом стечении народа, собралось много мужчин и женщин, играли на сазах, и каждый из родственников умершего ставил свой шалаш, неподалеку от ладьи», – отметил Ибн Фадлан. Эти слова араба не оставляют сомнений в том, что он был в селении русов и наблюдал все это воочию.

А девушка, которая захотела вознестись на небеса, разукрасившись, старалась досыта насладиться земными удовольствиями

Она отправилась к шалашам родственников умершего, входила в каждый шалаш, и там хозяин шалаша совокуплялся с ней и говорил громким голосом: «Скажи твоему господину, что я совершил это из любви и дружбы к нему».

И по мере того как она обходила шалаши, все по очереди сочетались с ней. Это продолжалось весь день, а на закате солнца, это была пятница, девушку привели к воротам, сложенным из больших камней. Там она встала на ладони мужчин, поднялась на ворота, и смотря вниз, произнесла какие-то слова на своем языке. После этого ее опустили на землю. Потом ее подняли во второй раз, и она сказала эти же слова. Все повторилось и в третий раз. После этого ей подали курицу. Она отрезала ей голову и швырнула в сторону. Видимо, произвела свое жертвоприношение. Мужчины взяли курицу и бросили ее в ладью.

Заинтересовавшись действиями девушки, Ибн Фадлан спросил у переводчика о смысле ее слов. Тот пояснил, что когда ее подняли в первый раз, она сказала: «Вот я вижу своего отца и свою мать», во второй раз: «Вот сидят все мои умершие родственники», в третий раз: «Вот я вижу своего господина, сидящим в саду, а сад красив, весь в зелени, и с ним там мужи и отроки. И вот он зовет меня к себе. Так ведите же меня к нему».

Вся толпа пошла с ней в сторону корабля. Вот она сняла с себя два браслета и отдала их той самой старухе, называемой ангелом смерти. После этого мужчины, которые с ней совокуплялись, положили свои руки на землю ладонями вверх и она, ступая по ним, прошла на ладью, а они пока оставались снаружи шалаша.

Потом пришли мужчины со щитами и палками и подали ей кубок с набизом. Девушка запела и выпила из кубка. Так она прощалась с подругами. Ей подали второй кубок, она взяла его и долго тянула песню. А старуха торопила ее выпить из кубка и войти в шалаш, в котором находился ее господин.

Тут она впервые растерялась, хотела было зайти в шалаш, но, видимо, увидев покойника, испугалась, хотела юркнуть в пространство между шалашом и бортом корабля. Но старуха схватила ее за голову, втолкнула в шалаш и вошла вслед за ней. Мужчины же начали бить палками по щитам, чтобы не был слышен ее предсмертный крик. Это испугало бы других девушек, и они перестали бы стремиться на небеса вместе со своими господами.

Затем в шалаш вошли шестеро мужей из числа родственников покойного и все до одного сочетались с девушкой в присутствии трупа. Железными нервами обладали эти древние люди. Цивилизация еще не выработала у них никаких комплексов. Ибн Фадлан,

видимо как почетный гость, наблюдал все это близко и воочию, описал все в деталях.

Затем, как только покончили с осуществлением своих прав любви, они уложили девушку рядом с ее господином. Двое схватили ее за ноги, двое за руки, пришла старуха, наложила ей на шею удавку с расходившимися концами. Отдав концы веревки двум мужчинам, чтобы они ее тянули, старуха приступила к делу. У нее в руках был огромный кинжал с широким лезвием. Она вдруг начала втыкать его между ребрами девушки, в то время как оба мужа душили ее веревкой, пока она не умерла. Снаружи продолжали бить палками по щитам, чтобы толпа не услышала криков жертвы.

Не грешно ли было мусульманину наблюдать все это? Не знаю. Но это был другой народ с иной верой, и Ибн Фадлан остался равнодушен. Он продолжал наблюдать последующие события.

После того как шум барабанов умолк, появился ближайший родственник усопшего. Он вышел совершенно голый, взял палку-факел и зажег его от костра, пылавшего неподалеку от корабля. Потом он пошел к кораблю, пятясь задом, затылком к ладье и лицом к людям, держа в одной руке горящий факел, а другой рукой, стыдясь, прикрывая свой задний проход. Таким способом он дошел до корабля и поджег факелом дрова, сложенные под судном. Потом подошли другие родственники – каждый со своей охапкой и факелом. Они бросали свои дрова под ладью и разжигали огонь со всех сторон. Пламя охватило дрова, потом ладью, перекинулось на шалаш с покойниками.

Вдруг поднялся сильный ветер, пламя усилилось и разгорелось вовсю. Рус, стоявший рядом с Ибн Фадланом, начал о чем-то разговаривать с его переводчиком. Араб поинтересовался содержанием беседы. Переводчик ответил:

– Право же, – говорит рус, – эти арабы очень глупы.

– Почему он так считает? – спросил Ибн Фадлан.

– Посудите сами, вы берете самого любимого и самого уважаемого вами человека и хороните его в землю, и едят его насекомые и черви. А мы сжигаем его в мгновение ока, так что он немедленно и тотчас отправляется в рай.

Потом рус рассмеялся. Араб спросил его о причине смеха, и он ответил: «По любви господя к нему, вот он послал ветер, так что в течение часа с ним будет покончено». И в самом деле – не прошло и часа, как ладья: и дрова, и девушка, и ее господин превратились в груды золы и пепла. Потом русы насыпали курган над этим кострищем, воткнули в середине его высокое бревно из осины,

написали на нем имя усопшего, имя царя русов и удалились. Подобный тип захоронения, как считает Х. Арбман [66. С. 139], был общепринятым в X в. в Средней Швеции и Норвегии.

Из описания этого ритуала, приведенного Ибн Фадланом, можно извлечь много интересного. При первой же встрече с русами араб отметил их манеру носить кису на одном плече, оставляя одну руку свободной. Такой мундир позже появился у русских гусар, боевитость в питье и разгульный образ жизни которых вполне соответствовали характеру и обычаям русов. И осиновый кол, вбиваемый русскими людьми в грудь особо зловредных покойников, отсюда, от русов, берет свое начало.

Использование в обряде византийской парчи говорит о том, что эти русы в 922 г. бывали уже в Византии, а беседа араба с русом об арабском и языческом ритуалах погребения свидетельствует о знании русами и арабских обрядов – значит, бывали русы и в Арабском халифате. Об этом говорит и исчисление русами своего состояния в дирхемах – монетах, распространенных в мусульманских странах.

У русов была своя письменность, раз уж они написали на курганном бревне имя покойного и имя их царя. Место, где жил араб среди русов, не было лишь стоянкой или перевалочным пунктом. Это была страна, государство со своим царем. Ибн Фадлан описал и обычаи правителя русов.

Их царь жил в высоком замке – крепости, где с ним постоянно находились 400 мужей-дружинников из числа богатырей, его сподвижников. Суровыми были порядки в этой дружине. Если умирал царь, то убивали на похоронах и самых его близких и надежных дружинников. Поэтому они берегли жизнь царя как свою собственную.

Каждому дружиннику полагались две девушки из числа пленных славянок: служанка и наложница. Служанка мыла ему голову и ноги, готовила еду, питье. Наложницей он пользовался в присутствии царя и всей дружины. Эти 400 дружинников были при царе и днем и ночью.

А ложе царя было огромно и инкрустировано драгоценными камнями. И с ним сидели и лежали на этом ложе сорок девушек-наложниц. Собственно, и слово «наложница» произошло от слова «ложе» в смысле «девушка для ложа». Основным времяпровождением наложницы было пребывание на ложе, в ожидании, когда царь или кто-либо из приближенных возжелает ее.

Царь русов не имел никакого другого дела, кроме как совокупляться с девушками, пить и предаваться развлечениям.

У него был заместитель – воевода, командовавший войсками, который руководил боевыми и торговыми операциями и представлял царя перед подданными. Здесь мы видим аналогию с Хазарским каганатом.

Споры подданных разрешались ими самими же с помощью оружия, в поединке. Кто побеждал, тот и был прав. Воров и грабителей вешали. «Око за око, зуб за зуб» – вот и весь перечень законов обычного права, царившего на этой Руси.

Так же жили и известные славяно-русские князья в Киеве и Новгороде. В частности и Владимир, крестивший Русь. У него была и дружина, и ложе, и множество наложниц, по некоторым сведениям более трехсот. О том, что с ними стало после принятия христианства, запрещающего многоженство, русские летописи стыдливо умалчивают.

После крещения славяно-русов «ложе» в русских летописях исчезает – появляется «стол». Дружина теперь пьет и веселится с князем не на ложе, а за столом. Знатные дружинники стали именоваться потом стольниками.

Простые же люди у русов, которых Ибн Фадлан называет добропорядочными, занимались кожевенным ремеслом и не считали это отвратительным. Араб, видимо, имел в виду сильный неприятный запах и грязь, характерные для скорняжих и кожевенных мастерских, складов. Можно предположить, что именно из этого государства русов, от их кожевенников и шорников поступали в Гурган те великолепные конские седла и уздечки, которые отмечали арабские источники, описывая этот международный торговый центр.

Так где же располагалось это описанное Ибн Фадланом государство русов во главе с их царем, жившим в замке, в крепости? Где была эта крепость и как она называлась? Ясно, что на Волге, в среднем ее течении, между волжскими булгарами и хазарами, так как в записках Ибн Фадлана после описания этой Восточной Руси следует переход к хазарам, к обычаям их царя. Он поплыл дальше на юг, на родину, мы же обратимся к другим источникам, в частности к трудам европейских авторов.

Знали ли в Европе эту Восточную Русь? Оказывается, знали, называли ее Остергарди. В. Татищев, имевший, без сомнения, лучший, чем мы, доступ к древним источникам, писал: «У неизвестного автора летописи славянской, изданной в 1609 г. Линдсборгом (архиепископом Бременским), в собрании источников по истории саксов, славян, вандалов, датчан, норвежцев, написано: “Руция от датчан Острогардом, то есть на востоке положенная, изобилующая

Удила, принадлежащие типу, который часто встречается в захоронениях в Скандинавии X в. Из района Руана. Музей древностей, Руан

всякими благами область, называется. Именуется же и Хунигардом, из-за того, что там первое поселение гуннов было. Оной области столичный град Шус [от Соде], неведомо от каких учителей переведено”» [68. С. 241].

Гуннами в Европе того времени называли мадьяр, зная их общие угорские корни. А первым их поселением считали Поволжье, «Великую Венгрию», прародину мадьяр, которую под названием страны «аль-Басгифт» обозначил тот же Ибн Фадлан в междуречье Кундурчи и Волги. По свидетельству Линдсборга, Остергарди – Восточная Русь – располагалась рядом с Хунигардом, со страной «аль-Басгифт», – значит, близко к междуречью Кундурчи и Волги, в ее известной излучине, возможно на противоположном от древних мадьяр берегу.

След мы взяли, теперь самое время обратиться к венгерским хроникам, ведь венгры хорошо помнили свою природу, искали ее, устанавливали связи. Здесь известна хроника «Венгерского анонима». Как и всякое историческое сочинение, эта хроника полна патристических небылиц о боевых подвигах мадьяр, а потом и венгров. Этого нельзя принимать на веру, но то, что касается географических и временных ориентиров, вполне может быть использовано в историческом поиске.

В середине IX в. значительно усилился Хазарский каганат в нижнем течении Волги. Хазары перекрыли торговый путь русов, протянувшийся с севера Восточной Европы по Волге и Каспийскому морю в Арабский халифат, стали взимать свою долю с проезжих купцов. На том они разбогатели, но воинский потенциал их, из-за малочисленности населения, был весьма ограничен. Хазары вели постоянные войны с Византией и ее союзниками за сферы влияния и торговли. Вот тогда хазарский каган и нанял воинственных мадьяр с условием их переселения с Волги на Днепр, ближе к театру военных действий против могущественной

и богатой Византии. Кроме того, хазары рассчитывали, что мадьяры станут реальной силой в борьбе с печенегами, которых огузы выдавливали из приуральских степей в низовье Волги. Вот в таких условиях молодое поколение мадьяр из семи племен и покинуло свою прародину в междуречье Волги и Кундурчи. Это чуть выше Самарской луки, по левому берегу Волги.

Теперь и мы пойдем по следам мадьяр, ориентируясь на записи «Венгерского анонима». Он пишет, что в 884 г. мадьяры двинулись к западу, переправились через реку Этиль (Волгу) и «пришли в Русцию, которая называется Сусудал...» Как видим, сведения араба Ибн Фадлана, европейца Линдсборга и летописей древних мадьяр говорят об одном и том же: была Восточная Русь (Остергарди) на правом берегу Волги, а на левом ее берегу располагалась прародина мадьяр Хунигарди, известная в арабском мире под именем «аль-Басгифт (Башджард)» т. п.

Переправа через Этиль (Волгу) дает нам первый ориентир относительно места расположения Русции. Дело в том, что в среднем течении Волги был лишь один брод, через который могли переправляться обозы. Он назывался *Жигеуле кисеу*, что в переводе с тюркского языка – «брод для запряжек». Отсюда и произошло слово Жигули. Эта переправа существовала вплоть до рубежа XIX и XX вв., когда русло Волги было углублено в целях судоходства.

Конечно, хроника «Венгерского анонима» была известна всем поколениям наших историков. Упоминается она, например, у Н. Карамзина в его «Истории государства Российского». Но все наши историки мыслили в рамках «Повести временных лет». Слепо следуя писаниям Нестора, они знали лишь Северо-Восточную Русь со столицей в Великом Новгороде и Юго-Западную Русь – с центром в Киеве. Поэтому и названная «Венгерским анонимом» столица Восточной Руси Сусудал ставила историков в тупик. Одни называли Сусудал Северо-Восточной Русью, другие – Суздалем, хоть Суздаль и был построен в 982 г., то есть столетием позже описываемых событий, и его приволжским городом никак не назовешь.

Линдсборг также пишет о том, что Остергарди (Восточная Русь) имела столицу Соде (латин.), неизвестно кем переделанную в Шус. По Ибн Фадлану, царь русов жил в высоком замке, в крепости. «Венгерский аноним» называет этот город Сусудал. Мадьяры были ближе к этим русам, им виднее.

Если взглянуть на карту тех мест, то можно увидеть правые притоки Волги – Усу и Сызранку. В устье последней стоит город

Сызрань. А древние города на берегах больших рек обычно так и ставили – в устье небольших притоков. И созвучие слышится неподдельное: Сызрань – Сусудал. Если в древности названия города Сызрани можно еще и усомниться, то древность названия реки Сызрань не вызывает сомнения. Возраст гидронимов часто превышает тысячелетие.

Вчитаемся в строки славянской летописи, изданной Линдсборгом: «Русция Острогардом называется. Именуется же и Хунигардом...» Неизвестный автор этой летописи сообщает не только о близости Руси и прародины мадьяр, но и почти отождествляет их.

Это и не удивительно. В древности людей различали не по нациям, а по вере. И русы, и мадьяры были язычниками, огнепоклонниками, сжигали своих знатных покойников на ритуальных кострах. Для сторонних наблюдателей они мало отличались друг от друга.

Да и жили они действительно близко, на противоположных берегах Волги. А на правом русском берегу неподалеку от русской реки Сызрань (Сусудал), протекала река Уса, мадьярская река. На языке мадьяр, так же, как и на башкирском, *Узен* – «река». И Днепр они называли также Узен, только в русском переводе получалось Узы. Татищев часто упоминает Днепр под этим названием, ссылаясь на мадьяр [68. С. 195]. Поэтому не случайно в Поволжье, между Волгой и Уралом, в бассейне Белой и ее притоков так много рек и речек, называемых Уса, Уза, Узень, Усень, М. Узень, Б. Узень. Название реки Юрюзань, как мы уже отмечали, произошло от мадьярского *Дьюро узен* (Быстрая река). Да и саму Белую в верховьях башкиры называют Узян. Можно смело говорить о проживании древних мадьяр на реках с таким названием.

Таким образом, близость рек Уса и Сызрань, а также сходство языческой веры мадьяр и русов подтверждают сообщение славянского летописца о близком расположении Остергарди и Хунигарди. Конечно, это были разные страны, ведь и назывались они по-разному. Но на взгляд издалека, из западной Европы, они имели общие черты в виде языческой религии и близкого расположения.

Существование Русции, или Восточной Руси, описано и в таком общеизвестном источнике, как сочинение арабского географа ал-Идриси «Развлечение истомленного в странствии по областям». Работа над этой книгой продолжалась 15 лет, она была закончена в 1154 г. В своем энциклопедическом произведении ал-Идриси попытался собрать все географические сведения, накопленные в арабском мире к середине XII в. Есть там и такие строки [39. С. 16]:

«Ал-Хазар – название страны, а ее столица – Атил. Атил – это [также] название реки (Идель, Волга. – *Р. В.*), которая течет к ней от русов (!) и Булгара и впадает в море ал-Хазар».

Здесь Идриси размещает русов между хазарами и булгарами, что вполне соответствует вышеописанному месту. Далее он уточняет расположение страны «ард ар-Русийа»:

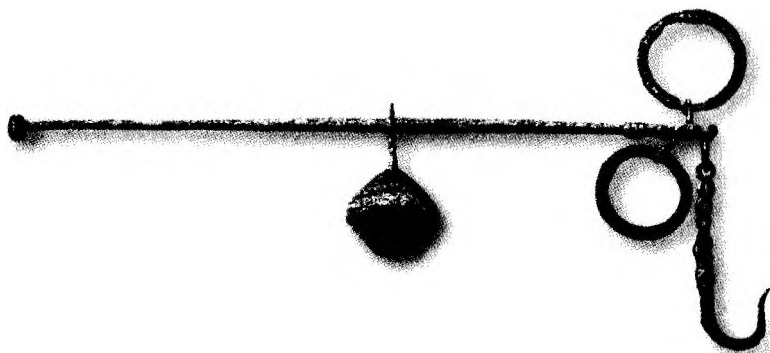
«Исток этой реки в восточной стороне, из некоего места «Опустошенной страны», затем река проходит через «Зловонную землю» (это верховья и среднее течение Белой, в древности ее считали истоком Волги. – *Р. В.*) и землю басджиртов (мадьяр. – *Р. В.*) на запад до тех пор, пока не проходит позади Булгара (Прикамье. – *Р. В.*), близ земли русов, после чего возвращается на восток (начало Самарской луки. – *Р. В.*) и протекает через Русскую землю (ард ар-Русийа)...» Он и реку Волгу, со слов ал-Хаукали, называет ар-Рус. Другими словами, Волга в представлении арабов считалась рекой русов.

В середине XII в. Идриси, конечно, знал и о Киевской Руси: «А русов (ар-Русийа) два вида. Один вид – это тот, о котором мы говорили в этом месте, и есть другой вид – это те, что [живут] по соседству со страной Ункарийа и Джасулийа» (Киевская Русь, что граничила с Венгрией и Македонией. – *Р. В.*).

Как видим, и ал-Идриси размещает Восточную Русь в районе Самарской луки. Сомнений не остается. Арабы Ибн Фадлан и ал-Идриси, славянский летописец (по Линдсборгу), «Венгерский аноним» в один голос утверждают о существовании независимого государства викингов на средней Волге, спрогнозированного скандинавским археологом Х. Арбманом. А упоминание послов русов к византийскому императору Феофилу в 839 г. в «Бертинских анналах» позволяет утверждать, что это государство существовало ранее 839 г. Это согласуется и с составом скандинавских кладов IX в., содержащих в основном арабские монеты из Восточного халифата и кольца, изготовленные в той самой Волжской Руси [66. С. 84].

Эта Восточная Русь имела во главе своего царя, жившего в высоком замке-крепости с большой и хорошо дисциплинированной дружиной, состоявшей из 400 дружинников, связанных с ним пожизненной порукой. Жил царь – жили дружинники, погибал царь – наиболее близкие дружинники подвергались казни.

Простой трудовой люд этого государства славился кожевенным ремеслом и изготовлением шорных и ювелирных изделий. Седла и уздечки, сделанные здесь, довозились купцами до международного торгового центра Гургана, расположенного на восточ-

Весы викингов

ном побережье Каспийского моря. За этот товар русы получали серебро, из которого делали кольца и другие изделия, весьма популярные в Скандинавии. Удивительно, но факт: русы покупали и брали за товар в Арабском халифате арабских лошадей и довозили или доводили их до Скандинавии. В одном из вскрытых погребений к северу от Уппсалы, совершенных в ладье по описанному выше сценарию, рядом с ладьей обнаружен забитый арабский жеребец, вместе с собакой породы грейхаунд [66. С. 59].

Конечно, именно русы из Восточной Руси совершали в X в. все известные в истории набеги на хазар в дельте Волги и на азербайджанских мусульман на западном побережье Каспийского моря. Наши же историки, в частности Л. Гумилев, не зная Восточной Руси, тщетно пытались причислить эти боевые походы русов к деяниям князей из Киева. Это характерный подход для нашей истории, будто русы были только в Новгороде и Киеве. А викинги между тем с середины IX в. не только проникали на восток по Волге, но и кошмарили все западное побережье Европы, способствуя дальнейшему развалу огромной империи Карла IX.

Из великих походов русов Восточной Руси, несомненно, заслуживает упоминания война 913 г., случившаяся всего за 8 лет до путешествия Ибн Фадлана. Эта война описана арабом ал-Масуди, придворным летописцем Багдадского халифата. Он любил все приукрасить и преувеличить, и это надо учитывать, но пренебрегать его сведениями нельзя, хотя бы в силу того что других нет.

Ал-Масуди сообщал, что русы чуть ли не на 500 ладьях, в количестве 50 000 человек, появились в 913 г. в устье Волги и с разрешения хазарского царя Вениамина проплыли в Каспийское море. Отряды русов бросились на Гилян, Дайлем, Табаристан и Ширван. Набрав много добычи, они вернулись в Итиль, столицу хазар и, послав хазарскому царю условленную долю добычи, остановились на отдых.

Между тем мусульманская гвардия хазарского царя запросила от него разрешение отомстить русам за кровь своих единоверцев и за полон женщин и детей. Царь-иудей был не глуп и вновь за долю от добычи разрешил своей гвардии осуществить задуманное. В трехдневной битве утомленные походом русы потерпели поражение. Оставшиеся в живых бежали по Волге на север в свою Восточную Русь, но по пути были еще биты буртасами и булгарами, в среде которых также было немало мусульман.

Л. Гумилев, не зная Восточной Руси, искренне считал, что этот поход – деяние киевских князей и искренне возмущался: «Это событие не нашло отражение в “Повести временных лет”, где зато подробно описано, как змея укусила Олега». Он строил догадки и умозаключения о том, почему так случилось. Ему и в голову не могло прийти, что в Киеве даже не слышали об этом походе.

Верный своим патриотическим чувствам, Л. Гумилев, вслед за летописцем Нестором, и нападения викингов на Константинополь в 860 г. относит к победам киевских русов во главе с Оскольдом и Диром. Но шведский археолог Х. Арбман с этим не согласен. Он пишет: «В Киеве нет археологических свидетельств о существовании скандинавского населения до X в. Поэтому набег на Константинополь 860 г. мог быть организован флотом викингов, проникших в Средиземное море из Атлантики, через Гибралтарский пролив, а не из Киева, хотя возможно, что в настоящее время просто не найдено скандинавское кладбище, которое можно было бы отнести к более раннему периоду. Любопытно, что множество захоронений, в том числе и с кремациями, от X и XI вв., не включают ранних погребений, в связи с чем мы не можем подтвердить, что скандинавское поселение в Киеве действительно было основано до 860 г.».

Действительно, и изменения в составе скандинавских кладов, и появление в них византийских монет и арабских монет из Западного халифата, указывающих на возникновение пути через Киев «из варяг в греки», приходится на 960 – 970 гг. [66. С. 84]. Теперь становится понятным, почему в Киеве в конце IX в. не было

русо-магьярских столкновений и не осталось от них никаких воспоминаний. Русов тогда просто не было на берегах Днепра.

Если «Венгерский аноним» относит уход мадьяр с Волги к 884 г., то Нестор в «Повести временных лет» отмечает их появление на Днепре в 898 г.: «Пришли Угры с востока, перейдя горы великие. И придя к Киеву (будто Киев уже был. – *Р. В.*), переправились через Днепр, стали над Днепром на горе, что называется Угорское. Это был народ, не имеющий домов, но обитавший, как половцы, в степях и горах переходя. И недолго быв у Киева, пошли к сродникам своим...»

И никакой войны. Л. Гумилев удивлялся, почему это князь Олег свободно пропустил мадьяр к Киеву. А не было там тогда ни Киева, ни Олега, ни других русских князей. Олег – имя, придуманное Нестором, исходя из шведского *хелгу* – «вождь, главный жрец». Это «хелгу» встречается в исторических источниках того времени и после смерти Олега.

Точно так же родилось и женское имя Ольга (в смысле «правительница»). Так, по-видимому, называли в Киеве жен варягов, в частности Игоря. Он был язычником, и наивно полагать, что имел одну жену, именуемую Нестором Ольгою. «Хельг» – Ольг, на русский манер, было несколько. Христианин Нестор, при сочинении своей летописи о годах 150-летней давности, не учел многоженства Игоря и порядком все напутал. Собственно, и недоверие к его летописи родилось из-за этой путаницы. По Нестору, в 942 г. у Игоря, которому было более 65 лет, и Ольги, старше 50 лет, родился их первенец – Святослав. Согласитесь, что это неестественно.

Кроме того, Нестор, выдумывая, как византийский император Константин принимал Ольгу из купели при крещении и восхищался ее красотой, предлагал ей руку и сердце, вовсе не подумал, что она, по его же сведениям, должна быть уже престарелой бабкой.

Конечно, из всех варягов-русов, упоминаемых в мифах Древней Руси, Игорь был наиболее реальным, причем живший и правивший не в Киеве, а в Новгороде. Византийский император Константин около 950 г. писал: «Однодревки (лодки, выдолбленные из одного дерева. – *Р. В.*), приезжающие в Константинополь из внешней Руси, идут из Невогарды (Новгорода. – *Р. В.*), в которой сидел Святослав, сын русского князя Игоря» [71].

Полагаю, что у князя Игоря было несколько жен, известных в народе как *хельги* – правительницы. Не случайно в летописях идет разноголосица относительно происхождения супруги Игоря (Ингвара). Женитьба Игоря на старшей из них, славянке из Из-

борска, отмечена в летописи, и, возможно, какой-то из ее сыновей остался править в Новгороде после переезда Игоря в Киев. Не мог же он оставить Новгород без своего преемника, тем более что новгородцы запросили нового князя (Владимира Крестителя) лишь из его внуков. А на берега Днепра престарелый Игорь взял с собой молодую Хельгу, родившую ему Святослава и правившую Киевской Русью после его смерти.

Таким образом, начало русской государственности от князя Игоря, происходившего из русов – шведов, живших на Руси, отрицать трудно. Причем следует отметить, что правящая династия в то время располагалась в Новгороде. Киев же византийский император Константин в середине X в. ставит в один ряд с другими городами, сообщая, что ладьи русов в Византию приходили также из Смоленска, Чернигова, Телюцы и Вышеграда. Раскопки, проводившиеся в Смоленске и Чернигове, открыли много скандинавского материала, относящегося к X в. В погребениях, особенно богатых, найдено много предметов из средней Швеции – в основном оружие, но также встречаются и византийские изделия, появившиеся здесь в результате развития торговых отношений.

Киев занял ведущее положение среди городов на Днепре благодаря своему географическому положению. Русы вместе с князьями, закупив или взяв на продажу пушнину у северных народов (чуди, веси, мери), спускались на ладьях-однодревках к верховьям Днепра и далее вниз по течению – к Киеву. Здесь, оставив свои ладьи, они отправлялись в леса на сбор дани и ловлю рабов. Император Константин Багрянородный так описывает их образ жизни:

«Зимний суровый обряд жизни этих самых русов таков. Когда наступит ноябрь месяц, князья их тотчас выходят со всеми русами из Киева и отправляются в полюдье, то есть круговой объезд, и именно в славянские земли вервианов (древлян), другувитов, кривичей, севериев (северян) и остальных славян, платящих дань русам. Прокармливаясь там в течение целой зимы, они в апреле месяце, когда растает лед на реке Днепре, снова возвращаются в Киев. Затем забирают свои однодревки, как сказано выше, снаряжаются в Романию (Византию)».

С развитием торговли с Византией Киев становится местом зимовки отрядов викингов, которые помогают князьям в сборе дани среди славян в виде пушнины, а с неплательщиков взимают живой товар – молодых людей, пригодных для продажи в Византии.

В этой книге нет возможности описать всю историю киевско-византийских отношений. Отмечу, что князь Игорь появился в Киеве лишь накануне своей гибели и летописец Нестор заметил в разделе 945 г.: «Начал Игорь пребывать в Киеве, имея мир со всеми странами. И с приближением осени начал мыслить идти на древлян, желая возложить большую дань». Тогда же его древляне якобы и убили, а в Киеве остались его жена Ольга и сын Святослав. Но Святослав не любил Киев. Его интересы лежали на Дунае, там и проявил он свои воинские таланты.

Однако в русской истории он известен еще и как победитель хазаров, покончивший с Хазарским каганатом в 965 г. Однако никто ему особых дифирамбов не пел. Тот же Нестор ограничился несколькими строками: «Ходил Святослав на казаров. Слышавши же, казары вышли против него с князем своим каганом, и, соступившись войсками, учинили жестокий бой. И после долгого и мужественного обоюдного сражения одолел Святослав и град Беловежу взял. И потом пойдя, ясов и кософов победил, из которых много привел в Киев на поселение, грады их разорил».

Разгромить одну из трех самых могущественных империй того времени и удостоиться всего нескольких строк в летописи! Похоже на то, что Нестор «слышал звон, да не знал где он». Предания, а может быть, и память 90-летнего воеводы Яня, донесли до Нестора сведения о падении Хазарского государства во время правления Святослава, и поэтому летописец приписал Святославу сокрушение Хазарского каганата. Кому же еще приписать столь громкую победу? Ведь он правил! И эта выдумка Нестора стала повторяться всеми поколениями историков. Такого ранга победы отечественного оружия сомнению не подвергались. Н. Карамзин же, хитрец известный, писал восторженно: «Завоевание столь отдаленное кажется удивительным; но бурный дух Святослава веселился опасностями и трудами. От реки Дона проложив себе путь к Боспору Киммерийскому, сей герой мог утвердить сообщение между областью Тмутараканскою и Киевом посредством Черного моря и Днепра» [69. С. 105].

Карамзин не сомневался, он удивлялся и восхищался, однако, с юмором! Он понимал, что расстояние от Дуная до хазар, живших в дельте Волги, – неприлично большое для Святослава, передвигавшегося исключительно на ладьях-однодревках. Поэтому наш хитромудрый историк «приблизил» хазар с их столицей к нему поближе – на берега Дона, полагая, видимо, что туда Святослав мог добраться на своей лодке, хотя бы теоретически. Даже через 150 лет, воюя с половцами, киевские князья не рисковали доходить

до донских степей, не говоря уже о задонских. А на обратном пути от дельты Волги к Киеву надо было пройти полупустыни нынешней Калмыкии, Северный Кавказ, населенный воинственными племенами, задонские и донские степи.

Л. Гумилев, вроде бы реально мыслящий историк, вслед за Нестором отчаянно «бросает» Святослава с берегов Дуная в верховья Волги, на Оку и оттуда вниз по Волге: мимо булгар, мадьяр, буртасов. В дельте Волги он якобы разбивает хазар, а затем совершает беспрецедентный переход на берег Днепра, в Киев, пройдя без сопротивления огромные расстояния по воде, полупустыням и степям [65. С. 250]. Если бы так было, то Святослава можно было бы величать самым знаменитым и достойным древнерусским князем.

Но военные подвиги его были не столь замечательны, а поделив Древнюю Русь на уделы между своими тремя сыновьями, перерезавшими друг друга, Святослав заложил наиболее пагубную традицию в истории Руси, приведшую многие поколения русских людей к неисчислимым бедам, страданиям и братоубийственным войнам.

Хазары были разбиты в 965 г., но не Святославом, а русами из Восточной Руси, и не враз, а в результате длительной войны, начавшейся с того неудачного похода русов на Азербайджан, состоявшегося в 913 г., когда хазарский царь-иудей продал их, дав возможность разбить их своей наемной мусульманской гвардии.

О войне Хазарии с Восточной Русью, шедшей в 50-х гг. X в., определенно сообщает царь хазар Иосиф в письме к Хасдаи ибн Шафруту, министру Абдрахмана III, омейядского халифа Испании.

В этом письме, написанном ранее 960 г., говорится: «Я живу у входа в реку (г. Итиль в дельте Волги. – *Р. В.*) и не пускаю русов, прибывающих на кораблях, проникнуть к ним, мусульманам. Точно также я не пускаю всех врагов их (мусульман. – *Р. В.*), приходящих сухим путем, проникать в их страну. Я веду с ними, врагами мусульман, упорную войну. Если бы я оставил их в покое, они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада» [65. С. 290].

Как видим, эта война русов и царя хазар шла постоянно. Русы стремились получить беспрепятственный проезд в Каспийское море, а царь хазар в дельте Волги вел себя точно так же, как и печенеги на днепровских порогах. Повадки рэкетиоров везде и всегда были одинаковы – оседлать узкое место и взимать плату за проезд. По-видимому, все торговые флотилии русов имели стычки с хазарским царем, но не всегда дело оборачивалось большой кровью. Известия о крупных сражениях русов с хазарами доходили

и до арабов. Так, Ибн Мискавейх детально описал великий набег русов на каспийские берега, состоявшийся в 943 г.

Царь Иосиф в своем письме упоминает и врагов мусульман, проникающих в их страну сухим путем. В X в. главным врагом Хазарского каганата становятся огузы, расселившиеся к востоку от хазар. Они контролировали сухопутный караванный путь, начинавшийся в Волжской Булгарии, проходивший через Среднюю Азию и соединявшийся с Великим шелковым путем на восточном побережье Каспийского моря, в международном торговом центре Гурган.

Здесь сходились интересы огузов, печенегов и мадьяр, известных в арабском мире под именем *башджарт*. Именно о стычках этих народов в Приаралье писал все тот же всезнающий ал-Масуди. Печенеги искали союз с мадьярами-башджарами в борьбе против огузов. Это дало повод башкирским историкам говорить и писать ни много ни мало об этногенетическом родстве башкир и печенегов, следствием чего явилась надуманная кочевническая концепция происхождения башкирского народа. Но это уже тема отдельного разговора.

Конечно, арабы знали и об этой войне хазар и огузов. Масуди сообщал: «Городами Хазарии иногда завладевают повелители Джурджании» (Джурджан – Аральское море. – Р. В.). Он писал о том, что хорезмийцы победили хазар и обратили их в ислам. В то же время Масуди упоминал и о русах, овладевших страной хазар. Ибн Мискавейх и Ибн-ал-Асир сообщают о нападении в 965 г. на царя Хазарии какого-то тюркского народа [65. С. 250]. Это и были могущественные огузы, заселившие позже низовья Волги.

Хазарский спрут, проникший своими длинными и жадными щупальцами в среднее течение Волги, на берега Днепра и побережье Каспийского моря, пал под непрекращающимися нашествиями волжских русов и набегами хорезмийцев-мусульман, а также тюрков-огузов.

Итак, если отвлечься от «Повести временных лет», написанной киевским монахом Нестором и признанной современными историками не более чем художественным произведением, и перейти к иностранным источникам, то получается следующая картина возникновения Древней Руси.

Ее история, как и история всей Европы VII – X вв., неразрывно связана с движением викингов, отважных скандинавских мореплавателей, проникающих в глубь материка по рекам и озерам с целью грабежа, разбоя и последующей торговли в Арабском халифате и в

Византии. Причем и очевидец этих викингов русов арабский путешественник X в. Ибн Фадлан, и современный шведский археолог Х. Арбман, изучивший археологические материалы как в Скандинавии, так и на Руси, выделяют торговую сторону деятельности русов-шведов, а разбой рассматривают как способ добычи товара, большей частью живого – рабов и рабынь. Мореплавание, разбой и торговля удивительным образом соединялись в этих купцах-пиратах X в.

Первые шведские викинги двинулись на восток в начале IX в. Они дошли до верховий Невы и пересекли Ладожское озеро. Некоторые из них остались жить в этих местах, построив поселение Старую Ладогу, поднялись вверх по Волхову до озера Ильмень, zaloжили и здесь городок на речке Порусья. Как было принято в те далекие годы, народ этот называли по речке, по берегам которой они обитали, – русами, а их город Руссой.

Наш современник, известный писатель В. Солоухин, побывав на берегах Ильмень-озера, очарованно писал: «Ослепительно-белые барашки. И еще одно – плоские, ярко-зеленые берега. Ведь если южное море, то обязательно скалы, песок с галькой, желтая степь. Сухая полынь, чабрец, перекасти-поле. Сухие курганы и орлы, сидящие на них. А здесь – зелень сочная, как на заливному лугу. Здесь ромашки, купальницы, розовый горец. А если камень, то округлый валун, от которого веет былиной и который навевает не виденье печенег или татарина, но викинга, закованного в броню и снявшего шлем, так что светлые кудри рассыпались по железным плечам. Рус».

А другие шведы – русы, их соплеменники, продолжали свой путь на восток. По Свири они плыли в сторону Онежского озера. На их пути есть еще и сейчас населенный пункт, носящий древнее название, – Лодейное Поле. Несомненно, это название как-то связано с ладьями викингов. Может быть, здесь было кладбище, где хоронили викингов вместе с ладьями или здесь они оставляли свои многоместные большие суда и рубили себе маленькие однодревки, лодки-долбленки из одного дерева, кто знает?

Проплыв немного южным берегом Онежского озера, викинги сворачивали на юг и заходили в устье Вытегры. Дальше они поднимались вверх по этой реке, но здесь их речной путь обрывался, приходилось тащить ладьи волоком по земле до реки Ковжи, где их ставили на воду. Оттуда уже можно было плыть через Шексну до Волги. Сегодня по древнему пути викингов прорыт Волго-Балтийский канал. Отсюда по Волге русы спускались до великого торгового города Булгар, а ниже по течению этой

реки, в ее излучине, они создали свое государство – Восточную Русь, которое в IX в. вело торговлю с булгарами и Восточным Арабским халифатом. По свидетельству Ибн Хордадбсха (середина IX в.), русы довозили свои товары на верблюдах из Гургана в Багдад, платили пошлину, как и христиане-иноверцы, а славянские евнухи, оказавшиеся там в рабстве, служили им переводчиками.

Возникновение Новгорода, появление там варягов: Рюрика и его братьев, наверное, навсегда уйдет в область мифов и преданий. Был ли Олег? Не знаю, иностранные источники его не знают, и его щита, который, по Нестору, он повесил на ворота Константинополя, никто не заметил. В источниках словом *хелгу* обозначали правителя русов, в том числе и Игоря. Но появление в последующих поколениях славяно-русских князей с именами Рюрик и Олег говорит о том, что такие правители среди варягов были.

Лишь в середине X в. Игорь, Ольга и их сын Святослав добрались до Киева и проложили путь «из варяг в греки». Более ранних свидетельств о наличии этого пути нет в археологических памятниках Скандинавии. Такое отставание по времени от возникновения пути по Волге можно объяснить не только притягательностью волжского пути из-за наличия торгового центра в государстве волжских булгар, но и трудностью пути по Днепру, особенно в его верховьях и на порогах.

Как сообщает «Кембриджский аноним», известный как «Отрывок из письма неизвестного хазарского сврся X в.», византийский император Роман попытался силой обратить евреев своей страны в христианство, не любил их, преследовал. Большое число евреев бежало из Византии к хазарам. В ответ хазарский царь-иудей перебил много христиан, живших в его стране.

Тогда византийский император Роман послал «хелгу, царю Руси» Игорю большие дары, заключил с ним мирный торговый договор и подбил его напасть на хазар, живших на Черноморском побережье в городе С-м-к-рай. Игорь, выбрав удачный момент, когда там не было начальника, напал на этот город и захватил добычу. Но правитель этих земель, «досточтимый Песах», пошел войной на Игоря, отобрал добычу, которую тот захватил в С-м-к-рае.

Похоже, Песах осадил Киев. Во всяком случае, между ним и «хелгу» Игорем состоялся такой разговор. Игорь оправдывался:

– И говорит он, хелгу: «Роман подбил меня на это». И сказал ему Песах: «Если так, то иди на Романа и вой с ним, как ты воевал со мной, и я отступлю от тебя. А иначе я здесь умру или буду жить до тех пор, пока не отомщу за себя».

Далее анонимный еврей рассказывает:

«И пошел тот (Игорь. – *Р. В.*) против воли и воевал против Кустантина на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили его огнем (греки сожгли суда Игоря горячей нефтью. – *Р. В.*), и бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его. Тогда стали русы подчинены власти хазар» [65. С. 292].

Это известный неудачный поход Игоря на Константинополь совершенный в 941 г. Действительно, вскоре Игорь погибает, но естественно, летописец Нестор не мог внести в летописи такой бесславный конец русского князя, описанный анонимным евреем. В «Повести временных лет» Нестором приведена очередная патриотическая новелла о сборе дани и гибели Игоря во имя обеспечения благосостояния государства.

«Кембриджский аноним» – не историк и не летописец, ему лгать смысла нет, и к тому же, в отличие от Нестора, он современник описываемых им событий, относящихся к X в. Поэтому его версия судьбы Игоря кажется предпочтительней. Тем более что власть хазар, упомянутая этим автором, действительно жестко проявилась на Руси в то время. Поляне были вынуждены заплатить хазарам дань своими мечами. Это, с одной стороны, обезоружило их, что, безусловно, было выгодно хазарскому царю, с другой – дало в его руки ходовой товар. Хазары бесчинствовали в Киевской Руси, и князь Святослав вместе со своей матерью, нареченной Ольгой, бежали из Киева на Дунай, в Вышгород. Там они получили защиту и опеку от венгерского государя, породнившись с ним – взяв в жены Святославу его дочь, называемую ими Предславой.

Лишь только после того как Хазарский каганат пал в 965 г. под нашествием волжских русов по воде и огузов – по суше, пути «из варяг в греки» и «из варяг в арабы» окончательно открылись для свободной торговли. Но нельзя исключить все-таки того, что князь Святослав в 965 г., воспользовавшись падением Хазарского каганата на Волге, и совершил набег на хазар, живших на черноморских окраинах Хазарии и собиравших дань с Киевской Руси.

Таковы вехи истории Древней Руси, построенной по иностранным источникам и с учетом того, что она начиналась на востоке, на Волге, где с начала IX в. существовало независимое русское государство, названное мною Восточной Русью, а шведами – Остергарди. Дальнейшая история этого государства пока неизвестна, но это – дело времени. Изучение истории Восточной Руси необходимо как для правильного понимания начального периода Древ-

ней Руси в целом, так и для устранения неверных представлений об истории соседних народов, в том числе и древних башкир.

Обозначим лишь сведения, лежащие на поверхности. Уверенно можно говорить о том, что Восточная (Волжская) Русь существовала во время монгольских завоеваний. Юлиан – венгерский путешественник, совершивший два путешествия на северо-восток в поисках легендарной прародины венгров, страны мадьяр, которую мы называем Хунигарди, в 1238 г. в письме епископу Перуджии отметил: «...а мы, желая выполнить порученное нам путешествие, дошли до крайних пределов Руси, мы узнали действительную правду о том, что все те, кто называются венгры-язычники, и булгары, и множество царств совершенно разгромлено татарами...»

Согласитесь, достигнув крайних пределов Киевской Руси, где-то в низовьях Днепра, Юлиан едва ли мог что-либо узнать о событиях на Волге, о судьбе венгров-язычников или болгар. Значит, Юлиан ведет здесь речь о Руси на Волге, располагавшейся в непосредственной близости от прародины венгров и Волжской Булгарии.

И далее в его письме есть такие строки: «...все войско (монголов. – *Р. В.*), идущее в страны запада, разделено на четыре части. Одна часть у реки Этиль на границах Руси с восточного края подступила к Сусудалу...» С. А. Аннинский [70] в своем переводе вместо Сусудала поставил Суздаль. Но это неправильно. Суздаль очень далек от Волги. Тем не менее этот автор и далее в письме Юлиана настойчиво ставит в текст Суздаль – маленький город во Владимирском княжестве, несмотря на то что речь идет о столице отдельного царства. Не будем повторять его ошибки. Они шли от незнания автором Восточной Руси и ее столицы. Поэтому мы называем ее Сусудалом, по «Венгерскому анониму». В какой транскрипции этот город обозначался в письме Юлиана, мне, к сожалению, неизвестно. Скорее всего, ближе к истине стоит название по реке Сызрань, содержащее сочетание звуков С-с, С-з или С-ц. Когда-нибудь это выяснится, а пока оставим в виде Сусудал и вернемся к письму Юлиана:

«Когда они (четверо монахов. – *Р. В.*) проходили через землю сусудальскую, им на границах этого царства встретились некие бежавшие пред лицом татар венгры-язычники, которые охотно приняли бы веру католическую, лишь бы добраться до христианской Венгрии. Услышав об этом, князь сусудальский вознегодовал и, отозвав вышеуказанных братьев, запретил им проповедовать римский закон помянутым венграм, а вследствие того изгнал вышеказанных братьев из своей земли, однако без неприятностей».

Те же, не желая воротиться, повернули к городу Рецессуэ (видимо, Русция), ища пути, чтобы пройти через Великую Венгрию либо к мордукам, либо к самим татарам. Здесь же в письме Юлиан, наряду с Булгарией и Мордовией, называет и Сасцию.

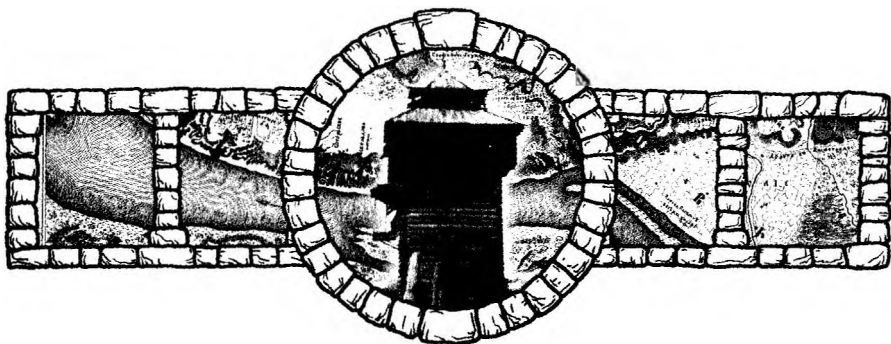
Сомнений не остается. Ориентиры даны определенные и однозначные: Великая Венгрия, Мордовия, татары. Это языческое царство, по Юлиану, – Русция, во главе с князем или царем и столицей под названием Сусудал или Сасция, располагалось на правом берегу Волги по соседству с Мордовией и Булгарией.

«Сокровенное сказание монголов» в параграфе 270 дважды упоминает народ Сесут: один раз наряду с *мачжар* (мадьярами), а второй раз – в связи с населением города Белерман (Волжской Булгарии). Плано Карпини в своем известном сочинении о путешествии в ставку великого монгольского хана в 1245 – 1247 гг., в разделе, где перечисляет завоеванные монголами земли, пишет: «С севера же к Комании, непосредственно за Руссией, Мордвинами и Билерами, т. е. Великой Булгарией, прилегают Баскарты, т. е. Великая Венгрия...»

И вновь Руссия в окружении Мордовии, Булгарии, Башкирии, называемой П. Карпини Великой Венгрией. Не осталась забытой эта Русь и у В. Рубрика (1254 г.). Он перечисляет ее в том же соседстве: «...из Руссии, из Моксея (Мокша, Мордовия. – *Р. В.*), из Великой Булгарии и Паскарита, то есть Великой Венгрии».

Итак, примеров достаточно, чтобы убедиться, что в середине XIII в. Волжская Русь как языческое царство, очевидно покоренное и захваченное Батыем, еще существовало. По-видимому, волжские русы разделили судьбу мадьяр, оставшихся на Волге. Как и мадьяры, они оказали яростное сопротивление монголам, были разбиты ими, а остатки растворились среди мордвы, болгар и тех же мадьяр.

Глава 11

КТО ЖЕ ЗАЛОЖИЛ КИЕВ?

Скажу откровенно, когда я начинал этот труд, у меня и в мыслях не было задавать себе такой вопрос. После общения с членами венгерской экспедиции на ипподроме «Акбузат» мне стало интересно, каким же был путь мадьяр-башкирдов на запад, на берега Дуная. Знали ли они этот путь, прежде чем двинуться всем народом? Как они ехали: водным путем, на ладьях, или сухопутным, на конях?

Венгерские туристы считали, что их предки проделали этот путь на конях, по суше. Наши археологи утверждали, что мадьяры в середине 2-й половины VIII в. расселились в бассейне реки Белой, а затем вышли к берегам Камы и вступили в культурные контакты с финно-пермскими племенами Прикамья и с населением Хазарского каганата на Нижней Волге [54. С. 327].

Что значит «культурные контакты»? Дней мадыро-хазарской культуры они там не устраивали. В первую очередь это была торговля. Мадьяры еще в те времена славились своими конями. Кроме того, в IX в. Гардизи сообщал, что мадьяры до ухода их на запад, в Паннонию, занимались работорговлей. «Они – огнепок-лонники и ходят к гузам, славянам и русам и берут оттуда пленников, везут их в Рум (Византию. – Р. В.) и продают», – писал он. Значит, путь «в греки» был давно знаком мадьярам. По нему, видимо, они и двинулись потом всем народом.

Дойдя до Волги, мадьяры шли левым берегом, и какая-то часть их по неизвестной причине осталась около устья Сока. Через 500 лет их найдет здесь венгерский монах Юлиан, посланный

искать соплеменников для крещения их в католическую веру. Далее следы мадьяр теряются.

Они появляются на исторической арене, лишь попав в поле зрения греков. В 948 – 952 гг. византийский император Константин VII Багрянородный написал наставления своему наследнику «Об управлении империей» [71]. В этом сочинении он охарактеризовал соседние народы, их нравы, обычаи, военные силы, а также их историю. У меня эта книга вызвала особый интерес. В ней был взгляд со стороны на историю «северных скифов» – так автор называл тюркские народы: печенегов, хазар, болгар, гузов, а также тюркизованных угуров, мадьяр-башкирдов. Есть в ней информация и по самой ранней истории Древней (Киевской) Руси.

Константин VII называл мадьяр «турками», имеется в его сочинении глава 38 «О родословной народа турок и о том, откуда они происходят». Автор начинает рассказ о мадьярах с проживания их в местности Лебедия под властью кагана хазар, на воинской службе у него. Это то, что наши археологи называли «культурными контактами с населением хазарского каганата».

Наши историки, начиная с В. Татищева и Н. Карамзина, так и не смогли определить эту местность. Одни пытались привязать ее к городу Лебедин в современной им Харьковской губернии, другие – к лесу и монастырю, называвшимися Лебединскими. А раз не была известна местность, в которой жили мадьяры-башкирды, значит, этот этап их жизни выпал из их истории. А Константин между тем сообщил об этом этапе очень интересные сведения: «Турок (мадьяр. – *Р. В.*) было 7 племен (совпадает со сведениями Юлиана. – *Р. В.*), но архонта (общего вождя. – *Р. В.*) над собой, своего или чужого, они никогда не имели: были же у них нские воеводы, из которых первым является вышеназванный Лебедия». Далее он пишет: «Знай, что местность, в которой в те времена жили турки (мадьяры. – *Р. В.*), именуется по названиям тамошних рек».

Все точно так, как у более поздних башкир. Их тоже на ранней истории называли не по волостям, аймакам и дорогам, а по рекам, на берегах которых они жили. Например, юрюзанские башкиры, катавские, карайдельские и т. д. Значит, и местность Лебедию надо искать по названию речки. Какой? Конечно, Лебедь! Тут всплыла в памяти легенда, придуманная киевским летописцем Нестором об основателях города Києва – трех братьях: Кие, Щеке, Хориве и их сестре Лебеди, названной так по речке Лыбеди, впадающей в Днепр недалеко от новой Киевской крепости.

Н. Карамзин посмеялся над этой легендой, назвал ее басней, сочиненной во времена невежества и легковерия. Легенда не имела

исторической основы. Но речка Лыбедь существовала реально, возможно, и сейчас есть. Значит, местность Лебедия, где жили мадьяры, располагалась вдоль ее берегов у самой Киевской крепости.

Продолжим цитату из Константина Багрянородного: «Они (мадьяры. – *Р. В.*) жили вместе с хазарами 3 года, воюя в качестве союзников хазар во всех их войнах. Каган, архонт Хазарии, благодаря мужеству и их военной помощи, дал в жены первому воеводе турок (мадьяр. – *Р. В.*), называемому Лебедией, благородную хазарку из-за славы о его доблести и знаменитости его рода, чтобы она родила от него. Но этот Лебедия по неведомой случайности не прижил детей с той хазаркой».

Лебедия был зятем кагана хазар! Зятем, *кияу* – по-тюркски, по-хазарски! И поселок мадьяр располагался на месте Киевской крепости. Значит, мадьяры заложили городище на берегу Днепра, а хазары знали его как «поселение зятя», Кияу! Было это во второй половине IX в.

М. Аджи в своей книге «Полынь половецкого поля» также высказывал мысль, что Киев в переводе с тюркского означает «город зятя», только не мог указать – чьего зятя, как его звали. Беру на себя смелость утверждать, что город Киев получил свое название от зятя хазарского кагана, вождя мадьяр-башкирдов Лебедии.

Хитромудрый летописец Нестор по указанию великого князя Святополка заново переписал начальную историю Киева. Однако он так и не отважился просто выкинуть мадьяр-башкирдов из летописи. Они были уже хорошо известны в этих краях. Нестор лишь упомянул о том, что якобы в 898 г. мадьяры только прошли мимо Киева [72. С. 15]: «Пришли Угры от востока, перейдя горы высокие. И придя к Киеву, переправясь через Днепр, стали над Днепром на горе, что называется Угорское».

Если кручи над Днепром заняли мадьяры, то где же тогда располагался Киев? Нестор явно путается, указывая приход мадьяр в 898 г., ведь в начальной части летописи он замечает [72. С. 9]: «Потом пришли печенеги, и снова прошли Угры мимо Киева. После же, при Олеге...»

Значит, Олег появился в Киеве *после мадьяр*, а это произошло, по тому же Нестору, в 882 г.! Получается, что, вопреки предыдущей записи, мадьяры появились на берегах Днепра ранее 882 г. Так что хотел Нестор того или нет, но «Угорские горы» в его летописях стали еще одним доказательством мадьярского основания Киева.

Сам древний летописец написал в своей летописи, что Киев zaloжили славяне – поляне, их упомянутые выше князья Кий, Щек и Хорив. С ним трудно согласиться. Ведь Нестор не имел никаких сведений о закладке города, и его утверждение есть домысел, не более того.

Не случайно Киев был заложен на границе леса и степи. Славяне не строили своих поселений близко к степи или по берегам судоходных рек. По степи приходили мадьяры и печенеги, а по рекам – русы на своих ладьях. И те и другие ловили славян и угоняли их в рабство. Основать Киев на этом месте и жить на границе степи означало для них построить самим себе дорогу в рабство.

Нестор так и не смог объяснить более или менее правдоподобно название Киева. Он написал славяно-русскую историю, и его намерение сделать славян основателями столицы Древней Руси вполне понятно.

В союзе с хазарами мадьяры прожили 3 года. Печенеги, кочевавшие по Дону, пошли войной на хазар, но были побеждены и бежали на запад, на берега Днепра, занятые мадьярами. Вновь столкнулись их интересы. Между печенегами и мадьярами состоялось сражение, в котором войско мадьяр было разбито. Они были

Древний Киев в XI-XII вв. Реконструкция

вынуждены уйти с освоенных мест. Киев остался во власти печенегов, а орда мадьяр двинулась вниз по Днепру.

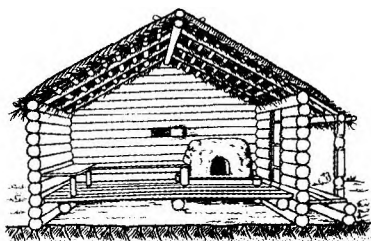
Они, видимо, пытались осесть еще раз, в верховьях реки Ингул, где монастырь и лес именовались «Лебединскими» даже во времена Н. Карамзина. Но, оказавшись бессильными остановить нашествие печенегов, мадьяры вынуждены были уйти еще дальше на юг, по междуречью Ингула и Ингульца. Наконец они дошли до страны, называемой Ателкузу, расположенной в нижних течениях Днепра, Южного Буга, Днестра, Прута и Силети.

Усиление печенегов, захват ими Приднепровья, конечно же, беспокоили и кагана хазар, и императора Византии. Каган пытался навести порядок среди мадьяр, определить общего для всех племен правителя.

В первую очередь он призвал своего зятя Лебедию и предложил ему стать единым вождем всех мадьяр, поскольку считал его первым среди них: благородным, разумным, известным своим мужеством. Конечно, он рассчитывал и на преданность, повиновение Лебедии, поскольку тот приходился ему зятем.

Однако Лебедия поблагодарил кагана за доверие и отказался, предложив вместо себя Алмуша или его сына Арпада. Каган остался довольным таким разговором: и учтивостью зятя, и тем, что он отказался. Под его командованием мадьяры не смогли противостоять печенегам. Надо было менять предводителя, воеводу. Каган дал Лебедии своих людей и послал их с ним к мадьярам. Они собрались и выбрали предводителем молодого Арпада, подняв его на щите.

Император Византии также отправил к мадьярам своего представителя – клирика Гавриила, который обратился к мадьярам со следующими словами: «Василевс (император. – Р. В.) заявляет вам, чтобы вы отправились и прогнали печенегов с мест их, где вы прежде располагались – дабы находиться близ царственности моей и дабы, когда я того пожелаю, я отправлял послов и вскорости

Полуземляное и срубное жилища Древнего Киева в X в. Реконструкция

находил бы вас». Но все вожди мадьяр воскликнули в один голос: «Сами мы не ввяжемся в войну с печенегами, так как не можем воевать с ними, – страна их велика, народ многочислен, дурное это отродье. Не продолжай перед нами таких речей – не по нраву они нам».

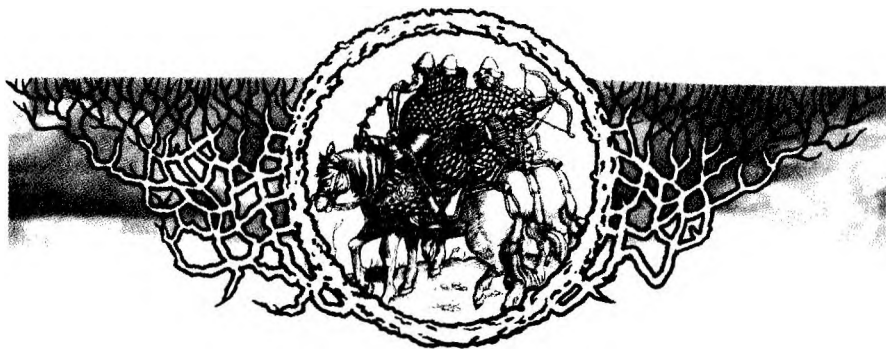
Около 893 г. Хазарское государство заключило союз с мадьярами и греками против печенегов и болгар. Хазарский каган послал морем в Византию войско для борьбы с болгарами. Объединенная армия греков и хазар была разбита болгарами, которые с особой жестокостью обошлись с пленными хазарами – им перед разменом отрезали носы. В ответ на это император Византии Лев VI в 894 г. прислал флот на Дунай, который перевез мадьяр Арпада и Курсана на правый берег в Болгарию. Мадьяры разбили войска болгарского царя Симеона, дошли до Преславы, грабя и убивая, захватили много пленниц и продали их в Византии.

Симеон запросил мира, но затаил злобу. В 897 г., когда мадьяры были в походе, печенеги и болгары напали на их страну Ателкузу и вырезали оставшихся дома мадьяр, их женщин, детей и стариков. Вернувшись из похода, мадьяры решили покинуть столь несчастную для них землю, залитую кровью их родных и близких. Они ушли в Паннонию, ставшую Венгрией. Там они сокрушили королевство Моравию и набрали себе в жены славянок, и не только их. Мадьяры творили набеги на все соседние народы. Их женами стали испанки, итальянки, болгарки, гречанки... у всех родились дети.

Как известно, детей воспитывают матери. Поэтому подросшему поколению не по сердцу были их предки по отцам – язычники. Матери внушили им ненависть к этой религии. Вскоре пришел их час. В 1000 г. король Стефан принял католичество. Через 250 лет на другом конце Великой степи в «Сокровенном сказании монголов» были отмечены «башкирды-католики, живущие по соседству с франками» [53].

Глава 12

ДРЕВНЯЯ РУСЬ: ОТ РАССВЕТА ДО ЗАКАТА

Движение скандинавских викингов, начавшееся в VIII в. и развившееся в IX в., к началу X в. прекратилось так же внезапно, как и началось. Русская колония варягов на Ильмень-озере не получала уже людской подпитки из Скандинавии. Русские князья-варяги все больше перемешивались со славянами, и славянский компонент возрастал в каждом новом поколении славяно-русов.

Наверное, Русь и стала бы славянской, но «никогда ничего не кончается», как говорил мудрец. Начала и концы всегда тесно переплетены друг с другом. Юг Руси граничил со степью, а она время от времени проявляла свой характер. В X в. жестокая вековая засуха поразила степную зону, внеся коррективы в расстановку сил народов, обитавших там.

А жили там три этноса: огузы (торки), печенеги (канглы) и половцы (куманы). До X в. их силы были примерно равны, и все соперники удерживали свои территории. Огузы и печенеги, обитавшие в приаральских степях, пострадали от засухи гораздо сильнее, чем половцы, жившие севернее, на Иртыше и в предгорьях Алтая. Для них засуха была лишь потеплением климата. Половцы сохранили поголовье своего скота и коней – основу военной мощи степных кочевников.

Когда же в начале XI в. степь вновь ожила и зеленая трава начала распространяться к югу и юго-западу, половцы, легко ломая сопротивление изнуренных засухой печенегов и огузов, погнали свои табуны вслед за ожившей растительностью. На юг, в пустыню Бетпак Дала, они не пошли, а двинулись на запад –

в донские и приднепровские степи. В 1055 г. они появились у границ Киевской Руси.

Половцы были тюрками. Новая волна Тюркской цивилизации докатилась до славяно-русов. Сначала половцы заключили союз с Всеволодом Ярославичем, так как у них был общий враг – огузы (торки). Однако, одержав победу над огузами, союзники рассорились, и в 1061 г. половецкий князь Искал разбил Всеволода. Тюрки были хорошо вооружены, отлично владели приемами конного боя, и славяно-русы, воевавшие в пешем строю, не могли оказать им достойного сопротивления.

Волны половецкого нашествия накатывали одна за другой. Большая война тюрков со славяно-русами длилась более 60 лет. За это время половцы освоили огромные пространства от Днестра до Иртыша. Русские летописи посвятили немало строк силе оружия славяно-русов. Будто бы Владимир Мономах разбил половцев. Но война с половцами не закончилась при Владимире. Она продолжилась и после его смерти, а его сын Ярослав, женившись на прекрасной половецкой княжне, положил начало династическим бракам. Так славяно-русская кровь начала перемешиваться с тюркской. И длилось это долгих 700 лет, пока в XVIII в. войска царской России не захватили донские и причерноморские степи и не начали интенсивную русификацию своих пограничных колоний.

Конечно, в первую очередь влияние тюрков сказалось на юге России. Это можно проследить на изменении похоронного обряда. Северные славяно-русы разводили огонь на кладбище и сжигали покойника вместе с женой, конем и оружием. Они собирали пепел в урны и зарывали в землю вместе с сосудами, наполненными слезами.

Киевские и волынские славяне своих покойников погребали наподобие тюрков, веривших в бессмертие, в потустороннюю жизнь. Вместе с телом зарывали в землю лестницы ременные, для того чтобы покойник мог выйти из могилы и продолжить жизнь в потустороннем мире. В могилу укладывали оружие и другие необходимые вещи, забивали здесь любимого коня, чтобы покойник, поднявшись из могилы, мог его оседлать.

История взаимоотношений Киевской Руси и половцев сегодня представляется так, будто половцы только здесь и обитали. Но их территория простиралась и западнее Киева, где они теснили печенегов, а на востоке половецкая земля простиралась до Иртыша. Для водно-пеших отрядов киевских князей были дости-

жимы лишь половецкие селения в Приднестровье и в правобережье Дона, а задонские степи и, тем более, заяицкие, славяно-русам были недоступны.

Это и понял Олег Святославович – последний славяно-русский каган, при котором Древняя Русь еще представляла собой единое государство. Он, считая походы в степь бессмысленными, заменил их мирными переговорами с половцами и династическими браками. После смерти Олега в 1115 г. киевско-половецкие отношения повернули в другую сторону. Большая война с половцами кончилась. Князья занялись друг другом. Разгорелись междоусобные войны, и половцы, в качестве наемной силы, а порой и из-за родственных отношений, выступали то на стороне одних, то на стороне других князей.

К 1116 г. «степной пожар» перестал полыхать, а к 1132 г. пожара заросли травой и наступило время славяно-русско-половецкого родства. Оно длилось 130 лет. Это не мало – в течение 4 – 5 поколений смешивались славяно-русы и тюрки. Тюркская кровь «дошла» и до Северной Руси. Как упоминалось, новгородский князь Ярослав взял в жены половецкую княжну, которая родила ему сына, известного в истории как князь Александр Невский [36. С. 499]. Так что этот великий русский князь был наполовину тюрк.

Что интересно, в 2008 г. проводился конкурс «Имя России», который должен был определить наиболее популярное имя за всю обозримую историю России, начиная с древних времен. Так вот, именно Александр Невский, занимавший позицию верности Золотой Орде, сокрушивший крестоносцев на льду Чудского озера, был выдвинут Русской православной церковью на этот конкурс и победил в нем. Весьма символично, что славяно-тюркская Россия выбрала такого же героя.

Увы, но время славяно-тюркского симбиоза не стало дальнейшим расцветом Древней Руси. Русь перестала быть каганатом – государственным объединением славяно-русских племен. После смерти упомянутого выше Олега Святославовича Русь распалась и превратилась в конфедерацию восьми «полугосударств».

А. Насонов выделил их в таких пределах:

- 1) Новгородская республика с пригородами;
- 2) Полоцкое княжество;
- 3) Смоленское княжество;
- 4) Ростово-Суздальская земля;
- 5) Рязанское княжество;
- 6) Турово-Пинская земля;

- 7) Киевская земля, включающая Чернигов и Переславль;
- 8) Волынь;
- 9) Червонная Русь, или Галицкое княжество, в начале XIII в. объединенное с Волынью.

Академик Б. Рыбаков приводит следующие данные о числе княжеств в составе Руси: в середине XI в. – 15 княжеств, в начале XIII в. – около 50, в XIV в. – примерно 250 княжеств. Как видим, Русь дробилась и дробилась на мелкие осколки.

Подлинной трагедией страны в XII в., и особенно в XIII в., стали междоусобицы, которые мы теперь называем феодальными войнами. Междоусобицы были везде, в том числе и в Западной Европе, но там их последствия оказались не столь плачевными. Размеры княжеств и государств были не те, отсюда и культуры соседей не столь разнились.

Древняя Русь занимала огромную территорию от низовьев Днепра до Новгорода и Пскова. На юге она соседствовала с Византией с ее высочайшей культурой и христианством, а на севере граничила с языческими лесными народами: чудью, мери, весью, а также с остатками колоний русов на Ильмень-озере. Если проникновение русов в земли славян было сквозным, то пограничные народы ассимилировались в среде славян близ совместной границы.

В начале XI в. междоусобные войны велись большей частью между братьями-князьями за отцовское наследие и участвовали в них лишь княжеские дружины. К середине XI в. с распадом Древней Руси на ряд «полугосударств» войны стали уже межгосударственными с участием народного ополчения. Усугубляло ситуацию и то, что к тому времени Русь из моноэтнической, языческой, славяно-русской превратилась в полиэтническую, христиано-языческую и славяно-русскую с примесью тюркской и финской кровей, причем в разных местах и в разных пропорциях.

На юге Руси жили христиане славяно-русы со значительной примесью тюрков-половцев. Причем половцы легко воспринимали христианство. Их религия, тенгрианство, была весьма схожей с христианством.

Северные народы еще долго оставались язычниками. Даже после того как они приняли христианство, в их среде длительное время сохранялись языческие праздники и обряды. Они были «нехристиами», что усугубляло вражду и доводило до жестокости религиозных войн. Междоусобные войны переросли в межгосударственные и этнические сражения, а потому стали более кровопролитными, с участием большого числа воинов. В середине XII в.

удельные князья уже шли друг на друга с армиями порядка 50 000 человек.

Армии эти содержались за счет народа, который все больше редел и нишал. Полвека воевали киевляне с черниговцами. В результате этой войны черниговцы дважды взяли Киев и подвергли жестокому разгрому «мать городов русских». Вот как описывает это летописец: «Рюрик (не варяг, а другой князь Рюрик Ростиславович. – *Р. В.*) 2 января 1203 г. в союзе с Ольговичами и всей Половецкой землею взял Киев. И сотворил велико зло в русской земле, яко же зла не было от крещения под Киевом... Подонье взяша и пожгоша; сию Гору взяша и митрополью святую Софью разграбиша и Десетинную (церковь)... разграбиша и монастыри все и иконы одраша... то положила себе в полон» [36. С. 398]. Даже монголы не позволяли себе так глумиться над русскими церквями, как делали это сами русские люди.

Эти войны были страшным бедствием для народа. Каждый князь шел на соседа со своим народным ополчением. И платой этому ополчению за участие в войне были взятые соседние города и княжества. Побежденные княжества подвергались полному разграблению, мужское население истреблялось, женщин и детей угоняли в рабство. И это творил русич против русича! Страна катилась к самоуничтожению, над ней нависло не иго, нет! Это была гибель, медленная и страшная, от рук соседа, брата, единоверца. И разбили бы они свою Русь на такие мелкие осколки, что какой-нибудь небольшой отряд крестоносцев одного графства легко покончил бы с этой страной и православной верой. И тогда родилось «Слово о погибели Русской земли по смерти великого князя Ярослава».

Мы не изучали на уроках истории ни это «Слово», ни эту гибель. Как только историки не пытались обелить междоусобицу, погубившую Древнюю Русь! Тот же Л. Гумилев писал (чего я от него никак не ожидал. – *Р. В.*): «...новые этносы, даже утратив традиции предков, поддерживали целостность большой этнической системы – Руси – способами, им ведомыми, в том числе междоусобицами. Звучит это парадоксально, но вдумаясь. Постоянное вмешательство в дела друг друга исключают равнодушие, а только последнее ведет к отчуждению» [36].

Другими словами: «И хорошо, что воевали друг с другом не на жизнь, а на смерть, уничтожали соседей и братьев, иначе совсем забыли бы друг друга, стали бы чужими». Забыл Гумилев пословицу: «Всякий худой мир лучше доброй ссоры».

Какая-то нечистая сила катила колесо истории Руси вспять, от единения и государственности к взаимной вражде, войне и гибели. Та нечистая сила сидела внутри Руси, и изгнать ее из себя Русь уже не могла. Помощи извне ждать не приходилось. От немецких походов Русь защищал надежный барьер из славян, пруссов и эстов, от католической Польши – ятвяги, от Швеции – карелы, а восток, Великую степь, прикрывали половцы – до поры до времени... И вот на такую Русь, стоящую на краю «гибели» – самоуничтожения, пришли монголы.

Глава 13

ЧИНГИСХАН И ЕГО ДЕЛА

Совсем не случайно Чингисхан был признан в конце XX в. выдающейся личностью II тысячелетия. Из диких кочевых племен Центральной Азии, не знающих ничего, кроме скотоводства и звериной охоты, он создал Великую империю. Она поражает воображение не только размером и числом народов, в нее входящих, но и законностью и порядком, воинской дисциплиной, четкой и твердой структурой государственного управления, обеспечившими процветание всех народов, даже оказавшихся на краю гибели.

Два столетия, предшествовавшие появлению Чингисхана, были очень тяжелыми для европейских народов, тонувших в пучине междоусобных и религиозных войн, в дикости и мракобесии инквизиции. Христианская католическая Европа обрела силу и уничтожала всех инакомыслящих, возводя свою дикую жестокость в ранг богоугодных дел. Религиозным фанатикам, убивающим иноверцев, римский папа обещал отпущение грехов и долю от имущества их жертв.

В течение одной только Варфоломеевской ночи католики перерезали 8 тысяч протестантов-гугенотов, своих братьев во Христе. А знаменитые крестовые походы на Ближний Восток «за Гробом Господним»? А ежегодные крестовые походы на язычников прибалтийских стран? Сколько жизней они унесли? Дикость религиозной нетерпимости и мракобесие царили над чванливой Европой.

И вдруг евразийская степь, орды ее кочевников, называемые не иначе как варварами, выдвинули правителя, отличающегося полным отсутствием религиозной нетерпимости, объявившего о ра-

венстве всех вероисповеданий. Чингисхан стал для католической Европы не только грозной и опасной военной силой, но и идейным противником, провозгласившим совсем иные порядки и законы.

Он не имел такого множества биографов, как, например, Александр Македонский или Наполеон. О нем написано всего три-четыре работы, и то его врагами, китайскими и персидскими авторами. Естественно, эти труды не могут претендовать на объективность, в них его деятельность представлена в сугубо тяжелых, диких, кровавых цветах. Противоположностью этим трудам стало «Сокровенное сказание монголов». Здесь Чингисхан представлен восторженно, с почитанием его как вождя нации, источника всех побед монголов. В европейской литературе он отмечен явно недостаточно, хоть и сам Наполеон вынужден был признать: «Я не был так счастлив, как Чингисхан».

И у нас в России, и в других государствах бывшего Советского Союза Чингисхан изображается как вождь могучей орды, слепо сокрушающей на своем пути встречные народы. Однако это было не так. Его роль в истории человечества была совсем другой.

Во всемирной истории были определенные краеугольные камни: пещера, каменные орудия, бронза, железо, конь. На «железе» закончился Древний мир и начались средние века. Они прошли на коне и длились до появления огнестрельного оружия.

Если Древний мир обозначился в Средиземноморье и стал детищем Средиземноморской цивилизации, распространившейся далее, на восток, то средние века выдвинули на передовые рубежи Великую Тюркскую цивилизацию. Тюрки были на коне. В прямом и переносном смысле.

Конь дал новый вид транспорта – гужевой, верховой, вьючный. Существовавшие ранее виды сухопутного транспорта, например караваны верблюдов, были весьма тихоходными, могли использоваться в ограниченных природных зонах, и большая часть Евразии была для них недоступна. Конь породил новый род войск – конницу, сделав армию более мобильной. Воин, сидя верхом на коне, стал более боеспособен, чем пеший, стоящий на земле.

В исторической науке выделяется, например, «железная революция», а я бы выделил еще и «конную революцию». Появление конного транспорта и военной конницы преобразило мир, одни государства были стерты с лица земли, другие возникли на их месте. Полоса прогресса человечества, ранее протянувшаяся от Средиземного моря до Китая, теперь сместилась на север, в Великую степь и прилегающие к ней ландшафты леса и лесостепи.

Тюркская цивилизация начала создавать на этих просторах огромные государственные объединения, потрясшие затем Европу. Это были массагеты, готы, гунны, тюрки, мадьяры, кипчаки, а теперь вот и монголы. Тюрки, обладая сильнейшим вооружением и мощнейшим родом войск, отставали от европейских народов в вопросах права, законности и дисциплины. И очень не ладили между собой. Пообещав богатые трофеи, их можно было натравить друг на друга. Добрососедство и родство племен не были в обычаях и традициях тюрков. Тучные пастбища, хорошие водопой и возможность умыкнуть невесту – вот что стояло во главе их интересов.

Идея создания государства на основе права, законности и порядка витала, видимо, не в одной умной тюркской голове. Еще за тысячу лет до Чингисхана готский хан Атаульф хотел создать империю готов на основе римского права и законности. Однако римское право было чуждо готам – тюркам. Оно не выросло из их обычаев и традиций и не могло быть принято большинством готов. Эту идею Атаульфу осуществить не удалось.

Убежден: гениям помогает Бог. Чингисхан оказался во главе своего народа с момента его образования. Точнее, он сам сформировал свой народ и своими законами, известными как «Яса Чингисхана», создал его менталитет. Его законы были своими тюркскими, степными, и отражали жизнь его народа. Менталитет – это категория, отличающаяся тысячелетним долголетием. Современные монголы и сегодня весьма почитают «Ясу Чингисхана».

Законы и порядки, ставшие основой менталитета, живут долго, как и сам менталитет. Поэтому все творения Чингисхана надолго пережили его самого. Созданная им империя достигла наибольших своих размеров при внуке его Кубилай-хане, а культурный расцвет Золотой Орды – первого федеративного государства: строительство городов, развитие торговли, объединение и формирование новых народов, в том числе русского и башкирского, произошли при правнуках его правнуков, при хане Узбеке. Другой потомок Чингисхана – русский царь Иван Грозный – создал великую многонациональную Россию. Ни один из правителей, живших на земле, не имел такой истории в своих потомках, как тюрк-монгол Чингисхан.

Чингисхан не знал себе равных – ни как полководец, ни как политический деятель. Он собрал вокруг себя, под личной неограниченной властью свой народ. Первое, что он сделал, – дал ему название. Чингисхан назвал своих подчиненных монголами.

Среди диких кочевников он был педантичным приверженцем законности. Чингисхан повелел созвать весной 1206 г. курултай – съезд всей монгольской аристократии из родичей, сподвижников, багатуров и нойонов. Все проходило в исключительно торжественной обстановке. На видном месте было водружено девятихвостое знамя белого цвета с изображенным на нем серым кречетом, считающимся у монголов благословенной птицей.

Здесь мы встречаемся вновь с цифрой 9, священной у тюрков. Девятиступенчатой была пирамида в тюркском храме в Синташте, в «Стране городов» около 3000 лет тому назад. И здесь монгольская летопись отмечает, что 9 коленцев знамени с хвостами яка (символ силы) висели один над другим, подобно ступеням лестницы (или ярусам пирамиды. – *Р. В.*). Белый цвет был у монголов почетным цветом, а число 9 соответствовало также 9 знатнейшим сподвижникам Чингисхана. Знамя было не только девятихвостым, но и девятиножным, со слов переводчика «Сокровенного сказания монголов».

По предложению духовного лица Кэкчу, единогласно подхваченному всем курултаем, Темучжин (имя Чингисхана от рождения. – *Р. В.*) был провозглашен Божественным Чингисханом. В ответной речи на предложение ему титула Чингисхан сказал: «Вечное Голубое Небо повелело мне править всеми народами. Покровительством и помощью неба, я сокрушил род кераит и достиг великого сана. Моими устами говорит Менке-Кеке-Тенгрин (башк. *Мәңгелек Күк Тәңреһе* – Бог Вечного Неба. – *Р. В.*)). В девятиножное знамя вселяется гений-хранитель рода Чингисхана, это знамя будет оберегать его войска, поведет их к победам, с ним он покорит все страны, потому что Вечное Голубое Небо повелело Чингисхану править всеми народами. Как видим, тюрк Чингисхан был истинным тенгрианцем, верил в силу Тенгре – Вечного Голубого Неба – и почитал девятку – священную цифру тюрков.

Вместе с тем гениальным свойством характера Чингисхана, возвышающим его над другими крупными правителями II тысячелетия, была веротерпимость. Он не пожелал вносить в среду своих подданных элементов религиозного надзора. Любой гражданин его империи мог беспрепятственно исповедовать любую религию. Это не влияло ни на место его в гражданском обществе, ни на военную карьеру.

До такого уровня веротерпимости, которая господствовала в XIII в. в державе Чингисхана, Европа так и не дошла за всю свою историю. Даже после того как она пережила крестовые походы с целью массового истребления еретиков и язычников и несколько

*Чингисхан (китайский портрет XIII в.) и
его жена Борте (Р. Груссе «Чингисхан»)*

столетий, в течение которых пылали костры инквизиции, на которых жгли тех, кто не хотел принять христианство.

Главной задачей Чингисхана, после объединения всех подвластных ему народов в мощную державу, было создание армии, способной поддержать единство империи и осуществить обширные замыслы своего правителя. Выражаясь современным языком, Чингисхан лично разработал «устав» своей армии. Он закрепил его законодательно в своей «Ясе». Отметим кратко основные положения его «устава».

Каждый мужчина обязан был служить в армии, которая делилась по десятичному принципу на 10, 100, 1000, 10 000 воинов. Начальник каждого подразделения нес личную ответственность за каждого своего воина, его экипировку, боевую подготовку и дисциплину, обладая при этом необходимой властью.

Армия монголов была на содержании противника. Все необходимое для себя и своих коней монгол добывал сам, захватывая у противника.

В воинах поощрялись добычливость, честолюбие и религиозность, а также поступательный дух в сочетании с осторожностью и обдуманностью действий. Осуждались пьянство, неумение началь-

ников построить работу с воинами, небрежность, халатность, неточное исполнение приказа. Смертью наказывалось бегство с поля боя, неисполнение приказа, покидание поста, грабеж неприятеля без разрешения начальника, неоказание помощи своему товарищу.

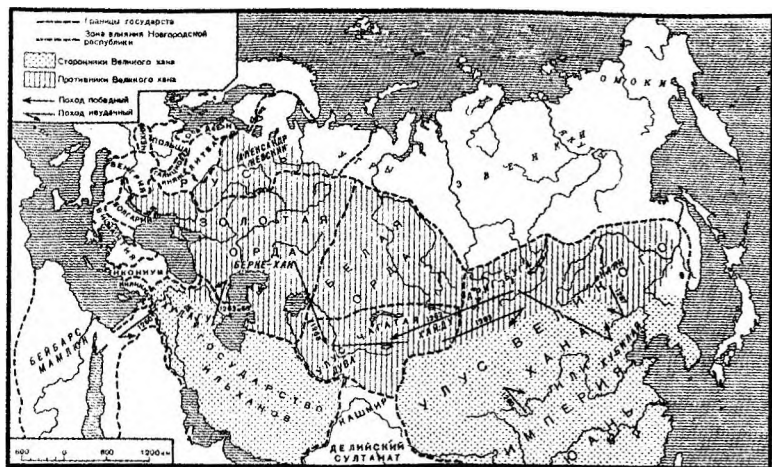
Два раза в год проводились учебы по военно-тактической подготовке командного состава. Начальники, пропустившие такую учебу, от командования отстранялись. Звериная охота зимой в степи была, по сути, учением армии. На этой охоте действовали те же законы, что и в военных походах.

Легкая конница монголов обычно атаковала противника «лавой», набегая волна за волной и поливая противника дождем стрел. Тяжелая конница была вооружена пиками и кривыми саблями, шашками, а также имела арканы и крючья, прикрепленные к пикам и дротикам. Этими арканами и крючьями монголы стаскивали противника с коня, а расправиться с пешими им уже не составляло большого труда.

Выносливость монгола и его коня были изумительны. В походе их войска могли двигаться месяцами без подвозимых запасов продовольствия и фуража. Во время похода в Западную Венгрию в 1241 г. Субедей со своей армией прошел однажды 435 верст менее чем за трое суток. А это более 150 км в сутки! Достичь такой скорости передвижения позволяли запасные лошади. У каждого монгола их было от одной до четырех.

Передовые отряды не только охраняли марш и производили разведку сил противника, но и давали знать основным силам, где лучший подножный корм для коней и водопой. Их армии не шли по одному пути, но постоянно поддерживали между собой связь. Принцип: «Врозь двигаться, вместе драться» они соблюдали неукоснительно.

Монголия того времени – экономически небогатая, если не сказать бедная, страна, никогда не смогла бы выдержать напряжение всех войн Чингисхана, если бы сама кормила и снабжала свою армию. Наоборот, армия содержала страну! Каждый воин, вернувшийся из похода, сдавал в казну десятую часть добытого. Других доходов у этой страны не было. Земледелием или металлургией монголы не занимались. Даже лошадьми страна не могла обеспечить свою армию. И коней они брали у завоеванных народов, особенно степных, или им доставляли лошадей народы, жившие под их властью, например башкиры. Известно, что сын Чингисхана Джучи отправлял отцу перед походом в Среднюю Азию табуны башкирских коней численностью в десятки тысяч.

Карта Великой Монгольской империи по Л. Гумилеву

На высоком уровне у монголов была и тайная разведка. Так, перед походом на Русь монголы знали о ней все необходимое — много лазутчиков было среди половцев. А русичи не знали о монголах ничего, для них захватчики были как снег на голову.

Чингисхан имел и свою гвардию. Это была его охрана и ординарцы для связи и доставки его указов, наиболее приближенные и преданные воины. Однако он не делил с ними ложе и наложниц, не бражничал наподобие князей славяно-русов, а лично проверял их боеспособность, умение владеть оружием. Из гвардейцев назначал он военных начальников. Это был лучший контингент его армии, потомственно преданные ему люди.

Имел он и 1000 багатуров на вороных конях, в число которых входили наиболее сильные, отважные и боеспособные воины. Их обычно использовали в качестве резерва и направляли в бой в самый решающий момент, туда, где решался исход битвы. Огромна была держава Чингисхана. Связь его ставки с армиями и различными регионами осуществлялась курьерами. Для обеспечения быстроты доставки его указов была создана сеть «ямов», т. е. «ямских» станций, на которых курьеры могли поменять лошадей. Позже в Монгольской империи эта сеть развилась в почтовую службу, когда стали доставлять уже письменные указания.

Сам Чингисхан не умел ни читать, ни писать, да и монгольский язык не знал письменности. Но Чингисхан своим гениальным умом оценил значение письменности для народа. Монголы переняли письменность у уйгуров.

Легко и быстро освоил эту письменность приемный брат Чингисхана Шики-Кутуку. Чингисхан назначил его верховным судьей, дав ему право казнить смертью виновных. Шики-Кутуку оказался чрезвычайно талантливым судьей, намного опережавшим свое время. В частности, в своей практике он не придавал никакого значения признаниям, полученным под пытками или устрашением подозреваемого.

Подумать только! А сколько невинных людей было казнено и отправлено на каторгу по таким «признаниям» в середине XX в., в пору сталинских репрессий. Более 700 лет тому назад правосудие Чингисхана не считало такое «признание» доказательством вины!

Свод законов Чингисхана, его «Яса», на многие сотни лет опережал свое время. Так, в ней говорилось: «Никто из подданных империи не имеет права иметь монгола слугой или рабом». В России рабство собственных граждан, именуемое крепостным правом, было отменено лишь более 600 лет спустя после Чингисхана.

Статья 11 второй части «Ясы», именуемой «Джасак», гласила:

«Он постановил уважать все исповедания, не отдавая предпочтения ни одному. Все это он предписал как средство быть угодным Богу. Уважать храмы, посвященные Богу, а равно и служителей». Человечество и поныне не может к этому прийти. Не луками и стрелами, а авиацией, ракетами и танками люди одной веры уничтожают иноверцев.

Можно совершенно определенно сказать, что не будь этого закона Чингисхана – не быть бы русским и башкирам в одном государстве. Им, Чингисханом, были посеяны зерна веротерпимости на бескрайних просторах Евразии. Не везде эти зерна дали всходы, лишь в редких местах они пробились через густой поганый бурьян межрелигиозной вражды. Сколько пролито крови иноверцев, сколько разгромлено церквей, мечетей, синагог?

Он был тенгрианцем. А в канонах тенгрианства нет межрелигиозной вражды. Вспомним, в «Библии тенгрианства» – эпосе «Урал-батыр» его герой женится на язычнице, дочери царя Катилы, приносящего в жертву людей. Вот бы и современным мировым религиям канонизировать терпимость иной веры. Нет, не уважение, не признание, а хотя бы крайнюю черту добрососедства – терпимость.

Чингисхан установил и много законов, регулирующих гражданскую жизнь империи. Надо сказать, что они были суровы. А иначе как создать порядок в диком средневековье?

Смертная казнь полагалась за:

- прелюбодеяние, причем прелюбодеи разрешалось убивать на месте преступления;
- ложь с намерением или колдовством, заступничество за кого-то в споре двоих;
- приют чужого раба;
- троекратное банкротство с использованием чужого товара;
- предательство;
- неуважение старших;
- крупную кражу;
- подверженность постыдным порокам.

В «Ясе» устанавливался также определенный порядок в семейных отношениях. Мужчина должен был выкупать свою жену у родителей. Браки первой и второй степеней родства не допускались. Отец не мог взять в жены дочь, а сын не мог жениться на матери. Запрещались также браки между двоюродными братьями и сестрами.

По смерти отца сыновья распоряжались судьбами его жен, за исключением своей матери. Они могли жениться на них сами или выдать замуж за другого мужчину. Жена покойного преимущественно отходила к его брату вместе с хозяйством и детьми. Это было и обязанностью братьев.

Дети, прижитые от наложниц, считались законными и получали по распоряжению отца свою долю наследства. Раздел имущества основывался на таком положении, что старший получает больше младших, меньший же сын наследует хозяйство отца. Старшинство детей устанавливалось по порядку бракосочетания их матери, а не по возрасту. Старшими считались дети первой жены относительно детей второй супруги.

Такое законодательство, безусловно, оказало большое влияние на нравы монгольского народа. Между монголами не было ссор, драк и убийств. Друг к другу они относились по-дружески, и потому тяжбы между ними заводились редко. Жены их были целомудренны. Грабежи и воровство среди них неизвестны.

Трудно поверить, но самодержец Чингисхан придерживался и вполне демократических принципов. Так, под страхом смерти было запрещено провозглашать кого-либо императором, если он не был избран князьями, ханами, вельможами и другими знатными людьми на общемонгольском съезде – курултае.

Описать «Ясу», хотя бы в общих чертах, не представляется возможным. Мне ни разу не попался на глаза полный сборник законов Чингисхана. Видимо, его еще в природе нет. Он ждет своего создателя и исследователя.

Империя Чингисхана была велика, могуча, и в ней царили законность и порядок – конечно в понятиях, рамках и реалиях того времени. Гениальность Чингисхана еще и в том, что он создал прецедент мирного принятия народов под свою власть, заложив этим основы федеративного государства с сохранением занимаемых территорий, свободой вероисповедания, самоуправлением, уплатой налогов и службой мужчин в общегосударственной армии.

И за все – десятая доля! Общий для всех налог всего 10 %! Одного юношу из каждых десяти – в армию! Дисциплина, законность и порядок! Потом русские летописцы и историки назовут это «игом». Слово это означает элемент сбруи от воловьей запряжки, что-то наподобие хомута. Происходит оно от тюркского *egeu* – «запрягать». Где найти сейчас такое «иго»? Как надеть такой хомут?

Поэтому монгольское нашествие и представляло собой снежную лавину, нарастающую с каждым шагом. Около двух третей армии Батыя составляли не монголы, а тюркские племена, жившие к востоку от Волги.

Древние башкирские племена – «лесные народы», о которых так написано в «Сокровенном сказании монголов», присоединились к империи Чингисхана в 1207 г.

Вспомним сам ритуал принятия в подданство. Начинался он битьем челом государю белыми кречетами, белыми лошадьми и белыми соболями, а затем следовало вручение ему подарков и принятие обязательства платить налоги и служить в его войске. Теплый прием, возвеличение Чингисханом башкирских вождей говорят о том, что вхождение древнебашкирских племен в империю Чингисхана было мирным, добровольным и желанным с обеих сторон.

От Чингисхана бии племенных союзов получили ярлыки на правление. Он закрепил за племенами их земли, дал существовавшие тогда некоторые атрибуты государственности. Так, для племени Табын оран (боевой клич) «Салават» играл роль флага, знамени в нашем понимании. С этим ораном бойцы шли в атаку, под этот клич они собирались около своего командира. Тамга играла роль печати. Ее использовали для отметки скота, бортовых деревьев, межевых знаков, а позже с возникновением письменных документов тамгу стали ставить как печать. Дерево (лиственница) и обозначенная птица – горный орел были для племени Табын подобны гербу.

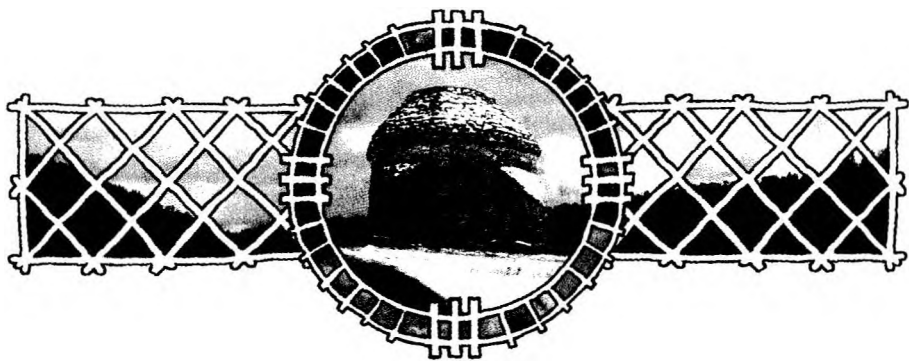

Так Чингисхан систематизировал древнебашкирские племенные союзы в своей империи. В отсутствие карт это был, пожалуй, единственный способ выделения и обозначения племен.

Три племенных союза: Майкы-бия, Муйтен-бия и мадьярских племен занимали огромную территорию от Тобола до Камы. Отношения между ними не были безоблачными. Они были тюрками и едва ли жили мирно. Мадыяры отличались воинственностью, и только труднопроходимый Уральский хребет защищал другие два союза от нашествия соседа. До поры до времени. Это понимали и Майкы-бий, и Муйтен-бий. Поэтому и присоединились они к империи Чингисхана, били челом, кречетами, мериными и соболями.

Башкирская нация развивалась вместе с великой империей Чингисхана в условиях самоуправления, владения собственной землей и уплаты лояльных налогов. Все это им дал правитель очень могущественный, покоривший полмира. Стремление к суверенитету, имевшее успех даже в отношении со столь великим правителем, навсегда вошло в традиции, обычаи башкирского народа, стало его менталитетом. Иного башкиры тогда не знали.

Глава 14

РУСЬ И БАШКОРТОСТАН В СОСТАВЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Время Золотой Орды было периодом дальнейшего формирования башкирского народа. Завоевания монголов и их политика на подчиненной им территории сыграли главную роль в этническом развитии башкир, в консолидации башкирского народа.

В середине XIII в. средневековые авторы П. Карпини и В. Рубрук территорию от волжских булгар до Уральского хребта называли Великой Венгрией, а язык населения – древневенгерским. Действительно, в это время на данной территории преобладал мадьярский компонент. Это был союз племен Бачжигит. Тюркское население здесь уступало в численности и было сосредоточено в горно-лесной зоне и в Зауралье.

Используя веротерпимость правителей Золотой Орды, на ее территорию проникает множество мусульманских и христианских проповедников, пытающихся обратить местное население в свою веру. Из христиан, кроме П. Карпини и В. Рубрука, известен в истории Иоганка-венгр своим письмом от 1320 г. в адрес генерала ордена Миноритов. Он прожил в Баскардии (Башкирии) 6 лет, знал язык населения этой страны. В письме Иоганка, описывая свои труды на религиозном поприще, просил прислать ему в помощь проповедников из венгров, англичан и немцев, считая, что они легче могут выучиться местному языку [73].

Отсюда можно сделать вывод, что за 70–80 лет после П. Карпини и В. Рубрука в национальном составе населения произошли какие-то изменения, которые привели к появлению в языке башкир

сходства с языком англичан и немцев. Причем одновременно. Образуется логический треугольник. Если язык башкир того времени был похож на язык англичан и на язык немцев, значит, языки англичан и немцев были тогда похожи между собой. Это одно. Кроме того, возникает вопрос: как образовалось сходство языка башкир с языками англичан и немцев? Что связывало в XIV в. Урал с Британскими островами и южным побережьем Балтийского моря?

Беликая Тюркская цивилизация! Тюрки, готы и гунны, как мы помним, разнесли тюркский язык по молодой Европе. Да, юг Европы говорил и писал на языке греков и римлян. На востоке были славяне, а на остальной части Европы на основе тюркского языка и языков местного населения складывались английский язык и группа германских языков.

О чем это говорит? Да о том, что в первой половине XIV в. язык на территории Башкирии утратил превосходство мадьярской составляющей и заместил эту утрату прибылью тюркского компонента. А язык – это лицо народа. Значит, и в национальном составе населения произошли перемены: мадьяр убавилось, а тюрков прибыло. И это отмечено в исторических источниках. Так, «Сокровенное сказание монголов» сообщает о разгроме ими народа Бачжигит – мадьярского союза племен [53].

А приток тюрков был обусловлен действиями монголов далеко на юге. До монгольского нашествия тюрки-половцы свободно жили в степи от родной Барабы до Приднепровья. Их экономические и военные интересы почти 300 лет были сосредоточены около Киевской Руси. В качестве наемников они принимали участие в междоусобных войнах славяно-русских князей: то на стороне одного, то на стороне другого, получая в награду возможность ограбить взятые города и побежденные народы.

В XI, XII и начале XIII в. Южное Приуралье не прельщало кипчаков-половцев. Они без остановки проходили эти земли, стремясь к границам Киевской Руси. Как пишет археолог В. Иванов, сегодня известно менее 20 кипчацких погребений XII – начала XIII в. Они разбросаны по громадной территории, включающей Башкортостан, Оренбургскую и Уральскую области [74].

Освоение Приуралья кипчаками-половцами и остатками других тюркских народов: печенегов, огузов, туркмен началось в конце XIII – начале XIV в.

Образование Золотой Орды с центром в Нижнем Поволжье привело к изменению населения в донских и приднепровских степях. Половцы-кипчаки и другие тюрки были вытеснены оттуда

монголами. Вот в это время и по этой причине свободное продвижение кипчаков на запад прекратилось и началось их массовое расселение в приуральских степях. Об этом рассказывают данные археологических раскопок. За последние 30 лет на территории Башкортостана, Оренбургской, Челябинской, Уральской и Актюбинской областей открыто и исследовано более 300 кипчакских погребений конца XIII – начала XIV в. [74].

Население Урала и Приуралья стало преимущественно тюркским, хотя жили здесь и лесные финские народы, а также остатки мадьяр – племена Юрматы и Еней. От них и перешел этноним «бачжигит, башкирд» на все население данной территории.

Монголы, следуя заветам, а точнее, «Ясе», Чингисхана, установили на всех завоеванных территориях жесткую вертикаль власти. Их было мало, и они правили завоеванными народами издалека. На Урале, Приуралье и в Зауралье, из древних башкирских племен образовался регион, вошедший добровольно в состав их империи еще при Чингисхане. Они поставили здесь единого правителя, который отвечал перед ними за сбор налогов, поставку в армию людей и лошадей. При едином правителе были и ставленники монголов – баскаки, осуществлявшие судебную власть по законам «Ясы».

В остальном здесь установилось самоуправление. Была определена и территория, которую занимало население Баскардии. Иными словами, это население обладало национальным суверенитетом внутри федеративного государства монголов. Баскардия была одним из субъектов этой средневековой федерации, как и Русь, Волжские Булгары, Мордва и другие.

Как и в любом средневековом государстве, в Золотой Орде также непрерывно шла борьба за власть. В ней правили обычно Чингизиды – потомки Чингисхана. Однако в окружении хана, кроме членов его семьи, находились и представители знати – нойоны. Среди них были и башкиры знатного происхождения. Известен башкир Тук-буга, пробившийся наверх благодаря своему воинскому таланту. Ему даже удалось ненадолго захватить власть в Орде.

В 1312 г. после смерти Токтага-хана, известного в истории под именем хана Токты, Тук-буга, опираясь на верных ему воинов, провозгласил себя правителем Золотой Орды. Однако это противоречило «Ясе» Чингисхана. Он узурпировал власть. Чингизиды в 1313 г. подготовили заговор и убили Тук-бугу. Возводя на ханский престол, они подняли на ковре 14-летнего Узбека – прямого Чингиза, племянника Токтага-хана.

С именем Узбека связаны многие великие дела. Смолоду он был приверженцем мусульманской религии. Потому в годы его правления мусульманские проповедники резко активизировали свою работу. Ханская поддержка многое значила, дорогого стоила.

Так, в 1320 г. Иоганка-венгр обнаружил единого государя Баскардии со своей семьей «совершенно зараженным сарацинским заблуждением (мусульманством. – *Р. В.*)». Иоганка пытался обратиться к нему в католическую веру, но получил следующий ответ: «Если бы вы сначала пришли, то мы, может быть, приняли бы эту веру, но государям постыдно, поднявши один закон, с легкостью отступать от него и переходить к другому».

Но Иоганка-венгр не оставил в покое правителя Баскардии. Монах вступил с его богословами в спор. Опираясь на свои писания, знамения, доводы и примеры, он пытался доказать, что мусульманская вера есть закон ложный и языческий. Когда монахи дошли до того, что стали называть ислам «законом дьявола», коварно смешавшего добро со злом, терпение мусульман лопнуло.

«Нас схватили и с жестокостью заключили в тюрьму, заковав в железо, и мы, мучаясь голодом в тюремной грязи среди ужасных червей и смертоносной вони, с радостью ждали смерти, но они, боясь татар, не смели на это решиться. Ибо татары любят христиан, а их ненавидят и преследуют», – написал Иоганка-венгр в своем письме.

Кого ненавидели татаро-монголы? Мусульман или население Баскардии? Едва ли последние слова Иоганки относились к мусульманам. Скорее всего, Иоганка имел в виду неприязненные отношения между татарами и мадьярами-башкирдами, которых преследовали монголы. Хан Узбек принял ислам, и вскоре мусульманская религия стала государственной в Золотой Орде.

Вслед за ханом Узбеком, всей Золотой Ордой и своим правителем мусульманскую веру принял и народ Баскардии. По объяснению Л. Бендефи [75], Баскардия – это не та область в Среднем Поволжье, где Юлиан нашел в XIII в. своих соплеменников, оставшихся язычниками, а территория восточнее Камы в сторону Уральского хребта.

Единая государственная власть, общие законы, самоуправление в виде государя всей Баскардии, единая мусульманская религия создали необходимые условия для дальнейшего объединения разных племен в новый этнос – башкирский народ.

К сожалению, нет прямых сведений о структуре государственной власти в Башкирии в период Золотой Орды. Лишь по документам более позднего времени можно говорить о башкирских

князьях. Русские цари не жаловали башкир титулами князей, значит, княжеские звания пришли из Золотой Орды. Наподобие русских князей, правивших своими уделами, были и башкирские князья, стоявшие во главе своих улусов и подчинявшиеся своему единому башкирскому государю. Из числа князей, собственно, и выбирался, а затем и утверждался в Золотой Орде государь всего Башкортостана.

Из башкирских эпических произведений («Юлай и Салават», «Идукай и Мурадым») следует, что во времена Золотой Орды и позже, в конце XIV в., в годы правления хана Тохтамыша Башкирское государство включало в себя 7 племен: Табын, Катай, Кувакан, Айле, Кыпчак, Тамьян и Юрматы. Состав племен башкирского народа однозначно свидетельствует о том, что в XIV в. произошла «тюркизация» края, а мадьярский компонент утратил свое превосходство. Из перечисленных племен лишь Юрматы имеет мадьярские корни. Племя Тамьян восходит к древнему массагето-сакскому миру, в его составе был род *мясогут* (*массагет*). Древнетюркские племена Табын, Катай и Кувакан описаны нами выше.

«Новыми» башкирами можно считать племена Кипчак и Айле. О кипчаках-половцах мы также выше упоминали. Шежере айлинского рода *тырнаклы*, записанное Х. Кульмухаметовым в 1950 г. в селе Лагыр Салаватского района, начинается с легенды о трех братьях, пришедших на реку Ай и оставшихся здесь, на этой плодородной и прекрасной земле.

Имена братьев: Имсаби, Кусаби и Тумса. Так в шежере. Первые два из них стали предводителями своих родов, и к их имени добавили слово «бий». Так получилось: Имса-бий, Куса-бий. Род Куса-бия расселился по долине реки Юрюзань, а Имса-бия – по Аю. Он стал родоначальником тырнаклинцев, входящих в айлинскую группу племен.

Х. Кульмухаметов попытался рассчитать время жизни различных поколений из этого шежере. Между поколениями он ставил 30–40 лет и отсчет начал с участников национально-освободительных войн XVIII в., время жизни которых было известно по опубликованным документам. Таким подсчетом Х. Кульмухаметов пришел к тому, что Имса-бий жил около 1480 г.

Однако такой метод едва ли можно считать применимым. Без сомнения, из шежере выпало не одно поколение. Если обратиться к верхним строчкам шежере, а они начинаются со святого Чингисхана и известного нам Майкы-бия и Юлбуги, то время жизни Имса-бия получается более ранним и приходится на конец XIII –

начало XIV в. Тырнаклинцы вошли в состав северо-восточного племенного союза, образованного Майкы-бием в XIII в. Юлбуга, видимо, был его приемник или глава айлинской группы племен.

Хан Узбек оставил яркий след в истории Золотой Орды, причем не воинскими успехами, а организацией мирной жизни в государстве. Не зря период его правления называют временем расцвета Золотой Орды. При нем возникли новые города и забурилась жизнь в старых поселениях. Города, расположенные в основном на берегах крупных рек, стали центрами торговли, где сходились речные и сухопутные пути. В них развивались ремесла, там трудились кожевники, гончары, кузнецы, ювелиры, ткачи, портные. Здесь же располагалась местная администрация, церкви, мечети, караван-сарай, почтовые ямы, налоговые службы.

В Золотой Орде стали известны и первые башкирские города.

Вспомним, в 1254 г. В. Рубрук писал, что *pascatir* – это пастухи, не имеющие никакого города. Так бы мы и считали, что башкиры не имели городов, до тех пор пока русские не пришли и не построили во второй половине XVI в. город Уфу. Но совсем недавно в 2001 г. вышла книга Айбулата Псянчина «Башкортостан на старых картах» [41]. Значение этой книги для истории Башкортостана трудно переоценить. Она позволила взглянуть на эту историю совсем другими глазами и увидеть много нового.

Из карты ал-Идриси 1154 г. мы узнаем о первых городах на земле *ard basqıvt*: «Из городов внутренних басджиртов назовем Маср и Каср. Оба города невелики, и купцы редко посещают их. И никто в них не бывал, так как местные жители убивают всех чужестранцев, которые хотят проехать через их страну. Оба города стоят на реке, которая впадает в Итиль».

На карте Идриси эти города расположены на берегах реки Уфы: Каср – в верховьях, а Маср – ниже по течению. Указание Идриси о том, что «оба города стоят на реке, которая впадает в Итиль», не должно вводить в заблуждение. В древности река Итиль, Идель (Волга) обозначалась по другому руслу: от устья Камы она шла по этой реке, далее по Белой. Караидель (Уфа), таким образом, считалась притоком Итили (Волги). Кроме того, надо помнить, что на тюркских языках Итиль, Идель – это просто «река». Выскажу предположение, что город Каср, возможно Касыр (тайный, спрятанный), стоял на месте современного города Касли. Пока ощущается лишь созвучие названия и места расположения – верховья реки Уфы.

Карта братьев Пицигано. Она является одной из первых морских карт. Оригинал, составленный в 1367 г., хранится в библио-

теке города Пармы. На этой карте в бассейне реки Камы впервые указаны город Pascherty (Башкорт) и населенный пункт Sagatin, а к востоку от Камы нанесена надпись pascherty – башкиры.

Город Pascherty, отнесенный к побережью Камы, показан и на карте жителя острова Мальорка Авраама Крескеса, составленной в течение 1375–1377 гг. На этой карте указан и второй башкирский город Sagatin – Сагатин (Чаготин, Жюкотин). Существование города Башгирда в пределах улуса Джучи отметил в конце XIV в. и арабский автор Ибн Халдун в своей «Книге назидательных примеров по части истории арабов, иноземцев и берберов» [39. С. 33].

Особенно интересна карта России, фрагмент 1554 г., составленная фламандским картографом Герардом Меркатором. На его карте расположение города Pascherty уточнено до слияния рек Белой и Уфы, а город Sagatin показан в верховьях реки Уфы. Возможно, что Каср и Сагатин – названия одного и того же города: Каср – арабское, а Сагатин – тюркское.

Таким образом, город при слиянии рек Белой и Уфы был известен в первой половине XIV в. как административный центр Башкирского государства во время пребывания башкир в составе Золотой Орды. Башкиры заложили этот город. Путешественники и купцы называли его не иначе как Башкорт, Башгирд или Паскати́р, Пасшерти – на европейский манер. Это было за 200 лет до того, как русские стрельцы, считавшиеся основателями Уфы, построили рядом свой административный центр и обнесли его дубовым забором.

Второго башкирского города – Сагатина вообще нет в башкирской истории. Башкиры основали его как зимовье близ известных плавилен на озере Иртяш, в верховьях реки Уфы. Как населенный пункт Сагатин известен по карте братьев Пицигано с 1367 г. Здесь плавил бронзу, железо и золото, ковали оружие, орудия труда, делали ювелирные изделия.

Просуществовал этот город недолго. Заложен он был в первой половине XIV в., в период расцвета ремесел в Золотой Орде. Вероятно, Сагатин был ровесником Тулы, которая была основана монголами для обеспечения Руси железными изделиями и названа в честь жены Узбека Тайдулы. Потом, сокращенно и по-русски, она стала Тулой.

Башкиры тщательно скрывали свои плавильни от посторонних, но сведения о выплавке здесь золота дошли до русских. В русских летописях [77] под 1399 г. рассказывается, что великий князь Московский Василий Дмитриевич «послал брата своего князя Юрия Дмитриевича (сыновья Дмитрия Донского. – Р. В.), а с ним восвод

Карта России Г. Меркатора 1552 г. с изображением двух башкирских городов: Пасишerti (Башкорт) при слиянии рек Белой и Уфы и Сагатин в верховьях реки Уфы

и старейших бояр и силу многу; они же шед взя город Болгары Великие и град Жюкотин (Сагатин. – Р. В.), и град Казань, и град Крменчуг, и всю землю их повоева». Русские впервые зашли так далеко на восток, на Урал. Обычно ханы Золотой Орды не допускали военных походов войск одного региона на другой.

Не ради праздного любопытства сыновья Дмитрия Донского организовали весьма долгий по московским меркам поход. Но уже не было в живых хана Тохтамыша, наказавшего Дмитрия Донского

за непослушание и сжегшего Москву. В Орде была «замятня» – один хан сменял другого, им было не до русских походов на башкирские земли.

А русские разграбили Сагатин (Жюкотин), перебили население, его защищавшее. Сколь долго просуществовал этот город после разграбления, сказать трудно. Он отмечен на карте М. Кузьда (1598 г.). Наиболее позднее упоминание о нем – карта Юстиса Данкерта 1635 г.

Однако в 1669 г. старец Лот из Далматовского монастыря, сообщая в Москву о плавильнях на озере Иртяш, отметил: «Есть и город каменный на берегу озера Ирстеша в полднище пути и башни великие и палаты каменные, башкирцы его скрывают...» Значит, в 1669 г. Сагатин еще был, но, видимо, его уже разрушили, и старец Лот, скорее всего, видел нежилые развалины. В исторических документах XVII в. по Башкортостану этот город уже не упоминается.

Здесь сохранились лишь зимовья башкир. На берегу озера Кызылташ они проводили свои курултаи. Позже, в XVIII в., здесь возникли города Кыштым и Касли, также известные своей металлургией.

Итак, первым из русских князей в Башкортостан пришел московский князь Юрий Дмитриевич, сын Дмитрия Донского.

Москва, будучи одним из беднейших уделов Владимирского княжества, начала возвышаться еще ранее, при князе Георгии (Юрии) Даниловиче, женившемся на сестре хана Узбека – Кончаке. Московские князья того времени отличались наибольшей преданностью ханам Золотой Орды. Особенно хорошие отношения сложились у них с ханом Узбеком, а он правил Золотой Ордой 30 лет. Срок немалый, если добавить сюда еще и 13-летнее правление его сына Джанибека, также весьма лояльного к Москве. После смерти великого князя Андрея Александровича (сына Александра Невского), два князя объявили себя его наследниками: Михаил Тверской и упомянутый выше Георгий Данилович Московский. Михаил был дядей Георгия, старшим в роде. Дядя и племянник поехали судиться в Орду.

Через несколько месяцев пребывания в Орде при Токтага-хане, в 1305 г. Михаил Тверской вернулся с ханской грамотой во Владимир и митрополит возвел его на престол великого княжения. Зная неуступчивость своего племянника, Михаил хотел силою оружия смирить Георгия Московского и дважды приступал к Москве, однако без успеха.

Кровопролитные бои лишь усилили их взаимную злобу. Древние летописцы винят одного князя московского Георгия Даниловича, который против обычая о старшинстве спорил со своим дядей.

Сыновья и внуки Даниила Московского были хорошими политиками. Политика – грязное дело, но они очень удачно плавали в этой мутной воде. После смерти Токтага-хана, покровительствовавшего Михаилу Тверскому, московские князья всеми правдами и неправдами стремились завоевать благосклонность юного хана Узбека.

Он не был воинственным и, повзрослев, не отличался тягой к военным походам и завоеваниям. А на западе набирало силу Литовское государство, наоборот, стремившееся силой оружия расширить свои владения. Тверские князья, настроенные более патриотично по сравнению с московскими, повернулись лицом к Литве, ожидая от нее помощи в освобождении из-под монгольской власти. Князь Михаил даже женил своего сына Дмитрия на дочери литовского князя. Московские же князья твердо держались на стороне Золотой Орды. Они всячески пресмыкались перед ханом Узбеком, подрывая снизу власть великого князя Михаила Тверского. Москвичи подбили на бунт новгородцев. Михаил, подавив этот бунт, пожаловался в Орду на Георгия Московского.

Пожаловался и успокоился, благо Георгия в 1315 г. вызвали в Орду давать ответ. Пока Михаил расправлялся окончательно с новгородцами, Георгий Московский жил в Орде, три года кланялся, дарил хану и его окружению богатые подарки. Лестью и покорностью он наконец приобрел такую милость, что юный Узбек женил его на своей любимой сестре Кончаке и дал ему ярлык на великое княжение.

Михаил Тверской согласился с волей хана, признал Георгия великим князем, просил лишь дать ему спокойно жить и править в Твери. Но не таков был его племянник. Георгий вместе с отрядом монголов под началом Кавгады пошел на Тверь. В 40 верстах от города произошла битва. Михаил Тверской разбил Георгия Московского вместе с отрядом монголов. И эта победа стоила ему потом жизни.

В плен к нему попала молодая жена Георгия Кончака, сестра хана Узбека, его полководец Кавгадый, брат Георгия Борис и другие знатные люди. Михаил запретил убивать пленников, но вскоре ханская сестра внезапно умерла в Твери. Летописец отметил: «а князя Бориса яша руками и ...княгиню Георгиеву, и поведоша их в Тверь, и тамо зельем уморена бысть Кончака... и приве-

зоша ея мертвое с Твери в Ростов, и положиша в церкви святей Богородици».

Сразу же сторонники московского князя пустили слух, что ее отравили по приказу Михаила Тверского. Георгий вымыслил эту клевету и, воспользовавшись случаем, очернил своего дядю, тверского князя, в глазах хана Узбека. Взяв с собой побитого Михаилом ханского воеводу Кавгадыя, он отправился в Орду к хану. Вскоре вызвали туда и Михаила, но он все тянул с отъездом, верша свои дела.

А хитрый политик Георгий Московский был все это время рядом с ханом Узбеком, «сыпал соль на рану», оплакивая жену свою Кончаку, ханскую сестру, льстя и одаривая хана и его вельмож. К приезду Михаила в Орду судьба его была предreshена. Георгий Московский вместе с Кавгадыем с ханского повеленья убили Михаила Тверского. Это было концом власти Твери и началом возвышения Москвы.

Русские князья-соседи люто ненавидели друг друга, хотя и были близкими родственниками. Звериная злоба и черная память о прошлых междоусобицах вскипали в них при виде друг друга. В 1322 г. великим князем стал Дмитрий, сын убитого Михаила Тверского. Чего только не делал Георгий Московский, чтоб отобрать у него власть. Пытался поднять против Дмитрия и псковитян, и новгородцев, но не получив от них войска, отправился вновь в Орду, надеясь на милость Узбека. Туда же приехал и Дмитрий. При первой же встрече Дмитрий вонзил меч в убийцу отца. Вновь хан Узбек не потерпел самоуправства и казнил Дмитрия, но признал великим князем его брата Александра Михайловича Тверского.

Этот князь не отличался ни политическим умом, ни хладнокровием, будучи юным и легкомысленным. Однажды, поддавшись испугу, он поднял свой народ против одного из монгольских отрядов. Тверичане разбили этот отряд, а остатки его сожгли живьем.

Гневу хана Узбека не было границ, он поклялся истребить гнездо мятежников. Но потом решил проявить осторожность и наказать тверичан силами соседей-москвичей. Вновь Москва возвысилась над Тверью, и наступил час Ивана Даниловича, прозванного Калитой.

Хан Узбек придал ему в помощь 50 000 воинов с пятью ханскими темниками и повелел идти на Александра. Тверь, Кашин и Торжок были Калитой взяты, опустошены со всеми пригородами, а жители истреблены огнем и мечом, оставшиеся в живых попали

в рабство. Новгородцы еле откупились от расправы. Малодушный Александр, бросив свой народ, бежал в Псков.

Посчитав дымящиеся развалины тверских городов достаточным уроком за самовольство русских князей, хан Узбек дал самую милостивую грамоту Ивану Даниловичу (Калите) на великое княжение. Так кровью и жизнью тысяч своих соотечественников этот князь купил свой престол.

Столица великого княжества Владимирского переместилась в Москву. Сюда же перебрался и митрополит Петр, который еще за 15 лет до описываемых событий выходил в Орде у хана Узбека ярлык, или льготную грамоту. Это было удивительное творение хана Узбека, достойное того, чтобы сохранить его имя в истории человечества.

Трудно поверить, но в данной грамоте хан Узбек, ярый мусульманин, достойный потомок своего предка Чингисхана, написал слова, которые стоило бы выбить золотыми буквами в истории России: «Высшего и бессмертного Бога волею и силою, Величеством и милостью. Узбеково слово ко всем князьям Великим, средним и нижним, воеводам, книжникам (учетчикам. – *Р. В.*), баскакам, писцам, мимо ездящим послам, сокольникам, пардусникам во всех улусах и странах, где Бога бессмертного силою наша власть держится и слово наше значимо. Да никто не обидит в Руси церковь соборную, Петра митрополита и людей его: архимандритов, игуменов, попов и прочих. Их грады, волости, села, земли, ловли, борти, луга, леса, винограды, сады, мельницы, хутора свободны от всякие дани и пошчины. Все то есть Божье; ибо сии люди молитвою своею блюдут нас, и наше воинство укрепляют.

Да будут они подсудны единому митрополиту, согласно с древним законом их и грамотами прежних царей ордынских.

Да пребывает митрополит в тихом и кротком житие; за правым сердцем и без печали молит Бога за нас и детей наших.

Кто возьмет что-нибудь у духовных, заплатит втрое; кто дерзнет порицать веру русскую, кто обидит церковь, монастырь, часовню, тот умрет!»

И это тогда, когда братья во Христе – крестоносцы римского папы скрежетали зубами после неудачной попытки покончить с православной Русью, отбитой Александром Невским! Кто из православных правителей России издаст такой указ о льготах для мусульманских мечетей и духовных лиц? Найдется ли кто-нибудь, способный на это?

Но вернемся к хану Узбеку и Ивану Калите. Он получил от хана ярлык на великое княжение в 1328 г., и с тех пор этот ярлык уже не

выходил из-под московского князя. С восшествием на престол Ивана Калиты мир и тишина воцарились в Северной Руси. Монголы перестали, наконец, совершать опустошающие набеги. Они полностью доверили власть московским князьям.

Ивана Калиту москвичи прозвали «собирателем земли Русской» и «государем-отцом». Это был тонкий политик. Он использовал хана Узбека как сильнейшую поддержку в борьбе со своими конкурентами на великокняжеский престол, а хан его – как преданную силу в наведении спокойствия и покорности на Руси.

Братья Даниловичи: Георгий Московский и Иван Калита едва ли силой смогли бы победить тверских князей в междоусобице, и она бы длилась без конца. Монгольские ханы не терпели эти бессмысленные войны, разорявшие народ и сокращавшие их доход в виде налогов. В интересах ханов было единовластие и процветание подвластных им народов.

Раз за разом хан Узбек наказывал забияк-тверичан, но они словно не понимали кровавых уроков. А московские князья умело этим пользовались. Войну с полей битв они перенесли в ханскую ставку. А здесь у них издавна были лучшие позиции. Они не скупилась на дары, умели льстить и, главное, никогда не ослушивались хана, когда тот вызывал их к себе или приказывал наказать тверичан.

Хан Узбек под корень уничтожил семейство задиристых тверских князей, склонных к междоусобице. К казненным Михаилу Тверскому и его сыну Дмитрию при Иване Калите добавились еще один сын Михаила – Александр и внук Федор. Их не просто казнили, а разрубили на куски.

После казней московские князья всегда «вспоминали», что они близкая родня тверских, и с почестями отвозили останки на родину, митрополит отпевал их, и покойных хоронили около Тверской соборной церкви.

Иван Калита умел угодить всем: и ханам, и своим подданным. Свое прозвище он получил по мешку с мелкими деньгами, называемому «калитой», из которого князь раздавал подачки бедным людям.

Почитая митрополита Петра, он воздвиг в Москве на площади первую каменную церковь Успения Богоматери. Митрополита, после кончины, похоронили в стене этой церкви, а в следующем году новый митрополит Феагност освятил церковь Успения Богоматери и основал свою кафедру, также в Москве. К неудовольствию других князей. Они предвидели, что, имея у себя главу

духовенства, Иван Калита и его потомки захотят навсегда оставить у себя великокняжеский престол.

Бывая часто в Орде и одаривая хана Узбека и его приближенных, Иван Калита старался всячески заслужить их доверие. Не все знатные люди приняли мусульманство в Орде по указу хана Узбека. Не пожелавшие этого сделать мурзы, склонные к христианству, выезжали из Орды, а Иван Калита с радостью принимал их.

Так в Москву переехал татарский мурза Чет, названный в крещении Захарием. От него произошел русский царь Борис Годунов и вся династия Романовых, потому что Романовы прежде были Захарьиными. Они ведут свой род от Романа Захарьина. Его сын Федор был митрополитом Филаретом, а внук – Михаил Федорович – первым русским царем из династии Романовых.

Конечно, хан Узбек, поддерживая московских князей, меньше всего думал о судьбе Руси. Просто москвичи были особенно лояльны к нему. Так Иван Калита, собираясь в Орду в 1339 г., взял с собой двух старших сыновей Симеона и Ивана, представил их величавому Узбеку как будущих преданных и ревностных слуг его рода, искусно льстил ему, сыпал дары и совершенно овладел доверием хана. И, как оказалось, с большой пользой.

На следующий год (в 1340 г.) Иван Калита умер. Много претендентов на великокняжеский престол спешили к хану в Орду. Выехал к нему и Симеон Иванович с братьями. Он напомнил хану Узбеку о долговременной верности своего отца, клялся заслужить милость ханскую, и был объявлен великим князем. Хан при этом обещал никому, помимо московских князей, не давать великого княжения. И стоял на этом.

Симеон умел пользоваться властью, не уступал в благоразумии отцу и следовал его правилам. Он льстил хану и одаривал его приближенных до унижения, пресмыкания перед ними. Но, вернувшись в Русь, Симеон становился совсем другим человеком, строго повелевал князьями удельными и заслужил от них прозвище Гордый. Именно его первым из великих князей стали называть «государем всея Руси».

Сопоставляя сведения о появлении «государя всея Руси» в лице великого князя Симеона с упоминанием в письме Иоганки-венгра о государе Баскардии (Башкирии), можно сказать, что к 1340 г. стараниями хана Узбека Золотая Орда окончательно сформировалась как федеративное государство с регионами, имеющими самоуправление в лице своих государей, подчиненных верховной ханской власти.

Вне всякого сомнения, период правления хана Узбека – это не только время расцвета Золотой Орды, но и время становления субъектов этой средневековой федерации, сплочения их в народы – с едиными правителями, языками, религиями и культурами.

В этой федерации едиными были также и законы, одна судебная власть в лице *баскаков*, не зависящих от государей субъектов федерации, а подчиняющихся непосредственно хану, который, кроме главы государства, был еще и верховным судьей.

Федерация состояла из субъектов, среди которых были Русь, Башкирия (Баскардия), Волжская Булгария, Мордовия, Маджары (мадьяры в прикубанских степях), Чувашия и другие. Все они находились на разных ступенях развития, по-разному приняли власть монголов, и о каждом из этих народов можно написать отдельную книгу. Их истории в Золотой Орде еще ждут своих исследователей. Мы же сосредоточим свой интерес на Руси и Башкирском государстве.

У каждого из этих субъектов был свой государь. Отметим лишь, что на Руси единовластие появилось на 20 лет позже, чем в Башкирии. Это и понятно. Башкирия не имела таких давних традиций междоусобных войн, какие были на Руси. Вспомним, накануне монгольского нашествия Русь была на краю гибели из-за этих войн. Собственно, поэтому она не могла противостоять нашествию монголов. Что ее ожидало впереди?

Удельные князья того периода, если бы оказались предоставленными самим себе, разнесли бы свою Русь на мелкие осколки, которые бы стали легкой добычей любой мало-мальски организованной военной силы. Лишь нашествие монголов остановило этот процесс самоуничтожения.

Каждый субъект Золотой Орды имел свою религию. Насильно никому не навязывалась никакая религия. Русь как была, так и осталась православной, а черемисы и вотяки – язычниками. Конечно, после того как ислам стал государственной религией в Золотой Орде, ситуация в этом плане несколько изменилась. Вельможи и чиновники в массе своей приняли ислам, а не пожелавшие стать мусульманами были вынуждены уйти со службы. Некоторые из них предпочли стать христианами и подались в Русь. Едва ли не половина русских дворянских фамилий произошла от этих беглых мурз.

Золотая Орда имела разветвленную сеть фискальных органов – сборщиков налогов. За полноту сбора и доставку собранного в Орду отвечал государь субъекта.

Каждый гражданин Золотой Орды, будь то монгол, русский или башкир, был обязан уплатить в казну налог в одну десятую часть добытого дохода. И это в русских летописях называли «игом», тяжелым бременем, которое нес на себе русский народ. Если при монголах было иго, то что же было при русском царе Петре Великом? Тогда налоги стали взиматься не только с полученного дохода, но и за дым из трубы, из-за чего в России резко сократилось число бань и русские стали строить в домах такие печи, чтобы в них можно было и помыться. А башкиры, как добросовестные налогоплательщики, имели не болес 2 – 3 бань на деревню.

Золотая Орда имела свою регулярную армию, которая, кроме военных действий за пределами государства, принимала участие и в карательных экспедициях, особенно на Руси. Армия формировалась на основе призыва, причем брали из десяти юношей одного и исключительно лишь от двух братьев – третьего. Единственных сыновей, как видим, в этом средневековом государстве в армию не призывали.

Если бы где-нибудь в современном мире государство создало бы своим гражданам такие условия, какие были при монголах, то сегодня это назвали бы не игом, а оффшорной зоной или зоной наибольшего благоприятствования.

Хан Узбек ненадолго пережил своего русского друга Ивана Калиту. Он умер через год, в 1342 г., оставив после себя цветущее федеративное государство, в котором царили мир и порядок. Православные христиане жили бок о бок с мусульманами, тенгрианцами и язычниками. Росли города и процветала торговля. Но это уже была не воинственная орда, свято придерживавшаяся «Ясы» Чингисхана, а обыкновенный мусульманский султанат, очень похожий на такие же султанаты Средней Азии.

И вокруг хана Узбека в последние годы его жизни были уже не знаменитые полководцы, преданные ему и душой и телом, а рафинированные продажные вельможи, способные лишь принимать дары из регионов и торговать благосклонностью хана.

И вот хан умер. Согласно его завещанию, власть перешла в руки его старшего сына Тинибека, который уже с 1333 г., будучи совсем юным, принимал участие в управлении государством, командовал войсками хана. Существует немало версий об убиении его братом Джанибеком и захвате им власти [78].

Ясно одно: зараза братоубийства на почве борьбы за власть перешла из Руси в Золотую Орду. Это и не удивительно, если учесть, что, например, князь Дмитрий Тверской убил своего двою-

родного брата Георгия Московского в Орде, фактически на глазах хана Узбека и его приближенных.

А Москва в это время крепла. За 40 лет после начала княжения Ивана Калиты она не знала опустошительных нашествий монгольских карательных отрядов. Время правления Джанибека в течение 13 лет также было благоприятным для Москвы. Выросло два поколения, не знавших страха перед монголами. А русские полководцы-князья наконец поняли, что монголы и кипчаки не большие любители сражаться в голой степи, когда перед глазами не маячит богатый город, взяв который можно было его ограбить, увести в полон молодых красавиц.

Москвичи уже не подпускали монгольские отряды близко к своему городу. Встречали их и вели переговоры на значительном расстоянии от города. Да и время правления Джанибека стало периодом постепенного упадка былого могущества Золотой Орды.

Регионы при этом набирали силу, особенно Москва. Там еще действовали закон и порядок. В 1353 г. от чумы умер великий князь Симеон Гордый со всей семьей. В живых остался лишь его младший брат – Иван Иванович Красный, не имевший никаких политических и военных способностей. Зная характер Ивана, Симеон завещал бразды правления не ему, а митрополиту Алексию, крестнику Ивана Калиты. Митрополит Алексей возглавлял правительство до самой своей смерти в 1378 г. Двадцать пять лет в Москве административная власть правила совместно с православной, церковной. Причем эта же церковь имела большое влияние и в других княжествах Руси, что, безусловно, способствовало их сближению с Москвой. Выросшие в этот период поколения отличались не только признанием закона и порядка, но и духовностью, верой во власть и отечество. Церковь за двадцать пять лет своей власти сделала Москву центром Руси, не пролив ни капли крови.

Под крылом и опекой митрополита Алексия вырос юный великий князь Дмитрий Иванович. Старейший митрополит Алексей определил себе в преемники Сергия Радонежского, а князю Дмитрию хотелось видеть на этом месте своего духовника Митяя. В 1379 г. произошел разрыв церкви и светской власти. Сергий Радонежский и Дионисий, епископ Суздальский, отвергли Митяя. Союз трона и алтаря распался.

В Орде в это время шла своя междоусобица. Талантливый и энергичный темник Мамай, удачно женившись на дочери хана Золотой Орды Бердибека [79], возвысился до положения гургена, члена царского рода. Его положение усилилось после смерти этого

хана, когда в Орде началась «замятня» и эмиры стали править в провинциях самостоятельно. Он захватил власть в причерноморской державе половцев и аланов, по сути, контролировал осколок Золотой Орды к западу от Волги, в который входила и Русь. Положение гургена не давало ему права на ханский трон, но в начале своей карьеры Мамай попытался было претендовать на ханскую власть и даже чеканил в Азаке в 1361 г. монету с надписью «Мамай – царь правосудный». Однако удержать верховную власть ему не удалось, и он в течение двадцати лет действовал именем подставных ханов, за что в истории был назван «узурпатором».

А в Московском княжестве с приходом к власти молодого князя Дмитрия не только распался союз трона и алтаря, но и началось их противостояние. Дмитрий подчинился Мамаю, получил от него ярлык на великое княжение на Руси и стал платить ему дань. Церковь, имевшая беспрецедентные льготы и привилегии от правителей Орды, еще от хана Узбека, под властью Мамаю их потеряла и стала вести свою активную «антимамайскую» политику.

Восточные владения Орды подчинялись хану Тохтамышу, возглавлявшему предков казахов и действовавшему в пределах улуса Джучи. Тохтамыш, являясь Чингизидом, имел законные права на ханский трон. Он был личностью не меньшей величины, чем Мамай, а, может быть, даже еще большей. Это были гиганты того времени. Оба стремились захватить власть в Орде, восстановить ее в пределах Золотой Орды, продолжить ее славные завоевания. Каждый в отдельности был способен это сделать, но оба жили в одно время, и разделяла их владения великая река Волга. Они стали заклятыми врагами.

К 1380 г. Москва была еще под властью Мамаю и платила ему «выход», правда, небольшой, без большого желания и нерегулярно. Казна Мамаю опустела, и он потребовал от великого князя Дмитрия увеличения дани до тех размеров, что платила Русь хану Джанибеку. Дмитрий не соглашался, тянул. Вот Мамай и решил наказать молодого великого князя Дмитрия, правившего Русью под его, Мамаевым, ярлыком.

Русь оказалась меж двух огней: Мамаем и Тохтамышем, и выступив с подачи православной церкви против первого из них, она оказалась на стороне второго – законного хана Орды. И это не случайно – так было в традициях Московской Руси.

Великий князь Московский Дмитрий Иванович, несмотря на свои молодые годы, правильно оценил ситуацию и не очень-то

торопился вступать в битву гигантов. Он затягивал переговоры с послами Мамая, обещая ему платить «выход», торговался с ним по размеру дани, но не платил. Неизвестно, сколь долго бы это продолжалось. Дмитрий явно не торопился, ожидая схватки гигантов между собой. Возможно, он бы и дождался этого, но получил удар в спину от своей церкви. Именно русская церковь начала войну с Мамасем, закончившуюся Куликовской битвой.

В Нижнем Новгороде по инициативе епископа Дионисия Суздальского были убиты послы Мамая. В этой войне участвовали две коалиции: Мамай с Генуей и Великим княжеством Литовским и блок Москвы с Белой Ордой – союз, начало которому положил еще Александр Невский. Этот блок образовался лишь номинально, только потому, что Москва выступила против Мамая – врага Тохтамыша.

«Нет худа без добра», гласит русская пословица. Если в ополчение к Дмитрию сходились москвичи, тверичане, владимирцы, суздальцы, ростовчане, полочане, смоляне, новгородцы, ярославцы, то в общем лагере в Коломне стояли уже русские люди в количестве, как утверждают летописи, 100 – 150 тысяч человек.

Двадцать пять лет светско-православной власти на Руси дали свои результаты. Русская православная нация состоялась. На Москву шел узурпатор Мамай, стремясь в очередной раз поставить ее на колени. Великий князь Дмитрий Иванович, приложивший немало сил для того, чтобы избежать войны, должен был принять вызов.

Перед ним был выбор: попытаться отбиться от Мамая силами Московского княжества или поднять против него всю Русь? Мамай шел конкретно на Москву, на Дмитрия, и традиции Руси были таковы, что беда соседа воспринималась князьями как благо, как возможность возвыситься самим.

И все-таки Дмитрий выбрал второе. Гонцы поскакали по всей Руси, и к Коломне стали стекаться полки от всех соседних княжеств, за исключением Рязанского княжества. Это был тот необходимый толчок, за которым русский народ почувствовал свое единство. Здесь велика роль православной церкви. За 25 лет правления Московским княжеством она набрала силу и авторитет. Кроме того, митрополит хорошо помнил о покровительстве Орды над православной церковью, о благах и привилегиях, данных ей законными ханами. Церковные служители, а не гонцы великого князя Дмитрия, подняли русский народ против узурпатора Мамая. Это была партия войны, и она толкала Дмитрия против Мамая.

А он не хотел восвать с Мамаем, ведь правил Русью под его ярлыком. Уплатить Мамаю дань, согласиться на его условия или еще подождать, посмотреть на то, кто захватит власть в Орде, – вот вопрос, который стоял перед Дмитрием.

Куликовская битва и русскими историками была оценена весьма сдержанно и с недоверием. Так, известный русский историк С. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен» писал: «Куликовская победа была из числа тех побед, которые близко граничат с тяжким поражением. Когда, говорит предание, Великий князь велел счесть, сколько осталось в живых после битвы, то боярин Михаила Александрович донес ему, что осталось всего сорок тысяч человек, тогда как в битву вступило больше четырехсот тысяч».

Хитроумный Соловьев вытащил на свет эту немыслимую цифру в 360 тысяч погибших из «Сказания о Мамаевом побоище», но не взял цифру на себя, а подставил под нее предание и боярина Михайлу Александровича. А сколько же тогда погибло людей у потерпевшего поражение Мамаю? Если победитель положил 360 тысяч, то побежденный, согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», потерял 400 тысяч воинов [80].

Вот что рассказывает Ермолинская летопись о Куликовской битве: «И яко бысть в 6 час дни начата появлятися Татарове в поле чисте и исполчишася противу христиан... бишася от шестаго часа до девятого». Это за три часа битвы, с 6 часов дня до 9 вечера, – 760 тысяч полегло! Где их тела? По той же Ермолинской летописи, Мамай покинул Куликово поле сразу же после битвы, а князь Дмитрий – на следующий день. Лошадей у него было мало. Он не мог увезти всех погибших. Так где это грандиозное кладбище? Его нет и быть не может.

Другой историк, Н. Карамзин, высказался на этот счет с большой иронией: «Золотая Орда ныне или завтра долженствовала исчезнуть по ея собственным, внутренним причинам разрушения. Дмитрий победил Мамаю, чтобы видеть пепел Москвы и платить дань Токтамышу».

Не мог знать русский историк С. Соловьев, что мы будем иметь прецедент для сравнения: в 1945 г. полководец Г. Жуков положит в Берлинской операции 400 000 советских воинов. Но это не менее чем за 10 дней кровопролитнейших сражений, под круглосуточным ураганным обстрелом из крупнокалиберных орудий и дождем смертоносных пуль. А здесь такое число жертв в профессиональ-

ном войске Мамаю от русских ополченцев, вооруженных лишь холодным оружием, и за неполные 3 часа боя! Как этому верить?

Да и было ли под началом Мамаю столько бойцов? Он имел под собой едва ли более 20 - 30 тысяч воинов. Армии степняков не собирались большим числом. Они двигались «одвуконь». Каждый воин имел 2 - 3 лошади. Всего в армии было около 50 тысяч конских голов. Такое количество лошадей еще можно было прокормить в степи на марше, но лето уже заканчивалось, трава давно выгорела. Так что и цифру в 25 тысяч воинов Мамаю можно считать предельной.

Русская армия была в основном пешей и представляла собой ополчение из монахов, крестьян, ремесленников и всякого другого народа, оказавшееся против регулярной армии из наемников - половцев и аланов, сидевших на конях и умевших воевать.

Русские летописи совсем не упоминают о пленных, захваченных победителями, о богатых трофеях. Случайно ли это? Нет упоминаний - значит, не было ни пленных, ни трофеев.

Состоялась битва или нет и сколько на ней погибло воинов - остается загадкой и по сей день. Археологи так и не могут найти ни поля боя столь грандиозного сражения, ни могил павших воинов. Где только не искали! Даже на Куликовом поле под самой Москвой вели раскопки. Но нет, так ничего и не нашли. Современные историки сходятся во мнении, что обе рати - как Дмитрия, так и Мамаю - не превосходили в своей численности 20 - 30 тысяч воинов, а общее количество погибших не превышало 8 - 9 тысяч человек. Но и такого могильника найти не могут, несмотря на то что едва ли не каждый сантиметр Куликова поля и его окрестностей исследован с особой тщательностью.

В результате многолетних поисков археологи нашли одну (одну!) кольчугу и кусок металла, принятый за часть доспехов воина. Каких только доводов не привели в оправдание такой скудности следов Куликовской битвы! Якобы после боя сразу все металлические изделия собрали - железо тогда было в большой цене. Кроме того, позже якобы помещики, владевшие этой землей, платили своим крестьянам большие деньги за исторические находки, и они выбрали все следы Куликовской битвы. Но тогда эти находки появились бы в музеях, мемуарах, коллекциях, семейных хрониках. Однако следов никаких нет, как нет и могильника «грандиозного» сражения.

Для того чтобы не выглядеть голословным, приведу новейшие достижения археологов по изучению Куликова поля. Журнал «Огонек» [81] помпезно сообщил, что «археологи наконец-то

поставили во всех спорах жирную точку: спустя 626 лет после легендарной битвы они обнаружили братские могилы, причем сразу шесть». И далее: «После проведенной в мае этого года съемки археологи выявили в западной части Куликова поля шесть объектов, расположенных на небольшой глубине. Эксперты центра судебно-медицинской экспертизы (неизвестно какого. – Р. В.) пришли к выводу, что почва “объектов” содержит прах, подвергнутый разрушительному влиянию поверхностного слоя почвы: чернозем, обладая повышенной химической активностью, способен практически полностью деструктурировать тела, включая и костную ткань».

Как видно, никто так и не нашел останков погибших воинов, хоть и провели георадарную съемку специальным прибором. За «жирную точку» и братские могилы нам пытаются выдать некие «объекты», которых безымянные судмедэксперты, несомненно, «большие специалисты» в почвоведении, считают прахом чьих-то тел, истлевшим под воздействием чернозема. И кости не сохранились. Надо же какой чернозем! Наподобие самой агрессивной кислоты! Ни одного скелета воина не нашли! Ни одного из 760 тысяч, якобы погибших в том сражении!

Если уж с использованием самой современной техники не нашли на поле Куликовом никаких следов битвы, кроме неидентифицированного «праха» без костей и оружия, то на этом сражении действительно можно поставить жирную точку.

Одним словом, нет на поле Куликовом ни могильников, ни тел погибших, ни деталей оружия или доспехов, нет никаких следов даже небольшой битвы. Лишь все новые слои лжи покрывают это поле. Сейчас уже становится очевидным, что в поисках исторической истины нужно отойти от попыток объяснить отсутствие следов. Право на жизнь имеет и версия о том, что большой битвы не было. Что же тогда могло произойти на Куликовом поле? Кому нужно было это сражение?

Великому князю Дмитрию? – нет. Он прекрасно видел, что перед его пешим ополчением стояло профессиональное войско степняков, хорошо вооруженное, верхом на конях. Дмитрий правил на Руси под ярлыком Мамаю уже несколько лет. Едва ли он мог рассчитывать на ярлык великого князя от другого хана, например, от Тохтамыша. Дальнейшая история это подтвердила. Тохтамыш сжег Москву. Мамаю тоже не нужно было это сражение в степи, далеко от Москвы. Стимула не было его войнам. Мамай пришел за данью, за русским золотом. Войну начала православная церковь, только она желала битвы и попыталась ее начать.

Одно достоверно известно: перед битвой состоялись два поединка. Выехал воин из войска Мамай, но ни один из бойцов Дмитрия не рискнул с ним сразиться. Или Дмитрий этого не хотел. Первыми против богатырей Мамай вышли монахи Троицкой Лавры Пересвет и Ослябя.

Не воины Дмитрия, а иноки, приданные ему Сергеем Радонежским! Верности церкви, стремления к самопожертвованию, отваги у этих монахов было через край, а вот биться на коне приходилось ли им? Похоже, что Дмитрий до последнего момента не хотел начинать сражение, а церковь, спровоцировавшая эту войну, также оставалась верной себе. Монахи, видя, что воины Дмитрия не выходят на поединок, взяли инициативу на себя. Оба погибли. Их тела в колодах Дмитрий привез в Москву. Конечно, летописи утверждают, что при этом монахи убили и своих противников.

О том, что случилось на поле Куликовом после этих поединков, как началось сражение и что произошло за неполные 3 часа, мало что известно. Море крови, горы трупов, полк князя Владимира Андреевича из засады, геройство Дмитрия, его беспамятство и слова приближенных: «Государь! Ты победил врагов!» Далее Мамай бежит – это все, что рассказывают летописи о ходе Куликовской битвы.

К Мамаю на помощь спешил его союзник литовский князь Ягайло. Он был на расстоянии одного дня пути во время битвы. Лазутчики донесли ему о событиях на поле Куликовом. Если бы войска Дмитрия участвовали в сражении и понесли большие потери, как сообщают летописи, то Ягайло не преминул бы воспользоваться этим. Москва – вот она! Никем не защищаема!

Удобнее момента для нападения на Москву не найти! Можно было предварительно добить войско Дмитрия. Однако Ягайло поворачивает назад и уходит восвояси. Кого он испугался?

Добросовестные историки, конечно, видели все эти факты, но не отваживались отрицать Куликовскую битву – символ русского патриотизма и геройства. Обычно они «делали красивую мину при плохой игре» или просто избегали затрагивать эту тему. Тот же Л. Гумилев, например, написал весьма объемную книгу «Древняя Русь и Великая степь» на 900 страницах, но ни единой строчки не уделил описанию Куликовской битвы, оговорившись, что «повторения известного только уводят от понимания глобальных процессов» [36. С. 605]. Он, с присущей ему находчивостью, попытался лишь оправдать отсутствие могильников близ поля битвы, заявив о том, что потери русских были в основном ранеными. Проанализировав политическую ситуацию накануне этого собы-

тия, он с иронией отделался труднопонимаемой фразой: «Скорее всего, Мамай, ускокавший с Куликова поля, был расстроен не больше, чем Наполеон, переправившийся через Березину».

Мамай настиг в южнорусских степях, близ Мариуполя, законный хан, Чингизид Тохтамыш. Едва войска Мамай и Тохтамыша выстроились перед боем, как всадники Мамай сошли с коней, сняли шлемы и склонили головы перед законным ханом. Битва гигантов не состоялась. Мамай бежал к Черному морю, в город Кафу.

У этой исторической загадки, связанной с Куликовской битвой, есть одна сторона, не замеченная историками. Русские летописи, например Ермолинская и Ростовская, отметили, что Мамай «прибеже в Кафу со множеством злата и сребра», где и был обманом («лесь створше над ним») схвачен генуэзцами, ограблен и казнен. Откуда Мамай взял много золота и серебра?

Ясно, что не от Тохтамыша. До Москвы он не дошел, ограбить ее не смог. Воинов своих нанял на деньги генуэзцев, перед походом казна его была пуста. Остается одно – на Куликовом поле разбогател.

Может быть, Дмитрий заплатил все-таки Мамаю то русское золото, что тот требовал? Тогда вся загадка разгадывается! Получив дань, Мамай быстро отправился восвояси, «без расстройства», как пишет Л. Гумилев. Это потом его уход летописи выдали за бегство. Если битвы не было, то и следов нет, нет пленных и трофеев. Потому безрезультатны поиски археологов. Уход Мамай с Куликова поля летописцы расписали как небывалую победу русских при многочисленных жертвах – 360 тысяч погибших! Не было этих жертв, нет их могил, потому не найти столь грандиозного кладбища.

А самое интересное рассказывает Никоновская летопись. Вернувшись в Москву, Великий князь Дмитрий, теперь уже Донской, отправился в Троицкую Лавру и заставил (заставил!) Сергия Радонежского отслужить панихиду за погибших на берегу Дона [69. Кн. 2. Прим. на с. 2].

Почему же Сергия Радонежского нужно было заставлять служить панихиду, исполнить свой святой долг? Значит, погибших не было! Служить панихиду без погибших, лгать перед Богом он не хотел. Перед походом против Мамай Сергей Радонежский предсказал Дмитрию кровопролитие и победу. А с чем пришел к нему Дмитрий? С миром, в очередной раз заплатив Мамаю дань на Куликовом поле? Православная церковь была против мира с узур-

патором, ориентировалась на законных правителей Орды. Она уже спровоцировала войну, ждала от Дмитрия победы.

Только в таком, мирном, варианте разворота событий на Куликовом поле становятся объяснимыми короткая продолжительность стычки, быстрый уход Мамаи и его войска с поля боя, появление у него большого количества золота и серебра, отсутствие следов битвы на Куликовом поле, могил погибших воинов. Добавим сюда «беспамятство» Дмитрия, освободившее его от необходимости объясниться перед народом и нежелание Сергея Радонежского служить панихиду по погибшим воинам, а также «молчание» летописей о пленных и трофеях, уход литовского войска от «потерявшей армию» Москвы.

Если анализировать ситуацию в рамках системного подхода, а это самый верный путь к истине, то можно сказать, что достоверно известные сведения, системные связи сходятся в одну точку. Это мирный исход встречи ополчения Великого князя Дмитрия с войском Мамаи и уплата требуемой узурпатором дани.

А что же на другой чаше весов? О великом кровопролитном сражении повествует «Сказание о Мамаевом побоище», но указанное там число общих потерь в 760 тысяч воинов за 3 часа средневекового сражения не оставляет этому источнику никаких шансов быть принятым всерьез в исследовании истории событий на Куликовом поле. Это легенда патриотического характера, очень нужная молодому крепнущему государству.

Да и последующие события говорят о том же. Тохтамыш завладел всей Золотой Ордой. Через год он внезапно подошел к Москве, осадил ее, а герой Куликовской битвы Дмитрий Донской бежал в костромские леса якобы собирать войско, бросив в Москве жену и детей своих. Кого уж намеревался он собрать в костромских лесах?

И почему Дмитрий бежал? Если он действительно разбил и прогнал Мамаи, злейшего врага Тохтамыша, то ему незачем было бежать от Тохтамыша, а хану нападать на Москву. Следовательно, дело было не так. Все говорит о том, что Дмитрий покорился узурпатору Мамаю, уплатил ему дань, и Тохтамыш, узнав об этом, пришел наказать Дмитрия, восстановить власть Орды над Москвою.

Москвичи, увидев ханское войско, первым делом напились для смелости, и Тохтамыш без труда захватил город. Он ограбил и сжег Москву. При этом погибло 24 тысячи ее жителей. Спаслись лишь те, кто укрылись в церквях. Тохтамыш не тронул ни церквей, ни тех, кто в них находился, – он, конечно, знал, что православная церковь поднимала народ против Мамаи.

Почему я так подробно останавливаюсь на Куликовской битве? Дело в том, что некоторые историки, в том числе Л. Гумилев, называют ее дату 8 августа 1380 г. днем рождения Великой России [36. С. 605]. Согласиться с этим трудно. Ничего не изменилось после этого дня. Русь как была, так и осталась под властью Орды, да Москва, спаленная пожаром, потеряла 24 тысячи своих жителей. Раньше Русь платила дань Мамаю, теперь стала платить Тохтамышу.

Он вновь объединил Орду под своей властью на 18 лет. Но ей не суждено уже было возродиться. Русь располагалась на западной окраине Золотой Орды и после ее развала без больших боев просто отошла от образовавшихся ханств. При этом она сохранила и свою государственность, и свои земли, и великий патриотизм, родившийся перед нашествием Мамаю. Монголы не тронули русскую культуру, не поколебали ни обычаев русского народа, ни его традиций, не грабили русский народ непосильными поборами. Они остановили междоусобные войны русских князей, возвеличили Москву над другими княжествами. А православной церкви они оказали такую поддержку, какую она не видела в своей последующей истории ни от одного русского правителя. Церковь, в свою очередь, внесла неоценимый вклад в единение народа, в воспитание русского патриотизма. И это – Великий Божий дар для русского народа, который позже называли «игом».

Иной оказалась судьба Башкортостана, размещавшегося в центре Золотой Орды. В результате ее распада Башкортостан разделился на четыре части и вошел в состав трех самостоятельных ханств: Казанского, Сибирского и Астраханского, а также Ногайской Орды. Башкортостан потерял не только единство народа, целостность территории, но и государственность. Исконно башкирские земли захватили сторонние ханы, их стада паслись на лучших летних пастбищах, их ставленники сидели в городах и периодически выезжали с отрядами в башкирские селения для поборов и грабежа. Башкиры стали бесправными подданными этих ханов.

Тюркизация края в XIV в., исчезновение мадьярского компонента привели к смене контингента религиозных проповедников. Католики вытеснялись мусульманскими святыми, которые особенно активизировались при хане Узбеке с возведением ислама в положение государственной религии.

Башкирская знать приняла ислам по должности, без сопротивления. Сложнее восприняло новую религию население края. Прижизненные каноны ислама были сходны с мироощущением

тенгрианства, но похоронный обряд отличался очень сильно. «Бес-смертные» тюрки считали потусторонний мир таким же, как и жизнь на земле. Они провожали туда своих покойников, хороня вместе с конем, оружием и предметами первой необходимости, сооружая в могиле «дом».

Ислам это отверг. Мусульмане хоронят своих покойников голыми, заворачивая в «кафен», устраивая в могиле лишь нишу сбоку – «ляхет». Никаких предметов при покойнике не допускается. Даже цветов.

Смена религии всегда приводит к расколу общества. Отказ от веры предков не проходит бесследно. При этом общество делится не на две части, как следовало бы ожидать, а на три. Появляется средняя прослойка, которая остается без веры. Убежденные проповедниками в порочности старой религии, они так и не приходят к новой, а те, кто принимает все-таки новую веру, продолжают чтить старые религиозные обычаи и традиции.

Поволжье, как описано выше, приняло ислам давно. Еще при волжских булгарах в X в. была установлена дипломатическая и религиозная связь с арабским миром. К началу XIV в. ислам укрепился в Среднем Поволжье и был принят татарским народом.

К башкирам же мусульманская религия пришла как государственная. Ислам не был востребован народом. Поэтому башкиры, в основной своей массе, так и не стали ортодоксальными мусульманами. В их верованиях и обычаях сохранились черты тенгрианства. Но не только печальный и трагический след оставил распад Золотой Орды в истории башкирского народа.

Остались города на реке Уфе, развившиеся в пору расцвета Золотой Орды: Башкорт, а позже Уфа – при слиянии рек Уфы и Белой, Сагатин – в верховьях Уфы и другие. А главное, сложился сам башкирский народ и его менталитет, в основе которого были стремления к национальному суверенитету, к владению собственной землей, к самоуправлению, к свободе вероисповедания, а также к службе в армии и к уплате налогов как гарантиям всего остального.

Очень разными оказались судьбы русского и башкирского народов после одновременного пребывания их в первом федеративном государстве. Но они прошли одну и ту же школу государственности в Золотой Орде. Через 150 лет эти народы вновь сделали шаги навстречу друг другу, попытались вновь создать нечто подобное Золотой Орде. Это и не удивительно, ведь другой государственности ни русский, ни башкирский народы не знали.

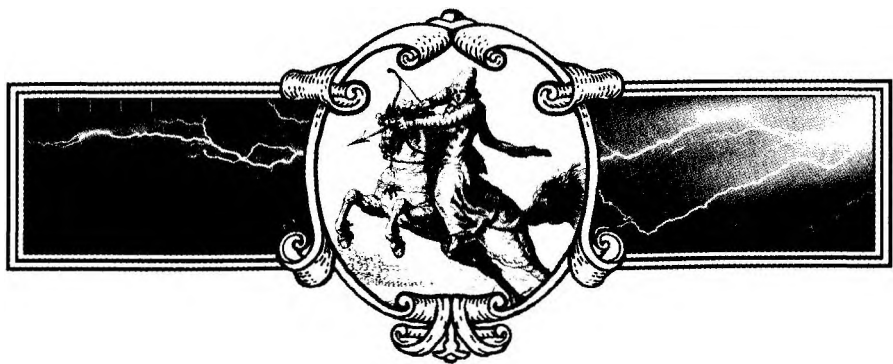
В то же время заплелась родословная веревочка еще одной судьбы, оказавшей решающее значение в соединении русского и башкирского народов в одном государстве.

Сын казненного Мамая Мансур бежал к союзникам отца, в Литву, был там принят и жил на южной окраине, не теряя связи со степью и своими родственниками [36. С. 661]. Его потомков ждала необыкновенная судьба. Некоторые из них стали князьями, одному же по имени Иван была суждена первая царская корона великой Российской империи, пришедшей на смену Золотой Орде на бескрайних просторах Евразии.

Родство Ивана Грозного и Мамая через князей Глинских известно в русской истории. Исследователей интересовали лишь потомки Мамая. Между тем и сам он был яркой исторической личностью. Удачная женитьба Мамая на дочери хана Золотой Орды Бердибека возвысила его до положения гургена, члена царской семьи, и дала ему большие права, за исключением единственного – права на трон.

А сын Мамая Мансур по линии матери, дочери Чингизида Бердибека, восходил к самому Чингисхану. Таким образом, Иван Грозный через свою мать Елену, через князей Глинских был потомком не только Мамая, но и самого Чингисхана! Знал ли он это? Не отсюда ли стремление царя Ивана повторить поступки Чингисхана, желание создать Россию по образу и подобию Великой Монгольской империи?

Глава 15

ОТ ЗАКОНА НАЗАД К БЕСПРАВИЮ

Междоусобицы были характерной чертой раннего средневековья во всем мире. Лишь рождение сильной личности наносило удар по междоусобным войнам. Этой личности удавалось на время прекратить войны среди своих правителей, объединить народ, повести его на великие завоевания.

Так рождались огромные средневековые империи. Начинались, жили и в одночасье разваливались после смерти императора. Примером может быть империя гуннов и их вождь Атилл. После его смерти народы, ему подчиненные, тут же схлестнулись между собой и разбили друг друга, оставив после империи одни воспоминания.

Но Чингисхан выделялся из этой плеяды средневековых императоров. Он пришел к власти не только благодаря своей силе, воле, уму и устремлениям. Он закрепил свою власть крепкой структурой государства и законами, возведенными на уровень предначертаний Бога. Добрососедство может быть разрушено быстро. Не зря говорят, что «от любви до ненависти один шаг». А утвердившиеся законы формируют образ жизни народа, входят в его менталитет и могут действовать в течение нескольких сотен лет.

Одним словом, чингисхановские законы сохранили надолго в памяти народа его идеи и дела. Но ничто не вечно под луной, и время подтачивало эти законы, как червь яблоко.

Сыновья и внуки Чингисхана продолжили его дело, и империя его имени разрослась до огромных размеров. После смерти вождя

власть передавалась старшему мужчине в роду. Он становился единоличным главой государства без деления территории. Это сохраняло целостность страны и предотвращало междоусобные войны.

Внук Батый первый нарушил дедовский завет и отделил улус Джучи от великой империи. Сделал он это для того чтобы не участвовать в борьбе за власть, уже начавшуюся среди внуков Чингисхана.

Но тогда еще все, хотя бы внешне, выглядело благопристойно. Действовал установленный Чингисханом порядок перехода власти. Ханы избирались на курултае из числа Чингизидов. Воля умершего хана, его завешание считались священными.

На тех же примерно законах переходила власть хана и в Золотой Орде. Так продолжалось до смерти хана Узбека. Здесь вмешалась природа и пролилась кровь его сыновей в борьбе за власть. Ханом стал Джанибек, он правил 13 лет после Узбека, сохраняя его лояльность к Москве, которая все крепла и набирала силу. В годы правления Джанибека начался постепенный упадок бывшего могущества Золотой Орды. Это прежде всего сказалось на отношениях с соседними государствами.

Неудачная война с генуэзцами в Крыму и осложнение отношений с Польшей и Литвой дали возможность царевичам улуса Джучи, не принадлежащим к дому Батыя, начать борьбу с ханом за восстановление независимости своих улусов. Известна война царевича Синей Орды Мубарека Ходжи с ханом Джанибеком. Однако население улуса Мубарека, желавшее мира и покоя, его не поддержало, и он был изгнан к киргизам, где и погиб. Джанибек назначил правителем в Синей Орде его брата. Улус остался за потомками Орды Ичена.

Борьбу за независимость своего улуса предприняли и потомки другого сына Джучи – Шейбана. Один из Шейбанидов, Инсаноглан, объявил себя царем и даже чеканил свои монеты.

Это стало началом политического кризиса в Золотой Орде. Он обострился еще страшной чумой, занесенной в 1346 г. из Китая и прокатившейся по всей Европе. По сообщениям русских летописей [82], в Сарае, Астрахани, Ургенче и в других городах вымерло столько народа, «яко не бе можно живым мертвых погребати», что означает: «живые не могли и не успевали погребать покойников». От последствий чумы Золотая Орда долго не могла оправиться. Лишь в последние годы правления Джанибека она оказалась в состоянии возобновить войну с Хулагидами на Кавказе, закончившуюся временным присоединением Азербайджана к Золотой Орде.

После этого заболевший Джанибек возвратился в Сарай, оставив в Азербайджане сына Бердибека. Болезнь Джанибека инициировала в Орде борьбу за ханский престол.

Есть несколько версий гибели Джанибека и прихода к власти его сына Бердибска. Они исходят от арабских и персидских авторов и повторяют официальную версию о естественной смерти Джанибека и воцарении Бердибека. Неофициальные же источники, например русская Никоновская летопись [83], организацию заговора приписывает Тулубею, одному из приближенных хана. Этот «мудр и силен зело окаянный» князь, оставленный в Сарае при отъезде хана в поход, «восхоте всего Ордою владете и всеми землями и тако многих князей ордынских привлекома к себе в совет, обещав же кому что дати». Заговорщики тайно сообщили Бердибеку: «яко время ти есть седети на царство, а отцу твоему уже время сниматься с царства. И так нача помалу, помалу советовати ему убити отца его Чанибека, Азбекова сына». Рогожская летопись утверждает, что Бердибек «пришед отца удави, а братью избил, а сам седее на царство» [84].

В источниках не сохранилось сведений о двух годах царствования Бердибека. Они говорят лишь об исключительной жестокости этого отцеубийцы по отношению к своим родичам. Абулгази раскрыл причины этих жестокостей: «Из своих братьев и старших и младших и близких родственников никого не пощадил, всех предал смерти, желая упрочить за собой государство» [85]. В той же Никоновской летописи утверждается, что вместе с отцом он убил 12 своих братьев, не жалея даже младенцев. Одного его единокровного брата, которому было 8 месяцев, держала на руках престарелая Тайдула и пыталась спасти, но Бердибек вырвал его из ее рук, ударил об землю и убил.

Конечно, эта самолюбивая и властная женщина не потерпела таких жестокостей. Да и Бердибек, убивший отца, ее любимого сына Джанибека, был глубоко ей ненавистен. Видимо, и в дворцовых интригах при больном Джанибеке она разыгрывала иную партию. В 1359 г. Бердибек был убит в результате дворцового переворота вместе с «доброхотом своим окаянным Тавлубием, князем темным и сильным и с иными советниками». Так утверждают русские летописи [86].

После смерти Бердибека в Золотой Орде началась «замятня» – череда дворцовых переворотов и убийств ханов. Их также связывают с именем Тайдулы [78]. В русских летописях она упоминается как весьма авторитетное и влиятельное лицо в Сарае. Это и не удивительно. Она была первой и любимой женой хана

Узбека. Его женили рано, в 14 лет он был уже ханом (в 1312 г.). Следовательно, Тайдула родилась где-то в начале XIV в. В начале «замятни» ей было около 60 лет.

Тайдула покровительствовала митрополиту Алексию, а тем самым всей Руси, очень в этом нуждавшейся. Женщины с таким характером своей смертью не умирают. После того как в течение года на ханском престоле побывали Кульпа и Навруз, выдававшие себя за сыновей Джанибека, из-за Яика явился потомок Шейбана (сына Джучи) Хызр с войсками Синей Орды. Навруз погиб, и вместе с ним была убита великая женщина, вдова Узбека Тайдула. В память о ней благодарные русские люди называли ее именем город Тулу, которая вначале была Тайдулой. А Золотая Орда исчезла с лица земли и стала частью Синей Орды.

«Замятня» в Орде длилась 20 лет. За это время от Бердибека до Тохтамыша сменилось 25 ханов. Тохтамыш хотел восстановить Золотую Орду в ее законных границах, но среди его приближенных росли антиисламские настроения. Многие из них в душе так и не приняли мусульманскую веру, навязанную татаро-монголам ханом Узбеком. Победа Синей Орды означала отход от политики Узбека и Джанибека, опиравшихся на городское население Поволжья, в основном мусульманское. Неизбежно должна была начаться война с Тимуром.

Тимур (Тамерлан), называвшийся также Великим Хромцом, в свое время спас Тохтамыша, поддержал его войсками, что дало тому возможность захватить ханский престол в Орде. Покорение Тохтамышем в 1383 г. Хорезма и его поход на Кавказ Тимур стерпел, но взятых в боях пленных вернул Тохтамышу со словами: «Между нами права отца и сына. Из-за нескольких дураков почему гибнет столько людей? Следует, чтобы мы соблюдали договор и не будили заснувшую смуту».

Великодушие Тимура возымело совсем не то действие, на которое он рассчитывал. Его слова были поняты Тохтамышем как слабость. И весь конец XIV в. превратился в их поединок. История борьбы Тохтамыша с Тамерланом хорошо известна, и нет необходимости ее здесь приводить. Тохтамыш был разбит и потерял престол. Жизнь потрепала его. Он спасался в Киеве, в гостях у великого князя Литвы и южной Руси Витовта. Тохтамыш даже вышел с Витовтом на битву против ордынских войск на реке Ворскле в 1399 г. Но, увидев, что татары Едигея и Темир-Кутлуга, хорошо освоившие тактику Тимура, обходят литовцев с фланга, первым бежал с поля боя вместе со своим отрядом и без потерь повел его в родное Заволжье и далее в Зауралье. Здесь историки на

некоторое время теряют его след. А может быть, он и сам его запутал.

У него было два смертельных врага: на западе в Сарае мурза Едигей, а на юго-востоке жив был еще сам Великий Хромец – Тимур. Тохтамыш оказался между ними со своим небольшим отрядом. При такой расстановке сил самым верным было скрыться с глаз обоих своих врагов. Так Тохтамыш оказался в башкирском Зауралье, где его соседями были 7 башкирских племен и ногайский Тора-бий. Тохтамыш попытался сделать башкир своими данниками, но 5 племен из 7 оказали ему яростное сопротивление, было пролито много крови.

С этого начинается башкирский исторический эпос «Идукай и Мурадым». Отроги Ирендыка и верховья Яика предание называет местом пребывания Тохтамыша в Зауралье. Башкиры и раньше были в его войске. Поэтому он приложил немало усилий, в том числе и дипломатических, для привлечения их под свою власть.

Тохтамыш отправил к башкирам посла, из числа их аксакалов, который обратился к 5 батырам из 5 непокорных племен с приглашением на должность его советников. Башкиры поначалу не верили хану, но, посоветовавшись, отправили все-таки к нему свою делегацию из 7 человек.

Тохтамыш их тепло встретил, сделал своими советниками, поклялся на Урал набегу не чинить, башкир не грабить, пленников в рабство не угонять. Молодого башкирского вождя Идукая он сделал своим главным бием, надеясь с помощью башкирского войска и ногаев вновь овладеть ханским престолом в Синей Орде.

А ею в то время правил Темир-Кутлуг, хан Белой Орды. Синяя Орда Белой не стала. Ее с начала XV в. стали называть Большой Ордой. Однако правление Темир-Кутлуга было недолгим, всего год. Восначальники Большой Орды, выходцы из Синей Орды, не потерпели власти потомка их давнего врага Урус-хана, правившего ранее в Белой Орде, и Темир-Кутлуг бежал за Урал. Темники пригласили было вновь Тохтамыша, но и ему тоже пришлось скрыться.

Реальную власть в Орде захватил мурза Едигей, соратник Тамерлана, ставший «правителем двора» – главой правительства. По происхождению Едигей был мангыт, а опорой его стали ногайцы – тюркское племя, кочевавшее между нижним течением Волги и верхним течением Иртыша. Это была территория Ногайской Орды. В нее, кроме ногайцев, потомков известных нам огузов, входили мангыты, кипчаки и другие степные племена. Ногайцы признали своим вождем мудрого и храброго Едигея, легко воз-

водившего ханов на престол Сарая и так же легко их убиравшего. После смерти Темир-Кутлуга Едигей сделал ханом его брата, юного Шадибека, и его именем правил Ордой. В 1405 г. умер и Тамерлан, опора Едигея.

Тамерлан, один из гигантов того времени, был человеком темного происхождения. Согласно преданию, высокого положения он достиг разбоем. В юности Тамерлан (Тимур) был выдающимся вором. Так он и получил свое имя. Однажды он украл овцу и был пойман ее хозяином, при этом сильный удар камнем перебил ему голень. Тамерлан наложил себе металлическую шину и некоторое время передвигался с ногой, окованной железом. Из-за хромоты и железной шины он и получил свое произзвище Аксак Тимур (аксак – «хромой», тимер – «железо»).

Тамерлан похоронен на территории современного Узбекистана. Его могила была известна, и узбеки тщательно ее оберегали. Более 500 лет прах Тимура никто не беспокоил. В конце 30-х гг. XX в. советское правительство назначило специальную комиссию по исследованию этого захоронения. Не знаю, что они там искали. Тамерлан был мусульманином, и в его могиле был только его прах. Однако все-таки решили вначале вскрыть гробницу «Гур-эмир» в Самарканде, где были похоронены сыновья и внуки великого полководца. Там же оказалась и могила его самого. Сегодня из членов той экспедиции в живых остался лишь Малик Каюмов – узбек-кинооператор, снимавший вскрытие той гробницы, и мы имеем его свидетельство.

Перед началом этих работ к нему подошли три старика с какой-то древней книгой и сообщили о проклятье этой гробницы, о предстоящей большой беде в случае ее вскрытия. М. Каюмов передал слова стариков руководству экспедиции, но никто не обратил на них внимания. Вопрос о гробнице Тамерлана решался в Москве, лично И. Сталиным. Он распорядился обследовать захоронение и обеспечить порядок.

Гробницу и могилу Тамерлана вскрыли, беспорядков не было. Известный антрополог М. М. Герасимов изъясил череп и берцовую кость, на которой в области коленной чашечки обнаружилась травма. Сомнений не осталось – это могила Тимура. На календаре значилось 21 июня 1941 г. На следующий день фашистская Германия напала на Советский Союз и началась Великая Отечественная война – пришла большая беда для нашей страны, унесшая миллионы жизней.

М. Каюмов ушел добровольцем на фронт, стал фронтовым кинооператором. Боевые дороги свели его с другим великим

полководцем – Г. К. Жуковым, и М. Каюмов рассказал ему историю со вскрытием гробницы, просил напомнить о ней И. Сталину. М. Герасимов до конца октября 1942 г. лепил лицо Тамерлана по его черепу. В декабре 1942 г. по приказу И. Сталина Тамерлана перезахоронили, и пришла долгожданная победа под Сталинградом, ставшая переломом в Великой Отечественной войне. Воистину гигантской энергией обладали мощи этого средневекового полководца.

Другой гигант того времени, Тохтамыш, пережил Тамерлана. Узнав о развале державы Тимура, он собрал войска и попытался взять Сарай, столицу Орды, но был отброшен Шадибеком к низовьям Тобола и там убит. Так описывает конец Тохтамыша Л. Гумилев [36. С. 702]. Обстоятельств смерти Тохтамыша он не поясняет.

А что же говорит исторический эпос? Некоторое время Идукай верой и правдой служил главным бием у Тохтамыша. А затем между ними встала женщина – невольница Тохтамыша Генака. Она полюбила молодого батыра Идукая и родила от него сына Мурадыма. Мать с сыном бежали из ханского дворца. Узнав об этом, покинул дворец и Идукай. Он и хан Тохтамыш стали врагами.

В эпосе «Идукай и Мурадым» есть упоминание о том, что в одно время Тохтамыш внезапно покинул свой дворец. Возможно, это и была его попытка вновь овладеть столицей Орды Сараем. Он был далеко от Урала, на Нижней Волге, и поход оказался коротким. Сказитель мог и не знать обстоятельств этого похода. Ему было известно лишь то, что вскоре Тохтамыш вернулся в Зауралье с войсками иностранного царя. Тохтамыш был дружен с литовцем Витовтом, его воины и усилили отряд хана.

Идукай со своим отрядом вышел ему навстречу. На берегу озера был бой, хан спрыгнул с коня и бросился в камыши. Название озера не поддается точному переводу, что-то вроде «Песочного озера». Если обратиться вновь к Л. Гумилеву, то Тохтамыш был убит в верховьях Тобола, а это озерный край. Вроде бы сказание сходится с историческим источником.

Стаи птиц поднялись тогда над тем местом, где Тохтамыш ринулся в камыши. По ним и настиг его Идукай. Он вытащил его из камышей и привел к своему войску: «Тонувшему в болоте голову я не отрубил, посчитал это ниже своего достоинства. Кто хочет ему отомстить или что-то сказать?» И договорить не успел Идукай, как один из воинов изрубил хана на куски. Их раскидали на съедение черным воронам.

Таким бесславным был конец Тохтамыша - второго гиганта конца XIV в. По своим способностям он, безусловно, был батыром – мужественным и сильным воином, но судьба, подняв его до «высот государевых», ума и мудрости не прибавила. За его спиной осталась сожженная Москва и 24 тысячи безвинно убитых ее жителей. Он пошел войной на Тамерлана – человека, помогшего ему подняться до этих высот, не знал ни жалости, ни стыда, ни благодарности. Непокорный, мятежный, истинный Чингизид, он, казалось, сам искал себе подобную смерть.

А Шадибек, которого хотел свергнуть Тохтамыш, показал себя толковым правителем и полководцем. Но ему это, наоборот, не пошло на пользу. Едва превратившись из юноши в зрелого мужа и начав проявлять самостоятельность, он умер при невыясненных обстоятельствах, а на его место Едигей возвел другого малолетнего ребенка, сына Темир-Кутлуга Пулада, который, в свою очередь, был свергнут в 1410 г.

Фактически еще при жизни Едигея ногайцы обособились в Большой Орде. В 1433 г. среди трех ханов этой Орды упоминается и сын Бурака Сиди-Ахмет, предводитель ногайцев [36. С. 818]. Через несколько лет, в 1438 г., от Большой Орды отделились Крым и Казань с образованием Крымского и Казанского ханств.

Ногайцы были известны как очень воинственные степняки. Они совершили набеги на Польшу, Литву и трижды на Русь. В 1449 г. их отразили касимовские татары, а в 1451 г. они дошли до Коломны. Через 2 года крымский хан Хаджи-Гирей разбил Сиди-Ахмета, которому удалось бежать в Киев, где он был арестован. Ходили ногайцы и на Москву, но безуспешно.

Их основная территория располагалась в степях между Волгой и Яиком. Занимали они и предгорья Уральского хребта, как с востока, так и с запада. На Яике стоял их город Сарайчик. Это был, пожалуй, наиболее темный и дикий угол из остатков Золотой Орды.

Ногайцы не сеяли хлеб, занимались скотоводством, питались в основном конским мясом и пили кумыс. В торговле они почти не участвовали, денег не употребляли, меняли скот на одежду, железные изделия и оружие. Они жили большими группами семей, что объяснялось необходимостью обороны от соседей, так как неожиданные набеги друг на друга были обычным явлением в Ногайской Орде.

В первой половине XVI в. сами ногайцы считали, что численность их войск колеблется от 200 до 300 тысяч всадников [87]. Как видим, их армия в количественном отношении не

уступала войску монголов, пришедших в Европу 200 лет назад. Не уступала, даже значительно превосходила, но только в количестве, а во всем остальном их нельзя было даже сравнивать. Монгольская армия была прекрасно организована и обучена, имела четкую воинскую дисциплину. А ногайцы, по сути, были ополчением, спешно собранным для похода. Потому и не имели значительных воинских побед.

Как во всякой степной державе, ими правил хан. Внутри Орды имелись улусы, управляемые мурзами – вассалами хана, между которыми шли непрерывные стычки за пастбища, за невест, за угнанный скот. Они были в основной своей массе потомками огузов и кипчаков, известных в домонгольское время и имевших традиционную степную культуру.

Вот под власть этого темного народа и попала южная и юго-восточная части Башкирии, а также башкиры, жившие по рекам Самара и Иргиз. Это была не монгольская власть с ее «десятинным» налогом и одним рекрутом из десяти юношей. Порядок и щадящий режим налогообложения, характерный для поры расцвета Золотой Орды, сменились анархией и грабежами.

Башкирские шежере и предания рассказывают о жестокости к башкирам ногайских ханов, особенно Акназара. Этот хан «всячески их изнурял и в бессилие их приводил; ибо на три двора по одному токмо котлу иметь допущал и как скот и пожитки, так и детей их к себе отбирал, и землями владел, также и через реку Белую переходить не допущал, а кои звероловством промышляли, принуждены были платить ему за то ясак с каждого человека по лисице, по бобру и по кунице».

Эти сведения взяты мною из хроники Кыдрыся Муллакаева, записанной от него известным ученым XVIII в. П. И. Рычковым и опубликованной в его «Истории Оренбургской». К. Муллакаев был в то время главным старшиной Ногайской дороги – той части Башкортостана, которая раньше была под властью Ногайской Орды. Если мы что-то знаем об истории Башкортостана времен Ногайской Орды, так это большей частью из хроники К. Муллакаева. Исполняя свой старшинский долг, бывая в разных местах, он собирал исторические сведения, шежере, предания и легенды.

Как видим, за 200 лет чингисхановская «Яса» рассеялась как дым. Лишь сохранилось само слово в форме *ясак*, означающее теперь «налоговая повинность».

Одна из ставок ногайских ханов, управлявших Башкортостаном, была на территории современной Уфы. Городище, обнесен-

ное валом и стеной, размещалось на крутом берегу реки Уфы – там, где сейчас располагается санаторий «Зеленая роща». Это место еще называют «Чертовым городищем». Здесь на реке Уфе издавна было поселение – городок Пасшерти, Паскатир, Башкорт, позже названный Тура-тау, Уфа, существовавший на картах раннего средневековья в эпоху расцвета Золотой Орды. Ногайцы имели свои поселения и в других местах – городища, обнесенные стенами и валами. В XIX в. такие поселения обнаруживались в Мензелинском, Стерлитамакском и Уфимском уездах.

Ногайцы строили и каменные здания. Одно из них – «Ханский дворец», или «Дом суда», в Чишминском районе РБ близ деревни Нижние Тирмы. И поныне стоят развалины этого «дворца», напоминая о былом.

Сохранились и некоторые другие «памятники» о ногайцах и их Орде. Южная переправа через реку Белая в 50-е гг. называлась «Ногайской». Есть село Нагаево близ Уфы. Сохранился ручеек, стекающий из родника в районе Чертова городища к реке Уфе. Его называли Нагайкой, так же, как и плетку в руках казаков-степняков.

Северная и западная части Башкортостана оказались под властью Казанского ханства, возникшего в 1438 г. в связи с распадом Золотой Орды и перемещением в результате этого центра Волжской Булгарии в район Казани. Географическое положение Казанского ханства было очень выгодным. Хоть и далека была степь – вековая транссибирская магистраль, однако здесь скрещивались важные водные пути: Волга, текущая из растущего и крепнущего Московского государства, и Кама, по берегам и на притоках которой жили марийцы, удмурты, чуваша, мордва, татары и башкиры. Сюда доходили и древние караванные пути, связывавшие Поволжье со Средней Азией и арабским восточным миром. Со времен Волжской Булгарии, с X в., здесь располагался центр мусульманской религии, получили развитие земледелие и ремесло, а торговля процветала с самых древних времен.

Культурные и религиозные традиции, государственность Волжской Булгарии не могли не сказаться на хозяйственном и культурном уровне населения. По мнению авторов, современников Казанского ханства, здешние татары выгодно отличались от ногайских и сибирских татар. Герберштейн писал о казанских татарах: «Эти татары образованнее остальных, потому что они обрабатывают поля, живут в домах и занимаются различными промыслами» [88].

Неоднократно бывавший в тех краях Андрей Курбский также отметил, что «в земле той поля великие, и зело приизобильное и

гобзующее на всякие плоды, также и дворы княжат и вельможей зело прекрасны и воистину удивления достойны, и села часты; хлебов да всяких там множество...»

Казанскому ханству подчинялись башкиры, жившие по рекам Таныпу, Ику, Мензеле, а также по нижнему течению реки Белой, левобережью Камы. Границы этого ханства, как и Ногайской Орды, трудно поддаются определению. Это связано с частыми переходами отдельных улусов из одного ханства в другое, а также междоусобными войнами.

В конце XV – середине XVI в. восточная граница Казанского ханства проходила от устья Чусовой на город Уфу и далее по реке Деме до ее устья, а южная граница шла по реке Б. Кинель до ее устья. Центр Башкортостана город Уфа оказался где-то на границе и переходил из рук в руки. Здесь в разное время была ставка и ногайского хана Акназара, и уфимского князя Кара-Килембета, наместника казанского хана. О взаимоотношениях башкир с Казанским ханством сохранилось очень мало письменных источников.

Казанский хан Сахиб-Гирей, выходец из крымских ханов, желая укрепиться в Казанском ханстве, активно раздавал ярлыки, переводящие башкирскую знать в тарханы, которые освобождались от уплаты налогов.

Ценность ярлыков Сахиб-Гирея в том, что в них описывались налоги, уплачиваемые населением: *ясак* (десятинная дань), *клан* (оброк в пользу хана и его семьи), *салыг* (подать на выплату жалованья войскам), платеж под названием *кулуш-култык*, *бадж* (таможенная пошлина), *сала-хараджи* (сельский налог), *ер хаблясы* (земельный налог), *сусун* (продовольствие для проезжающих чиновников), *гулюфе* (фураж для лошадей чиновников) и *тютюн-хаки* (плата за дым из трубы, налог на жилище). Кроме того, еще одна десятина взималась мусульманским духовенством – *гушр*.

Если русские называли правление татаро-монголов «игом», то это была кабала. Порядки, введенные монголами, были райскими по сравнению с жизнью башкир под властью более поздних ханов. Монголы брали десятую часть от произведенного или полученного дохода. Они сами были заинтересованы в росте доходов населения. Местных правителей они ставили в такие условия, что только рост доходов населения гарантировал им власть в будущем.

Поэтому Золотая Орда и прожила 240 лет, превратилась из кочевой орды, скитающейся по степям на кибитках, в мощное цивилизованное государство с городами, ремеслами и денежной

торговлей. Монгольское войско само обеспечивало себя и приносило государству значительный доход, а в послемонгольских ханствах войско и чиновничий аппарат содержались за счет населения. В этих ханствах не было порядка и стабильности. Ни хан, ни его войско не были в состоянии прекратить междоусобные войны, сами не давали покоя соседям, грабя свое же население.

Сибирское ханство в этом отношении было несколько не лучше Казанского или Ногайского. Под его власть попали башкиры, живущие на восточных склонах Урала, по рекам Аю, Юрюзани, Исети, Миассу, Ую, верховьям Уфы и Яика, по Тоболу и до Иртыша. Они попали в улус Джучи еще во время его похода в 1207 г. к лесным народам. В «Сокровенном сказании монголов» эти земли назывались «страна Сибир и Ибир». Само Сибирское ханство располагалось на территории к востоку от Уральского хребта и до Иртыша.

Зауралье компактно занимали башкиры. Далее на восток жили сибирские татары, ногайские и шибанские узбеки, близкие им башкиры, а также ханты и манси. Узбеками в данном случае называли тюркские племена, изначально фанатично принявшие ислам и весьма почитавшие за это хана Узбека, хранившие память о нем. Так же, впрочем, как и ногайцы, носящие имя своего хана Ногая.

Позже эти узбеки ушли в оазисы Средней Азии и стали там узбекским народом. Центром Сибирского ханства был город Чимга-Тура (Тюмень). Однако в XVI в. Чимга-Тура теряет свое значение под натиском русских завоевателей. У слияния Тобола с Иртышом, на высоких холмах, появляется новый торговый и политический центр – Кышлык (Зимовье), или Искер, ставший новой столицей Сибирского ханства.

Население Сибирского ханства хоть и было разнородным, но имело общий язык и культуру. Обычаи и традиции их несколько различались, но это были тюркские племена, за исключением ханты и манси – те были уграми. Тюрки имели весьма сходное хозяйство. Основу его составляло полукочевое скотоводство, земледелие и охота на пушного зверя. Пчеловодством они не занимались, пчел в природе Сибири не было.

Посеяв весной быстро зреющие злаки: ячмень, полбу, овес, тюрки со своим скотом переезжали на летние пастбища, а ко времени жатвы возвращались к своим посевам и убирали урожай. Зимняя охота на пушного зверя: белку, куницу и соболя приносила им хороший доход. Звериными шкурками рассчитывались они с ханами, а позже – и с русским царем.

Многие источники той поры говорят о разорении и притеснении башкир сибирскими ханами. Если в Казанском ханстве и Ногайской Орде сопротивление башкир имело разрозненный характер и осуществлялось отрядами под руководством отдельных багыров, то в Сибирском ханстве национально-освободительная борьба была массовой под руководством племенных биев.

Шежере племени Табын рассказывает, что еще во времена Чингисхана табынцы занимали земли от верховьев реки Уфы до Иртыша. Их родоначальником был Тумен-бий. Его потомки Асади-бий и Шикарли-бий оказались под властью сибирского хана Ибака, Чингизида. Асади-бий и Шикарли-бий проявили непокорность Ибаку, оказывали вооруженное сопротивление, поддерживали его конкурентов в борьбе за ханский престол в Сибирском ханстве.

Хан Ибак хотел уничтожить башкирских биев, но друзья из ставки сообщили им об этом: «...спасайте свои головы, иначе пропадете». Силы были неравные, бии табынцев не смогли выставить достаточного войска против хана Ибака. Асади-бий и Шикарли-бий бежали вместе со своим народом на западную сторону Урала. Переходя горно-лесную часть Башкортостана, они обратились к башкирам Тамьянского и Катайского племен с просьбой поселиться на их земле. Но, опасаясь мести хана Ибака, тамьянцы и катайцы им отказали. Да и пастбищ в тесных горно-лесных долинах было мало. Орда изгнанников покатила на юго-запад. Табынцы по реке Инзеру вышли на берега Белой и Демы, где и поселились на земле башкирского племени Мин, за что платили минцам скотом [89].

Так старейшее и очень многочисленное племя Табын разделилось. Часть его осталось за Уралом, а часть расселилась на юго-западной стороне Урала в среднем течении реки Белой, по Деме и Уршаку. Но свою прародину западные табынцы еще долго помнили. Неожиданным образом я убедился в этом на примере собственной родословной.

Моя мама Мамлуда (девичья фамилия Бикташева) родилась в деревне Ново-Мусино Чишминского района РБ. Первопоселенцем в этой деревне был мой дед Рауль Бикташев. В голодном 1921 г. он с моей бабушкой Халимой переселился на свободные земли из деревни Старо-Мусино. Мама говорила, что совершенно не знает родственников своего отца, и просила поискать их при возможности. Она сообщила мне имена предков по линии ее отца в двух поколениях.

Мне приходится бывать в тех местах, там и сейчас живут наши родственники. В нашем роду помнили, что Бикташ, от которого происходит фамилия, был большим военным начальником. При случае я расспрашивал родственников о происхождении моего деда. Оказалось, что его отец, мой прадед Мирсаяф, в эти края попал сиротой в подростковом возрасте, нанимаясь на работу к зажиточным людям. Со временем удалось найти следы его родства, а они тянулись за Уршак, в Давлекановский район, восходили к Бикташу Кыдрясову, главному походному старшине Ногайской дороги.

Это сын известного нам Кыдрыса Муллакаева, автора хроники, записанной П. Рычковым, главного старшины той же Ногайской дороги. Их волость называлась Яны-Суби-Минская (Новая Суби-Минская). Позже почему-то ее стали писать в документах, как Яик-Суби-Минская волость.

А главное в том, что К. Муллакаев во всех исторических документах проходит как башкир Кара-Табынской волости Сибирской дороги. Как, каким образом уроженец Кара-Табынской волости Сибирской дороги стал главным старшиной Ногайской дороги и проживал в Новой Суби-Минской волости? Там отмечена деревня Кыдряс.

Это и была память о прародине в Зауралье, о переселении табынских башкир из Зауралья, о бегстве их от сибирского хана Ибака. Потому и выделили они себе Новую Суби-Минскую волость, но во всех письменных документах упоминали свое происхождение из Кара-Табынской волости. Там была их вотчинная земля.

Получается, что мои предки оказали яростное сопротивление сибирскому хану Ибаку, пытаюсь освободиться от его власти. Сибирское ханство, по сравнению с Казанским ханством или Ногайской Ордой, было значительно слабее политически и экономически. Но уход из Зауралья наиболее активной и воинственной части башкир усилил это ханство, и оно просуществовало значительно дольше своих соседей.

Башкиры, проживавшие по берегам Большого и Малого Узеня (узен – башк., мадьяр. «река»), подчинялись Астраханскому ханству. Об их истории практически нет сведений.

Образование послемонгольских ханств на развалинах Золотой Орды привело к потере башкирами своей государственности. Описанной выше Баскардии не стало. Башкиры так и не приняли беспорядка и дикости этих ханов. Освободиться же из-под их гнета не хватало сил. Этот период не дал никакого прогресса в развитии

башкирского народа: ни экономического, ни политического, ни культурного.

Башкиры по-прежнему разводили скот, вели полукочевой образ жизни с недалекими сезонными выездами на летовки и возвратом на зимние поселения. Они также занимались охотой, рыболовством и пчеловодством-бортничеством.

Чрезмерное налогообложение, чередующееся с грабительскими набегами ханских отрядов, подрывали экономическое развитие, чему способствовало и ограничение торговли, обусловленное разделением Башкортостана между указанными ханствами и отсутствием единой государственной власти и порядка.

Такая ситуация не имела ничего общего с менталитетом башкирского народа. Его идеалами были владение собственной землей, самоуправление, свобода вероисповедания, порядок в уплате налогов.

Появление в этот период эпических произведений патриотического характера говорит о формировании единой башкирской нации. Об этом свидетельствует и сохранение единства 7 племен: Табын, Катай, Кувакан, Тамьян, Кипчак, Айле и Юрматы, преодолевших тюрко-мадьярские различия в культуре и языке.

Великая Тюркская цивилизация развивалась волнообразно. На гребнях ее волн были Аркаим и Синташта, массагеты, готы, гунны, тюрки, мадьяры, кипчаки, монголы во главе с Чингисханом, потом Золотая Орда. За каждым гребнем следовал провал.

Так и после Золотой Орды умерли идеи Чингисхана, со временем его законы были забыты. Их судьба чем-то напоминает судьбу римского права. Период после распада Золотой Орды и до середины XVI в. можно назвать временем средневекового хаоса.

Потом пошел новый гребень. Его начало связано с именем русского царя Ивана, по прозвищу Грозный. Через мать Елену Глинскую в его жилах было и немало тюркской крови: от Мамая и его жены, дочери Чингизида Бердибека, хана Золотой Орды. Ему было предназначено судьбой вместе с русским и башкирским народами заложить основу нового евразийского государства – России.

Глава 16

ПЕРВЫЙ ЗАМЫСЕЛ РОССИИ

Откуда и когда двуглавый орел появился на гербе России? И почему он двуглавый? Его история еще древнее, чем сама Россия. Двуглавый орел был гербом последнего греческого императора Константина Палеолога. Константин имел двух братьев, Дмитрия и Фому, известных под именем Деспотов. У Фомы было два сына и дочь Софья, приходившаяся Константину племянницей.

Римский папа Павел II решил в 1469 г. выдать Софью замуж за великого князя Ивана III Васильевича, надеясь, во-первых, через Софью, воспитанную в католических канонах, убедить Ивана к принятию католичества и тем подчинить себе православную церковь, во-вторых, побудить Ивана освободить Грецию от власти турок.

Иван III по родству с греческим императором принял герб, соединив его на своей печати с московским гербом – на одной стороне изображался орел, а на другой – всадник, попирающий дракона, с надписью: «Великий Князь, Божею милостию Господин всея Руси». Великий князь Иван III начал употреблять этот герб с 1497 г. До этого времени на его печати изображался лев, терзающий землю.

Хоть и не исполнились замыслы римского папы: Иван не стал католиком, а наоборот, Софья приняла православие, двуглавый орел вот уже более 500 лет занимает свое место в гербах Русского, а затем и Российского государств. От Рюриковичей, через Романовых, отпустив крылья при Временном правительстве в 1917 г.

и пережив в опале коммунистов, он пришел к Б. Ельцину, первому президенту новой России.

Знала ли Софья, даря Ивану свой герб в виде двуглавой птицы, что он станет знаковым символом политики России на несколько веков и эта политика будет поистине двуглавой – ее интересы, ее взоры постоянно будут обращены и на запад, в Европу, и на восток, в Азию. В результате на Евразийском континенте Россия останется между европейской и азиатской цивилизациями – чужой как для тех, так и для других, так и не примкнув ни к одной из них. По сравнению с европейцами россияне не так жадны до денег, не помешаны на них, склонны к самопожертвованию ради родины, семьи, близких людей, не продажны, для них характерны восточное гостеприимство, дружелюбие, открытость, героизм. Не зря европейцы говорят: «Поскреби любого русского – получится татарин».

Для азиатов россияне излишне демократичны, свободолюбивы, отличаются большей свободой нравов, более прагматичны, не столь коленопреклонны к власти и уважительны к старшим, как они.'

Когда Софья подъезжала к Москве, встал вопрос: пускать ли в столицу сопровождавшего ее кардинала-католика? Тем более что перед ним в особых санях везли серебряное латинское распятие. Иван III обратился к митрополиту Филиппу. Тот ответил: «Если ты позволишь в благоверной Москве нести крест перед католическим епископом и он войдет в одни ворота, то я, отец твой, уйду вон из города через другие! Чтить веру чужую есть унижать собственную!» Латинский крест спрятали в сани, к неудовольствию кардинала.

В Московском государстве шел 1472-й г. Ни о какой веротерпимости, ни, тем более, о мирном проживании иноверцев и инородцев тогда и речи быть не могло. Своего единоверца, христианина, заставили убрать святое распятие в сани и завалить соломой! Это была Русь, а не Россия – многонациональная и веротерпимая.

Когда же, собственно, родилась Россия? Известные российские историки этот вопрос даже не рассматривали. Не будем их перебирать, а остановимся, на мой взгляд, на двух противоположностях: Н. Карамзине и С. Соловьеве. Если у первого Россия все же предстает перед читателями как многонациональное государство, то у второго она – государство русских, остальные же народы в истории России весьма второстепенны, им отведена лишь роль

декораций в историческом спектакле, где главную роль играет русский народ.

Так с чего же эти историки начинают историю России?

Карамзин: «Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россиею, в умеренных ее климатах была искони обитасма, но дикими, во глубину невежества погруженными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками». И далее – про путешествие аргонавтов в Колхиду. Отсюда берет у него начало его «История государства Российского». Со времен доисторических, когда лишь предания и легенды слабыми лучами пробивали тьму веков. Не слабо!

Соловьев верен себе. Хоть и назвал он свой труд «История России с древнейших времен», но для него это прежде всего русская история. Он пишет: «Русская история открывается тем явлением, что несколько племен, не видя возможности выхода из родового, особого быта, призывают князя из чужого рода, призывают единую общую власть, которая соединяет роды в одно целое, дает им народ, сосредотачивает силы северных племен, пользуется этими силами для сосредоточения остальных племен нынешней средней и южной России». От Рюрика, по Соловьеву, идет история России.

Но Россия – это не Русь и даже не Русское государство Ивана Грозного, времен его детства и отрочества. Это территориально и качественно иное государство. Отличительные свойства России: многонациональность, веротерпимость и многообразие вероисповеданий, культур и языков, множество территорий с компактным проживанием различных народов на великих российских просторах.

А в конце XV в. была еще Русь, где сохранялись уделы и наследственное право князей на эти уделы. У власти был великий князь Иван Васильевич (первый, сын Василия Темного). Ему было предназначено судьбой покончить с удельным княжением. Без сомнения, он вззошел на трон с мыслью оправдать титул «государя всея Руси», данный еще монгольским ханом Узбеком сыну Калиты Семену Гордому.

Настал последний час новгородской вольницы. С X в. этот славянский город, известный своей древней демократией, был символом и столпом непокорности на Руси. Ни варяги во главе с Рюриком, ни их потомки – славяно-русские князья, вплоть до Ивана Васильевича (первого), так и не смогли одолеть эту твердыню вольности и безвластия. Со всех сторон окруженная

московскими землями, возвышалась Тверская держава, предавшая Московскую Русь в очередной раз и вступившая в союз с Литвой.

Великий князь Иван III покончил с вольностью Новгорода, взяв его под свою власть. Под угрозой разгрома и разорения тверичане сами отворили ворота Твери. Легко и бескровно исчезло бытие Тверской державы, столь долго спорившей с Москвой за первенство на Руси. Хитрой внешней политикой Иван III утвердил безопасность своего государства и, воспользовавшись спокойствием, взял Двинскую землю, завоевал Пермь. Ярославль уже давно зависел от Москвы, но его князья добровольно пришли под власть Ивана, так же, как и ростовские, продавшие свои уделы Ивану Васильевичу (первому).

Великое княжество Московское уже обретало контуры государства единодержавного. Лишь Рязань, где правил муж сестры Ивана III Анны, оставалась самостоятельной. Такие большие внутренние преобразования, затеянные великим князем Московским Иваном III, были прерваны извне.

В 1478 г. царь казанский Ибрагим завоевал зимой Вятскую область, опустошил города и села, обманутый ложной вестью, что Иван III разбит новгородцами и бежал в Москву.

Иван III отомстил ему весной. Устюжане и вятчане выжгли селения в окрестностях Камы, а воевода Василий Образец дошел со своим войском до самой Казани. Царь Ибрагим запросил мира, получил его, но вскоре умер.

С его наследником Ильгамом (Алегамом) у Ивана III сложились отношения. Воеводы московские, стоявшие на границе, собрались с силами и пошли на Казань. Даниил Холмский и ставленник Ивана III – младший сын Ибрагима Махмут-Амин взяли Казань 9 июля 1487 г.

Тогда в первый раз пала твердыня мусульманства и оплот ордынской коалиции на великой Волге. Эта коалиция включала в себя Казанское, Астраханское, Крымское ханства и Ногайскую Орду. Великий князь Иван III Васильевич (первый) велел петь молебны, звонить в колокола и с умилением благодарить Бога, что он передал ему в руки царство, где его отец Василий Темный лил слезы в неволе.

Но мысль окончательно покорить Казанское ханство и присоединить к его к Московскому государству еще не представлялась ему благоразумною. Он не надеялся обуздать народ воинственный, иной мусульманской веры, под властью государя христианского. Он думал, что для этого нужно будет держать здесь регулярную армию, которой у него не было.

Словом, не решился Иван Васильевич (первый) на создание великой империи – не тот у него был размах. Он лишь назвался «государем Булгарии» и возвел на престол Махмут-Амина, брата Ильгама, сделав его своим названным сыном. На многие годы воцарился мир между Москвой и Казанью.

Через восемнадцать лет, в 1505 г., когда Иван III женил своего родного сына Василия, пришла весть о злобной измене сына названного, Махмут-Амина. Казанский царь более всего любил корысть и лукавую жену свою, доставшуюся ему от старшего брата Ильгама. Она несколько лет провела в неволе в Вологде, люто ненавидела Русь и затеяла кровопролитную месть.

«Что, ты раб московского тирана?» – говорила царица мужу. Пленительные ласки ее действовали еще сильнее слов. Она день и ночь висела на шее мужа и достигла желаемого. Забыв милости Ивана и клятву верности, Махмут-Амин дал слово своей жене «отложиться» от России, но еще медлил и послал одного из вельмож, князя уфимского, с какими-то представлениями в Москву.

Оставим пока измену Махмут-Амина и обратим внимание на уфимского князя. Имя его известно – Кара-Килембет [88. С. 77]. Значит, в 1505 г. был уже город Уфа, в котором сидел князь, ставленник казанского царя. Как видим, Уфа была административным центром края еще за 69 лет до официальной даты ее основания в 1574 г.

Можно только догадываться, что перед послом, уфимским князем Кара-Килембетом, была поставлена задача добиться независимости Казанского ханства дипломатическими переговорами. Возможно, Махмут-Амин предлагал Ивану откупиться уступкой каких-то территорий, денег, мехов, и посол представлял ситуацию как назревание грандиозного народного бунта.

Иван, угадывая злые намерения царя казанского, решил послать в Казань своего доверенного представителя, дьяка Михайлу Кляпика. Тогда Махмут-Амин решил выступить открыто. Казанцы разгромили ярмарку, на которую стекались русские купцы для обмена товаров с азиатами. Русских купцов и послов перебили, товары захватили, жен и детей увели в рабство.

Махмут-Амин, вдохновленный разгромом русских, вооружил 40 000 воинов, призвал 20 000 ногаев и вступил в Русь. Он осадил Нижний Новгород, выжег посады, умертвил несколько тысяч земледельцев. Иван, в свою очередь, послал 100 000 воинов наказать Махмут-Амина, но воеводы русские не пошли за Муром и дали казанцам спокойно уйти с добычей.

Вскоре Иван Васильевич (первый) умер. Его сыну Василию удалось вновь привести Казань под свою власть. Махмут-Амин покаялся и повиновался. После его смерти Василий поставил царем в Казани своего ставленника Шагалея (Шиг-Алей), спокойно царствовавшего три года. А затем в Казани вновь произошел бунт. Казанцы свергли Шагалея и вручили царство крымскому царевичу Сахиб-Гирею. При его прибытии в Казань Шагалея вместе со своим семейством бежал в Москву.

Сахиб-Гирея привел в Казань его брат, крымский хан Мухаммед-Гирей. Заручившись расположением казанцев к брату, Мухаммед-Гирей на обратном пути устремился к Москве. Туда же двинул и брат его, Сахиб-Гирей, с войском казанцев. Около Коломны братья соединились.

Приведем дальнейшие события в описании австрийского дипломата С. Герберштейна, пользовавшегося расположением Василия: «Василий, понимая, что он не в состоянии отразить столь многочисленного врага, бежал, оставив в Москве зятя своего Петра – крещеного царевича Худайкула, брата Ильгама.

Василий был до того напуган, что в отчаянии некоторое время прятался под стогом сена, где-то близ Москвы. 29 июля 1521 г. татары двинулись дальше, сжигая все вокруг, и навели такой ужас на московитов, что даже в городе и крепости те не чувствовали себя в достаточной безопасности. Во время этой паники женщины, дети и все, кто не мог сражаться, сбегались в крепость с телегами, повозками и всем скарбом, и в воротах возникла давка, что они топтали друг друга. От множества народу в крепости стояло такое зловоние, что пробудь враг под городом три или четыре дня, осажденные погибли бы от заразы, поскольку в такой тесноте каждый должен был отдавать дань природе там же, где стоял....

И если бы тогда сотня вражеских всадников напала на город, она смогла бы без всякого сопротивления сжечь его до основания. В таком смятении наместник и другие защитники города сочли за лучшее умиловить хана Мухаммед-Гирея, послав ему обильные дары, в особенности же мед, чтобы побудить его снять осаду. Приняв дары, Мухаммед-Гирей обещал снять осаду и покинуть страну, если Василий грамотой обяжется быть вечным данником хана, какими были его отец и предки. Получив составленную согласно его желанию грамоту, Мухаммед-Гирей отвел войско к Рязани, где московитам было позволено выкупать и обменивать пленных. Хан же, не вынося бездействия, и потому что его воины были обременены добычей, под давлением собственных обстоятельств вдруг снялся с лагеря и ушел в Тавриду, забыв даже в

крепости грамоту московского государя с обязательством быть ему вечным данником. Взятый им в Московии полон был столь велик, что может показаться невероятным; говорят, что пленников было более восьмисот тысяч» [20. С. 243 – 245].

На следующий год, в начале лета 1523 г., Василий, желая отомстить татарам за нанесенное поражение и смыть позор, испытанный им, когда он во время бегства прятался в стогу сена, собрал огромное войско и двинулся в сторону Коломны. Отсюда русское войско традиционно выходило навстречу степнякам.

Оставим на время Василия в Коломне и отвлечемся от описания его похода. Было одно обстоятельство, которое внесло перелом в борьбу великого князя Василия с казанским и крымским ханами. На их стороне было единство, а Василий имел уже множество пушек и других огнестрельных орудий, которые русские никогда ранее не употребляли в войнах.

Последним «всплеском» Тюркской цивилизации, захлестнувшим Европу, были гунны, разбившие сами себя после смерти Аттилы в середине V в. Другие волны, которые растекались по степи, до Западной Европы не докатывались. Сами тюрки (тюркюты) в своих походах на запад едва перешли Дон. Магьяры, печенеги и половцы-кипчаки доскакали до Дуная. В Венгрии же закончили свой западный поход и войска Батыя.

Тысячу лет Западная Европа не знала крупных нашествий. Давно прошла эпоха Возрождения. Европейцы доплыли до Америки, составляли карты, здесь уже стали обретать цену знания и науки. А она была очень высока, порой стоила жизни, ведь уже пылали костры инквизиции.

Морские далекие плаванья, во время которых необходимо было уметь ориентироваться в открытом море, породили картографию, астрономию, математику. А «матерью наук» была физика. Она, непосредственно связанная с природой и деятельностью человека, обеспечила наибольший прогресс другим наукам и быстро развивалась сама. Если вспомнить основные законы общей физики, то их авторы – это сплошь средневековые западноевропейские имена того времени.

Оправился от нашествия монголов и Китай. Там изобрели порох. По Великому шелковому пути он попал в Европу. Итальянцы и немцы научились делать огнестрельные орудия, пушки и пищали (ружья). Они же стали и первыми пушкарями. Огнестрельные орудия дали перевес европейским войскам над туземцами во всех частях света, а доставлялись они туда по морю, на кораблях.

Такой корабль, подойдя к берегу и дав залп из бортовых орудий, наводил суеверный ужас на туземцев.

Небольшие европейские государства, имеющие выход к морю, построив морской военный флот, захватили огромные территории. Так зародились великие империи, имевшие колонии в разных частях света.

А в центре Евразии поволжские тюрки уже 100 лет воевали с Московским государством. Эта война казалась нескончаемой: то одни брали верх, а другие платили дань, то наоборот. Теперь все зависело от того, у кого раньше появится артиллерия и огнестрельные ружья.

Здесь фортуна вновь улыбнулась русским. Как говорят: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Москва вела войны на два фронта: на западе с поляками и на востоке с казанско-крымской коалицией.

Против поляков Московское государство воевало в союзе с Немецким орденом. Магистр этого ордена требовал от великого князя Московского Василия сто тысяч гривен серебра, чтобы нанять воинов в Германии. Василий, известный своей прижимистостью и стесненный в средствах, все медлил и не давал денег союзнику. Он не сомневался в преданности ордена, но не питал иллюзий по поводу его сил. А потом вдруг послал союзнику серебра на 14 000 червонцев, чем немало удивил и поляков.

Видимо, Василий дал немцам серебро небесплатно. С этого времени в его войске появляются пушки и пушкар. Вначале пушки устанавливались на крепостных стенах Москвы и предназначались лишь для отражения неприятеля. Но, видимо, уж очень сильный позор он испытал от братьев Мухаммеда- и Сахиба-Гиреев. Жажда мщения была так велика, что он погрузил пушки на телеги и повез на битву с ханом Мухаммед-Гиреем.

Так в войске русских появилась полевая артиллерия и огнестрельные ружья. Это было переломным моментом в истории Евразии. Европа совершила рывок в состязании с Тюркской цивилизацией, создав оружие необычайной разрушительной силы, которое в то время оказывало еще и сильнейшее психологическое воздействие, внушая суеверный ужас от огня, вырывающегося из стволов при каждом выстреле. А огонь был священным у тюрков и финно-угорских народов. Каждый выстрел казался им карающим действием Бога, что сильно снижало их боеспособность. Появился «бог войны» – артиллерия.

Началось многовековое противостояние пушки и всадника. Оно длилось так долго потому, что и пушка перемещалась по суше

на конной тяге, а всадник превосходил пушку в скорости и маневренности. Но как только появилась стреляющая из ружей пехота, картина полей сражений существенно изменилась. И тогда созрели все предпосылки для возникновения новой империи на суше. Теперь это стало лишь делом времени.

Но вернемся к Василию, стоявшему с войском и артиллерией в Коломне. Движимый жаждой мщения за испытанный позор, он послал к Мухаммед-Гирею вестника с такими словами: «Вероломно нарушив мир и союз, ты, разбойник, душегубец, зажигальщик, напал внезапно на мою землю. Имешь ли доблесть воинскую? Предлагаю тебе честную битву в поле». Хан насмешливо ответил, что ему известны пути-дороги к Москве и время, удобное для войны, что он не спрашивает у неприятеля, где и когда сражаться.

Но крымско-казанско-ногайская коалиция дала трещину. Дела крымского хана Мухаммед-Гирея резко осложнились. Вскоре его убили ногаи, разгромив все Крымское ханство. Так и Москва, и Казань оказались вновь самостоятельными, а Василий сумел еще окончательно покончить с последним островком удельного княжества – с Рязанью.

Он заключил было с юным Казанским ханом Сафа-Гирсеем мирный договор, но хан почти сразу же отошел от него и стал подбивать казанцев против Руси, требовал пересмотра условий мира, надругался над послом великого князя. Тогда Василий вновь прибегнул к оружию. Он взял было уже Казань, но горожане второй раз подкупили его племянника, воеводу Бельского, и тот ушел в Москву.

Казанцы же направили Василию своих послов, знатных князей Тагая, Тевкеля и Ибрагима. Они просили у него прощения и обещали (в который раз!) повиноваться Руси. Хана Сафа-Гирея они изгнали, получили от Василия утверждение выбранного ими царя Еналея. При нем в Казани появилась царица Сююмбика, дочь ногайского хана Юсуфа. На три года воцарился мир. Однако юный хан управлял государством лишь номинально. Реальная власть принадлежала правительству во главе с царевной Ковгоршад в качестве регентши.

Здесь среди послов казанцев к Василию мы видим князя Тевкеля. Это предок подполковника Тевкелева, в крещении Алексея Ивановича, – палача башкир, участвовавших в восстаниях первой половины XVIII в. Даже среди таких извергов, как Д. Соймонов, В. Татищев, В. Урусов, он выделялся особой жестокостью к башкирам. Они сложили о нем песню «Тафтиляу» («Тевкелев»), песню-плач, песню-проклятие.

Три года мира, что получил великий князь Василий, он использовал на обустройство своих семейных дел. Двадцать лет он прожил счастливо со своей супругой Соломонией, а детей у них не было. Василий, естественно, хотел иметь наследника. Соломонию насильно увезли в Суздаль в монастырь и постригли в монахини. Она, заливаясь слезами и надевая ризу инокини, торжественно сказала: «Бог видит и отомстит гонителью». Позже носился слух, что Соломония, к ужасу и раскаянию Василия, забеременела от кого-то и родила сына, дала ему имя Георгий.

Нарушая церковный устав, митрополит дал благословление Василию на повторный брак. Через два месяца он женился на княжне Елене, дочери Василия Глинского. А князья Глинские вели свой род от Мамае через его сына Мансура. После казни Мамае генуэзцами в Кафе, его сын Мансур бежал в Литву к союзнику отца Витовту. В Великом княжестве Литовском его потомки получили поместье Глину и княжеский титул за усердную службу.

Более трех лет царица Елена также не могла забеременеть. Она ездила в разные святые места, раздавала богатую милостыню, со слезами молилась о детородии, но безуспешно. Видимо, природа не дала Василию счастья иметь детей, а Соломония безвинно была заточена в монастырь, и предание о рождении у нее сына Георгия имело правдивую основу.

И перед Еленой, молодой и красивой, реально замаячил монастырь, но участь монахини ее не манила. Она хотела жить, любить, познать счастье материнства. И, видимо, Елена решилась. На четвертом году супружества Елена родила 25 августа 1530 г. сына Ивана. Пишут летописцы, что в ту самую минуту земля и небо сотряслись от неслыханных громовых ударов, которые следовали один за другим с ужасной непрерывной молнией.

Вот только едва ли был он Васильевичем. Иван в три года стал государем и великим князем после смерти Василия в ноябре 1533 г. Буквально сразу открылась любовная связь его матери Елены с князем Иваном Овчиной-Телепневым-Оболенским. Не началась, а открылась, бывшая тайной при жизни Василия. Иван Телепнев, ставший фаворитом Елены, захотел управлять и Думой, и государством. Был ли он ее единственным любовником и отцом царя Ивана? Об этом знала лишь сама Елена, но сей факт говорит о том, что по своей натуре она вполне могла сама решить детородный вопрос, затянувшийся с Василием.

В ней бушевала кровь Мамае. Она, без сомнения, была не только решительной, но и жестокой, предаваясь в одно время нежностям незаконной любви и свирепству кровожадной злобы.

Первой ее жертвой стал родной дядя Михаил Глинский, пытавшийся ее образумить, смело говоривший правящей племяннице о стыде разврата, особенно на троне. Затем наступила очередь братьев покойного Василия – Юрия и Андрея. Их также убили вместе с приближенными и семьями.

Со смертью Василия и его братьев ушла в прошлое вся династия Ивана Калиты. Надо отдать ей должное – в очень непростых условиях времен Золотой Орды и ее распада потомки Калиты, порой наступая на горло своей гордости, смогли собрать воедино с Москвой и непокорную Тверь, и изменчивую Рязань, и вечно мятежный Новгород.

Персмена царствования в Московском государстве повлекла за собой и изменения отношений с Казанским ханством. Сложилась уникальная ситуация: и в том, и в другом государстве правили женщины-регентши – Елена и Ковгоршад. Казань решила воспользоваться сложившимся положением дел и слабостью правительства Елены Глинской и ее фаворита. Русские летописи отметили: «Ковгоршад царевна и Булат князь и вся земля Казанская князю Ивану Васильевичу изменили» [91].

Казанское ханство освободилось от русской опеки и вступило на путь самостоятельного развития. Казань ранее Москвы отказалась от женского правления. На престол вновь пригласили хана Сафа-Гирея, и он перешел к наступательным действиям. Последующие 4 года прошли при неоднократных набегах казанцев на русские земли. Это заставило Елену заняться укреплением восточных границ Московского государства. В 1536 – 1537 гг. русскими были построены крепости Буй и Балахна.

Так эта женщина прославилась построением новых крепостей. Она же, исполняя завет покойного мужа Василия, заложила в Москве Китай-город. При ней из фунта серебра стали чеканить монету достоинством в шесть рублей с изображением на них Василия не с мечом в руке, как ранее, а с копьем. Отчего эти монеты стали называть копейками.

Любовь Елены к Ивану Телепневу прошла через всю ее оставшуюся жизнь. Причем явно и открыто. Это вызывало презрение одних и ненависть других. Ее отравили в 1538 г. Она умерла молодой и в цветущем здоровье.

На похоронах люди видели и чувства юного Ивана к Телепневу. Он плакал и бросался к нему в объятия. В семилетнем возрасте и при гробе матери чувства не могут быть поддельными, а скорее они были искренни, вызваны кровным родством.

Да и Телепнева эта смерть потрясла. Он был в отчаянии, после похорон еще больше сблизился с Иваном, ласкал его. Он пытался бороться за власть, но авторитет имел невеликий, и поэтому многие бояре, еще вчера заискивавшие перед ним, от него отвернулись.

Главою государства объявил себя Василий Шуйский, бывший первым лицом в совете Думы. На седьмой день после смерти Елены они со своим братом Иваном заковали в цепи Телепнева и его сестру Агриппину, бывшую няней малолетнего государя Ивана, несмотря на его протестующие вопли. Телепнева и Агриппину заморили голодом в темнице. Так Иван в семь лет потерял самых близких ему людей и остался сиротой.

Много бурь прогремело над страной, и политических, и военных. Не единожды менялась власть в Москве и в Казани. Однако ни при Иване III, ни при Василии III, ни в малолетство Ивана IV не было речи о создании великого государства с присоединением к Руси инородцев и иноверцев.

На западных границах Руси располагались католические государства – Литва и Польша. Проживание католиков и православных христиан в одном государстве и представить себе было невозможно. Католический мир Европы был очень силен и иноверия не терпел. Проникновение католиков в Русь неизбежно привело бы к концу православия.

И русское православие относилась к католикам с такой же враждебностью. Достаточно вспомнить прибытие в Москву кардинала, сопровождавшего Софью, невесту Ивана III. Ему не позволили даже поднять свой католический крест, а везли этот крест в санях, завалив соломой. На Руси еще хорошо помнили 4-й Крестовый поход, отбитый Александром Невским. Это было нашествие католиков-крестоносцев с целью уничтожения православия.

Несмотря на то что войны на западе Руси продолжались не одну сотню лет, она не имела в этом направлении наступательных традиций, с трудом отражала нашествия католиков.

На востоке Русь издавна соседствовала с Волжской Булгарией, государством древним и сильным. Со времени возникновения славяно-русских княжеств, с IX – X вв., русы, предки русских, имели торговые связи с булгарами, свободно плавали по Волге до Хазарии. Такие отношения Руси с Волжской Булгарией сохранялись и во времена Золотой Орды. Ханы, верные законам Чингисхана, отличались веротерпимостью, и православные христиане – русские жили мирно с мусульманами Волжской Булгарии.

Распад Золотой Орды привел к образованию четырех мусульманских ханств: Казанского, Крымского, Сибирского и Астраханского, а также Ногайской Орды. На почве единой мусульманской религии, а также верности традициям Золотой Орды, эти ханства образовали коалицию. Возникновению последней способствовал и ряд династических браков.

Казанское ханство возникло на месте Волжской Булгарии, в которой мусульманская религия имела очень древние корни, с X в., с посольства Ибн Фадлана. Поэтому Казань стала оплотом мусульманства в Поволжье, что одновременно поставило ее в центр коалиции.

Религиозная нетерпимость к иноверцам имела место в канонах и православного христианства, и ислама. Сдерживающее начало в лице ханов Золотой Орды исчезло с ее распадом. Вспыхнула религиозная война, которая со временем переросла в боевые действия.

Казанское ханство, имея во главе династических ханов, Чингизидов, чувствовало себя наследником Золотой Орды и стремилось продолжить ордынские традиции взимания дани с Руси, Башкортостана, Чувашии, Арской земли, Вятских и Пермских пределов.

Русское правительство до конца 1540-х гг. держало курс лишь на признание своей независимости от Казанского ханства. Но после неоднократного нарушения казанскими ханами мирных договоров оно стало претендовать на верховную власть русского государя над казанским ханом.

Взаимные вторжения во внутренние области в течение 110 лет не имели целью присоединение соседа к своему государству. Слишком разными были народы и веры. «Поганые» не нужны были «неверным», и наоборот.

Ни один из указанных выше правителей Руси в то время не вынашивал идеи о создании великой империи. Масштабы мышления были не те, да и военная сила Руси к этому не располагала. Армия формировалась на основе ополчения и представляла собой необученное и недисциплинированное войско, в основном пешее.

В конце 40-х гг. XVI в. происходит перелом в отношениях Москвы и Казани. Для русских проблема проживания иноверцев в одном государстве вдруг теряет остроту. Это было связано с двумя факторами. Во-первых, Русскую православную церковь возглавил митрополит Макарий – тот самый, который, будучи архиепископом Новгородским, в 1536 г. насильно крестил татарок, сидевших в тюрьме. Так он намеревался расправиться с иноверием на Руси.

Во-вторых, в декабре 1546 г. после череды смен правительств Бельского, Шуйских и Глинских, Иван IV, по совету митрополита Макария, объявляет себя совершеннолетним и венчается на царство. Этим древним обрядом утверждается печатью веры союз государя с народом. Произошло это 17 января 1547 г. Иван IV стал самодержцем, царем.

К реальной власти в Московском государстве пришел потомок Чингисхана – через мать Елену Глинскую и князей Глинских. Генетики утверждают, что генетический код человека может повториться, но не ранее чем через 17 поколений. Схема родства Ивана с Чингисханом такова: Чингисхан – Джучи – Бату – Тутукан – Менге Темур – Тогрипча – Узбек – Джанибек – Бердибек – дочь Бердибека – Мансур – князя Глинские – Елена Глинская – Иван Грозный.

В этой схеме от Бердибека до Чингисхана почти все были великими ханами, за исключением Тогрипчи и Тутукана. Эта линия, как правящая, прошла от самого зарождения империи Чингисхана до «замятни» и распада Золотой Орды. Поименно здесь известны 10 поколений от Чингисхана до Мансура. В год Куликовской битвы и казни Мамая Мансур бежал в Литву. Положим приближенно, что тогда ему было 20 лет. Тогда год его рождения 1360-й. Такое приближение здесь вполне допустимо.

Год рождения Чингисхана имеет три версии: 1155, 1162 и 1167-й. Возьмем среднюю величину – 1162 г. Между Чингисханом и Мансуром получаем $1360 - 1162 = 198$ лет и 10 поколений. На одно поколение в среднем получается 20 лет.

Поименным списком поколений князей Глинских мы не располагаем. Основываясь на результатах полученных вычислений, можно сказать, что следующее поколение за Мансуром родилось в 1380 г. ($1360 + 20$). От него до Ивана Грозного $1530 - 1380 = 150$ лет. Считая между поколениями те же 20 лет, получим полных 7 поколений.

Таким образом, между Чингисханом и Иваном прошло 17 поколений. И это то число поколений, после которого генетический код Чингисхана мог повториться в Иване Грозном. Конечно, нет оснований говорить, что это произошло. По законам генетики он лишь мог повториться, но уж очень сильно по своему характеру Иван Грозный отличался от своих предшественников на престоле – потомков Ивана Калиты – и многими чертами повторял Чингисхана.

И судьбы их имели очень схожие черты. Забегая вперед, можно отметить, что оба создали великие империи, один стал продолжа-

телем идей другого на той же самой территории. И тот и другой были заподозрены в убийстве своих старших сыновей, имели четыре законные жены, пришли к власти с помощью духовенства и твердо отстранили его потом от управления государством.

То ли гены Чингисхана выплеснулись в царе Иване IV, то ли были какие-то иные причины, но Ивана IV, как и его далекого предка, отличала веротерпимость. Свидетельство тому не только желание молодого царя иметь в своем государстве мусульманские, тенгрианские и языческие народы с берегов Волги, Камы, Белой, Вятки. Позже, в зрелом уже возрасте, он дал разрешение иноземцам, живущим в России, иметь свою лютеранскую церковь в Москве, наказал своего митрополита за враждебные отношения с лютеранами (1565 г.), приглашал католика, посла Папы Римского А. Поссевино, в церковь на православную службу, но тот отказался.

Так, для высших лиц Московского государства в конце 40-х гг. XVI в. пребывание иноверцев и инородцев в их стране не представлялось уже невозможным. Царь Иван IV относился к ним терпимо, а митрополит Макарий считал вполне возможным крещение иноверцев в православное христианство.

Макарий, фактически возглавивший Московское государство с 1547 г. при юном 16-летнем царе Иване, являлся одним из выдающихся людей своего времени. Его отличали образованность, знание литературы и труды на писательском поприще, а также великие государственные и политические дела. Этот митрополит впоследствии стал инициатором созыва всероссийских церковных соборов и канонизации русских святых. Венчав Ивана IV на царство, митрополит Макарий поставил юного царя под опеку духовника, протоиерея Сильвестра, специально переведя его из Новгорода в Москву.

Бояре, возникшие как сословие знатных людей еще при Рюрике, уходили в прошлое вместе с последними рюриковичами. Нарождалось новое сословие – дворянство, стремящееся попасть на службу к царю, получать за это жалование и «жалованные» земли в завоеванных странах вместе с крепостными крестьянами. Армия Московского государства переходила на регулярную основу. На смену боярам со своим ополчением пришли дворяне – профессиональные военные, служилос сословие, заинтересованное в новых походах и новых победах, позволяющих им разбогатеть и занять высокое положение при царе. Бремя содержания армии, хотя бы частично, переносится с плеч государства на завоеванные страны, а дворяне – основа армии – становятся материально заин-

тересованными в новых победах. Жаждающие богатств и славы стремятся попасть в дворянское сословие, на «цареву» службу.

Ярким представителем этого сословия был незнатный костромской дворянин Алексей Федорович Адашев. Неизвестно, как он стал другом юности царя. Историки искали в нем какие-то особые таланты, благодаря которым он выдвинулся в ближайшие советники царя, но не нашли.

А ларчик просто открывался – новое дворянское сословие, выдвигающееся на ведущие роли в государстве, не могло не иметь своего лидера близ царя. Дворянство становилось опорой государства, а Алексей Адашев – другом царя Ивана IV. Главным же талантом Адашева был великий ум. Похоже, что Иван IV не знал сам себя так, как изучил его Адашев.

Собственно, царское правительство конца 40-х гг. XVI в. состояло из царя Ивана IV, митрополита Макария, духовника царя Сильвестра и царева друга Алексея Адашева. Именно они и определяли как внутреннюю, так и внешнюю политику в Московском государстве.

В 1547 – 1549 гг. появились политические проекты неизвестного автора, скрывавшегося под псевдонимом Иван Пересветов. Он требовал от правительства новых завоеваний. Казанское ханство с его плодородной распаханной землей казалось ему чуть ли не раем – «подрайскою землицей, всем угодною». И. Пересветов откровенно заявлял, что «такую землю угодную» следует завоевать, даже если бы она с Московским государством «и в дружбе была». А Казань едва ли не каждый год беспокоит Русь, следовательно, писал в челобитных И. Пересветов, и повод есть.

В молодом русском этносе произошел взрыв пассионарности. Не только дворяне-помещики требовали завоевательных походов, но и торговцы, купцы присоединились к ним. Торговым людям нужен был свободный водный путь по Волге от Оки до устья, с выходом на Великий шелковый путь, связывавший Китай и Среднюю Азию с Европой. В лице купцов дворяне имели весьма сильного союзника.

Таким образом, завоевательная политика Московского государства стала результатом совпадения интересов дворян и торгового капитала с великодержавными замыслами молодого царя Ивана IV. Сюда следует добавить и религиозный фанатизм русского духовенства, стремящийся уничтожить оплот мусульманства на Средней Волге.

Эту политику впервые сформулировал И. Пересветов в своих челобитных. Его и стали считать изобретателем русского империа-

лизма. Ввиду того что программа И. Пересветова была принята и осуществлена Московским государством, не вызывает сомнения близость автора к царю и правительству. В челобитных И. Пересветова ярко высвечивается государственное мышление, смелость предлагаемых проектов и уверенность в возможности их осуществления. Однако среди видных государственных деятелей того времени он не был известен.

Русские историки доказали принадлежность И. Пересветова к числу дворян – мелких помещиков, выступивших на борьбу против бояр и князей, точнее, их политики. Высказывались мнения и о том, что под псевдонимом И. Пересветов выступал А. Адашев.

Действительно, глубина и величина замыслов государственной политики, их смелость, уверенность автора в их осуществлении должны были иметь основу в виде высокого государственного положения, с которого и раздвигались бы такие горизонты. Тогда возникает вопрос: почему Адашев докладывал свои проекты под псевдонимом И. Пересветов?

Он верил в осуществимость своих проектов, хорошо знал царя Ивана IV и митрополита Макария. В правительстве он был самым молодым и наименее знатным, хотя, может быть, и самым умным. Выдвини он эти проекты от своего имени, неизбежно возникла бы оппозиция как со стороны царя, так, и особенно, со стороны митрополита. Его просто посчитали бы выскочкой. Адашев понимал, что замыслы такого масштаба должны исходить от царя, возможно с чьей-либо негромкой подачи. Иначе, после их осуществления, открытого автора ждали опала и смерть. Победителем мог остаться только царь.

Поэтому Адашев и стал писать царю челобитные под псевдонимом И. Пересветов. Это дало ему еще и возможность поддерживать формирование мнения царя как бы с нейтральной позиции. **Очень умно поступил Адашев!**

Завоевания предстояло начать с Казанского ханства, векового иноверческого и инородного воинствующего соседа. Момент казался очень удобным – умер казанский хан Сафа-Гирей. Престол перешел к его 3-летнему сыну Утямышу и его матери Сююмбике. Однако неподготовленные походы 1549 и 1550 гг. потерпели полную неудачу. Поэтому царское правительство решилось на основательную подготовку следующей военной кампании. В составлении плана присоединения Казанского ханства к Московскому государству участвовали боярин Иван Шереметев, Алексей Адашев и дьяк Иван Михайлов. Первый из них был воеводой,

второй представлял гражданскую власть, а третий был искусным дипломатом.

Был выработан следующий план присоединения Казанского ханства к Московскому государству. Предполагалось на первом этапе блокировать речные пути Казанского ханства и основать недалеко от Казани русскую крепость около устья реки Свияги.

Программа политических действий, в случае выполнения блокады и строительства крепости, предусматривала:

- 1) свержение с казанского престола Крымской династии ханов;
- 2) освобождение из рабства русских пленников;
- 3) разделение Казанского ханства по руслу Волги и присоединение к Московскому государству правого берега;
- 4) замена хана русским наместником.

План был составлен весьма хитрый и осторожный. Блокада речных путей наносила серьезный удар по казанской торговле, могла принудить татар пойти на определенные уступки. В качестве последних было предусмотрено строительство крепости на Свияге и низвержение довольно слабой Крымской династии ханов - 6-летнего ребенка Утямыша и его матери Сююмбеки. Казань могла на это согласиться под военным давлением. Ведь и прежде не раз менялись ханы в Казани по требованию Москвы. Но ранее на этом все и заканчивалось. С новым ханом составлялся договор, обеспечивающий мир на несколько лет.

Впервые планы русского царя пошли дальше. Марионеточный хан должен был согласиться на раздел Казанского ханства и оставить престол русскому наместнику. Это означало присоединение Казанского ханства к Московскому государству.

План был столь же гениален, сколь коварен. Все в нем было учтено: и настроение народа, и слабость власти хана, и продажность предателей. Главное – предлагался мирный характер присоединения, но дипломатия работала под сильным военным нажимом.

Замысел был столь великолепен, что выполнялся почти до конца без пролития крови, мирно. Русский наместник уже подъехал к воротам Казани, ждал торжественного их открытия. Еще несколько минут времени, может быть, десяток шагов коня наместника – и он мирно и величаво въедет в Казань! И состоится Россия, многонациональная страна с разноцветьем культур и религий! Еще несколько минут!

Но не зря говорят, что любой гениальный замысел можно испортить плохим исполнением. В самом конце всей великой работы русский наместник князь С. Микулинский уже на подъезде к Казани совершил одну, всего одну, ошибку, и ворота города перед

ним не открылись. Мала была ошибка, но беда за ней пришла большая. Однако расскажем обо всем по порядку.

Выполнение плана мирного, но принудительного присоединения Казанского ханства к Московскому государству началось зимой 1551 г. Был заготовлен лес, и весной в половодье его сплывили к устью Свияги. Одновременно по Волге на ладьях приплыли стрельцы. Их отряды перекрыли все речные переправы по Волге, Каме и Вятке, блокировав Казань по водным путям.

В середине мая русский отряд пришел на Круглую гору при устье Свияги. С ним были бежавшие из Казани эмигранты и Шага-лей, претендент на роль русской марионетки на ханском престоле. Всего около 500 человек. К концу мая они заложили русскую крепость Свияжск внутри Казанского ханства. Активных ответных боевых действий из Казани не последовало.

Началась политическая агитация местного населения с целью принятия русского подданства, сопровождавшаяся подкупом, особенно чувашей и черемис. Их группами отправляли в Москву и представляли ко двору государя, где кормили, поили, жаловали деньгами, шубами, доспехами, конями. Такая агитация привлекла на сторону русских какое-то количество чувашей и черемис.

Царственная книга рассказывает, что блокада русскими водных путей парализовала всю жизнь ханства. Казань оказалась изолированной от других селений. Прекратилась торговля, стала ощущаться нехватка продовольствия.

В июне в Казани начались волнения. Чувашаи и вотяки толпами приходили в город, к ханскому двору, и требовали принять условия русских. Ханская охрана разгоняла толпу, но страсти накалялись с каждым днем. Местное население также выступало против крымцев, не способных разрешить ситуацию.

В этих условиях крымский гарнизон бежал из Казани, бросив семьи, но около устья Вятки напоролся на русскую заставу, где был разбит при переправе — частью перебит, а частью пленен и отправлен в Москву.

В Казани образовалось временное правительство во главе с огланом Худайкулом и князем Нурали. Это правительство вступило в переговоры с русскими и согласилось признать ханом Шага-лея, выдать русским царицу Сююмбике и малолетнего хана Утямыша, а также семейства бежавших крымцев и всех русских пленных. Со своей стороны оно требовало снятия блокады и свободы передвижения.

Переговоры по заключению договора состоялись 9 августа 1551 г. Здесь русские неожиданно объявили о присоединении гор-

ной стороны (правобережья Волги) к Русскому государству. Казанские послы принять это требование отказались. От них требовали ни много ни мало – разделения государства: Казань оставалась на левом берегу Волги, а через реку было другое государство. Послы подписали договор, но без деления ханства. Этот вопрос решено было вынести на курултай.

Он состоялся 14 августа при устье Казанки на границе спорной территории. Русские воеводы, зная свое военное превосходство, твердо стояли на своем. Казанцы, вынужденно, все же согласились на раздел ханства. «Горная сторона», правобережье Волги, перешло к Московскому государству. Под властью Казани остались междуречье Волги и Камы, их левобережье – земли, населенные черемисами, вотяками, и та часть Башкортостана, которая еще входила в пределы Казанского ханства.

Новый хан Шагалея въехал в Казань 16 августа в сопровождении 300 касимовских татар и 200 русских стрельцов. Он освободил во всем Казанском ханстве около 60 тысяч рабов – русских пленников. Русские войска были уведены из пределов ханства, речная блокада снята. Лишь Свияжск остался в управлении русских.

Так шаг за шагом реализовывался русский план мирно-принудительного присоединения Казанского ханства к Московскому государству. Следующим этапом в этом плане была замена хана Шагалея на русского наместника. При этом казанцам, как приманка, подкидывался возврат «горной стороны» и воссоединение обеих частей их государства, взамен на вечный мир и уничтожение христианского рабства.

В феврале 1552 г. на замену хана русским наместником приехал сам главный идеолог этого плана – А. Адашев. Он предложил хану Шагалею впустить в город русского наместника и сдать ему Казань. Но Шагалея решительно отказался сделать это, заявив, что он мусульманин и не возьмет на себя такое преступление перед верой. Он согласился на отречение от престола. Шагалея 6 марта вывел русский гарнизон из Казани и уехал в Свияжск.

В Казани была объявлена грамота царя Ивана о том, что «по желанию казанцев» он низвел хана Шагалея с престола и дал им своего наместника Семена Ивановича Микулинского, все знатные люди Казани должны явиться в Свияжск и дать ему присягу. Объявление о назначении наместника в Казани было воспринято спокойно. Казанцы присягнули наместнику и в ответ взяли с него присягу о равноправии казанских «добрых людей» с русскими

боярами и дворянами. Пошла подготовка к въезду в город наместника русского царя. Это намечалось на 9 марта 1552 г.

Утром этого дня наместник С. Микулинский выехал из Свияжска в Казань. Его сопровождали воеводы с отрядом стрельцов. В Казани было спокойно. Когда наместник и его отряд достигли деревни Бежбалды в пригороде Казани, трое из казанцев, сопровождавших наместника, попросили у него разрешения ехать вперед. Разрешение им было дано, и они уехали в город. Это и было роковой ошибкой наместника, погубившей весь план мирно-принудительного присоединения Казанского ханства к Московскому государству.

Неизвестна причина, по которой князья Ислам и Кебек, а также мурза Аликей Нарыков покинули отряд и поскакали в Казань. Возможно, кто-то из них знал русский язык и услышал переговоры членов делегации о тайных планах. Приехав в Казань, они заперли крепостные ворота и заявили о намерениях русских устроить резню и перебить всех казанцев. Это заявление всполошило казанцев, и они стали вооружаться.

Ворота перед русским наместником не открылись. Казанцы не пустили его в город. Двухдневные переговоры ничего не дали. Наместнику ничего не оставалось делать, как отправиться восвояси, в Свияжск. Проект рухнул, все результаты свелись к нулю. Мирное начало образования многонационального великого государства тогда не состоялось.

Уния русских с иным народом иной веры сложилась через 7 месяцев, когда они вновь осадили Казань. Башкиры пришли к русскому царю с предложением присоединиться к Московскому государству и этим положили начало великой стране – России!

Глава 17

ПОД КРЫЛО ДВУГЛАВОГО ОРЛА

Башкиры, конечно же, знали о событиях, происходящих в Казанском ханстве. Земля слухами полнится, да и речные переправы на Каме русские перекрыли на их глазах. От речной блокады пострадали не только казанцы, оборвалась торговля и у башкир, ведь они были основными поставщиками мясного скота в прибрежные селения Казанского ханства. Издавна, со времен волжских булгар, многочисленные отары овец перегонялись башкирами с левого берега Камы на правый берег. С весны 1551 г., с первой речной блокады, башкиры пристально наблюдали за действиями русских. Следует полагать, что и контакты башкир с русскими военными людьми имели место в то время. Знали они и о намерениях русского царя Ивана взять Казань и покорить Казанское ханство. Башкиры и сами неоднократно совершали набеги на казанскую территорию. Об этом рассказывают башкирские исторические эпосы, например «Ек-мерген».

Власть Казанского ханства угнетала башкирский народ, лежала над ним тяжелым бременем многочисленных налогов, податей и повинностей. Башкиры, в основной массе, не были ортодоксальными мусульманами. Влияние тенгрианства оставалось достаточно сильным, а мусульманское давление со стороны казанского духовенства и подати в его пользу лишь усиливали общий гнет. Поэтому башкиры не вошли в мусульманскую крымско-казанско-ногайскую коалицию, а оказались в оппозиции к ней. Все это толкало башкир в союзники к русскому царю Ивану.

А он с весны 1552 г. начал новую военную кампанию. Сразу с открытием навигации русские отряды оккупировали речные пути и блокировали Казань, которая тоже готовилась к войне. Казанцы пригласили к себе нового хана Ядкара из Астраханской династии, и ему удалось прорваться в Казань. В городе собирались большие запасы продовольствия, военные силы и боеприпасы. Около 30 тысяч казанцев и 3 тысячи их союзников-ногайцев готовились защищать город.

Русское правительство собиралось осадить Казань с помощью западноевропейской техники. Предполагалось использовать подкопы с закладкой пороховых мин. Руководителем взрывных работ, по преданию, был английский инженер по фамилии Бутлер. Предание, видимо, имело историческую основу. Пройдет без малого 280 лет, и в городе Чистополе Казанской губернии родится мальчик Александр Михайлович Бутлеров – будущий великий химик и великий пчеловод. Похоже, что царь Иван «жаловал» инженера Бутлера землями близ Казани.

Русская армия окружила Казань 23 августа 1552 г. В течение недели русские люди сооружали окопы и ставили туры. Город оказался в сплошном кольце. В сентябре приступили к устройству подкопов и попытались произвести несколько взрывов. Одним из первых взорвали источник воды, но желаемый эффект не был достигнут. Казань имела достаточное количество водоемов.

В конце сентября русские начали делать подкопы и закладывать мины под крепостные стены. Первый подрыв стены и штурм состоялись 30 сентября, но попытка оказалась неудачной. Новый подкоп и взрыв произвели 2 октября. Войскам царя Ивана удалось ворваться в город, и тут же начался грабеж. Даже кашевары и коноводы ринулись в город. Казанцы, увидев это, сразу перешли в наступление. Среди русских началась паника. Русское командование приказало убивать мародеров. Только такими мерами панику удалось остановить, и войска царя Ивана вновь перешли в наступление.

115 лет Русь враждовала с Казанским ханством, и вот 2 октября 1552 г. войско Ивана взяло Казань штурмом, перебив защитников.

Какие же чувства испытал Иван, торжественно въезжая в покоренный город? Надо сказать, что не ликовал он. Тела защитников Казани, сложенные рядами, потрясли его, он плакал и говорил: «Это не христиане, но люди, сотворенные Богом». У тел его погибших воинов молился Богу как за жертву, принесенную ради общего дела.

Иван повелел тушить пожары в городе и всю добычу, все захваченные богатства, всех пленников, кроме Ядкара, отдал войску. Себе он взял только утварь царскую, венец, жезл, знамя и пушки.

Царь возвратился в стан и захотел увидеть свое войско, уцелевшее после штурма города. Иван встал перед войском и произнес речь. Он поблагодарил воинов, отметил их мужество и храбрость, верность царю и отечеству.

Далее он пожелал царствия небесного, вечной славы и памяти павшим в бою воинам. Иван обещал и дал обет любить и жаловать своих бойцов до конца дней своих.

Ни единого слова - ни хорошего, ни плохого не сказал он о казашках, ни о живых, ни о мертвых. Ни ненависти, ни злобы не было у него на языке. Это удивительно, потому что русские положили немало жизней при штурме города.

В тот же день Иван послал жалованные грамоты по всей округе, объявляя жителям мир и безопасность. «Идите к нам, - писал русский царь, - без ужаса и боязни. Прошедшее забываю, ибо злодейство уже наказано. Платите мне, что вы платили царям казанским».

Некоторые удмуртские и марийские семьи, убежавшие в леса от русских войск, вернулись в свои жилища, но защитники Казани не смирились с поражением. Оставив город, они поднимали народ, строили крепости, хотели восстановить свое ханство. Известный историк Н. М. Карамзин писал о 1553-1557 гг.: «Россияне пять лет не опускали меча: жгли и резали... Наконец, усилия бунтовщиков ослабли; вожди их погибли все без исключения, крепости были разрушены, другие (Чебоксары, Лаишев) вновь построены нами и заняты стрельцами. Вотяки, черемисса, самые отдаленные башкиры приносили дань, требуя милосердия. Весною в 1557 г. Иоанн в сию несчастную землю, наполненную пеплом и могилами, послал стряпчего Семена Ярцева с объявлением, что ужасы ратные миновали и что народы ее могут благоденствовать в тишине как верные подданные Белого Царя. Он милостиво принял в Москве их старшин и дал им жалованные грамоты».

Вчитаемся в эти строки. Карамзин был человеком своего времени. «Россияне...» - пишет он. Да, в его время, в XIX в., была уже Россия, а во времена Ивана Грозного было русское Московское государство, Русские земли. «Самые отдаленные башкиры приносили дань, требуя милосердия», - отметил историк.

Дань принесли - это понятно, а как они могли требовать милосердия, вообще что-то требовать от русского царя? Чем он им был

обязан? Русские историки, а потом и советские, не обращали внимания на эти требования.

А зря! Они раскрывают очень важную сторону русско-башкирских отношений того времени.

В советское время межнациональные отношения были под строгой цензурой. Любые факты, способные положить на них тень, безжалостно убирались из исторических материалов и книг, не публиковались.

В новое время цензура если не исчезла, то значительно смягчилась, стала не такой зоркой. В 2000 г. вышел сборник «Башкирское народное творчество». Том 5-й содержит исторические сказания и эпосы. Они написаны на башкирском языке и очень интересны с исторической точки зрения.

В эпических произведениях немало строк о набегах башкирских отрядов на Казанское ханство и на Ногайскую Орду. А эпос «Юлай и Салават» сообщает нам о том, что Шагали Шакман, вождь союза 7 племен: Табын, Кыпсак, Юрматы, Кувакан, Айле, Катай и Тамьян со своим войском помогал царю Ивану взять Казань:

Ул (Шагали. – Р. В.) бик данлы ир булған:
Иван батша сағында
Казанды ла алышкан.
Иван батшаға барып,
Ил исеменән ант биреп,
Үззәре илгә бей булып,
Башкорт ерен сикләтеп,
Болан тиргә яззырып
Исемдәрене теркәп
Йөрөүсе дүрттең берәүһе,
Себер юлы буйында,
Ете ырыуға баш булып
Тархан булған бай кеше [92].

Переведем сказание. Шагали Шакман был известной личностью, богатым и знатным тарханом. Он возглавлял объединение семи племен. Во времена Ивана-царя помогал ему брать Казань.

Шагали Шакман ходил присягать царю Ивану на верность, определил границы земель, которые царь закрепил за башкирами, и записал все это на оленьей шкуре, скрепив подписями всех четырех послов». Упоминание об оленьей шкуре подтверждает

достоверность этих сведений. В те времена писали на пергаменте – специально обработанной коже – с помощью птичьих перьев.

Сура-батыр, в одноименном эпосе [93], также поет о походе с целью захватить Казань:

Яуга китеп барамын,
Казан илен аламын,
Казанға китеп барамын.
Мин Казанға барғансы,
Кар яумағай, кан яугай;
Мин Казанға барған һуң,
Кан яумағай, кар яугай.

В переводе: «Еду я на войну покорить Казанское ханство, еду я на Казань! До тех пор, пока я доберусь до Казани, пусть льется кровь, а [не идет] снег. Когда я вернусь из Казани, пусть больше не льется кровь, а идет снег», – поет батыр. Поход был осенью, перед снегом. Можем предположить, что Сура-батыр был в войске Шагали Шакмана, и в конце сентября, перед первым снегом, войско шло на Казань.

Казалось бы, здесь всего несколько строк, но они бесценны. Это память народа, а не мнение историков, смотрящих в рот царям или генеральным секретарям. Она, эта память, хранила в себе и участие башкир в штурме Казани, и обращение их к царю, и определение вотчинных прав башкир на свою землю.

Здесь ответы на многие вопросы, не дававшие покоя историкам на протяжении веков. Участие башкир в штурме Казани не оставляет и тени сомнения в добровольности их присоединения к Московскому государству, во взаимовыгодности союзнических отношений.

Три безуспешные военные кампании против Казанского ханства в 1549, 1550, 1551 гг. истощили и Московское государство, и русский народ. Три года подряд русские крестьяне, бросив свои хозяйства, с весны до глубокой осени участвовали в военных операциях. Это довело их до нищеты. Дошло до того, что новгородцы отказались участвовать в четвертой войне. Так что башкирские отряды у стен Казани оказались весьма кстати. Неизвестно, чем бы закончился штурм, не будь их там. Особенно если вспомнить массовое увлечение русских войск грабежом и насилием после прорыва в город и критическую ситуацию, возникшую в связи с этим.

Башкиры поднялись против ненавистных им ханов-угнетателей и вместе с русскими воинами бились у стен Казани, взяли ее. И после боя они стояли перед царем Иваном Грозным в его стане, когда он благодарил войско за взятие Казани. Поэтому Иван ни слова не сказал о покорении «басурман», «поганных». Таких воинов было немало в его войске, они стояли перед ним. И им он дал обет любить их и жаловать. Поэтому башкиры могли требовать от великого царя милосердия, они его заслужили.

Тогда, у стен Казани, царь Иван и предложил башкирам присоединиться к его государству. В его мыслях уже была Россия, многонациональная держава с разноцветьем культур и множеством религий.

Въехав в Москву 28 октября 1552 г., Иван Грозный, обращаясь к собору православного духовенства, впервые назвал свою страну Россией, а граждан – россиянами [94]. Церковники, однако, считают, что слово «Россия» принадлежит митрополиту Макарию. В «Полном церковно-славянском словаре» отмечено: «Первоначально Россия называлась “Русью”, затем до Иоанна Грозного она называлась “Руссия”. Современный Иоанну Грозному митрополит Макарий первым начал употреблять слово “Россия”»...

Возможно, здесь кроется разгадка происхождения слова «Россия». Дело в том, что греки, от которых русские переняли православие, называли их «росами». Русские – росы. Это можно видеть в упомянутом выше сочинении византийского императора Константина Багрянородного. Скорее всего, и страна, где проживали русские, в старинных православных писаниях греками называлась Россией, и митрополит Макарий перенес это слово из церковной литературы в повседневную жизнь. Так или иначе, от Ивана ли, или от Макария, но название «Россия» родилось вместе с новым государством.

Взятие Казани и завоевание Казанского ханства было, по сути, покорением татарского народа. Татар вырезали, жгли их селения, мечети. Исламская религия преследовалась, в Казани и других местах строились православные храмы, а население подвергалось насильственному крещению. Все это не меняло качественно сути Московского государства: оно оставалось русским и православным. Иностранцы и иноверцы не имели в нем никаких прав.

И вдруг крутой поворот! Башкиры обращаются с просьбой к русскому царю о добровольном подданстве. Они обязались платить ему ясак (налоги), служить в его войске, охранять восточные рубежи, участвовать в ближних и дальних походах. Царь со своей стороны сохранил за башкирами вотчинное право на их земли,

самоуправление в лице местных биев, обещал никогда в другую религию не насиловать, обычаи не преследовать.

Историки так и не смогли понять ни наших предков – башкир, ни русского царя. С одной стороны, русские пять лет безжалостно уничтожали соседний мусульманский, тюркский, народ, его религию и культуру, а башкиры пошли к нему в подданство. С другой стороны, царь, отбирая у казанцев и землю, и их богатства, уничтожая мечети, насильно крестя татар, вдруг обещает никогда не делать этого по отношению к башкирам.

Более двухсот лет толкли историки, как воду в ступе, вопрос о характере присоединения: было ли оно добровольным или совершилось в результате завоевания Башкирии русскими войсками?

Башкиры, доведенные до нищеты послемонгольскими ханами, в том числе и казанскими, сами присоединились к войску русского царя, осадившего Казань. Об этом помнил народ, пел в своих кубаирах, повествовал в сказаниях. Русский царь и не собирался идти войной на своих союзников-башкир, а они – воевать против русского царя. И не было такой войны, по крайней мере при жизни царя Ивана.

Заключение договора башкир с русским царем Иваном IV о присоединении Башкортостана к Московскому государству

В нашей же исторической науке, со времени выхода в свет первой книги А. Усманова «Присоединение Башкирии к Московскому государству» (1949), утвердилось мнение о том, что башкиры наблюдали за развитием событий в Казани осенью 1552 г. как бы со стороны, из Башкортостана. А. Усманов предположить не мог, что башкиры были союзниками царя Ивана при штурме Казани.

Однако многие башкирские шежере указывают на общение башкир с самим Иваном Грозным. Башкирское предание, записанное Д. Н. Соколовым [95], также рассказывает, что после падения Казани башкиры, «наслышавшись о доброте царя Ивана Васильевича, послали к нему своих биев просить о принятии в подданство, что царь милостиво принял посланцев, утвердил их в звании, пожаловал цветными кафтанами, а башкирам под условием платежа легкого ясака мехами и медом предоставил право владеть землями, на которых они жили».

Общение башкир с царем Иваном Грозным, теплый прием, цветные кафтаны, легкий ясак и вотчинное право на свои земли – не чья-либо выдумка. Тем более, в свете участия башкир во взятии Казани, все это становится понятным.

По сведениям из сочинения Андрея Курбского [77. Стб. 205], царь в Казани «стояв неделю». Именно тогда башкиры во главе с Шагали Шакманом и были приняты царем. Они со своей стороны предложили ему добровольное подданство и получили благоприятный ответ. Здесь же были обговорены с царем условия присоединения. Инициатива шла от западных башкир, только что освободившихся от гнета казанского хана. Царь Иван, вдохновившись примером западных башкир, принял решение обратиться к остальным башкирам и другим народам с «жалованными грамотами», в которых призывал добровольно принять русское подданство и платить ясак московскому правительству [77. Стб. 206].

Только так можно объяснить резкий поворот в отношении царя Ивана к народам, соседствовавшим с Казанским ханством. И это несмотря на то что на совете, созванном Иваном Грозным, большинство бояр призывали его остаться зимовать в Казани и заняться истреблением «воинства басурманского».

Иван тогда еще был молод, всего 22 лет от роду. Его поразили вид покоренной Казани, количество убитых людей и потоки крови. Проезжая по Казани и видя убитых казанцев, он сокрушался: «Ведь это такие же люди, как и мы». В его сердце не было к ним вражды ни национальной, ни религиозной. И вот перед царем стояли башкиры, восставшие на его стороне, пришедшие добровольно проситься в его подданство. Они предлагали бескровный

путь создания великого государства с проживанием в нем многих народов с разными религиями.

Думаю, что тогда, в беседе с башкирами, перед глазами молодого царя Ивана уже витала новая страна – наследница Золотой Орды, державшей в страхе всю Европу. Помня о том, как терзают его на западе войска Ливонского ордена и поляки, он страстно захотел возрождения могущества Золотой Орды, бесстрашия и мужества ее воинов. В его голове родилась уже новая держава – огромная, мощная, населенная не только русскими, но и множеством инородцев и иноверцев.

Таким образом, выделим особо, присоединение башкирского народа к Московскому государству началось в первую неделю после взятия Казани на приеме башкир у царя Ивана в его ставке. Здесь же были обговорены и записаны в договоре условия этого присоединения. Поэтому эти условия оказались едиными для всего башкирского народа. Они были определены раз и навсегда самим царем. Об этом мы читаем в цитированном выше эпосе «Юлай и Салават».

Так башкиры из союзника московского царя стали его подданными. Казанцы же еще пять лет после падения Казани продолжали борьбу. Московское правительство направляло сюда карательные полки. По сообщениям того же А. Курбского [77. Стб. 218], эти полки дошли до «башкирского языка», до Камы, но реку не переходили, а двинулись правым берегом в сторону Сибири.

«Великий историк» К. Маркс также обратил внимание на это: «...разрозненные отряды татар продолжали еще беспокоить Казанский край и границы Русского государства до тех пор, пока воевода Иван Шереметьев во главе 30 000 человек окончательно не покорил эту страну и повсюду не начал гнать их вплоть до башкирских пределов» [96].

Это говорит о том, что Башкирия уже тогда была лояльна к русской власти – на ее территории, на левом берегу Камы, восстания не было. Русские полки не переходили Каму и Башкирию не завоевывали.

А как же трактуется нашими историками начало присоединения башкир к Московскому государству? Во-первых, это государство, с подачи К. Маркса и Ф. Энгельса, становится Русским. Первая книга А. Усманова называлась «Присоединение Башкирии к Московскому государству», а вторая уже вышла под названием «Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству».

Позже и вовсе Русское государство трансформировалось в Россию и стали говорить и писать о присоединении башкир к России, пока еще не существовавшей.

А. Усманов не знал башкирских исторических эпосов. Если бы знал, то где-то они все равно были бы им упомянуты. И его история присоединения башкир к Московскому государству не могла начаться с участия их в штурме Казани. Этого нельзя ставить ему в вину. А вот последующее...

Ему было заказано обоснование добровольности присоединения башкир к Московскому государству. Об этом мне неоднократно приходилось слышать от него самого. И он гордился тем, что ему это удалось сделать. Спору нет, удалось, вот только как?

Истинного начала присоединения, как отмечалось, он не знал. Но надо было с чего-то начинать. И в начало он заложил присоединение западных и северо-западных башкир, самых близких территориально к Казани, к новым границам Московского государства.

А. Усманов сформировал общую схему, или канву, присоединения башкир к Московскому царству, к Русским землям. Согласно его замыслу, «после жалованных грамот» царя к ближайшим народам, они, в том числе и башкиры, после подавления восстания казанцев, через 3–5 лет должны были направить свои посольства в Казань к наместнику царя. Здесь предполагалось заключение договора с описанием башкирских земель, взаимоотношений и обязанностей сторон. Далее – возвращение на родину и распределение ясака.

Такая историческая схема, созданная А. Усмановым, вытекала из шежере и была реальной для основной территории Башкирии, за исключением западных и северо-западных башкир. Но реализация этой схемы, в виде истории присоединения, встретила серьезные трудности. Их следовало устранить, и А. Усманов расправился с ними по-своему.

Известную из преданий и шежере личную встречу царя Ивана с башкирами он просто отверг: «Казанским краем управлял наместник царя Ивана IV, он и принимал послов башкирских племен и с ними вел переговоры от имени царя. Решение наместника башкирами воспринималось как решение самого царя. Этим объясняются утверждения шежере о поездке башкирских послов к самому царю Ивану Васильевичу. На следующем этапе, при уточнении взаимоотношений с новой для них властью – русским правительством, в частности, при получении от царя жалованных грамот на землю, башкиры ездили в Москву».

А. Усманов и мысли не допускал, что царь Иван мог принять башкир лично. А зря! Известно, например, что императрица Ели-

завета при восшествии на престол приняла делегацию «верных» башкир, такие встречи имели место в истории.

Однако главная трудность для А. Усманова заключалась в описании посольства западных и северо-западных башкир. В найденных шежере не было и не могло быть упоминания об их посольстве. Западные башкиры изложили свою просьбу о добровольном подданстве непосредственно царю при их встрече после взятия Казани.

Однако А. Усманов и эту проблему разрешает со свойственной ему находчивостью: нет такого шежере – так найдем! Вот как он описывает присоединение западных башкир [88. С. 131]:

«Великий государь наш, царь Иван Васильевич Грозный, – цитирует он шежере, – приходил со своими российскими людьми, чтобы взять Казань. После многочисленных битв, во времена татарского хана Едигеря, 2 октября 1552 года он (царь) окончательно овладел им (городом). И тогда четыре племени к востоку от Казани, сговорившись, послали к этому царю Ивану своих знатных людей. Их прихода он (царь) и сам ждал». Здесь упоминались «четыре племени к востоку от Казани», что было несомненной удачей, несмотря на то что все башкирские племена были «к востоку от Казани».

На этом А. Усманов оборвал цитату и сослался на рукописный фонд библиотеки БФАН СССР, на папку шежере, без указания листа.

Он не случайно оборвал цитату на этом месте. Далее в шежере шло перечисление этих четырех племен: от племени Усерган Бикбау-князь, от племени Бурзян – Искеби-князь, от племени Кыпсак – Мушавали Каракузьяк-князь, от племени Тамьян – Шагали Шакман-князь.

Это племена не западных башкир, а юго-восточных! То же самое шежере видный историк цитирует и при описании присоединения юго-восточных башкир, лишь слегка изменив имя татарского хана: Едигер становится Ядкар. И ссылка на ту же папку шежере, без указания листов [88. С. 149]:

«...великий государь наш, царь Иван Васильевич Грозный, приходил со своими российскими людьми, чтобы взять Казань. После многочисленных битв, во времена татарского хана Ядкара, 2 октября 1552 года он (царь) окончательно овладел им (городом). И тогда четыре племени, занимавшие земли к востоку от Казани, сговорившись, послали к этому царю Ивану своих знатных людей. Их прихода он (царь) и сам ждал. От племени Усерган Бикбау-князь, от племени Бурзян – Искеби-князь, от племени Кыпсак –

Мушавали Каракузьяк-князь, от племени Тамьян – Шагали Шакман-князь. Упомянутые четыре бия, придя в город Казань, стали подданными Ивана Грозного».

Сопоставление текстов показывает, что описание посольства западных и северо-западных башкир к царю Ивану Васильевичу попросту придумано. Такого посольства не было. Западные башкиры, их знатные люди, вожди племен участвовали в штурме Казани и присягнули на верность царю в первые же дни после штурма. Именно они обговорили с царем условия присоединения, ставшие в последствии общешкирскими.

В течение 5 лет к Московскому государству добровольно присоединились башкиры, бывшие ранее под властью Ногайской Орды и Сибирского ханства. Этот процесс достаточно подробно описан А. Усмановым [88], надо отдать ему должное в этом.

Добровольное присоединение башкир к Московскому государству было первым и очень важным шагом в создании России. Первым, потому что предыдущие шаги способствовали лишь усилению русского Московского государства, а присоединение башкирского народа стало шагом к качественно новому государству – многонациональной России.

Башкиры пришли к русскому царю с огромной территорией, простиравшейся от Камы через Уральские горы до Тобола и Иртыша. Эта территория превосходила не только самые крупные европейские государства, но и была больше, чем само Московское государство в начале завоеваний Ивана Грозного. Эти земли царь Иван навечно закрепил за башкирами в их собственность, введя тем самым башкир в сословие землевладельцев, наряду с дворянами. Плодороднейшие земли, корабельные леса, недра, богатые металлами и нефтью, вложили башкиры в зарождающуюся Россию.

Добровольное присоединение башкир к Московскому государству послужило толчком и к присоединению вотяков (удмуртов), черемисов (мари). Башкиры, исповедовавшие исламскую религию и тенгрианство, придя добровольно в государство с православной христианской церковью, внесли в новое государство и традиции межконфессионального согласия, взаимного вероуважения. Это тоже было очень важно, так как за ними пришли удмурты и мари, остававшиеся еще язычниками. Башкиры добились от русского царя признания своей веры, обязательства не притеснять их в вероисповедании.

Это были трудные шаги навстречу, если вспомнить ту же Софью Палеолог и ее мужа, великого князя Ивана Васильевича,

который даже не позволил христианину-католику, посланнику папы Павла II, сопровождавшему Софью, поднять в Москве свой католический крест.

Так русское православное Московское государство с добровольным присоединением башкирского народа, а затем удмуртов и мари, переросло в многонациональное государство – Россию с четырьмя конфессиями: православным христианством, исламом, тенгрианством и язычеством. Так родилась Россия.

Она разрослась и стала империей. Изменилось и отношение к малым народам. Выработалась колониальная политика, одним из инструментов которой и стало представление истории пребывания того или иного народа в границах империи как исключительного блага для них. Но и здесь порой возникают удивительные парадоксы.

Не все просто в исторической науке. Если бы история не служила политике, национальным интересам, партиям, великим личностям, а порой и обыкновенной толпе, то путь к истине был бы значительно короче.

И вопрос о присоединении Башкортостана к Московскому государству является здесь характерным примером. Это очень важный вопрос, ибо всякое обоснование прогрессивной на словах и колониальной по сути политики по отношению к Башкирии во все времена начиналось с присоединения ее к Московскому государству.

Добровольно присоединилась Башкирия к Московскому государству в XVI в. или была завоевана в результате походов русских на восток? Если добровольно, то почему же почти сразу начались башкирские восстания, положившие начало двухвековой национально-освободительной борьбе?

Неудивительно, что первым к этому вопросу еще в XVIII в. обратились активные проводники колониальной политики России в Башкирии И. К. Кирилов и В. Н. Татищев. Мало кого можно сравнить с ними по жестокости к башкирам. Утверждая о добровольном подданстве башкир русскому царю, они присвоили себе право карать башкир за непослушание, право ссылатъ, продавать в крепостные, резать носы и уши, клеймить каленым железом, рубить головы, колесовать. Летописец экспедиции Кирилова, упоминавшийся уже мною П. И. Рычков, подробно изучил присоединение башкир к Московскому государству, причины, которые привели к совершению этого акта и его последствия. Он также считал присоединение добровольным: «Когда царь Иван Васильевич взял Казань во владение, тогда башкирцы остались не завоеваны; но усмотря порядочные Россиян поступки с казанским наро-

дом, и что только настоящий ясак с них берут, а не так, как от прежних ханов посланные мурзы больше себя богатели и народ разоряли, пришли сами в подданство Российское при нем же Иване Васильевиче, сперва по сю, то есть по Уфимскую сторону Уральских гор живущие, а потом на них смотря и зауральские башкирцы, и получили де от его величества жалованную грамоту на все свои волости».

Историки следующего, девятнадцатого, века, следуя традициям возвеличения творений русских царей и поддерживая миф о доброте императоров к малым народам, также утверждали о добровольном присоединении. Об этом писали Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев. Такого же мнения были и местные историки. Среди них следует упомянуть Д. Н. Соколова, В. А. Новикова, Р. Г. Игнатьева и М. И. Уметбаева.

Русским царям была выгодна теория добровольного подданства башкир, и большинство историков поддерживали эту теорию, предпочитая «позабыть» о башкирских восстаниях, два века потрясавших Российскую империю.

Одним из немногих историков, имевших иную точку зрения, был В. Н. Витевский, автор большой монографии «И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.». «Дорогой ценой приобрела себе этот край коренная Россия, – писал В. Н. Витевский, – много, даже очень много было пролито инородческой и русской крови на этом обширном пространстве, прежде чем оно было включено в состав Русского государства. Более двух веков, с небольшими перерывами, продолжалась упорная борьба Русского правительства с инородческим населением этого края, особенно с главными обитателями его – башкирами».

В этих словах русский историк В. Н. Витевский со всей откровенностью признал стремление русских царей к превращению Башкирии в колониальный придаток и национально-освободительный характер башкирских восстаний, шедших на протяжении 200 лет.

После Октябрьской революции 1917 г. точка зрения на присоединение Башкирии к Московскому государству резко меняется. Теперь усилия историков-большевиков направляются по руслу критики колониальной политики царизма. Вплоть до 40-х гг. XX в. присоединение трактуется как покорение и завоевание. Концепция Витевского получает дальнейшее развитие в трудах Ш. Типеева. В 1933 г. П. Ф. Ищериков в «Очерках по истории колонизации Башкирии» в главе «Завоевание Башкирии» концепцию о добровольном характере подданства башкир называет сказкой.

Особенно примечательны выводы одного из ведущих историков А. П. Чулошникова, который также отверг концепцию о добровольном подданстве башкир. Он писал во вводной статье к 1-му тому «Материалов по истории БАССР», посвященному башкирским восстаниям: «...фактическое освоение Московским государством значительной части Башкирии происходило вовсе не в результате добровольного подчинения башкир русской власти, а в итоге завоевания и длительной борьбы, которую пришлось выдерживать Москве сначала с ногайцами и сибирскими татарами Кучума, а позднее с более серьезным соперником по обладанию Башкирской территории, с калмыками».

Такая точка зрения была выгодна лично Сталину, представлявшему себя главным организатором свержения царизма и освобождения народов колониальной России. Именно поэтому и вышел в свет в 1936 г. 1-й том «Материалов...». Едва ли в другое время были бы опубликованы документы, касающиеся башкирских восстаний. А документы о казнях башкир, отдавших свои жизни в национально-освободительных войнах, и по сей день так и остаются за грифом «Секретно», наложенным еще царским архивариусом.

В результате Второй мировой войны Советский Союз расширил свои границы. Империя приобрела новые территории, новые народы вошли в ее состав. Вокруг империи образовалась социалистическая система государств, формально самостоятельных, но управляющихся марионеточными правительствами. Нити от этих марионеток тянулись в Москву, в Кремль.

Победа над царизмом ушла в прошлое. Репрессии 1937 – 1938 гг. смели с политической арены вождей революции. Вот почему, особенно после смерти Сталина, наметился коренной перелом в коммунистической идеологии по отношению к истории народов страны. Необходимо было принудить народы расширившейся империи примириться с собственной судьбой. Началась эра сглаживания острых углов в истории этих народов, пошла, а точнее, поползла медленная, незаметная глазу русификация, стали вытесняться, также медленно и незаметно, языки и культуры малых народов. Как наркотик смертельно больному, умирающим народам впрыскивались идеи интернационализма, дружбы народов, процветания и слияния культур в единую советскую культуру, а сами эти народы, по замыслу коммунистов, должны были слиться в единую формацию – советский народ. Наподобие русских должны были появиться «советские».

Работал мощный пропагандистский аппарат: радио, телевидение, газеты, журналы, литература, живопись, музыка и многое

другое. Едва ли понимал башкир, получая партийный билет, что навсегда отказывается от права сказать что-либо в защиту своего народа, ибо национальные чувства, именуемые буржуазным национализмом, считались одним из самых тяжелых грехов коммуниста.

Так после Великой Отечественной войны на волне идей дружбы народов, интернационализма из истории России были изъяты страницы русских завоеваний приграничных народов. Точнее, страницы эти были переписаны заново. Исчезло из истории само слово «завоевание». Его заменили словами «русская экспансия», что значило просто «продвижение».

Историки стали упорно работать над обоснованием добровольности присоединения некоторых народов. Они критиковали своих довоенных коллег, доказывая ошибочность их взглядов. Это было нетрудно сделать. Многие из довоенных историков ушли из жизни либо во время репрессий 1937–1938 гг., либо во время войны. Так, упоминавшийся мною исследователь истории Башкирии А. П. Чулошников умер в 1942 г. в осажденном Ленинграде. Подготовленный им и сданный в печать 2-й том «Материалов по истории БАССР», посвященный башкирскому восстанию 1755 г., так и не увидел свет до настоящего времени. Не изданный до войны, он не мог быть опубликован ни после войны, ни в более позднее время.

Негласная установка коммунистической идеологии на русификацию народов СССР, проводимая в жизнь за ширмой дружбы народов и интернационализма, исключала возможность публикаций материалов о национально-освободительном восстании башкир, идеологом которого был мулла Батырша. Очень жаль. Пятитомник «Материалы по истории БАССР», который трудно переоценить по значимости для истории народов Башкортостана, так и остался без второго тома.

В те годы, когда я работал над своей первой книгой и изучал историю башкирского бортничества, мы жили по соседству и дружили с семьей сына упомянутого выше А. Н. Усманова. Иногда случайно, участвуя в их семейных торжествах, мне доводилось встречаться с Абубакиром Нуриановичем и, конечно, я не упускал возможности поговорить с ним. Он рассказывал мне, как работал в столичных архивах, как архивные контролеры вырезали из его рабочих тетрадей выписки из документов о башкирских восстаниях. Вырезали даже материалы, относящиеся ко времени Ивана Грозного.

В годы войны А. Н. Усманов работал секретарем Башкирского обкома КПСС и опекал деятелей Коминтерна, эвакуированных в

Башкирию и проживавших в селе Кушнаренково. Он откровенно рассказывал, как принял партийный заказ на историческое обоснование добровольности подданства башкир русскому царю, и очень гордился тем, что его выполнил.

Основываясь на башкирских шежере, на летописных и архивных материалах, он выпустил в 1949 г. книгу «Присоединение Башкирии к Московскому государству». Второе издание книги вышло в 1982 г. под названием «Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству». Отметим пока лишь только разницу в названиях этих книг – через 33 года Московское государство стало именоваться уже Русским государством, почти Российским. Не тогда ли, пытаясь раболепно возвеличить «старшего брата», стали говорить о присоединении Башкирии к России? К России, которой еще не было, а было, действительно, лишь Московское государство.

А. Н. Усманов достаточно убедительно доказал добровольность присоединения. Однако, как он сам писал во введении ко второму изданию, «теоретической основой монографии являются труды классиков марксизма-ленинизма. Большое значение имеют, в частности, указания Ф. Энгельса на исторически прогрессивную роль России по отношению к народам Востока». Вот эта теоретическая основа, указания Ф. Энгельса и другие идеологические шоры не позволили А. Н. Усманову выйти за пределы добровольного подданства.

Известный историк Н. В. Устюгов в рецензии на первую книгу А. Н. Усманова отметил: «Основной недостаток работы заключается в том, что автор ее не довел свое исследование до конца: не вскрыл характера башкирского подданства московскому царю. Он обосновал только добровольность подданства, а вопрос об условиях его обошел. Между тем источники, которыми пользовался А. Н. Усманов, давали полную возможность определить характер башкирского подданства».

Н. В. Устюгова можно отнести к когорте выдающихся историков. Он отлично знал историю Башкирии. Чего стоит лишь одна его книга «Башкирское восстание 1737–1739 гг.». Устюгов, конечно, понимал, что добровольное подданство – слишком примитивное решение вопроса о присоединении Башкирии к Московскому государству.

Во второе издание книги А. Н. Усманов включил небольшую главу о характере и условиях принятия башкирами подданства теперь уже Русскому государству, ограничившись перечислением

вотчинных прав башкир на землю, их обязательством платить ясак и охранять восточные границы государства.

Так вновь А. Н. Усманов утвердил точку зрения о добровольном подданстве башкир Московскому государству, идущую еще от Татищева и Карамзина. Однако он так и не объяснил главного противоречия в этой точке зрения – башкирских восстаний, начавшихся буквально через 10–20 лет после присоединения и периодически вспыхивавших через каждые 20 лет в течение двух веков.

А как сами башкиры оценивали свои отношения с Белым царем? В упомянутом выше шежере башкирских племен Бурзян, Кыпчак, Усерган и Тамьян рассказывается, что послы этих четырех племен, их вожди, прибыли в Казань по приглашению великого князя Ивана Васильевича в 1555 г.

Летописец пишет: «От имеющихся на нашей земле богатств, а именно мед, шкуры куницы, а некоторые – выдры и бобра, доставили [царю] ясак. Этот ясак разложили между башкирами, [живущими] в лесах различными родами [и] исповедующими мусульманскую религию, а именно... по реке Лемеза – род Туркмен, по реке Уфа – род Булэкэй, по реке Узень – шайтан-кудейские башкиры, по рекам Киги, Большой Ик, берущими начало из Уя, – дуванские башкиры, усерганские, бурзянские башкиры, [живущие] по Сакмаре, Белой. Все мы, будучи в согласии, уплатили упомянутый наш ясак в городе Казани, и царь Иван Васильевич обещал другими повинностями, без нашего согласия, не причинять башкирскому народу страданий. Составили указную грамоту, [в которой] особо написали о наших землях и религии, дали слово и поклялись башкир, исповедующих ислам, никогда не насиловать в другую религию, и чтобы мы, [башкирские] роды стали нести искреннюю службу; [согласившись] на эти оговоренные между нами условия, взяв друг у друга подписи, нашу грамоту в городе Казани записали в книгу».

Обратим внимание, согласно шежере, царем была издана «указная грамота», в которой были оговорены условия присоединения башкир к Московскому государству. Этим объясняется обещабашкирский характер условий присоединения.

Как видим, башкиры не были завоеваны. Однако нельзя считать сложившиеся отношения добровольным подданством, преклонением головы, отъездом от прежних государей – ногайских и сибирских ханов к новому правителю – русскому царю.

Россия только зарождалась. И образовывалась она присоединением приграничных народов к растущему Московскому государ-

ству. Казань, ослабленная безвластием, была взята силою оружия. Башкирия же присоединилась к Московскому государству на договорной основе, и это стало первым этапом образования России.

К сожалению, со времен Карамзина и Рычкова, с XVIII в., в историческую литературу вошла ошибка, будто Башкирия в XVI в. присоединилась к *России*, к *Российскому государству*. Нет, в это время России еще не было. Эта ошибка не была случайной. Ни царская династия Романовых, ни коммунисты, начиная с Ленина, не хотели признавать, что Россию, наряду с русскими людьми Московского (Русского) государства, образовали и башкиры, добровольным своим присоединением на договорной основе.

Каким же был этот договор о присоединении? Как и всякий договор, он начинался указанием сторон. Одной стороной в договоре было Московское государство, а другой – упомянутые башкирские племена в лице четырех биев: Бикбау Тадкачева, Каракузяка, Иске-бия и Шагали Шакмана – того самого, который участвовал во взятии Казани.

Далее были расписаны обязанности сторон. Башкиры обязывались платить ясак и нести службу. Царь навечно закрепил за башкирами их землю, сохранил самоуправление и признал их свободу вероисповедания.

Договор присоединения башкир был оформлен письменно, подписан сторонами, зарегистрирован в книге и выдан договаривающимся сторонам.

Отметим, договор был добровольным, взаимовыгодным и равноправным. Он был нужен обеим сторонам – по крайней мере в момент заключения. Договор расширял владения русского царя без кровопролития. Под крыло двуглавого орла пришел новый народ со своей обширной территорией от Камы до Тобола и Иртыша, приносил ему богатый ясак лошадьми, медом и мехами, создавал защитную полосу между русскими землями, одной стороны, Киргиз-Кайсацкой Ордой и Сибирским ханством – с другой. Башкир же договор защищал от захватнических войн – как со стороны русского царя, так и сибирского хана Кучума, сохранял им вотчинное право на землю, самоуправление и свободу вероисповедания.

Есть еще один результат присоединения, пожалуй, самый главный, но на который историки ранее не обращали внимания, – это восстановление целостности Башкортостана. Башкирский народ, разделенный при распаде Золотой Орды на четыре части и попавший под власть Казанского, Сибирского, Астраханского

ханств и Ногайской Орды, вновь стал единым, начал жить по одним законам, под единым правителем. Только благодаря восстановлению целостности Башкортостан остался на исторической арене.

Понимал ли это А. Н. Усманов, обосновавший добровольность подданства башкир Московскому государству? Конечно, понимал. Однако бывший секретарь Башкирского обкома КПСС не мог писать о присоединении Башкирии к центру на каких-то условиях. В авторитарном, жестко централизованном государстве, именуемом СССР, мысль о договорных отношениях какого-либо региона с центром, пусть даже в древности, была крамольной. Только идеи верноподданничества «старшему брату», прогрессивности хозяйственных и культурных сдвигов в Башкирии после присоединения ее к Московскому государству могли быть приняты и опубликованы.

Между тем, несмотря на жестокие идеологические рамки, договорной характер присоединения Башкирии к Московскому государству высвечивался среди строк известных историков. Так, Р. Г. Кузеев, переводя башкирские шежере на русский язык, указанную грамоту Ивана Грозного о закреплении за башкирами их земель назвал договорной. Он отметил, что «уже в момент присоединения башкирские феодалы стремились строго оговорить условия присоединения».

Башкиры бережно хранили эти договорные грамоты. В исторической литературе они получили название «жалованных грамот». Так же тщательно они берегли и расписки об уплате ясака как свидетельство об аккуратном исполнении своих договорных обязательств, как юридический документ, дающий им право требовать выполнения договорных обязательств и другой стороной – русским царем.

Надо сказать, что Московское государство, заинтересованное в мирном получении края, в первое время также соблюдало условия договора. Война Ливонская, война с Литвою, нападения литовцев и крымцев, голод и мор, сожжение Москвы крымским ханом Давлет-Гиреем на некоторое время остановили захватнические походы Москвы на восток.

В то время, когда Иван Грозный, имея трехсоттысячное войско, терял свои западные владения, уступая их двадцати шести тысячам поляков и немцев, малочисленная шайка бродяг, движимых алчностью и жадной славой, шла на Сибирь, покоряя огнем своих пищалей ее коренных жителей, вооруженных лишь копьями и луками.

Купцы Строгановы и беглый атаман волжских разбойников Ермак без царского повеления, однако его именем, завоевали Сибирь. Желая укрепить свои завоевания, Строгановы начали строить крепости и острожки на севере Башкирии, на башкирской земле. Согласно Строгановской летописи, в ответ башкиры вместе с остяками и черемисами подняли восстание в 1572 г. Так уже через два-три десятилетия после присоединения Башкирии к зарождающейся империи, условия договора начали попирались подданными русского царя.

Это и дало, собственно, повод говорить и писать о завоевании Башкирии Русским государством. Такая точка зрения, канувшая было в Лету, вдруг вновь ожила с началом перестройки в СССР. Причем она возникла с самой неожиданной стороны, от американцев. Они, конечно же, почувствовали, что перестройка, затеянная М. Горбачевым, дает реальный шанс покончить с СССР тихо, без ракетных залпов, путем растаскивания Советского Союза по национальным квартирам. США, поддерживая на словах миролюбивые устремления М. Горбачева, на деле всю мощь своего воздействия на умы наших граждан направили на разжигание межнациональной вражды. Так в Башкортостане появился американский историк Алтон Доннелли, некогда стажировавшийся в Ленинграде и защитивший там диссертацию в 1960 г. на тему «Оренбургская экспедиция XVIII в.». Ему, безусловно, были известны и башкирские восстания начала XVIII в., и Национально-освободительная война башкир 1735–1741 гг., подавленная царским правительством с небывалой жестокостью.

А. Доннелли и реанимировал эту уже забытую точку зрения о завоевании Башкирии Россией. Вновь политика включила свой исторический рупор. Он был услышан, и его книга увидела свет в Уфе [97]. А. Доннелли был избран почетным академиком Академии наук Республики Башкортостан.

Это была идеологическая диверсия. Нашу историю продали, отдали на осквернение за возможность бывать в США, естественно, на средства принимающей стороны, выступать там с лекциями, общаться с американскими учеными.

Но мы, башкиры, непокоренный народ, и Россия нас никак не могла завоевать, как пишет А. Доннелли. России просто не было в то время. Башкирский народ своим добровольным присоединением к Московскому государству и положил начало России.

Почти 450 лет прошло с той поры. Я восхищаюсь тобой, мой предок, живший в том далеком от нас шестнадцатом веке.

В бесправном, диком, средневековом государстве, возглавляемом столь грозным царем, сколь и кровавым, ты заключил договор и боролся за его соблюдение. И тогда ты не упал на колени перед Белым царем, а вошел в его государство, сохранив свои суверенные права на землю, на веру, на свободу.

Ты понимал, что это возложит на тебя еще и определенные обязательства. Объединяясь с русскими в новое многонациональное Российское государство, ты взялся честно исполнять свои обязанности: охранять границы, платить ясак. Не дань, которую приносят победителю, а налог, которым сознательные граждане содержат государство.

И здесь не могу тобой не восхищаться. То, как ты договорился с Белым царем об уплате ясака, просто удивляет, поражает своей народной мудростью. В европейских государствах, формировавшихся в то же время, не существовало крупного постоянного налога. Их казна пополнялась через чрезвычайные налоги, а их сбор был в руках откупщиков, которые на торгах выкупали у государства право сбора этих налогов. Не трудно представить, как эти откупщики обирали население. Столь примитивный и грабительский сбор налогов существовал в Европе до рубежа XVII – XVIII вв. Пожалуй, ничто не требует столько мудрости и ума, как, казалось бы, простая задача: определение той части дохода, которую государство у граждан забирает, и той, которую оставляет им.

Только более чем через 200 лет после тебя, мой мудрый предок, шотландский экономист Адам Смит создаст научную теорию налогообложения в своем труде «Исследования о природе и причине богатства народов», вышедшем в 1776 г. Мне кажется, изучи А. Смит опыт уплаты башкирами ясака Белому царю, его труд был бы значительно ценнее. Действительно, сравним принципы налогообложения, сформулированные А. Смитом, с тем, как башкиры договорились платить ясак Ивану Грозному за 200 лет до А. Смита и его научной теории.

Принцип справедливости. А Смит считал, что граждане должны по возможностям, соответственно своим способностям и силам, участвовать в содержании государства. Башкирский летописец отметил: «От имеющихся на нашей земле занятий, промыслов, а именно мед, шкуры куницы, а некоторые – выдры и бобра, доставили [царю] ясак. Этот ясак разложили между башкирами, [живущими] в лесах различными родами...». Справедливо разложили на йыйыне – народном собрании башкир.

Принцип удобства. Теория А. Смита гласит: «Каждый налог должен взиматься в то время и тем способом, когда и как плательщику должно быть удобнее всего платить его». Башкирский летописец отметил: «...по причине того, что доставлять ясак в Казанскую крепость далеко, для того чтобы управитель казны был близко, с нашего согласия, на наших землях великий царь построил крепость в городе Уфе». Ни много ни мало руководствуясь соображениями удобства уплаты налога, ты, мой предок, попросил царя перенести сбор налогов в город Уфу.

Принцип определенности. По А. Смит: «Налог, подлежащий оплате, должен быть точно определен, а не произволен. Срок уплаты, способ платежа, сумма платежа – все это должно быть ясно и определенно».

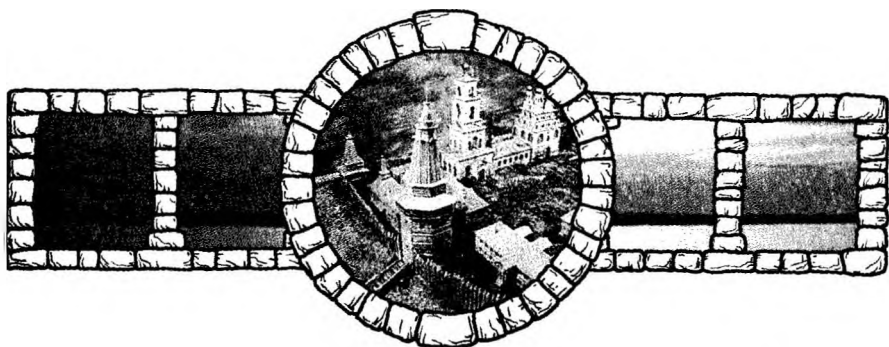
Башкирские бортники ежегодно платили ясак медом с каждой десятой своей борти. В шежере племени Мин указывается: «Ясак, который мы платили милостивому великому царю – сто семьдесят одна куница, восемнадцать батманов меда».

Как видно, между башкирами и царем сложился принцип обязательности платежа налога. В последующем башкиры веками следовали этому принципу, неукоснительно платили ясак, берегли полученные расписки как доказательство исполнения своих обязательств, обуславливающих, по их мнению, и их права по договору с царем.

Принцип экономии по А. Смит: «Каждый налог должен быть так задуман и разработан, чтобы он брал и удерживал из кармана народа возможно меньше из того, что он может заплатить». Это, по сути, принцип разумности налога.

Определение размера ясака, уплачиваемого башкирами царю, происходило иным способом. Добровольное вхождение их в образующееся многонациональное государство позволило башкирам участвовать в согласовании размеров ясака на правах партнерства с царем. Башкиры сами предлагали размер ясака царю. Царь же утверждал ясак, брал с башкир клятву верности и давал им жалованные грамоты.

Глава 18

ОСНОВАНИЕ УФЫ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Следуя кочевнической концепции происхождения башкирского народа, нашими историками был создан миф об основании города Уфы русскими людьми в 1574 г.

Археологические памятники, открытые и исследованные на территории современной Уфы, свидетельствуют о том, что поселения людей здесь были с каменного века. Полуостров, образованный слиянием рек Белой и Уфы, оказался очень удобен для жизни древних людей. Крутые и высокие берега и сами реки надежно защищали жителей от внезапных нападений.

Жили здесь люди и в эпоху бронзы, а в эпоху раннего железа уже строили городища. Наиболее известное из них, Уфимское 1-е, размещалось на территории современного санатория «Зеленая роща», занимая высокий мыс правого берега города Уфы. С трех сторон городище защищалось крутыми склонами, а со стороны пологого склона — земляным валом и рвом длиной около 100 метров. По верху вала шел частокол из бревен. Первое упоминание об этом городище имеется в сочинениях известного путешественника XVIII в. П. Палласа.

Такие же городища были найдены археологами на том месте, где стоит ныне памятник Салавату Юлаеву, а также около станции Воронки.

Особенно активно территория современной Уфы заселялась в эпоху раннего средневековья, предшествовавшую присоединению Башкортостана к Московскому государству. Крупное городище

этого периода было обнаружено на пересечении улиц Пушкина и Воровского.

О длительном и постоянном проживании людей на Уфимском полуострове свидетельствуют и многочисленные могильники. Среди них наиболее интересны каменные склепы и курганы, открытые в 30 – 50-х гг. XX в. на территории Башкирского медицинского института и на мусульманском кладбище.

На одной из самых древних карт, на карте ал-Идриси 1154 г., обозначен город близ слияния рек Белой и Уфы. В начале XIV в. башкиры имели свое государство – Баскардию – в составе Золотой Орды, созданное на основе национального суверенитета. У них был свой государь-мусульманин и его аппарат управления. Значит, была у него и столица, где размещался административный центр с государем, судебной, налоговой, почтовой и другими службами. Этот город под названием Башгирд упомянут арабским автором Ибн Халдуном в его «Книге назидательных примеров по части истории арабов, иноземцев и берберов» в XIV в. [39. С. 33].

Это было время правления хана Узбека, время зарождения городов и расцвета торговли в Золотой Орде. Новые города становились известными разного рода европейским купцам, миссионерам и путешественникам.

Начиная со второй половины XIV в. на древних картах [41] братьев Пицигано (1367 г.) и Авраама Крескеса (1377 г.) появляются башкирские города Пасшерти (Паскатири, Башкорт) и Сагатин, обозначенные в бассейне реки Камы. На карте Г. Меркатора (1554 г.) расположение города Башкорт (Пасшерти) уточнено до слияния рек Белой и Уфы, а город Сагатин показан в верховьях реки Уфы.

Следовательно, даже в раннем средневековье расположение города Уфы связывали с устьем реки Уфы. Если первоначально город обозначали по народу, проживавшему в его округе, – Башкорт, Пасшерти, что было не очень точно, то позже название города стали привязывать к географическому объекту, также наносимому на карты, – к устью реки Уфы. Так название реки перешло на город.

А что значит Уфа? Названия рек очень часто связаны со словами «вода», «влага», «роса», «речка», «река» на разных языках: Дим – *дым* «влага», Ик – *ык* «роса», Узьян – *Үзән* «речка», Юрюзань – *йор үзән* «быстрая речка», Агидель – *ак изел* «белая река», отсюда русское название Белая Волга, Белая Воложка, Караидель – *кара изел* «Черная (северная) река», Идель (Волга) – *изел* «река».

Не было исключением и название реки Уфы. Оно восходит к древним финским языкам: *une* – «река», родственное башкирскому *упкын* – «омут». На старых картах, в частности на карте России Н. Сансона 1688 г., название этой реки обозначено как Уппа [41]. На правобережье реки Уфы проживало башкирское племя Упей (*өпәй*) тюрко-финского происхождения [49. С. 44].

Теперь обратимся к древнему документу, составленному еще без влияния политики. Это «Книга Большому Чертежу». Первая попытка составить карту России была предпринята в 1598 г., а вторая – в 1627 г. К сожалению, карты не сохранились. Осталась лишь «Книга», где в разделе «река Волга» есть такие строчки: «...а на Белом Воложке (Белой. – *Р. В.*) от Камы реки 120 верст город Уфа, а под городом в Белую Воложку пала река Уфа».

Таким образом, как на ранних европейских картах XIV в., так и на более поздних российских картах, месторасположение города Уфы связывают с устьем реки Уфы. «А под городом в Белую Воложку пала река Уфа», – написал древний картограф. Следовательно, город Уфа с самой древности располагался над устьем реки Уфы, там, где сейчас так называемая Старая Уфа. Здесь еще в 1505 г. жил уфимский князь Кара-Килембет, ставленник казанского хана. Отсюда он отправился к русскому царю Ивану Васильевичу (первому) выторговывать независимость Казанского ханства.

Потом Уфа перешла под власть ногайского хана. Городской голова Уфы в конце XIX в. Д. С. Волков оставил после себя «Материалы по истории города Уфы» [76].

О дороссийском периоде бытия Уфы он писал: «Сего города (Уфы. – *Р. В.*) последний владетель был ногайский хан, именуемый Туря Бабату Ключов (правильно Турэ-баба Тукляс. – *Р. В.*), живший в нем в одно только зимнее время, а летом кочевал около реки Демы, от города Уфы верстах в 50-ти».

Из этих нескольких строк городского головы Д. С. Волкова однозначно видно, что город Уфа уже был на своем месте до присоединения башкир к Московскому государству, еще при ногайском хане, даже до него, так как ногайский хан упомянут как последний владетель сего города перед присоединением. Значит, были и другие хозяева города до ногайского хана.

Таким образом, за 200 лет до взятия Казани русским царем Иваном Грозным и присоединения башкир к Московскому государству, на крутом обрывистом берегу реки Уфы стоял уже город Уфа и выполнял функции административного центра в структуре Золотой Орды. После ее распада в городе Уфе размещались службы наместника Казанского ханства, а позже ставка ногайского хана.

Однако наши историки, преисполненные верноподданных чувств, не хотели видеть город того времени и приняли на веру сообщение бывшего уфимца, петербургского академика П. Пекарского об основании города Уфы в 1586 г. Информация П. Пекарского основывалась на дипломатической переписке Москвы с ногаями в 1586 г.

Весной 1586 г. ногайский князь Урус писал о постройке русскими четырех городов: «...на Уфе, да на Увеке, да на Самаре, да на Белой Воложке». Он пожаловался царю: «Поставил те города для лиха и недружбы...»

Очевидно, что речь здесь идет о постройке крепости в городе Сагатине в верховьях Уфы, известном русским с 1399 г., и о том строении, что возвели русские на реке Белой около города Уфы. То, что эти башкирские города существовали на башкирской земле задолго до появления здесь русских, историкам пришлось тщательно маскировать. Но сведения о них торчали как шило из мешка. Вот и пришлось им пускаться во все тяжкие, пытаясь отстоять миф о постройке города Уфы русскими людьми.

В этом смысле весьма показательна позиция А. Усманова: «Название “Уфа” появилось не в момент постройки города, т. е. не в 1574 г. и не в 1586 г.; оно упоминается еще в самом начале XVI в.» [88].

Уважаемый историк так запутался в своих обоснованиях русской версии закладки города Уфы, что дописался до того, что название города родилось лет на 70–80 раньше самого города. Мыслимо ли такое? Это все равно, что утверждать о рождении названия города Салавата не в 1948 г., когда он был заложен, а где-то в 1870–1880 гг., когда имя Салавата Юлаева упоминалось лишь в песнях и преданиях.

Видимо, верно говорят: чем нелепее мысль, тем в нее легче верят. О названии, опережающем зарождение города Уфы, написала в своем сочинении «Старая Уфа» и И. В. Нигматуллина [98]. Названия городов за 70–80 лет до их постройки не рождаются. Если уж было название города Уфы в начале XVI в., значит, и город уже стоял, хоть царь Иван Грозный еще и не родился.

Интересна и примечательна еще одна тонкость в описании истории города Уфы в упомянутой книге А. Усманова. Излагая историю башкир под властью Казанского ханства, в начале XVI в., он неоднократно упоминает «Уфу» [88. С. 75], пребывание здесь ногайского хана Акназара, но ни разу не называет ее городом – просто «Уфа». Действительно, название есть, а города нет! Это не

город-призрак. Это миф о закладке города Уфы русскими людьми после присоединения башкир к Московскому государству.

В разделе, посвященном основанию Уфы, А. Усманов кратко формулирует этот миф: «Основу будущего города Уфы первоначально составлял “кремль”, заложенный в 1574–1586 гг. Он занимал южную оконечность высокого мыса на правом берегу реки Сутолоки, при впадении ее в реку Белую».

Отметим, что первоначально эта речушка называлась Суколака, от Су-колак (башк. *һыу-колак* «заводь»). Видимо, эта река впадала не в саму реку Белую, а в заводь, некогда существовавшую здесь. Об этом свидетельствует и традиционное расположение здесь пристани.

За 200 лет до закладки этого кремля в Европе уже знали о существовании здесь города, изображали его на картах, а наши историки и через 600 лет после европейцев не осмелились об этом написать. До последнего времени мы не имели возможности видеть Башкортостан и наши города на древних картах. Никаких особых трудностей для этого не было. В России о них знали и писали в конце XIX в. В истории Татарстана они известны более 50 лет тому назад. Кстати, в книгах, изданных в Республике Татарстан, на картах, посвященных истории Казанского ханства, существование города при слиянии рек Белой и Уфы отмечается задолго до взятия Казани войском Ивана Грозного – по меньшей мере с середины XV в. [20]. Только у нас в родной Уфе верно-подданно твердят об основании Уфы русскими стрельцами через 22 года после падения Казани.

В дореволюционных исторических трудах, например у Карамзина, город Уфа не упоминается среди городов, заложенных Иваном Грозным. Он писал: «К достохвальным деяниям сего царствования принадлежит еще строение многих новых городов для безопасности наших пределов. Кроме Лаишева, Чебоксар, Козмодемьянска, Болхова, Орла и других крепостей, о коих мы упоминали, Иоанн основал Донков, Елифан, Венев, Чернь, Кокшажск, Тетюши, Алатырь, Арзамас». Как видим, Уфы в этом списке нет.

В Башкортостане на древние карты был запрет. Лишь только в последнее время, после того как ушли из жизни создатели кочевнической концепции башкирского народа и авторы русской версии основания города Уфы, мы увидели книгу А. Псянчина «Башкортостан на старых картах».

Но что же построили русские стрельцы Ивана Нагого в 1574 г. на правом берегу Сутолоки? Что собой представлял этот кремль,

который, по аналогии с Уфой, но в отличие от нее, следовало бы назвать Сутолокоградом?

Это был четырехугольник с общей площадью 1,2 гектара. Длина стен его составляла 440 м. Стены были сооружены из дубовых бревен. В состав укрепления входили еще три рубленые из дуба башни, две из которых были проезжие, а одна пешеходная.

Теперь заглянем в «Историю Уфы» [99] и посмотрим, что же располагалось на этих 1,2 гектарах. Желая, видимо, придать некоторую грандиозность этому Сутолокограду, ее авторы пишут, что в кремле находилась соборная церковь, пороховые погреба и хлебные склады, дом воеводы, приказная изба, тюрьма и другие казенные и церковные строения. Здесь же якобы находились дома наиболее знатных людей, которые в мирное время жили в своих деревнях, а в случае опасности укрывались и отсиживались в этой крепости.

Представим себе эти 1,2 гектара, огороженные крепостной стеной. Если просто сказать, что это четырехугольник со сторонами примерно 120 – 125 м, то это малонаглядно. Лучше представим это сооружение в сравнении. Обычная деревенская усадьба имеет огород 30 соток. Садик, дом и баня занимают еще соток 10. Все вместе составляет 40 соток. Эти 1,2 гектара – примерно 3 деревенские усадьбы. Как на этой территории можно разместить все вышеперечисленное? Никак.

Все это придумано, для того чтобы придать большую значимость творениям русских стрельцов на берегу Сутолоки. В связи с этим я вспоминаю 50-е гг. XX в. Наша страна едва поднималась после разрушений Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Крестьянство было обложено большими налогами со своих подворий. Деревенские жители сдавали государству мясо, шерсть, яйца. В каждом районе была своя заготконтора.

Это учреждение занимало как раз примерно 1,5–2 га, было обнесено высоким глухим забором, поверх которого натягивалась колючая проволока. По углам стояли вышки, на которых дежурили охранники. Было двое ворот – одни у главного входа, около самой конторы, а другие сзади, через которые въезжали и выезжали обозы. На территории, помимо административного здания, располагались склады, конюшни, сарай, туалеты. Было тесновато на 1,5 – 2 гектарах и для нужд одного района.

Вот такую «заготконтору» и построили русские стрельцы Ивана Нагого на берегу Сутолоки.

Сутолокоград, громко названный кремлем, был небольшим административным центром, предназначенным для сбора сака и отправки обозом в Казань или напрямую в Москву. Его строи-

тельство началось в связи с сильным бунтом в Казанской области в 1572 г. Татары и черемисы вступили в союз с крымским ханом Давлет-Гиреем, взбунтовались и отложились от России. Хан, только что сжегший Москву, требовал от царя Ивана отдать ему Казань и Астрахань. Иван послал войско к Казани осенью 1572 г., но Давлет-Гирей не пошел на Казань. Через год в Муром отправилась усиленная армия с боярами И. Ф. Мстиславским, Ногтевым-Суздальским, Морозовым, Н. Романовым-Захарьиным, И. Шереметевым и другими.

Бунт затих, но положение оставалось ненадежным. В этой обстановке было целесообразным укрепление других городов на восточных рубежах России, перенос сбора башкирского ясака из мятежной Казани в Уфу. Тогда и поплыли из Мурома отряды стрельцов под началом знатных бояр на Белую Воложку в город Уфу и на верховья Уфы в город Сагатин (Жукотин – в русских летописях). Они и построили здесь свои форты – укрепленные пункты.

Башкиры крепость в городе Уфе называли некоторое время Имән кала. *Кала* – «город», происходит от тюркского *калан*, что означает «налог, уплачиваемый в пользу правителя». Город Уфа и в эпоху Золотой Орды был местом сбора налогов. Видимо, башкиры изначально знали город как место уплаты налога – «калана», поэтому и стали называть город «калан», а позже «кала».

Конечно, все большое начинается с малого, но этот Сутолокоград не был началом города Уфы. Правильнее сказать, что русское правление в Уфе и Башкортостане началось с этого сооружения, примкнувшего к уже существовавшему давно городу.

Если бы город был основан здесь, на излучине Белой, то едва ли его назвали бы Уфой. Он стал бы скорее Бельском, Прибельском или Белорецком. Об этом с удивлением писал в XVIII в. П. Рычков, который в то время увидел перед собой уже не первоначальный кремль на 1,2 гектарах, а новую большую крепость, стены которой достигали 4 м, шесть ворот располагались соответственно началу городских улиц: «О названии города Уфы можно догадаться, что оно не вновь ему придано, но паче возобновлено прежнее... ибо никакого резона не видно, чтоб городу, построенному над самой рекой Белой, коя величиною против реки Уфы вдвое больше, именоваться по реке Уфе, которая в Белую впадает» [100].

Конечно, то, что написал Рычков о существовании города Уфы ранее основания здесь крепости, значительно затруднило историкам обоснование закладки Уфы русскими стрельцами. Как известно, написанного пером не вырубить топором. Тогда сделали под-

мену. Дескать, ранее существовавшее поселение было вовсе не городом, а «Чертовым городищем», развалинами древнего городища, от которых остались лишь следы валов и крепостных стен. Эта «блистательная» идея также принадлежала А. Усманову [88. С. 215].

Но он противоречит сам себе. Что же, уфимский князь Кара-Килембет, ставленник казанского хана, жил в 1505 г. среди этих развалин?

Остатки древних городищ не изображают на картах, а город Уфа присутствует на европейских картах 1367, 1377, 1554 гг. И эта неуклюжая попытка уважаемого историка не спасает русской версии основания города Уфы.

Что же касается позиции башкир по поводу строительства города, можно сказать следующее. Несмотря на присоединение Башкортостана к Московскому государству и образование России, ногайские и сибирские ханы продолжали считать башкир своими данниками, совершали на них грабительские набеги. Поэтому в нашей исторической науке сложился еще один миф о просьбах башкир к царскому правительству построить здесь крепость с военным гарнизоном для защиты башкир от набегов соседей [88. С. 207]. Эта точка зрения была в общей канве спасительной роли «старшего брата» – русского народа по отношению к «младшим братьям», т. е. малым народам. Кроме того, она удачно сочеталась с кочевнической концепцией происхождения башкирского народа, исключавшей наличие у башкир городов и селений до присоединения к Московскому государству.

Конечно, не один А. Усманов пытался обосновать тезис о постройке города Уфы русскими стрельцами по просьбе башкир для защиты их от набегов соседей. Известный археолог В. Иванов [38. С. 111] пишет, что «...в 1573 г. башкиры обратились к царю Ивану Грозному с просьбой о строительстве на их земле города». И тут же, ниже: «Идя навстречу пожеланиям башкир, царь в 1560 г. направляет в Башкирию дворянина Ивана Артемьева для выбора места под новый город».

Шило вновь вылезло из мешка. По мнению В. Иванова, царь направил Ивана Артемьева навстречу пожеланиям в 1560 г., а пожелания состоялись лишь спустя 13 лет, в 1573 г.!

С присоединением башкир к Московскому государству в конце 50-х гг. XVI в. возникло новое государство – Россия. Естественным и логически обоснованным первым шагом российского царя было создание государственных органов на местах, размещение там своих ставленников и сбор налогов. Так было в Золотой Орде, к этому стремился и Иван Грозный. В силу этих причин он и отправил дворянина Ивана Артемьева для очерчивания места под строительство «острога», «сторожка» – укрепленного, охраняемого административного центра.

Царь Иван Васильевич взял башкир под свое подданство не для того чтобы охранять их безмятежную спокойную жизнь. Увидев боеспособность башкир при штурме Казани, он по договору возложил на них обязанность оберегать восточные и юго-восточные рубежи России от набегов ногаев и сибирских татар. Российскому царю хватало проблем и на западе, где он вел непрерывные войны с Ливонским орденом и Польшей.

Наши историки, рассказывая красивую сказку о строительстве города Уфы русскими стрельцами для защиты башкир, так и не попытались обосновать, каким образом крепость Уфа и ее гарнизон могли бы защитить башкир, разбросанных по огромной территории от Камы до Тобола и Иртыша?

Весь ход дальнейшей истории также напрочь опроверг эту точку зрения. Крепость в городе Уфе построили, гарнизон сформировали, но не было в истории Башкортостана ни одного случая, чтобы он выступил на защиту башкир, хотя грабительские набеги со стороны сибирских и ногайских ханов, а позже калмыков и казахов, не прекращались.

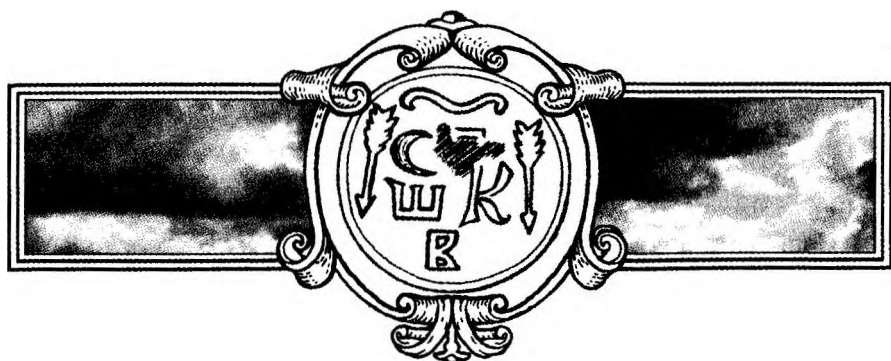
Единственное, зачем нужна была крепость для башкир, – так это возможность платить здесь налоги, причем не своим сборщикам, всегда злоупотреблявшим положением, а непосредственно в государственные органы.

Казань была далека. Башкирам в условиях раздробленности надо было самим собирать налоги и везти их, обеспечивая охрану обоза, в Казань, чтобы там сдать в государственную казну. Это было крайне неудобно. Порождалось много неразберихи и злоупотреблений.

А башкиры весьма добросовестно относились к своим обязательствам перед новым государством, берегли расписки об уплате ясака, считая, что это дает им право требовать выполнения условий договора и от царского правительства, главным из которых было вотчинное право на землю. Только из-за этого они согласились передать часть своих земель под постройку крепости и расселение служилых людей в округе.

Крепость в городе Уфе нужна была царскому правительству. Она с самого начала своей истории стала оплотом колониальной политики России в нашем крае.

Глава 19

НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Однако еще долго, около 130 лет, после присоединения Башкортостана к Московскому государству и образования России, царское правительство практически не вмешивалось в жизнь башкирского народа, удовлетворяясь поступающим в казну ясаком и охраной юго-восточных рубежей страны, осуществляемой башкирскими отрядами.

Но с появлением купцов Строгановых на Среднем Урале и проникновением банды Ермака в Сибирь, не царским повелением, а алчностью и жадной наживы этих людей, началось продвижение русских на север Башкортостана. Царь Иван IV, недовольный смычкой Строгановых с бандой Ермака, издал было указ с целью остановить их, но оказалось поздно, кровопролития при завоевании Сибири избежать не удалось. На севере Башкортостана стали расти как грибы острожки и другие мелкие населенные пункты русских людей. Башкиры здесь протестовали, пытались поднять восстания, но были подавлены.

Такая «ползучая» колонизация Башкирского края продолжалась вплоть до начала XVIII в. Вотчинные права башкир стали попирались подданными российского царя. Башкиры же аккуратно исполняли свои обязанности. Они вовремя платили ясак, а в Смутное время при нашествии поляков выставили в ополчение князя Дмитрия Пожарского все свое мужское население, посадив его на коней. Башкиры отстояли Московский Кремль, не дали полякам его сжечь. Об этом историческом факте сообщил Президент России В. В. Путин на юбилейных торжествах в городе Уфе, посвященных 450-летию присоединения Башкортостана к Московскому государству.

Об истории колонизации Урала написано немало книг, но все они имеют один существенный недостаток. В них Россия, метрополия, приступившая к колонизации своих окраин, представляется некой могучей индустриальной страной, имеющей большой опыт в металлургии и металлообработке, а освоение Урала, дескать, лишь этап в продвижении русских в Сибирь и Среднюю Азию. Однако это было далеко не так. Обратимся к более ранней истории Руси, к X в.

Известно, что после неудачного похода киевского князя Игоря на хазар, Киевская Русь заплатила хазарам дань мечами, оставив своих воинов практически безоружными. Своего железа в Киевской Руси не было, оружие здесь не производилось, и она оказалась на грани национальной катастрофы. Тогда княгиня Ольга, взятая за Игоря из-под Пскова из языческого народа веси, вспомнила о своих сородичах. Она собрала дружину и в 947 г. отправилась на север к своим соплеменникам. Нет, она не стала их грабить. Как написано в русских летописях, она обложила данью их погосты по рекам Мета и Луга.

Как можно обложить данью кладбища? Оказывается, просто. Ольга пригрозила раскопать могилы своих же предков и забрать все оружие, с которым язычники были похоронены. Таковы были обычаи язычников, и Ольга знала об этом. В ответ на ее угрозу соплеменники выдали ей требуемое оружие. Как написано в древнерусских летописях, и позже славяно-русские князья не раз ходили на язычников с целью «побрать погосты». Это считалось их особой доблестью. Они уже не обкладывали данью языческие кладбища, как княгиня Ольга, а просто грабили их, раскапывая могилы. Многие века на Руси такой способ добычи металла «из недр» оставался единственным. Других месторождений железа на ее территории не было. К такой Руси, к такому Московскому государству присоединились башкиры в XVI в. со своими богатыми и уже разведанными залежами черных и цветных металлов. Россия тех лет была страной деревянной, испытывающей острый недостаток металлов. Построить бревенчатый дом без единого гвоздя могли только русские мастера – гвоздей не хватало.

На Руси существовала профессия «бугровщиков», которые раскапывали могилы и добывали из них металл. Они были состоятельными людьми, но не пользовались уважением в народе. Молодые девушки часто отказывались выходить за них замуж, боясь божьей кары за вмешательство их в потустороннюю жизнь, но профессия эта жила долго. Даже в XX в. находились охотники

раскопать древний курган. Один из таких случаев описан в начале романа М. Шолохова «Тихий Дон».

Петр I, побывав в Европе, понял отсталость своей страны. В начале нового XVIII в. он начинает основывать на Урале металлургические заводы. Первый из них, Невьянский, был построен в 1699 г. Эти заводы требовали большого числа рабочей силы, поскольку металл выплавлялся из руды с помощью древесного топлива, заготавливаемого артелями дровосеков, угольщиков, возчиков.

Стали вырубаться башкирские леса, под заводы и заводские деревни изымалась земля башкир. К заводам приписывали крестьян целыми деревнями. Так крепостное право шагнуло на Урал вместе с началом колонизации этого края. Тяжелый каторжный труд на заводах породил поток беглецов, которые с самых древних времен принимались башкирами. Бегство крестьян с заводов грозило сорвать индустриализацию Урала, и потому правительство потребовало от башкир выдачи всех беглецов. Кроме того, все деяния Петра I и войны легли тяжелым налоговым бременем на российский народ. Ситуацию усугубили чиновники на местах, мучившие народ своими поборами и издевательствами. Активизировалось в своей религиозной нетерпимости православное христианское духовенство, развернув кампанию по принудительному крещению иноверцев.

Башкиры пробовали обратиться непосредственно к Петру I, снарядив делегацию в восемь человек. Однако послов арестовали, а их старшину повесили. Так царь Петр I показал башкирам свое лицо. Позже он и вовсе призывал покончить с башкирами, навсегда обрусить Башкирский край.

Башкиры ответили чередой восстаний, потрясавших Россию с 1707 по 1774 г. Алдар-Кусюмовский бунт, начатый в 1707–1708 гг., закончился лишь в 1711 г. Царское правительство официально пообещало соблюдать условия присоединения Башкортостана к Московскому государству. В этом восстании приняли участие тархан Камакай Биккулов и Трупберда-батыр, предки Салавата Юлаева.

Однако в 1735 г., уже после смерти Петра I, царское правительство императрицы Анны Иоанновны решило реализовать его замыслы, направив в Башкирский край Оренбургскую экспедицию И. Кирилова. Эта экспедиция ознаменовала собой новый этап колонизации Башкортостана. Башкиры вновь подняли восстание, переросшее в Национально-освободительную войну 1735–1740 гг. В этой войне выявилась целая плеяда героев башкирского народа,

одним из которых был дед Салавата Юлаева – Азналыбай Карагужин.

В ходе этой войны, с целью ее подавления, царским правительством был нанесен первый за всю историю России удар по незыблемости вотчинных прав башкир на свою землю. Императрица Анна Иоанновна издала 11 февраля 1736 г. указ, согласно которому «земли и угодья в Уфимском уезде у башкирцов уфимским дворянам и офицерам и мещерякам купить и за себя крепить позволить». Этим же указом башкирам запрещалось иметь кузницы, чтобы они не могли изготавливать оружие. Так императрица покончила с металлургией и металлообработкой башкир, развитыми у них с очень древних времен.

Правители России всячески стремились разрушить договорные отношения, заложенные при присоединении Башкортостана к Московскому государству. В 1754 г. Сенат своим указом отменил ясак с башкир и мишарей, заменив его на покупку соли из казны, запретив им бесплатно добывать соль из озер, расположенных на их же вотчинных землях. Кроме того, в условиях уничтожения карателями «жалованных грамот», выданных башкирам в XVI – XVII в. на вотчинную землю, уплату ясака и документы об этой уплате башкиры считали гарантией своих прав на вотчину. Теперь они лишались и этих документов, и привилегий. Покупка соли башкирам обходилась в несколько раз дороже уплаты ясака.

Усиливалась принудительная христианизация края, сокращалось мусульманское духовенство, запрещалось строить мечети в тех деревнях, где кто-то из жителей принял христианство.

Родовые старшины, аксакалы родов, строго по обычаям отстаивавшие интересы своих сородичей, стали заменяться ставленниками местной администрации, угодничавшими перед ней. К каждому башкирскому старшине приставлялся писарь из мишарей, которые верно служили властям и докладывали обо всех деяниях старшины.

Так стали рушиться и вотчинное владение землей, и самоуправление, и свобода вероисповедания – вековые чаяния башкирского народа. В 1755 – 1756 гг. башкиры вновь подняли восстание. Его идеологом стал мулла Габдулла Галиев, по прозвищу Батырша. Он написал воззвание к мусульманам Урала и Поволжья, в котором призывал к созданию независимого мусульманского государства на этой территории.

Это восстание, как и все предыдущие, носило стихийный характер и было подавлено властями. В связи с тем, что это восстание отличалось явно выраженным религиозным оттенком,

оно практически не изучалось в советское время. Правда, к 1940 г. был подготовлен и сдан в печать 2-й том «Материалов по истории БАССР», посвященный этому восстанию. Но началась Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг., и в осажденном немцами Ленинграде было, конечно, не до издания таких книг. Рукопись затерялась. Очень жаль. Интереснейший пласт истории остался недоступен широкому кругу исследователей.

В эпических произведениях башкирского народа есть сведения об участии в этом восстании Юлая Азналина – отца Салавата Юлаева, национального героя Башкортостана.

В течение XVII – XVIII вв., за 200 лет национально-освободительной борьбы, башкиры подняли 14 восстаний, т. е. брались за оружие через каждые 15 – 20 лет с возмужанием каждого следующего поколения. Но все эти восстания вспыхивали стихийно, без подготовки, не имели лидеров, способных объединить повстанческие силы на немалых башкирских просторах. Кроме того, везде находились достаточно авторитетные, состоятельные люди, пригретые властью и не спешившие подниматься против нее. Царское правительство умело сталкивало народы, поощряя, например, мишарей в подавлении башкирских восстаний. За это им обещалось и действительно отдавалось многое – от вотчинных земель бунтовщиков до их жен и детей. Поэтому правителям России удавалось всякий раз подавлять эти восстания, проявляя особую жесткость к повстанцам, ведь истребление башкир было неотъемлемой частью колониальной политики.

В одном только XVIII в. выдвинулась целая плеяда героев: Алдар, Кусюм, Солтан-Мурат, Кильмяк, Акай, Юсуп, Тюлькусура, Бепеней, Аллазиянгул, Юлдаш-мулла, Батырша, Базаргул, Кинзя и многие другие. Причем четверых из перечисленных: Акая, Кильмяка, Бепеня и Солтан-Мурата, согласно упомянутому выше указу императрицы Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г., предписывалось «одного за другим забрав, жестоко казнить смертию».

Так почему же все-таки Салават Юлаев стал национальным героем? Почему народ о нем слагал песни и эпические произведения, сочинял легенды, передавал предания на протяжении сотен лет? Однозначно на этот вопрос ответить трудно.

Подхватив обещания Пугачева исполнить многовековые чаяния башкирского народа – вернуть захваченные земли, свободу вероисповедания, возможность жить по своим обычаям, Салават тем не менее не стремился быть ближе к Пугачеву. Он не поддерживал самозванца в его действиях, когда тот заставлял людей

признать в нем царя, никого не преследовал за отказ это сделать. Башкиры Салавата открыто называли Пугачева «Бугас-царь».

Салават даже как бы сторонился Пугачева. Когда самозванец появился в пределах Башкортостана, Салават не сделал ни шага к нему навстречу. И далее, Салават не пошел с Пугачевым за Каму – на Казань, на Волгу грабить помещичьи усадьбы. Там ему нечего было делать. Его родная земля располагалась на Юрюзани, Ае, Симе. Салават остался со своим народом биться за свою землю.

Он был известен в народе и как поэт, песенник-импровизатор. Салават пел в своих песнях о родных уральских просторах, о народе и его древних обычаях, о священной вере предков. Соединение в нем таланта поэта и певца с воинской доблестью и даром полководца олицетворяло собой духовный облик башкирского народа. Любовь к песне, к коню и отвага воина во все времена составляли неразделимую суть башкирского мужчины.

Салават всю жизнь оставался преданным мусульманином, свято чтил и выполнял народные обычаи – взял в жены вдову старшего брата вместе с детьми. Как истинный башкир, он любил лошадей, борьбу на поясах и охотничьи поединки с медведем. Он отлично владел конем и оружием, выделялся личной храбростью, сам водил в бой свои отряды.

После ареста Салават на допросах не выдал никого из своих товарищей, ни на кого не наговаривал, пытаясь спасти свою жизнь. Он мужественно перенес и пытки, и публичное битье кнутом на родине и в местах сражений. Это было его прощание с родиной, с народом.

Для башкир большое значение имело и то, что Салават Юлаев происходил из очень известного рода. В каждом поколении этого рода были известные люди, тарханы, муллы, абызы, батыры, возглавлявшие ранние башкирские восстания с начала XVIII в. Знатность рода, известность предков как героев национально-освободительной борьбы, конечно же, выделяли Салавата Юлаева из плеяды башкирских героев. И народ запомнил его. Память о нем увековечена – он стал символом современного Башкортостана.

Много сынов башкирского народа сложили свои головы за землю, свободу и веру. Но почему именно Салават Юлаев стал национальным героем башкирского народа? Да, он был сподвижником Пугачева, одним из предводителей восстания башкир против колониального гнета, имел воинские звания «главный полковник», «бригадир». Но ведь были с Пугачевым и более знатные башкиры.

Возьмем, к примеру, Базаргула Юнаева, старшину Мякотинской волости, депутата Уложенной комиссии 1767 – 1769 гг. Несколько слов об этой комиссии. Молодая императрица Екатерина II, жена императора Петра III, урожденная мелкая принцесса Софья Ангольт-Цербтская, пришла к власти в России с помощью своих любовников братьев Орловых – Григория и Алексея. Но, оказавшись на российском троне, вдруг поняла, какая большая и совершенно непонятная ей страна оказалась под ее управлением.

С целью хоть как-то познать страну она отправилась из Твери на судах вниз по Волге, посетила Ярославль, Нижний Новгород, Казань, Симбирск и сухопутным путем вернулась в Москву. Перед этим с ее подачи Сенат принял указ об учреждении комиссии для сочинения проекта нового Уложения – документа, регламентирующего жизнь страны под ее монаршей властью.

Во время путешествия императрица принимала прошения от россиян. Большая часть просьб была подана помещичьими крестьянами и содержала жалобы на тяжкие поборы помещиков, издевательства над крепостными людьми. Все эти просьбы были возвращены с утверждением, чтоб впредь их не подавали.

Однако императрица Екатерина II внесла на рассмотрение комиссии свой «Наказ», в котором предлагала обсудить и вопрос об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Но при обсуждении этого вопроса получился противоположный результат. Права иметь крепостных крестьян, кроме дворян, стали требовать и купцы, и казаки, и даже духовенство!..

Одним из 428 депутатов этой комиссии был Базаргул Юнаев. Он составил и представил в Уложенную комиссию наказ башкир Исетской провинции, в котором отстаивалось право на свободу вероисповедания, представительство башкир в органах власти, требование о прекращении захвата башкирских земель. Но его наказ остался безрезультатным, как и наказы другого башкирского депутата Туктамыша Ишбулатова. В конце 1773 г. Базаргул Юнаев возглавил повстанческое движение башкир Зауралья, участвовал в осаде Челябинска. Он был возведен Пугачевым в фельдмаршалы, брал с ним Казань. Так же, как и Салават, Базаргул продолжал борьбу и после поимки Пугачева.

Как видим, и воинским званием, и участием в крупных операциях, и близостью к Пугачеву, и авторитетом политического деятеля Базаргул Юнаев превосходил Салавата.

Или взять, к примеру, Кинзю Арсланова – старшину, сына батыра и тархана Арслана Аккулова, участника восстания 1706 –

1711 гг. Сын же самого Кинзи – Сляусин Кинзин – был пугачевским полковником.

Кинзя Арсланов – один из главных вождей восстания, идеолог и организатор башкирского национального движения, автор манифестов Пугачева в адрес башкирского народа, верный соратник Пугачева, прошедший с ним до конца весь боевой путь. Так же, как и Салават, имел воинское звание главный полковник.

Можно перечислить много знатных башкир, принявших участие в этом восстании. Весь цвет башкирской нации поднялся тогда на борьбу с колониальным гнетом. Почему же именно Салават Юлаев стал национальным героем, путеводной звездой башкирского народа, свет от которой все еще льется на родной Башкортостан?

История восстания под предводительством Е. Пугачева, изучение которой было начато еще А. С. Пушкиным, прошла через призму коммунистической идеологии. Сам Пугачев – самозванец, казнивший и грабивший безвинных людей только за верность долгу и отечеству, был представлен этой идеологией как защитник интересов трудового народа, крепостных крестьян.

Таких героев, как Пугачев, коммунистическая идеология создала немало. Был, например, Павлик Морозов, предавший деда и отца во имя классовых интересов. Как только коммунисты не пытались возвысить это предательство в детских умах. Мой отец рассказывал, как в детстве ему за отличную учебу в школе доверили играть роль Павлика Морозова в школьном спектакле.

Но не стал Павлик Морозов народным героем. Не стал им и Пугачев, несмотря на то что до основания потряс устои Российской империи. Потряс так, как никто другой, но о нем не слагали и не пели песен, как, например, о Степане Разине.

Салават Юлаев, может быть, и стал национальным героем потому, что в своей борьбе за интересы башкирского народа не был близок к Пугачеву. Не все дела и намерения самозванца совпадали с интересами, моральными ценностями и обычаями башкир. Грабеж состоятельных и знатных людей, верховенство бандитов с большой дороги никогда не приветствовались в башкирском народе.

Башкирский народ в то время не был расслоен на классы, и классовая борьба не имела места среди башкир. Зажиточная жизнь, достаток были вековыми стремлениями, многие из башкир в мирное время владели тысячными табунами лошадей и сотнями бортей. Бедняков было мало, единицы и состоятельные старшины

были обязаны, по народным обычаям, оказывать им материальную помощь, старались помочь беднякам выбраться из нужды.

Такие обычаи уходят корнями в глубокую древность и выражают способы взаимопомощи, сформировавшиеся еще при родовом строе. Обычно состоятельный родич выделял своему обедневшему родственнику какое-то количество скота с условием, что тот будет пасти и его скот. После отработки скот, полученный бедняком, оставался у него и способствовал выходу его из нужды. В некоторых случаях при благоприятных погодных условиях, когда скотина хорошо размножалась, богатые башкиры просто жертвовали своим бедным родственникам некоторую часть своих стад. Это считалось богоугодным поступком и способствовало росту их авторитета.

Известный путешественник конца XVIII в. И. Г. Георги с удивлением писал о таком обычае: «Поелику не всяк может иметь довольное для табунов своих число невольников (считал, что в России все рабы. – Р. В.), то богатые наделяют скудных скотом, а сии в знак благодарности приглядывают за скотиною благодетелей. Ежели табуны чьи-нибудь скоро размножатся, то он почитает сие благодатью и разделяет по бедным людям знатное число скота».

Другим способом поддержки бедных родственников являлся *хауын* – передача молочного скота во временное пользование. Что говорить, получение дойной коровы с условием ее содержания для бедных семей было избавлением от голодной смерти.

Семьи оказывались в тяжелом положении не только вследствие потери скота. В многочисленных восстаниях часто гибли и главы семейств. Среди башкир, как и среди других тюркских народов, был распространен обычай, называемый левиратом, – женитьба на вдове умершего брата или дяди. Башкиры не оставляли вдову и ее детей на произвол судьбы и жалкое существование. По башкирским обычаям, при любом ударе судьбы каждый ребенок находил приемных родителей, и это были близкие ему по крови люди. Если умирала сго мать, то сго отец имел право, по обычаю, взять в жены сестру или племянницу умершей жены (сорорат).

Изначально, с древних времен и до сегодняшнего дня, обычаи башкирского народа противостояли бедности, нищете и несчастьям.

Последнее, известное мне, проявление этого обычая произошло после Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. в Салаватском районе Республики Башкортостан. В районную прокуратуру поступило письмо о том, что в одной из деревень коммунисты-

начальники развели многоженство. Мой отец Шакир Вахитов, тогда районный прокурор, выехал туда с целью проверки. Собрали людей. Действительно, и председатель сельсовета, и председатель колхоза, и бригадиры, явившись при орденах и медалях, показали одно и то же: «Брат мой погиб на фронте, защищая Родину, семья осталась без кормильца, в деревне голод, кушать нечего, живем вместе, семью брата взял к себе, таков обычай, стараемся выжить...»

Исполнил свой родственный долг и Салават Юлаев. Он еще совсем молодым женился на вдове своего умершего брата.

Национальным героем становится тот, кто своими делами, жизнью способствует осуществлению национальной идеи народа, его вековых чаяний. Только таких героев народ помнит в своих преданиях, о таких своих сынах слагает легенды и поет песни.

В чем же заключалась национальная идея башкирского народа и когда она зародилась? Национальная идея народа, его чаяния формируются вместе с народом в зависимости от среды обитания и образа жизни.

Еще Геродотом описаны две очень важные особенности башкирского народа, присущие ему с древности. Первая – это природная дипломатия, свойственная башкирам. Благодаря этой дипломатии башкиры нашли свое достойное место и в империи Чингисхана, и в новом государстве Ивана IV – России, которая и зародилась-то в результате дипломатических переговоров башкир с русским царем.

Вторая – это склонность башкир давать приют разного рода изгнанникам. Сколько русских крестьян, бежавших от крепостного гнета, староверов, ставших изгнанниками из-за преданности своей религии, нашли приют у башкир, и сказать трудно. Во всяком случае, в России это стало государственной проблемой.

Нельзя не отметить и то, что Геродот в своей «Истории» описал сотни народов, но только аргиппеев – древних башкир он назвал священными, а исседонов, их соседей, праведными. Отсюда можно сделать вывод о том, что в древности на Урале или, точнее, в Зауралье был какой-то религиозный центр, наподобие современных Иерусалима, Мекки и Медины.

Как здесь не вспомнить «Страну городов», Аркаим и городище на речке Синташта, левом притоке Тобола. На могильнике этого городища еще в 1600 – 1500 гг. до н. э. стоял прототюркский тенгрианский храм. Он имел вид девятиступенчатой усеченной пирамиды, высотой не менее 9 м, сооруженной из бревенчатых срубов – клетей, грунта и камыша. На последнем ярусе располагалась

площадка диаметром 24 м, и над ней возвышался купол! Ступени, или ярусы пирамиды, и верхняя площадка, купол, использовались для ритуальных действий [101].

Как и на Ближнем Востоке, где зародились иудаизм, христианство и ислам, здесь, в Зауралье, люди положили начало тенгрианству и зороастризму за 16 веков до Рождества Христова. Древние пирамиды стали местом всеобщего паломничества. Эти места помечены Богом и обладают сильнейшей энергетикой. Сюда и сегодня тянутся люди: и паломники, и туристы, и просто те, кто по какой-то причине потерял веру и покой.

Управление всем башкирским народом во все времена осуществлялось общим собранием – курултаем, на который башкиры съезжались один раз в год. Каждое племя имело своего вождя – бия. Все это говорит о том, что самоуправление с самых древних времен было характерной чертой башкирского народа, элементом национальной идеи.

Разводя скот в тесных горных долинах, древние башкиры стремились во все времена закрепить за своим родом определенные пастбища. Эти пастбища переходили от одного поколения к другому, поэтому родовое, наследственное владение своей землей стало таким же традиционно необходимым элементом жизни башкирского общества, как и самоуправление.

Древние башкиры-аргиппеи со времен Геродота признавались соседями за людей святых, религиозных. Причем тенгрианство, как описано в эпосе «Урал-батыр», зародилось здесь, на Урале. В его основе – «бессмертие» тюрков. О том, как зарождалось это «бессмертие», и рассказывает эпос «Урал-батыр». Тюрки считали, что в потустороннем мире такая же жизнь, и собирали своих покойников в последний путь со всем необходимым. В могилу укладывали оружие, конское снаряжение, орудия труда, запас пищи, сосуд с питьем. Над могилой закалывали любимого коня.

Хоть и не было в канонах тенгрианства религиозной вражды, и башкиры отличались известной веротерпимостью, но религией своей они весьма дорожили. Перемена религии означала для них и отказ от «бессмертия», с чем, конечно, им согласиться было трудно, если не сказать невозможно. Поэтому свобода вероисповедания с самых древних времен также составляла неотъемлемую часть менталитета башкир, их национальной идеи.

Таким образом, родовое наследственное владение землей, самоуправление и свобода вероисповедания образовали основу национальной идеи башкирского народа, его менталитета. Салават

Юлаев все это впитал в себя с молоком матери и в течение всей жизни оставался верен вековым чаяниям своего народа.

У нас с ним одна родина. Я имею в виду малую родину, где мы появились на свет, где наша стремительная река Юрюзань, вырвавшись из скалистых каньонов, замедляет свой бег и разливается по долине. Кругом невысокие горы, поросшие удивительно чистыми лесами. Белизна берез здесь прикрывается темной зеленью сосен и елей, а кусты калины с повисшими на них шишечками хмеля никак не хотят уступать по красоте серебристому наряду осин.

Долина богата родниками и маленькими речушками, на которых во времена моего детства еще стояли развалины водяных мельниц, скрытые от посторонних глаз густыми зарослями ольхи. Стоило войти в сумрак прибрежной ольховой рощи, как взгляду открывалось большое водяное колесо, какие-то желоба, затворы со штурвальными рукоятками. Все это отдавало какой-то таинственностью старины. Детское воображение тут же начинало рисовать старого бородатого мельника и русалку, выглядывающую из глубины озера, куда стекала вода с мельничного колеса. Но колесо уже не крутилось и русалка не покидала своего убежища, а громадные кованые гвозди, торчащие из досок, напрочь отбивали желание лазить по развалинам мельницы.

Выбравшись на солнечный свет и оглядевшись, можно было заметить следы плотины, некогда перегораживавшей ручей, и остатки устройства, по которому вода попадала на колесо. Такие развалины мельниц встречались на всех ручьях, протекающих в округе, а на некоторых речках стояли их каскады.

На водяные мельницы в нашем крае обратил внимание и руководитель одной из академических экспедиций П. С. Паллас, побывавший на берегах Юрюзани незадолго до Пугачевского восстания. Приведем его описание этих столь полезных устройств, которые он назвал «точно Башкирцев изобретением»:

«Для облегчения трудности избирают они самые маленькие ручьи, которые запруживают плетнем из хворосту и засыпают землю. При плотине срубают они на сваях стоящую небольшую избушку, посредине коей стоит сруб вместо стола. На нем лежат мельничные камни, кои никогда не бывают из камня, но только из крепкого какого корня или дерева сделанные круги, в которые вбиты маленькие железные лезвия без всякого порядка, но, однако ж, так, что все они длиною от средоточия к округу простираются. Исподний деревянный круг лежит на доске неподвижно, а верхний снимается.

В движение приводятся осью мельничного колеса, которая сквозь середину исподнего круга проходит и железным крюком зацепляет за ямку на верхнем камне, в середине выдолбленном. Ось делается обыкновенно из дерева: то есть самую нижнюю часть корня обрубает наподобие булавы кругло и толсто, так что по оной многие пологие, с одной стороны жолобоватые крылья или лопатки, как будто спицы у тележных колес, вделаны, что составляет у них водяное колесо. Под булавою вбит железный шкворень, посредством коего ось стоит на свае прямо и на оном вертится. Вода течет по деревянному желобу из небольшого на плотине прореза к одной стороне горизонтально лежащего сего колеса и, ниспадая на выдолбленных лопаток сторону, поворачивает колесо, ось и наверх в мельнице находящийся верхний жернов.

Для остановки мельницы кладут долгий шест между лопаток, а другие делают желоб подвижным, почему, отворотя его на сторону, то же самое производят. Зерна, из которых хотят делать крупу или крупную муку, ссыпают так, как и на обыкновенных мельницах, в досчатый кузов, при котором внизу проделан маленький желобок, соответствующий прямо средней дыре верхнего жернова. Короб, в коем зерна содержатся, висит на поперечине мельницы подвижно и при оном рычаг, достигающий одним концом до верхнего жернова, от которого производимое в нем трясение передается коробу, и тем семена из него вытрясаются.

Когда башкирцу вздумается мельницу на несколько времени остановить или воспреспятствовать, чтоб зерен из короба более не сыпалось, то он отнимает только объявленный рычаг. Я сомневаюсь, может ли самый искуснейший творец изобресть простее оной водяную мельницу».

Как видим, известный путешественник описал производственный механизм башкир, приводимый в действие дармовыми силами природы, изобретение которого никак не припишешь степным кочевникам. И таких мельниц было много на наших ручьях.

Через мою родную деревню Каратавлы протескает речка Шардали. Как объяснил мне мой отец, название этой речки связано с тем, что зимой лед на ней замерзает наплывами, называемыми «шар». На нашей речке как раз и стояли несколько водяных мельниц, только в окрестностях деревни их было три.

Это гористая местность. Издавна башкир привлекали прибрежные луга, раскинувшиеся вдоль Юрюзани и ее притоков. Здесь, на невысоком холме, и располагалась наша деревня Каратавлы. Ее улица тянулась по берегу речки Шардали и около устья упиралась

в Юрюзань. Из нашей деревни уходили четыре дороги. Первая гнулась на север, где у кромки горизонта, в дымке, расплывались контуры горы Янгантау, извергающей тепло из своих недр с памятной нам середины XVIII в. и по сей день. Это дорога на Екатеринбург, старинный Сибирский тракт.

Вторая дорога, ставшая продолжением улицы по направлению к Юрюзани, пройдя через паромную переправу, сворачивает вдоль берега к Калмак-аулу, и, поднимаясь на гору, уходит к мишарской деревне Лаклы и далее к Саткинскому и Златоустовскому заводам.

Третья дорога – это дорога моего детства. Она поднимается по косогору к урочищу Болонбай на невысокое нагорье, где располагаются наши ближайшие леса. Сюда чаще всего мы ходили собирать землянику, клубнику, костянику, харыну, драли кору с галовых кустарников и сдавали ее в заготконтору, в результате чего нам удавалось выручить небольшую денежку для похода в кино. Побродив по лесу несколько часов, с наступлением полуденной жары мы спускались к берегу чудесного ручья. Как ни холодна вода в этом ручье, да и название он имеет романтическое – Яше-елга, что означает примерно «живи и здравствуй». Идет, к примеру, путник, сморил его летний зной, и вдруг на пути у него тенистый ольховник, а внутри, среди деревьев, течет ручей с чистой холодной и удивительно вкусной водой. Напейся, отдохни, порадуйся жизни! *Йәшә* – живи!

Но иногда мне кажется, что это «река слез», ведь *йәш* по-башкирски означает еще и «слеза». Сколько слез пролили башкирские вдовы и дети, оплакивая своих мужей и отцов, погибших и казненных во время восстаний. Здесь также когда-то проходил Сибирский тракт, направлением на Уфу. Он тянулся через деревни Чаганай и Текей-аул. Земли по ту сторону Яше-елги мы называли «Шайтан-як». Это и есть родина Салавата Юлаева.

Нет сомнений в том, что и Салават в знойную летнюю пору припадал губами и пил чистую холодную воду из этого ручья, и с каждым глотком воды жизненные силы его множились, дух трепчал и призывал к борьбе.

Четвертая дорога соединяет деревню Каратавлы со станцией Кропачево. Это уже современная дорога, берущая начало на большом перекрестке трассы Самара – Челябинск около станции Кропачево. Далее, за Каратавлами, она уходит на север к Янгантау, к Екатеринбургу.

За деревней Каратавлы на лугах раскинулись несколько озер: Узун-куль, Тепхыз-куль, Тунарак-куль и Ялан-куль. Одно из них,

Узун-куль, было не очень глубоким, и мы в детстве часто бороздили его бреднем, добывая на пропитание золотистых карасей. Жаренных в сметане карасей я и по сей день считаю лучшей пищей, дарованной человеку природой. Это озеро привлекало нас еще одним служением человеку. Здесь вымачивали липовую кору и получали из него мочало. В те годы мочало еще служило человеку. Оно использовалось для изготовления всякого рода веревок и канатов, без которых в деревне не обойтись. Мы же, мальчишки, драли мочало с одной целью — плести из него кнуты, ведь даже в советское время мы не мыслили своей жизни без лошадей и прочего скота.

Другие озера имели топкие болотистые берега, где селились разные виды водоплавающей птицы, и по причине труднодоступности нами не посещались. Ялан-куль, расположенное подальше, по направлению к старой паромной переправе, мы не баловали вниманием, опасаясь его глубины.

Юрюзань здесь умиряет свой крутой нрав горной реки и разливается меж невысоких берегов. В иных местах она шумит перекатами, не успев еще успокоиться от бурной молодости, проведенной в верховьях, где она мощным потоком пробивается через узкие ущелья Уральских гор.

Всякий раз, возвращаясь на эту нашу малую родину, я иду к Юрюзани — реке моего детства. Люблю постоять у шумливого переката или посидеть на берегу напротив высокой скалы у старой паромной переправы. Кажется мне, что река с верховьев несет в своих водах память о Салавате. Год за годом, век за веком она рассказывает людям о прошлых поколениях, об их многолетней и жестокой борьбе за право жить свободно на этой прекрасной земле. Через столетия, через многие поколения земляков передается свободолюбивый дух Салавата, молодой порыв, вера в святое дело, его мужество и преданность борьбе. Будто все еще несет река его стихи и песни о родине, о свободе, о вере, о любви.

Салават пришел ко мне из той далекой страны, которую называют Страною детства. Как-то я пытался вспомнить самое раннее событие в моей жизни, сохранившееся в памяти. И встали перед глазами наша деревня, ставшая уже районным центром, детский сад. Вот моя мама, заведующая этим садом, выводит нас на площадку. Мы идем строем, парами — мальчик с девочкой, держимся за руки, в руках у нас красные флажки. Наконец, мы встали в ряд.

— Мама, а зачем мы сюда пришли?

– Митинг будет, посвященный 200-летию со дня рождения Салавата Юлаева.

– Он здесь родился?

– Да, недалеко, в нашем районе.

– А что сейчас будет?

– Памятник ему поставят.

– А кто он, мама? Танкист или летчик?

– Нет, он наш национальный герой.

– А как это – национальный герой? Он на чем воевал – на танке или на самолете?

– Он воевал на коне, как Чапаев. Стой, смотри и слушай, сейчас все расскажут. Что не поймешь, дома у бабушки спросишь. Она его хорошо знает.

Моя мама невесткой попала в наши края и мало что знала о Салавате Юлаеве. А вот бабушка Фатыма, мать моего отца, выросла и прожила всю свою жизнь в деревне Каратавлы. Она родилась в 1908 г., хорошо помнила эпизоды Гражданской войны, которую пережила подростком, знала много преданий о Салавате Юлаеве.

Бабушка Фатыма и поведала нам в тот вечер, каким героем был Салават, за что боролся, каким запомнил его народ, рассказала о его родстве с нашим родом через жену. Она напела несколько песен о нем, какие-то куплеты, которые считались в народе сочиненными Салаватом. Большим знатоком песен о Салавате и его песен считался ее дядя Гарифьян Султанов, родной брат ее матери Хабиры, моей прабабушки. Он известный в наших краях песенник и скрипач. От него бабушка Фатыма и знала эти песни. В Великую Отечественную войну 1941 – 1945 гг. она проводила на фронт и моего деда, и моего отца. Дед Казыхан пропал без вести в 1944 г., а отец Шакир вернулся и стал работать в районной прокуратуре сначала помощником прокурора, а затем прокурором Салаватского района.

Моя тетя Манзума в 1949 – 1950 гг. жила и работала учительницей в деревне Шаганай. Это была единственная деревня, связанная с именем Салавата, не сожженная карателями. До молоденькой учительницы местной начальной школы также доходили предания о Салавате, о его потомках, живших здесь. Впоследствии эти истории она рассказывала нам, когда возвращалась в родительский дом.

Летом 1952 г. моего отца забрали прямо с покоса около хутора Куркина. Приехал милиционер на трехколесном мотоцикле, посадил его в люльку и увез. Мама и бабушка плакали – то были ста-

линские времена: те, кого увозили, редко возвращались домой. Но нам повезло. Через несколько дней отец вернулся с назначением на должность прокурора Уфимской области. Башкирскую АССР разделили тогда на Уфимскую и Стерлитамакскую области. В холодную зиму 1952/1953 гг. мы переехали в Уфу, и я стал городским жителем.

Но едва звенел последний звонок, извещавший о начале летних каникул, как я с любой оказией старался уехать в родные места. Так и не полюбил я жизнь городских мальчишек, она казалась мне пустой и скучной. Не нравилось мне кататься на самокатах или на заднем фаркопе трамвая, именуемом «колбасой», гонять голубей и лазить за ними по крышам. Моей страстью с детства стали лошади, а они были там, в Каратавах.

По-моему, башкирский мальчик как только родится, так и начинает страстно мечтать о том, чтобы прокатиться верхом на лошади. Как рассказывает башкирский народный эпос «Юлай и Салават», Салават также с детства очень любил коней, объезжал молодняк, мог на скаку поднять с земли шапку или платок.

Конечно, у Салавата в детстве было больше возможностей для верховой езды, чем у нас. Его семья имела много лошадей. Были у них и кумысные кобылы, и молодые неуки*, и обученные кони, и, конечно же, скакуны, которых держали специально для скачек на сабантуе.

Мы, мальчишки послевоенной поры, таких возможностей не имели. Наши деды еще до войны, в 30-х гг. XX в., отвели своих коней на колхозную конюшню и сдали в колхоз. Во время Великой Отечественной войны многих из этих лошадей забрали на фронт, оставшихся большей частью заморили голодом, иных съели. Те жалкие остатки, которые выжили, обычно старые кобылы, были так замучены тяжелой работой, что их называли не иначе как колхозной клячей.

Мы, мальчишки, по-своему их любили, прикипали душой, и у каждого из нас была в колхозном табуне своя любимица, имевшая длинноногого жеребенка. Ради них мы увязывались за взрослыми на колхозный сенокос. Там мы много трудились и терпели немалые мученья для того только, чтобы поездить верхом.

Скошенное сено обычно сгребали в жаркие летние дни. Женщины с песнями скатывали граблями покосы в небольшие кучки. Мы подъезжали к ним верхом на лошади, запряженной в волокушу, на которую молодые парни грузили сено. Потом везли

---

* Неуки – необученные лошади.

это сено к стогу, развязывали веревки волокуши, копна сползала с нее. Мужики, которые были посильнее других и повыше ростом, метали сено в стог, а мы вновь ехали грузиться.

Такую работу и верховой ездой-то можно назвать лишь условно. Лошадь была запряжена русской упряжью в волокушу, и мы сидели не на седлах, как обычно ездят верхом, а на горбатых железных седелках, поверх которых была брошена лишь старая телогрейка. Это было примерно так же, как сидеть верхом на ребре доски полный летний длинный день, когда слепни роями нападали на нас и на лошадей. Мы это терпели только ради того, чтобы в обеденный перерыв и после работы лошади были в нашей власти.

В один из таких дней, когда полуденная жара валила с ног и колхозники отдыхали, мы, мальчишки, как обычно, распрягли лошадей, сели на них верхом и отправились на Юрюзань купаться. Там мы мыли коней, вставали им на спину и прыгали в воду. И вот, стоя на спине кобылы Машки, я увидел неподалеку за изгибом реки какой-то грузовик. Немедленно двое из нас снарядились в разведку. Вскоре они вернулись и рассказали, что заводские люди из города Сима, человек десять, перегородили реку сетями около устья ручья, где обычно табунами ходил подуст. Его-то они и загоняли в сети матом и боталом.

В этом же месте еще утром мы поставили и свои «морды» — ловушки для рыбы, сплетенные из ивовых прутьев. Они, естественно, пустые, валялись на берегу, а рядом стоял неполный мешок рыбы. Годы были голодные... Едва ли только у меня одного на губах тогда почувствовался вкус наваристого рыбного супа, и не я один сглотнул липкую слюну. Но наших сил, хоть и верховых, было явно недостаточно для серьезного разговора с этими людьми, опорожнившими наши «морды». Мы тихо удалились с реки за подмогой.

Наши парни постарше сразу взяли операцию в свои руки. Они ссадили нас с коней, сами сели верхом и поскакали к реке. Конечно, мы не могли остаться в стороне от столь интересных событий, и наши голые пятки мигом засверкали в том же направлении. Но мы не угнались за верховыми и завязки сражения не увидели, а когда подбежали, около грузовика уже кружились всадники. Конский топот, пыль, хлопанье кнутов, крики, ругань стояли столбом над Юрюзанью. Один высокий рыжий мужик, стоя в кузове, размахивал длинной рукояткой, которой в те времена заводили моторы автомобилей. Этой железкой он достал все-таки моего дядю Раиса, но тот, падая с Машки, сумел-таки уцепиться за

линские времена: те, кого увозили, редко возвращались домой. Но нам повезло. Через несколько дней отец вернулся с назначением на должность прокурора Уфимской области. Башкирскую АССР разделили тогда на Уфимскую и Стерлитамакскую области. В холодную зиму 1952/1953 гг. мы переехали в Уфу, и я стал городским жителем.

Но едва звенел последний звонок, извещавший о начале летних каникул, как я с любой оказией старался уехать в родные места. Так и не полюбил я жизнь городских мальчишек, она казалась мне пустой и скучной. Не нравилось мне кататься на самокатах или на заднем фаркопе трамвая, именуемом «колбасой», гонять голубей и лазить за ними по крышам. Моей страстью с детства стали лошади, а они были там, в Каратавах.

По-моему, башкирский мальчик как только родится, так и начинает страстно мечтать о том, чтобы прокатиться верхом на лошади. Как рассказывает башкирский народный эпос «Юлай и Салават», Салават также с детства очень любил коней, объезжал молодняк, мог на скаку поднять с земли шапку или платок.

Конечно, у Салавата в детстве было больше возможностей для верховой езды, чем у нас. Его семья имела много лошадей. Были у них и кумысные кобылы, и молодые неуки*, и обученные кони, и, конечно же, скакуны, которых держали специально для скачек на сабантуе.

Мы, мальчишки послевоенной поры, таких возможностей не имели. Наши деды еще до войны, в 30-х гг. XX в., отвели своих коней на колхозную конюшню и сдали в колхоз. Во время Великой Отечественной войны многих из этих лошадей забрали на фронт, оставшихся большей частью заморили голодом, иных съели. Те жалкие остатки, которые выжили, обычно старые кобылы, были так замучены тяжелой работой, что их называли не иначе как колхозной клячей.

Мы, мальчишки, по-своему их любили, прикипали душой, и у каждого из нас была в колхозном табуне своя любимица, имевшая длинноногого жеребенка. Ради них мы увязывались за взрослыми на колхозный сенокос. Там мы много трудились и терпели немалые мученья для того только, чтобы поездить верхом.

Скошенное сено обычно сгребали в жаркие летние дни. Женщины с песнями скатывали граблями покосы в небольшие кучки. Мы подъезжали к ним верхом на лошади, запряженной в волокушу, на которую молодые парни грузили сено. Потом везли

---

* Неуки – необученные лошади.

это сено к стогу, развязывали веревки волокуши, копна сползала с нее. Мужики, которые были посильнее других и повыше ростом, метали сено в стог, а мы вновь ехали грузиться.

Такую работу и верховой ездой-то можно назвать лишь условно. Лошадь была запряжена русской упряжью в волокушу, и мы сидели не на седлах, как обычно ездят верхом, а на горбатых железных седелках, поверх которых была брошена лишь старая телогрейка. Это было примерно так же, как сидеть верхом на ребре доски полный летний длинный день, когда слепни роями нападали на нас и на лошадей. Мы это терпели только ради того, чтобы в обеденный перерыв и после работы лошади были в нашей власти.

В один из таких дней, когда полуденная жара валила с ног и колхозники отдыхали, мы, мальчишки, как обычно, распрягли лошадей, сели на них верхом и отправились на Юрюзань купаться. Там мы мыли коней, вставали им на спину и прыгали в воду. И вот, стоя на спине кобылы Машки, я увидел неподалеку за изгибом реки какой-то грузовик. Немедленно двое из нас снаряжились в разведку. Вскоре они вернулись и рассказали, что заводские люди из города Сима, человек десять, перегородили реку сетями около устья ручья, где обычно табунами ходил подуст. Его-то они и загоняли в сети матом и боталом.

В этом же месте еще утром мы поставили и свои «морды» – ловушки для рыбы, сплетенные из ивовых прутьев. Они, естественно, пустые, валялись на берегу, а рядом стоял неполный мешок рыбы. Годы были голодные... Едва ли только у меня одного на губах тогда почувствовался вкус наваристого рыбного супа, и не я один сглотнул липкую слюну. Но наших сил, хоть и верховых, было явно недостаточно для серьезного разговора с этими людьми, опорожнившими наши «морды». Мы тихо удалились с реки за подмогой.

Наши парни постарше сразу взяли операцию в свои руки. Они ссадили нас с коней, сами сели верхом и поскакали к реке. Конечно, мы не могли остаться в стороне от столь интересных событий, и наши голые пятки мигом засверкали в том же направлении. Но мы не угнались за верховыми и завязки сражения не увидели, а когда подбежали, около грузовика уже кружились всадники. Конский топот, пыль, хлопанье кнутов, крики, ругань стояли столбом над Юрюзанью. Один высокий рыжий мужик, стоя в кузове, размахивал длинной рукояткой, которой в те времена заводили моторы автомобилей. Этой железкой он достал все-таки моего дядю Раиса, но тот, падая с Машки, сумел-таки уцепиться за

мешок с рыбой, который заводчане пытались забросить в кузов. Мешок упал на землю, и рыба вывалилась из него.

До этого момента дрались деловито и старательно, но как только рыба чешуей своей сверкнула на земле, все разом остановились — добыча оказалась у нас. Один из наших парней выплюнул зуб, другой стал утирать кровавые сопли, а заводчане махом сгрудились в кузове и заняли круговую оборону. Они не успели одеться, и следы ударов кнутом багровыми полосами выделялись на их белой коже.

Дальше драться всем как-то расхотелось, но и просто размахнуться было невозможно. Вот, наконец, рыжий мужик с рукояткой-заводилкой решил прыгнуть с кузова и крутанул мотор. Никто ему не мешал. Деревенские парни с интересом наблюдали, как заводится эта техника.

Грузовик без труда прорвал цепь конников и выехал на проселочную дорогу. Противник покинул поле боя. Все кинулись делить рыбу, но какая-то неведомая сила вдруг подтолкнула меня, подбросив на любимую кобылу Машку, и погнала за грузовиком. Торжество победы не умещалось во мне.

Вот мы уже несемся в пыли грузовика, подпрыгивающего на ухабах. Я машу кнутом над головой, Машка, прижав уши, стелется в бешеном галопе, не отстает от нас и ее рыжий белоногий жеребенок. Кто-то из людей, присевших в кузове, грозит мне кулаком. Один встает и, размахивая черенком ботала, кричит: «Ща-ас я тебе мозги вышибу, Салаватка окаянный!»

Вдохновленный столь высоким для меня сравнением, я готов был продолжить поединок и уже прицельно замахивался кнутом, пытаюсь щелчком достать противника, но Машка подустала, галоп ее отяжелел, да и грузовик исчез из глаз за клубами пыли. Вот так, нет-нет да и повторялись в чередующихся годах стычки башкир с заводчанами, начатые еще юным Салаватом, за землю, за реку, за рыбу, за лес, за борти, за охотничьи угодья.

Жизнь в деревне течет не по часам и даже не по солнцу. Она строго привязана к деревенскому стаду. Утром, с рассветом, хозяйки доят своих коров и, как только захлопает кнутом пастух, выгоняют свою живность на улицу. Она сбивается в стадо и уходит из деревни на дальние пастбища. Целый день скотина кормится, а люди работают. И заканчивают они свою работу тоже к возвращению стада.

Вечером табун надо встретить, чтобы скотина не прошла мимо своих ворот. Не «загуляла» ли молодая телка, не отбилась ли с быком от стада? Все ли овцы пришли? Вот и сидим мы — стар и

млад на холме, на краю деревни, ждем табун. Солнце уже клонится к закату, а его все нет и нет.

Дед Шаймухамет Аюпов, как всегда, сам ждет стадо. Хотя он и живет со своей старухой, ей уж тяжело бегать, загонять скотину. Внуки встречают свою родительскую скотину, а дед еще хоть куда: моложав, сухопар и в ясном уме. Обычно он рассказывает нам, мальчишкам, разные истории, случавшиеся на его длинном веку. Сегодня же он ударился в глубокую старину, заговорил о Салавате.

– Вон там, на краю леса, где начинается урочище Болонбай, мишары догнали Салавата, – дед указывает хворостинкой на другой конец деревни, откуда проселочная дорога уходит на Шаганай-аул.

– У него что, лошадь устала? – допытываюсь я.

– Нет, – отвечает бабай, – Салават шел на лыжах, лошадей своих они оставили здесь, у Ракая. А мишары ехали верхом. Там, на косогоре, снег был неглубокий, их лошади с трудом, но прошли, и они окружили Салавата.

– А кто такие мишары?

– Есть у нас в районе Шарип-аул по дороге в деревню Месягут. Эти мишары там останавливались, то ли у своих родственников, то ли просто у знакомых. Они один народ.

– А потом что было? – мы уже смотрели старику в рот.

– Салавата и его товарищей связали, бросили в сани и повезли вот по этой дороге к Юрюзани, на тот берег, в Калмак-аул. Там был допрос. Потом Салавата куда-то увезли, только его лошадь долго стояла привязанная у того дома, где был допрос. Ночью кто-то отвязал ее, седло снял, а лошадь отпустил. Она убежала домой, в Юлай-аул, а седло жители Калмак-аула спрятали, долго хранили. Еще до войны Гарифьян Султанов сдал его в музей.

Тут из-за горы показалось деревенское стадо, и враз мы бросились звать своих кормилиц, забыв Шаймухамет-бабая и его рассказ об аресте Салавата. Но семена, брошенные в детскую память, обычно все равно когда-нибудь произрастают, тем более что было кому их поливать и взращивать.

Немного выше по течению Юрюзани в нее впадает речка Кускянды. На ее берегу располагались кочевья рода Салавата – его отца, деда, других родственников. *Кускянды* так и переводится – «кочевье». Здесь хорошие заливные луга, а по берегам речки трава зеленеет от ранней весны до поздней осени. Место действительно очень удобно для летнего кочевья. Видимо, и поселения людей здесь возникли на месте летних стойбищ. Отсюда и название речки.

Богатство недр этих мест, обилие ручьев и рек обусловили развитие здесь металлургии и металлообработки с очень давних времен. Древние металлурги и кузнецы из башкирского племени Кувакан выплавляли здесь железо еще до начала нашей эры. Недра земли на берегах Юрюзани давали руду, а на мелких речушках строились плотины и водяные колеса, от которых приводились в действие горны плавильных печей и механические молоты кузнечных мастерских. Но императрица Анна Иоанновна, напуганная очередным башкирским восстанием, издала указ от 11 февраля 1736 г., согласно которому эти плавильни и мастерские были разрушены, плотины и водяные колеса переделаны в мельницы. Отсюда их обилие в наших краях. Те небольшие пашни башкир, расположенные на косогорах, давали немного хлеба, и такого количества мельниц не требовалось для его перемола. Но сильны были традиции и навыки их создания у местного населения, потому здесь долгие годы был мельничный край. Этому способствовало и строительство здесь железоделательных заводов.

И вот в начале XVIII в. один из «птенцов гнезда Петрова» – купец А. Демидов увидел на Урале плавильни и кузницы башкир, познакомился с их рудознатцами. С благословения и при активной поддержке Петра Великого и началось строительство железоделательных и медеплавильных заводов на месте древних башкирских плавилен и кузниц. Россия не имела тогда ни инженерных, ни геолого-разведочных кадров. На Урал пригнали тысячи крепостных крестьян, обутых в лапти. Они и стали заводскими рабочими, строили заводы на месте башкирских плавилен и кузнечных мастерских, учились у башкир искусству поиска рудных залежей. Не кто-нибудь, а башкир Исмаил Тасимов на свои средства учредил Горное училище в Санкт-Петербурге. Только тогда в России появились кадры горных инженеров. Урал поднимал Россию, деревянная лапотная страна становилась в ряд индустриально развитых мировых держав.

И под заводы, и под заводские деревни, и под пашни заводских крестьян изымалась многовековая вотчинная земля башкир. Они и их земли становились заложниками своих древних традиций металлургии и металлообработки.

Эти процессы, начатые на севере Башкортостана, к середине XVIII в. докатились и до берегов Юрюзани и Сима. Строительство Симского завода на земле шайтан-кудейских башкир, захват земли под заводские деревни, вырубка лесов породили всплеск национально-освободительной борьбы, в пламени которой рос и мужал наш национальный герой Салават Юлаев.

Для нас, его земляков, Салават не только национальный герой, он наш человек, многим родственник, чей-то предок. На родине его знали и помнили с юношеских лет, пели его песни. Гордились им, когда он стал воином и полководцем. Память о нем – это память и о наших предках, ведь именно они первыми откликнулись на его боевой клич-оран, они вместе с Салаватом насмерть стояли на берегах Юрюзани, Сима, Ая, Кускянды, защищая свою родину от полчищ карателей. Может быть, поэтому мы столь дорожим памятью о нем, бережем ее, стараемся сохранить для потомков, передать ее чистой и светлой, – такой, какой эта память сохранилась в наших сердцах.

Глава 20

САЛАВАТ И ПАМЯТЬ О НЕМ

Поезд приближался к Уфе. Пассажиры столпились у окон и старались увидеть его – памятник Салавату.

– Какой красивый, – восхищалась девочка, поднятая отцом на руки.

– Любому разбойнику с большой дороги готовы они грандиозный памятник поставить, лишь бы имел он национальные корни, – произнес стоявший рядом мужчина.

– Почему вы о нем так судите? – спросил я его.

– Читал роман «Салават Юлаев», – ответил он.

– Нельзя же судить о человеке по роману. Это же художественное произведение, вымысел автора, – пытался я возразить.

– Роман исторический, значит, соответствует истории. Неправду не опубликуют, – поставил он точку в нашем разговоре.

* * *

Каким Салават сохранился в памяти народа? Кажется, стоит ли задавать этот вопрос, ведь он возвеличен. Есть город Салават, назван его именем родной Салаватский район. Он наш национальный герой.

Но это имя. Оно безмолвно. Оно истинно принадлежит Салавату. А память о нем? Каким он возвеличен, каким он предстает перед нами? Был ли он действительно таким?

Трагична судьба Салавата – двадцать три года свободы, год борьбы, двадцать шесть лет каторги и смерть на чужбине, без

родных и близких. Это его судьба, а какова судьба памяти? Разве она менее трагична?

Образ Салавата в сознании нескольких поколений сформировался по роману Степана Злобина «Салават Юлаев». Автор работал над романом с 1928 г. по 1962 г. – почти всю свою творческую жизнь. Исследованием творчества С. Злобина в течение 35 лет занимался известный литературовед М. Рахимкулов. Если С. Злобин в романе создал свой образ Салавата, то М. Рахимкулов в своих статьях убеждал читателя в жизненности и исторической правдивости романа.

««Салават Юлаев» С. Злобина – первый роман, довольно полно и правдиво изобразивший жизнь и боевой путь легендарного героя башкирского народа», – пишет М. Рахимкулов [102]. «Благодаря этой книге имя национального героя башкирского народа Салавата Юлаева возродилось из полужабытия», – считает уважаемый литературовед.

Не могу с этим согласиться. Ни в забвении, ни в полужабытии Салават не был – ни в народе, ни в литературе. Сколько башкирских легенд и преданий посвящено Салавату! О нем писали А. Пушкин, Р. Игнатьев и многие другие за много лет до С. Злобина. Поэтому нельзя считать, что С. Злобин возродил имя Салавата. Оно не забывалось. Автор романа создал свой образ Салавата. Вспомним время, эпоху, в течение которой С. Злобин работал над романом. Это были годы царствования коммунистической идеологии. И подобно тому как луч света, проходя оптические линзы, преломляется и разлагается на все цвета радуги, так и личность Салавата, показанная в романе, вобрала в себя все цвета коммунистической идеологии.

Первый цвет, конечно, – красный. «Он стремился показать социальную сущность Крестьянской войны XVIII в., классовый характер «пугачевщины», – пишет М. Рахимкулов в той же статье. И это действительно так, такой характер войны – классовый – стремился показать С. Злобин. Но в классовой войне воюют классы. Так с кем и за что воевал Салават, сын известного и богатого старшины? За башкирских и русских бедняков? По свидетельству известного историка Оренбуржья П. Рычкова, большинство башкир перед этой войной жили зажиточно, имея по 200 – 300 кобыл и сотни бортей с пчелами. А Салават, Юлай, Кинзя Арсланов и другие богатые и знатные люди... Разве они пошли бы воевать за голодранцев? Нет. У башкир это не принято. Бедняки тогда не были в почете. Бедняцкое происхождение, способствовав-

шее карьере коммуниста в советское время, в дореволюционной России было клеймом позора, особенно у восточных народов.

Интересы как башкирских, так и русских бедняков башкирскую знать не беспокоили. Как правило, отряды башкир возглавляли тарханы, старшины, сотники и муллы. За что они воевали? За счастье и светлое будущее башкирских и русских бедняков? Нет! Богатые и знатные старшины, рядовые вотчинники боролись против произвола чиновников, притеснений и поборов, защищая свою родовую, вотчинную землю от наглого захвата. Борьба башкир носила национально-освободительный характер и слилась с Пугачевщиной.

Пугачев обещал башкирам сохранить их земли, вольности и многие свободы. Я прочитал многие его указы и обращения. Он требовал одного – чтобы признали его царем Петром III.

Второй цвет – оранжевый. Как же в «оранжевом» цвете пресвратить Салавата, сына богатого и знаменитого старшины, в защитника бедняков? Для этого необходимо было в корне, с самого детства, переделать биографию Салавата. После первого ребячьего набега на завод автор романа определяет Салавата на два (в другом месте – три) года в банду, где атаманом был беглый русский каторжник Хлопуша.

Якобы два или три года Салават был разбойником на большой дороге. Чему его учил Хлопуша? «Он слепо шел за Хлопушей, останавливался на ночлег, где указывал тот, научился дышать, зарывшись глубоко в стог сена, согреваться на холоде только своим теплом, питаться корнями и не зевать, когда удавался случай стащить по дороге через деревню домашнюю утку или краюшку хлеба», – пишет Злобин [103. С. 118]. Оказывается, с детства наш национальный герой был мелким воришкой, беспризорником.

Нет, не был Салават таким. Не воровал, не бродяжничал и не грабил. Нет никаких документов, рассказывающих об этом. Ни в показаниях свидетелей, участников восстания, ни в протоколах допросов Юлая и Салавата нет и намека на годы бродяжничества и бандитизма. Более того, на допросе в Тайной экспедиции 25 февраля 1775 г. Салават показал, что до появления Пугачева «жил в селении при отце своем спокойно».

В годы, определенные Злобиным для пребывания в банде, Салават завел большую семью и растил детей, а во время отсутствия отца, призванного в боевой поход, исполнял должность старшины. Так, в январе 1772 г. по указу Военной коллегии из Уфы выступило башкирское войско – 3 000 всадников. Это войско в составе российской армии участвовало в боях против польских

конфедератов. Отрядом в 300 человек командовал Юлай Азналин. За воинские успехи Юлай был награжден боевым знаком. Салават остался старшиной вместо отца. Вот об этом свидетельствуют исторические документы.

Конечно, в детстве нам очень хотелось походить на Салавата. В наших играх он присутствовал незримо. Мы бились деревянными саблями с «войсками императрицы», защищая нашу землю.

А вот одно из следующих поколений мальчишек нашей деревни, следуя роману С. Злобина, организовало «банду Хлопуши». Подростки ночью утащили утку у одинокой старушки, зарезали тут же, а лапки положили бабке на крыльцо. Как только утром Вуфия-эбий, открыв дверь, увидела эти лапки, ноги ее подкосились и она упала замертво. Эта старушка была нашей родственницей, матерью моего друга детства, у них в доме я часто бывал. После этого трагического случая я долго не мог читать никакой литературы о Салавате.

Третий цвет – желтый. У Салавата было три жены, два сына и «прочие» дети. «Прочими» он, видимо, называл детей, доставшихся ему от умершего брата вместе с их матерью. Возможно, двух сыновей он выделил потому, что они попали в плен к карателям и за судьбы их он беспокоился. После подавления восстания семью Салавата распылили по миру. С. Злобину были известны протоколы допросов Салавата и Юлая. Он знал и о женах, и о детях Салавата. Но нужна ли была ему эта правда? Нет! По этой правде получался добропорядочный молодой башкир знатного рода, семьянин. Автору же нужен был бродяга с большой дороги, а правда о семье испортила бы всю канву романа. Поэтому Злобин в романе лишил Салавата его большой семьи и женил на Амине, изображенной в желтых цветах измены и бесплодия, да в любовницы определил русскую девушку, родившую ему ребенка. Символично, не правда ли?

Четвертый цвет – зеленый. Это цвет ислама. Разве не предавала анафеме этот цвет коммунистическая идеология? «Зелень», вера полностью отсутствуют в образе Салавата, созданном Злобиным. Прочитайте стихи и песни Салавата. О них отдельная глава в этой книге. Салават поет в них о преклонении Аллаху, здесь же его слова, обращенные к Богу. Салават был глубоко верующим человеком, истинным мусульманином.

Карасакал, другой башкирский национальный герой, якобы поднявший над своим восстанием зеленое знамя ислама, показан в романе коварным, беспринципным ханом-обманщиком. Таким же мы видим Бухайра, отрицательного героя, также стремящегося

придать восстанию характер национально-освободительной войны. Противостоянием в романе исламиста Бухайра и Салавата, готового казнить единоверца за нападение на русскую церковь, автор перегоняет Салавата из национально-освободительной войны в борьбу классовую.

Пятый цвет – голубой. С. Злобин достоверно знал, что у Салавата были прямые потомки по крови, с одним из них по имени Салах он даже встречался в 1928 г. в деревне Шаганай. Но, по роману Злобина, у Салавата родился единственный сын, да и то вне брака и от русской девушки, и он пропал неизвестно куда. Дескать, нет, башкиры, среди вас крови Салавата, его потомки замешаны на русской крови. Идея русификации Салавата проходит стержнем в книге, причем сплошь через надуманные, не имеющие исторической основы события. Начинается этот стержень с упомянутого выше бродяжничества с Хлопушей. Далее следует любовная интрига с Оксаной, а апогей – выдуманное Злобиным убийство Салаватом Абдрахмана, юноши, ранее спасшего ему жизнь. Якобы Абдрахман убил русскую женщину. За что убил, непонятно, автор не потрудился этого объяснить – убил и все! Злобин придумал такой жестокий сюжет с единственной целью – показать беспощадность Салавата к единоверцам во имя напускного интернационализма. Хотя характерно было другое – русские каратели убивали жен и детей повстанцев, сжигали их заживо, уничтожая целые деревни. Есть много исторических документов, подтверждающих это.

В русификации Салавата Злобин дошел до того, что перевернул с ног на голову весь смысл борьбы Салавата. Он пишет: «Когда был получен указ Пугачева о выводе русских за пределы Башкирии, Салават помрачнел. Он почувствовал себя изменником слову, данному русским...» [103. С. 368]. Кому и какие клятвы давал Салават? Чем он был обязан русским? Никакие слова или клятвы Салавата не известны по историческим документам, не упоминают о них и исторические эпосы, предания.

Салават с первых дней восстания и до ареста боролся за свою родовую землю, против захвата ее под строительство заводов и крепостей. Вместе с отцом они сожгли Симский завод, осаждали Катавские заводы, заводскую деревню Орловку. Не об этом ли большая часть романа? Да и Пугачев, издавая этот указ, безусловно, знал, за что воюют башкиры. Целью указа было разжечь восстание башкир после ухода Пугачева на Казань. Салавату не было повода мрачнеть.

Шестой цвет – синий. Это лжеинтернационализм, ибо я считаю, что действительного интернационализма не было в эпоху написания романа. Были «старший брат» – русский народ и «младшие братья» – малые народы, которые всем своим существованием, наукой, культурой, образованием, письменностью и всем светлым в их жизни были якобы обязаны «старшему брату». Автор вкладывает в уста Салавата и такие слова: «Урус-бедняк – наш друг. Если грабить его дом, он будет против нас, а теперь он с нами, поэтому мы сильнее. Каждый, кто грабит бедняка-уруса, нашего кунака, тот сеет рознь. Он – предатель и достоин казни. Кто нападает на русскую церковь, тот сеет рознь и тоже достоин казни» [103. С. 347].

Примитивизм и надуманность этой интернациональной, с налетом большевизма, речи очевидны. Злобин представляет здесь Салавата таким недоумком. До смешного в романе дошло: кто же грабит бедняка? Что у него взять? Грабят богатых.

Седьмой цвет – фиолетовый. Это цвет жестокости, безжалостности, смерти. Разве мог Салават убить единоверца, человека, спасшего ему жизнь? Коран ставит это в ряд самых тяжелых грехов. Но в романе Салават убивает Абдрахмана.

Коммунистическая идеология оправдывала жестокость и убийства близких людей во имя ее целей. Настоящий большевик должен был быть жестоким и хладнокровным. Таким и предстает Салават в романе. Вот строки из романа, леденящие кровь: «Он (Салават. – *Р. В.*) сам не боялся смерти и поэтому всегда убивал спокойно. Он никогда не задумывался над убитым. Солдат, офицер, дворянский холоп, защищавший жизнь и жилище своего господина, – много их погибло от выстрелов и ударов юного батыра, и Салават, убивая, не вспоминал их лиц» [103. С. 359].

Зачем приписывать Салавату такую кровожадность? Зачем делать из поэта и певца профессионального убийцу? Убийство чуждо человеческой природе. На войне приходится убивать, но едва ли Салават убивал спокойно, не задумывался над убитым. Живая кровь текла в его жилах, не каменным было его сердце.

С. Злобин стремился показать классовый характер Пугачевщины. Классовая борьба требовала классовой жестокости и беспощадности. Поэтому Салават у Злобина получился убийцей и палачом. А ведь роман читают дети, подростки. Для них Салават – национальный герой. Они впитывают в себя через роман его мысли и поступки. Сегодня принято жаловаться, что зарубежные фильмы несут нам с экрана пропаганду насилия и убийств. А что пропагандируют романы советской поры? Они лгут со своих страниц о наших национальных героях.

Надо отметить, что авторский вымысел в романе «Салават Юлаев» достаточно избирателен. Если Салават показан в романе хладнокровным убийцей и палачом, то другой национальный герой, великий русский полководец А. Суворов, волею истории оказавшийся в том же водовороте событий, от крови и других неблагоприятных, по меркам того времени, поступков Злобиным умело огражден: «Императрица требовала отпустить с турецкого фронта самого Суворова, чтобы послать его против Пугачева. Но Румянцев, опасаясь дурного отклика за границей, не отпустил Суворова...» [103. С. 367].

Это неправда. Румянцев 10 августа 1774 г. уведомил Суворова о получении высочайшего повеления с вызовом в Москву. Суворов 14 августа рапортовал из Киева: «с крайнею возможностью стараться буду поспешать на употребление себя к должности действовать против возмутительного бунтовщика...».

В «Справочной книжке Уфимской губернии» за 1883 г. отмечено, что А. Суворов был в Уфе в 1774 г. в ноябре месяце, прожил пять дней, а затем выехал в Саратов. Именно А. Суворов руководил окончательным разгромом и поимкой Пугачева.

Суворов приезжал в Уфу и в 1775 г., когда шло следствие над бунтовщиками. Генерал-аншеф Панин, боясь выступления башкир весной 1775 г., направил Суворова в Башкирию с дополнительными воинскими частями.

На пороге третьего тысячелетия в России происходят коренные изменения в нравственном отношении. На смену коммунистической идеологии возвращаются общечеловеческие ценности. Меняется и отношение к произведениям, пропагандировавшим в той или иной мере ценности коммунистической идеологии. Только этим продиктовано то, что я написал эти строки о романе «Салават Юлаев». Не воспринимаю я Салавата, показанного в романе. Мне, его земляку, башкиру, тот Салават чужд.

Не воспринимаю роман и как человек, занимающийся историей, ибо в романе есть места, противоречащие историческим документам, особенно в начале, где автор повествует об участии Юлая в восстании Карасакала. Юлаю было в это время 10 – 11 лет, он не мог быть участником этого восстания.

Исторические факты искажены в романе и относительно другого нашего национального героя – Кинзи Арсланова. В романе Кинзя – друг детства Салавата. На самом же деле Кинзя Арсланов был ровесником его отца. В 1769 г. Кинзя Арсланов и Юлай Азналин выступили в Уфимской провинциальной канцелярии с обличениями в адрес башкира Валиши Шарыпова, бравшего взят-

ки с уклонявшихся от службы. Это говорит о том, что Кинзя и Юлай общались между собой, возможно, дружили. Салават же был намного моложе Кинзи.

Не у меня одного возникают такие чувства. Х. Ибрагимова, дочь известного башкирского писателя Гали Ибрагимова, автора исторического романа «Кинзя», вспоминая о годах обучения ее отца на Высших литературных курсах, пишет: «С. Злобин был руководителем семинара у моего отца. Отец обвинял его в искажениях исторических фактов. Например, Кинзя в романе Злобина показан толстым полоумным мальчишкой, ровесником Салавата, а ведь разница в возрасте у них большая, да и детство прошло в различных местах. Мне кажется, из-за этого, желая довести до народа свои познания, отец принялся писать роман “Кинзя”. Народ может узнать свою историю лишь через художественные произведения, считал отец» [104].

Не знаю, задавался ли Гали Ибрагимов вопросом: «Почему С. Злобин представил знатного старшину Кинзю Арсланова толстым полоумным мальчишкой? Почему в романе среди главных действующих лиц нет других башкир-военачальников того же уровня, что и Салават?»

Они и не могли быть в романе. Взяв одного Салавата, С. Злобин создал из него образ бесстрашного и беспощадного «коммуниста-интернационалиста», окрасив его в вышеупомянутые цвета. А если показать в романе других военачальников Пугачева из башкирской знати, то их тоже нужно «красить». Всех же перекрасить трудно, вместе они сохраняют свое лицо, портят канву классовой борьбы, заложенной в романе.

Взгляд на историю формируется в народе во многом на основе художественно-исторических произведений. Научные исторические труды мало кто читает. Идеальный вариант – это когда исторические факты под пером писателя обретают художественную форму. Возможны, конечно, и отступления. Чувство меры автора при этом во многом определяет судьбу произведения. Если автор ушел далеко от историзма в сторону художественности или той или иной идеологии, то рано или поздно возникает протест, а смена господствующей идеологии приводит к политической смерти произведения. Это касается не только романа «Салават Юлаев». Многие произведения, написанные в угоду коммунистической идеологии, уже забыты читателем.

Сегодня характерно стремление читателя к первоисточникам истории. Это касается и Салавата, и всей Пугачевщины. Так, Габдулла Зарипов, мой земляк из Салаватского района, писал:

«Мне не нужны от историков ни дружба народов, ни борьба между бедными и богатыми, мне нужны первоисточники» [105].

Не разделяю я и точку зрения М. Рахимкулова о том, что роман способствовал возрождению Салавата. Скорее, с появлением романа истинный Салават от нас ушел, был вычеркнут из памяти народа. Вместо него нам в сознание внедрили интернационально-коммунистический образ, а ему, истинному Салавату, нашему национальному герою, еще предстоит вернуться, как предстоит вернуться Бепене, Тулькусуре, Акаю Кусюмову, Кильмяку, Юсупу и многим другим, кто сложил свою голову в 200-летней национально-освободительной борьбе башкир.

Надеюсь, читатель поймет, что я никаким образом не хочу запятнать светлый образ Степана Злобина или уколоть исследователя его творчества М. Рахимкулова. Они писали согласно собственным убеждениям. Но я не разделяю их убеждений, взглядов и не хочу, чтобы через столетия после того как Салавата лишили свободы и родины, его называли «разбойником с большой дороги».

Надо отдать должное С. Злобину – самая первая мысль о Салавате, зародившаяся в годы молодости писателя, была совсем иной. В. Сидоров нашел в архиве С. Злобина наброски поэмы о Салавате. Они малоизвестны, поэтому приведу их здесь [106]:

Урал – страна суровых гор,
Взмывающих под ковылями,
Я в черноземный твой простор
Вхожу пустынными полями.

Когда-то были времена:
Башкир не знал, что раб и пахарь,
И повеления внимал
Кипучей крови да Аллаха.

Башкир еще свободно жил
В стране лиловых туч и радуг,
В степях безмерных сторожил
Он многочисленное стадо.

Шайтан-Кудеев род богат,
Старик Юлай – отец Кудеев,
Но сын Юлая – Салават –
Сильнее льва, мудрее змея.

Но гнул гяур за краем край,
За родом – род рукой железной,
И уводил в священный рай
За веру павших в путь надзвездный.

Юлай богат, его стада
Не знают пастбищам границы,
Шайтан-Кудеева орда
Свободна, как свободны птицы.

Того, кто раб, пусть гнет урус
Рожденного отцом покорным.
Все знают – лишь гяур и трус
Живут, бросая в землю зерна.

Все знают: конь не для того,
Чтобы слугою быть у плуга,
Верна, как стрелы, кровь его,
Вернее крови брата, друга.

Пришел урус, принес ружье
И дньги – меч собак неверных.
Звон золота – стрел острие,
Мчись от него быстрее серны.

Того, что силой взять не мог
Урус – лукавая собака,
Он взял за деньги, под залог,
Купил, вступить не смея в драку.

Башкир веками стриг овец.
Гяур, придя, остриг башкира.
Где слабо золото – свинец,
Где слаб свинец – там ветка мира.
Башкир доверчив, прост и прям.
Гяур лукав, хитер и злобен...

Эта была первая, верная, светлая мысль молодого писателя. Но С. Злобин, похоже, быстро понял, что такие представления о Башкирии, башкирах и их взаимоотношениях с русскими (урусами) не будут приняты партийными органами. Он не только сменил поэтическую форму на прозу, но и коренным образом поменял общую линию, перейдя из межнациональных противоречий в классовую борьбу, заодно и русифицировал Салавата.

Упреки в «русификации» Салавата я отношу не к одному только С. Злобину. Он русский и его национальная культура, отно-

шение к истории России, к инородцам были характерными для русского человека. Увы, ни одному башкирскому писателю не удалось создать более или менее значимого произведения о Салавате.

Природа не терпит пустоты. Если башкирские писатели уступили Салавата, их место занимают другие, а им остается лишь воспевать «воспевших Салавата». Незавидная роль.

Салават привлекал и привлекает многих исследователей небашкирской национальности – историков, краеведов, литераторов и скульпторов. Это А. Пушкин, Р. Игнатьев, М. Лоссиевский, Ф. Нефедов, С. Злобин, Николаенко, Г. Гребнев, С. Тавасиев, И. Гвоздикава, В. Сидоров и многие другие. Великий русский поэт А. С. Пушкин в своей «Истории Пугачева», казалось бы, совсем немного внимания уделил участию в Пугачевщине Юлая и Салавата. Причем он ошибочно отметил, что «старый их мятежник Юлай, скрывшийся во время казни 1741 г., явился между ими (башкирами. – Р. В.) с сыном Салаватом». Юлаю в 1741 г. было 11 – 12 лет, и казнь ему не грозила. Но эта ошибка А. С. Пушкина стала для меня как бы путеводной звездой в составлении родословной Салавата. Великого поэта не допустили к изучению архивных материалов по восстанию под предводительством Пугачева. Он был в Оренбургской губернии и записал различные предания, в том числе, видимо, и о том, что род Салавата бунтовал еще с Карасакалом и кому-то из его предков удалось скрыться от казни 1741 г. По возрасту этим предком мог быть дед Салавата – Азналы. Поэтому я искал в материалах по восстанию Карасакала сведения о башкире Азналы, скрывшимся от казней в 1741 г. Об этом есть отдельная глава в этой книге.

Сочинение уфимского краеведа Р. Игнатьева «Пугачевский бригадир, певец и импровизатор», написанное в 1886 г., занимает особое место в литературе о Салавате. Игнатьев довольно правдиво, на основе доступных ему документов, описал участие Салавата и Юлая в Пугачевщине. Но особую ценность в его труде составляют песни Салавата, записанные им на русском языке в переводе Г. Давлетшина (1868 г.). Сегодня это, пожалуй, единственный письменный источник по творчеству Салавата.

Труд Р. Игнатьева и записанные им песни Салавата издавались в советское время несколько раз, преимущественно в различных юбилейных сборниках, но с большими сокращениями. Последний раз песни Салавата опубликовал В. Сидоров в своей книге «Слово о Салавате», вышедшей к 250-летию со дня рождения Салавата Юлаева. Автор заверяет, что «текст дается с незначительными

сокращениями», но на самом деле из песен Салавата он изъясил самые существенные строки, касающиеся смысла его борьбы. Эти строки, по-видимому, мешали Сидорову создать свой интернационально-приглаженный образ нашего национального героя, имеющий много общих черт со злобинским Салаватом.

В поисках произведений о Салавате, написанных русскими авторами, наши составители юбилейных сборников доходили до опубликования неграмотных, надуманных сочинений. Примером подобных сочинений является статья М. Лоссиевского «Пугачевский бригадир Салават и Фариза» в сборнике «Наш Салават», составленном М. Рахимкуловым и С. Сафуановым [107]. Они называют этого автора краеведом, но его сочинение едва ли можно назвать краеведческим. Это, скорее, писание старого графомана, ничего общего с краеведением не имеющее. Похоже, что этот М. Лоссиевский не имел даже элементарных представлений о географии края и истории Салавата Юлаева. Посудите сами, приведу лишь несколько цитат:

«В правой стороне большой дороги из города Уфы в Златоуст и в 60 верстах от Саткинского завода раскинулась неприглядная мищеринская деревушка Лак, или Лаклар».

У дороги, в отличие от реки, не бывает ни правой, ни левой стороны. Если ехать из Уфы в Златоуст, то деревня Лаклы остается не справа, как пишет этот автор, а слева от этой дороги, примерно в 30 верстах. И далее:

«По народным преданиям, Салават близ Саткинского завода с тысячью человек башкир и татар (мещеряков) соединился с Пугачевым, был с ним в Казани и везде, где только побывал Пугачев, возведший Салавата в чин бригадира. В одно и то же время, как и Пугачев, Салават был схвачен, предан суду и казнен».

Не знаю, где собирал такие «народные предания» М. Лоссиевский, но они – сплошная низкопробная выдумка, не имеющая исторической основы.

Салават соединился с Пугачевым не близ Саткинского завода, а около деревни Лагыр на реке Ай. Салават не ходил с Пугачевым на Казань и не был с ним «везде, где только побывал Пугачев». Он отстал от самозванца на берегу Камы и воевал еще три месяца после его ареста. Наконец, Салават не был предан суду и его не казнили.

Башкиры, в представлении М. Лоссиевского, руководствуются в своем поведении не сознанием, а «дикими инстинктами необузданных кочевников», Салават же, по его словам, «буйный урод». Верхом словоблудства у названного автора является вымысел

предания о любви Салавата к Фаризе – дочери Кулыя Балтачева. Похоже, М. Лоссиевский и представления не имел о Кулые Балтачеве. По тексту М. Лоссиевского следует, что Кулый жил в одном селении с Юлаем и Салаватом, а его дочь была Салавату «соплеменницей» и он видел ее чуть ли не каждый день, когда она по воду ходила.

Фариза якобы не ответила взаимностью на любовь Салавата, и он, желая отомстить, сжег юрту ее отца, увез Фаризу в Лаклинскую пещеру, неделю мучил там и убил.

Это чистейшей воды выдумка, сотворенная с целью опорочить нашего национального героя. Кулый Балтачев жил на реке Танып, на расстоянии не менее ста верст от деревни Юлая. Салават не мог видеть его дочь, когда она ходила по воду. В наших краях не было такого предания, ничего подобного никем не записано. Имя «Фариза» не встречается в преданиях о Салавате. Нет и упоминания в них об убийстве возлюбленной – это осквернение памяти о Салавате.

Кулый Балтачев в Москве в Тайной экспедиции Сената дал на допросе немало показаний против Салавата, но он ни слова не сказал об убийстве Салаватом его дочери. Если бы это имело место, разве Кулый бы промолчал?

Плоды больного воображения Лоссиевского, как говорят в народе, и яйца выеденного не стоят. Но нашими историками и писателями они до сих пор не забываются, раз за разом с энтузиазмом, достойным иного применения, муссируются, переходят из книги в книгу и ставятся в один ряд с публикациями Р. Игнатьева. Тот же В. Сидоров в своей книге «Был героем Салават», в разделе «Легендарный герой», пишет: «Немало преданий сохранилось и о Лаклинской пещере. Прежде всего, они связаны с именами Салавата Юлаева и Фаризы Балтачевой (о чем нами указывается)» [106. С. 98]. Никто, кроме Сидорова и Лоссиевского, не связывает в преданиях Лаклинскую пещеру с Фаризой Балтачевой. Ее на родине Салавата просто не знают.

Конечно, В. Сидоров, много лет занимающийся историей Салавата Юлаева, прекрасно знает, что сочинение М. Лоссиевского далеко от истории. Известны ему и показания Кулыя Балтачева на очной ставке с Салаватом Юлаевым в Тайной экспедиции Сената, где Кулый предъявил Салавату новые обвинения, но среди них не было упоминания об убийстве его дочери. Ведомо В. Сидорову и то, что Кулый Балтачев возглавлял карательный отряд, который отлавливал повстанцев и сдавал властям. Именно поэтому Салават разорил и сжег дом Кулыя, а вовсе не из-за несчастной любви к его

дочери. Все это знает В. Сидоров, но продолжает нахваливать и цитировать безграмотное сочинение М. Лоссиевского [106], по сути своей оскверняющее память о Салавате Юлаеве. При этом В. Сидоров называет Салавата своим любимым с детства героем [106. С. 3].

В упомянутой книге В. Сидорова содержатся и другие сведения, не соответствующие действительности. Так, он описывает (с. 80) свою встречу в 1990 г. с моим дядей Абузаром Султановым, сыном известного краеведа Гарифьяна Султанова: «Он дополнил биографические сведения об отце. Полное имя его было Ахмет-Султан-Абдул Газизов».

Тут остается лишь развести руками. Гарифьян Султанов – старший брат моей прабабушки Хабиры. Ни прабабушка, ни ее дочь – моя бабушка Фатыма, никогда не называли его иначе как Гарифьян или Гариф. Его отца звали Султангалей и их фамилия была Султановы. У башкир вообще не было таких длинных тройных имен, а фамилия бралась от имени отца.

Вот так, переводами с башкирского языка на русский и обратно, а порой и с участием «глухого телефона», развивалось наше салаватоведение. Такой интерес небашкирских исследователей к судьбе Салавата легко объясним.

Поэт Демьян Бедный выразился предельно откровенно:

Кстати, слово о нем,
О Салавате.
Поэты советские, нате:
Предлагаю ударную тему
О башкире-певце
И бесстрашном бойце.
Написать можно чудо какую поэму,
Какого захвата,
Какой значимости политической:
От Салавата
До Урало-Кузнецкого комбината
И Башкирии Социалистической!

Дикая Башкирия. 1932 г.

Если дореволюционные писатели и историки занимались Салаватом из творческих интересов, то для деятелей советской поры значимость политическая давала многое: публикации, гонорары, диссертации, ученые степени, звания, премии, даже ордена – лишь бы все было в русле классовой борьбы и в рамках дружбы народов.

Слово Михаилу Дудину:

По степям проходит не спеша
Друг степей, живая их душа,
Весел, коренаст и рябоват,
Бронзовый от солнца Салават.

Степь.

Вот уже и рябоват наш Салават! Многие представители молодого поколения никогда не видели рябых людей и не знают слова «рябоват». Есть смысл пояснить. Даже в начале XX в. в России еще не делали прививок от оспы, частенько случались заболевания этой болезнью. Лица людей, перенесших оспу, покрывались сетью мелких ямочек, остающихся на всю жизнь. Таких людей называли рябыми. Сильная рябизна была определенной степенью уродства. Рябое лицо часто имело несколько отталкивающий вид. Почему М. Дудину понадобилось уродовать Салавата?

Рябым был Иосиф Сталин – диктатор, правивший Советским Союзом в то время (М. Дудин написал «Степь» в 1949 г.). Видимо, по мнению М. Дудина, всякий национальный герой тогда должен был иметь некоторое сходство с И. Сталиным.

Похоже, Дудин не знал ни башкир, ни Башкирии. Если бы знал, то не написал бы о Салавате: «По степям проходит не спеша Друг степей, живая их душа». Со времен Л. Толстого, с его рассказов о башкирах, писем из Башкирии в русской, а затем и в советской литературе распространилось представление о башкирах как о степном народе. В действительности же Башкирия занимала обширную территорию в горах и лесах Южного Урала, Приуральскую лесостепь и степи Зауралья. Салават Юлаев родился, вырос и воевал в горно-лесной зоне. В степи он был лишь дважды в жизни: когда привел своих джигитов к Оренбургу, в лагерь Пугачева, и второй раз, когда его, арестованного, под конвоем возили в Оренбург на следствие. Вот и все «степное» в Салавате. «Друг степей, живая их душа» – нелепица о нем.

Теперь о памятнике на берегу Агидели. И здесь башкиры уступили своего национального героя осетину С. Тавасиеву и получили от него «кавказированного» Салавата. Слов нет, красив памятник. Говорят, это одна из самых больших скульптур всадника на коне. Но поражает даже не величина, а скорее место расположения. Где

вы увидите всадника, лихо осадившего коня на краю стометрового обрыва, нависшего над рекой?

Но подойдите поближе, взгляните на его лицо. Не воспринимая я это лицо с толстыми губами и таким приплюснутым носом. Это не башкир, это лицо иной национальности представлено нам в образе нашего Салавата. Может быть, калмык позировал Тавасиеву. Если бы я не вырос вместе с потомками Салавата, если бы я не видел портрета Салавата, написанного нашими земляками Тарханом Загидуллинным и его сыном, то, может быть, и не родился бы этот протест.

Маленькая, казалось бы, деталь – серьга в ухе, но и она имеет знаковый смысл. Так северокавказские народы помечали последнего или единственного ребенка в семье. Во время битвы таких «меченных» старались не посылать в бой, большей частью держали в тылу – берегли как последнюю надежду семьи. Это обычай кавказских народов, а у башкир этого не было никогда. Мужчины-башкиры серьги не носили, да и не в характере Салавата было носить такой талисман. Разве Салават не был первым в бою? Разве осторожничал, прятался за спины соратников? Не было этого! И серьги он не надевал.

Можно сказать, что это мелкие детали и скульптор имеет право на вымысел. Но именно детали создают образ, ведь памятники в виде всадника на коне есть у многих народов. Если детали искажают характер, как серьга например, если они не соответствуют внешности горно-лесного башкира, как толстые губы и сильно приплюснутый нос, а ноги, неправильно поставленные в стремена, показывают неумение ездить верхом, что же остается в этом образе от истинного Салавата – башкира с берегов Юрюзани, храброго воина, всадника, выросшего в седле?

Остался калмык в театрально застывшей позе верхом на великолепном коне. Я не виню Тавасиева. Он не башкир, у него были свои представления о нашем народе, и он воплотил их в своей скульптуре. Скорее всего, он так же, как и Михаил Дудин, считал башкир степняками, схожими внешностью с калмыками.

Мы наподобие язычников, молившихся глядя на божков, вытесанных топором из полена, преклоняемся перед изображением нашего национального героя, не задумываясь о качестве и художественной ценности этой скульптуры. Да, я понимаю, что памятник не переделать, но это, я надеюсь, не последняя скульптура. Верю в то, что когда-нибудь хороший памятник поставят Салавату на его родине – в Салаватском районе.

Кто возьмет на себя смелость сделать эту скульптуру? Башкирский скульптор или вновь представитель братских народов? Кто напишет новый роман о Салавате – правдивый роман, рассказывающий истину о его борьбе? Башкирский писатель или вновь писатель иной национальности сотворит очередную интернациональную нелепицу?

В советское время такой «интернационализм» приветствовался. Помню, на страницах одного толстого литературного журнала обсуждался вопрос о том, кто же напишет хороший роман о жителях Чукотки. Причем литературные авторитеты сходились на мысли, что чукча этого, конечно, не сможет сделать. Знание своей национальной культуры, традиций и обычаев лишь помещает ему показать лицо своего народа, получится некий националистический роман, который, говоря откровенно, не позволит прикрыть уничтожение национальной культуры «фиговым листком» интернационализма и дружбы народов.

Сейчас времена другие. Выражение национальных чувств не считается чем-то неприличным. Мне приходилось близко общаться с русскими писателями, живущими в Уфе. Они, в общем, также склонны считать, что о русских должен писать русский писатель, для которого внутренне близки и русский язык, и русская культура, и православие, и русский образ жизни. Они не склонны отождествлять русскоязычность и русскую литературу.

То же самое можно сказать и о башкирской литературе, истории башкир. Историческую память о башкирских национальных героях должны в первую очередь создавать башкирские писатели, историки, поэты – те, кому близки башкирский язык, культура башкир, их верования, обычаи и традиции.

Прошло более 230 лет со времени подавления восстания. Это всего три жизни по 80 лет в цепочке поколений. На берегах Ая и Юрюзани еще совсем недавно пели песни Салавата, складывали кубайры о нем. Здесь нельзя не отметить еще раз Гарифа Султанова.

Перед Великой Отечественной войной 1941 – 1945 гг. он был уже стар и тяжело болен. Его младшая сестра, моя прабабушка Хабира вместе со своей дочерью Тахирой и ее малолетним сыном Габдулхаком Гайнуллиным (Кульмухаметовым) отправились его проводить в Кызырбак-аул. Когда они добрались до дома Гарифьяна Султанова, то не смогли сразу попасть к нему. У него был гость из Уфы. Один из создателей оперы «Салават Юлаев», автор либретто Баязит Бикбай приехал к Гарифу Султанову, слушал его

рассказы и песни о Салавате Юлаеве, а также песни самого Салавата. Несколько часов тяжелобольной Гариф-бабай, сидя на кровати, играл на скрипке и пел.

Так до конца дней своих этот замечательный патриот старался передать людям все свои познания о великом земляке, о его борьбе и творчестве. Когда родственники зашли, наконец, к нему, обнаружили его сильно уставшим, обессиленным. Импровизированный концерт для уважаемого гостя тяжело ему дался. Гариф-бабай откинулся на подушках, счастливо улыбнулся и погладил племянника по голове. Все это мне рассказал Габдулхак-агай Гайнуллин.

Так рождалась опера «Салават Юлаев». На сегодняшний день она остается единственным крупным произведением, написанным башкирами о своем национальном герое на основе преданий, легенд и песен, сохранившихся в башкирском народе.

Эта опера мне дорога еще и по другим причинам. Она родилась как дипломная работа студента Московской консерватории им. П. И. Чайковского Загира Исмагилова, впоследствии знаменитого композитора, с которым многолетняя дружба связывала моего отца Шакира Вахитова. Неожиданным образом и я сам оказался к ней причастен.

В 60-х гг. прошлого уже теперь XX в. я занимался конным спортом и довольно успешно выступал в соревнованиях по преодолению препятствий на жеребце по кличке Дирижабль. Несколько раз нас показывали по телевидению. Не помню уже, кому из постановщиков оперы «Салават Юлаев» пришла в голову мысль использовать живого коня в одной из ключевых сцен. Руководство Башкирского оперного театра обратилось в Уфимский ипподром с просьбой выделить для этой цели коня.

Выбор пал на Дирижабля. Вначале мне это совсем не понравилось, но пришлось подчиниться приказу директора ипподрома, подседлать Дирижабля и ехать верхом в театр. Ипподром тогда располагался на улице Кустарной, там, где сейчас стоит Дом печати. В тот субботний вечер улицы были полны народу. Я с гордостью прогарцевал по центральной улице Ленина и оказался около театра. Меня встретили, вышел актер в национальной одежде, уверенно сел в седло и въехал на сцену. При пустом еще зале он пропел часть арии, кто-то хлопал в ладоши довольно громко, но Дирижабль вел себя спокойно. Вот и вся репетиция. Актера звали Магафур Хисматуллин.

И вот началась опера. Я стоял с конем за кулисами. Подходили разные люди, угощали коня конфетами и другими лакомствами,

называли солистом. Все было очень красиво: декорации, артисты в национальных одеждах, нарядная публика. Опера шла своим чередом, играла музыка, гремели овации, чувствовалось, что спектакль имеет успех. Дирижабль спокойно созерцал все это, не проявляя особых эмоций.

И вот настал его выход. Подошел М. Хисматуллин, сел в седло и выехал на сцену. Зал замер от неожиданности. На сцене был всадник верхом на красивейшем темно-рыжем белоногом коне, и он запел знаменитую арию Салавата:

«Амина, Амина!... Кара елан...»

Люди в зрительном зале, разные световые манипуляции, конечно же, встревожили коня. Он не стоял спокойно, пританцовывал, встряхивал головой, жевал удила, роняя на грудь пену, и это создавало неповторимый шарм. Актер же уверенно держал в руках поводья и пел... Эффект получился потрясающий. Когда ария закончилась, зал вновь замер, боясь напугать коня. Потом раздались несколько хлопков, Дирижабль перенес их без особых эмоций, и зал разразился овацией.

М. Хисматуллин принимал ее сидя верхом на пританцовывающем под ним коне! Это был триумф великого певца, самые счастливые мгновения в его жизни!

Магафур Хисматуллин (на лошади) в роли Салавата Юлаева

Дирижабль еще несколько раз «ходил на гастроли», потом необходимость в этом, видимо, отпала. Другие актеры не рисковали петь арию Салавата верхом на коне. Во всяком случае мне это неизвестно.

Завершая рассказ о судьбе памяти нашего национального героя, надо сказать, что в памяти земляков Салават остался таким, каким и был, несмотря на старания коммунистических историков, литераторов, кинематографистов, приложивших немало усилий, для того чтобы исказить его светлый образ и поставить на службу своей идеологии. Связи Салавата с земляками, с родиной не оборвались ни с его ссылкой на каторгу, ни с его смертью.

На родине остались его сыновья, дали многочисленное потомство, дошедшее до наших дней. Узы родства соединяли Азналыбая, Юлая и Салавата со многими их соратниками, потомки которых также берегут память о своих предках. Императрица Екатерина II 17 марта 1775 г. объявила манифест, предавший пугачевский бунт «на вечное время забвению и глубокому молчанию», однако вырвать память о Салавате ей не удалось.

Глава 21

О ЧЕМ ПОЕШЬ ТЫ, САЛАВАТ?

Легенды и предания рассказывают нам о том, что Салават с юношеских лет слагал стихи и пел песни. В памяти народа он остался не только как предводитель восстания башкир, но и как поэт и певец-импровизатор. Такой вид устного творчества, как импровизированное сочинение и исполнение песен, широко распространен в среде башкирского народа. Башкир слагает и поет свои песни чаще всего наедине с самим собой, обычно в дороге или когда пасет свои табуны.

Как-то в детстве я увязался вместе со взрослыми на сенокос к подножию Каратау. Зарядили дожди, и меня отправили домой на подводе со стариком Ахуном. Путь был неблизкий, и Ахун-бабай всю дорогу пел грустную, мелодичную песню.

– О чем поешь, Ахун-бабай? – спросил я его.

– Что вижу, о том и пою, – ответил он.

– Еду мимо леса – пою про лес, мимо горы – про гору, мимо реки – про реку. Дерево мне кажется красавицей, полевые цветы – ее глазами, зеленая трава – ее платьем, – добавил старик.

– А почему твои песни грустные?

– Потому что пою о красавице, которую увезли замуж далеко от родного дома, от отца и матери, сестер и братьев, а муж ее уехал биться с неверными за свою землю, за свою родину, она осталась одна с детьми. В жизни много грустного, печального, сынок, – ответил мне старик.

– Ахун-бабай, вот ты хоть и грустные песни затягиваешь, а лошадь твоя бежит быстрее, когда ты поешь, – допытывал я старика. Он посмеялся.

– Лошадь понимает по-своему, думает, что я пою о моей красавице Тахире, значит, мы скоро будем дома. Она домой хочет, вот и бежит резвее.

Так же, я думаю, складывал и пел песни свои Салават. Наиболее удачные из песен, западающие в душу, переходили от исполнителя к слушателям, запоминались и расходились по близлежащей округе. Автор-исполнитель становился известной личностью. Его приглашали на свадьбы и другие торжества, что еще больше способствовало росту известности певца и популярности его песен. Они, как правило, переживали автора и распространялись далеко за пределами известности его имени. Такие песни становились народными, хотя, конечно, автором их был не народ, а вполне конкретная личность.

Так и песни Салавата. Они пережили его, и даже в середине XIX в., спустя полвека после смерти поэта, были известны. Краевед Р. Игнатьев записал несколько песен, автором которых считался Салават. Они дошли до нас в переводе на русский язык. Перевод сделан Г. Давлетшиным в 1868 г. Это, пожалуй, все, что нам известно из творчества Салавата. Однако мне приходилось слышать несколько куплетов похожего содержания в наших родных краях. В них упоминается родная Салавату речка Кускянды, соловей, так волновавший его сердце. Я расспрашивал исполнителей, кто автор этих куплетов. Но никто определенно не смог назвать автора. Возможно, это был Салават, считают они.

В преданиях есть упоминание о «книге Салавата». Не исключено, что он записывал свои сочинения, ведь был грамотен, писал на тюрки – на башкирском языке арабскими буквами. Предание гласит: «Недалеко от Шаганай-аула есть русская деревня Муратовка. Говорят, в этой Муратовке у Митрофана, сына Тимошки, хранится книга Салавата. Книга Салавата, сказывают, должна быть еще и у директора Ашинской школы» [108]. Однако эти книги, к сожалению, не найдены и, видимо, утеряны навсегда.

Так или иначе, к началу XIX в. песни Салавата на башкирском языке исчезли. Некоторые из них стали, скорее всего, народными, его авторство забылось, но народ помнил Салавата – талантливого поэта и певца.

С песен начал Р. Игнатьев свое историческое исследование Салавата – бунтаря, полководца, народного героя. Почему же именно с песен? Да потому, что, пожалуй, ничто лучше песни не выдает характер человека, его душу, особенно если песня импро-

визирована, создана на месте события. Ведь что такое песня-импровизация? Это описание какого-либо сюжета, прошедшее через внутренний мир автора, его чувства и переживания. Поэтому песня-импровизация – это в определенной степени и отражение характера ее автора.

«Салават Юлаев принадлежит к выдающимся личностям прошлого столетия, не только как участник пугачевского бунта, но и как главный виновник восстания башкир и других инородцев-магометан Оренбургской губернии. О Салавате Юлаеве до настоящего времени помнят башкиры; о нем, о его силе, храбрости, героических подвигах ходит много рассказов, песен. Многие песни, говорят башкиры, сложены самим Салаватом Юлаевым, который был певец и импровизатор».

Р. Г. Игнатьев

Многое можно выдумать о Салавате: написать пером, слепить, отлить в чугуне или бронзе, написать кистью, снять кино – но истину о нем, бескорыстную истину, независимую от мнения власть предержащих, могут сказать только его песни. Именно поэтому и в царское время, и в советское песни Салавата были запрещены.

Г. Султанов, исполнитель песен о Салавате, родственник его жены Зулейхи, краевед, передавший в музей седло Салавата

В нашем роду ходило предание о том, как Гарифьян Султанов спел песню Салавата в 1890 г. на большом сабантуе, за что урядник Хуснуллин запер его в амбар на пять суток. В советское время сочинение Р. Игнатьева с текстом песен Салавата публиковалось лишь однажды – в далеком 1922 г., когда коммунистическая идеология еще не добралась до Салавата. Позже издавались лишь отдельные части песен – больше о любви к родине, возлюбленной. Части песен, касающиеся смысла его борьбы, веры в Бога, затрагивающие межнациональные отношения, воспевающие спокойный патриархальный образ

жизни башкир, были вырезаны и забыты. Создавался образ Салавата, с которым эти части песен не вязались, и их предали забвению.

Позже, в конце 40-х гг., В. Филов придал переводу песен Салавата на русский язык, сделанному Г. Давлетшиным, некоторую стихотворную форму, убрав при этом острые углы. Естественно, ученый совет Института истории, языка и литературы единогласно одобрил и утвердил творение В. Филова «как первый русский художественный перевод» произведений Салавата Юлаева. «Художественность» в этом труде заключалась лишь в искажении текста песен Салавата Юлаева в угоду коммунистической идеологии. В. Филов, по сути, лишь выхолостил песни Салавата под весьма примитивную рифму. Его «перевод» можно прочитать в книге В. Сидорова «Был героем Салават» [106].

Эти творения В. Филова сначала печатались в периодических изданиях, а в 1952 г. Башкнигоиздат выпустил отдельную книгу «Салават Юлаев. Стихи и песни». Я был тогда в четырехлетнем возрасте, таких книг, естественно, не читал, могу лишь ознакомить читателя с мнением моего земляка, народного поэта Рами Гарипова, который в молодые годы подписывал свои стихи не иначе как Рами Салаватский, подчеркивая этим гордость за своего земляка, народного героя, поэта-песенника. Рами-агай, обучаясь в Москве в Литературном институте, намеревался ознакомить своих однокурсников с творчеством нашего национального героя. Но когда он раскрыл эту книгу, был потрясен и разочарован – настолько этот перевод оказался бездарным. Вместо глубокого и нежного лиризма Салавата там были лающие четверостишия Филова, поражающие своей глупостью:

Славен мой Урал
Высотой скал.
Гребни горных круч
Блещут из-за туч.

УРАЛ

Скачет войско генералов,
Степь дрожит в пыли,
По предгорьям Урала
Никнут ковыли!

Как могут гребни горных круч блистать из-за туч? Или надо же додуматься – «скачет войско генералов»! Где, в каком государстве

войско состояло из генералов? И чтоб они еще скакали и степь дрожала в пыли! Возмущенный Рами сел и написал критическую статью о переводе Филовым стихов и песен Салавата Юлаева. Эмоции хлестали через край: «Это стихотворение Филова, а не Салавата. Мы отказываемся от таких подделок, написанных руками спекулирующего именем национального героя башкирского народа. В его стихотворениях нет ничего, кроме неконкретных нехудожественных строк с восклицательными знаками. Не было у Салавата таких стихов и песен, которые не являлись бы сильным оружием в борьбе за свободу... Нельзя же заниматься фальсификацией произведений Салавата, когда есть на башкирском языке стихи и песни, записанные у народа» [109].

Не знаю, пытался ли Рами Гарипов опубликовать эту статью. Едва ли, скорее, поостыв немного, успокоился, и, поняв безнадежность этого дела, с тяжелым сердцем убрал рукопись вглубь стола. А даже если бы и опубликовал, то это осталось бы «гласом вопиющего в пустыне». Кого могло интересовать мнение студента, высказанное против ученого совета Института истории, языка и литературы им. М. Гафури? Этот перевод стихов Салавата, выполненный Филовым и порочащий нашего национального героя как поэта, переиздавался в книге В. Сидорова и в наши дни, в 2003 г., к приближавшемуся 250-летию юбилею Салавата Юлаева. Словно с целью еще раз принизить его этим примитивом.

Думаю, что никакие идеологические требования не вправе лишать народ возможности знакомиться с творческим наследием своего национального героя. Предлагаю читателям полный текст песен и стихов Салавата, дошедший до наших дней в записи Р. Г. Игнатьева (без сокращений):

МОЙ УРАЛ

Ах, Урал мой благодатный,
Про тебя пою
Песню ту мою –
И твое величье славлю.
На тебя глядя,
Сознаю величье Аллаха,
Божие дела.
Твои чудные вершины
Близки к небесам.
Когда месяц ночью встанет,
На землю глядя, –

Твои вершины чудно светят
Чистым серебром.
Когда солнце утром встанет,
На землю глядя, –
Твои вершины золотятся
И огнем горят.
Вокруг тебя, Урал высокий,
Горы и леса.
Тоже, как ковер богатый,
Стелется трава.
И пестреет весь цветами
Чудный тот ковер.
Восход солнечный встречает
Птичек божьих хор.
И всех птичек громче славит
Аллаха соловей.
Его голос чудный, сладкий,
Будто бы азан,
На молитву кличет
Верных мусульман.
Ах, Урал мой благодатный,
Про тебя моя
Песня долго не споется,
Слов не находя.
Как тебя, Урал мой, славить?
Как тебя воспеть?
Видно, песня эта будет .
Песней без конца...

СОЛОВЕЙ

Тихой ночью в перелеске
Соловей поет.
Бога ль славит эта песня,
Мира ль красоту,
Про луну ль поет,
Про звезды, про луга, поля,
Иль про огненное солнце –
То не знаю я.
Над серебристою рекою,
На мягкой траве,
Близко стад моих любимых,
Тут мой конь стоял.
Я лежал в коше, со мною
Вся была семья,
Я велел отдернуть полог

Моего коша.
И всю ночь с вниманием слушал
Голос соловья.
Его голос так был сладок,
Я не мог заснуть.
Хор пернатых Аллаха славит
С утра до зари.
Соловей же, чудо-птица –
Днем поет и в ночь;
Значит больше всех Аллаха
Славит соловей.

СТРЕЛА

Я пустил стрелу высоко,
Ласточку убил.
Бедная пташечка упала
Около моих ног...
И мне очень стало жалко
Бедную мою.
Для чего тебя я, птичка
Бедная, убил?
До чего ты мне пригожа,
За такую стать.
Лучше было б,
Так стрелою
Мог бы я убить
Неверного, необрезанного,
Аллаха не знающего...
Убить неверного, убить.

БИТВА

Было время, время храбрых,
Божьих век богатырей;
Были Гали, Абуталип,
Саш и Нариман;
Знал их целый свет,
Знал про их дела.
Во всю жизнь сражаясь,
Победили многих сильных
И величайших батыров,
Много неверной силы
Меч их поразил.
Не боялись силы вражьей,
Ни драконов, змей,
Ни коварств самих шайтанов,

Ни волшебников ужасных
Лютых курала (колдунов).
Вот какие были люди
В прежние года.
Про дела ваши я слышал,
Духом возгордясь,
Оседлал коня, и в сечу
Конь меня понес.
Я сразился с врагами
И врагов разил.
На меня напало разом
Триста человек.
Я от всех трехсот отбился,
Вынес конь меня
На широкую долину
К светлому ручью.
У того ручья я Аллашу
Песнь мою, хвалу
Пел и снова в сечу
Соколом летел.

ЮНОШЕ-ВОИНУ

Высоко летает ворон,
Выше ворона – сокол,
Выше сокола – могучий
Орел, птичий царь.
Далеко тебе, юный воин,
До богатыря –
Мощного орла,
Но крепись и мужайся,
Аллаха в помощь позови
И иди на бой ты смело
И везде врагов рази.
Аллах великий создал храбрых,
Храбрых воинов своих,
Чтоб они неверных били,
Защищая честь и веру,
Как велит святой Коран,
Что пророк святой вещал.
Призовя на помощь Аллаха,
Не боюсь я врагов:
Знаю алчного киргиза
И урусов (русских) не боюсь.
Если ж суждено мне в битве
Жизнь за веру положить,
Меня ждет награда в небе.

Там на лоне я пророка
В вечных буду жить садах,
Среди вечного веселья,
Ласку гурии вкушать...
Так мужайся, храбрый воин,
Аллаха в помощь позови
Аллаху храбрые угодны,
В поле битвы поспеши.

ЗЮЛЕЙХА

Зюлейха, земная ты гурия,
Когда б ты знала, как мое сердце
К тебе любовью горит;
В твоих глазах я вижу небо,
В твоих глазах я вижу звезды
И тихую красавицу-луну,
Ты океан глубокий, неизмеримый,
Земная гурия иль отраженье рая.
Зюлейха, как тебя люблю,
Люблю, но как сказать, не знаю,
Затем, что слов не нахожу.
Язык мой слаб, мысли слабы,
Чтобы сказать тебе хвалу,
Хвалу, достойную тебя,
Земная гурия Зюлейха.

РОДНАЯ СТРАНА

Родные рощи и леса,
Родные воды и поля,
Святая родина моя,
Урал, Урал мой благодатный,
Люблю я вас, любить вас буду.
Про вас и песню я пою,
Вы, злсные леса,
Вы, родные рощи и поля,
Поднебесный мой Урал,
Твои снеговые вершины
Люблю, хотел бы век смотреть,
Хотел бы вечно песню петь
Про твою красу.
Когда судьба меня заносит
Далеко от родины святой,
О вас тоскую я, мечтаю,
Родные рощи и леса,
Родные воды и поля,

Родные пажити, кочевья
И благодатный Урал.
И если ветер, я заслышу,
Шумит с родимой стороны,
Мне мнится, ветер мне приносит
Весть с родимой стороны.
Весть с любимой стороны.

Что можно сказать о Салавате, услышав его песни? Он очень любил свою родину, свой Урал. Горные вершины ему казались покрытыми золотом и серебром. Долины и леса представлялись ему богатым цветным ковром.

Горы и леса – золото и серебро, богатство цветного ковра. Родина и собственность, земля и богатство. Башкир отличает от многих народов одна особенность, сложившаяся исторически. Родина, имеется в виду малая родина, земля, на которой башкир появлялся на свет, была еще и его собственностью – родовой собственностью, приходящей к нему от момента рождения и передаваемой потомкам по наследству. Так было оговорено в договоре с русским царем Иваном Грозным при переходе башкир в его подданство.

Салават, как и любой башкир, родился землевладельцем. Урал, горы и леса были не только его родиной, они были основой благополучия его самого, семьи и потомков. Об этом пела его душа. Что еще нужно счастливому человеку? В песнях Салават восхвалял, возвеличивал свою собственную землю. В ней было его прошлое, настоящее и будущее. В ней было счастье его потомков.

А кого не сводил с ума соловей? Салават считал его пение божьим даром. Могу лишь разделить эти чувства. Каждый год в начале лета, слушая соловьиные трели, не перестаю восхищаться этим чудом нашей природы. Однажды, слушая не на шутку разгулявшегося соловья, я мысленно вложил одну фразу в его очередную трель, а следующей трелью, своими пересвистами и пощелкиваниями, соловей вдруг как бы дал ответ, продолжил разговор. Так и Салават, видимо, не один раз беседовал с соловьем у прибрежных кустов милой его сердцу речки Кускянды.

В песнях Салават часто обращается к Аллаху. Это говорит о том, что Салават был примерным мусульманином, знающим Коран и с азаном спешащим на молитву. Стоит ли удивляться, если известно, что дед его Азналы был также глубоко верующим человеком и совершил хадж – путешествие к святым местам Самарканда и Бухары.

Судьба унесла его далеко от родины, унесла навсегда, всего лишила: и гор, и лесов, и кочевий, и родных, и детей. Только память о родине и песни остались с ним, да еще престарелый отец, несколько соратников по борьбе, ставших друзьями по несчастью. Сколько раз там, на берегу Балтийского моря, лилась мелодичная башкирская песня. Она была единственным украшением той жестокой, тоскливой жизни каторжан. Только песня Салавата порой возвращала их на родину, к семьям, к временам счастливой жизни.

Умерла императрица, приговорившая его к каторге. Пришел к власти ее сын, отвергший вроде бы все творения матери, но у царей не было жалости к тем, кто осмелился пошатнуть царский трон. Порядки были таковы, что из Рогервика не возвращались. Нет сомнения в том, что и там, на каторге, из сердца Салавата лились новые песни. Но это были тоскливые песни каторжника, песни о тяжелой судьбе, о заветной мечте вернуться на родину к родным и близким, песни о мечте, которой не суждено было сбыться. Единственное предание о Салавате, сохранившееся среди эстонских рыбаков, рассказывает о том, что он каждый день, выходя на берег моря, пел песни.

Изучая творчество Салавата, зная его склонность к исполнению песен, импровизаций, я как-то задался вопросом: почему он не играл на курае? Башкир, певец, исполнитель песен, близких к кубаирам, — и не играл на курае? Нигде, ни в самих песнях, ни в эпосах о Салавате, ни в преданиях, ни даже в легендах нет упоминания об игре его на курае! Почему? Я не единожды задавал себе этот вопрос, но долго не мог получить на него ответ.

Салават любил петь на публике — на сабантуях, на свадьбах. Его слушали, принимали, восхищались, значит, музыкальный слух у него был. Вывод напрашивается один: был какой-то физический недостаток, не позволявший ему играть на курае. Но какой?

Ответ на этот вопрос пришел из тех же преданий. Мухаметша Бурангулов записал от Габит-сэсэна предание о детстве Салавата следующего содержания. Когда Салавату было пятнадцать лет, он в схватке с медведем сломал себе зуб. Из-за этого и не смог научиться играть на курае. А кураистов он очень любил. Частенько приходил к пастухам, чтобы послушать их игру [108. С. 131].

Глава 22

РОД САЛАВАТА В БАШКИРСКИХ ЭПОСАХ

Историческая память башкирского народа о Салавате Юлаеве сохранилась в оригинальных творениях – шежере и кубаирах. Шежерс, или родословные летописи больших и малых народов, племен и родов, сегодня хорошо известны. Они используются в исторической науке, краеведческих поисках, в описаниях родословного дерева отдельных семей.

Популярность шежере среди башкир обусловлена наследственным правом на землю данного рода. Каждый башкир рождался землевладельцем, но для определения вотчины возникала необходимость знать его родовую принадлежность. Для этого и составлялись шежере – родословные летописи, которые являлись необходимым элементом в правовой связке род – шежере – земля.

Шежере аналогичны родословным книгам русского дворянства, которые также предназначались для установления родства между предком, получившим поместье за цареву службу, и современником, отстаивающим права на это поместье. Известна «Российская родословная книга», составленная князем Петром Владимировичем Долгоруковым [110], тем самым Долгоруковым, который подозревался в написании «дипломов роконосца» в адрес Пушкина. Из-за этих дипломов и началась ссора Пушкина с Дантесом, закончившаяся дуэлью и смертью поэта.

Изучению шежере рода Салавата Юлаева посвящены отдельные главы этой книги, а здесь мы остановимся на произведениях устного народного творчества: кубаирах и эпосах, в которых также сохранилось немало исторических сведений. Эти произведения

устного народного творчества передавались из поколения в поколение странствующими певцами – *сэсэнами*. Они обычно исполняли эпосы в поэтической, песенной, форме под мелодии курая. При этом сэсэны голосом и телодвижениями старались передать чувства и пафос героев, изображали битву батыров с врагами, получение ими тяжелых ран, наказание их карателями, мучения или смерть.

Ранние эпосы, относящиеся к эпохе первобытно-общинного строя, такие как «Урал-батыр», имеют мифическую основу, сказочный стиль изложения и отражают больше философские стороны духовного мира, как, например, борьбу героев за бессмертие, место человека на земле, борьбу добра со злом.

Эпосы, составленные позднее, описывающие события времен Золотой Орды и присоединения башкир к Московскому государству, более реалистичны, повествуют о живших тогда исторических личностях.

К началу XX в. многие башкирские батыры, вдохновители и руководители восстаний, исчезли из народной памяти за давностью лет. Только последнего из них, Салавата Юлаева, помнили еще в народе и распевали посвященные ему кубаиры, особенно на его родине. Таких песен на берегах Юрюзани и Ая в начале XX в. ходило немало. Эти кубаиры исполнялись сэсэнами на различных курултаях (съездах), сабантуях, свадьбах и других праздниках.

В кубаирах давалась оценка деятельности геросов с точки зрения самого народа. Петь ложь о герое или какую-нибудь выдумку было бессмысленно – народ такое не принимал, а исполнитель больше не приглашался. Это историки или писатели, особенно в советское время, могли написать о национальных героях разные выдумки, угодные политике существующей власти, а эпосы рассказывали правду. Конечно, исполнители, они же и хранители эпосов, могли от себя добавить художественные детали, но они не искажали смысла. Этим эпосы, особенно исторические, были весьма неприятны историкам и писателям советской поры.

Сегодня эпосы, записанные М. Бурангуловым, как бы зажили второй жизнью. Их публикуют, внимательно читают, изучают, сравнивают с подобными творениями других народов. Они открывают лицо древней истории башкирского народа, замазанное толстым слоем красной краски.

Есть среди них и кубаир «Юлай и Салават», посвященный Салату Юлаеву, его роду, семье и предкам [111]. Эпос исполнялся Габит-сэсэном и записан М. Бурангуловым на башкирском языке. Русского перевода я не встречал. Возьму на себя смелость делать перевод по ходу повествования. Рассмотрение этого эпоса весьма

важно для исследования жизни и шежере Салавата Юлаева. Здесь есть интересные сведения о предках Салавата, его семье. Исторические документы очень бедны такими сведениями, и эпос может послужить хорошим дополнением при изучении этих документов.

Эпос начинается с описания предков Салавата. Здесь об этом всего несколько строк. Сказитель, к сожалению, не знает никого, кроме Юлая и его отца Азналы. Затем он упоминает о далеком предке Шагали Шакмане, вожде племени Тамьян, но это едва ли кровное родство. В те времена во главу родословной часто ставили не кровного предка, а знаменитого правителя, прославившегося великими делами.

Далее эпос рассказывает о знатном происхождении Азналы, деда Салавата. Хоть сказитель и не называет имени отца Азналы, но он сообщает интересные сведения о том, что отец Азналы стремился дать сыну образование. Летом Азналы обучался у деревенского муллы, а зимой – в городе. Азналы знал русский язык, был единственным в округе человеком, умевшим писать на двух языках.

Такая забота отца о грамотности сына говорит о том, что отец Азналы сам был грамотным, образованным человеком – абызом. Сегодня это может показаться мелкой деталью, но в то время грамотные и образованные люди были редкостью, их все знали. И если мы найдем в ходе наших поисков истинного отца Азналы, то он, скорее всего, будет указан как абыз.

Азналы имел несколько дочерей. В другом эпосе «Байык Айдар сэсэн» говорится о том, что одну из его дочерей похитил Тайыб, сын тархана Байназара, жившего на реке Ай.

Юлай упоминается как самый младший сын Азналы, характеризуется волевым, решительным, известным человеком. Повзрослев, Юлай начинает противоречить своему отцу, вставать ему «поперек дороги». В связи с этим друзья Азналы – богатые заводчики отвернулись от него, лишили его власти. Отметим пока, что между взрослым сыном Юлаем и отцом Азналы случился конфликт, порожденный различными отношениями отца и сына с заводчиками, скупавшими за бесценок башкирские земли. Азналы в пожилом возрасте, когда самый младший его сын обрел власть, не имел уже сил и мужества противостоять этим сделкам. А молодой Юлай, наоборот, почувствовал силу, обрел власть и не хотел терять землю, основу жизни своего народа.

Есть ли временные ориентиры этого конфликта? Юлай родился около 1730 г. Если его возмужание отнести к 25 годам, то получаем 1755 г. Видя непокорность Юлая, заводчики решили его обойти. Они завязали дружеские отношения с другими старшинами и с их

помощью стали совершать сделки по купле-продаже земли. Их заводы росли. Они потратили немало средств, чтобы отправить за решетку многих непокорных старшин, отстранить Юлая, путем подкупа заручиться поддержкой части вотчинников.

Однако после ареста непокорных старшин и продажи за бесценок башкирских земель вотчинники правильно поняли случившиеся события и отправились к Юлаю за советом. Они жаловались ему на то, что заводчики самовольно вырубают леса, а разные чиновники, приезжающие к ним, грабят охотников, отнимают добытые меха.

Юлай, получив такую поддержку со стороны народа, поначалу пытался противостоять захватам земли с помощью мирных средств, путем написания писем и прошений. Но чиновники оставили без внимания его обращения. Тогда он собрал свой народ и обратился к нему со следующей речью:

«Старшины, продавшиеся заводчикам и разбазаривающие землю, – двуличные перевертыши, наживающиеся на этих продажах, не смогут быть опорой народа. Надежда на наших батыров, крепко сидящих в седле, умеющих стрелять и рубить саблей. Побольше бы таких батыров, а вы же нерешительны и трусливы.

Вы помните Урал-батыра, сокрушившего злого царя и создавшего Уральские горы?! Вы помните его славных сыновей Иделя и Яика, пробивших путь нашим славным рекам?! Вы помните Хаубана, сына Сура-батыра, порубившего ненасытного Масемхана и ставшего вождем семи племен: Юрматы, Кыпсак, Табын, Кувакан, Айле, Катай и Тамьян?!

Они вышли из нашего народа и не сидели сложа руки, когда враг приходил на нашу родину. Они все бросали, садились на коней и брались за оружие!»

После призывов Юлая вотчинники объединились, чтобы поднять восстание. Юлай, побывав в разных местах, осмотревшись, решил возглавить их. Однако старшины и чиновники, оставаясь у власти, убедили народ прекратить восстание. Юлай потерпел поражение.

Отвлекаясь от эпоса, можно сказать, что это восстание, видимо, имело место в том же 1755 г. и произошло в струе общешкирского восстания под идейным руководством Батырши.

Эпос рассказывает, что после подавления восстания Юлай с женой и двумя детьми семь лет скрывался в горах Ямантау. Это междуречье Большого и Малого Инзера, верховья Сима. Здесь, в пещерах, провели они эти долгие годы, здесь выросли их дети, наподобие медвежат балуясь и перекатывая камни.

После помилования, объявленного императрицей Елизаветой, все беженцы собрались и решили вернуться в родные места. Когда Юлай с семьей вернулся домой, родственники очень тепло встретили их. Однако вскоре пришел указ императрицы о сборе лошадей и призыве мужчин на воинскую службу. Действительно, по историческим документам, в 1762 г. Юлай был уже сотником.

Эпос повествует о том, что Салават родился третьим сыном Юлая от молодой жены. Народные предания, бытовавшие на родине Салавата, также называют его третьим сыном Юлая после Сулеймана и Ракая. Наличие у Юлая младшего сына 1764 или 1765 года рождения дало повод некоторым историкам, в частности И. Гвоздиковой, считать Салавата старшим сыном Юлая [112].

Но это противоречит эпосу еще и в том, что Салават, по словам сказителя, был женат на вдове старшего брата, что со своей стороны вполне правдиво объясняет наличие у 22-летнего Салавата трех жен, своих и «прочих» детей.

Далее сэсэн рассказывает о детстве Салавата. Он рос очень любознательным мальчиком, с интересом наблюдал, как бьются петухи и жеребцы, как бодаются бараны и быки, пытался понять, как достигается победа.

В семь лет Салават уверенно ездил верхом, любил участвовать в скачках на сабантуях. Он с интересом расспрашивал стариков об отличных лошадях и о сильных батырах. Будучи подростком, Салават уже собирал своих друзей в «войско», командовал им, организовывал застолья в аулаке – доме, где собиралась молодежь в отсутствие старших.

В пятнадцать лет Салават уже не пропускал ни одного сабантуя в округе, не боялся выходить на борьбу против сильных и знаменитых батыров, был известен своими победами. Находясь на охоте, старался непременно встретиться с медведем. На сабантуях и свадьбах внимательно слушал сэсэнов, певцов, кураистов, стараясь понять секреты их мастерства, сам пел. Его песни зрителям нравились, и они их с удовольствием слушали.

Но самой большой его страстью оставались лошади. Он любил обучать необъезженный молодежь, целыми днями не слезал с коня. Как это все мне хорошо знакомо! Неужели и тогда все было так же, как в нашем детстве?

Уже более сорока лет прошло с того моего шального возраста, но я помню всех коней, которых мне довелось объездить. Будто только вчера я отогнал табун лошадей под скалу, к старой паромной переправе, а сегодня утром, еще до рассвета, по густому туману, поднимающемуся с Юрюзани, мне предстоит бежать бегом,

размахивая уздечкой и вслушиваясь в звон колокольчика, по которому найду любимую кобылу Машку. Найду, сяду верхом, соберу табун и погоню в деревню...

И конные забавы у нас были такие же, как у Салавата, – поднять с земли на скаку какую-нибудь вещь, переплыть на коне Юрюзань, метко выстрелить из лука.

Мне приходилось в детстве быть в его родных местах. Бабушке Фатиме, как вдове фронтовика, выделяли сенокос в госфонде. Эти луга располагались на пути из нашей деревни Каратавлы в Шаганай. На сенокос мы с бабушкой обычно ехали на лошади. Укладывали в телегу косы, грабли, флягу для воды, продукты и отправлялись в путь. Проезжали урочище Болонбай, поднимались на гору, ехали краем перепаханного нагорья и спускались к чудесному ручью Яше-елга. До чего чиста, холодна и вкусна была вода в этом ручье.

Я останавливал лошадь на берегу, отпускал чересседельник, разнуздывал ее. Она заходила в воду и долго, с явным удовольствием, пила...

Дальше начинается Шайтан-як – земля, где родился и вырос Салават. Мне казалось, что вот сейчас, на том берегу ручья, появится Салават на белом коне Акбузате и с ним его друзья. Кони их войдут в воду, опустят головы и тоже начнут пить. Мы окажемся рядом, напротив друг друга.

– Салам алейкум, Салават-агай, – здороваюсь я с ним.

– Алейкум вассалам, джигит. Куда путь держишь?

– Сено косить.

– Не время этим заниматься. Распрягай лошадь свою, садись верхом и поехали!

– Куда, Салават-агай?

– Вон в том лесу, – указал он плеткой, – заводские люди наш лес рубят, покажем им, чья это земля!

– Но у меня нет никакого оружия, у вас вон у каждого сабля на боку!

– А ты возьми свой топор из телеги!

Я потянулся к хомуту, чтобы развязать супонь и распрячь лошадь, но тут бабушкин голос разбил видение: «Ты что, уснул, что ли? Много пить коню не давай, не дай Бог, опойтсся!»

Тех лесов, которые пытался отстоять Салават, сейчас уже нет. Их вырубил заводские люди. Однажды Салават со своими друзьями действительно напал на них. Лесорубы бежали, но не всем удалось уйти. Заводской приказчик узнал Салавата. Когда он вернулся домой, управители завода уже были у Юлая. «Твой сын

напал на лесную заимку. Сейчас в Уфу, к генералу поедem», – грозили они. Юлай с трудом успокоил жалобщиков, но и Салавату досталось от отца и деда.

Но он не уgomонился. Заводчики, хоть и хотели убить Салавата, но не посмели сделать это сами. Они боялись, что все башкиры округи сядут на коней и нападут на них. Тогда они наняли для этого людей со стороны.

Эпос рассказывает, что один из этих наемных убийц встретил Салавата в лесу, но не решился напасть на него. Поздоровавшись с Салаватом, он представился охотником. «Вон там одинокий медведь по бортям лазит», – обманул он Салавата и направил его туда, где матерый медведь с медведицей учили медвежат разорять борти и доставать оттуда мед.

Без страха вступил Салават в бой с медведем, одолел его, но медведица, уведя медвежат подальше, вернулась и напала на Салавата сзади. Он получил тяжелые раны, истек кровью, но одолел и ее.

Заводчики, поняв, что не могут унять Салавата, собрали верных им тарханов, старшин и стали держать совет. Они решили «приручить» Салавата через женитьбу.

Еще в детстве Салавату сосватали девочку Гульбазир, дочь тархана Хагынбая, даже сыграли свадьбу. Тогда Хагынбай и Юлай дружили и гостили друг у друга. Но когда отношения между Юлаем и заводчиками обострились, Хагынбай решил, что Юлая уберут со старшинства и губернатор может предложить должность старшины ему, Хагынбаю. Поэтому он прервал дружбу с Юлаем и решил не отдавать свою дочь Салавату, сославшись на то, что Юлай женил его на вдове старшего брата. Однако, по совету заводчиков, Хагынбай переменял свое решение и отправился к Юлаю сказать об этом. Но дочь опередила его, послав к Салавату своего гонца с этой вестью.

Однажды утром Салават отправился во владения Хагынбая. Проезжая через его луга, он заметил девушек, собиравших ягоды, и остановил коня. Гульбазир вышла ему навстречу. Они молча стояли и смотрели друг на друга, не решаясь приблизиться. Видя нерешительность девушки, Салават спел ей свою песню любви. Она ответила ему взаимностью.

Он услышал от Гульбазир и грустные слова:

Нежность девушки, батыр,
Сравнить бы можно с очаровательным цветком,
Но если у нее появится соперница,
Будто мороз убьет это чудо.

Но и Салават, и Гульбазир, конечно, понимали, что Амина, его старшая жена, взята по обычаю и не Салават этот обычай породил. С древних времен башкиры не бросали на произвол судьбы вдов своих братьев и их детей. Женитьба на Амине была долгом Салавата перед родственниками, и отказ от этого брака лег бы позором на его молодую голову. Весь день они в компании девушек пели и плясали, а вечером пришли на стойбище к Хагынбаю.

Там Салават застал заводчиков, тарханов и старшин. Они собрались и решили, что если Салават не уgomонится, не перестанет препятствовать заводчикам рубить лес на башкирской земле, охотиться, пасти скот, то надо обратиться к губернатору с просьбой арестовать Салавата и отправить его подальше от родных мест. Как только Салават вошел в юрту, гости Хагынбая шарахнулись, как овцы при появлении волка, замолкли, быстро вышли из юрты и разъехались.

Хитрый Хагынбай устроил настоящий праздник по случаю приезда Салавата. Были скачки, борьба, песни, танцы и богатое угощение. Собрались родственники со всех ближайших стойбищ. Три дня гулял народ. Салават, сев на коня для отъезда домой, обратился к народу со словами благодарности за теплый прием, а потом сказал: «Заводчикам, захватывающим нашу землю, старшинам, продавшимся им, баям, проводящим свою жизнь в праздности и наслаждениях, беспечным мужчинам, распродающим родину вместе с ними, — всем им не будет жизни на нашей земле. Пусть я захлебнусь собственной кровью, если не сдержу своего слова. Клянусь в этом я, Салават!» Он взмахнул плеткой, и Акбузат понес его в сторону Шайтан-яка.

И мы, прощаясь с летним стойбищем Хагынбая, отметим следующее. В исторических документах нет упоминания о таком знатном башкире, тархане, жившем в этих краях. Он не мог остаться незамеченным в бурных событиях того времени. Значит, имя его претерпело изменения. Это и неудивительно. Эпос, зародившись в конце XVIII в. на родине Салавата, прошел через память нескольких сэсэнов, но никогда не записывался на бумаге. Последний исполнитель этого кубайра Габит-сэсэн был уроженцем Иткуловской волости Орского уезда Оренбургской губернии (ныне Баймакский район). М. Бурангулов записал его от Габит-сэсэна в Зауралье, в 1910–1920 гг., на значительном удалении от места рождения.

Можно лишь предположить, что под именем Хагынбая первоначально вошел в кубайр Шаганай. Его образ жизни полностью совпадает с действиями Хагынбая, описанными в эпосе. Он был

дружен с заводчиками, за бесценок распродал башкирские земли, не гнушался и другими злоупотреблениями, из-за чего и был лишен старшинской должности. Юлай и Салават мешали ему, устранив их, он вполне мог претендовать на старшинскую должность.

Но Салават сильно выделялся среди своих сверстников. Еще совсем молодым, в 16–17 лет, он был известен в округе как батыр, сильная личность. Безусловно, Шаганаю хотелось привлечь его на свою сторону. Он, старый хитрец, видел, что Юлай совершает немало ошибок, противопоставляя себя заводчикам. Поэтому Шаганаю было выгодно отдать за Салавата свою дочь Гульбазир. Забегая вперед, скажу, что сыновья Салавата, возвратившись на родину, поселились не где-нибудь, а в деревне Шаганай. Это наводит на мысль, что мать по крайней мере одного из них была из рода Шаганаая.

Но вернемся к эпосу. Стычки юного Салавата с заводскими людьми не прекращались, проливалась кровь. На заводах появились солдаты, и Салават собрал вокруг себя сверстников и охотников, дал коней тем, у кого их не было.

Отец и мать Салавата заметили подготовку сына к боевым делам. Юлай решил поговорить с ним: «Эти дни, когда ты садишься на коня, кажутся мне кровавыми. Идти против царя и заводчиков – искать себе смерть. Если бояре творят плохие дела, надо потерпеть, дожидаться ответа на поданные заявления. Ты молод еще, а я видел восстания, сожженные деревни, казни батыров, их изуродованные лица без носа и ушей. Я с большим трудом, участвуя в военных походах, заслужил свой авторитет, дал клятву верно служить царю и губернатору. Ты хочешь, чтобы я отошел от своей клятвы?»

Юлай пытался остудить сына, призывал к терпению, но Салават упрямо отвечал ему, что не станет бездействовать, будет не с ним, а с народом:

Если по родине потечет река крови,
То и моя кровь будет в этой реке.
Если родина будет в огне,
То и я сгорю вместе с ней.
Если родина увидит светлые дни,
То и я буду праздновать победу.

Такие слова вложил сэсэн в уста Салавата. Между Салаватом и Юлаем возник такой же конфликт, как некогда между Юлаем и

Азналы. Сын не хотел жить так, как жил отец, и этим ставил под удар и авторитет отца, и благополучие семьи. Известная проблема отцов и детей!

Казалось, что этот конфликт вот-вот лопнет и приведет к окончательному разрыву. Но в этот момент посыльный привез пакет из провинциальной канцелярии с приказом направить отряд башкир на борьбу с самозванцем Пугачевым.

Юлай увидел в Салавате самого себя. Он тоже в молодости был горяч, участвовал в восстании, но, чудом избежав наказания, хлебнув горя в семилетнем скитании по отрогам Ямантау, успокоился, реабилитировал себя перед властью в военных походах и стал старшиной. Такой же выход из сложившегося положения он увидел и для Салавата. Обратившись к нему, Юлай сказал:

Езжай, сынок, ты на войну,
Тебе простят все твои вины.
Как я, получишь ты медаль,
И станешь выше всех своих врагов.

Душа батыра Салавата рвалась в бой, и он получил, казалось, возможность реализовать себя. Послушав ли отца, или по какой-то другой причине, но Салават возглавил отряд, собранный Юлаем, надел его медаль и отправился к Стерлитамакской пристани.

Хоть и была медаль отцовской, но выделяла его среди других командиров. Сын доблестного отца также вызывал уважение у чиновников, и Салавата назначили тысячником – командиром тысячного отряда, отправлявшегося на подавление восстания Пугачева. Где-то в верховьях реки Юшатыр отряд остановился на ночевку. Здесь к костру Салавата подошел старик, с которым батыр встречался на родине. Старый бунтовщик расспросил его о здоровье, делах и намерениях. Он видел, что Салават очень горд своим положением. Ему, такому молодому батыру, доверили тысячный отряд.

«Туда ли ты идешь, сынок? – спросил его старик, – ведь русский батыр, против которого ты ведешь свой отряд, сел на коня и взялся за оружие, чтобы дать свободу всем народам от коварной царицы, ее генералов, бояр, тарханов и продажных старшин! “Пусть все будут свободны!” – бросил он свой клич. Прочитай его письмо!»

Это был известный манифест Пугачева, обращение его к башкирам, в котором он обещал вернуть башкирам их земли,

захваченные заводчиками, и свободную жизнь по своим обычаям и верс.

Не к этому ли стремился Салават, еще подростком вставший на тропу войны? Не это ли было вековым чаянием башкирского народа? Он сорвал с груди отцовскую медаль и с рассветом повел свой отряд в лагерь Пугачева.

Так сэсэн описывает переломный момент в судьбе молодого батыра. В исторических документах, к сожалению, нет упоминаний о том, как и когда башкиры трехтысячного сводного отряда под командованием старшины Ногайской дороги Алибая Мурзагулова и Салавата Юлаева приняли решение перейти на сторону Пугачева. Они шли на соединение с генерал-майором В. Каром, отправленным императрицей Екатериной II на подавление Пугачевщины. Но Кар оказался разбитым, а в деревне Биккул, куда ехали башкиры, уже стояли повстанцы во главе с атаманами Зарубиным и Овчинниковым.

И вот 10 ноября 1773 г. Салават Юлаев и бывшие при нем башкиры оказались в лагере пугачевцев. Едва ли это произошло случайно. Они, конечно, на марше знали о том, что там, куда они ехали, идет большое сражение. Да и посланцы Пугачева, как об этом сообщает эпос, доставляли его манифесты в башкирские селения и сформированные команды. Ситуация сложилась такая, что оренбургский губернатор своим указом собирал башкирские команды, а приходили они, большей частью, в лагерь Пугачева. В результате его войско росло как снежный ком и в Бердском лагере вокруг Пугачева собралось уже более 10–12 тысяч башкир.

Среди них был и Салават Юлаев. Он участвовал в осаде Оренбурга, был дважды ранен, проявил героизм. Его представили Пугачеву. Он произвел Салавата в полковники и отправил домой для излечения и набора войска, стремясь перекинуть пламя восстания на север и северо-восток Башкортостана, в район Красноуфимска.

Вернувшись домой, Салават застал новое ополчение, готовое двинуться к Оренбургу, на помощь воинским частям императрицы. Он обратился к землякам со своей известной речью. Эта речь крепко засела в умы башкир, передавалась из поколения в поколение. В XX в. она была записана от исполнителей трижды: М. Бурангуловым, по-видимому, в 1910 – 1920 гг.; С. Мирасовым в 1922 г.; Валиуллой Коломбетовым в 1945 г. Есть русский перевод «Речи Салавата к башкирскому народу» [113].

Салават, обратившись к землякам, сказал прямо, что батыра, начавшего восстание против императрицы, зовут Бугас (Пугачев),

что он идет той же дорогой, что и башкирские герои Карасакал, Кусем, Акай, Батырша. Он не стал обманывать их, представлять Пугачева царем Петром III. Убеждая земляков, Салават поведал им, что сам встречался с Пугачевым, разговаривал с ним.

«Пугачев беспощаден к любимым императрицей баям, генералам, чиновникам, – убеждал Салават, – он дает свободу и вольную жизнь по обычаям и своей вере всем народам: русским, башкирам, татарам, мишарам, чувашам». Он рассказывал, что по пути домой развез манифесты Пугачева по многим селениям семи племен. Отметим, что даже во времена Салавата, во второй половине XVIII в., общность «семиродцев» еще имела место. В эпосе «Юлай и Салават» она упоминается в составе племен Юрматы, Кыпсак, Табын, Кувакан, Айле, Катай и Тамьян.

Салават сказал землякам, что все племена поняли манифест Пугачева, готовят оружие, все готовы идти в бой за землю, свободу и веру.

Юлай пробовал воспротивиться:

Получив медаль, я дал клятву верности,
Взяв в руки оружие, я не буду врагом императрице.
Если, сынок, тебе не дорого слово отца,
То не буду я тебе отцом.

Однако Салават с горечью ответил отцу:

Да, заслуги твои признала императрица,
И ты поклялся ей, получая медаль.
Ты останешься верным ей старшиной,
Но предашь родину,
Будешь убивать наших батыров,
Ты настоящий потомок тарханов.
Но если ты защитишь родину,
То будешь очень уважаемым человеком.
А если ты оторвешься от народа,
То станешь ему врагом, моим врагом.

Видя, что собранные им бойцы пошли за Салаватом, Юлай не стал противиться, сел на коня. Эти строки из произведения устного творчества башкирского народа коротко и просто объясняют грагизм положения патриотически настроенной части башкирской правящей верхушки. Многие башкирские старшины в 1771 – 1772 гг. вместе со своими бойцами оказались втянутыми в карательные операции против польских конфедератов. Так

императрица Екатерина II на деле осуществляла политику сдерживания народов, одновременно укрепляя свою власть. Весь командный состав башкирского корпуса был награжден: кто именным оружием, кто медалью.

В среде башкирского народа, где воинская доблесть и верность своему государству ценились особенно высоко, такие знаки отличия порождали преданность власти, и решиться выступить против нее оказывалось нелегким делом. Но, несмотря на это, большинство старшин все-таки пошли со своим народом, возглавили повстанческие отряды.

Далее в эпосе приводятся строки, где Салават сгоряча упрекает отца в происхождении из тарханов, в знатности собственного рода. Видимо, эти сведения соответствуют действительности, так как сэсэн не один раз говорит, что в каждом поколении в роду Салавата были тарханы, бии и старшины. В одном нет сомнения: это был род горячих патриотов смолоду, в зрелых годах ощутивших железную руку карающей власти. И в каждом поколении при этом был конфликт, как между Азналы и Юлаем, Юлаем и Салаватом.

Салават увел за собой отряд, собранный Юлаем совсем для других целей, – для участия в карательных операциях. Он нападал на заводы, владения верных императрице старшин. Когда Пугачев пришел в Башкортостан, Салават имел уже многочисленное войско, стал главным полковником, бригадиром.

Во многих сражениях участвовал молодой батыр, не раз был ранен, но не слезал с коня. Он горько переживал, что все меньше и меньше бойцов остается в рядах его войска. Велики были потери. Разочаровавшихся, испугавшихся воинов, покидавших поле боя, также оказалось немало. Даже отец Юлай, удовлетворенный сожжением ненавистного ему Симского завода и разорением заводских деревень Ерал, Орловка и Карауловка, похоже, навоевавшись и получив известие о разорении его собственного селения, вернулся домой.

Силы восставших таяли. После того как был арестован Пугачев, Салават хоть и собрал вновь войско с разоренной родины, но как ни старался, не мог уже противостоять нарастающим силам карателей. Как говорит эпос, они пришли на берега Кускянды, на родину Салавата, и заняли ущелья Ямантау. Надо отметить, что здесь сказитель вновь связывает долину речки Кускянды с ущельями Ямантау в единую вотчину их рода.

Салават дал еще несколько сражений карателям, но был разбит и арестован. Несмотря на унижительное наказание, торжество его

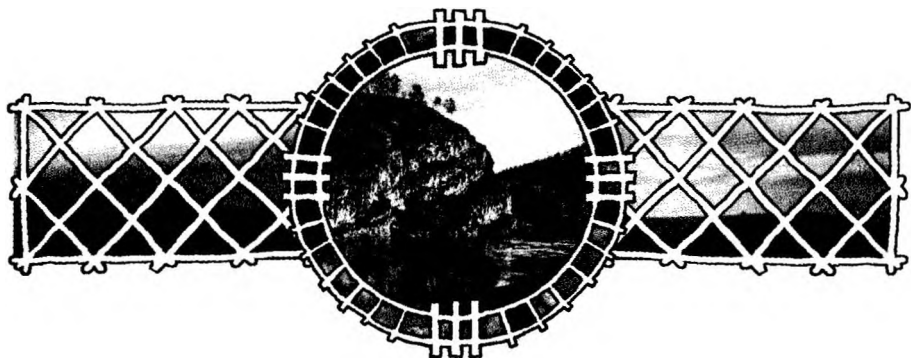
врагов, он не был сломлен, прощаясь с родственниками и земляками, он сказал:

Хоть и покрыли землю снега,
Иссушив и уничтожив траву,
Но солнечною весною дожди
Вновь заставят цветы зацвести.
Хоть и уйдет с родины Салават,
Но кровь батыров, пролитая врагами,
Не умрет, на нашей земле
Родятся другие батыры и отомстят за нас.

Таким запомнился Салават своему народу. Конечно, бурные события начала XX в., Октябрьская революция и последующая власть коммунистов оказали на эпос свое влияние, но едва ли оно было большим, ведь Габит-сэсэн, от которого М. Бурангулов записал этот эпос, умер в 1921 г., когда коммунистическая идеология еще не успела поразить умы народных певцов и сэсэнов.

Для понимания образа жизни башкирского народа того времени, мыслей и чаяний его героев, смысла их борьбы этот эпос – бесценное достояние. По нему следует сверять сведения исторических документов, написанных о башкирах, как правило, враждебной стороной, на другом языке, порой на допросах, в неволе, под пытками. Эпос «Юлай и Салават», как и другие произведения народного творчества исторического характера, дают нам прекрасную возможность отойти от порочной практики некоторых историков, стремящихся описать события, буквально следуя тексту таких документов. Изучая кубаиры, можно представить себе полную картину событий, а исторические документы будут отражать взаимосвязи, возникшие между различными ее участниками.

Глава 23

РОДИНА САЛАВАТА В НАЗВАНИЯХ И ИМЕНАХ

Большую часть жизни, около 26 лет, Салават провел на каторге, в Рогервике, на берегу Балтийского моря. В поселке эстонских рыбаков из уст в уста, из поколения в поколение передавалось предание о Салавате - каторжнике, который каждый день выходил на берег моря и пел. О чем были его песни?

Конечно же, о далекой родине, о матери, оставшейся там, о женах и детях, о свободе, обрести которую он еще не потерял надежду. Но эти надежды были очень похожими на балтийскую волну. Раз за разом набегала она из широких морских просторов и тут же разбивалась о берег, превращаясь в мелкие брызги.

А ночью, когда усталость валила с ног и он закрывал глаза, появлялись вдруг знакомые видения. Ласково шелестели листвой березы и осины, нешумный перекат воды в ручье рассказывал ему о жизни на далской родине. Лишь сны и песни незримыми нитями связывали его с родиной до последних дней.

Мать и родину не выбирают, но с них начинается жизнь и судьба. Где тот клочок земли, на котором Салават сделал первые шаги? Я знаю это место. У Салавата и у меня одна малая родина. Мы купались в одной и той же реке Юрюзани, лазали по тем же скалам, нас окружали одни леса и луга, мы пили воду из одних и тех же родников, поили коней в наших ручьях с холодной и чистой водой. Вот только соловьи, жаворонки и беркуты над скалами у нас были разные, у каждого свои.

И меня родина зовет, как некогда звала Салавата, хоть и живу я уже в ином месте. А в последние годы стараюсь побывать и там, где прошли детство и юность Салавата.

Лет 40 – 50 назад, а проще сказать после Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., чтобы приехать на нашу родину, надо было сесть в поезд, отправляющийся из Уфы в сторону Челябинска.

Поезд тронется, и замелькают маленькие станции, на которых останавливались «рабочие» поезда – составы наподобие пригородных электричек. Самая первая остановка – «Воронки». Не знаю, в честь каких воронок так называли это место. Оно знаменито не этим. Непосредственно в далекой древности, еще в начале нашей эры, здесь на крутом берегу располагалось городище. Уфимский полуостров с древнейших времен привлекал людей своей природной защищенностью от внезапных нападений.

В наше время недалеко от этих мест размещались дачи Комитета госбезопасности. Они стали известны с 1932 г., когда здесь жил популярный советский писатель А. Фадеев, автор широко известного уже в то время романа «Разгром».

А. Фадеев жил и работал в Уфе с февраля по октябрь 1932 г. Он приехал в качестве представителя Москвы для участия в съезде башкирских писателей. Съезд был отложен, и А. Фадеев до глубокой осени оставался в центре внимания литературной общественности Башкирии. За это время он познакомился с произведениями башкирских писателей, оказывал им помощь, выступал с докладами, плодотворно работал над своим романом «Последний из Удэгу».

Нашему поколению А. Фадеев известен больше по своему роману «Молодая гвардия», посвященному действию молодых людей, комсомольцев, на территории, оккупированной немецко-фашистскими захватчиками во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Роман имел небывалый успех у молодого послевоенного поколения, по нему создали фильм такого же названия. Именами молодогвардейцев называли новорожденных детей. Так, моя мама, Мамдуда Равиловна, увидев фильм в 1948 г., была восхищена мальчиком, пионером Радиком Юркиным. Ему я обязан своим именем.

Однако этот роман имел и трагические последствия. «Молодая гвардия» – художественное произведение, плод фантазии автора, хоть некоторые герои и имели своих прототипов. Но органы НКВД приняли роман как программу действия, стали вести следствие и арестовывать людей в поисках вымышленных автором предателей. А. Фадеев пытался протестовать, но безуспешно. Несколько человек было расстреляно. Автор романа застрелился сам. Таковы были традиции той страны, в которой мы жили.

А наш поезд, казалось, только разбежался, но скоро вновь в окнах замелькали дома, трамваи, и он начинает тормозить. Станция Черниковка. Некогда здесь была деревня помещика Черникова, а затем близ Уфы возник отдельный город Черниковск, образовавшийся при строительстве моторного завода в 30-х гг. XX в. Его строили ссыльные раскулаченные крестьяне. Слышал я от одной бабушки, сидевшей на скамейке возле своего барака: «Спасибо товарищу Сталину за то, что вывез нас из деревни. Как там спину гнули, вспомнить страшно – и день и ночь, таперь в городе живем...» Повезло этим раскулаченным крестьянам – недалеко увезли, не бросили в тайге на произвол судьбы.

Мелькнет в окне Шакша, поезд постоит на станции Иглино, центре Иглинского района, который в 1952 г. оспаривал у Салаватского района право проведения юбилейных торжеств к 200-летию со дня рождения Салавата Юлаева, ссылаясь на то, что он родился в их деревне Тикеево.

А вот и Чуваш-Кубово. Раньше это была башкирская деревня Кубово. Юлай, отец Салавата, будучи здесь старшиной, припустил сюда чувашей, сдал им в аренду землю. С тех пор эта деревня стала называться Чуваш-Кубово.

Все ближе и ближе родина Салавата, и станционные названия говорят об этом: Тавтиманово, Кудеевка. Здесь простираются земли, некогда принадлежавшие большому башкирскому племени Кудей, известному во времена Национально-освободительной войны 1735 – 1740 гг. Одним из вождей этой войны был старшина кудейских башкир Юлдаш-мулла Суярембетов, казненный губернатором Неплюевым уже после окончания этой войны.

С казнью Юлдаш-моллы Кудейская волость перестает существовать, делится, и на карте появляются Шайтан-Кудейская, Кыр-Кудейская и Белекей-Кудейская волости. Шайтан-Кудейскую волость возглавляет Шаганай Барсуков, Кыр-Кудейскую – тархан Юныс Теперищев, а Белекей-Кудейскую – тархан Исмаил Молдулов.

Поезд ненадолго остановится в маленьких уральских городках Аша и Миньяр, возникших из поселений, стоявших на берегах речушек того же названия. А вот и станция Симская, от которой в шести километрах расположен город Сим. Здесь, в горной котловине, расположен Симский завод, построенный заводчиками на земле шайтан-кудеев, отобранной у них обманом и подкупом.

Можете сойти с поезда и доехать до завода, побывать в заводском музее, но если экскурсовод узнает, что вы из Башкортостана, то сразу предупредит: «Ваш Салаватка сжег наш завод, и в музее вы о нем ничего не найдете» [114]. Вот так, цинично и презрительно: «Ваш Салаватка ...»

Быстро забыли симцы, как их крепостные предки на положении раба или рабочей скотины гнули спины на заводчиков. Да, Салават сжег завод, незаконно построенный на вотчинной земле его рода. Каждый волен защищать свою собственность как может. Но он и освободил много крепостных крестьян, работавших на заводе. Эти крестьяне бежали к себе на родину – в центральные губернии России, на Яик, влились в войско Пугачева. Салават покончил с их рабской жизнью. А условия их существования поражали даже карателей. Командующий всеми карательными войсками генерал-поручик Ф. Щербатов писал 16 июня 1774 г. оренбургскому губернатору Рейнсдорпу: «...жестокость, употребляемая от заводчиков со своими крестьянами, возбудила их к ненависти против своих господ».

Заводские рабочие, в основном крепостные крестьяне, больше ненавидели своих господ, нежели Салавата Юлаева. Эти господа и сделали Салавата врагом заводских рабочих. А сегодня их потомки говорят: «Ваш Салаватка...»

Он наш национальный герой, и хотя бы из уважения к соседней Республике Башкортостан можно было бы выбирать иные выражения. Ведь не высказывали же мы, уфимцы, никакого презрения и недовольства к тем симским рабочим, которые в советское время, казалось, были забыты властью, жили впроголодь, хлеб и колбасу рюкзаками возили из Уфы в электричках по этой же дороге. А ведь и мы сами не ели досыта, часами стояли в очередях за продуктами, а приезжие эти часы лишь прибавляли.

Если бы Салават руководствовался лишь желанием сжечь Симский завод, построенный на захваченной у башкир вотчинной земле, то сделал бы это значительно раньше – 23 мая 1774 г. У него для этого было достаточно сил и возможностей. Но он не трогал ни завод, ни заводские деревни, не поднялась у него рука лишить заводчан крова над головой.

Но в начале мая 1774 г. на Симский завод прибыл большой отряд карателей под началом подполковника И. Михельсона, большого специалиста по борьбе с повстанцами, прославившегося вместе с А. В. Суворовым еще при подавлении польских конфедератов в 1770–1772 гг.

Заводчане рассказали ему, что Салават находится неподалеку, в родной деревне. Михельсон решил одним ударом покончить с Салаватом и разгромить его деревню. Каратели вышли из завода 6 мая, их вели проводники – заводские рабочие. На подходе к деревне Юлая (Юлай-аул, где жили Юлай и Салават), в семнадцати верстах от Симского завода, они столкнулись с небольшим конным

отрядом Салавата. Произошла разведка босм. Михельсон вынужден был остановиться. Один день ушел у него на поиск основных сил противника и ожидание своей артиллерии. Утром 8 мая он вновь двинулся в сторону деревни Юлая.

Салават встретил Михельсона в поле на правом берегу родной ему речки Кускянды. У него тоже была своя артиллерия, но повстанцы испытывали недостаток пороха. Сам Михельсон так докладывал об этом сражении: «Отошед версты две (от д. Ерал. – Р. В.), я оных увидел тысячи за полторы или более, построившихся в поле в разные кучи. Приближаясь к ним, оне, начав стрельбу, прямо кинулись на моих передовых. Я, построившись в линию, приказал господам майорам Харину и Тютчеву ударить на левое, а сам ударил на правое злодейское крыло. Мы нашли такое сопротивление, какого не ожидали, злодеи, не уважая нашу атаку, прямо пошли нам навстречу, однако с помощью божией, но не малым от них сопротивлению были обращены в бег...» [115].

Михельсон попытался «взять в клещи» воинов Салавата. Велика была угроза повстанцам попасть в окружение, надо было отойти, но позади Салавата была его родина, деревня, отец и мать, жены, дети и другие родственники. И тогда он двинулся вперед, «не уважая атаку» Михельсона. Башкиры сами рассекли его фронт надвое, посеяли панику. Жестоким было это сражение, оставившее в памяти Михельсона неизгладимый след. Но силы были неравными. Преимущество карателей в артиллерии и огнестрельном оружии сказалось, да и у Салавата закончился порох. Он вынужден был отойти к деревне Каратавлы.

Каратели же вместе с сопровождавшими их заводскими людьми разграбили и сожгли деревню Юлая, а также другие деревни: Текей, Азналы, Мурат, Касай, где жили родственники Салавата. Тогда же оказались в неволе его мать, жены и дети. Он потерял их навсегда, ему не суждено было их больше увидеть.

Только после этого, 23 мая, оказавшись близ Симского завода, Юлай и Салават сожгли этот завод, отомстили тем заводчанам, которые участвовали в разорении их деревни.

Конечно, город Сим известен не только теми событиями 200-летней давности. Здесь в семье лесничего родился Игорь Васильевич Курчатov, отец нашей атомной науки и техники. Мне известен еще один уроженец города Сима - Александр Соколов, Герой Социалистического Труда, известный коневод, много лет жизни отдавший выращиванию орловских рысаков на Пермском конном заводе.

Из города Сима на родину Салавата можно попасть и тем путем, которым некогда прошел И. Михельсон, – через деревню Ерал. Но поезда там обычно не останавливаются, надо проехать чуть дальше. И вот вдоль железной дороги встанут стройные ряды высоких елей. В начале XX в. здесь был хутор, или заимка, купца Карпочинского. Башкиры это место называют «Карпочау». Сейчас здесь узловая станция Кропачево, ее без остановки не проезжает ни один поезд.

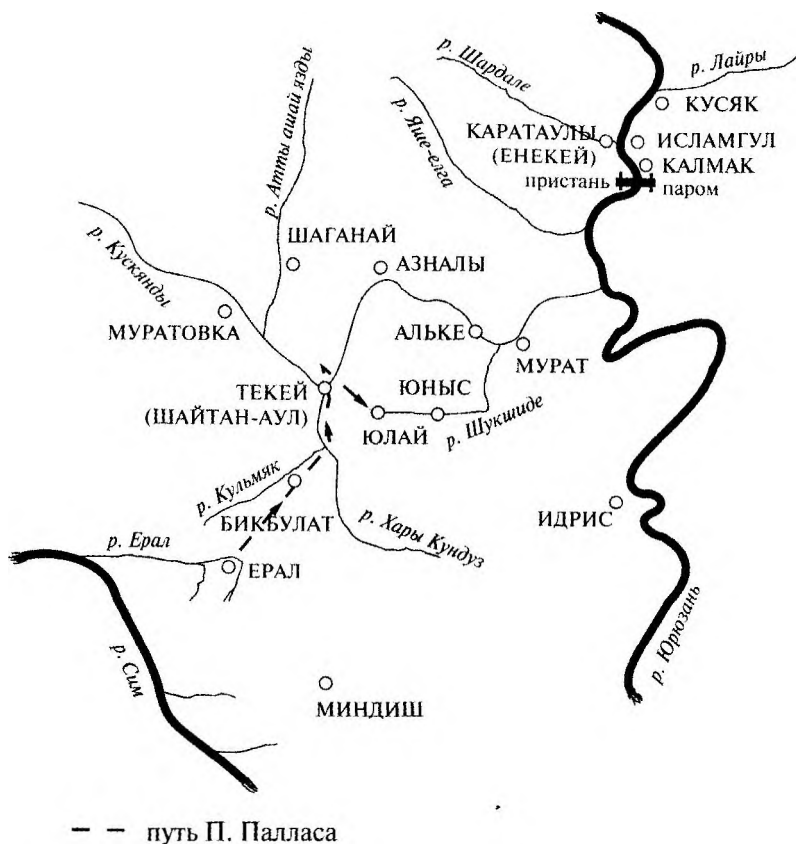
И вот железнодорожный состав встал, вы сошли на перрон, обошли вокзал, и путь ваш лежит через всю станцию на невысокое взгорье, откуда в продолжение улицы уходит шоссе. В те послевоенные годы пройти через какую-либо улицу станции Кропачево было нелегким делом, особенно после дождя. Собственно станция была большой деревней, но отличалась от таковой отсутствием деревенского уюта и чистоты. Грузовики, проезжавшие по улицам, наминали здесь такую колею и ямины, что иные свиньи, облюбовав дорожные лужи, погружались в них так же, как городские жители – в свои ванны.

Но вот станция осталась позади. Вы поднялись на гору, перевалили через нее, и перед вами открылась долина, где меж невысоких гор, по сути холмов, поросших березняком и соснами, течет ручей. Он называется Хары Кундуз, что означает «Желтый бобер». Здесь и начинается «Шайтан-як» (земля шайтана). Это и есть малая родина Салавата Юлаева.

Основные источники, по которым можно восстановить расположение деревень на родине Салавата, – это карта Красильникова и Рычкова 1755 г. и путевые заметки П. Палласа, руководителя одной из академических экспедиций. Он проехал здесь с остановками 21 – 25 мая 1770 г., за три года до начала Пугачевщины.

Кроме того, в моем распоряжении есть карта междуречья Сима, Юрюзани и Ая из архива нашего краеведа Хайруллы Кульмухаметова, переданная мне его дочерью Аминой. Ниже я расскажу вкратце об этом патриоте нашего края. Как следует из надписи на карте, сделанной рукой Х. Кульмухаметова, он составил ее на основе «карты Сибирской дороги XVIII в., по ландкартам Красильникова, по топографии Рычкова». Есть на этой карте и дата – 11 мая 1950 г., и место изготовления – «Институт имени М. Гафури». Помимо этих сведений, на карту нанесены:

- места разгрома куваканского племени в X – XI вв.;
- места боев во время восстания Карасакала в 1740 г.;
- места боев отряда Салавата Юлаева;
- деревни, разоренные карателями, и деревни, принявшие беженцев, а также пути их переселения.

Фрагмент карты Х. Кульмухаметова

Причем на карте Х. Кульмухаметова не только поставлены значки на местах сражений Салавата и Пугачева с Михельсоном в начале июня 1774 г., но и приведены названия урочищ, где это было, что особенно ценно. Ведь исторической науке места этих сражений до сих пор были не известны. В литературе встречались предположительные обозначения этих мест — «на берегу Ая», «около деревни Верхние Киги».

Итак, совершив маленькое путешествие по родине Салавата Юлаева. Я несколько раз вместе с другим нашим краеведом Т. Загидуллиным ходил маршрутом, описанным П. Палласом [116]. Пройдем его еще раз на страницах этой книги, шаг за шагом, буква в букву сверяясь с картой Х. Кульмухаметова.

Почему так строго? — может полюбопытствовать читатель. Отвечу: такие попытки уже предпринимались, причем не один раз, но

без учета мнения местных краеведов, знавших эти края не по чьим-то писаниям, а по следам существовавших некогда деревень и народным преданиям, бытовавшим здесь в 50-х гг. XX в.

Паллас отправил свою экспедицию из деревни Ерал прямой дорогой через Шаганай-аул к деревне Каратавлы, где была паромная переправа и откуда шла дорога на мишарскую деревню Насибаш. А сам он поехал по Сибирскому тракту, который и привел его в Шайтан-як, на родину Салавата Юлаева. Сам Салават на допросе 25 февраля 1775 г. показал: «...жительство имел при отце своем Оренбургской губернии Уфимской провинции в деревне Юлаевой, состоящей на большой Сибирской дороге». Эта «большая Сибирская дорога» и была Сибирским трактом, соединявшим Уфу с Екатеринбургом.

Первой деревней на пути Палласа, выехавшего из Ерала, оказалась деревня Бикбулат, расположенная на ручье Кульмяк, на котором он нашел плотину и крупную мельницу. Затем П. Паллас пишет: «Отсюда отправился я вниз по речке Кульмяк, через соединяющийся с нею ручей Саракундусь (Хары Кундуз. – *Р. В.*), Желтый бобр...». Так Паллас оказался на правом берегу речки Хары Кундуз. Сибирский тракт действительно тянулся здесь по косогору, по правому берегу этого ручья.

Далее путь Палласа лежал «через речку Кускянды, которая, сливаясь с ручьем Хары Кундуз, впадает в Юрюзань. Здесь (!), взяв несколько провожатых из лежащей на левой стороне сея (Кускянды. – *Р. В.*) речки деревушки из несколько разсеянных дворов состоящей Шайтан-аул...»

Паллас по косогору доехал до слияния речек Хары Кундуз и Кускянды и переправился на левую сторону последней. Здесь он обозначил деревню Шайтан-аул. Это по Палласу, а по карте Красильникова и Рычкова 1755 г., в этом месте отмечена деревня Текей.

Судя по тому, что деревню Текей называли еще и Шайтан-аулом, это был центр Шайтан-Кудейской волости. Кроме того, археологи нашли следы нескольких домов, стоящих в один ряд на косогоре, прямо на «большой Сибирской дороге». Что это? Другая деревня?

Нет, очень близко, не более 100 – 150 м от слияния речек Хары Кундуз и Кускянды. Похоже на то, что здесь располагалась какая-то обособленная часть Шайтан-аула, возможно, зимняя или административная, связанная с функционированием Сибирского тракта. Ведь по этому тракту перевозилась почта, ездили разного

рода служилые люди, военные – на службу в Сибирь и обратно в отпуска. Да мало ли кто ездил по этому тракту, арестанты-каторжники шли «по этапу». Мне достоверно известно, что один из «этапов» был в нашей деревне Каратавлы, поблизости от упомянутого Палласом «Юрюзанского перевоза» – паромной переправы.

Это место моя бабушка Фатыма называла «ятап». В начале XX в. он располагался в двухэтажном здании. Первый этаж был сложен из камня с металлическими решетками на окнах. Здесь ночевали арестанты-каторжники. На втором этаже, срубленном из бревен, располагался конвой.

От деревни Каратавлы до Текей (Шайтан-аула) примерно 20 – 22 км. Это соответствует дневному переходу арестантов-каторжан. Значит, в Текей-ауле располагался такой же «ятап», как и в Каратавлах. Здесь меняли лошадей, помогали в ремонте экипажей, давали провожатых. Это, по сути дела, был почтовый ям.

Среди местных жителей эта деревня называлась Текей, под таким названием она вошла во многие исторические документы. Лишь Паллас назвал ее Шайтан-аулом по аналогии с названием Шайтан-Кудейской волости. Позже, после подавления Пугачевщины и сожжения карателями деревни Текей, это место стали называть «Иске йорт», что значит «старый двор». Уцелевшие жители бежали из этой деревни в другие места. Х. Кульмухаметов на своей карте указал пути беженцев. Он установил, что они переселились в деревни Шаганай, Юныс и Азналы.

Итак, место расположения деревни Текей мы установили – по обоим берегам речки Кускянды, около устья ручья Хары Кундуз. Это очень важно, так как на допросах и Салават и Юлай назвали ее местом своего рождения. Однако едва ли стоит принимать протоколы допросов буквально. Юлай родился в доме своего отца Азналы, а Салават – в доме Юлая. Если это случилось летом, на летнем стойбище в юрте у ручья, то назвать точно место рождения было невозможно. Поэтому они, скорее всего, указали ближайшую известную административную точку, волостной центр – деревню Текей, что в общем-то соответствовало действительности. Жилище Азналы и Юлая располагались не далее 3 – 4 км от Текей-аула.

Теперь вновь обратимся к сочинениям Палласа: «...поехал (из Текей-аула. – Р. В.) я обратно через Кускянды бес дороги прямо к востоку по горе из двух больших хребтов состоящий и редким березняком оброщей, именуемой Саракундуз-тау. В долине между гривами сия горы лежащей находится из немногих дворов состо-

ящая деревня Гулей-аул, в которой живет начальник поколения Шайтан-кудей. При деревне истекает из порядочных ключей небольшой ручеек, скрывающийся к северу...»

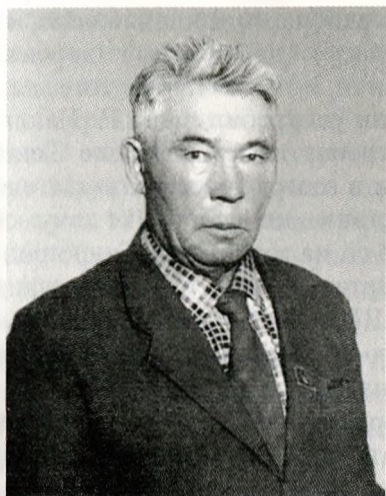
«Начальником поколения Шайтан-кудей», или, как мы привыкли называть, старшиной, в то время, в мае 1770 г., был Юлай Азналин. Гулей-аул (по Палласу) – это Юлай-аул, деревня, в которой жили в то время сам Юлай с женами и детьми, Салават с женами и детьми, его сестры и братья с семьями. Кроме них, в деревне проживали еще семьи работников и бедноты, которым Юлай по должности и обычаям должен был помогать. Башкирские деревни того времени были небольшими, представляли собой скорее маленькие хутора, состоящие из нескольких дворов.

Юлай-аул мы не найдем на карте Красильникова и Рычкова 1755 г. В это время Юлай участвовал в восстании башкир, идеологом которого был Батырша (1755 – 1756 гг.). Согласно эпосу «Юлай и Салават», он после подавления восстания вместе с семьей семь лет скрывался в горах близ Ямантау и лишь после прощения вины вернулся на родину.

На упомянутой карте у излучины речки Кускянды – там, где русло поворачивает на восток, обозначена деревня Азналы. Действительно, в эти годы (1755 г.) дед Салавата Азналы жил дома, в своей деревне. Эта деревня лежала несколько в стороне от Сибирского тракта. Паллас не отметил деревню Азналы в своих записках.

Родина Салавата Юлаева попала в многотомное сочинение профессора А. Асфандиярова «История сел и деревень Башкортостана». Однако автор оказался в плену своих убеждений о старшинстве Азналы в роду шайтан-кудеев, о коренном его происхождении из этого рода. Хотя нет никаких исторических документов, сведений из эпических произведений, указывающих на происхождение Азналы из рода шайтан-кудеев. Он пишет о том, что деревня Азналы была известна П. Палласу и упомянута им под названием Шайтан-аул, добавляя, по своей инициативе, – Азналино [21. С. 131]. «Аднала (Азналино) – коренное поселение шайтан-кудеев, раннее название которого было Шайтан. В этом нет никаких сомнений», – пишет уважаемый историк [21. С. 128].

Однако здесь он ошибся. Дело в том, что место расположения деревни Азналы известно и поныне старожилам и краеведам Салаватского района. Так, краевед Т. Загидуллин, живший в соседней деревне Алькино, поставил в 60-х гг. XX в. памятный бетонный знак там, где некогда стояла деревня Азналы. Он же нарисовал картину для Музея Салавата Юлаева, на которой

*Краевед Т. Загидуллин, сделавший
очень многое для увековечения
памяти Салавата Юлаева*

*Портрет Салавата Юлаева,
написанный Т. Загидуллиным*

изобразил деревню Азналы в излучине речки Кусьянды, на 3 – 4 км ниже устья ручья Хары Кундуз. Эта картина приводилась на страницах журнала «Агидель» [117].

Там же отметил деревню Азналы на своей карте другой наш краевед Х. Кульмухаметов. Его сын, мой дядя Габдулхак Гайнуллин, работая редактором районной газеты, выступал в печати с предложениями по возрождению деревни Азналы. Уж очень это место было удобным для жилья. Прекрасные луга, чистые родники, связь с именем Салавата Юлаева делали это место привлекательным для туристов. Следы деревни Азналы и памятный знак существовали долго. Они были уничтожены в советское время при копании силосных траншей для близлежащей Алькинской фермы.

Шайтан-аул так же достаточно точно указан П. Палласом. Даны хорошие ориентиры – «берега речки Кусьянды около устья ее притока Хары Кундуз». Это же место описал наш краевед Х. Кульмухаметов (с. 20 его архива): «Когда идешь от станции Кропачево в сторону Юныс-аула и спускаешься с горы в ложбину, то выходишь к слиянию ручья Хары Кундуз с речкой Кусьянды. Здесь, около устья ручья Хары Кундуз, есть следы домов, называемые местными жителями Иске юрт (Старый двор). Раньше в этом месте располагалась деревня Текей, в которой родился Салават Юлаев».

Для нас, краеведов Салаватского района, совершенно ясно, что Азналы и Шайтан-аул (по Палласу) – две разные деревни, отстоящие друг от друга на расстоянии 3 – 4 км. Кроме того, надо отметить, что топоним «Шайтан-аул» употребил лишь П. Паллас. В официальных документах эта деревня имет название Текей. Шайтан-аул ни разу не упомянут ни в географических указателях «Материалов по истории Башкортостана», ни в сборнике документов «Крестьянская война 1773 – 1775 гг. на территории Башкирии». Нет такого названия и на древних картах. Думаю, что это название придумал Паллас, по аналогии с Шайтан-Кудейской волостью. Скорее всего, он услышал от кого-то народное название этой местности *Шайтан-ях* и ее центр назвал «Шайтан-аулом».

Профессор А. Асфандияров старается убедить нас в том, что Шайтан-аул – деревня деда Салавата Юлаева Азналы. Дескать, Азналы – коренной шайтан-кудеец, хотя никаких сведений о происхождении деда Салавата историческая наука тогда не имела. Для чего понадобилось такое притяжение? А для того, чтобы иметь хоть какую-то зацепку для критики моего варианта родословной Салавата, в которой дед нашего национального героя – Азналыбай Карагужин представлен как старшина Куваканской волости.

В результате такого стягивания двух деревень в одну у А. Асфандиярова пропала деревня Текей. Он так и не определил в своем справочнике месторасположение этой деревни, ограничившись лишь упоминанием о ее существовании и сожжении карателями, почему-то в 1775 г. Конечно, о деревне Текей мало что известно, но ведь она указана на карте Красильникова и Рычкова, значит, по крайней мере, место ее расположения автор мог отметить. Обязан был это сделать – эту деревню Юлай и Салават назвали местом своего рождения. Но профессор А. Асфандияров не сделал этого. В том месте, где на старых картах стоит деревня Текей, он поместил деревню Азналы.

Повторюсь, старожилы и местные краеведы Салаватского района достоверно знали *две разные деревни* на речке Кускянды: Текей (Шайтан-аул, по Палласу), в устье ручья Хары Кундуз, и Азналы – ниже по течению в 3 – 4 км, где Кускянды поворачивает на восток.

От деревни Азналы речка Кускянды несет свои воды между невысоких гор, где располагается современная деревня Алькино. Выбравшись в долину Юрюзани, она поворачивает на север. Здесь на другой излучине некогда стояла деревня Мурат (Мрат). Она обозначена на карте Красильникова и Рычкова 1755 г. Это деревня старшего сына Азналы, Мурата, принимавшего участие вместе с

отцом в восстании под предводительством Карасакала. Как было принято тогда в башкирских семьях, братья Мурат и Юлай жили неподалеку от семьи отца.

О деревне Мурат (Мрат) известно очень мало, есть лишь отрывочные сведения о родственниках Салавата Юлаева из деревни его дяди Мурата. Так в списке отряда Салавата, составленного после 23 марта 1774 г., значатся Арслан Муратов и Салимьян Муратов [118]. Краевед Х. Кульмухаметов в своих записках, переданных М. Идельбаеву и опубликованных им в своей документальной повести «Юлай улы Салауат» [119], неоднократно вспоминает родственников Салавата из деревни Мурат. Эта деревня была сожжена карателями Михельсона в начале мая 1774 г. Ее жители переселились ближе к деревне Шаганай, образовав выселок Муратовку.

Однако мы несколько отклонились от Сибирского тракта, бросив П. Палласа на большой дороге. А он держал свой путь на север и приехал в Шаганай-аул. Эта деревня стоит на ручье под названием Атты ашай язды (досл. Чуть не съел коня). Так называли мне этот ручей местные жители, прожившие много лет в этой деревне. Он впадает в речку Кусянды.

Шаганай-аул – деревня знаменитого в тех краях башкира Шагана Барсукова, старшины Шайтан-Кудейской волости до 1743 г. Его имя становится известным осенью 1739 г., когда он вместе со своими соседями-родственниками (тарханом Юнусом Теперищевым и Алексеем Булатовым) захватил одного из вождей Национально-освободительной войны 1735 – 1740 гг. Тюлькусуру Алдагулова и сдал его властям.

Тюлькусура был казнен в Мензелинске, а Шагана за его деяния включили в состав делегации знатных башкир, приглашенных на коронацию императрицы Елизаветы. В апреле 1742 г. члены делегации были представлены императрице и вручили Елизавете свои дары – «два сорока соболей».

В 1740 г. Шаганай показал представителям властей месторождение железной руды по реке Юрюзани на территории Тырнаклинской волости. В документе указана речка Узень [120], это сокращенное народное название гидронима Юрюзань.

В свете открытия Шаганаем месторождения железной руды на Юрюзани интересна находка строителей на курорте Янгантау в 2000 г. Во время строительства бассейна почти на вершине горы, на глубине 7 м, был найден большой кусок металла серебристого цвета без признаков окисления, весом около 4 т. Первоначально

этот металлический предмет был принят за метеорит, упавший на гору и инициировавший процессы в ее недрах [121].

Однако анализы не подтвердили этой версии. В процентном составе массы этого куска металла оказалось: железа – 96,08 %, марганца – 1,08 %, хрома – 0,29 %, ванадия – 0,13 %. Был сделан вывод: такой состав для железных метеоритов не типичен, но местные жители утверждают, что в близлежащей округе есть, по крайней мере, еще два следа от падения небесных странников.

Ученые-металловеды считают, что это рукотворный слиток, результат работы древних башкирских металлургов, попытавшихся использовать термические явления Янгантау для плавки металла. На ранней стадии развития этих тепловых процессов температура газов, исходящих из недр, была очень высокой, и им удалось выплавить нержавеющей металл. Выплавить-то они его выплавили, но жидкий металл, видимо, «утек» по расщелинам на глубину в 7 метров. Начало тепловых явлений на Янгантау, по сведениям того же П. Палласа, приходится на середину XVIII в., что совпадает со временем жизни Шагана, бывшим, похоже, потомственным рудознатцем.

Относительно фамилии Шагана – Барсуков, профессор А. Асфандияров высказал предположение, что она происходит от слова «барсук» [21. С. 136]. *Бурхык* (башк.) – это, скорее всего, прозвище его отца, данное ему за копанье шахт и шурфов. В связи с этим интересны слова другого путешественника, И. И. Лепехина [11. С. 229]:

«Животное сие за рудокопщика почитать должно, так, как и на степных местах сурков и сусликов. Барсук, имея подземное жилище, выкапывает наружу все, что в горе содержится, и тем без дальних поисков дает знать о горных внутренностях. Барсук-тау (гора) может сему быть свидетелем. Тут во взрытых буграх видны были куски железной руды, между коими примечался и так называемый железный лоск или гланц, который блестящим своим видом не малую надежду подавал нашим рудопромышленникам, которые и нас повидаться с барсуком затащили».

Как видим, сурки, суслики, барсуки и башкиры были в то время главными действующими лицами российской науки в области поиска металлических руд. Незлобивый зверь барсук, рудокопщик Бурхык, его сын рудозналец Шагана и железодельный Симский завод, расположенный на их землях, – это звенья одной «железной» цепи. Думаю, что из-за своего рудокопного подземного дела, частого и долгого пребывания под землей род Шагана и его отца Бурхыка получил свое прозвище Шайтан, а та часть Кудей-

ской волости, где они проживали, после разделения стала называться Шайтан-Кудейской волостью.

Знатный башкир Козяш Рахмангулов, возведенный в ранг старшины Сибирской дороги, после подавления восстания Карасакала обратился с письмом к уфимскому вице-губернатору П. Аксакову с изложением просьб башкир. Это письмо подписал и поставил тамгу от Шайтан-Кудейской волости старшина Шаганай Барсуков. Их предложения заключались в следующем:

1. Согласно древним тюркским обычаям, башкиры просили разрешения брать в жены вдов бунтовщиков без уплаты штрафных лошадей, а также просили прекратить дела о претензиях иноверцев друг к другу.

2. Требовали издать указ для припущенников с обязательством для них платить башкирам деньги за припуск на вотчинные земли. Это было связано с тем, что башкиры платили в казну ясак за эти земли.

3. Признавать их решения по платежам в казну, вынесенные на основе шариата.

4. Освободить башкир от обязанности ежемесячно сообщать об умерших и родившихся и платить «свадебные деньги». Эти обязанности ранее не возлагались на башкирский народ.

5. Присылать в аулы офицеров для сбора ясака и освободить башкир от обязанности возить ясак самим в город Уфу.

6. Взять суд над бунтовщиками, еще содержащимися под караулом у генерала Соймонова, в свои руки, не надеясь на милость от этого палача башкирского народа.

Как видим, Шаганай привлекался и к решению общенародных проблем, имел вес в башкирской аристократии. Но это, видимо, вскружило ему голову, да и вице-губернатор П. Аксаков не жаловал пособников карателей, причастных к кровавым расправам над бунтовщиками.

Было следствие о злоупотреблениях башкирских старшин, на котором Шаганаю предъявили много обвинений со стороны подчиненных ему башкир и сместили со старшинства в 1743 г. [122]. Однако он оставался вотчинником и влиятельным человеком в Шайтан-Кудейской волости.

Не случайно именно с ним вел переговоры заводчик Матвей Мясников об отводе земли под постройку Симского железодельного завода. И не только потому, что Шаганай легче пошел на сделку. Это была вотчинная земля Шагана и его родственников, им она и принадлежала. Поэтому в определении Берг-коллегии о разрешении заводчику М. Мясникову на постройку Симского заво-

да речь идет о «дачах Шайтан-Кудейской волости отставного старшины Шиганая Бурчакова с товарищи...». Действующий старшина волости и вовсе не упоминается.

Юлай Азналин с другой частью башкир-вотчинников попытался опротестовать эту сделку по купле-продаже земли, совершенную Шаганаем, но суд не только ему отказал, но и приговорил к штрафу в сумме 600 рублей.

Наложение судом денежного штрафа свидетельствует не только о происках всесильных заводчиков, но и о том, что в действиях Юлая суд усмотрел правонарушение с его стороны – он покушался на землю, ему не принадлежащую, а бывшую вотчиной Шаганаая. Юлай был старшиной в Шайтан-Кудейской волости по должности, а по происхождению его вотчинная земля лежала в Куваканской волости. Коренными вотчинниками Шайтан-Кудейского рода, кроме Шаганаая, были его двоюродный брат Алексей Булатов и тархан Юныс Теперищев.

Шаганай Барсуков оставил после себя большое потомство, жившее в его деревне. Старшим сыном Шаганаая был Рысбай, участвовавший в 1762 г. в отводе земли заводчикам Твердышеву и Мясникову. Надо ли говорить, что тогда отношения между семьями Азналы и Шаганаая еще больше накалились. В 1771 – 1772 гг. Юлай был в боевом походе в Польше. На старшинской должности он оставил вместо себя молодого Салавата.

Во время сбора налогов случилась стычка между Салаватом и Рысбаем. Сын Шаганаая, видимо, не воспринял Салавата на старшинской должности, употребил несколько резких выражений. В результате в Уфимский приказ ушел рапорт Салавата о недостойном поведении Рысбая. Через некоторое время из Уфы явился казачий капрал Иван Клавдин с двумя казаками, арестовал Рысбая и его помощника Масгута Аскарова и увез их в Уфу для разбирательства.

Отношения между родами Шаганаая и Азналы завязались в клубок вражды раньше, еще в 1740 г., когда в деревне Васкын на курултае Карасакал был объявлен башкирским ханом. Азналы стал близким соратником Карасакала, а Шаганаай оказался в числе верных правительству башкир и попытался арестовать Карасакала. Потом был судебный процесс, затеянный Юлаем в 1762 г. против Шаганаая, который также подлил масла в огонь. А стычка между Салаватом и Рысбаем перенесла огонь кровной вражды уже на третье поколение.

Дальнейшее произошло аналогично известной трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта». Родилось четвертое поколение, в

котором молодые люди из враждующих родов полюбили друг друга, несмотря на многолетнюю вражду.

Забегая вперед, отмечу, что один из сыновей Салавата, вернувшись на родину, женился на дочери Рысбая. Эта девушка имела сильный характер. Она сумела потушить пожар кровной вражды, длившийся без малого целый век. В перепись она вошла под именем Усиктете, что означает «грозная девушка» или что-то в этом роде.

Известны другие сыновья Шагана: Емаш, Кунаккильды, Шукур, Сафар. В переписях отмечены его внуки и внучки, правнуки и правнучки. Деревня Шаганай, благодаря преданности царским властям ее основателя, не была сожжена во время подавления Пугачевщины и просуществовала до советского времени. Коренные изменения произошли в конце 20-х гг. прошлого века.

Из деревни Каратеке (ныне Каратяки) Кушнареновского района, спасаясь от разорения и раскулачивания, бежало несколько зажиточных семей. Не знаю, какими соображениями руководствовались эти люди, но они осели в глухой башкирской деревне Шаганай. Скорее всего, это была доступность пахотной земли и отдаленность от властных структур и родной стороны. Глухомань, одним словом.

Среди них оказался и Иксан Залялетдинов, 1897 г. рождения, ставший учителем в местной школе. Он был весьма любознательным человеком, кропотливо изучал историю своего нового места проживания. Конечно, основным объектом его исследований стал Салават Юлаев, его борьба, потомки, шежере рода.

Моя родная тетя Манзума, несколько лет учительствовавшая в Шагане, вышла замуж за Наиля Имакаева, семья которого также бежала из Кушнареновского района. Наиль-эзна имел брата Шамиля, женатого на Венере, дочери Иксана Залялетдинова.

Венера-апа и передала мне вариант шежере Салавата, составленный И. Залялетдиновым для одной из этнографических экспедиций Челябинского педагогического института. Она же утверждала, со слов отца, что у них в Шагане бывал писатель С. Злобин, также интересовавшийся потомками Салавата. И. Залялетдинов передал Злобину имевшиеся у него сведения, показал ему могилу брата Салавата Юлаева – Ракая.

С. Злобин в своих записях, сделанных в деревне Шаганай 23 июля 1928 г., отметил: «Видел потомка Салавата, ...лет около семидесяти. Зовут его Салах» [106. С. 45].

В 1952 г. отмечалось 200-летие со дня рождения Салавата Юлаева. Тогда считалось, что Салават родился в 1752 г. Было принято решение об увековечении его памяти. Идеологи коммунизма, которым всегда нужен был классовый враг и месть, хотя бы над его памятью, переименовали деревню Шаганай в Юлаево, якобы увековечив память о Юлае и искоренив из памяти народа имя старшины Шаганай. Однако и по сей день местные жители называют эту деревню Шаганай-аул.

А ведь старшина Шаганай Барсуков – это также наша история. Национальной трагедией башкирского народа в те годы стало разделенис башкир на «верных» и бунтовщиков. И те и другие считали себя правыми, отстаивали собственные убеждения и интересы. И не нам их судить, делить на хороших и плохих людей, вытравливать из памяти народа их имена. Мудро сказал Ахметзаки Валиди: «Мы не красные и не белые – мы башкиры». Историю народа не следует уничтожать, а надо бережно хранить для потомков. Хотя бы в назидание о той великой трагедии, о потере единства народа должна остаться на карте Салаватского района деревня Шаганай.

Не потому ли нет в истории башкирского народа места для металлургии, если даже память об известных рудознатцах, таких как Шаганай, геологах в современном понимании, вытравливалась таким вот образом.

Идеологи коммунизма попытались внушить башкирам, что их прошлое – это кочевое скотоводство в диких степях, что они не имели ни городов, ни ремесленных центров, не знали недр Урала, не умели выплавлять металлы и делать из них необходимые изделия. Уделом диких башкир якобы были рыболовство и охота, пчеловодство и разведение скота, а металлургию и металлообработку они отдавали «старшему брату», совсем забывая о том, от кого тот этому научился. И Башкирию они называли не иначе как «дикой».

Нужно вернуть деревне Шаганай ее историческое название. В 80-х гг. XX в. наш аксакал-краевед Тархан Загидуллин при удобном случае обратился к Т. Ахунзянову, секретарю Башкирского обкома КПСС, с этим вопросом. Т. Ахунзянов спросил: «А это кто такой?» Ему назвали имя и фамилию обратившегося человека. «А, тархан! Понятно, почему он заботится о Шаганае!» – был ответ. Нельзя не согласиться с профессором А. Асфандияровым, что всякое переименование следует признать противоестественным.

Деревня Алексея Булатова – Альке (Алькино) при речке Кускянды также сохранилась и по сей день. Она располагается в 2 км

ниже по течению Кускянды от деревни Азналы. Ее не было на карте Красильникова и Рычкова 1755 г. Можно предположить, что в то время Алексей жил в деревне Шагана, приходящегося ему близким родственником (в источниках – брат) [123], а после того как Азналы прекратила свое существование, основал неподалеку от нее свою деревню Альке. В 1795 г. в ней насчитывалось всего 8 дворов и 108 жителей [21. С. 130].

В этой деревне упоминавшийся выше учитель местной школы Т. Загидуллин организовал первый музей С. Юлаева на его родине. Об этом человеке следует рассказать подробнее. Он был большим патриотом своей малой родины. Судьба памяти о Салавате Юлаеве переплелась с судьбой самого героя в 1952 г. на юбилейных торжествах в честь 200-летия С. Юлаева. Он участвовал в закладке первого камня под памятник герою на его родине.

Через два года привезли и установили бюст Салавата работы Тамары Нечаевой. Тогда Тархан-агай увидел в первый раз образ героя. Т. Нечаева слепила его с известного актера А. Мубарякова. Это был лик 35 – 40-летнего мужчины.

«Разве таким был Салават Юлаев?» – задумался Т. Загидуллин и начал набрасывать на бумаге свой образ Салавата. Получался молодой башкир 20 – 25 лет, лишь входящий в пору возмужания. Со временем вокруг Т. Загидуллина сложился детский кружок краеведов, интересовавшихся судьбой Салавата. Дети и стали нести в школьный кабинет географии разные старинные вещи, характеризующие жизнь и быт населения на родине Салавата. Районное начальство приняло решение открыть в Алькинской школе музей Салавата Юлаева.

Русский писатель С. Злобин написал роман о Салавате, осетин С. Тавасиев сотворил памятник, художник Кузнецов нарисовал картину «Допрос Салавата», представив его 45-летним мужчиной. Т. Загидуллин не воспринимал душой эти образы. «Почему башкиры стоят в стороне от дела увековечивания памяти своего национального героя?» – недоумевал он.

И тогда, еще в 60-х гг. XX в., он обратился к Габдулхаку Гайнуллину с просьбой опубликовать в районной газете статью о Салавате, о необходимости сохранения памяти о нем здесь, на родине. Как вспоминает Габдулхак-агай, работавший в то время в редакции, это было первое выступление подобного рода. Т. Загидуллин с возмущением писал о том, что существовавшее, мягко говоря, безразличное отношение земляков к национальному герою их не укрощает.

Что может сделать сельский учитель по увековечиванию памяти национального героя? Т. Загидуллин сотворил многое. В школьном музее появился портрет героя его работы. На склонах горы, протянувшейся вдоль автомобильной трассы Уфа – Екатеринбург, руками детей белыми кирпичами уже много лет выкладываются надписи «Родина Салавата» и «Салавату 254 года». Последняя ежегодно обновляется. На месте родной Салавату деревни Текей он вместе с детьми первым сложил небольшой обелиск.

Т. Загидуллин был одним из инициаторов строительства большого Музея Салавата Юлаева на его родине – музея, достойного памяти национального героя. Тархан-агай очень хотел, чтобы музей был построен ближе к месту, где некогда располагалась родная деревня Салавата, например, в Альке-ауле, где он сам проживал. Но было принято решение построить Музей Салавата Юлаева в райцентре, в Малоязе, на оживленной транспортной магистрали, связавшей Уфу и Екатеринбург, ближе к курорту Янгантау.

Решение, в общем-то, правильное, и Тархан-агай с ним согласился. Музей должен быть посещаем, доступен туристам, сплавляющимся по Юрюзани, людям, отдыхающим на курорте Янгантау, гостям района, которых в Малоязе, конечно же, значительно больше, чем в Альке-ауле, стоящем в стороне от Юрюзани и от оживленной трассы.

Много сил и души вложил Тархан-агай в оформление музея. Здесь полностью раскрылся его талант художника. Вдвоем с сыном они написали картины деревень: Азналы, Юлай и Текей. Природу писали с натуры, на родных Салавату местах, а деревни – по своим представлениям о башкирских поселениях XVIII в. Эти картины ценны еще и тем, что точно воспроизводят места расположения деревень по оставшимся следам и народной памяти. Т. Загидуллин также воссоздал и портрет Салавата, основываясь на лицах его потомков. Этот портрет выставлен в Музее С. Юлаева. В нем нет ничего общего с тем лицом, которое изваял С. Тавасиев. Это лицо горно-лесного башкира. Я спросил у Тархана-агая: «Что же ты серьгу в ухе не нарисовал? Говорят, Салават серьгу носил, как на памятнике сделал С. Тавасиев?»

– Что? Какая серьга? – возмутился Тархан-агай.

– У башкир мужчины никаких серег и других украшений не носили и не носят. Только женщины носят у нас украшения, – добавил он.

Как-то около Башкирского государственного университета я встретил известного археолога Н. Мажитова. Он собирался в очередную экспедицию. «Куда?» – спросил я его. «В Салаватский район. Администрация просит определить точное местоположение родной деревни Салавата – этнографический комплекс хотят построить», – ответил он.

Следующим летом, на сабантусе, я нашел Тархана Загидуллина и поинтересовался, были ли археологии и что они нашли?

– Были, – ответил он. – Нашли следы деревни в 50 метрах от того места, где мы с детьми обелиск поставили. Если хочешь, можем съездить, посмотришь своими глазами, – предложил Тархан-агай.

Отгремел сабантуй, отзвенели песни, отскакали кони и мы троим: Тархан-агай, я и мой отец Шакир Вахитов отправились смотреть родные Салавату места. Дорога тянулась берегом Кусканды вдоль склона горы.

– Это старая дорога в Кропачево. Ее начали строить еще до начала Великой Отечественной войны. Каждому жителю ближайших деревень выделили по 300 метров дороги. И мы с отцом строили, – рассказывал по пути Тархан-агай. – Надо было выкорчевать деревья на всю ширину полотна, разровнять его и засыпать природным камнем. Но не достроили дорогу. Началась война. А еще раньше здесь тоже была дорога – этапный тракт шел через Шаганай и дальше к вам, в Каратавлы, – добавил он.

Действительно, дорогу не достроили. Пришлось остановиться, оставить машину и двигаться пешком.

– Сколько раз просил районное начальство пропустить здесь грейдер. Но нет. Говорят, что средств не хватает, к живым деревьям дороги надо строить, – говорил с горечью Тархан-агай.

Так за разговором мы вышли на живописнейшее место, напоминающее полку на горном склоне. Здесь явно когда-то была деревня. Вот и спуск вниз, к речке. Неподалеку стоял обелиск, сложенный из кирпича, обмазанный глиной и побеленный известкой.

– Вот с детьми поставили этот памятник, обозначили родную деревню Салавата, – выдохнул Тархан-агай. – Это место показал мне Х. Кульмухаметов. Здесь на одной березе долго сохранялась прибитая им доска с надписью: «Родина Салавата». Сейчас уж доски этой нет, сгнила.

– Что же нашли археологи? – спросил я его.

– Пойдем, покажу, – предложил он.

Прошли совсем немного, действительно метров 50 – 60, ну, самое большее, 100 метров от самодельного обелиска, и Тархан-

агай показал мне следы деревни, найденной археологами. Здесь когда-то стоял всего один ряд домов, под их окнами была дорога – тот самый тракт.

– Теперь наука узаконила родную деревню Салавата, теперь легче будет разговаривать с чиновниками. Никому не нужно это место, – сокрушался Тархан-агай.

Какое красивое место! Как оно может быть ненужным? Внизу сливались две речушки – Хары Кундуз и Кускянды. Изумрудной зеленью покрыты прибрежные луга. К деревне, точнее, к месту, где она располагалась, подступал чистый смешанный лес: сосны, березы, осины. Так и хотелось спросить у деревьев: «Помните ли вы Салавата?» Нет! Сосны и осины точно не помнят, а вот березы, особенно вот эта, старая и одинокая, что у дороги, может быть, и видела Салавата: и молодого хозяина этих мест, и пленника в кандалах. Может быть, под этой березой и били кнутом Салавата и его отца Юлая.

Прошел год. И вновь сабантуй. Объявляют по радио, что после скачек гости приглашаются на открытие памятника на том месте, где располагалась родная деревня Салавата Текей-аул. Тархан-агай принаряжен, ходит именинником. «Достал» он, видимо, чиновников, или они оказались лучше, чем он о них думал. Ведь и они, руководители района, родились и выросли здесь. Нашли они средства и на сооружение памятника, и на ремонт дороги.

После сабантуя вереница машин двинулась по той самой дороге. Ее не узнать. Хоть и не покрыта она еще асфальтом, но вполне проезжая. И обелиск – не чета тому, что поставил Т. Загидуллин вместе с детьми. Гранитная стела на бетонном основании огорожена столбиками, соединенными цепями. Красивый памятник. Был митинг. Говорили речи. А чуть ниже стоял еще тот, самодельный, не убрали еще, не успели. Мне же хотелось крикнуть: «Люди! Оставьте его, не убирайте! Пусть новый обелиск будет памятником родному пепелищу Салавата, а этот, созданный руками детей, пусть хранит память о патриотах нашей малой родины».

Будто чувствовал я тогда, что через год уйдет в мир иной Тархан-агай – этот замечательный человек, для которого любовь к своей малой родине была не красивым словом, а образом жизни.

Смотрел я на новый обелиск, и рождалось искреннее чувство благодарности нашим патриотам-краеоведам. Не прибеж Х. Кулмухаметов доску с надписью «Родина Салавата» к одинокой березе, не сложи потом Т. Загидуллин вместе с детьми простенький памятник, быть ли здесь этому обелиску?

Деревня Юныс возникла значительно раньше, чем Альке-аул. Она обозначена на карте Красильникова и Рычкова 1755 г. Ее основатель – тархан Юныс Теперищев, сподвижник Шагана в 1739 г. при поимке главного бунтовщика Тюлькусурь Алдагулова. Однако после объявления Карасакала башкирским ханом их пути-дороги разошлись. Карасакал набирал силу, говорил красивые патриотические речи, и многие знатные башкиры перешли на его сторону, в том числе и тархан Юныс Теперищев. Команда же Шагана, выступившего против Карасакала, таяла, и он вынужден был бежать из Башкирии [124]. Но уже летом 1740 г. тархан Юныс Теперищев пришел в Верхне-Яицкую крепость с повинной [125]. Дальнейшая его судьба неизвестна. Существование деревни Юныс в 1755 г. склоняет чашу весов в пользу того, что он не был казнен. Кроме того, 7-я ревизия 1816 г. взяла на учет в этой деревне одного из его сыновей – Сяркиша Юнусова, 67 лет. Значит, Сяркиш родился в 1749 г., а его отец Юныс был жив в 1748 г.

Деревня Юныс есть и сегодня. Она расположена на восточном склоне горы Хары Кундузтау, в верховьях ручья Шукшиде. Многие жители деревень Текей, Юлай, Азналы, сожженных карателями, переселились в Юныс-аул. Они до сих пор помнят это и называют место деревни Текей Иске йорт, что означает «старое поселение».

С историей Салавата Юлаева связана и деревня Каратавлы. Она некогда носила название Старые Каратавлы, а потом вошла в состав райцентра Салаватского района. Ее в XVIII в. относили к Каратавлинской волости. Однако род *таулы* зафиксирован в древнебашкирском племени Кувакан. На карте Красильникова и Рычкова 1755 г. отмечена деревня Таулы на реке Катав, неподалеку от ее устья. Деревня Каратавлы располагалась севернее, и поэтому в ее названии появилась приставка «кара-», а на упомянутой выше карте она обозначена и вовсе под другим названием – Енекей. Мне это название также приходилось слышать. Второе название подтверждает ее принадлежность к куваканскому роду. Известны сыновья Енекея, знатные куваканцы Аккузяк и Тимамбет, двоюродные братья знаменитого бунтовщика Бепени, идеолога Национально-освободительной войны 1735-1740 гг. [126]. Отсюда следует, что Енекей был братом отца Бепени – Трупберды (Трупкильды) – и его фамилия Камакаев.

К куваканскому роду относилась и деревня Кусяк, расположенная на правом берегу Юрюзани в устье ручья Лайры. Ее основатель – Кусяк Камакаев, близкий родственник Бепени, брат Трупберды и Енекея. Если к этим сведениям добавить упоминание

о том, что Бепеня жил на Юрюзани, то напрашивается вывод, что деревня Кусяк (ныне Кызырбак-аул) была коренной деревней куваканца Камакая и его сыновей: Трупкильды (Трупберды), Акамиллы, Кусяка. Старший сын Камакая – Енекей – отделился и жил в соседней деревне Енекей (Каратавлы.).)

Таким образом, селения куваканцев располагались в непосредственной близости от деревень Кудейского племени, на расстоянии не более 15–20 км.

А. Асфандияров отмечает, что тамги каратавлинцев свидетельствуют об их неоднородных корнях [21. С. 118]. Действительно, краевед Х. Кульмухаметов в 50-х гг. XX в. зафиксировал три рода в деревне Ст. Каратавлы.

Первый из них – род *тазлар* (лысые). Это очень древний род. Он известен еще от Геродота, упоминавшего «лысых людей», живших на Урале. А это было за 400 лет до начала нашей эры. Учитывая, что Геродот описал «лысых людей» как горно-лесной, оседлый народ, можно считать, что род *тазлар* в деревне Ст. Каратавлы не пришлый, а коренной. Его начало уходит далеко в догеродотовские времена, во временные пласты зарождения древних башкир, в эпоху ранней бронзы. Именно тогда состоялось первое великое переселение народов на Урал, связанное с поиском и захватом сырьевой базы для выплавки бронзы.

Х. Кульмухаметов сам по мужской линии был из этого рода и составил свое шежере. Он определил 12 поколений, начинающихся с Кузыбека, родившегося предположительно около 1585 г. Х. Кульмухаметов отметил в деревне Каратавлы и составил шежере еще двух родов: *кара-икмек* и *баскак*.

Само название *кара-икмек* (черный хлеб) несет в себе интересную информацию. Дело в том, что в этих краях хлеб по-башкирски называют тюркским словом *эней*, а *икмек* – это древнемадьярское слово. Городище мадьяр располагалось неподалеку, на берегу Ая, близ современного села Лагыр (Лагереvское городище караякуповской культуры).

Можно протянуть нити поиска туда. Сохранилось шежере тырнаклинского рода, записанное также Х. Кульмухаметовым. Шежере рода кара-икмек начинается с Каскына, жившего на рубеже XVIII–XIX вв. В шежере тырнаклинцев также есть ветвь, которая обрывается на Каскыне, сыне Балтагала, жившего в то же самое время. Получается, что Каскын переехал с берегов Ая на Юрюзань. Таким образом, системные связи приводят нас к выводу, что род кара-икмек в деревне Каратавлы имел древнемадьярские корни.

Этот вывод проливает свет и на загадочную надпись, сделанную Х. Кульмухаметовым на его карте, и соответствующие значки: «места разгрома куваканского племени в X - XI вв.». Кто мог разгромить куваканцев в то время? Возможно, это были древние мадьяры, предки рода кара-икмек. Значки, обозначающие места боев, Х. Кульмухаметов поставил на карте близ деревни Чулпан и ниже по течению Юрюзани, на противоположном от деревни Кутлугужа берегу. В окрестностях деревни Чулпан высохшее русло одной из речек до сих пор называется Куваканской речкой (*Кыуакан йылгаһы*). По-видимому, здесь действительно в древности было поселение куваканского племени, разгромленное в X - XI вв. древними мадьярами. Вот только откуда Х. Кульмухаметов взял эти сведения - мне неизвестно. Скорее всего, записал в этих местах какое-то предание.

Родственные связи рода *баскак* также тянутся на берега Ая к тырнаклинцам. Это мой род. И надо честно сказать, что было весьма приятно обнаружить собственную родословную в архиве Х. Кульмухаметова, хотя он и не был для нас чужим человеком. По преданиям, нашим родоначальником считается Даут, поместье которого располагалось на крутом обрывистом берегу речки Шардали, протекающей через деревню Каратавлы. Это место раньше называлось *Даут яры*. Также было известно, что Даут (1735 - 1745) получил здесь землю стрельбой из лука. Далее следуют: Халит (1770), Мажит (1795), Ханнан (1820), Габделвахит (1845), Юмадил (1888), Казыхан (1904), Шакирьян (1925), Радик (1948), Тагир (1977).

Как и Каскын, Даут переехал сюда с берегов Ая. В шежере тырнаклинцев имеется ветвь, обрывающаяся на Дауте, сыне Кинжи. Кроме того, родственные связи с жителями Лагыр-аула поддерживались моим дедом Казыханом. Бабушка Фатыма рассказывала мне, что в молодости, в голодные тридцатые годы, они с дедом ездили на свадьбу в Лагыр-аул к дальним родственникам. Было столь голодно, что на свадебном столе стояла лишь медовуха да кучка зеленого лука с солью, но родственные связи при этом помнились и поддерживались.

Название нашего рода *баскак* (*боскак*) восходит к баскакам, осуществлявшим судебную власть в Золотой Орде. Я не писал бы этого столь уверенно, если бы не родился и не вырос в династии судей, начавшейся с моего отца Шакира Вахитова, 27 лет проработавшего председателем Верховного суда БАССР. Уже третье поколение нашего рода участвует в осуществлении судебной власти в Республике Башкортостан. Видимо, склонность к тому или иному виду деятельности также передается генетически.

Кроме того, в нашем роду состоялась и династия кузнецов. Я знал лишь Галимхана и Мырзагаяна, хотя, по преданиям, в нашем роду и до них были известные в округе мастера кузнечного дела. Да и сыновья их часто брали в руки кувалду, работая молотобойцами. Может быть, поэтому и не воспринимаю я отсутствие металлургии и металлообработки среди традиционных занятий башкир в книгах наших историков и этнографов.

Галимхан и Мырзагаян в суровые годы Великой Отечественной войны были призваны в трудовую армию на Челябинский тракторный завод, выпускавший в то время танки. Галимхану было уже около 60 лет. Ему оказался не под силу тяжелый и голодный труд на заводе. Он ушел добровольцем на фронт и там погиб смертью храбрых. Мырзагаян-бабай после войны до глубокой старости работал кузнецом в колхозной кузнице. Он сам ее и построил.

В небольшом домике на территории конного двора, на том самом обрыве, называемом Даут яры, располагалась эта кузня. Ее немудреное хозяйство состояло из печи с горном, наковальни, установленной на большом, я бы сказал, могучем, пне в центре кузни, и шкафа с инструментами. В углу лежала груда металла, из которого Мырзагаян-бабай делал подковы для лошадей, зубья для борон, дверные навесы и другие вещи, необходимые в колхозном и личном хозяйствах.

Едва кузнец разжигал свою печь и появлялся дымок из ее трубы, как мы, подростки, мигом сбегались на конный двор. Нам все было интересно, ковал ли кузнец лошадь или запаивал чей-то прохудившийся самовар. Мастер нас не прогонял, несмотря на то что кто-нибудь порой обжигался, задев или, еще хуже, наступив босой ногой на горячую железку. При этом обычно раздавался дикий вопль пострадавшего. Но вскоре он затихал, плавно переходя в негромкое поскуливание после опускания ноги в ведро с холодной водой.

Поэтому Мырзагаян-бабай не любил праздное любопытство и старался направить нашу энергию в русло практики. Кого-то он сажал на скамейку крутить колесо горна, а тем, кто постарше, давал в руки молоток и *туш* – маленькую наковальню и доверял отбить косу. Немало кос для этой цели приносили в кузницу вдовы Великой Отечественной войны, оставшиеся без мужских рук. Мырзагаян-бабай никому не отказывал, но и справиться со всей этой работой в горячую пору сенокоса не мог, поручал ее нам. Нашими руками было отбито немало кос для солдатских вдов. Мы делали в кузне и вещи, необходимые для себя, например, сетки для

ловли пескарей, остроги для охоты на налимов, маленькие лопатки для копки *харыны* – желтого съедобного корня.

Стоит сказать несколько слов и об этом растении. Оно стоит особняком от грибов, ягод, орехов и других зеленых благ природы Башкортостана. Это историческое растение, спасавшее башкирский народ от голода в годы жесточайших репрессий, следовавших во время и сразу после башкирских восстаний XVII – XVIII вв.

Когда башкир лишали возможности покупать муку, отбирали скот в качестве штрафа за восстания, они копали и заготавливали на зиму харыну. Корень этого растения напоминает луковицу – он желтоватого цвета, с дольками, как чеснок, но в отличие от последнего не жгуче-кисло-горький, а приятно-маслянистый на вкус. К сожалению, я не знаю научного названия этого растения и не слышал, чтобы другие народы употребляли его в пищу.

В исторических документах, написанных на русском языке, это растение называли «сараной» или «саранкой». Башкиры, продавая свою землю или сдавая ее в аренду припущенникам, часто оставляли за собой право на этой земле «борти крыть» и «копать сарану». Промысел этого корня, как и бортничество, составлял жизненную основу башкирского народа.

И в голодные годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. башкиры вспомнили спасительную харыну, так выручавшую предков. Дошла она и до нас, подростков 50 – 60-х гг. Мы, конечно, не испытывали уже голода военного времени, но в общей круговерти ловли рыбы, собирания ягод не гнушались и копанием харыны. Для этого и делали мы в кузнице у Мырзагаян-бабая специальные лопаточки. Недавно нечто подобное увидел я в хозяйственном магазине среди садового инвентаря под названием «корнеудалитель».

Мырзагаян-бабай был младшим братом моего дедушки Казыхана. Его жена, Кафия-эбий, происходила из вышеупомянутой деревни Юныс. Их младшие сыновья Радис и Фарит были мне не только родственниками, но и самыми близкими друзьями детства. Родственные корни их по матери уходили в Шайтан-як, и они внешне вполне соответствуют описанию Салавата Юлаева: невысокого роста, крепкого телосложения, черноволосые брюнеты с карими глазами.

«На дымок» горна сходились и старики. Критиковать власть и говорить о политике не было принято в то время. Сталинские уроки еще помнили хорошо. Больше вспоминали старину, закручивая сигарку с крепким самосадам или фабричной махоркой. Часто состязались в знании своей родословной, семь поколений

считалось необходимой нормой. А ведь от Салавата и Юлая их отделяло всего 3-4 поколения. Поэтому их имена часто упоминались стариками – одни были с ними в родстве, другие породнились, выдав дочь или взяв невестку из их рода. Старики вспоминали, кто и какие песни пел о Салавате, а также куплеты, автором которых считался Салават.

Был у них на языке и сам Салават, его родственники, жившие в деревне Каратавлы. Не забывались далеко не мирные отношения с заводчанами, обсуждались древние границы вотчинных земель, отнятых под строительство заводов, под заводские деревни и их пашни.

Конечно, нам, мальчишкам, не были интересны земельные проблемы, и мы не очень-то баловали вниманием рассказы стариков, а им, наоборот, хотелось передать нам предания старины. Помню, однажды Ахун-бабай по деревенскому прозвищу Бесей, что значит «кот», известный в деревне как большой хитрец, изрек: «А вот Салават – не то, что вы, балбесы, когда был малаем, любил слушать стариков о батырах, их прекрасных конях, об оружии из булатной стали, их подвигах, принесших им славу и почет». Конечно, нам очень хотелось быть похожими на Салавата, и мы усаживались около стариков и терпеливо слушали их рассказы, несмотря на клубы вонючего и едкого дыма от их сигарок, заправленных махоркой.

Старики говорили о друге детства Салавата по прозвищу Мугуш, что означает «угол» (может быть, это было его имя). Этот Мугуш жил в Каратаулы-ауле и был могучим парнем. «Как вон тот Ахун», – говорили старики, кивая на другого Ахун-бабая по кличке Угыз, что значит «бык». Тот добродушно смеялся и говорил: «А хитрым Мугуш был, как Ахун-Бесей». Оба Ахуна приходились мне родственниками, и я их уважительно слушал. Они рассказывали, как Салават отправил Мугуша на Катав-Ивановский завод на разведку и как там заводчанс убили его.

Помнили старики и обстоятельства ареста Салавата. Рассказывали, как его, связанного, повезли на санях в Калмак-аул, упоминали даже масть лошади, запряженной в эти сани (говорили: «Хары ат», что значит «лошадь соловой масти»), и имя ее хозяина. Но владельца лошади я, к сожалению, не запомнил.

Старик Хайретдин, знаменитый в наших краях рыбак, знавший хорошо берега Юрюзани, рассказывал, что недалеко от деревни Нижняя Лука, в болотистом месте лежит валун, высотой с человеческий рост. Его называли «Камнем Салавата», говорили, что Салават стоял на нем и осматривал местность.

Тут подъехал на подводе Набий-бабай по прозвищу «Бер Набий – ун эбий», что означало «Один Набий и десять старушек». Он во время сенокоса обычно был звеньевым, а в звене у него работали около десятка немолодых уже вдов Великой Отечественной войны. Узнав, о чем разговор, он добавлял, что Салават часто бывал в Калмак-ауле как будущий зять, и место, куда он отпускал пастись коня, и сегодня называют *Салауат йорто* – «Двор Салавата». Но мы уже не могли слушать этого старика серьезно. Мы любили его за веселый нрав, шутки, но больше всего за борьбу.

Он приехал к кузне, чтобы подковать свою кобылу, но не успел еще завести ее в станок, как мы соблазнили его на борьбу. «Набий-бабай, покажи, как Салават боролся!» – так, поддразнивая, мы увлекали его выйти и побороться с нами. От своих старших братьев, прошедших армию, мы знали несколько приемов спортивной борьбы и с их помощью пытались одолеть старика. Но он снимал с шеи лошади *тышау* – «путо» и, обхватывая нас этой веревкой, как полотенцем, легко бросал на землю по всем правилам борьбы на поясах, приговаривая: «Вот так боролся Салават!» Он бы и весь день боролся с нами, но дело торопило – кобылу надо было ковать. А делали это самым варварским способом, перенятым у заводских крестьян.

В специальном станке, сделанном из толстых бревен, лошадь подвешивается на ремнях, заведенных под ее брюхо. Одна ее нога привязывается намертво к станку, а затем из кузницы, держа клещами, коваль выносит подкову, предварительно раскаленную докрасна, и прикладывает ее к копыту. Копытный рог шипит, горит, плавится и подкова впечатывается в копыто, плотно прилегает. Бедное животное, страдая от нестерпимой боли, бьется в станке, тщетно пытаясь освободиться. Потом подкову прибивают ковочными гвоздями. И так четыре раза, по разу на каждой ноге. Мы стоим, притихшие, смотрим, жалея лошадь, пытаюсь представить себе, как ей больно, будто даже сами испытываем эту боль. У малышей, бегавших с нами, выступают слезы на лице.

И тут сзади нас раздается голос старика Шаймухамета.

– И Салавату также каленым железом на лбу выжгли тамгу, клещами разодрали ноздри.

– А зачем, бабай? – кто-то из малышей шепчет сведенными от страха губами.

– Чтобы любой мог узнать каторжника, если тот убежит из-под караула.

С погрузневшими лицами мы расходились от кузни, но зато потом в наших играх участвовал Салават. Быть Салаватом в игре было почетно, и каждый стремился получить эту роль. Так в душе каждого из нас еще в детстве сложился образ нашего Салавата. Как потом оказалось, этот образ сильно отличался от того Салавата, которого нам представили в книгах и кино.

В деревне Ст. Каратавлы, кроме упомянутых родов, были и другие, в том числе родственные Салавату Юлаеву. Так, по моим сведениям, род Салавата и Юлая по мужской линии восходил к упомянутому выше куваканцу Камакаю через его сына Ака-муллу. А другой сын Камакая – Енекей жил в деревне Каратавлы. К сожалению, шежере его потомков пока неизвестны. Я пишу «пока», потому что не только надежда, но и возможность установить их имеется. При наличии интереса к своей родословной это не трудно сделать. В нашем республиканском архиве хранятся «ревизские сказки» – переписные листы до 1816 г. От отца к деду, от деда к прадеду и далее можно установить свою родословную по архивным материалам. А если искать глубже, то можно обратиться к шеститомнику «Материалы по истории БАССР», к другим сборникам документов. Вполне возможно, что искомый предок высветится в различных сделках, купчих, челобитных или среди участников башкирских восстаний. Надеюсь, что наши земляки пополнят сведения о национальном герое Салавате Юлаеве и пример Хайруллы Кульмухаметова вдохновит их на такие поиски.

Теперь самое время представить читателю и его самого. Он краевед. А что, собственно, означает краеведение? Коротко сказать – познание родины, но есть возможность выразиться и поэтической строкой.

КРАЕВЕД

Его в селе считают чудачком.
Он ищет лапти, старые монеты,
Брошюры, пожелтевшие газеты,
Гордится битой плошкой, черпаком.
Ему по сердцу ржавенький безмен,
Плетеная корзина бельевая...
Предметы быта – это нить живая,
Свидетельства событий, перемен.
Вчерашний день родимой стороны
Легко утратить в мчащемся Ссегодня.
Не горько ль стать на родине безродным
И не заметить собственной вины?!

*Х. Кульмухаметов, аксакал,
краевед, один из потомков
Салавата Юлаева*

опубликованы в документальной повести М. Идельбаева «Сын Юлая Салават» [119].

На месте родной деревни Салавата, указанном Х. Кульмухаметовым, установлен обелиск. К 250-летию юбилею героя была предпринята попытка воссоздания деревни, точнее говоря, построены два деревянных домика.

Как-то в середине 60-х гг. шел я с бабушкой Фатимой в Ст. Михайловку. Шли мы по берегу Юрюзани, короткой дорогой, даже не дорогой, а тропинкой, протоптанной среди невысокой травы. Навстречу вышел пожилой мужчина. Бабушка Фатыма поздоровалась с ним, хотела молча пройти, но он остановил ее, задав какой-то вопрос. Она как-то неохотно поговорила с ним о житье-бытье. Поняв, что он наш

родственник, я стал пытаться у бабушки:

– Кем он нам приходится? Почему ты с ним так нехотя разговаривала?

– А как с ним разговаривать? Это Хайрулла Кульмухаметов – бывший муж моей сестры Тахиры, отец Габдулхака.

– Но ведь Габдулхак-агай – Гайнуллин, а он – Кульмухаметов, – попытывался я.

– Хайрулла родился Кульмухаметовым, потом из Казахстана вернулся Гайнуллиным, теперь опять носит свою родную фамилию. А Габдулхак тоже был в детстве Кульмухаметовым. Но какой-то тупой учитель в школе некрасиво искажал его фамилию, дразнил, поэтому он и стал Гайнуллиным.

Бабушка Фатыма больше не захотела говорить на эту тему, и я ничего не узнал тогда о Х. Кульмухаметове. Много лет спустя, когда я получил доступ к его архиву, мне стала известна его удивительная биография. И смена фамилии была там отнюдь не самым интересным местом.

Как упоминалось, Х. Кульмухаметов происходил по мужской линии из рода геродотовских «лысых людей» – тазларцев, а по женской линии его родословная пересеклась с родом Салавата Юлаева.

Его дед Кульмухамет женился на глухонемой праправнучке Салавата – Кеней, очень трудолюбивой и старательной девушке. Конечно же, в их семье об этом знали и помнили. Отсюда и ранний, с детства, интерес Хайруллы к родственным связям Салавата, к его борьбе и творчеству.

Х. Кульмухаметов родился в 1904 г. в семье крестьянина-середняка. До Октябрьской революции его отец занимался своим хозяйством, а в 1912–1914 гг. имел маленькую лавку по торговле товарами повседневного спроса. После революции их семья обеднела, он и отец батрачили у своих состоятельных соседей. К лету 1918 г. они выбились наконец из нужды, заимели вторую лошадь, появился и другой скот. Но началась Гражданская война, докатившаяся до этих мест.

Левым берегом Юрюзани шли части отступающей Белой армии Колчака, а правым – красноармейцы. Белые казаки ограбили их семью, увели корову-кормилицу, а самого Хайруллу вместе с лошадью и подводой мобилизовали в обоз. Ему было тогда 14 лет. Два месяца отступал он вместе с колчаковцами, дважды пытался бежать верхом на лошади, но всякий раз его ловили и били. Бросать свою лошадь он не хотел, очень тяжело она досталась семье. Хайрулла хорошо понимал, что такое лошадь для крестьянской семьи.

Но однажды во время ночевки налетели красные, кто-то из казаков сел верхом на его лошадь и ускакал. Хайрулла потерял коня, а безлошадный он уже никому не был нужен, потому вернулся домой.

Так в подростковом возрасте в его судьбу вплелась еще одна черная полоса. В дополнение к мелкой торговле отца прибавилось пребывание в Белой армии Колчака. Потом никто не будет вспоминать, что он был всего лишь подводчиком, формы не носил, оружия не имел, не воевал. Колчаковец, и все тут! Ему это коммунисты припомнят.

По возвращении домой, в 1919 г., он тяжело заболел тифом. Два месяца был между жизнью и смертью, но родители выходили его. К весне он стал поправляться, начал ходить. Мать его очень радовалась этому, но вскоре сама слегла и умерла.

Хайрулле пришлось батрачить в Михайловке у Павла Чванова, пасти его скот. С осени 1920 г. до весны 1921 г. работал на станции Кропачево разнорабочим, на ремонте телеграфной линии. Но в страну пришла разруха, неумолимо надвигался голод. Два месяца не платили зарплату, нечего стало есть. В отчаянии, сильно ослабевший, еле передвигая ноги, он отправился в родную дерев-

ню Каратавлы, хоть и доходили до него слухи, что и там голодно: отряды продразверстки вымели все запасы зерна.

Тяжелым был этот путь домой. Позже он отметил в своих записях: «Немного пройду и присяду, слезы душили от безысходности. От станции Кропачево до речки Хары Кундуз два километра, но это расстояние я прошел за 2-3 часа».

Несмотря на такое состояние, Х. Кульмухаметов нашел в себе силы осмотреть это место, расспросить о нем местных аксакалов. В этих же записях он оставил следующие слова, оказавшие решающее значение при определении места родной деревни Салавата Юлаева: «Когда идешь из Кропачево в сторону Юнысаула и спускаешься с горы, в низине течет ручей Хары Кундуз и здесь же он впадает в речку Кускянды. Около устья Хары Кундуз есть следы от деревни, называемой местными жителями Иске Йорт. На этом месте раньше стоял Текей-аул. Именно в этой деревне и родился Салават Юлаев».

Знал ли Х. Кульмухаметов, перепрыгивая через ручеек Хары Кундуз весной 1921 г., что год назад, в мае 1920 г., В. Ленин и его будущий преемник И. Сталин уступили требованиям А. Валидова и пошли на предоставление башкирам своей автономии. Но при этом, ссылаясь на нехватку в Башкирии инженерных кадров, вырезали из исконно башкирских земель весь куст южноуральских заводов: Симский, Усть-Катавский, Катав-Ивановский, Юрюзаньский, Саткинский, Златоустовский и их заводские поселки. Это были те земли, за которые воевали Салават, Юлай и их соратники.

Граница между Челябинской областью и Башкирской АССР прошла как раз по тому ручью Хары Кундуз и речке Кускянды. Дрогнул рука кремлевского мечтателя, и родина Салавата оказалась бы вне границ Башкортостана.

Позже Х. Кульмухаметов не раз бывал здесь вместе с Т. Загидуллиным. На одинокой старой березе они прибили упоминавшуюся дощечку с надписью «Родина Салавата». Это был первый памятный знак, установленный на родине нашего национального героя.

Гражданская война, развязанная большевиками, разогнавшими Учредительное собрание и узурпировавшими власть, стала страшным бедствием для народа.

Голод, разразившийся в стране в 1921 г., обычно связывают с Поволжьем. В советское время немало кинокадров было посвящено демонстрации железнодорожных составов, везущих хлеб голодающему Поволжью. Это было, конечно, лицемерием. Коммунисты сами инициировали этот голодомор, вывозя из сел все

запасы хлеба. И голодало не только Поволжье, голодала и вымирала вся страна. Голодно было на Дону, голодал и Урал, и Башкирия. Дошло даже до людоедства.

В 80-х гг. XX в. мне пришлось быть в селе Иргизла Бурзянского района. Там жива была еще бабка Пелагея, которая ребенком едва спаслась от собственного отца, пытавшего зарезать ее и съесть.

Вот и Х. Кульмухаметов в голодном 1921 г. вместе с моим дедом Казыханом подались в сторону Сибири. Доехали до Челябинска и пошли в город просить подавание на пропитание. Одна сердобольная бабка дала им кусок хлеба, но предупредила, что в районе железнодорожного вокзала ловят молодых людей «на мясо», делают из них пирожки и продают проезжим. Но страшнее этих предупреждений были голодные боли в животе. С такими приключениями они добрались до границы с Казахстаном. Мой дед Казыхан нанялся в работники и остался близ станции Петухово, а Х. Кульмухаметов доехал до станции Мамлютка. Здесь он встретил своих земляков: моего прадеда Юмадила и Хажи Галиуллина, обменивавших здесь свои вещи на продукты. Они накормили Хайруллу, затем Хажи сказал: «Возьми мою справку из сельсовета, я как-нибудь обойдусь, домой доеду, а тебе здесь нечего делать без документа».

Хайрулла справку взял. Фамилию исправили на «Гайнуллин», а вместо «Хажи» написали «Хайрулла». Так в Казахстане он стал Гайнуллиным. Сначала батрачил у казахов, потом у помещика Кургузкина на паровой мельнице. Здесь он вступил в комсомол, и комсомольская организация направила его на курсы Казахбратчества в Петрозаводск. На этих курсах он был принят в ряды коммунистической партии. В 1926 г. его призвали в Красную армию. Демобилизовавшись в 1928 г., он вернулся на родину и прошел обучение в областной партийной школе в городе Уфе.

Затем Х. Кульмухаметов работал в различных партийных и советских органах до декабря 1938 г. Это было время партийных «чисток» и разгула сталинских репрессий. Его исключили из партии как сына торговца, припомнили и пребывание в армии Колчака, понизили в должности, а затем уволили. Казалось, судьба его была решена: осуждение какой-нибудь «тройкой» и расстрел, в лучшем случае лет 15 – 20 лагерей. Трудно поверить, но этого не случилось. Более того, он сумел добиться восстановления в партии через Комиссию партконтроля по Башкирии.

В годы Великой Отечественной войны Х. Кульмухаметов служил замполитом роты. Это была легендарная должность в действующей армии. Замполиты первыми, с призывом «Комму-

нисты, за мной!», поднимались из окопов в атаку. Это были очень мужественные и волевые люди, служившие Родине не за страх, а за совесть.

Патриот – он всегда и везде патриот: и на войне, защищая большую Родину, и в краеведческом поиске, изучая прошлое своей малой родины.

Весной 1944 г. он был тяжело ранен, контужен и в связи с этим демобилизован из действующей армии. Вновь обучение в партийной школе и работа в партийных и хозяйственных органах. Много приходилось ездить по району, общаться с разными людьми. Где предание какое расскажут, где расплетут нити родства – все записывал Х. Кульмухаметов. Иной раз доходило до курьезов. Одному ярому доносчику, писавшему кляузы на своих односельчан, рассказал его же родословную, тянущуюся от знаменитого бая, имевшего тысячные табуны лошадей и десятки наемных работников. Байское происхождение тогда не украшало человека, тот испугался и сразу поутих, предпочел больше не высовываться.

Начало 1950 г. застало его в должности директора Кигинского районного Дома культуры. Но неожиданно в январе этого года он уволился по состоянию здоровья. Странная формулировка. Видимо, он сам обосновал свое решение уйти с этой должности. Но как бы там ни было, затем следует всплеск краеведческой работы.

В феврале 1950 г. он в деревне Лагыр Салаватского района записывает шежере тырнаклинского рода, начинающееся со святого Чингисхана, а 25 апреля этого же года – шежере рода Салавата в деревне Нов. Каратавлы от Гульсафии Исламовой. Далее путь его лежал в Уфу. Здесь 9 мая он встретил 5-летие Победы над фашистской Германией, а 10 мая был уже в Институте истории, языка и литературы им. М. Гафури.

Здесь он поработал над историческими источниками. Вполне понятно его внимание к восстанию Карасакала, который был объявлен башкирским ханом в наших краях, на курултае, состоявшемся близ деревни Васкын (совр. Лагыр). По сохранившимся записям из архива Х. Кульмухаметова видно, что он изучал документы по сборнику «Материалы по истории БАССР», искал там имена многих людей, упомянутых в шежере тырнаклинского рода, записанном им 12 февраля 1950 г. в деревне Лагыр.

Конечно, большой интерес он проявил к действиям отрядов Салавата Юлаева, особенно к сражениям в конце мая и первых числах июня 1774 г. После боев 8 мая на берегу родной для Сала-

вата речки Кускянды Михельсон рапортовал начальству о том, что разбил Салавата. Но он вынужден был отметить, что встретил такое сопротивление, какого не ожидал. Башкиры Салавата контратаковали его и лишь под сильным артиллерийским огнем вынуждены были отступить. Михельсон потерял Салавата из виду и в мае метался между Саткинским и Симским заводами в поисках Пугачева и Салавата.

В конце мая Салават решил дать бой Михельсону, встретив его у пристани на переправе. Хотя Михельсон и писал в рапорте генералу Щербатову о сражении на берегу реки Ай, но последнее произошло на реке Юрюзань у деревни Каратавлы, около пристани, где сплавляли железо с Симского и других заводов. Это была единственная пристань в округе, на реке Ай пристаней не было. Да и отмеченное расстояние в 30 верст от Симского завода до места этого сражения говорит о том, что оно было на Юрюзани, до Ая значительно больше, не менее 50 верст.

В годы моего детства следы этой пристани и паромной переправы еще не пропали, были заметны. Это место мы называли «Иске паром», что означает «старый паром».

Подойдя к этой пристани, Михельсон нашел паромы разбитыми, между тем башкиры Салавата заняли удобные позиции в горах на противоположном берегу. Каратели выставили по берегу пушки, и под их выстрелами 50 казаков стали переплываться вплавь. «Злодеи наисильнейшим образом старались мне мешать, однако будучи принуждены мне оставить лошину, засели все по горам и ущелинам, с коих производили великую стрельбу», – писал Михельсон в своем рапорте. Порох перевезла конница, а пушки потопили и протасили по дну реки на канатах. Михельсону удалось выбить повстанцев с гор в поля, он преследовал их верст двадцать. Сражение, начатое на Юрюзани, закончилось действительно на берегах Ая. Бойцы Салавата рассыпались в разные стороны и ушли от Михельсона.

Собрались они на берегу Ая, около деревни Лагыр, где было традиционное место сбора башкир. Вечером 2 июня 1774 г. со стороны Саткинского завода сюда подошел Пугачев с остатками своего войска, имея всего около 500 бойцов и сопровождавшую его челядь. Пугачев сам описал эту встречу: «Пришел он в башкирские селения, где нашел стоящих на конях башкирцев до трех тысяч человек. И из оных, увидя ждущую его толпу, старшина Салават, подъехав к нему, Емельке, сказал: “Это стоит наше башкирское войско, и мы дожидаемся ваше величество, а нас-де старшин здесь трое”, и он, Емелька, сказал: “Благодарствую. Послужите мне”».

На следующий день Пугачев выставил против Михельсона до 3 500 бойцов, чем немало удивил подполковника. Состоялось многочасовое сражение, во время которого происходила сильная ружейная и пушечная стрельба.

Исторической науке неизвестны места этих боев. А. Х. Кульмухаметов нашел и отметил их на своей карте. Их пять в междуречье Ая и Киги. Первое – в верховьях ручьев Караклы и Караили, в урочище Шахиттар крахы, второе – между ручьями Караили и Ачи в урочище Кырк хуел, третье – в 1–1,5 км севернее деревни Уразкильдино в урочище Кешмер, четвертое – у села Лагыр и пятое – на противоположном берегу Ая, около деревни Яун. Не на пустом месте родились эти значки на карте. Видимо, о сражениях здесь рассказывали предания, дошедшие до Х. Кульмухаметова, а может быть, здесь находили и следы сражений: наконечники стрел, обломки сабель, ядра и картечь. Во всяком случае, это хорошее поле деятельности для молодых салаватоведов.

На своей карте Х. Кульмухаметов отметил и сожжение деревни Текей, и факт переселения жителей в деревни Юныс, Азналы и Шаганай.

Едва ли случайным оказался всплеск краеведческой работы Х. Кульмухаметова в 1950 г. Скорее, активность была порождена надвигающимся юбилеем Салавата, его 200-летьем. Дата рождения Салавата была известна Кульмухаметову по песне о нем, в которой пелось о том, что Салават стал бригадиром в двадцать два года. Кульмухаметов знал из истории Пугачевщины, что звание бригадира Салавату было присвоено после боев с Михельсоном в первых числах июня 1774 г. Исходя из этой даты, Кульмухаметов и вычислил, что с 1952 г. приближается 200-летний юбилей Салавата. Полагаю, что именно он поставил вопрос о необходимости проведения юбилейных торжеств и увековечения памяти Салавата Юлаева.

Больше никому. Никто в те годы из историков темой Салавата Юлаева активно не занимался. После Великой Отечественной Войны, с 1945 г. по 70-е гг. XX в., не было опубликовано ни одного серьезного исследования.

А пока лишь земляки-патриоты, «рыцари без страха и упрека», такие как Х. Кульмухаметов и Т. Загидуллин, ставили вопрос об увековечении памяти национального героя. Здесь мне видится политрук Кульмухаметов, первым поднимающийся из окопов в атаку. Видимо, там, на полях сражений Великой Отечественной войны, остался его страх, остался навсегда, заваленный землей в окопах. Итак, юбилейный механизм был запущен. Х. Кульмухаме-

тов же не имел возможности долго оставаться в Уфе, да и средств для этого у него не было, ведь ездил за свой счет. Вернувшись домой, Хайрулла устроился работать в одну деревенскую семилетнюю школу учителем истории. Но, видимо, не так историю преподавал – не прошло и года, как от него избавились – уволили, сославшись на отсутствие диплома. Будто другие сельские учителя в 1951 г. были сплошь дипломированными.

Юбилей Салавата приближался, и Х. Кульмухаметову хотелось быть ближе к торжественным событиям. Он вернулся на родину, в Каратавлы, на должность заведующего районной сберкассой. Здесь и оставим мы на время Х. Кульмухаметова.

Решение бюро Башкирского обкома ВКП(б) о проведении юбилейных мероприятий оказалось весьма неожиданным для общественности республики. Никаких исследований по жизни и деятельности Салавата Юлаева не было проведено. Писатели, художники, скульпторы, композиторы не могли предложить к юбилею ничего нового. Однако созданная для этого случая комиссия, видимо с испуга, приняла весьма обширный план мероприятий.

Имя Салавата Юлаева предполагалось присвоить:

а) Башкирскому академическому театру драмы (впоследствии получил имя М. Гафури);

б) Месягутовскому учительскому институту (преобразован в педучилище);

в) Белорецкому металлургическому комбинату (остался безымянным).

Предлагалось и музыку написать на слова Салавата, и портрет его сотворить, памятник ему поставить, организовать республиканский сабантуй, написать около десятка статей и главное – за неделю разработать научно-популярную биографию С. Юлаева.

Кроме того, планировалось выпустить собрание его стихов и песен на башкирском и русском языках, сборник статей о Салавате, а также книгу народных песен, стихов и поэм о нем. Забегая вперед, скажу, что ничего этого не было сделано.

Реальная ситуация была просто удручающей. Даже район проведения юбилейных торжеств вызвал споры. Ведь место рождения Салавата тогда не было установлено.

Дело в том, что в протоколах допросов Салавата и Юлая указано, что оба они родились в деревне Текей. Деревня с таким названием сохранилась до наших дней на территории нынешнего Иглинского района. Вспомним, до Пугачевского бунта Юлай был старшиной на территории, входящей и в Шайтан-Кудейскую, и в

Кубовскую волости. В первые годы Советской власти эта деревня относилась к Кубовской волости. На этом основании руководство Нуримановского (в то время) района заявило свои претензии на то, чтобы именно этот район считался родиной Салавата.

Деревни Юлая и его отца Азналы в свое время располагались на территории Салаватского района. Но от них остались лишь одни пепелища, уже давно заросшие травой. Республиканское руководство перед проведением юбилейных торжеств решило выяснить истину и предложило руководителям районов представить свои доказательства. Иглинской стороне было проще. Богом и властью забытая их деревня Тикеево еще жила.

Первый секретарь Салаватского райкома КПСС Б. Абдрахманов не знал, что и делать. Ведь не покажешь же следы сожженных деревень в качестве доказательств. А не докажешь – родиной Салавата станет другой район. Простят ли это его потомки и земляки? И тогда Б. Абдрахманов рассказал о возникшей проблеме на одном из партийных активов района. Результат получился неожиданный – встал заведующий сберкассой Х. Кульмухаметов и заявил: «Я докажу, материалы есть у меня дома».

Никто не разъезжался – все ждали, пока Х. Кульмухаметов сходит и принесет свои записи и карты. Он показал ту карту, о которой шла речь выше, где на территории нынешнего Салаватского района были обозначены деревни Текей, при слиянии рек Кускянды и Хары Кундуз, и Азналы – ниже по течению Кускянды.

Уфа. Съехались делегации районов. Иглинскую сторону (Нуримановский район, по рассказу Б. Абдрахманова) представляли 60 человек. Делегация Салаватского района была значительно меньше. По моим сведениям, кроме Б. Абдрахманова и Х. Кульмухаметова, в состав делегации входили еще несколько аксакалов, в том числе Шаймухамет Аюпов. Его сын Рафик-агай мне говорил об этом.

Иглинцы делали доклад первыми. Во время их выступления Х. Кульмухаметов несколько раз вскакивал, кричал: «Неправда! Не так!» Его предупредили, что выведут из зала. Б. Абдрахманов как мог сдерживал его. Потом дали слово салаватцам. Больше часа говорил Х. Кульмухаметов. Он сумел доказать, что родная деревня Салавата Текей располагалась в нынешнем Салаватском районе, назвал родственные связи многих здешних жителей с Салаватом и Юлаем, даже песни о Салавате, расхожие в наших краях, напел.

Иглинцы ничего подобного, кроме наличия своей деревни Тикеево, в доказательство привести не смогли. Точка в споре была поставлена, родина Салавата отныне утвердилась официально.

Было рекомендовано провести юбилейные торжества в Салаватском районе. Эту историю я узнал от моего дяди Габдулхака Гайнуллина, сына Х. Кульмухаметова. Ему это рассказал участник тех событий Б. Абдрахманов.

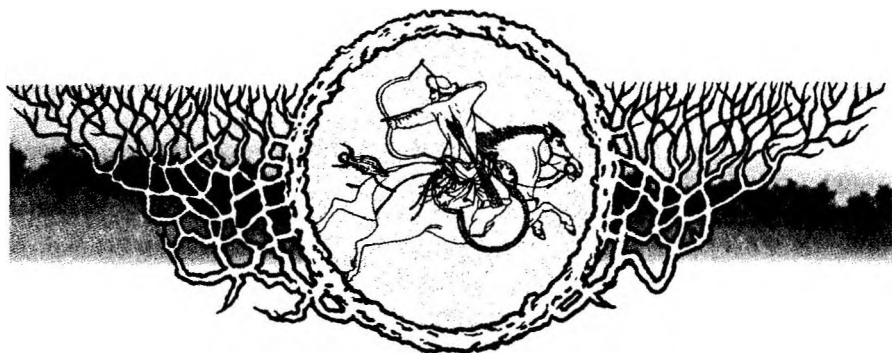
Что же произошло на юбилейных торжествах в честь 200-летия со дня рождения Салавата Юлаева? Как было принято в те годы, прошли торжественные митинги в Уфе и райцентре Салаватского района. Совершили нелепость – переименовали деревню Шаганай в Юлаево, там тоже прошел митинг. На месте будущего памятника Салавату заложили первый камень.

Лишь через два года установили бюсты Салавата, созданные Тамарой Нечаевой по лицу Арслана Мубарякова, который был значительно старше, чем двадцатидвухлетний Салават. Юбилей, конечно же, оказался неподготовленным, но не зря русские говорят: «Лиха беда начало». Это начало и было положено, брешь в коммунистической идеологии пробита. Салават был наконец признан национальным героем башкирского народа. И в этом немалая заслуга Х. Кульмухаметова.

Но даже самой малой почетной грамоты не получил Х. Кульмухаметов за свои великие дела – ни званий, ни степеней, ни орденов. Он что-то писал, отправлял в Уфу, но ни один из его трудов не был опубликован под его именем. Лишь только то, что он передал М. Идельбасву, через много лет увидело свет в его документальной повести «Сын Юлая Салават».

Глава 24

ПРЕДКИ САЛАВАТА

Человека выдает окружение. Салавата невозможно представить вне связи с его отцом. Они вместе жили, воевали, разделили тяготы вечной каторги. Их не разделить. Но сколько неприятностей и трудностей доставил советским историкам и писателям отец-старшина, феодал при создании из его сына Салавата прообраза большевика-ленинца, борца против угнетения бедняков – русских и башкир. Поэтому исследователи старались не касаться его родственных связей, более того, они чурались их.

Кем был, например, дед Салавата Азналы? Другие его предки? Участвовали ли они в ранних башкирских восстаниях, ведь башкиры поднимались на национально-освободительную борьбу каждые 20 лет, с возмужанием каждого следующего поколения. Деда Салавата нет ни у Злобина, ни у Гвоздиковой.

Этой темы лишь вскользь коснулся А. С. Пушкин в «Истории пугачевского бунта». Он назвал Юлая старым мятежником, скрывшимся от казней 1741 г., последовавших после восстания Карасакала. Но здесь А. С. Пушкин допустил редкую для себя ошибку. Юлай на допросе в Тайной экспедиции Сената показал, что «от роду ему сорок пять лет». Было это в 1775 г. Он родился не позднее октября 1729 г. Во время восстания Карасакала ему было 10 – 11 лет. Он не мог по возрасту участвовать в этом восстании, и казнь ему не грозила.

А. С. Пушкина не допустили к архивным материалам «дела о Пугачеве». Он писал о Юлае и Салавате, основываясь на народных преданиях. Видимо, народная память хранила еще сведения об

участии их рода в восстании Карасакала. Если не Юлай, то логично предположить, что с Карасакалом бунтовал его отец – Азналы.

Раз уж Юлай был удостоен звания сотника в 1762 г., в 33 года, а старшиной стал в 1766 г., в 37 лет, можно с уверенностью утверждать, что род Юлая и Салавата был достаточно знатным. А какие сведения есть о предках Салавата в башкирских эпосах?

В эпосе «Юлай и Салават» мы читаем о том, что Азналы был авторитетным, богатым человеком, родившимся в знаменитом роду. Отец его постарался дать сыну образование. Сказитель не знал предков Азналы. Это говорит о том, что конкретное происхождение Азналы не было известно в данной местности. Пока сделаем лишь предположение, что предки Азналы были из другого рода.

Байык Айдар-сэсэн называл Азналы тарханом. Так это было или нет – неизвестно, но нет сомнения в том, что раз в эпосах Азналы характеризуется весьма знатным, известным человеком, то имя его должно быть отражено в исторических документах башкирских восстаний либо среди повстанцев, либо среди верных правительству башкир.

Эпос рассказывает, что Азналы принимал участие в походах Юлая в польский поход. Значит, он был жив накануне Пугачевщины в 1771–1772 гг. Упоминается также, что Юлай, родившийся в 1729–1730 гг., был последним, самым младшим сыном Азналы. Если это так, то получается, что Азналы родился где-то в начале XVIII в., примерно в 1700 г. Примем условно этот год за дату рождения Азналы. Тогда во время Национально-освободительной войны 1735 – 1740 гг. ему было около 35–40 лет. Это возраст зрелого мужчины, он не мог остаться в стороне от бурных событий той войны, ведь тогда северо-восток Башкортостана бурлил, как котел на хорошем огне. Башкиры то бунтовали, то приносили повинную, то, обманутые, вновь поднимали восстание, писали письма императрице, просили унять зарвавшихся чиновников и потерявших человеческий облик карателей, грозили уйти из российского подданства.

Вначале я поступил просто. Взял пятитомник «Материалов по истории БАССР», недавно вышедший 6-й том и просмотрел именные указатели. Как ни странно, но никакого Азналы из Кудейской или Шайтан-Кудейской волости там не оказалось.

В документах упомянуты все влиятельные люди Кудейской волости, разделенной на три части: Шайтан-Кудейскую, Кыр-Кудейскую и Белекей-Кудейскую волости [127].

Наиболее влиятельным здесь был старшина Кудейской волости Юлдаш-мулла Суярымбетов. У него были два сына – Ягафар и Исламгул Юлдашевы, старшина и сотник Каратавлинской волости.

Белекей-Кудейскую волость возглавлял тархан Исмаил Молдуров. Известна его деревня Смаил на ручье Ерал. Он имел братьев Иссней и Илекея [128]. В Кыр-Кудейской волости наиболее влиятельными людьми были «Теперисчевы дети» – тарханы Челбыр, Муса и Юныс Теперищевы. Известны их деревни Юныс и Мусабай. Во главе Шайтан-Кудейской волости стоял Шаганай Барсуков, прославившийся поимкой одного из предводителей той войны – Тулькусуры Алдагулова, также уроженца Кудейской волости. В одном из документов [123] упоминается «брат ево, Шиганасв, Аликай Булатов». Алексей был, видимо, двоюродным братом Шаганай – фамилии у них разные. Его деревня Альке (Алькино) существует и по сей день.

Проходят по источникам Давлеталей-мулла, житель деревни Миндиш, Касайбай, деревня которого Касай располагалась совсем рядом с деревнями Текей и Азналы, выше по течению Кускянде. Казалось бы, вся Кудейская волость отметилась в той войне, как на стороне повстанцев, так и на стороне «верных» башкир. Однако Азналы – уроженца Кудейской или Шайтан-Кудейской волости, среди них не было.

Как же так – знатный башкир, называвшийся тарханом, знавший русский язык, – и не совершал никаких сделок, не принимал участия в восстаниях? Такого не могло быть.

Значит, неверны были те минимальные сведения о нем, которые мы заложили в схему поиска. Его имя не вызывало сомнения – Юлай был Азналин, Азналихов. Тогда под сомнение попала волость, ведь и в кубairaх не указывалось его происхождение, оно оставалось неизвестным, сказитель испытывал при этом затруднение. Азналы как будто был со стороны.

Кроме того, в одном из опубликованных преданий сообщалось, что из шайтан-кудеев была бабушка Юлая, мать Азналы [108]. Значит, его отец был из другого рода, иначе получился бы близкородственный брак.

Мунир Хади, автор первой «Истории башкир», опубликованной в 1909–1910 гг. в журнале «Шуро», издававшемся известным публицистом Ризаитдином Фахретдиновым, писал: «Ранее у башкир запрещалось брать жен из ближней части рода. Нарушившего этот запрет могли убить, а жену забрать. Так говорится в предании о Кильмете, взявшем в жены девушку из ближней части рода, из-за чего вспыхнула война и погибло много народа» [130].

Шайтан-Кудейская волость невелика, чтоб делить ее на ближнюю и дальнюю части. Всего 5 – 6 деревень, да из них половина – это деревни Азналы и его сыновей. Из этого следует, что отец Азналы, взявший в жены девушку из шайтан-кудеев, был из другого рода. Возникла необходимость расширить поиск отца

Юлая, не ограничиваясь выходцами из Шайтан-Кудейской волости. Именной указатель «Материалов по истории БАССР» сразу высветил Азналыбая Карагужина, уроженца соседней Куваканской волости. А самое главное – документы, в которых он упоминался, относились к восстанию Карасакала, и он играл там одну из главных ролей.

Сходилась первая наводка, данная нам еще А. С. Пушкиным, который отметил в «Истории пугачевского бунта» старого мятежника из рода Салавата, скрывавшегося от казней 1741 г. Более того, просмотр документов, упоминающих Азналыбая Карагужина, показал, что он после подавления восстания Карасакала бежал в Киргиз-Кайсацкую Орду, скрываясь от казней 1741 г. Против же родства Юлая с Азналыбаем Карагужинным, на первый взгляд, свидетельствовало происхождение последнего из Куваканской волости, при старшинстве Юлая в Шайтан-Кудейской волости. Однако такие случаи были. Например, Юлдаш-мулла был старшиной Кудейской волости, а его сын Ягафар – Каратавлинской.

Нужно было разобраться с личностью Азналыбая Карагужина, его родственными связями, деятельностью, местом жительства, собрать о нем все сведения, имеющиеся в исторических документах, и сопоставить их с характеристикой Азналы, данной в эпосе «Юлай и Салават».

Он появился на исторической арене в самом начале Национально-освободительной войны 1735 – 1740 гг. Эта война связана с одним из самых грандиозных проектов в истории царской России – промышленным освоением Урала, но, к сожалению, она практически не освещена в научно-популярной литературе. Научные же разработки этой темы выполнялись в советское время, в рамках классового подхода, когда, вопреки истине, на первый план выставлялась классовая борьба. Поэтому есть смысл совершить краткий экскурс в историю России первой трети XVIII в.

С воцарением Петра I начался новый этап колониального наступления на восток. После восстаний башкир 1704 – 1711 гг., занятый войной со Швецией, он спешил скорее покончить с башкирским делом. За тиранство и грабеж был повешен уфимский воевода и обер-комиссар Сергеев. Царь многих башкир простил, но, уже ничем не прикрывая своей колониальной политики, заявил, что примет все меры навсегда обуздать башкир, что он сам поставится обрусить край за счет увеличения русского населения, что Башкирия слишком важна, как ключ в Среднюю Азию. Петр всегда помышлял о торговле в Азии. Проект этих дел уже в последние

Белекей-Кудейскую волость возглавлял тархан Исмаил Молдуров. Известна его деревня Смаил на ручье Ерал. Он имел братьев Исенея и Илекея [128]. В Кыр-Кудейской волости наиболее влиятельными людьми были «Теперисчевы дети» – тарханы Челбыр, Муса и Юныс Теперищевы. Известны их деревни Юныс и Мусабай. Во главе Шайтан-Кудейской волости стоял Шаганай Барсуков, прославившийся поимкой одного из предводителей той войны – Тулькусуры Алдагулова, также уроженца Кудейской волости. В одном из документов [123] упоминается «брат ево, Шиганасв, Аликай Булатов». Алексей был, видимо, двоюродным братом Шаганай – фамилии у них разные. Его деревня Альке (Алькино) существует и по сей день.

Проходят по источникам Давлеталей-мулла, житель деревни Миндиш, Касайбай, деревня которого Касай располагалась совсем рядом с деревнями Текей и Азналы, выше по течению Кускянде. Казалось бы, вся Кудейская волость отметилась в той войне, как на стороне повстанцев, так и на стороне «верных» башкир. Однако Азналы – уроженца Кудейской или Шайтан-Кудейской волости, среди них не было.

Как же так – знатный башкир, называвшийся тарханом, знавший русский язык, – и не совершал никаких сделок, не принимал участия в восстаниях? Такого не могло быть.

Значит, неверны были те минимальные сведения о нем, которые мы заложили в схему поиска. Его имя не вызывало сомнения – Юлай был Азналин, Азналихов. Тогда под сомнение попала волость, ведь и в кубаирах не указывалось его происхождение, оно оставалось неизвестным, сказитель испытывал при этом затруднение. Азналы как будто был со стороны.

Кроме того, в одном из опубликованных преданий сообщалось, что из шайтан-кудеев была бабушка Юлая, мать Азналы [108]. Значит, его отец был из другого рода, иначе получился бы близкородственный брак.

Мунир Хади, автор первой «Истории башкир», опубликованной в 1909–1910 гг. в журнале «Шуро», издававшемся известным публицистом Ризаитдином Фахретдиновым, писал: «Ранее у башкир запрещалось брать жен из ближней части рода. Нарушившего этот запрет могли убить, а жену забрать. Так говорится в предании о Кильмете, взявшем в жены девушку из ближней части рода, из-за чего вспыхнула война и погибло много народа» [130].

Шайтан-Кудейская волость невелика, чтоб делить ее на ближнюю и дальнюю части. Всего 5 – 6 деревень, да из них половина – это деревни Азналы и его сыновей. Из этого следует, что отец Азналы, взявший в жены девушку из шайтан-кудеев, был из другого рода. Возникла необходимость расширить поиск отца

Юлая, не ограничиваясь выходцами из Шайтан-Кудейской волости. Именной указатель «Материалов по истории БАССР» сразу высветил Азналыбая Карагужина, уроженца соседней Куваканской волости. А самое главное – документы, в которых он упоминался, относились к восстанию Карасакала, и он играл там одну из главных ролей.

Сходилась первая наводка, данная нам еще А. С. Пушкиным, который отметил в «Истории пугачевского бунта» старого мятежника из рода Салавата, скрывавшегося от казней 1741 г. Более того, просмотр документов, упоминающих Азналыбая Карагужина, показал, что он после подавления восстания Карасакала бежал в Киргиз-Кайсацкую Орду, скрываясь от казней 1741 г. Против же родства Юлая с Азналыбаем Карагужиным, на первый взгляд, свидетельствовало происхождение последнего из Куваканской волости, при старшинстве Юлая в Шайтан-Кудейской волости. Однако такие случаи были. Например, Юлдаш-мулла был старшиной Кудейской волости, а его сын Ягафар – Каратавлинской.

Нужно было разобраться с личностью Азналыбая Карагужина, его родственными связями, деятельностью, местом жительства, собрать о нем все сведения, имеющиеся в исторических документах, и сопоставить их с характеристикой Азналы, данной в эпосе «Юлай и Салават».

Он появился на исторической арене в самом начале Национально-освободительной войны 1735 – 1740 гг. Эта война связана с одним из самых грандиозных проектов в истории царской России – промышленным освоением Урала, но, к сожалению, она практически не освещена в научно-популярной литературе. Научные же разработки этой темы выполнялись в советское время, в рамках классового подхода, когда, вопреки истине, на первый план выставлялась классовая борьба. Поэтому есть смысл совершить краткий экскурс в историю России первой трети XVIII в.

С воцарением Петра I начался новый этап колониального наступления на восток. После восстаний башкир 1704 – 1711 гг., занятый войной со Швецией, он спешил скорее покончить с башкирским делом. За тиранство и грабеж был повешен уфимский воевода и обер-комиссар Сергеев. Царь многих башкир простил, но, уже ничем не прикрывая своей колониальной политики, заявил, что примет все меры навсегда обуздать башкир, что он сам постарается обрусить край за счет увеличения русского населения, что Башкирия слишком важна, как ключ в Среднюю Азию. Петр всегда помышлял о торговле в Азии. Проект этих дел уже в последние

годы царствования Петра I был подан ему сенатским чиновником Иваном Кириловым.

Этот чиновник происходил из мещан. Будучи человеком грамотным, поступил в Сыскной приказ, а оттуда был взят в Сенат переписчиком, где обратил на себя внимание Петра I. За проект по устройству Оренбургской губернии был произведен в секретари Сената и вскоре пожалован надворным советником. Петр I одобрил проект, но осуществить его при жизни не успел. Екатерина I за составление «Атласа Российской империи» назначила Кирилова сенатским обер-секретарем.

В 1734 г. И. Кирилов возглавил Оренбургскую экспедицию, целью которой было построение города Оренбурга в устье реки Ор на границе башкир с казахами и ряда других крепостей, которые должны были способствовать укреплению царской власти на Урале. Именно тогда были заложены Яицкий городок, Верхне-Озерная крепость, Сакмарский городок, Берда, Илецкий городок. Окружение башкирского края линией русских крепостей по Яику означало превращение Башкирии во внутреннюю провинцию Российской империи, разделение башкир и казахов полосой русского населения. Соседство этих народов оставляло возможность их объединения или выхода башкир из России с получением самостоятельного хана из казахских султанов, чьи предки по родословной восходили к Джучи, а от него – к Чингисхану.

Одной из главных задач Оренбургской экспедиции было содействие переселению русских крестьян и развитию земледелия. И под крепости, и под заводы, и под заводские деревни, и под пашни русских крестьян изымалась земля у башкир – их родовая, вотчинная земля. Сохранение вотчинных прав на землю было главным условием присоединения Башкирии к Московскому государству. Для башкир того времени вотчинная земля была не только районом кочевков. Эта земля была для них и большой и малой родиной, определяла их в сословие землевладельцев, освобождала от закрепощения. Отнимая вотчинную землю у башкир, у них отнимали и Родину, и свободу, и материальное благосостояние. Вот почему они подняли восстание, когда узнали о намерениях экспедиции Кирилова.

Поднялась вся Башкирия. На Сибирской дороге боевые действия развернулись вокруг Верхне-Яицкой крепости с пристанью, построенной для отправки по Яику продовольствия из сибирских слобод в строящийся Оренбург.

При закладке Верхне-Яицкой пристани царская администрация выкупила землю у кара-табынских башкир, возглавляемых тарха-

ном Таймасом Шаимовым. Этот отвод земли был воспринят частью башкир Кара-Табынской волости как незаконный захват. Им ничего не досталось от этой купли-продажи. Лишь 15 человек вместе с Таймас-тарханом получили вознаграждение. Недовольные во главе с Юсупом Арыковым решили бороться за свои земельные права и подняли восстание. Оно получило широкую огласку среди башкир и поддержку. К Юсупу Арыкову примкнули башкиры соседних Кудейской и Куваканской волостей, а затем восстание охватило всю Сибирскую дорогу. Башкиры требовали прекратить строительство Оренбурга и других крепостей, снести построенные остроги и стали всячески препятствовать осуществлению целей Оренбургской экспедиции.

С лета 1735 г. они блокировали Верхне-Яицкую пристань, не давая возможности переправлять провиант в Оренбург по воде. В начале августа из Теченской слободы вышел большой обоз, состоящий из 1 084 подвод с продовольствием. Не доезжая до Верхне-Яицкой пристани верст 30, около озера Уклы Карагай, обоз был арестован отрядом Юсупа Арыкова. Повстанцы, перебив охрану, отбили часть обоза, взяли хорошие трофеи. Они окружили обоз и держали в осаде, пока специально вызванная воинская часть не пришла на помощь.

Еще более серьезные боевые операции развернулись в декабре 1735 г. Отряд Юсупа Арыкова вновь напал на обоз, состоящий из 600 подвод и усиленной охраны. Обоз также был остановлен и блокирован. Повстанцы долго держали его в осаде, пока не начался падеж лошадей от бескормицы. Обоз вынужден был вернуться в Теченскую слободу.

Тогда повстанцы осадили Верхне-Яицкую крепость и вынудили гарнизон покинуть ее, обещая проводить его до Уфы. Но затем в пути перебили его, захватив знамя, пушки, ружья, палаши, а также пленных.

Царская администрация долго ничего не могла сделать с отрядом Юсупа Арыкова. К тому же восстание охватило Ногайскую и Казанскую дороги. Вожди восстания стремились привлечь на свою сторону казаков и казанских татар. Национально-освободительная война грозила срывом планов Оренбургской экспедиции и всей колониальной политики России на ее восточных рубежах. Царское правительство приняло ряд жестоких мер, в том числе издав указ от 11 февраля 1736 г.

Этим указом башкирам было запрещено жениться на казанских татарках, общаться с казаками, носить и хранить у себя дома оружие, иметь в деревнях кузницы. Сокращалось число мусульман-

ского духовенства, как главного виновника башкирских бунтов. Уличенных в бунте императрица Анна Иоанновна повелевала казнить смертью, бить нещадно кнутом, ссылать на каторгу, отдавать в солдаты, продавать в рабство с женами и детьми, жечь и истреблять селения бунтовщиков, забирать у них скот, собирать контрибуцию деньгами и лошадьми, годными для драгунских полков, и, наконец, дозволено было разным людям приобретать башкирские земли, а также разрешалось переселять на эти земли крепостных крестьян. Запрет на куплю-продажу башкирских земель, существовавший почти 300 лет, с самого присоединения Башкортостана к Московскому государству, был снят.

Однако карательные операции, начатые после этого указа, не давали результата, а лишь увеличивали число повстанцев. Тогда каратели решили заморить башкир голодом, запретив продажу им хлеба. В ответ отряды повстанцев стали нападать на русские слободы, мишарские, черемисские и чувашские деревни, грабить их с целью добычи продовольствия.

В. Татищев, возглавивший борьбу властей с восстанием, пытался убедить башкир закончить войну и принести повинную, обещая прощение вины. Одновременно в Башкирию стягивалось большое количество правительственных войск. Наконец и силы повстанцев, возглавляемых Юсупом Арыковым, иссякли. Они в октябре 1736 г. обратились с письмом к полковнику Тевкелеву о принесении повинной. Среди подписавших это письмо были Азналыбай Карагужин и его дед Ака-мулла Камакаев, представители Куваканской волости, соседней с Кудейской.

Сохранилась лишь копия перевода этого письма на русский язык. В русском переводе приведено сокращенное имя – Азнабай – и искажена фамилия – Карачурин и Каменев. Это обычное явление для таких документов. Имена сокращали и сами башкиры. По традиции, полное имя обычно употреблялось редко и в знак уважения. Тем не менее мы знаем полное имя этого человека: Азналыбай – так он назван дважды в документе, написанном секретарем Дмитрием Реутовым [131]. Чаще в источниках его имя встречается в кратких формах – Аднаба, Аднай, Азнай, что неудивительно для протоколов допроса и переводных документов.

В упомянутом выше письме о повинной башкиры сообщали, что привезли захваченных пленных, трофейные пушки, ружья, палаши. И Азналыбай Карагужин подписался под этим письмом, что говорит о его участии в нападении на обозы и гарнизон Верхне-Яицкой крепости.

«Вашего императорского величества счастием (!), – доносил Кирилов императрице Анне Иоанновне 26 января 1737 г., – башкирский народ в такое уже состояние приведен, что с начала их подданства никогда таковыми послушны не были и никогда ж страху за свои злодеяния не ведали, как ныне есть». Он указал, что собственно башкир имеется всего около 40 000: «что из того числа по нынешнему случаю бунта несколько тысяч побито и развезено (продано в крепостные. – *Р. В.*)», что Казанская и Осинская дороги находятся в полной покорности, а «протчия ж от голоду и холоду страждут».

Полковник Бардукевич доносил Кирилову, что башкиры, живущие по реке Ик, «от голоду мрут, а оставшиеся собак и кошек едят, а и того им недостает, и за бессилием и отчаянием принуждены мертвых бросать». Царским властям пришлось посылать специальные отряды для погребения трупов.

По сведениям Р. Игнатьева, «во время усмирения Кильмяк-абызовского бунта в 1735 – 1740 гг. побито, казнено и сослано 30 000 башкир; жены и дети башкирские, по тогдашнему обычаю, были розданы по рукам желающим; шесть главных мятежников бунта были посажены на железные кольца на высоких каменных столбах, 11 человек повешены на железные крючья за ребра, 80 человек просто повешено, 21 отрублены головы».

Азналыбай Карагужин, принеся повинную, остался на свободе. Каратели избрали коварную тактику. Стремясь убедить башкир сложить оружие, до последнего они не трогали тех бунтовщиков, кто принес повинную, отложив расправу до полного подавления восстания.

Что же ожидало остальных участвовавших в бунте и оставшихся на свободе? Они обязаны были принести присягу на верность императрице, поклявшись на Коране, заплатить штрафных лошадей, пригодных под драгун, и отдать в рабство 12-летнего ребенка. Я не сгущаю краски! Именно так! Оренбургская экспедиция, сообщая о новом всплеске Национально-освободительной войны башкир в 1737 г., отмечала: «И ныне они, воры, опять стали воровать для того, что спрашивают с них штрафы и требуют детей 12-ти лет со всякого двора и лошадей, и того они дать не хотят...» [132].

Это была очередная попытка поработить башкир – последний рубеж свободы в рабской России. Но башкиры никогда не были рабами на своей земле, рабских порядков не признавали и были готовы защитить себя, не считаясь ни с какими потерями. Волна крепостного рабства, захлестнувшая европейскую часть России,

покатилась дальше на восток, но разбилась об Уральский хребет, и башкирский народ остался свободным в стране рабов. Однако очень дорогую цену заплатили башкиры за свою свободу.

Весной 1737 г. произошли большие изменения в руководстве как с той, так и с другой стороны. На место умершего И. К. Кирилова главным начальником Оренбургского края был назначен В. Н. Татищев. На посту начальника Комиссии Башкирских дел, бригадира, гвардии майора М. С. Хрущова сменил астраханский вице-губернатор, генерал-майор Лсонтий Яковлевич Соймонов. Основной задачей этой Комиссии было подавление башкирского восстания. Для этого Соймонов имел в своем распоряжении несколько армейских полков, которые использовал для организации карательных экспедиций.

Вожди Кильмяк-абызовского бунта: сам Кильмяк, Акай, Абдулла и Юсуп-батыр – оказались за решеткой. Им сохраняли жизнь лишь для того, чтобы пытками сломить волю, заставить обратиться к башкирам с призывом сложить оружие.

Однако, как бы ни был разграблен, растерзан, унижен башкирский народ, покорить его и заставить сложить оружие не удалось. Той же весной 1737 г. в Бурзянской волости, в деревне Рысабая, собрался курултай, на который съехались многие сотники Сибирской и Ногайской дорог, всего человек 300. «И согласис у них было, что воевать русских, для того, что спрашивают де на них много штрафа, и хотят власти российской отложиться нынешнего лета, и с того совету послали де они старшины от себя башкирцов 12 человек с письмами в Кыргыз-Кайсаки к хану Зенбяку, чтоб он их в подданство к себе принял», – писал полковник И. Арсеньев в Сибирскую губернскую канцелярию.

«Идти войной на русских, от русского подданства отказаться, послать послов к казахам с просьбой принять в подданство», – такие письма рассылал старшина Куваканской волости Бапа-мулла Трупбердин. Русские прозвали его Бепеней, и под таким именем он вошел в исторические документы. Он стал идейным руководителем восстания. Главным военачальником становится Тулькусур Алдагулов – батыр Кудейской волости. «Башкирец Токчюра в нынешних числах ушел на Сибирской и на Ногайской дорогах збирать силу, чтоб русских воевать», – доносил тот же полковник Арсеньев.

Башкиры разоряли не только русские селенья. За участие в прошлых восстаниях башкир изгоняли с их земли и селили на ней мишарей, чувашей, черемис, активно поддерживавших царское правительство. Поселения этих народов не разорялись карателями.

Политика столкновения народов на одном жизненном пространстве, сглаживания их между собой настойчиво проводилась царским правительством. Татищев и Соймонов запретили кому-либо продавать продовольствие восставшим башкирам. По их указу, всякий, кто доносил властям о продаже продуктов, получал четверть конфискованного товара. Они считали, что голод заставит башкир покориться. Татищев в одном из своих указов торжествующе писал, что «ему, тайному советнику, будучи в Уфе, известно, что отцы и матери, не имея пищи, приводят в город Уфу и Табынск детей своих и продают копеек по 30 и по 50». Однако тайный советник поторопился докладывать об успехах. Доведенные голодом до отчаяния, башкирские отряды пошли в набеги на русские селения и мишарские деревни. Очаг войны сместился на северо-восток Башкирии к долинам Ая, Сима, Юрюзани.

6 июня 1737 г. служилый мишар мулла Карача Урмаев рассказал В. Н. Татищеву в Екатеринбурге, что в середине мая состоялся съезд старшин Куваканской волости Сибирской дороги. Эта волость располагалась в верхнем течении рек Ай, Юрюзань, Сим. На съезде присутствовали старшины Бепеня, Аиткул, Ака-мулла, Аккучук и Козя с подвластными им людьми – всего около 200 человек. Мнения старшин разделились. Ака-мулла, Аккучук и Козя советовали сохранить верность императрице. Бепеня и Аиткул призывали к восстанию. Им удалось увлечь за собой половину собравшихся. Аиткул, взяв 100 человек, пошел вниз по Миассу разорять русские и мишарские деревни. В этом отряде был башкир Куваканской волости Аднаба, Аднай (так в документах).

Об этом сообщил в июне 1737 г. и Абдулла Амангулов. На допросе в канцелярии Главного правления заводов под пыткой он рассказал о действиях восставших башкир Сибирской дороги под предводительством Сараткула. Среди участников нападения на мишарскую деревню Улугуш он назвал башкира «...Куваканской волости Аднаба, чей сын не знает... А ходил на воровство для того, что питаться нечем, потому де как разорили Улугушскую деревню, хотели идти на русских», – заявил Абдулла. На следующий день его опять пытали, и он показал: «О Казахской Орде слышал он Абдул от своего главного вора Сораткула и от друга Адная, что пришли они на Ногайскую дорогу для помощи оной в 8 тысячах человеках». Отметим, что Аднай упоминается здесь наряду с командиром отряда.

Крупные боевые операции начались в середине июня 1737 г. Большие отряды башкир под началом Бепени, Тулькусур, Мандара Карабаева совершали нападения на русские, мишарские,

чувашиикие и марийские поселения в районе Красноуфимска, Кунгура и Бирска, по реке Танып.

Инициатива восстания принадлежала башкирам, жившим по Аю и Юрюзани. Они не ограничивались разорением поселений на севере Башкирии. Отряд башкир под командой Тулькусурь ходил под Уфу, и «удача была им, вораи, немалая», – показывали очевидцы.

Одновременно с повстанцами Сибирской дороги поднялись и башкиры Ногайской дороги. В середине июня 1737 г. двухтысячный отряд восставших напал на Табынск. Повстанцы разорили деревни тептярей около Уфы. В начале июля Кусяп-батыр повторил набег на Табынск. Были нападения и на другие населенные пункты, в частности и на Воскресенский медеплавильный завод.

В июле отряды Бепени, Мандара и Аипа двинулись на русские зауральские слободы. Война перекинулась в Зауральскую Башкирию. В конце июля – начале августа 1737 г. Бепеня и Мандар разоряют русские и мишарские деревни под Осой и по реке Танып. Заволновались и башкиры Осинской дороги. Пламя освободительной войны охватило большую часть Башкирии. Царское правительство стягивало сюда войска. Однако силой оружия покорить башкирский народ не удавалось. Башкиры бились с отвагой и отчаянием обреченных людей. Царские ставленники предприняли ряд дипломатических мер. Они призывали башкир прекратить войну, принести повинную на Коране, заплатить штраф, обещая за все это помилование.

Однако это была лишь уловка. Вот что писал Кыдряс-батыр капитану Батову об одном из случаев принесения присяги на Коране: «После того курану Кильмяк-мулла 75 человек в верность привели и порубили, а которых штрафных коней во 80 человеках водили и тех всех рубили...

Мы верно государиие служили, смерть примем на конях, а от нас доброго не жди и мы от вас не ждем...»

Поняв, что башкиры уже не верят посулам о помиловании, Татищев обратился с предложением к казахам заманить вождей восстания в Орду и там схватить их. Узнав, что башкиры послали своих послов к ханам, Татищев советовал Абдул-Мамет-султану одного из послов вернуть обратно с ответом, что присланным людям он якобы не верит. «А если пришлют лутчих и знатных людей человек 10, а именно Бепеню-муллу, Мурат-Салтана, Аллазиангула, Дзиан-бая, Юлдаш-муллу и других, и когда прибудут, тогда их всех вдруг можно переловя отдать», – писал Татищев. За каждого из пойманных он обещал: «сукна лутчаго кафтан, 2 косяка

лисицы черной, 2 юфти кож, пансырь, пищаль, да естли всех оных отдадут, то султану можно сверх онаго столько ж, как за 2-х подарить, а хану особо за каждого около 60, а хотя б и до 100 руб.».

Интересна переписка государственных органов непосредственно с башкирами. Она дает нам представление о том, как оценивали происходящие события и башкиры, и царская власть. В этом смысле характерен указ Кунгурской провинциальной канцелярии башкирам-повстанцам Сибирской и Ногайской дорог Юлдаш-мулле и Чураш-батыру с ответными пунктами на их вопросы, просьбы и жалобы и со все теми же предположениями скорейшего принесения повинных. В первом пункте кунгурский воевода пишет: «Якобы не с бою и не силою под власть российскую приведены, но доброхотно пришли, а когда под власть государя поддались, то и должно верно и служить и по законам поступать и во всем послушными рабами быть, в чем вы обещались. Когда же вы верность свою нарушили, то не токмо обещанной, но и полученной милости сами себя лишили; и сие можете о землях разуметь, что когда вы по указам ся и. в. исполнять и верными быть не похотели, тогда ея и. в. законно и праведно пожалованных вам земель вас воров лишить, а верным пожаловать волю имеет».

В середине XVIII в. царская власть ничего иного, кроме рабской покорности башкир, не признавала. И будто не против захвата земли под крепости и города поднялись башкиры, а земли их лишила императрица за непокорность и «воровство». Будто не со своею землей присоединились башкиры к Москве, будто от царя их земля, и царская власть законное право имеет эти земли отобрать.

Еще один пункт этого указа, касающийся принудительного крещения жен и детей бунтовщиков, следует привести: «...токмо те воры разве убегая от смерти в плене будучи закон христианской приняли, или малые ваши дети побранные (отобранные. – *Р. В.*) научены и крещены. Оное не есть нарушение прав или принуждение, но доброхотное (добровольное. – *Р. В.*) оных для избавления от смерти своевольное изволение, что и вы воры сами то за лутчее признаете, нежели бы за воровство казнить и безвинных женский пол и малых робят побить и поморить».

Какое милосердие! «Добровольно» крестить под страхом смерти женщин и детей. Действительно, лучше уж крестить, чем побить и поморить. Впрочем, и до этого доходили руки карателей. Если этот указ лишь обещал смерть в случае непокорности, то реестр, приложенный к журналу начальника Комиссии Башкирских дел Л. Я. Соймонова, о количестве казненных башкир и об

учиненном правительственными войсками разорении их жилищ бесстрастно зафиксировал:

«...побито мужеска и женска полу – 303, казнено – 8, взято живых – 30. Позжено: деревень – 150, в них дворов 2 606, хлеба сжатого загонов – 400, не сжатого – 52, телег с хлебом не молоченым – 5, копен – 30, сена 4 664 стога. Побрано скота: лошадей и жеребят – 117, коров – 93, овец – 16. С повинными пришли из простого народа, которые прощены и присягали, лошадей штрафных платить имеют душ – 22».

Били, рубили и мужчин, и женщин, и детей. Жгли деревни, хлеба, сено, отбирали скот. В этом реестре итог карательных операций лишь одной команды. А сколько их было в Башкирии?

Подавить восстание не удавалось. В марте 1738 г. состоялась встреча В. Н. Татищева и Л. Я. Соймонова. На этом совете они наметили ряд мер по борьбе с повстанцами. Во избежание образования смычки между башкирами и казаками они сочли необходимым приложить все усилия для того, чтобы вывезти Абулхаир-хана из пределов Башкирии.

Решили приблизить к себе предателей, оставлять их на свободе, как это случилось с Абдуллой, сыном мятежника Акая. Они объявили также, что если Солтан-Мурат, Бепеня и Аллазиянгул явятся с повинной первыми, то останутся на свободе, если же придут после других, то будут арестованы.

Татищев и Соймонов продумали и перспективные меры. Именно тогда началась русификация башкир: «Школы в Уфе для обучения иноверцов русскому языку весьма нужно учредить и на содержание книг, учителей и школ в год до 300 руб. определить, понеже из того государству невидимая многая будет польза, потому что обучающиеся грамоте познают закон христианский и законы гражданские, чрез что от дерзостей наиболее удержатся; токмо тех учеников не брать силою и не принуждать, и учителем с ними поступать ласково и в толковании им христианского закона поступать весьма осторожно, к чему учителя способного Святейший Правительствующий Синод изобрести может».

Как тонко задумано – «...государству невидимая многая будет польза». Единый язык, единая вера – только так может существовать империя. «Иноверцы» и «инородцы», не желающие покориться, нарекались «ворами», а их предводители – «главными ворами». И не только нарекались. Буквы «В» или «ГВ» выжигали каленым железом на лбу и щеках у пойманных повстанцев.

Большое внимание на совете было уделено нарождавшемуся казачеству. По Яику вперемешку с крепостями стояли казацкие

*Речка Кусянды при впадении ручья Хары Кундуз.
Здесь располагалась д. Текей, в которой родился Салават*

Там, где раньше была д. Текей (Иске йорт), еще видны следы Сибирского тракта, а заросли крапивы обозначают места домов

Обелиск, установленный на месте, где некогда была д. Текей

*Дорога, соединяющая д. Текей с Юлай-аулом.
Может быть, эта старая береза еще помнит Салавата?*

*Здесь когда-то находилась д. Мурат (Мрат),
основанная Муратом, братом Юлая Азналина*

*Место боев воинов С. Юлаева с карателями И. Михельсона,
где в XVIII в. располагались пристань и паромная переправа*

По традиции, основанной Т. Загидуллинным, ученики средней школы д. Алькино ведут «календарь Салавата», ежегодно выкладывая на горе надпись с обозначением возраста Салавата

Экспозиция из школьного музея в д. Алькино, основанного Т. Загидуллинным

*Музей Салават Юлаева в с. Малояз Салаватского района РБ.
Основан в 1991 г.*

*Бюст Салават Юлаева.
Скульптор Т. П. Нечаева.
Бронза, 1952 г.*

*Восковая фигура «Повстанец на привале». Экспозиция из Музея
Салавата Юлаева в с. Малояз Салаватского района РБ*

*Восковая фигура «Каратель с пушкой». Экспозиция из Музея
Салавата Юлаева в с. Малояз Салаватского района РБ*

Седло и сабля Салавата Юлаева. Экспозиция из Музея Салавата Юлаева в с. Малояз Салаватского района РБ

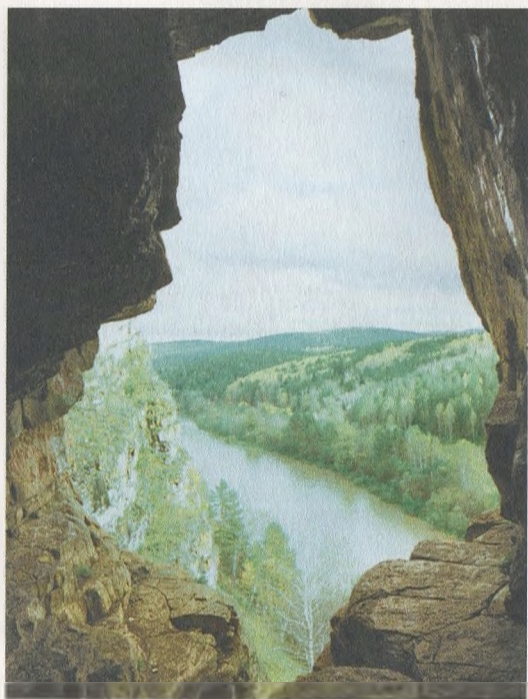

В Музее Салавата Юлаева

Скала, на которой Салават ловил молодых беркутов

Пещера Салавата

слободки, населенные в основном беглыми крепостными крестьянами. Казачество тогда еще не сформировалось в оплот царизма. Оно представляло не меньшую опасность, чем башкиры. Поэтому Татищев и Соймонов решили «в драгуны и казаки некрещеных татар из ясака не принимать, записавшихся в казаки русских перепроверить, откуда они, положенных в подушный оклад вернуть в прежние жилища». Пройдет чуть меньше сорока лет, и эти две силы – казаки и башкиры – сомкнутся, и борьба за свободу, за землю потрясет до основания Российскую империю. Однако время Салавата и Пугачева еще впереди. Вернемся к Национально-освободительной войне башкир 1735 – 1740 гг.

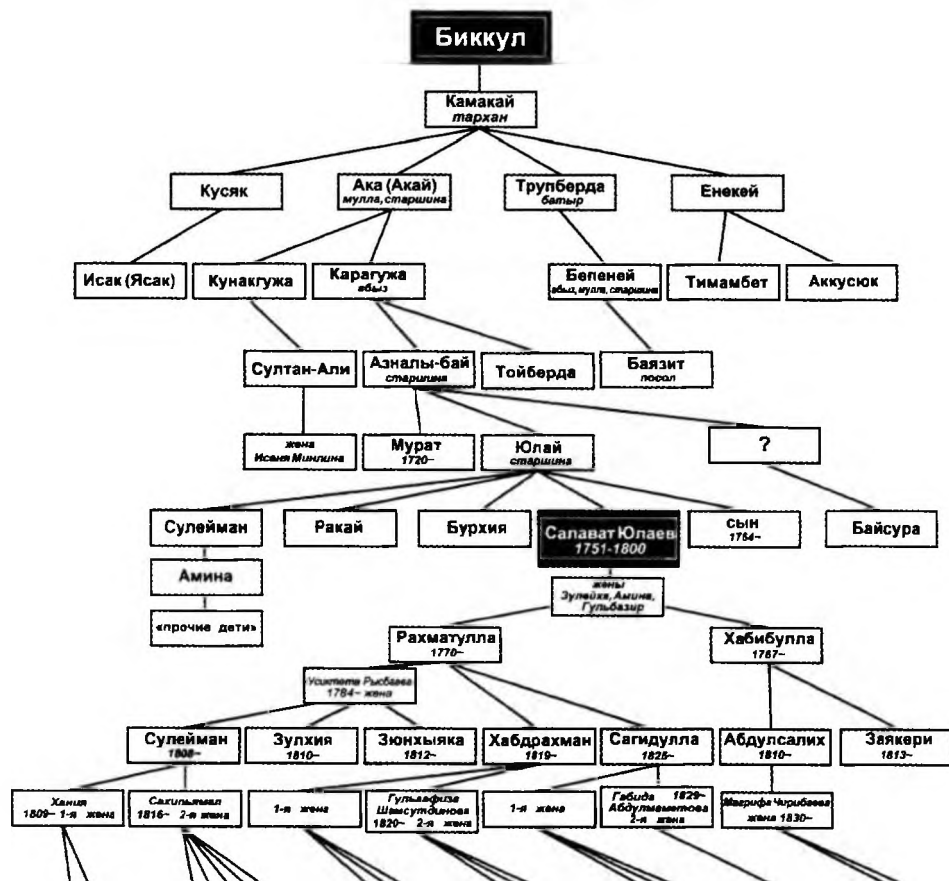
Осенью 1738 г. война несколько затихла. Силы повстанцев истощились. Татищев, оценивая ситуацию, писал в Кабинет министров, что всегда «твердо представлял, чтоб, внутрь гор вступя и от Яика, силою к покорности принуждать, а пришедших с повинною не казнить». Башкирия успокоилась. Теперь нужно было решить судьбу главных вождей движения. Кусяпа Татищев повесил в Сакмарском городке еще 9 сентября 1738 г. Такая же участь ждала и Бепеню. Получив донесение о поимке Бепени, Татищев послал Соймонову вопросы для допроса и распорядился колесовать Бепеню.

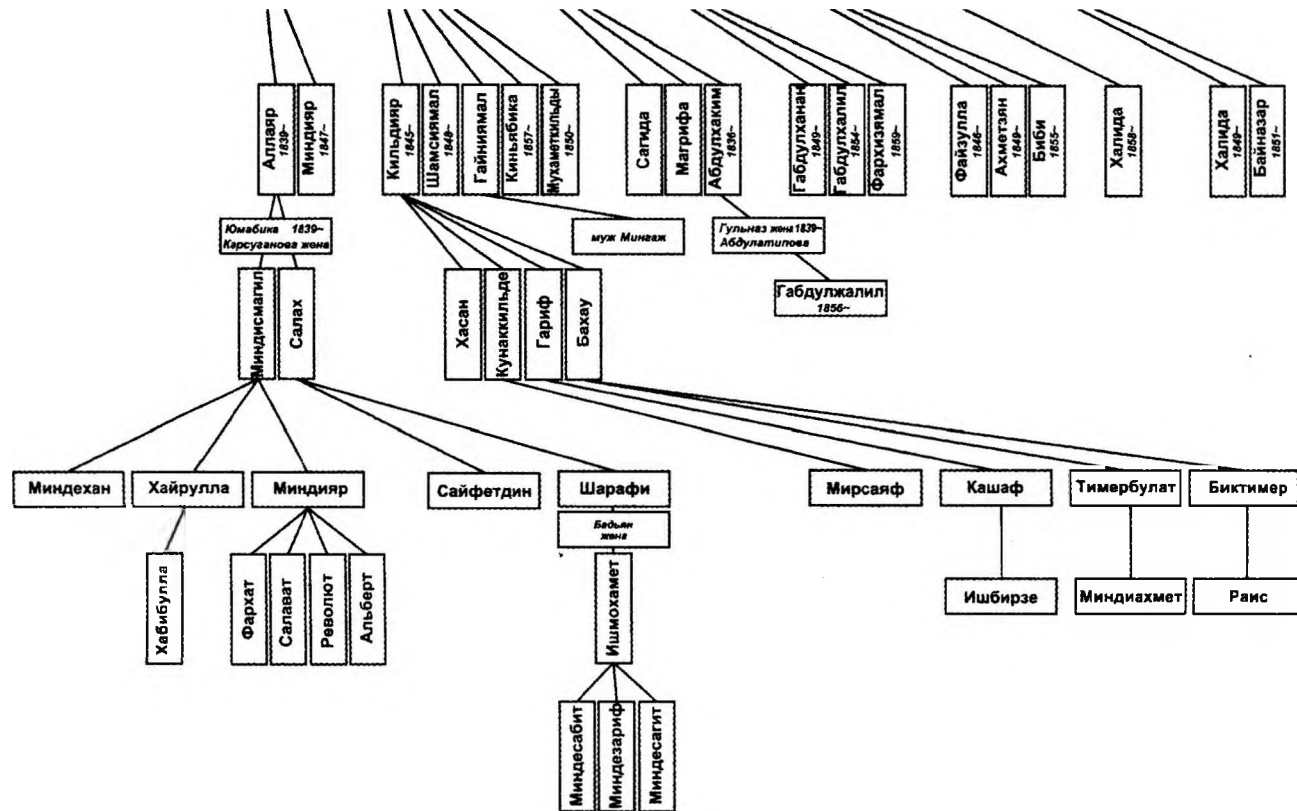
Кусяп и Бепеня – главные вожди, их судьбу Татищев решил без сомнений. Сложнее было с теми, кто пришел с повинной, следовательно, они не подлежали казни. Однако троих из них Татищев все-таки решил казнить. Это Аллазиянгул – старшина Айлинской волости, «которой верхьяицкой гарнизон взял, и против многих башкирцов ему пресечения, весь оной побил; другой Уразай, которой, получа немалое жалованье, обнадеживая успокоить, сам к кайсакам для призыву себе хана ездил и привозил, третий Елдяш мулла, которой с Бепенею лживые указы составлял и народ возмущал». Казнь Аллазиянгула, Уразая и Юлдаша-моллы Татищев решил согласовать с правительством. Поэтому они на некоторое время остались на свободе.

В августе 1739 г. башкирами была предпринята новая попытка выступления против царской власти, окончившаяся неудачно для одного из главных вождей восстания батыра Тулькусуры Алдагулова.

Соймонов послал капитана Стрижевского с командой и переводчика Романа Уразлина по волостям Сибирской дороги для сбора штрафных лошадей, не сданных полностью в 1738 г. Когда команда находилась в Тырнаклинской волости, Тулькусура, собрав до 40 человек, решил напасть на нее. Однако его не поддержали

Шежере рода Салавата Юлаева, составленное Р. Вахитовым

другие старшины. Более того, они предали его. Юлдаш-мулла, Мандар, Кулчумак, Чураш, Зиянчура и другие известили Соймонова о намерениях Тулькусуры. Соймонов послал им указ о том, чтобы бунтовщиков как можно скорее поймали, и обещал за это высочайшую милость. Тулькусуру поймали люди Шагания и доставили в Мензелинск.

Кровавый сентябрь 1739 г. Именно тогда Соймонов решил внушить башкирам потомственный страх. Чтоб «башкирцам оне было памятнее и к воровству себя не допускали», он вначале повесил и Бепеню, и Тулькусуру на дыбу. После повторного допроса он приказал колесовать Бепеню. Ему сначала отрубили руки и ноги, а затем, дав помучиться, голову. Потом казнили и Тулькусуру.

Бепеня Трупбердин малоизвестен в башкирской истории, его знают лишь специалисты, но он был выдающейся личностью. Чего стоит хотя бы вид казни, которую избрали для него представители царской власти. Почти 200 лет длилась национально-освободительная борьба башкирского народа за свой национальный суверенитет в составе России. Восстания вспыхивали каждые 20 лет. С возмужанием каждого следующего поколения молодежь, презрев советы старших, бралась за оружие. Многие десятки тысяч башкир сложили свои непокорные головы, но вот так, на колесе, с вращением которого палач отрубал топором поочередно ноги и руки, а потом, после мучений, и голову, – так казнен был лишь Бепеня Трупбердин.

Несколько слов о его происхождении. Он приходился племянником Ака-мулле Камакаеву, деду Азналыбая Карагужина. Отец Бепени – Трупберда и его дед Камакай, прадед Азналыбая, участвовали в Алдаровском бунте 1708-1711 гг. По заявлению Бепени на допросе, его дед Камакай был тарханом.

Он жил на Юрюзани в Ака-ауле [133]. Русские люди называли его Бепеней. Его башкирское имя – Бапа, среди горно-лесных башкир северо-востока Башкортостана встречаются Бапанины (люди с фамилией, образованной от этого имени). Бепеню называли еще абызом – грамотным, образованным человеком и муллой. Он имел сына Баязита, который ездил послом к казахам с целью вовлечения их в борьбу против царского правительства и получения от них хана, Чингизида по происхождению.

В документах упоминаются [134] братья Бепени, очевидно, двоюродные – Аккучук и Тимамбет Енекеевы, известные башкиры Куваканской волости. Эти братья по поручению Бепени ездили к казахам и привезли от них Шигая, сына Барака, султана Казахской

Средней Орды. Юный Шигаи, как претендент на ханский престол в Башкирии, жил в Тубеляцкой волости четыре месяца, но потом заявил, что быть ханом у башкир не желает, и уехал.

Бепеня участвовал в координации действий восставших башкир всех четырех дорог, поддерживал связь с другими вождями. Он и сам выступал как боевой командир, причем в 1736 г. под его началом было около 3 000 бойцов. Он совершил рейд по Тобольскому уезду, разгромив крепость Кирсан и многие русские деревни.

В 1737 г. он вместе с Мандаром и Чурашем, имея 1 300 человек, разорил двадцать деревень в Кунгурском уезде и Гайнинской волости. Возвращаясь домой, они вступили в бой с Ямбургским полком и, видимо, разбили его, так как осведомители сообщали В. Татищеву, что у Бепени есть «государево знамя, ружье и палаш», чего и сам Бепеня на допросе не отрицал.

«Верные» башкиры, например Таймас-тархан и другие, обращались к нему с предложением сдаться и похлопотать за него, чтобы избежать ареста и казни, но Бепеня, конечно, понимал, что прощения ему не будет. Он обещал им прекратить войну, если В. Татищев даст ему проездной документ в Санкт-Петербург. Бепеня надеялся попасть к императрице Анне Иоанновне и рассказать ей о произволе местных чиновников, о нарушении ими условий договора о присоединении Башкирии к Московскому государству. Но добился он лишь ненависти В. Татищева и жесточайшей казни.

Курляндский конюх Бирон правил Россией. Это был XVIII век, названный в истории «золотым». Век, с началом которого Россия вошла в исторический тупик, где за каждый шаг в своем развитии страна платила тысячами, сотнями тысяч, миллионами жизней, где право на землю, на имущество, на совесть, на веру, на жизнь, наконец, оставалось лишь пустым звуком. Колесо истории России покатило вспять. В страну пришло рабство. Его стыдливо прикрыли «фиговым листком», назвав крепостным правом. А по сути это было натуральное рабство: унижительное, бесчеловечное, жестокое. Людей покупали и продавали, пороли и забивали насмерть – один человек был хозяином другого. Более ста лет после описываемых событий Россия еще оставалась страной рабов.

Лишь восемьдесят лет спустя, в декабре 1825 г., лучшие сыны русского народа, протестуя, вышли на Сенатскую площадь. Они первыми заявили о губительности пути, по которому шла страна. Имена декабристов известны нам еще со школьных лет. Они вошли в историю России и навечно остались в памяти народа.

А кто знает и помнит имена Бепени и Тулькусурь? А ведь именно они возглавили башкир, поднявшихся с оружием в руках,

не щадя своей жизни, на борьбу против колониальной политики царизма, не позволивших превратить Башкирию в колонию с рабским, закрепощенным населением, как это было в Поволжье.

Башкир никогда не был крепостным. Более того, ценою тысяч жизней башкиры не только сохранили свою свободу, но и остановили волну рабства, накатывающуюся на Урал. Они сохранили и свое вотчинное право на землю, и свою веру. Разве они не достойны памяти потомков? Кусяп, Бепеня, Тулькусур и еще многие другие, кто отдал свою жизнь за свободу, землю и веру в те кровавые годы? Почему народ не знает о вас, почему непокоренный народ забыл своих героев?

Кровавый сентябрь 1739 г. Я не нашел даты казни Бепени и Тулькусуры. Однако рапорт начальника Комиссии Башкирских дел Л. Я. Соймонова в Правительствующий Сенат о казни в Мензелинске Бепени и Тулькусуры мне довелось прочитать. Этот рапорт под грифом «Секретно» датирован 28 сентября 1739 г. Значит, Бепеню и Тулькусору казнили 26 – 27 сентября.

Весной 1740 г. война разгорелась с новой силой. Центром ее вновь оказался северо-восток Башкирии. В конце февраля – начале марта башкиры, жившие по Юрюзани, Аю, Симу, съехались на курултай в деревне Васкын Тырнаклинской волости (ныне Лагыр Салаватского района Республики Башкортостан. – *Р. В.*). Всего собралось около 500 человек. Здесь были практически все старшины близлежащих волостей: Дуванской волости Мавлют, Айлинской волости Аллазиянгул, знакомый нам уже Куваканской волости Азналыбай Карагужин с командой, в состав которой входили его братья Мулюк и Исмагил, а также сын Мурат [135], Тырнаклинской волости Ярмухамет Баскунов со своими людьми, Кушинской волости Кузяш-мулла Рахмангулов, Кудейской волости Юлдаш-мулла и Шаганай Барсуков, Каратавлинской волости Исламгул и Ягафар Юлдашевы и многие другие.

Организовал курултай Аллазиянгул Кутлугузин. Ему было уже около 70 лет. Будучи одним из руководителей восстания с самого начала войны, он был приговорен к смерти Татищевым еще в 1739 г. Однако из-за согласования приговора с правительством и отзыва Татищева с Урала, Аллазиянгул остался на свободе. Именно ему, авторитетному и старшему по возрасту, суждено было стать идейным руководителем последнего, наиболее трагического этапа Национально-освободительной войны 1735 – 1740 гг.

Со смертью Бепени умерла и его идея о суверенном башкирском хане из казахов. Если на ранних этапах войны переговоры с казаками о получении от них хана знатного рода тщательно

скрывались, то на этом курултае было открыто заявлено об отказе от российского подданства. Командира одного из отрядов, действовавшего против экспедиции Кирилова с момента закладки Оренбурга, Карасакала, Аллазиянгул представил как нового башкирского хана. Башкирам Сибирской дороги Карасакал был практически неизвестен. Перед ними предстал человек, отлично владевший конем и оружием, знавший арабский язык и толковавший Коран лучше многих мулл, совершивший хадж в святые места. Карасакал обладал даром говорить умно, увлекательно и всегда доказательно.

Его подлинное имя Бай-Булат. Он был Чингизидом по крови, потомком Сибирского хана Кучума, правнуком Давлет-Гирея. А выдавал себя Карасакал за правителя Юнгории. Он объявил, что хотя он потомственный властелин Юнгории, лишенный власти, искать своих законных прав на Юнгорию в будущем никогда не станет; теперь, видя нужды башкирского народа, он забывает собственные свои дела и идет сражаться за свободу мусульман под игом неверных. «Вы мне обещаете ханство, и я пришел заслужить его, но не прежде приму, как заслужу! У меня много своих людей не только в Юнгории, но и в Киргизских степях, и я могу собрать 20 тысяч воинов...» – с такими словами обратился Карасакал к башкирам.

Однако не все поверили Карасакалу. По сути, курултай разделился на два лагеря: в первом были сторонники Аллазиянгула и Карасакала, во втором – верные царскому правительству старшины Кузяш, Юлдаш, Шаганай.

Документы свидетельствуют: «И показанные воры Мандар и Аллазиянгул с товарищи от верных башкирцов просили, чтоб им отдать старшин Кузяша-муллу, Юлдаша, Шиганая, а они просили от них воров вышеобъявленного хана Карасакала, токмо воры объявили, что ево они не отдадут».

Шел шестой год войны. Башкирия истекала кровью. Лучшие ее сыновья были казнены, лучших лошадей увели в драгунские полки императрицы как штраф с помилованных. Над некоторыми повстанцами висел не исполненный еще смертный приговор, как, например, над Аллазиянгулом и Юлдашем-муллой.

Видимо, поэтому часть старшин не поддержала Карасакала и встала на сторону царского правительства. Такие старшины, как Кузяш и Шаганай, сделали это по убеждению и всю оставшуюся жизнь удерживали власть над своими людьми, опираясь на царскую администрацию.

Юлдаш-мулла во время восстания Карасакала показывал себя «верным» старшиной. Однако верность его правителям России бы-

ла сомнительна как для представителей царской администрации, так и для башкир. Два его сына Исламгул и Ягафар Юлдашевы – старшины Каратавлинской волости, оставались в рядах повстанцев. Указ о казни Юлдаша-муллы не отменялся. Забегая вперед, отмечу, что в том же 1740 г. он был схвачен начальником Комиссии Башкирских дел Л. Я. Соймоновым и отправлен в Оренбург к В. А. Урусову. Но Юлдаш-мулла попал в Оренбург уже после смерти В. А. Урусова. Вновь его судьба осталась нерешенной. Его посадили под крепкий караул и держали до 1742 г., пока новый начальник Оренбургского края И. И. Неплюев не заинтересовался делом Юлдаша-муллы и не запросил у Сената подтверждения решения о его казни. Сенат своим решением от 3 августа 1742 г. подтвердил указ императрицы Анны о казни Юлдаша-муллы. Неплюев казнил его в сентябре 1742 г. Юлдашу-мулле отрубили голову.

Видимо, после казни Юлдаша-муллы в Шайтан-Кудейской волости к власти пришел Шаганай Барсуков. Долгие годы, оставаясь старшиной в этой волости и угождая перед администрацией края, он грабил свой народ, собирая штрафы и продавая за бесценок землю. Соплеменники, возмущенные этим, добились его отставки, и власть в волости перешла к Юлаю Азналину. После подавления Пугачевщины и ссылки Юлая власть вновь отошла к роду Шаганай. Старшиной Шайтан-Кудейской волости стал его сын Кунаккильды.

Мы забежали слишком далеко вперед. Вернемся к весне 1740 г., в деревню Васкын, когда курултай разделился на два вооруженных отряда и Шаганай оказался по одну сторону, а по другую стоял Азналыбай Карагужин. Уже тогда сплелись в клубке кровной вражды эти два рода.

Козьяш и Шаганай имели под началом всего около 200 человек, Карасакал же – свыше 500. Верные старшины бежали из деревни Васкын (Лагыр) в сторону Сартской волости. Шаганай запросил помощи у переводчика Р. Уразлина, собиравшего с башкир штрафных лошадей. Помощь пришла, и где-то у границ Сартской волости «Карасакал подлинно с Козьяшем дрался, токмо его не осилил», – писал Юлдаш-мулла Р. Уразлину.

После этого сражения, по донесению Р. Уразлина, «Карасакал поехал в Куваканскую волость с Аиткулом; они, собравшись, стоят у Азналы-бая 100 человек с небольшим, еще достальных збирают, и о том на все стороны ведомость послали». Отметим, что в этом донесении старшина Куваканской волости назван Азналы-баем (сравни: Юлай Азналин, Азналихов) [136].

Появление башкирского хана, отречение от российского подданства не на шутку встревожили царское правительство и администрацию края. Влиятельным старшинам, в частности Мандару, был послан указ: «чтоб оные ныне опаметуюсь и не допуская до всеконечной себе гибели и разорения к означенному вору и беглецу Карасакалу не приставали и ево б как можно поймали и объявили, за что паки всемилостивейшее ея и. в. прощение получить могут, точию на иное ответу от них не получено».

На северо-восток Башкирии стягивались войска. Из Чебаркульской крепости вышел отряд полковника Павлуцкого. В нем было 600 драгун, 2 пушки и несколько мортир с припасами. На помощь к верным старшинам, под началом Козяша Рахманкулова, спешили не менее 600 мешчеряков и ясашных татар под командою старшины Зайсяна. Из Исетской провинции вышли 40 гренадеров и 200 казаков, чтоб «тех бы воров ловили и до розширения их воровства не допускали».

Однако, как доносил переводчик Р. Уразлин, быстро росла и численность повстанцев. Отряд Карасакала занял выгодное место на Юрюзани в Каратавлинской волости, не давая соединиться Уразлину с Козяшем, оттеснив последнего в степи. Команда Уразлина таяла с каждым днем, «будущие при нем башкирцы кроме команды Шагана Бурсакова все розбрелись по домам из них же предались многие к вора и надежды иметь было не на кого». Сам Р. Уразлин вынужден был бежать.

Судя по донесениям и рапортам, отряд Карасакала насчитывал 600 – 800 человек. Со всех близлежащих крепостей против Карасакала двигались регулярные и нерегулярные войска численностью более 5 000 человек. Из Уфы вышел отряд секунд-майора Языкова, состоящий из 892 драгун с двумя пушками.

С приходом регулярных войск соотношение сил резко изменилось. В конце марта 1740 г. подполковник Павлуцкий нанес поражение Карасакалу. Каратели взяли в плен мужчин, женщин и детей, 10 деревень сожгли. Они преследовали Карасакала, Мандара и Азнабая, уходящих по Юрюзани в горные ущелья. В начале апреля их настиг и дал бой капитан Полозов. Попали в плен вожди восстания Аллазиянгул и Зиянчура, а также двадцатилетний сын Азнабая Мурат [137].

Аллазиянгула допросили в канцелярии Теченской слободы. Одним из главных предводителей восстания он назвал Куваканской волости Азнабая Карагужина [138]. По приказанию князя Урусова, летом 1740 г. Аллазиянгула повезли к нему в Оренбург для исполнения ранее вынесенного смертного приговора. Однако

киргиз-кайсаков розбили и в плен взяли 9 человек, да побили 20 человек, а прочие де ушли на побег», – доносил секунд-майор Языков. Его команда под началом подполковника князя Путятина стояла лагерем на реке Ай. Отряды Путятина действовали против башкир Сибирской дороги, не сложивших еще оружия.

В конце июня 1740 г. один из пленных – Муртаза Ибраев показал на допросе, что Азналыбай намерен бежать на Яик-реку. Путятин отрядил против него команду секунд-майора Языкова «регулярных и нерегулярных в 500 человеках». От 4 июля Языков донес, что совместно с подполковником Павлуцким они 28 июня нагнали и разбили Азналыбая и других близ реки Ай, «в горах весьма в крепком и трудном месте». За усталостью лошадей, непроходимых лесов и болот, каратели не смогли преследовать уцелевших башкир.

Азналыбаю вновь удалось уйти. Летом 1740 г. он со своей командой скрывался в горах Юрактау. Его соратник с 1737 г. Сарткул со своими товарищами пошел с повинной в лагерь Путятина на реке Ай. К Азналыбаю примкнули бежавшие из плена Назаргул Айткулов и Токтаж Арыков. Они рассказали, что пленных башкир казнят, на каторгу ссылают, носы режут. Азналыбаю рассчитывать на милость карателей не приходилось. В том же 1740 г. он ушел вместе с Назаргулом и Токтажем в Киргиз-Кайсацкую Орду. Пойманный в степи разъездом карателей, калмык Мамзи на допросе в конце июня 1740 г. показал, что «был он в Карасакаловом собрании и за Тоболом рекою у дубравы Чюалагал набежали на то Карасакалово собрание киргис-кайсаков человек з 200 и всех их розбили и многих побили до смерти, а жен и детей также срослых нескольких мужиков взяли в плен, лошадей и скот, и пожитки побрали, и оное все отправили в жилища свои; а Карасакала и Мандарова сына Мавлюта и сво калмыка взяли живых с собою и вели пеших на арканах; Карасакал же от них киргиз-кайсаков рансн самую тяжелою раною в спину копьем и затем ево послали в свои жилища, а Мавлюта назавтра увезли в другую сторону и живы ль оные ли побиты не знает».

Так Карасакал из башкирского хана превратился в казахского пленника. Видимо, это был очень умный и волевой человек. Он не смирился с участью раба. Более того, через год-два после описываемых событий Карасакал стал весьма влиятельной личностью в Киргиз-Кайсацкой Орде. Он собирал под свои знамена до 2 000 бойцов и совершал дерзкие походы на каракалпаков, калмыков и другие народы. Усиление Карасакала беспокоило как казахских ханов, так и правителей России.

Генерал-лейтенант Соймонов посылал к Карасакалу русского пленника Ивана Лапина, вышедшего из каракалпаков, пытаясь склонить его к добровольной сдаче царским властям. Карасакал ответил ему письмом. Он признал свою вину, но сдаваться, конечно, не стал, отговорившись опасностью дороги в Россию и желанием привезти с собой башкир, живущих в Орде, для искупления своей вины. К 1742 г. влияние Карасакала в Орде так усилилось, что ханы Абдулмамбет, Барак, Абулхаир считали за честь посылать ему подарки.

Начальник Оренбургской комиссии И. Неплюев всячески пытался заманить Карасакала в Оренбург, схватить и отправить в Самару. Однако это не удавалось. Тогда Неплюев решил воспользоваться традиционным приемом правителей России – поссорить его с Большой Кайсацкой Ордой и «тем ему тамо руки завязать». Уж очень Неплюев опасался Карасакала. Междоусобица, вспыхнувшая в конце 40-х гг. среди казахских ханов, привела к гибели некоторых из них. Был убит Абулхаир-хан. Погиб и Карасакал. Разошлись в то время слухи о том, что его лишил жизни Барак-султан, опасаясь за свою жизнь после убийства Абулхаир-хана.

Что же случилось с другими повстанцами, попавшими в Орду? Долгие два года провели они на чужбине, большей частью – рабами. Ягафар Юлдашев – башкир Каратавлинской волости – рассказывал: «И пришли во оную Среднею Орду ко владельцу хану Барак султану и по приезде во оной Орде жили с месяц; и потом нас распродали по разным местам, а куда не знаю, токмо мена с товарищи мужеска и женска полу продали в Ташкенскую землю в 373-х человеках». Бежать домой в Башкирию они не могли. Дома их ждала казнь за побег в Орду. Лишь летом 1742 г. бригадир, уфимский вице-губернатор Петр Дмитриевич Аксаков, объявил прощение вины для башкир, вернувшихся из Орды.

П. Д. Аксаков занимал пост вице-губернатора Уфимской провинции с 1740 по 1743 г., как раз после окончания Национально-освободительной войны 1735–1740 гг. Ему было поручено выяснить ее причины и устранить последствия. В своей деятельности П. Д. Аксаков стремился пресечь злоупотребления как представителей царской администрации, так и башкирских старшин, против которых им был собран огромный обличительный материал. Так, упомянутый выше Шаганай Барсуков, хоть и был в Москве в составе делегации «верных» башкир, но, как и многие из них, оказался отстраненным от власти волею П. Д. Аксакова. По его инициативе родовая знать, которая раньше становилась старши-

нами по происхождению, стала заменяться выборными старшинами, утвержденными администрацией края.

В конце 1741 г. в результате очередного дворцового переворота императрицей России стала Елизавета – дочь Петра I.

До царствования Елизаветы жестокость кар все усиливалась. Дочь Петра начала с того, что отменила смертную казнь, и если не в правовом порядке, то фактически. На практике сперва смертные приговоры перестали приводить в исполнение, а затем судьи и вовсе не выносили такие приговоры. Елизавета всегда пользовалась правом высочайшего помилования. Указом от 23 августа 1742 г. отменялись пытки и смертная казнь для крестьян-бунтовщиков.

Вот эти новые веяния в лице вице-губернатора П. Д. Аксакова докатились и до Башкирии. П. Д. Аксаков от других начальников края отличало знание жизни и быта башкир, добропорядочное к ним отношение.

«Хлеба пахать не охотники, а большая часть довольствуется мясом и крупю, молоком, а в дорогу делают из молока маленькие сыры, называемые крут, которые кладут в воду и тем питаются без хлеба и мяса и пьют из кобылья и коровья молока квашеной, называемой кумыс. Избы имеют небольшие и большие без печей, с каминами, по их чувалы; дворов не городят, любят больше свежий воздух, как они к тому обвыкшие. Деревни у них есть большие и малые, а не большие ста дворов, которые по изобилию мест все при хороших водах и лесах, паче в степи для лошадей, которые у них всю зиму ходят по степи. А нажива их лучшая или промысел во пчелах, хмелю и ловле зверей, лисиц, волков и бобров. Земель имели великое довольство».

Из записок П. Д. Аксакова, 1743 г.

Узнали о новых порядках и те башкиры, кто мыкал горе на чужбине. Вкусив свою горькую долю, вернулся домой и Азналыбай. Он, как один из предводителей восстания, явился в Уфу, и его допрашивал сам П. Д. Аксаков. Сохранился протокол этого допроса [139] и «объявление» [140] Азнабая о Карасакале, его роли в восстании и об отношениях башкир с казаками.

Допрос состоялся 21 октября 1742 г. О чем же рассказал Азналыбай? Конечно, опасаясь за свою судьбу, вначале он свое участие в восстании объяснил принуждением со стороны Карасакала и его людей. Однако позже, 16 ноября, в «объявлении» он рассказал истинные причины, приведшие его в ряды повстанцев. Вскоре после появления Карасакала в его деревне пришел указ генерала

Соймонова «о поимке и о присылке разных волостей лутчих башкирцов». В числе двадцати восьми, названных в указе, был и Азналыбай. Все они, после клятвы на Коране и платежа штрафных лошадей, более не бунтовали. Получив указ, они поняли, что от генерала Соймонова их ждет либо казнь, либо ссылка. Обратно от него домой не возвращались. Это и толкнуло Азналыбая в ряды повстанцев.

Правда, пытаясь обелить себя в глазах царских властей, Азналыбай, скорее всего, придумал следующее: «...я с башкирцами Сибирской дороги, Куваканской волости Зеганом Татымасовым, Яусбаем Зиянгуловым, Трухменской волости Зиянгилдой Иткиным да с сыном Байчюрой, которые все умерли, ездили для поимки ево Карасакала...». Отметим, что в свидетели он взял всех мертвых.

Однако не это для нас главное. Как понять слова «...да с сыном Байчюрой...»? Чьим сыном был Байчюра? Если бы он был сыном Зиянгильды, Азналыбай бы сказал «... да с сыном ево Байчюрой...». Возможно, в восстании, кроме Мурата, участвовал еще один сын Азналыбая – Байсура. Кроме того, Азналыбай упоминает и других своих родственников.

Из Орды он бежал в начале октября 1742 г. вместе со своим двоюродным братом Султан-Али Кунаккозиным и его женой Исеней Минлиной. В протоколе указана и фамилия Азналыбая – Карагозин. Отсюда следует, что Кунак-гужа и Кара-гужа были братьями.

Азналыбай рассказал, что в Орде он попал во владения Аблай-султана. «А в Киргиз-Кайсацкой Орде, в Ташкенцах, в Калтан-Чирея владениях башкирцов довольное число, а особливо в Киргизской Орде, по-видимому их жильем третья часть», – ответил он Аксакову на вопрос о том, много ли башкир в Орде.

Встречался ли Азналыбай с Карасакалом в Орде? На допросе он отрицал всякие отношения с Карасакалом. Но едва ли он сказал правду. Это было не в его интересах. В своих показаниях он довольно подробно описал пребывание Карасакала в Орде, его связи с ханами, его походы в Каракалпацкую Орду, женитьбу «на двух девках киргизских», свадебные подарки от других ханов. Скорее всего, они встречались, но это были встречи людей, весьма отличных по положению: хана и простолюдина.

Какой же оказалась судьба Азналыбая по возвращении? Старшинский пост был утерян. Однако он остался уважаемым человеком и главой своего рода. В 1756 г. он участвовал от Куваканской волости в продаже земли заводчикам Твердышеву и

Мясникову для строительства Катав-Ивановского завода. Башкиры продали землю, подчинившись указу Берг-коллегии от 1755 г. А согнали их с этой земли, видимо, в 1754 г. Захват земли, как правило, происходил на год-два раньше оформления купчей [141].

В этих купчих перечислялись имена и фамилии башкир-вотчинников. Среди тех, кто участвовал в продаже земли для Катав-Ивановского, Юрюзаньского, Усть-Катавского и Симского заводов, упоминается лишь один Азнабай – Азнабай Карагужин. Это и есть подтверждение дружбы Азналыбая, деда Салавата Юлая, с заводчиками, отмеченной в эпосе «Юлай и Салават».

По упомянутой выше купчей можно установить и отца Азналыбая Карагужина, прадеда Салавата Юлаева. Это Карагужа Акаков, сын известного в Куваканской волости Ака-муллы Камакаева. Совсем неудивительно, учитывая грамотность Азналы, отмеченную в эпосе, что его отец Карагужа был абызом, образованным человеком (в документах Карагази-абыз). Деревню Карагужа-абыза упомянул Азналыбай на допросе у П. Д. Аксакова в связи с проживанием там активного сторонника Карасакала Ермухамета Баскунова, в доме которого жил Карасакал до объявления его башкирским ханом [142]. Можно сделать вывод о том, что речь идет о деревне Ярмухамет, некогда располагавшейся на правом берегу реки Ай. Карагужа-аул – это раннее название той деревни. Сегодня неподалеку от места этого аула существует деревня Новомухаметово.

Отец Карагужа Акакова – Ака-мулла Камакаев – в годы Национально-освободительной войны 1735 – 1740 гг. был уже в преклонном возрасте, поскольку в этой войне он участвовал вместе со своим внуком Азналыбаем и правнуком Муратом 1720 года рождения. Ака-мулле в то время было уже более 70 лет. Он имел братьев: Кусяка – его деревня располагалась на правом берегу Юрюзани в устье ручья Лайры, Енекея и Трупберду (отец Бепени) [143]. Их отцом был Камакай Бекулов [144]. Сын Кусяка – Ишмак (Исак) Кусяков, он упоминается как один из командиров повстанческих отрядов, арестован в июле 1740 г. [145].

Стоит кратко рассказать о деятельности Ака-муллы Камакаева, так как он был одним из идеологов Национально-освободительной войны 1735 – 1740 гг.

В начале этой войны он, имея большой жизненный опыт, занимал взвешенную позицию. Так, в июле 1736 г., после нападений башкир на продовольственные обозы и гарнизон Верхне-Яицкой крепости, на съезде в деревне Кинзекеево Ака-мулла принародно говорил в адрес предводителя восстания Юсупа Арыкова: «Ты,

Юсуп, возмутил народ против императрицы, и за твои дела многие добрые люди пропали и жилища их выжжены, и люди вырублены, а ты плутовством своим еще укрываешься, и чтоб ты, Юсуп, объявил теперь при всем народе, в противности ли ты против воли государыни нашей хочешь быть или повинную желаешь принести?» [146].

Но долго оставаться в нейтральном положении Ака-мулле не удалось. Молодое поколение все-таки втянуло его в эту войну. Племянник Бепеня, внук Азналыбай стали не только активными участниками этой войны, но и практически возглавили ее. В деревню Ака-муллы стали привозить трофейные пушки, ружья, палаши и даже знамя разбитого полка.

Ака-мулла стал главным советчиком своего племянника Бепени в написании различных писем и обращений. Так, в том же июле месяце они написали письмо в адрес В. Татищева от имени восставших башкир, в котором обвинили власти в нарушении условий присоединения башкир к Московскому государству. Они заявили о своей готовности отстаивать свои права, не жалея жизни [147].

Они написали письмо полковнику А. Тевкелеву, в котором отмечали, что императрица «соизволила повелеть построить город Оренбурх по прозьбе Абулхаир-хана, а ныне де построили на вершине Яик реки город, а на Чебаркуле другой, на Миясе третий, на Казылташе четвертой, под которой берут наши вотчинные земли, за кои мы платим ясак и служим, [просим], чтоб повелено было реченых городов не строить или дать нам пашпорт ехать до е. и. в. для оной прозьбы».

Конечно, такое письмо вызвало у Тевкелева взрыв ярости, он разорвал его и бросил, немедленно собрал свою команду и отправился на Сибирскую дорогу. По пути он заехал в Балыкчинскую волость в деревню Сеянтус, где, собрав всех жителей, 1 000 человек казнил и повесил, а потом собрал более 100 человек мужчин, женщин, стариков, детей в один большой амбар и сжег живьем [148].

В декабре 1737 г. Ака-мулла вместе с другими старшинами обращался с письмами к властям о принесении повинной, но так, видимо, и не рискнул явиться сам и просить помилования. Ну, а после того как его племянник Бепеня стал главным вождем и идеологом башкирского восстания 1738 г., об этом не могло быть и речи – его бы, без сомнения, казнили, хотя в это время Ака-мулла оставался в тени Бепени, не проявляя особой активности – возраст был уже не тот, да и необходимости не было.

После ареста и казни Бепени на него обрушились заботы обо всем его большом роде. Каратели преследовали всех родственников Бепени. Ака-мулла собрал своих людей, всего около 300 семей, и увел их в труднодоступные горные ущелья и топи близ горы Ямантау. Но в июне 1740 г. и сюда пришли каратели. Капитан Кублицкий 22 июня, обнаружив их стойбище, перебил людей и захватил скот. Самого Ака-моллы в стойбище не оказалось, он отъехал к соседям. Когда он вернулся, то из 300 семей едва набрал 20 из родственников, разбежавшихся от карателей по лесам и болотам.

С ними он и пришел, наконец, в Верхне-Яицкую крепость с повинной. Но его оттуда отослали к генерал-лейтенанту князю Урусову. Далее его следы в официальных документах теряются. Сообщений о его казни не последовало, но и на свободе его оставить не могли – он был главой наиболее воинственного рода бунтовщиков.

Предание рассказывает, что Азналыбай выкупил его, совершив подмену. Один старик якобы по своей воле занял его место в тюрьме. После этого, по преданию, Азналы отвез Ака-моллу в Кушинскую волость, в деревню Лемезтамак. Действительно, в тех краях (ныне Мечетлинский район) сохранились предания об Ака-ишане – святом человеке, глубоко верующем, умевшем лечить людей травами и молитвами. Упоминается в тех преданиях и родство Ака-ишана с Салаватом Юлаевым. Мне эти предания рассказала Явгара Казыева, заслуженный учитель школы РСФСР из Мечетлинского района. В их роду память об Ака-ишане сохранилась до настоящего времени.

Глава 25

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ НА ШЕЖЕРЕ САЛАВАТА

Свои находки о предках Салавата Юлаева я начал публиковать с 1993 г. Первая статья называлась «Азнабай, Юлай, Салават». Она вышла в газете «Советская Башкирия» (1993.24.06) и посвящалась деду Салавата Юлаева – Азналыбаю Карагужину, старшине Куваканской волости. В последующих публикациях родословная Салавата расширялась, появились публикации жителей Салаватского района, дополняющие ее.

Историки молчали, мне же, безусловно, хотелось знать их мнение. К критическим замечаниям я был готов, хуже было молчание, но я знал, что никто из историков родословной Салавата Юлаева не занимается. Она их не интересовала, более того, мешала. Наш национальный герой рядом со своими родственниками становился истинным Салаватом – сыном своего отца, внуком своего деда, генетически впитывал в себя их достоинства и пороки. А историки, вслед за ними и писатели, поэты много лет создавали из Салавата прообраз большевика-ленинца, беспощадного вождя классовой борьбы бедных против богатых. Вот только сам он бедным не был, происходил из зажиточной семьи.

Но я знал, что рано или поздно критика в мой адрес прозвучит. Я старался ускорить ее, публикуя статьи и на русском, и на башкирском языках, причем как в газетах, так и в толстых журналах. Конечно, мне было нетрудно предположить, что направлением главного удара в критике будет происхождение Азналыбая Карагужина, деда Салавата Юлаева, из Куваканской волости. Так уже сложилось в нашей исторической науке, что Салават приписыв-

вался к шайтан-кудеям. Это стало догмой. Я не только знал это, но и помнил, не только помнил, но и постоянно все эти годы искал сведения, проясняющие этот вопрос.

И потом, догма всегда убийственна для познания. Существует даже пословица: «Истина рождается как ересь, а умирает как догма». В данном случае происхождение Салавата из куваканского рода звучит ересью, но является ли она истиной? Попробуем разобраться.

В 1737 г. старшина Кудейской волости Юлдаш-мулла писал В. Татищеву о мирной жизни трех Кудейских волостей. Большая Кудейская волость разделилась на три части. Во главе одной из них был он сам, другие две волости возглавляли Исмаил-тархан Молдуров и Шаганай Барсуков, их тамги также стоят под этим письмом [149]. После окончания Национально-освободительной войны 1735 – 1740 гг. Шаганай официально становится первым старшиной Шайтан-Кудейской волости. На этом основании можем считать его род коренным Шайтан-Кудейским родом. Из его влиятельных родственников известен Алексей Булатов, первопоселенец деревни Альке. О родстве Шаганая и Азналыбая нет никаких сведений. И краевед Х. Кульмухаметов, перечисляя в своем сочинении [119] родственников Юлая, приглашенных на его проводы в боевой поход, не упоминает ни Шаганая, ни его сыновей. Более того, достоверно известно, что Салават был во враждебных отношениях с Рысбаем, сыном Шаганая. Забегая вперед, скажу, что их дети поженились, что совсем не характерно для родственных отношений. В разных поколениях «азналинцы» брали невест из шайтан-кудеев. Выше я отмечал предание о том, что из шайтан-кудеев была мать Азналы, бабушка Юлая. Род Азналы, Юлая и Салавата не был в кровном родстве с коренными шайтан-кудейцами: Шаганаем, Алексеем и Рысбаем.

И вот в 2001 г. вышла 9-я книга серии «История сел и деревень Башкортостана» известного историка, профессора А. З. Асфандиярова [21]. В разделе, посвященном родине Салавата, дана критическая оценка моих поисков по родословной Салавата Юлаева. За это выражаю ему мою искреннюю благодарность.

Как я и предполагал, у уважаемого историка не нашла поддержки выявленная мной родственная связь Салавата Юлаева, его отца Юлая Азналина с Азналыбаем Карагужиним, выходцем из Куваканской волости. Надо отметить, что он подверг критическому анализу мой вариант родословной Салавата по статье в журнале «Агидель» [149] «Иләк йондоз ни эйтер?..». В этой статье содержалось значительно меньше доказательств родства Юлая Азналина и Азналыбая Карагужина, чем выявлено мной теперь.

Подчеркивая мое искреннее стремление к истине, профессор Асфандияров считал, что я еще далек от поставленной цели, а причина тому – отсутствие выявленных источников. Но отсутствие документов об Азналы. происхождением из Шайтан-Кудейской волости – тоже красноречивый факт. Опубликовано очень много источников по бурной и богатой истории башкирского народа в XVIII в., но такого Азналы, шайтан-кудейца по происхождению, так и не было обнаружено. Соответственно, нет ни единого документа, указывающего на его шайтан-кудейское происхождение. Это домысел историков, основанный на другой выдумке, что его сын Юлай был старшиной в Шайтан-Кудейской волости. Это ошибочное утверждение принадлежит И. Гвоздиковой. Она пишет, на основании показаний Юлая на допросе в Москве, что он был утвержден оренбургским губернатором А. Путятиным волостным старшиной [112. С. 183]. Но это не так. Сам Юлай на допросе в Тайной экспедиции Сената 25 февраля 1775 г. сказал: «Бывшим оренбургским губернатором князем Путятиным произведен, он, Юлай над башкирами, живущими поблизости его деревни, старшиною» [150. С. 303].

Как видим, «башкирцы, живущие поблизости его деревни» и Шайтан-Кудейская волость – не одно и то же. Более того, в ведении Юлая в 1770–1773 гг. находилась весьма обширная территория, включающая в себя земли Кубовской, Туркмен-Кудейской, Белекей-Кудейской и Куваканской волостей.

Известны два документа, составленные при непосредственном участии Юлая Азналина. Первый из них – купчая заводчиков И. Твердышева и И. Мясникова на вотчинную землю башкир Кубовской волости по рекам Белая, Юрюзань, Березяк и Лаязы [151]. Это очень интересный документ. Он напрямую указывает происхождение Юлая, ведь вотчинная земля – это родина, земля его предков. Так где же она? Какому роду принадлежала?

В купчей определены и названы ориентиры. Не буду приводить описание границ, отмечу лишь упомянутые географические названия: горы Ямантау и Иремель, истоки рек Белой, Малый Инзер, Юрюзань, Березяк. Это те места, где, согласно эпосу «Юлай и Салават», Юлай с семьей семь лет скрывался от наказания за участие в восстании. Эпос созвучен с письменным документом.

Это древние земли куваканского племени, Куваканская волость. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на карту, прилагаемую к 1-му тому «Материалов по истории БАССР». Селения куваканцев, расположенные здесь, были разграблены и сожжены карателями в ходе подавления Национально-освободи-

тельной войны башкир 1735–1740 гг. Выше я рассказывал о том, что Ака-мулла, спасаясь от карателей, собрал здесь 300 семей куваканцев, но они были разбиты, уцелело лишь 20 семей. Многие башкиры этого рода были казнены, а очень немногие, оставшиеся в живых, разъехались по близлежащим волостям. Об этом говорил и Азналыбай на допросе у вице-губернатора П. Д. Алексеева [139. С. 484].

Юлай уже не мог собрать законных владельцев и, видимо, подчинившись указу Берг-коллегии, продал эту землю вместе с подвластными ему башкирами. В документе они значатся как «команды Юлая Азналина, деревни Кубовой башкирцы...». Едва ли они имели какое-то законное отношение к землям на отрогах Ямантау и Иремеля. Расстояние между их деревней Кубово и проданной землей в верховьях реки Белой составляет более 150 км.

Этот документ точно указывает происхождение Юлая с отрогов Ямантау и Иремеля, из Куваканской волости, а не из шайтанкудеев. Второй документ – это соглашение о припуске крещеных чувашей в деревню Кубово [152]. Чуваша размножились там, и потом эта деревня стала называться Чуваш-Кубово.

Таким образом, административной единицей, которая реально подчинялась Юлаю Азналину, были не Шайтан-Кудейская и Кубовская волости, а территория, занимаемая башкирами, числившимися в его воинской команде. Часть Шайтан-Кудейской волости во главе с Шаганаем Барсуковым ему вообще не подчинялась, действовала самостоятельно. Шаганай сам без Юлая распродал родовые вотчинные земли, и земли эти назывались «дачами отставного старшины Шагана Барсукова».

Конечно, Юлай не хотел терпеть такую самостоятельность Шагана. Этим объясняется и судебная тяжба, затеянная им против этой сделки Шагана, и рапорт Салавата в Уфимскую провинциальную канцелярию на сына Шагана Рысбая. Таким непростым было служебное положение Юлая Азналина.

Вернемся к другим замечаниям А. Асфандиярова. Он пишет, что я неправомерно считаю Юлая Азналина, его отца и детей выходцами из Куваканской волости, ставшими припущенниками в Шайтан-Кудейской волости. Замечание трудно принять, потому что несколькими строками ниже он же пишет: «В итоге все башкиры Куваканской волости, кроме одной ее деревушки, еще в 60-х гг. XVIII в. стали припущенниками других волостей».

Основное же наше разногласие заключается в следующем. Профессор А. Асфандияров считает, что башкирское общество XVIII в. имело некую идеализированную структуру патриархаль-

но-родового строя. Для каждого рода была очерчена земля, по определенным межам, на этой территории жили постоянно представители только этого рода, они имели своего родового старшину и единую тамгу. Могли быть еще и арендаторы земли – припущенники, поселившиеся на земле данного рода по договору. Все, что было не так, он считает исключением, а не правилом.

Наверное, такое башкирское общество существовало несколько десятков лет, но не в XVIII в., а в XVI, сразу после присоединения Башкортостана к Московскому государству. Тогда башкирские племена закрепили за собой свои земли, стали платить за них ясак и припускали на них разный народ, бежавший из Поволжья.

Но ничто не вечно под луной. Со временем башкирские племена распались на роды, а их земли разделились на куски-улусы (от башк. *өлөш*), называвшиеся по-русски волостями. Изменилась и форма собственности – из родовой она стала семейной. Скот, например, теперь принадлежал не роду, а отдельной семье, состоящей, как правило, из трех поколений с представителями разных родов в женской части. Со временем припущенники часто становились и собственниками земли, переходили разными путями от арендной платы к уплате ясака. Терялись и уничтожались карателями жалованные грамоты, полученные во времена Ивана Грозного, – единственные документы, в которых были отмечены границы земель. Многие роды исчезали с лица земли по разным причинам, особенно из-за башкирских восстаний. Их земли занимали соседи или пришельцы, переселенные карателями за участие в подавлении башкирских бунтов. Так возникали ситуации, когда семья могла жить в одной волости, а владеть землей в другой, по своему древнему вотчинному праву.

Известные историки давно обратили внимание на это. Так, А. Чулошников – ответственный редактор 1-го тома «Материалов по истории БАССР», вышедшего в 1936 г., в своей вводной статье «Федеральные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в.» писал: «Волость и ее подразделения *тюба*, или *аймак*, еще в XVII в. не представляли собрания одних родственников...» [153]. Еще конкретнее выражался на этот счет в XVIII в. современник описываемых событий В. Татищев, живший на Урале и непосредственно руководивший Башкортостаном: «Одной волости люди живут по всей Башкирии и в одной деревне люди разных многих волостей... [154]».

Однако наши историки не торопятся принять такие замечания. А. Асфандияров считает это исключением, а не правилом. Но исторические документы говорят об обратном.

Тот же В. Татищев, работая начальником Оренбургского края, был крайне озабочен такой неразберихой. Он даже издал специальный указ в 1738 г., повелевая башкирским старшинам навести порядок в своих волостях, иначе «старшинам и сотникам не только людей в добром порядке содержать и от воровства унимать невозможно, но и ясак собрать трудно, и с чего старшинам и сотникам и всем добрым людям может быть убыток, того ради должны все волости вы расписать деревнями подряд, коего б рода (! – Р. В.) во ных люди не жили, и чтоб волости не меньше 200, а не больше 500 дворов были... для того на оное дается вам сроку до предбудущего 1739 году». Также и старшинство стало должностью, а не признанием главенства в роду.

Как видим, описанное положение было не исключением из правила, а государственной проблемой. Понятия «род», «волость» и «тамга» уже не были взаимосвязаны. Профессор А. Асфандияров, отрицая родство между Юлаем Азналиным и Азналыбаем Карагужиным и его предками, приводит в качестве доказательства еще и различие в тамгах Юлая и Ака-муллы. Состоятельны ли его доводы? Считаю, что нет.

Тамга – это не только аналог печати, который рисовали на документах вместо подписи, но и знак собственности. Ее ставили на бортях, ею клеймили скот. Она была единой для рода тогда, когда и собственность: борти, скот – были общими для всех родственников. Это было давно, еще во времена Чингисхана, в XIII в. Ко времени рассматриваемых событий, к XVIII в., собственность уже давно стала семейной. Если жили в одной семье внук с дедом, владели единой собственностью, то и ставили одну и ту же тамгу и на документах, и на бортях, как это имело место в 1736 г. в семье Ака-муллы Камакаева и жившего с ним его внука Азналыбая Карагужина. На письме о принесении повинной они оба поставили одну и ту же тамгу. А через 6 лет, в 1742 г., Азналыбай, проживая отдельно от деда, ставил на документах уже свою тамгу [155]. Возможно, тогда Азналыбай переселился с отрогов Ямантау и Ирмеля на речку Кускянды.

Другой пример. В 1737 г. Шаганай Барсуков ставил тамгу в виде, показанном в [156], а в 1742 г., будучи старшиной Кудейской волости, он пользовался другой тамгой [157], а его сын Шукур Шаганаев имел свою, личную, тамгу [150. С. 481].

Так о каком единстве тамг для родственников может идти речь? Тамга менялась не только от отца к сыну, но и один человек на протяжении своей жизни пользовался разными тамгами. Поэтому, вопреки утверждениям профессора А. Асфандиярова, различие в

тамгах Юлая Азналина и его прадеда Ака-муллы Камакаева никак не может быть свидетельством отсутствия родства между ними. У каждого прадеда было множество внуков и правнуков со своими семьями. Что, они все должны были метить одной прадедовской тамгой и борти, и скот? Кто ж тогда считался бы хозяином?

Профессор А. Асфандияров пишет, что я без какого-либо документального обоснования объявляю активного повстанца и одного из предводителей башкирского восстания 1735–1740 гг. старшину Куваканской волости Азналыбая Карагужина отцом Юлая Азналина, дедом Салавата Юлаева.

Выше, надеюсь, убедительно доказано, что Юлай не был старшиной Шайтан-Кудейской волости. Его старшинство распространялось на часть территорий Шайтан-Кудейской, Кубовской волостей, а вотчинная земля его рода, которую он продал [151], располагалась в Куваканской волости на отрогах Ямантау, в верховьях Белой, Малого Инзера, Березяка и Лаязы. Следовательно, по происхождению он был из куваканского рода.

Нет ничего особенного и в том, что он, будучи выходцем из куваканского рода, был назначен старшиной на землях Шайтан-Кудейской и Кубовской волостей. Таких примеров можно было бы привести десятки, но я ограничусь двумя, наиболее показательными.

Старшиной Шайтан-Кудейской волости до Юлая в 1760–1762 гг. был Иштуган Мишаров, выходец из Тубеляской волости, тоже, по сути дела, куваканец, так как род *тубеляс* происходил из Куваканского племени [54. С. 350]. Или другой пример. Известный бунтовщик, старшина Кудейской волости Юлдаш-мулла Суярембетов имел двух сыновей – Ягафара и Исламгула. Первый был старшиной, а второй – сотником в Каратавлинской волости. Причем Исламгул жил в своей деревне его имени на территории Каратавлинской волости через реку Юрюзань от деревни Каратавлы. Это, я подчеркну, коренные кудейцы, а правили они в Каратавлинской волости и жили на ее территории.

Теперь относительно документального обоснования родства Юлая и Азналыбая Карагужина, отсутствие которого привел мне в укор профессор А. Асфандияров. Разве документ о наличии у Азналыбая сына Мурата [137] и карта Красильникова и Рычкова 1755 г., на которой показана деревня Мурат рядом с деревнями Азналы и Текей, не являются документальным обоснованием?

Показательно и то, что профессор А. Асфандияров, в отрыве от установленного мною родства между Азналыбаем Карагужиним и его сыновьями Муратом (1720 года рождения) и Юлаем (1729 – 1730 года рождения), так ничего и не смог написать о деревнях

Азналы и Мурат, за исключением того, что без всяких обоснований назвал деревню Азналы центром Шайтан-Кудейской волости и «поэтому ранее называвшейся Шайтан» [21. С. 133].

Совершенно без оснований уважаемый профессор А. Асфандияров обвинил меня в какой-то подтасовке имен с целью обоснования моей версии родства: «Азнали, по Вахитову, чтобы уподобить его имя с фамилией Юлая Азналина».

Упрек явно незаслуженный. Я отстаиваю свою версию родства Юлая и Азналыбая Карагужина в интересах поиска истины и вовсе не имею никакой корысти, чтобы заниматься каким-то «уподоблением». С удовольствием принял бы и иную версию, если бы она была и имела более веские доказательства.

В связи с этим считаю необходимым остановиться на имени *Азналыбай* более подробно. Полностью это имя упомянуто дважды в одном документе, написанном рукою профессионального канцеляриста, секретаря Дмитрия Реутова [131]. Этот документ называется «Экстракт, составленный в Комиссии Башкирских дел, о ходе башкирского восстания с 20 февраля по 25 марта 1740 г.» и представляет собой сводку донесений командиров отрядов, переводчика Р. Уразлина и «верных» старшин. Надо отметить, что секретарь Д. Реутов весьма дотошно и тщательно переписал эти донесения.

Переводчик Р. Уразлин, собиравший штрафных лошадей в этой местности, безусловно, хорошо знал Азналыбая и написал в своем донесении его полное имя: «...вор Карасакал поехал в Куваканскую волость с Аиткулом и... они ныне собравшись, стоят у Азналы-бая...». Как видим, мне нет никакой необходимости уподоблять его имя с фамилией Юлая Азналина, имя Азналы-бай и так совпадает с фамилией отца Салавата.

Есть в этом «Экстракте» упоминание еще об одном интересном документе, который написали генерал-майору Л. Соймонову три известных бунтовщика: Юлдаш-мулла, Исмаил-тархан и Азналыбай. Они старались представить себя «верными» башкирами. Это было характерно для Юлдаш-моллы. Он в 1740 г. часто демонстрировал свою верность такими письмами, но это не избавило его от казни в 1742 г.

Секретарь Д. Реутов привел такие строки из их сообщения: «В письме Башкирцев Елдаша моллы, Исмаила тархана и Азналыбая з братьями и з детьми написано: воры де башкирцы разъехались врознь... Кашмарские и каратавлинские воры намерены разорять их (таких «верных»! – Р. В.) Елдаша моллу с товарищами...».

Но каков бы ни был смысл этого письма, и здесь имя Азналыбая приведено полностью, причем в компании с коренными кудейцами Елдашем-муллой и Исмаилом-тарханом «з братьями и з детьми». Упоминание о братьях и детях говорит о том, что здесь речь идет о некоторой округе, занимаемой соседями, с которой «воры де башкирцы разъехались врознь». Если это так, то получается из письма, что Азналыбай и Исмаил-тархан проживали неподалеку, что соответствует расположению их деревень: Смаил на ручье Ерал и Азналы на Кускянды. Есть сведения о том, что и Юлдаш-мулла жил неподалеку от деревни Касай (в документе Кай), расположенной на Кускянды [158].

Итак, полное имя человека, которого я считаю отцом Юлая и дедом Салавата, – Азналыбай. И это не «по Вахитову», как утверждает профессор А. Асфандияров, а по историческим документам того времени. Конечно, в документах часто упоминаются и сокращенные формы этого имени: Азнабай, Аднабай, Аднаба, Аднай, Азнай, Адна. Это связано с тем, что документы, как правило, писаны на допросах руками русских военных писарей и склонность их к сокращению труднопроизносимых и длинных башкирских имен вполне понятна. К тому же в русском языке нет буквы-аналога башкирской буквы «з».

Кроме того, надо учитывать, что в башкирских традициях имя мужчины «растет» вместе с возрастом и авторитетом, известностью, состоятельностью. В молодости он мог быть Азнаем, позже – Азнабаем, а став известным старшиной и предводителем восстания, – Азналыбаем. Знал я одного человека, которого жена и близкие называла Хамат, соседи – Хаматрахим, а будучи с ним в его родной деревне, я услышал от его племянника полное имя – Мухаматрахим. Такие вот метаморфозы происходят с тюркскими именами, так что Азнабай и Азналыбай, вопреки мнению А. Асфандиярова, – не разные имена, а полная и сокращенная формы одного имени.

Что касается других замечаний уважаемого историка, направленных на опровержение родства Юлая Азналина и Азналыбая Карагужина, то они из области эмоций. Дескать, «мнимый отец» Азналыбай распродает земли Куваканской волости, а сын Юлай борется с разбазариванием земель Шайтан-Кудейской волости. Можно ли делать выводы о кровном родстве, сопоставляя поведение отца и сына? Когда молодежь шла тем же путем, как и старшие поколения? Проблема отцов и детей стара как мир.

Здесь профессор А. Асфандияров сослался на опротестование Юлаем сделки купли-продажи земли, совершенной Шаганаем Барсуковым под строительство Симского завода. В купчей эта земля обозначена как «Шайтан-Кудейской волости, в дачах отставного старшины Шаганая Бурчакова с товарищи». Юлай и Салават действительно опротестовали эту сделку, но неудачно. Суд приговорил Юлая и Салавата к денежному штрафу в 600 р. [159], что было отнюдь не в интересах части вотчинников Шайтан-Кудейской волости и ее отставного старшины Шаганая. Юлай не побоялся сказать об этом и на допросе в Москве, в Тайной экспедиции Сената: «Как-то он просил (подал прошение. – *Р. В.*) на тамошнего заводчика Твердышова в отнятии им у него, Юлая, собственной его земли и в застроении оной двумя деревнями под свой Симский завод в Уфимской провинциальной канцелярии».

Салават также показал, что по указу Пугачева они «выжгли заводчика Твердышова, состоящий близ отца его деревни, завод, под которой насильно Твердышовым на земле отца его поселены две деревни» [150. С. 302 и 303].

Это очень важные заявления с точки зрения установления происхождения Юлая и Салавата. Если бы они происходили из Шайтан-Кудейской волости – так же, как и Шаганай, то Юлай и Салават не могли вести речь о своей земле. Внутри волости земля не делилась между вотчинниками. И. Гвоздиков, понимая это, но будучи в плену своих убеждений о Шайтан-Кудейском происхождении Юлая, свалила вину за эти заявления на переводчика И. Гульчихина или ведшего запись канцеляриста Тайной экспедиции [112. С. 183].

Однако здесь не было ошибки ни того ни другого. Показания Юлая и Салавата, совпадающие по смыслу «о своей земле Юлая», записаны в разных документах. Просто они не замечались, потому что не укладывались в придуманную канву, характеризующую Юлая как шайтан-кудейца по происхождению, старшину этой волости, ревностно отстаивающего ее интересы.

Юлай был твердым человеком. И в своих прошениях в суд, и на допросе в Тайной экспедиции он говорил о своих правах на землю, где стоял Симский завод, оспаривая их у Шаганая. Если не выдумывать ничьих ошибок, то вывод может быть один – Юлай и Салават не были сородичами по происхождению ни с Шаганаем Барсуковым, ни с Алексеем Булатовым, ни с другими коренными вотчинниками Шайтан-Кудейской волости. Об этом свидетельствует и последующая женитьба сына Салавата на внучке Шаганая.

Завершая полемику с профессором А. Асфандияровым, могу с удовлетворением отметить, что она оказалась чрезвычайно полезной для составления родословной Салавата Юлаева. Поднятые вопросы заставили еще раз просмотреть упомянутые им документы, взглянуть на них по-новому, с иной точки зрения. В результате такого заинтересованного пересмотра в этих документах открылись совершенно новые сведения, ранее остававшиеся без внимания.

Ну кто бы мог подумать, например, что протоколы допросов Юлая и Салавата в совокупности с определением Берг-коллегии на постройку Симского завода поставят Юлая и Салавата вне границ Шайтан-Кудейской волости. Или другое: отыскивая упоминание полного имени Азналыбая, я неожиданно увидел, что он подписал письмо о верности и покорности вместе с кудейцами Юлдаш-муллою и Исмаил-тарханом, однако без самого верного и покорного Шагана Барсукова. Но, пожалуй, самое главное, – выявился Мурат, 20-летний сын Азналыбая Карагужина, и его деревня в 2–3 км от деревни Азналы. Все это говорило о том, что я на верном пути. Все новые сведения сходились в одну и ту же точку.

Конечно, критика А. Асфандиярова придала мне уверенности в собственной правоте. Даже такой опытный историк с чрезвычайно богатым багажом знаний отдельных исторических личностей не смог выставить альтернативную линию родства Салавата Юлаева, восходящую к шайтан-кудейцам, ограничившись лишь критикой линии, найденной мной. Это убеждало меня в том, что иной линии нет. За прошедшие восемь лет после выхода в свет упомянутой книги А. Асфандиярова выявилось много новых сведений, так или иначе подтверждающих родство Салавата и Юлая с Азналыбаем Карагужиным.

Мои же доказательства этого родства следующие:

1. Точное совпадение очень редкого имени Азналыбай с фамилией Юлая Азналина.

2. Отсутствие в исторических и архивных материалах сведений о «другом» Азналы, происхождением из Шайтан-Кудейской волости.

3. Одно из преданий рассказывает, что из шайтан-кудеев была мать Азналы, бабушка Юлая. Значит, отец Азналы был из другого рода, иначе получился бы близкородственный брак. Этого тогда не допускали.

4. Наличие у Азналыбая Карагужина сына Мурата и существование деревни Мурат (Мрат) рядом с деревнями Азналы и Юлая.

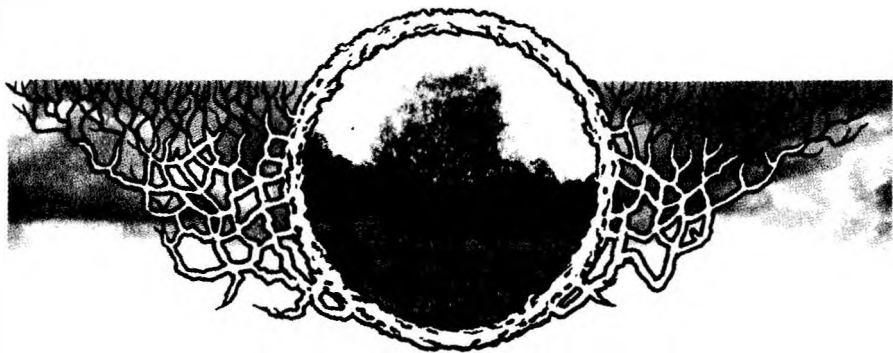
5. Существование в ближайшей от деревни Азналы округе деревень других близких куваканских родственников Азналыбая Карагужина: Кусяк-аул на Юрюзани в устье ручья Лайры; Енекей-аул (Каратавлы) на Юрюзани в устье ручья Шардале; Карагужа-аул (Ярмухамет) на Ае, а также древней куваканской деревни Таулы при впадении реки Катав в Юрюзань. Кроме того, есть сведения, что и известный куваканец Бепеня Трупбердин жил на Юрюзани.

6. Юлай Азналин достоверно владел и продал заводчикам Твердышеву и Мясникову землю близ гор Ямантау и Иремель, в верховьях рек Малый Инзер, Белая и Юрюзань, вдоль речки Березяк. Эта земля никогда не относилась к Шайтан-Кудейской волости, а была далеко от нее, издавна принадлежала Куваканской волости, куваканскому роду. Следовательно, Юлай Азналин был вотчинником куваканской волости, как и Азналыбай Карагужин.

7. Упоминание А. Пушкиным о старом мятежнике из рода Салавата и Юлая, бунтовавшем вместе с Карасакалом и чудом избежавшем казни в 1741 г., точно совпадает с судьбой Азналыбая Карагужина: один из предводителей восстания Карасакала, бегство от казни в Киргиз-Кайсацкую Орду и возвращение на родину после амнистии. Известно, что и Салават Юлаев после подавления Пугачевщины намеревался бежать в Киргиз-Кайсацкую Орду.

Любой из этих доводов можно попытаться опровергнуть. И я не стал бы публиковать свои соображения по родословной Салавата Юлаева на основании одного из них, каким бы правдивым он ни казался. Вместе же они многократно усиливают друг друга, начинает работать системный подход, а он – наиболее верный путь к истине.

Глава 26

СЕМЬЯ И ПОТОМКИ САЛАВАТА

В исторических документах сведения о семье, в которой вырос Салават, крайне скудны, если не сказать, что их совсем нет. Лишь на одном из допросов Юлай Азналин рассказал, что в его отсутствие солдаты императрицы разграбили его дом, избили одну его жену, двух же его жен и десятилетнего сына взяли в плен, и где они находятся, он не знает.

Народные предания несколько богаче сведениями о матери Салавата, чем исторические документы. Предания повествуют о том, что мать Салавата была родом из деревни Лемезтамак нынешнего Мечетлинского района, а Салават в юном возрасте часто бывал в этой деревне в гостях у своего деда. Несколько урочищ близ деревень Лемезтамак и Юныс и по сей день связывают с именем Салавата. Предания о матери Салавата собрал и опубликовал Б. Зайнетдинов в своей статье «Берега Юрюзани и Ая – родина героев» [160]. Его заявления о родстве Салавата по матери с Акаем Кусюмовым абсолютно голословны, как и о проживании Акая Кусюмова на берегах Ая, но упоминание женитьбы Юлая на матери Салавата в 1750 г. заслуживает внимания. Как и то, что бабушка Салавата по матери была узбечкой. Здесь мне вспоминаются слова одной из песен Салавата:

Было время, время храбрых,
Божьих век богатырей,
Были Гали, Абутали,
Саш и Нариман,
Знал их целый свет.

Возможно, Гали в песне Салавата – это Кул Гали, поэма которого «Кисса-и Юсуф» была распространена в башкирском народе. А вот связка *Саш (Сам) и Нариман* явно имеет среднеазиатский след и восходит к сако-согдийским преданиям.

Конечно, это весьма слабые взаимосвязи, но и их необходимо обозначить. Возможно, когда-нибудь они усилятся другими находками и выведут на верный след в поисках сведений о матери Салавата.

Предания, сохранившиеся в Шаганай-ауле [108], рассказывают, что мать Салавата звали Азнабике, но, судя по имени, это скорее была бабушка Салавата, отсюда Азнабике в смысле «жена Азналы». В предании сообщается о трех старших сыновьях Юлая: Сулеймане, Ракае и Салавате. Народная память не запомнила десятилетнего подростка, сына Юлая, которого в 1774 г. увели каратели. Он, скорее всего, не вернулся на родину, был крещен и продан в крепостное рабство. Одно предание отмечает, что у Сулеймана было пятеро детей, у Салавата – двое. У Ракая (Раки) детей не было. Он, видимо, умер молодым и неженатым. Известно, что его могила находится на шаганаевском кладбище. Один из потомков Салавата – старик Кильдияр поставил на ней каменную ограду. Вот только почему сына Юлая Ракая похоронили на шаганаевском кладбище [108. С. 146]? Этот вопрос остается пока без ответа. Возможно, что существовало единое кладбище на всю округу и «шаганаевским» оно стало после сожжения других деревень.

В другом предании упоминается сестра Салавата Бурхия, еще до Пугачевщины отданная замуж в Монай-аул (близ современного села Бишауляр Салаватского района) [161]. Сестра Салавата, без указания имени, отданная замуж в деревню Бишауляр, отмечена и в шежере рода Салавата, записанном Х. Кульмухаметовым от Гульсафии Исламовой. Два источника подтверждают друг друга. Исходя из этого, будем считать, что у Салавата была сестра, звали ее Бурхия и жила она в деревне Бишауляр, будучи отданной туда замуж.

Во время Пугачевщины старших братьев Салавата уже не было в живых, о них нет упоминаний ни в показаниях Юлая, ни в показаниях Салавата.

Сведения о составе семьи самого Салавата содержатся в одном, достаточно сложном для анализа документе. Это письмо Салавата родственникам, находящимся на свободе.

Сам он в начале мая 1775 г. был этапирован из Москвы в Уфу, ближе к свидетелям его деятельности, для дальнейшего разбира-

тельства. Он содержался в подвале здания уфимского магистрата. Провинциальная канцелярия отправила своего чиновника по селениям Сибирской и Осинской дорог для собирания улик и свидетелей, способных дать показания относительно Салавата и его отца Юлая.

Так около здания магистрата оказался Сагыр Утяшев, родственник Салавата, сотник Балакатайской волости деревни Утяшево. С его слов известно, что к нему подошел один из солдат, охранявших Салавата. Он спросил у Сагыра, не родственник ли тот Салавату? На что Сагыр ответил, что родственник. Тогда солдат передал ему письмо Салавата на языке «тюрки», адресованное родственникам в Шайтан-Кудейскую волость.

Сагыр письмо взял, но сам, видимо, еще не был отпущен домой. Поэтому он встретился с теми, кого уже отпустили по домам. В частности, в дорогу собиралась группа из 5 человек: Сибирской дороги Тырнаклинской волости деревни Мухаметово башкирец Мухамет Кучуков, из этой же деревни Истыбай Сагыров (возможно, сын Сагыра) с женой и из Исетской провинции Балтай с женой.

Сагыр Утяшев попытался вручить письмо Мухамету Кучукову, прося передать его Абдряшу Алкееву, помощнику старшины Сартской волости Умета Уразымбетова. Но Мухамет письмо не взял, ссылаясь на то, что положить его некуда. Тогда Сагыр отдал письмо жене Балтая и спрятал его в зашивку ее кушака.

На выезде из Уфы, в деревне Атово (Атаевка), где стоял отряд карателей, Мухамет Кучуков по неизвестной причине выдал письмо карателям. Началось разбирательство, но почему-то через три недели.

Салават от письма отрекся, заявив: «...оного не писывал, и того солдата отдать ево дяде моему башкирскому сотнику Сагыру Утяшеву не просил и оного не выдавал». Здесь важно отметить, что Салават действительно считал Сагыра Утяшева своим дядей, но со стороны отца или матери – неизвестно.

Допрошенный солдат Яким Чудинов внес некоторые уточнения. Так, он заявил, что «...оному башкирцу (Сагыру. – Р. В.), чтоб он отослал письмо в Шайтан-Кудейскую волость я не говаривал, и Салаватка мне о том не сказывал».

Значит, письмо Салават адресовал самому Сагыру Утяшеву, а тот по собственной инициативе отослал его Умету Уразымбетову и Абдряшу Алкаеву. Это известные пугачевцы. Башкиры всех 187 дворов Сартской волости, подчиненные Умету Уразымбетову, участвовали в восстании.

Видимо, Сагыр Утяшев считал, что они смогут лучше помочь Салавату. Это были верные соратники Салавата, бывшие с ним до конца. Они приняли вместе с Салаватом и последний бой около Катав-Ивановского завода 22 ноября 1774 г. Салавату писать в Шайтан-Кудейскую волость не имело смысла. Родственников, способных ему помочь, там уже не было.

Какие же нити родства связывали Салавата с Сагыром Утяшевым? Если учесть, что он передал письмо Салавата через жителей деревни Мухаметово Тырнаклинской волости и один из жителей этой деревни Истыбай Сагыров, возможно, был его сыном, то логично предположить, что и сам Сагыр был выходцем из этой деревни. Тогда намечается очень тонкая, почти невидимая нить родства через прадеда Салавата Карагужу-абыза, ведь первоначально деревня Мухамет (Ярмухамет) называлась деревней Карагужи-абыза. В протоколе допроса Сагыр упомянут как дядя. По-башкирски Салават сказал «агайем», что означает «близкий или дальний родственник мужского пола». Хотя нельзя исключить и того, что Салават приходился Сагыру племянником. Это если мать Салавата была сестрой Сагыра Утяшева. И фамилия его, скорее всего, была Утямышев, по Утямышу, сыну Иткини, – известным лицам из шежере тырнаклинского рода. Но все это пока из области предположений. Время покажет, насколько они верны. Теперь о тексте самого письма. Салават, зная о том, что многих старшин вызывают по их делу и берут показания, просил провести среди них работу, чтобы они напрасно на них не показывали, а говорили, что все повстанцы жгли заводы и сражения делали по приказу Пугачева. Со своей стороны Салават заверил, что они с отцом ни на кого показаний давать не будут.

Он просил хлопотать за безвинных жен и детей. «Детей же лета пропишите», – советовал он, считая их малолетство убедительной причиной для их освобождения.

Салават надеялся, что их с отцом не казнят, и просил активнее предпринимать всевозможные меры. «Ведь и о лошадях люди ходатайствуют и стараются», – писал он. Просил взять в долг и дать губернскому секретарю Чучалову 1 000 рублей взятки, чтобы он забрал их вместе с делами в губернскую канцелярию, в Оренбург. Видимо, здесь в Уфе находились люди, которые давали на них показания.

А теперь о семье: «...караул при нас комендантский у коего Салаватова жена, да один сын и так мы опасаемся, как бы он до резолюции их не истребил. Да одного сына взял генерал, который

на квартире стоит у секретаря (Фрейман. – Р. В.). А прочие жены и дети разобраны большими...».

Кроме того, несколько ранее на допросе в Тайной экспедиции Сената 25 февраля 1775 г. Салават показал, что «...три его жены и два сына взяты в плен, и где находятся ныне не знает».

Сопоставляя эти сведения, можно считать, что у Салавата было три жены, два сына, а также «прочие дети», доставшиеся ему «по наследству» от старшего брата. Причем одна его жена и сын, как и он сам, оставались во власти коменданта, а другой сын находился у генерала Фреймана. Возможно, это были заложники: одна жена и двое родных сыновей Салавата, содержащиеся в поле его зрения. В случае бегства или попытки освобождения Салавата они подлежали уничтожению. Судьба остальных членов его семьи, двух жен и неродных детей, была решена бесповоротно. Их раздали в крепостное рабство офицерам, участвовавшим в подавлении Пугачевщины.

Эпос «Юлай и Салават» рассказывает о том, что после смерти старшего брата Салавата женили на его вдове. По преданиям, ее звали Амина. В этом же эпосе рассказывается и о Гульбазир, сосватанной Салавату еще в раннем детстве.

Имя третьей жены Салавата мне было известно еще с детства, которое прошло в деревне Ст. Каратавлы. Бывая с бабушкой Фатимой на сенокосе, я часто расспрашивал ее о названиях различных урочищ.

– Ай баткан-куль, – рассказывала бабушка, – назван так потому, что месяц там садится за гору.

– А Зулейха-куль? – допытывался я.

– Зулейха-куль, – отвечала бабушка, – назван так потому, что Зулейха – жена Салавата – ездила через это место из Юлай-аула в Калмак, к отцу и матери.

– Откуда ты это знаешь?

– Гарифьян-агай Султанов рассказывал. Он говорил, что Салават нашему роду Султановых приходится зятем, что жену Зулейху он взял из Калмак-аула.

Калмак-аул основан в 1729 г. калмыками, припущенниками вотчинников Каратавлинской волости. В этом ауле в 1795 г. было всего 8 дворов, значит, в 1770 г. – еще меньше, возможно, 5–6 дворов.

Если калмыки пришли в 1729 г., то ко времени женитьбы Салавата (1766–1770 гг.) в этой деревне родились и выросли два новых поколения с примесью башкирской крови, но калмыцкое происхождение одной из жен Салавата должно было отразиться

в преданиях. Представительница иного народа не могла не остаться незамеченной в семье национального героя.

Действительно, в 1949 г. в деревне Асылгужино Кигинского района от В. Идисамова (1894 г. р.) записано предание [108. С. 144], в котором утверждается, что одна из жен Салавата была калмычкой. О реальном существовании Зулейхи свидетельствует и то, что единственную девушку, которую воспел Салават в стихах, звали Зулейха.

Детьми Салавата я начал интересоваться в конце 80-х гг. прошлого XX в., работая над своей первой книгой «Пчелы и люди». Изучая историю башкирского бортничества, я натолкнулся на интересный факт. Оказывается, за Уральским хребтом медоносные пчелы, так же, как и раки, в природе уже не встречаются. Нет их и во всей Сибири, славящейся богатыми сборами меда.

Сибирь не знала бортничества, несмотря на то что осваивали ее люди, безусловно, знакомые с этим промыслом. Не занимались бортничеством и коренные ее жители: горно-алтайцы, хакасы. Пчеловодство Сибири началось сразу с колодных ульев, а завез башкирских пчел в Сибирь в конце XVIII в. полковник Н. Аршеневский. После подавления Пугачевщины этот каратель, руководивший арестом Салавата Юлаева и разграбившей семью его отца Юлая Азналина, был направлен на службу в Усть-Каменогорскую крепость. По просьбе сосланных сюда поляков, он, возвращаясь из отпуска, завез туда колодные ульи с башкирскими пчелами. Н. Аршеневский, еще в чине подполковника, во время подавления Пугачевщины в 1774 г. захватил жен и детей Салавата, его 10-летнего брата и жен его отца, Юлая Азналина.

Жизнь всех родных и близких Салавата была в одно время в его руках, поэтому я заинтересовался судьбой самого этого карателя в надежде отыскать следы родственников Салавата. Так я обратился к трудам по русской генеалогии, к «Российской родословной книге», составленной князем Петром Владимировичем Долгоруковым. Есть в этой родословной книге и Аршеневские. Среди них значится и Николай Яковлевич, генерал-майор при Екатерине II, тайный советник, астраханский губернатор при Павле I. Умер в 1802 г., по некоторым сведениям, застрелившись из-за карточных долгов.

«Другой известный каратель, генерал-майор Фрейман, оставил же после себя мемуары, почему бы не поискать записок Аршеневского», – подумал я. Отправил запрос в Астрахань, где Аршеневский после военной службы работал губернатором. Ответил мне старший научный сотрудник Астраханского областного госархива А. А. Горшков. Он прислал некоторые прошения, написанные ру-

кой Н. Аршеневского, в которых тот описывал свою службу, но в этих прошениях он упоминал лишь период штабс-капитанства при Петре III. Писать о службе при Екатерине II он не считал благоприятным для себя, хотя был ей лично известен. Н. Аршеневский подал императрице рапорт, касающийся поимки Салавата, охарактеризовав помогавших ему Муксина и Зямгура Абдусалимовых как ее верноподданных и заслуживающих поощрения людей. Но после смерти Екатерины II наступили времена смутные, ее сын Павел I так и не простил ей убийства своего отца Петра III, и все, кто верно служил императрице, были в опале. Поэтому Н. Аршеневский не писал в прошениях к Павлу I о своей службе при Екатерине II, и мы ничего не узнали от него о судьбе родных и близких Салавата Юлаева.

Появился и ложный след. Во время открытия Музея Салавата Юлаева в райцентре Салаватского района селе Малояз посетителям показывали «шежере Салавата Юлаева», где были указаны и его два сына Акбулат и Шаймурат. Несмотря на то что это шежере относилось к тырнаклинскому роду, а дедом Салавата значился не Азналы, а Алибай, родословная экспонировалась годами, невзирая на критику со стороны историков. На мое замечание по поводу этого шежере первый директор музея Абузар Сайфуллин дал ответ, что им известно о том, что эта родословная не имеет никакого отношения к нашему национальному герою, а представлена же на обозрение как результат краеведческой работы – был другой Салават Юлаев, житель Тырнаклинской волости. Действительно, профессор А. Асфандияров отметил по переписи 1816 г. жителя деревни Лагыр 2-летнего Салавата Юлаевича Алибаева. Дед тырнаклинского Салавата 65-летний Алибай Юлмухаметов служил юртовым старшиной [21. С. 150].

Как-то в редакции журнала «Шонкар» ко мне подошел Р. Исламшин и сказал, что в нашем архиве хранятся ревизские сказки 1816 г., в которых упомянуты Салаватовы. Свои находки он опубликовал в газете «Йэшлек» (1993. № 103), но никаких откликов не поступило. Я спросил, есть ли у него какие-либо доказательства, что это сыновья нашего национального героя. На что он мне ответил, что маловероятно, чтобы в этой округе жил еще и другой Салават. Иных доказательств он не привел, лишь посетовал, что историки оставили без внимания его публикацию. Я рассказал ему, что были уже найдены два «сына» Салавата в Салаватском районе, да оказались сыновьями не того Салавата Юлаева. Нужны были доказательства, а без них на внимание историков рассчитывать бесполезно. Демонстрация шежере «не того Салавата» в Музее

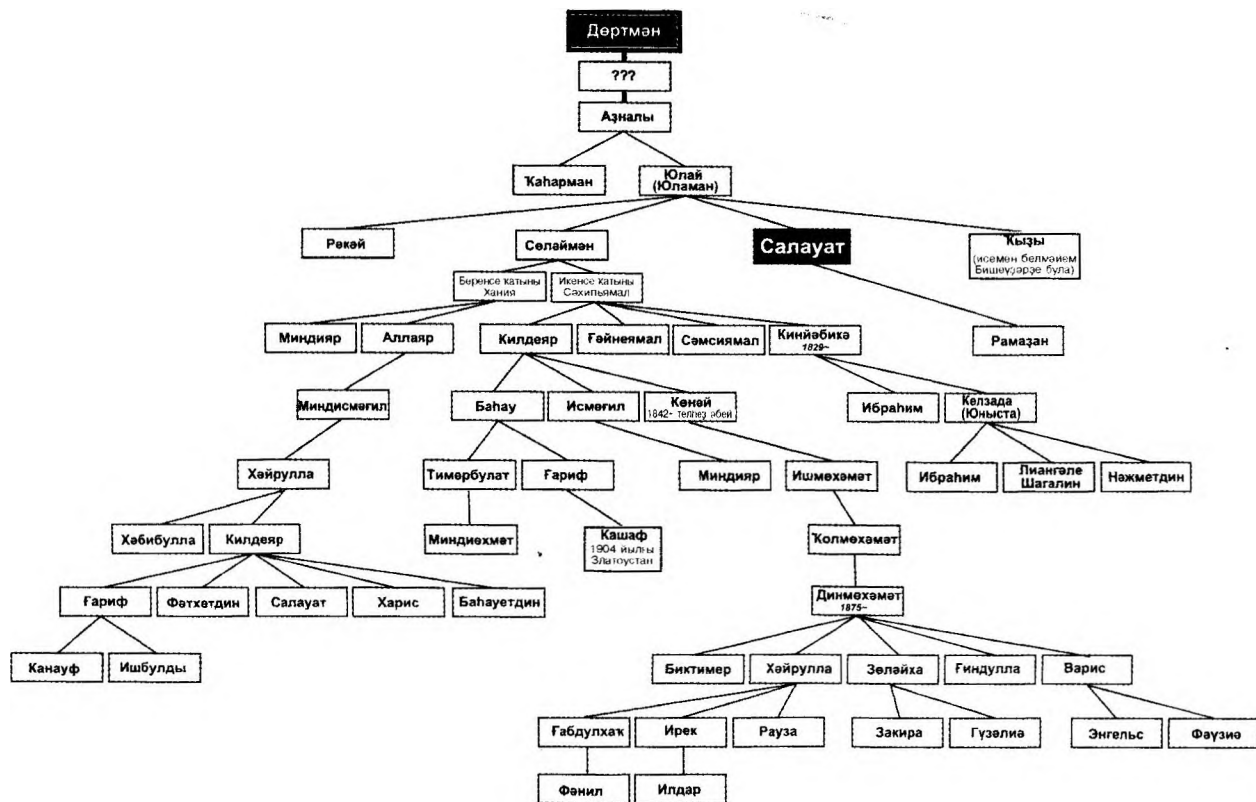
Салавата Юлаева была еще свежа в памяти и вызывала обоснованное возмущение историков, а тут еще раз идет речь о детях Салавата.

Эта встреча уже стала забываться. Другие дела, другие проблемы захлестнули меня. Но, как всегда, всему виной оказался случай. Был какой-то наш семейный праздник, и я встретился со своей тетей Манзумой, жившей и учительствовавшей в 1949–1950 гг. в деревне Шаганай. Там была начальная школа, где директором работал упоминавшийся выше краевед Ихсан Зялялетдинов. Как обычно, за семейным столом пошли воспоминания о родных местах, о далекой молодости. Тут я возьми да и спроси у тети Манзумы: «Вот ты жила и работала в деревне Шаганай, вспомни, были ли там люди, считавшие себя потомками Салавата Юлаева?» Ответ меня удивил: «Конечно, были! Ихсан-агай даже составлял шежере рода Салавата». И она стала рассказывать и перечислять имена знакомых мне людей, живших в Уфе, Малоязе, на станции Кропачево, так или иначе связанных с этим вопросом. Припомнила она и юношу по имени Ишмухамет, мать которого звали Бадьян, – шустрого парня, которого называли потомком Салавата.

Потом я решил записать и систематизировать все сказанное тетей Манзумой, припомнил родственные связи названных ею людей. Получалось, что я вырос среди потомков Салавата, – кого-то знал как своих односельчан, а с кем-то провел босоное детство. Взяв с тети Манзумы слово, что она найдет родственников Ихсана Зялялетдинова, я отправился в республиканский архив искать потомков Салавата.

По материалам ревизии 4 сентября 1816 г., в деревне Шаганай оказались зафиксированными Хабибулла Салаватов, 49 лет, и Рахматулла Салаватов, 46 лет. У Хабибуллы был сын Абдулсалих, 6 лет, а у Рахматуллы – сын Сулейман, 8 лет [162]. Получалось, что Хабибулла родился в 1767 г., а Рахматулла – в 1770 г.

Но сыновья ли это Салавата Юлаева или здесь вновь ложный след? Ведь эти списки до меня смотрели другие исследователи, но никто так и не доказал, что это сыновья Салавата Юлаева, нашего национального героя. Бросалась в глаза разница в годах рождения Салавата Юлаева и Хабибуллы. Получалось, что исходя из официальной даты рождения Салавата Юлаева в 1754 г., установленной И. Гвоздиковой, ему было 13 лет, когда родился Хабибулла. Едва ли такое могло быть. Но о дате рождения Салавата давно уже идут споры. Нужны были доказательства родства Салавата Юлаева с Хабибуллой и Рахматуллой Салаватовыми. Ведь видел же еще в 1977 г. эти списки упомянутый выше

Шежере рода Салавата Юлаева, записанное Х. Кульмухаметовым от Гульсафии Исламовой в 1950 г.

профессор А. Асфандияров, но никакой связи этих Салаватовых с Салаватом Юлаевым он не усмотрел.

Как проверить, как доказать? Понятно, что генетический анализ не произвести – места, где покоятся останки нашего национального героя и Салаватовых из Шагана, неизвестны. В ревизских сказках не указывали подробности происхождения – лишь имя, фамилию, возраст. Позже, в XIX в., стали записывать и отчество, а до этого у башкир имя отца считалось и отчеством, и фамилией.

После долгих раздумий наметился лишь один способ. Я решил построить родословную этих «архивных» Салаватовых и сравнить ее с вариантами шежере Салавата Юлаева, бытовавшими на нашей родине. Но для этого нужно было выявить детей, внуков, правнуков «архивных» Салаватовых из Шагана. Возникла необходимость просмотреть записи и других, более поздних, ревизий.

Перепись 1859 г. Появилось следующее поколение: Сулейман Рахматуллин Салаватов, 51 год, Хабдрахман Рахматуллин Салаватов, 40 лет, Сагидулла Рахматуллин Салаватов, 34 года, Абдулсалих Хабибуллин Салаватов, 49 лет.

Ветвь Сулеймана, сына Рахматуллы, вызвала у меня особый интерес. В преданиях Сулейман назывался братом Салавата, а здесь внук Сулейман. От первой жены в переписи записано два его сына: Аллаяр (20 лет) и Миндияр (12 лет), а от второй жены – Кильдияр (14 лет) и Мухаметкильды (9 лет). Сравниваю с шежере рода Салавата, записанным Х. Кульмухаметовым со слов Гульсафии (Сафии) Исламовой. Эти имена в таком же порядке выстроены и в том шежере. Г. Исламова отнесла их к роду Салавата Юлаева. Она назвала и имена жен Сулеймана: Ханья и Сахипьямал, а также дочерей – Гайниямал, Шамсиямал, Киньябика.

Что скажут архивные материалы? В ревизские сказки записали и женщин. И вновь иду в архив – совпадению трудно поверить: первая жена Сулеймана Рахматуллина – Ханя (Ханья) Кутлинова (50 лет) и вторая жена Сахимьямал Давлетова (43 года). Совпадают и имена дочерей: Шамсиямал (11 лет), Киньябика (2 года), нет только Гайниямал – как оказалось, она была выдана замуж в другую деревню.

Есть и другие совпадения. Г. Исламова в следующих поколениях показала Миндиисмагила, сына Аллаяра. В одном из архивных источников [163] отмечен Исмагил, сын Аллаяра.

Все-таки как крепка народная память! Ведь прошло более 100 лет, а Гульсафия Исламова помнила все это без единой записи. И не она одна! Ф. Надыршина в 1977 г. записала одно предание от жителя деревни Шагана С. Зайнетдинова, 1903 г. рождения

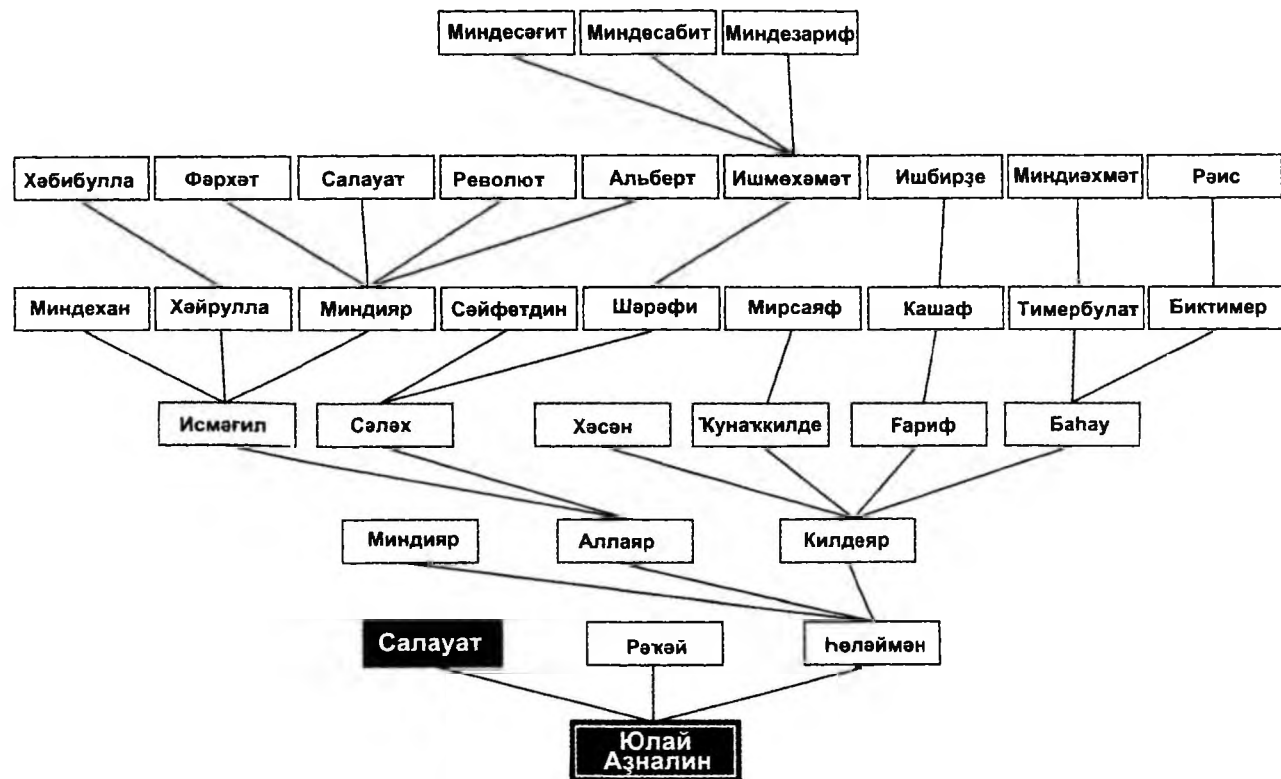
[108. С. 146]. Он считал самыми близкими потомками Салавата упомянутых выше Аллаяра и Кильдияра, помнил Кильдияра (1845 г. р.), умершего около 1918 г. Сам С. Зайнетдинов был женат на Фатхие, дочери Салыха, родного брата Миндиисмагила (Исмагила) – сына Аллаяра. Конечно, он хорошо знал сестер и братьев своей жены, детей Салыха: Гарифу, Ямилю и Сайфутдина.

Таким образом, сопоставление шежере, построенного с использованием архивных материалов, с родословной потомков Салавата, зафиксированной на его родине от разных людей, показало удивительное совпадение. Это был их род! На этом основании уже могу смело утверждать, что Хабибулла и Рахматулла Салаватовы – сыновья нашего национального героя Салавата Юлаева. Убедившись в этом, я решил представить свои находки широкому кругу читателей.

Первый мой вариант шежере С. Юлаева вышел одновременно на башкирском и русском языках в газетах «Башкортостан» и «Известия Башкортостана» 11 июня 1994 г. в дни празднования 240-летия со дня рождения Салавата Юлаева. Эти статьи породили среди жителей Салаватского района большой интерес к собственному происхождению. Так, И. Мигранов в статье «Продолжение шежере» написал, что Гайниял, дочь Сулеймана, была отдана замуж за Мингажа в деревню Бишауляр. Он приводит продолжение ветви шежере С. Юлаева через Мингажевых, детей Гайниял, а также называет имя сестры Салавата – Бурхия, ее выдали замуж в Монай-аул еще до Пугачевщины [161].

И. Мигранов пишет, что Бурхия и Гайниял общались между собой, ведь деревни Бишауляр и Монай-аул располагались неподалеку. Возможно ли это, ведь Гайниял была сверстницей правнучек Бурхии? В те времена женились рано, девушек отдавали замуж лет в 15, между поколениями можно смело считать 20 лет. Для того чтобы Бурхия и Гайниял встретились в Монай-ауле, должно было пройти с момента рождения Бурхии три поколения и годы жизни Гайниял, примерно $60 + 18 = 78$ лет. Если Бурхия прожила 80–90 лет – а это не было редкостью в те времена – то родственные визиты Гайниял к ней вполне могли иметь место.

С годами появились и другие сведения, подтверждающие родство «архивных» Салаватовых из деревни Шаганай с Салаватом Юлаевым. Так, родственники И. Залялетдинова (1897–1992), жившего в Шагане, передали мне рукописный вариант шежере С. Юлаева, составленный им для экспедиции из Челябинска. В этом варианте есть связка Салах – Аллайяр – Сулейман, восходящая к Юлаю Азналину. Указан и брат Аллаяра – Кильдияр, его потомки. Особенно обратим внимание на Салаха.

Шежере роду Салавата Юлаева, составленное И. Зиялетдиновым (д. Шағанай)

Поясняющие надписи к шежере рода Салавата Юлаева, составленному И. Зялялетдиновым

Юлай Азналин имел сыновей: Сулеймана, Ракая и Салавата.

Старший сын Сулейман имел сыновей: Аллаяра, Кильдияра и Дияра (Миндияра. – *Р. В.*).

Сыновья Кильдияра: Багау, Гариф, Хасан и Кунаккильды. Дочери Кильдияра: Фатима, Хадича, Сафия (Гульсафия. – *Р. В.*).

Дочь Фатимы Самсинур живет в Малоязе, замужем за хромым Хамматом, ее дочь Зайнаб – врач, муж Зайнаб Сагит – также врач.

Одна дочь Сафии Сахия живет в Алькино, ее муж – Гилмет, сын Сиража.

У Хадичи был сын Галяу, его жена – Маухира, сыновья Гани и Ануар (Шаганай).

Сыновья Багау: Биктимер и Тимербулат. Жена Биктимера Махира, их сын Раис женат на Дирузе.

Сын Тимербулата Миндияхмет, дочь Миндигуль, живет в Идрисауле.

Сын Тарифа Кашаф имеет сына Ишбирде, женатого на Гульжихай. Ишбирде живет в Бердяуше, а Гульжихай – в Шаганеае.

Жена Хасана Гайниял была из Махмут-аула, их дочери Мокарама и Миндибадар умерли в 1921 – 1922 гг. (во время голода. – *Р. В.*)

Жена Кунаккильды Хобай, их сын Мирсаяф живет, кажется, в Казахстане, а дочь Накия – тоже на стороне.

Аллайр имел сыновей Салаха и Исмагила, дочерей Гульямал и Фархиямал.

От Салаха (его, как потомка Салавата, отметил С. Злобин. – *Р. В.*) родились сыновья Шарафутдин, Сайфутдин и дочери: Фатиха, Гаффа, Мавлида, Марзия, Ямиля, Фатхия.

Шарафутдин и его жена Бадьян имели сына Ишмухамета (он называл себя потомком Салавата, его знала моя тетя Манзума. – *Р. В.*).

Сайфутдин от первого брака с Махирой имел лишь дочь Ханифу (Шаганай).

Исмагил имел сыновей: Хайруллу, Миндихана и Миндияра.

Хайрулла и его жена Ямалниса (Шаганай) имели сына Хабибуллу и дочерей: Асму (Шаганай) и Люцию (Каратавлы).

Сыновья Миндияра (жена Вазифа, дочь Ахмета): Фархат, Альберт, Салават, Револют, дочь Лена.

Фатхия замужем за Сайфетдином (от него записано одно из преданий о Салавате. – *Р. В.*). Их дети: Мавлетдин, Ахлетдин (в Усть-Катаве), Зулейха (зав. клубом в Шаганеае), Кинжабика.

Ямиля живет в Юныс-ауле, ее муж Иштимер погиб на фронте. Их дети: сын Жиганур (разъезд Яхино), дочь Тарифа (живет с мужем Шарафутдином в г. Юрюзань, их дети: Толкит, Рифкат, Разифа, Галяу).

Муж Фатихы Юсуп Каримов из Алькино, их сын Тимербай (тракторист), дочери Маулиха, Зайтуна (Алькино).

В. Сидоров в своей книге «Был героем Салават» приводит запись из архива С. Злобина от 23 июля 1928 г.: «Видел потомка Салавата... лет около семидесяти. Зовут его Салах». Это был праправнук Салавата, отец упомянутой выше Фатхии. Может быть, правнуков Салаха и учила в Шаганайской школе моя теть Манзума, и они знали от старших свое родство с Салаватом Юлаевым.

Новые сведения все больше убеждали, что упомянутые выше лица – истинные потомки Салавата через его сыновей и внуков. Они позволили уточнить и расширить круг родственников нашего национального героя.

«Нет повести печальнее на свете...» Когда вспоминаешь эти шекспировские строки, перед глазами обязательно встают два враждующих рода, их кровавая судьба. Лишь трагическая гибель двух любящих сердец – Ромео и Джульетты – через много лет прекращает эту вражду.

Нечто подобное, но со счастливым концом, случилось и с родами Азналыбай и Шаганая. Они оба с молодых лет раз и навсегда определили свою жизненную позицию. Шаганай и Азналыбай оказались «по разные стороны баррикад» в годы Национально-освободительной войны 1735–1740 гг.

Азналыбай попал в водоворот этих событий в составе отряда Юсупа Арыкова, окружившего в 1735 г. Верхне-Яицкую крепость и вынудившего гарнизон сдать и покинуть эту крепость. Во всяком случае в октябре 1736 г. Азналыбай вместе со своим дедом Акамуллой принесли повинную и обязались вернуть захваченные в крепости ясыри, пушки, ружья и другие трофеи, клялись более не бунтовать. Однако сдержать свое слово они не смогли, бунтовали до самого конца этой войны.

Шаганай стал известен в 1735 г. Когда ему удалось поймать известного бунтовщика, предводителя той войны Тулькусуру Алдагулова и сдать его властям, Шаганай сразу выдвинулся в ряды наиболее авторитетных старшин, преданных правительству.

А друг против друга, оголив оружие, Шаганай и Азналыбай сошлись около деревни Васкын, после курултая, на котором Карасакала объявили башкирским ханом. Азналы оказался в отряде Карасакала, а Шаганай вместе с другими «верными» старшинами пытался захватить Карасакала и сдать его властям. Позже престарелый уже Шаганай распродал земли Шайтан-Кудейского рода, а молодой Юлай, сменивший его на старшинском посту, стал конфликтовать с ним по этому поводу, судиться.

В исторической литературе также широко распространены сведения об участии Юлая в 1771–1772 гг. в походе в Польшу и исполнении должности старшины его сыном Салаватом. Документальные источники, фиксирующие этот факт, появились еще

в 1961 г. Известный историк Н. Ф. Демидова в журнале «Вопросы архивоведения» опубликовала статью «Печать Салавата Юлаева». Этой печатью Салават, исполняя должность старшины, заверил свое письмо в Оренбургскую губернскую канцелярию. В этом письме он обвинил Рысбая, сына Шаганаая, в нецензурной брани в адрес императрицы Екатерины II.

По письму Салавата в Шайтан-Кудейскую волость явились капрал и два казака, арестовали Рысбая Шаганаева и увезли в Уфу. Это свидетельствует о том, что отношения между Салаватом и Рысбаем были враждебными. В третьем поколении переплелись в клубке вражды эти два рода.

Надо полагать, за свои поступки Рысбай Шаганаев отделался, скорее всего, десятком ударов плетью и вернулся домой. В 1784 г. у него родилась дочь Усиктета. Странное имя, означающее «злая девушка», или на современном сленге «крутая».

Она и впрямь оказалась девушкой с характером. Неизвестно, конечно, где и как она познакомилась с сыном Салавата Рахматуллой, но, презрев родовую вражду, Усиктета вышла замуж за Рахматуллу. Она родила троих детей: Сулеймана (1808), названного тем же именем, что и брат Салавата, Зулхью (1810) и Зунхьяку (1812). Так счастливо закончилась вражда между родами Азналы и Шаганаая, длившаяся на протяжении жизни трех поколений.

Рахматулла, женившийся раньше своего старшего брата, оказался крепким хозяином. В возрасте 43–45 лет он взял вторую жену, от которой у него родились сыновья Хабдрахман (1819) и Сагидулла (1825). К сожалению, вторая жена Рахматуллы не попала в переписи, и мы не знаем ее имени. Возможно, она умерла до 1859 г. О зажиточности Рахматуллы свидетельствует и то, что все три его сына имели по две жены.

Что же касается старшего сына Салавата Хабибуллы, то можно отметить лишь то, что у него дети появились на два года позже, чем у Рахматуллы: в 1810 г. родился сын Абдулсалих, в 1813 г. – дочь Заякери.

Все внуки Салавата имели имена, начинающие на букву «З». Едва ли это случайность. Может быть, это было связано с тем, что их бабушку звали Зулейха? Несомненно, жена Салавата, вырастившая его сыновей, перенесла немыслимые тяготы того безжалостного времени, была мужественной и стойкой женщиной. И если она довела детей до семейного благополучия, то, конечно, заслужила доброй памяти. Может быть, ее сыновья, называя своих дочерей именами, созвучными с именем матери, не только хотели сохранить память о ней, но и желали, чтобы их дочери имели такие же душевные и волевые качества, какие проявила их мать в годы суровых испытаний.

Обращает на себя внимание и тот факт, что первые дети и у Хабибуллы, и у Рахматуллы появились на свет очень поздно: у Хабибуллы в 1810 г. – в 43 года, а у Рахматуллы в 1808 г. – в 38 лет. Это дети, попавшие в перепись 1816 г. Возможно, у них были дети, не попавшие в перепись, умершие в раннем возрасте. Но все это наводит на мысль о том, что сыновья Салавата Хабибулла и Рахматулла долгое время, почти до 40 лет, не могли завести семьи, были вдали от родины, возможно в заключении, на военной службе или в крепостном рабстве. Вспомним, Салават писал на волю о том, что его сыновья находятся в руках карателей.

Велика была Российская империя! Сколько народов с оружием в руках отстаивало в ней свое право на жизнь, свободу и веру. Сколько сыновей осталось без отцов, но с отцовской горячей кровью! Не перечесать. Урал расположен на востоке России, на юге – Кавказ, много дней пути между ними, но как схожи судьбы уральских и кавказских народов и их детей.

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути;
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик,
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился, даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасен.
Но чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью...

М. Ю. Лермонтов в своей поэме «Мцыри» писал о мальчике одного из мусульманских народов Северного Кавказа. Тот генерал оставил умирающего ребенка в христианском монастыре. А знать бы, как распорядился судьбой одного из сыновей Салавата генерал Фрейман. Кому и на какой дороге он оставил или продал пленного ребенка? Это неизвестно.

В 1794 г., за два года до смерти, в рижском журнале «Новая всякая всячина» генерал Фрейман опубликовал свои мемуары. Он дважды упомянул в них Салавата Юлаева в связи со сражением около Катав-Ивановского завода. Но сведений о сыне Салавата, захваченного им, в мемуарах нет. Может быть, ребенок тот мог бы так же рассказать нам о своей неволе:

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножен
Кинжалов длинных... и как сон
Все это смуглой чередой
Вдруг пробежало предо мной.
А мой отец? Он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор...

Читая эти лермонтовские строки, я как будто наяву вижу перед собой Салавата в его одежде боевой, сыновей, стоящих рядом с ним, их прощание с отцом, уходящим в бой. В 1775 г., когда сыновья Салавата потеряли отца навсегда, Хабибулле было 8 лет, а Рахматулле – 5.

Исходя из поздней их женитьбы, похоже, что не менее 30 лет они были на чужбине. За 30 лет дети забывают обычно все: и отца, и мать, и родину. Но сыновья Салавата за эти долгие годы не потерялись. Они, повзрослев, нашли дорогу на родину. Это трудно понять разумом – через 30 лет прийти на родное пепелище, поселиться в деревне кровных врагов отца, деда, прадеда, достойно прожить там всю оставшуюся жизнь. Сколько же мужества, терпения, силы воли и любви к родине надо было иметь, чтобы пройти через все испытания, определенные судьбой: крепостное

рабство, принудительное крещение, чужой язык, тоску по родине, по родным и близким. И не потерять при этом надежду, как и тот лермонтовский герой:

Я никому не мог сказать
Священных слов «отец» и «мать».
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен, –
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ – могил!
Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной...

Может быть, и сыновья Салавата дали себе такую клятву и всю жизнь в неволе оставались ей верны. И родина приняла их. Из стана кровных врагов вышла молодая девушка, протянула руку и отдала свое сердце одному из них. Второй также обрел здесь свою любовь, построил семью, вырастил детей. Мечты, которые казались несбыточными, вдруг стали явью. Вот только отца они не нашли здесь, не было даже его могилы. Только память о нем еще гуляла по окрестным селениям и помнил еще седой Урал песни молодого Салавата.

Он умер 26 сентября 1800 г. в Балтийском порту (Рогервик), прожив большую часть жизни, 25 лет, на каторге. Было ли возвращение сыновей Салавата на родину как-то связано с его смертью? Не знаю. Императрицу Екатерину II сменил на российском престоле ее сын Павел I, а затем в результате очередного дворцового переворота пришел к власти царь Александр I. Салават и его сыновья давно уже были забыты в правящих кругах. Странности судьбы и твердый «салаватовский» характер привели их опять на родину, на берега Кускянды. Одно только это может служить доказательством того, что они были истинными сыновьями своего отца, человека негибасмой воли, великого патриота своей родины.

Глава 27

КОГДА ЖЕ РОДИЛСЯ САЛАВАТ?

Относительно даты рождения Салавата Юлаева уже давно идут споры. Первоначально официальной датой его рождения считался 1752 г., и юбилейные торжества, посвященные 200-летию со дня рождения Салавата Юлаева, прошли в 1952 г. Эта дата установлена на основе статейных списков каторжников Рогервика, хранящихся в Госархиве Эстонии. Согласно списку, на 19 мая и июль 1797 г. каторжнику Салавату Юлаеву было 45 лет. Но если он родился после июля 1751 г., то, согласно этим спискам, ему также было бы 45 лет. Как бы с виду не были конкретны исторические документы, и они допускают такие различия в толковании. Так что статейные списки каторжников Рогервика устанавливают самую раннюю дату рождения Салавата Юлаева – август 1751 г.

Второй большой юбилей, посвященный 250-летию со дня рождения нашего национального героя прошел в 2004 г. Эта дата стала официальной после выхода в свет книги И. Гвоздиковой «Салават Юлаев. Исследование документальных источников» [112].

В основу этой даты легли протокол допроса Салавата 25 февраля 1775 г. в Москве, где указывается, со слов Салавата, что ему двадцать первый год, и его описание, составленное Уфимской провинциальной канцелярией 2 октября 1775 г., в котором также сообщается, что Салавату 21 год. Отсюда И. Гвоздикова сделала вывод, что Салават родился в 1754 г., не ранее марта и не позднее октября. При этом она утверждала, что статейные списки неточны.

Но разве можно принимать на веру сказанное подследственным на допросе? Этому верить без сомнения может, видимо, только историк. Однако Салават давал свои показания на допросе не для

истории. Он жил надеждой, допросы стали продолжением его борьбы. На них он отверг некоторые обвинения, всячески пытался облегчить свою участь. Он был нужен семье и малолетним детям. Из протоколов видно, что на допросах Салават не был сломлен, он защищался.

Какой же линии защиты придерживался Салават? Чем мог он облегчить свою судьбу? Очевидные факты отрицать было бесполезно. Живые свидетели, участники тех или иных событий давали показания. Молодость, неопытность – вот чем мог он оправдать свои поступки, свое решение признать в Пугачеве царя. «По молодости и неопытности признал Пугачева царем и все остальное совершал по его приказу» – такой линии защиты придерживался Салават.

Поэтому дату своего рождения, точнее, свой возраст, Салават на допросе умышленно искажил, показал себя моложе на несколько лет. В этом был прямой смысл, жестокая, жизненно важная необходимость. Только это было единственным, что могло принести ему снисхождение, облегчить участь.

Действительно, вчитаемся в строки того самого протокола допроса Салавата от 25 февраля 1775 г., по которому И. Гвоздикова определила датой его рождения 1754 год. Свой возраст Салават показал в начале допроса, заявив, что ему двадцать первый год. Значит, полных лет, надо считать, ему было двадцать.

В начале допроса Салават рассказал, как он выехал из деревни Юлаевой во главе команды в 80 человек с отцовской медалью на груди в сторону Стерлитамакской пристани. Затем, направляясь к Оренбургу, в деревню Биккул, на помощь к генералу Кару, они были атакованы войском Пугачева и оказались, по его словам, в плену. Потом он, Салават, якобы «боясь смерти, служить злодею согласился».

Так Салават объяснил свое появление в войске Пугачева. Но еще более интересны следующие строки протокола допроса: «Однако же, будучи в его толпе, когда она приступала к Оренбургу, не хотя у злодея быть, отделясь от его толпы, добежать к городу не успел и от оногo не более уже как в одной версте, бывшими в злодейской толпе яицкими казаками пойман. Причeм те казаки за то, что он хотел из их толпы бежать, кололи его пиками и сделали ему две раны: в левую щеку под левым ухом, да в правую руку; кололи его и в спину, но только, по бывшим на нем кольчугам, большого вреда и ран ему не сделали. И хотели совсем лишить живота ...».

Потом, дескать, привели его к Пугачеву, и тот уговорил его служить ему верно, а если служить не будет, «то конечно живота лишен будет». Далее, удовлетворенный беседой, Пугачев назначил его полковником.

Можно ли этому верить? Нет, конечно. Заявления Салавата о намерении перебежать от повстанцев в осажденный Оренбург, получение ран от повстанцев – явный тактический ход, сделанный с целью ввести в заблуждение следователей и смягчить свою участь.

В конце допроса, подводя итог своим поступкам, Салават заявил: «Злодею же Пугачеву столько сильно усердствовал, защищая его злодейскую толпу и с верными войсками имел сражение потому, что он, Салават, почитал сего злодея не инаково, как за истинного российского государя, а посему и боясь от него смерти, и паче по молодости своих лет...».

Ссылаясь на неопытность и молодость, было бы глупо не записать свои года. Паспорта у него не было, он волен был сам указать нужный возраст.

Можно ли верить Салавату в том, что он считал Пугачева императором? Конечно, нет! Даже рядовые башкиры называли его часто Бугас-царем (Пугач-царь). Так почему же мы должны верить его словам о возрасте? Ведь это звенья одной цепи. Можно ли верить, когда явно видно, что молодостью лет он пытается оправдать свои поступки?

Дата рождения Салавата в 1754 г., установленная И. Гвоздиковой по этому протоколу и признанная официально, противоречит не только статейным спискам из Рогервика, но и словам известной песни о Салавате:

Бригадиром стал Салават
двадцати двух лет.

Воинское звание бригадира Пугачев присвоил Салавату в начале июня 1774 г. после боев с Михельсоном, когда его армия, состоявшая большей частью из башкирских воинов Салавата, смогла противостоять лучшей воинской части карателей. Согласно песне, в начале июня 1774 г. ему было двадцать два года, что опровергает дату рождения Салавата, выдвинутую И. Гвоздиковой.

К песне мы еще вернемся. Более серьезные противоречия возникают в связи обнаружением архивных сведений о сыновьях Салавата. Если верить ревизским сказкам, а не верить им нет оснований, и принятому И. Гвоздиковой 1754-му году рождения Салавата, то получается, что его старший сын Хабибулла родился, когда Салавату было 13 лет, а зачал он его в 12 лет!

Салават исполнял обязанность старшины вместо ушедшего в поход отца в 1771–1772 гг. Значит, по И. Гвоздиковой, ему было в то время 17–18 лет. Не слишком ли ранний возраст для отцовства и исполнения должности старшины? Добавим сюда и

наличие у 20-летнего (по И. Гвоздиковой) Салавата трех жен, двух сыновей и «прочих» детей. Каждый из этих упрямых фактов в отдельности можно было бы отнести на счет какой-нибудь случайной ошибки, но вместе они бьют в одну точку – в ошибочность определения возраста Салавата, связанную с занижением его возраста по дате рождения в 1754 г.

А если воспользоваться нетрадиционными методами для установления времени рождения Салавата? Гороскопами, например? Обычно, зная дату рождения, по гороскопу судят о чертах характера. Пойдем в обратном порядке – по характеру человека попытаемся определить знак Зодиака, под которым он родился.

Мы многое знаем о его характере. С молодых лет в нем выявился природный дар полководца, предводителя, лидера. Творческая натура также налицо – сочинял стихи и пел свои песни. Очень влюбчив, почитайте, например, его стихотворение «Зулейха». Любвеобилен – три жены в 20 – 23 года.

Читатель! Предлагаю самому полистать справочник с описаниями знаков Зодиака. Сегодня они есть в каждой семье. Да, ошибиться трудно! Человек с таким характером родился под знаком Льва, в августе месяце. Считаю, что Салават родился в августе 1751 г., и вот почему: август 1751 г. как дата рождения Салавата не противоречит, а, наоборот, соответствует строчкам известной песни о нем. Если, по песне, в начале июня 1774 г. ему было 22 года, то в августе вполне могло исполниться 23. Получаем $1774 - 23 = 1751$ -й год рождения.

И, наконец, в Мечетлинском районе Республики Башкортостан бытует несколько преданий о матери Салавата [160]. В одном из них указывается, что Юлай женился на матери Салавата в 1750 г. Их первенцу самое время родиться в 1751 г.

Соберем вместе статейные списки, песню, гороскоп и предание. Получается удивительный факт – только август 1751 г. как дата рождения Салавата удовлетворяет и спискам, и песне, и гороскопу, и преданию. Действительно, по гороскопу – август. Если август 1752 г. и позже 1753, 1754 гг. – не складывается песня, ко времени присвоения звания бригадира Салавату не исполняется 22 года, точно также возникает противоречие статейным спискам – в мае и июле 1797 г. ему не исполняется 45 лет.

Итак, если Салават родился в 1751 г., то первый его сын появился на свет, когда Салавату было 16 лет. Могло ли так быть? Женились в то время рано. Мой дед Казыхан, например, женился в 16 лет на бабушке Фатыме, которой в год свадьбы было 15 лет. Были и более ранние браки. Следовательно, появление у Салавата на свет первенца в 16 лет было делом обычным.

В нормальные возрастные рамки в этом случае укладывается и временное исполнение Салаватом должности старшины, вместо

ушедшего в поход отца. Получается, по дате рождения Салавата в 1751 г., ему в пору исполнения старшинства было 20 – 21 год. Это был уже зрелый муж, которому отец мог доверить печать старшины, а не 17 – 18-летний юноша на пороге совершеннолетия, как получается при дате рождения по И. Гвоздиковой в 1754 г.

Таким образом, дата рождения Салавата в августе 1751 г. увязывает в правильную цепь и статейные списки из Рогервика, и слова песни о получении Салаватом воинского звания бригадира, и характер по знаку Зодиака, и предание о женитьбе его родителей в 1750 г. Кроме того, становится реальным возраст Салавата при рождении его первенца и при замещении им отца на должности старшины.

Возникает система из множества различных связей, которая обретает реальные контуры при условии, что мы будем исходить из единственно правильной даты рождения Салавата в августе 1751 г.

Что же касается позиции И. Гвоздиковой по отношению к дате рождения Салавата в 1754 г., то она понятна. Эта позиция изложена в книге «Салават Юлаев. Исследование документальных источников», стержнем, основой которой стал упор на документальные источники. Такой, несколько отсталый от времени, подход к освещению исторических событий называют в научных кругах позитивизмом. Ученые, следующие заповедям позитивизма, признают только тексты документов, без анализа общей исторической картины и условий написания документов. «Тексты и только тексты!» – вот их девиз. К счастью, такой подход в изучении истории уже уходит в прошлое.

Надо отметить, что упомянутый выше протокол допроса Салавата Юлаева опубликован очень давно, в 1929 г., в сборнике документов «Пугачевщина» (Т. 2). Однако ранние исследователи жизни и деятельности С. Юлаева: П. Ф. Ищериков, А. Н. Усманов, В. В. Сидоров не приняли даты рождения Салавата в 1754 г., а считали, что Салават, согласно статейным спискам, родился в 1752 г.

Заметим, что В. Сидоров в 70-х гг. XX в. писал о том, что Салават родился в 1752 г. [107. С. 296]. Однако в последние годы он изменил свою точку зрения. Теперь В. Сидоров считает датой рождения Салавата 1754-й год, а тех, кто придерживается, согласно статейных списков, иного мнения, он ни много ни мало относит к дилетантам [106. С. 19].

С этими статейными списками и вовсе творятся детективные дела. Уж очень они мешают. Ведущими историками принята дата рождения Салавата Юлаева в 1754 г., противоречащая этим спискам. По их инициативе изменены сроки государственных мероприятий по проведению юбилейных торжеств, посвященных нашему национальному герою.

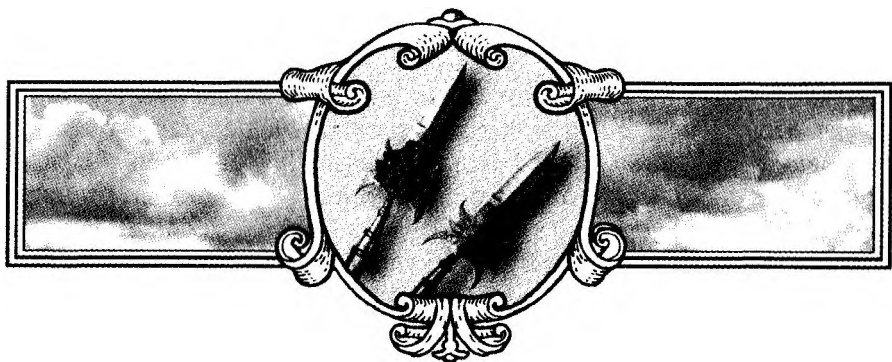
Но правы ли эти ученые? Едва ли! Статейные списки противоречат их мнению, и они стали производить с этими списками «профилактические» манипуляции. Как очень редкий документ, касающийся судьбы Салавата Юлаева, эти списки не могли не попасть в «Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан». Действительно, в разделе «Крестьянская война 1773–1775 гг.» автором – доктором исторических наук Н. М. Кулбахтиным приведен такой список, но из него изъята дата его составления (19 мая 1797 г.). В списке отмечено, что Салавату Юлаеву 45 лет, но на какое число – поди, догадайся! На всех остальных документах этого раздела атласа стоят даты написания, а на статейном списке, определяющем дату рождения Салавата, – нет.

Но эти статейные списки – не единственный документ, опровергающий дату рождения Салавата Юлаева, определенную И. Гвоздиковой (1754 г.). Как быть теперь с архивными ревизскими сказками, в которых указаны возрасты его сыновей, по которым легко определить их даты рождения? Тоже изъять? Или согласиться с тем, что у Салавата Юлаева в 13 лет уже родился сын, а в 12 он его зачал?

Это наш национальный герой, и его история достойна объективного изучения, а не наслоения одной ошибки на другую в угоду удовлетворения чьих-то амбиций. И ссылки на ведущих ученых-историков Р. В. Овчинникова, В. М. Панеяха, считающих 1754 г. единственно правильным годом рождения Салавата, как это делает В. Сидоров, не могут быть приняты. Не авторитеты устанавливают истину, а факты, и уважающий себя историк должен уметь их видеть. К примеру, профессор А. Асфандияров заметил мою публикацию о сыновьях Салавата, вышедшую в журнале «Агидель» в 2000 г. [149]. После нее в 2001 г. вышла книга уважаемого историка, в которой он выразил свое отношение к этой проблеме. Однако В. Сидоров, издав две книги после этого (в 2003 и 2004 гг.), ни словом не обмолвился о выявленных сыновьях Салавата и их возрасте. Это и понятно: данные факты разрушают все доводы, построенные общими усилиями вокруг даты рождения Салавата Юлаева в 1754 г.

Можно, конечно, и далее делать вид, что ничего не произошло, но едва ли это выход из того незавидного положения, в котором оказались наши известные салаватоведы. Надюсь, что со временем все встанет на свои места.

Глава 28

ТОРЖЕСТВО ПОБЕД И ГОРЕЧЬ ПОРАЖЕНИЙ

Талант полководца у Салавата Юлаева проявился наиболее ярко в сражениях, которые произошли между Пугачевым и Михельсоном 2–3 июня 1774 г. на реке Ай, около деревни Лагыр. Здесь, впервые за время Пугачевщины, повстанцы смогли противостоять лучшей части регулярной армии под командованием Михельсона.

А 5 июня около деревни Месягут башкиры Салавата заманили Михельсона в засаду. Они переправились через Ай и затаились в гористом ущелье. Когда подошла колонна Михельсона, они, по сообщению подполковника, «выбжав со стороны, всеми своими силами, общие с Пугачевым», его атаковали.

Это были лучшие сражения повстанческой армии, в результате которых Михельсон, понеся большие потери, вынужден был отказаться от преследования Пугачева и вернуться в Уфу за пополнением. Пугачев на допросе в Тайной экспедиции Сената показал, что он «не мог сломить» Михельсона, но и тот «также его не разбил и они разошлись».

Салават же, отвечая на приглашение своих товарищей прибыть с отрядом к Бирску, где готовилось нападение на Уфу, писал: «С гусарами было два сражения, при коих многие из них убиты, а малое число бежало. А всем вам слушать повеление посланных туда командиров и стоять против неприятелей крепко и с непоколебимостью сердец своих» [118. С. 256].

Сам же Михельсон 8 июня докладывал Щербатову, прося пополнение, что восстание на северо-востоке Башкортостана не подавлено, Пугачев и Салават ушли от него.

А они двигались на север. На допросе в Яицкой секретной комиссии Пугачев заявил, что после июньских боев с Михельсоном он провел в Башкирии около недели и набрал «башкирцев тысяч десять, несколько заводских крестьян и пошел на Красноуфимскую крепость». С ним были и Салават, и Канзафар Усаев, и другие повстанцы. Это был победный марш – 10 июня они заняли Красноуфимскую крепость и, переправившись через реку Уфу, под Ачитской крепостью столкнулись с карательной командой подполковника А. Папавы, вышедшей из Кунгура. Повстанцы охватили этот отряд с флангов, открыли сильный огонь и вынудили карателей бежать, преследовали их около шести часов. Их уверенность в своих силах была настолько велика, что они обратились к карателям с предложением сдаться, выдав подполковника и офицеров. При этом моральный дух карателей так ослабел, что их командиру стоило немалых усилий удержать новобранцев от сдачи в плен, а сам он был уже готов к самоубийству. Но им удалось спастись. Рвения добывать в поле противника у повстанцев не было, впереди их ждали новые крепости и заводы, где можно было пожить богатыми трофеями.

И вот крепость Оса. Сначала к ней подошли отряды Салавата Юлаева и Белобородова, двигавшиеся в авангарде армии Пугачева, общей численностью около 12 тысяч человек. Четыре дня повстанцы не могли взять крепость. У них не было опыта штурма крепостей, страдала и дисциплина. В результате к Осе прибыло подкрепление из казанского гарнизона во главе с секунд-майором Ф. Скрипицыным и вошло в крепость.

Тогда Пугачев приказал подвезти сено к стенам крепости. Доставили пятьдесят возов сена. Стояли жаркие летние дни. Защитники крепости поняли, что если повстанцы подожгут сено, то сгорят и крепостные стены, и строения внутри крепости, и они вместе с ними. Гарнизон решил сдаться, выставив условие – дать одному из гарнизонных солдат возможность обзреть самого Пугачева: подлинный ли он государь? Солдат вышел, они с Пугачевым молча осмотрели друг друга, а затем защитник крепости возвратился в город. На другой день, 21 июня, комендант Осы сдался со всей командой.

Пугачев сжег крепость, но людей не казнил, забрал лишь семь пушек, солдат и мужиков, пожелавших у него служить, и ушел из Осы. Здесь пути-дороги самозванца и Салавата разошлись.

Сам Пугачев на следующий день переправился через Каму и двинулся на Казань. В составе войска шел и большой сводный отряд башкир во главе с Юламаном Кушаевым. Целью Пугачева

была Москва. Вдохновленный победами последнего месяца и притоком новых сил, вызванным этими победами, Пугачев уверовал в возможность взятия Казани и Москвы. Но для этого ему было необходимо повязать регулярные армейские части карателей подавлением восстания башкир, удержать их в Башкирии.

Еще в мае 1774 г. Пугачев издал указ, повелевающий башкирам сжигать заводы, расположенные на их земле. В пример им, сам он сжег Златоустовский и Саткинский заводы. Пугачев понимал, что это должно привести к новой вспышке повстанческой борьбы. Поэтому он и отослал наиболее авторитетных башкирских военачальников обратно в Башкирию для организации национально-освободительной борьбы. Так Салават вернулся на родину. К тому же он был ранен в ногу ружейной пулей.

Рейд Пугачева из Осы в Казань был столь смел, решителен и быстр, что командование царских войск оказалось в полной растерянности и бездействии. Основная масса российских войск была рассеяна по Башкирии, Оренбуржью и Зауралью, а самозванец во главе двадцатитысячной армии победно катил на Казань. Не встречая более никакого сопротивления, взяв с хода Воткинск, Ижевск, Елабугу, он вышел на Мамадыш. Отсюда было уже рукой подать до Казани, и 11 июля Пугачев уже стоял у ее стен.

Здесь он действовал испытанным способом. В город было послано три манифеста на тюркском языке, призывавшие власти и народ от имени «царя Петра III» сдать город без сопротивления. Пугачев обещал населению свободу и различные свои льготы. Это произвело деморализующее действие на защитников города.

Казань уже более 200 лет была внутренним городом России и не имела даже тех крепостных стен, которые были при Иване Грозном. Но, как и тогда, она готовилась отразить штурм русского царя «Петра III», в войске которого был и сводный башкирский отряд.

Главное войско самозванца 12 июля 1774 г. штурмом захватило Казань, за исключением кремля, который местный гарнизон сумел защитить. В сражениях за Казань башкиры были впереди и понесли очень большие потери. Но Пугачев недолго владел Казанью. Буквально вслед за ним в Казань вошел и корпус его давнего судьбоносного противника Михельсона. Только он один со своим корпусом, вовремя сориентировавшись и получив пополнение, сумел прийти на помощь уже взятой самозванцем Казани. Его опыт и решительность сделали свое дело – пугачевцы уже 15 июля бежали из Казани к Волге.

Пугачев, собрав остатки своего войска, устремился было на Москву, но быстро понял, что его армия после боев за Казань была уже совсем не та, что до штурма. Военное сословие: башкиры и казаки — в основной своей массе погибли в этой битве, а оставшиеся в живых ушли на родину. В Москве им делать было нечего.

Армия самозванца представляла собой большую толпу, вооруженную чем попало: вилами, косами, топорами и к тому же плохо управляемую. От окончательного разгрома, тут же, около Казани, Пугачева спасло лишь то, что корпус Михельсона также понес большие потери, да и губернское начальство не рискнуло оставить город без боеспособной защиты. Пугачев ушел от Михельсона в очередной раз, но около Кокшайска в Чувашии он изменил свои планы. Идти на Москву он отказался. Здесь Пугачев переправился через Волгу и пошел на юг, в сторону родных донских степей, надеясь поднять на борьбу донских казаков.

Юлай не пошел с Пугачевым и Салаватом к Осе. Как он сам показал на допросе в Уфимской провинциальной канцелярии 5 мая 1775 г., Пугачев имел с ним разговор относительно выполнения его майского указа об уничтожении заводов на Сибирской дороге. Узнав, что все заводы, кроме Симского, целы, Пугачев дал Юлаю поручение заняться их уничтожением. Для этого Пугачев назначил его главным атаманом. Уже 19 июня, в те же дни, когда Пугачев с Салаватом штурмовали Осу, Юлай во главе 2 000 бойцов «чинил приступ» к Катав-Ивановскому заводу, но не сумел его взять. Внезапного нападения не получилось, а опыта штурма укрепленных позиций у него не было. Пробовал он посылать письма к заводским крестьянам с увещеваниями, но бесполезно. Заводчане хорошо помнили судьбу Симского завода. Они не сдали завод, тогда Юлай сжег Усть-Катавский завод. На допросе он отрицал свое участие в сожжении Юрюзаньского завода, но контора Катав-Ивановского завода в своем рапорте в Уфимскую провинциальную канцелярию отмечала его общее командование повстанцами.

До времени Юлай не трогал заводские деревни Ерал, Орловку и Карауловку, хоть они и были захвачены повстанцами. Склоняя заводских крестьян к добровольной сдаче Катав-Ивановского завода и надеясь на это, Юлай старался показать им свои намерения к добрососедству, но и защитники завода понимали, что как только падет завод, участь их деревень будет решена — Юлай не оставит их на своей земле. Несмотря на то что контора этого завода еще 16 июня обращалась в Уфимскую провинциальную канцелярию с просьбой защитить их от нападений, завод до глубокой осени был брошен на произвол судьбы.

Такое отношение властей к заводу было вызвано общим всплеском восстания в начале лета 1774 г. Успешные бои Салавата против Михельсона вынудили карателей возвратиться в Уфу. Взятие повстанцами 14 июня Бирска и сожжение его, угроза нападения на Уфу, возникшая в связи с падением Бирска, потребовали стягивания войск к Уфе. Поэтому Пугачев после взятия Осы 21 июня отправил раненного Салавата Юлаева вверх по Таныпу набирать войска и идти на Уфу, где повстанцы уже бились с карателями команды полковника А. Якубовича близ Чесноковки.

Салават, несмотря на тяжелую пулевую рану в ногу, уже через три дня после штурма Осы был замечен разведчиками Михельсона на Таныпе, около деревни Чипчик, направляющимся к деревне Кигазы. Отвлекаясь, заметим, что Михельсон при этом стоял со своим отрядом в деревне Тазлар, где жили потомки тех самых «лысых людей» племени Таз, о которых писал Геродот.

Михельсон считал, что Салават направляется в свои жилища, расположенные, по его мнению, на реке Ай. Это говорит о том, что Михельсон путал Ай с Юрюзанью или обе реки принимал за одну – Ай. Это подтверждает мое предположение о том, что сражение его с Салаватом 2 июня имело место около пристани на Юрюзани, а не на Ае, как Михельсон сообщал главнокомандующему Ф. Щербатову.

Но Салават не ушел «в свои жилища», родного дома у него уже не было. В начале июля он отмечен был в деревне Субаевой близ Бирска в лагере повстанцев-марийцев. Они попросили его назначить их командиром одного из своих черемис (мари). Бригадир Салават исполнил их просьбу и назначил командиром, полковником, марийца Изибая Акбаева. А 24 июля 1774 г. сотник Кудейской волости Кунакгужа Мустафин докладывал в Уфимскую провинциальную канцелярию, что «в близости деревни Тикеевой под предводительством Салавата Юлаева начали показываться злодейские сборища». Здесь речь шла не о родной деревне Салавата, а о той деревне Тикеевой, что располагалась на реке Сим в 70 верстах от Уфы.

В начале августа отряды Салавата Юлаева, Караная Мратова, Канзафара Усаева и других командиров уже появились в 50–60 верстах от Уфы в разных направлениях. Канзафар Усаев, набирая повстанцев в свой отряд, открыто заявлял о своих намерениях поймать башкирского старшину Кыдряса Муллакаева и взять Уфу.

Но планам этим не суждено было сбыться. Они оказались сорванными наступлением правительственных войск, а командиры повстанцев не смогли обеспечить согласованности действий своих отрядов. Да и главный инициатор наступления на Уфу Канзафар

Усаев первым из пугачевских бригадиров оказался в плену у властей. Его поймал и сдал тот самый Кыдряс Муллакаев, с которым Канзафар сам собирался расправиться. Причем пленение Канзафара произошло тогда, когда главный полковник Салават Юлаев и другие полковники: Каип Зиямбетов, Сляусин Кинзин, Токтамыш Ижбулатов уже ехали к Канзафару с многочисленными отрядами с целью организации штурма Уфы.

Арест Канзафара Усаева Кыдрясом Муллакаевым, срыв наступления восставших на Уфу самым отрицательным образом отразились на морально-волевом состоянии повстанцев. Их ряды стали таять, а отошедшие от восстания, так же, как Кыдряс Муллакаев, принося повинные и стараясь реабилитировать себя, стали выдавать властям своих недавних боевых товарищей. Власти со своей стороны всячески поддерживали такие действия. Кыдряс Муллакаев за поимку Канзафара Усаева получил от начальника секретной комиссии генерал-майора П. Потемкина сто рублей и медаль, с пожеланиями ареста Караная Мратова и Салавата Юлаева.

Азнабай Мурзагулов – тот самый, который в самом начале Пугачевщины вместе с Салаватом Юлаевым привел в лагерь самозванца 3 000 башкир, собрал отряд и отправился ловить того же Салавата.

Появились отряды добровольных карателей из местного населения, возглавляемые в основном башкирской знатью. На севере Башкортостана повстанцев преследовали отряды Кулыя Балтачева и Шарыпа Киикова. Такие отряды были для повстанцев намного опаснее частей регулярной армии, так как они ничем внешне не отличались от них самих. Поэтому повстанцы повели с ними непримиримую борьбу.

Кулый Балтачев был известным тарханом и старшиной Кыр-Тыныпской волости с 1759 по 1780 гг. Он жил в деревне Балтачево, и нынешний Балтачевский район носит его имя. Еще в 1757 г. Кулый участвовал в Прусском походе, а в 1771–1773 гг. возглавлял трехтысячную башкирскую команду, направленную для борьбы с польскими конфедератами. В составе его отряда тремястами воинов командовал Юлай Азналин. За проявленное усердие Кулый Балтачев был награжден саблей в серебряной оправе, а Юлай Азналин – медалью. Карательный отряд Кулыя действовал в междуречье Бири и Таныпа. Как видно из послужного списка, Кулый Балтачев был признанным карателем еще со времен подавления польских конфедератов.

Пугачев в это время во главе большой крестьянской толпы катил на юг, надеясь перебраться на Дон и поднять донских казаков. Ему удалось в Казани оторваться от Михельсона, оставлен-

ного на некоторое время в городе для пополнения команды и сохранения спокойствия. В конце июля 1774 г. Пугачев взял Саранск, а в начале августа захватил Пензу. Его Главное войско сражений не имело и лишь грабило встречавшиеся по пути помещичьи усадьбы.

Самозванец вышел к берегу Волги в районе Саратова. Далее путь его лежал к Царицыну. Он еще надеялся взять Царицын и перейти на Дон, усилиться там казаками и вновь пойти на Москву. Но донские казаки не поддержали Пугачева в образе «царя Петра III». Они хорошо его знали, тем более что его родная Зимовейская станция лежала здесь рядом. Манифесты Пугачева, поднимавшие башкир на Урале и крестьян в Поволжье, не имели такого успеха на Дону. А наиболее боеспособная часть донских казаков – 3 500 человек уже воевали в составе карательных частей императрицы.

Неутомимый И. Михельсон, произведенный Екатериной II в полковники за освобождение Казани, догнал Пугачева у Черного Яра в местечке Соленикова ватага, а 24 августа 1774 г. состоялось последнее сражение Главного войска пугачевцев с карателями. Михельсон, верный своим правилам, с ходу атаковал Пугачева артиллерийским огнем и рассеял многочисленную, но плохо вооруженную и почти неуправляемую толпу. Каратели частью перебили это «войско», частью взяли в плен. Армия Пугачева перестала существовать.

Сам он с двумя сотнями казаков переправился через Волгу, левым берегом поднялся до Камышина, намереваясь вновь перебраться на Яик и далее, в бунтовавшую еще Башкирию. Но поражение всегда порождает предателей, которые ищут свое спасение в измене, в облегчении собственной участи ценою сдачи карателям своих боевых товарищей. Так обошлись и с Пугачевым его вчерашние соратники. Стремясь искупить свою вину перед властями, они связали его где-то на берегах Большого или Малого Узеней и 8 сентября 1774 г. привезли в Яицкий городок. Последний башкир, бывший с Пугачевым до конца, – Кинзя Арсланов – бесследно исчез: то ли его убили заговорщики, то ли он ушел в Киргиз-Кайсацкую Орду.

А Салават в это время был уже на Катав-Ивановском заводе, помогал отцу захватить этот завод. Видя, что попытки башкир взять завод штурмом не удаются, Салават Юлаев отправил в конце августа на завод Мусабая Бикзянова с воззванием, призывающим крестьян и рабочих перейти на сторону повстанцев. Но заводчане захватили Мусабая в заложники, грозя убить в случае штурма.

Известно письмо Салавата и Юлая управителям Катав-Ивановского завода с предложением жить в мире и обменять Мусабая на

двух русских людей. Это письмо датировано 10 сентября 1774 г. [118. С. 256].

Видимо, Салават, набрав в этих краях еще один отряд, отбыл вновь на берега Таныпа. Северный котел восстания, бурлящий в междуречье Таныпа и Бири, сильно беспокоил уфимские власти. Опасаясь за судьбу Уфы, они добились от командования отправки в этот район команды подполковника И. Рылеева.

Салават встал лагерем на пологом склоне горы у деревни Норкэ (Норкино, Балтачевский район). Он разослал гонцов по окрестным деревням с призывом поддержать повстанцев. Население встретило отряд Салавата с почестями. Предания рассказывают, что жители резали скот, в тот же вечер устроили повстанцам обильное угощение [108. С. 138]. Руководил всем этим аксакал деревни по имени Муса. Потом они с Салаватом крепко подружились. Население близлежащих деревень также помогало продуктами, пополняло войско джигитами. На широком холме, что к востоку от деревни Норкэ, Салават сам принимал джигитов, пожелавших вступить в ряды повстанцев. Они, принимая присягу, целовали Коран. Старик Муса также отдал двух своих сыновей в войско Салавата.

Гору, на которой принимал пополнение Салават, и сегодня называют Прием-тау (гора Приемная). Места возле этой горы были болотистые. Чтобы провести свои войска по этим местам, Салават приказал возвести насыпную дорогу. След от этой дороги и сейчас ясно обозначается, и называют его «Салауат ызаны» (полоса Салавата). Лагерь Салавата у деревни Норкэ (рус. Норкино) существовал довольно долго. По приходу Салавата в эти края «верные» старшины Кулый Балтачев и Шарип Кииков бежали в лагерь правительственных войск И. Рылеева. Повстанцы разграбили и сожгли их дома.

То место, где стояли войска императрицы, было в 15–18 верстах от деревни Норкэ и называлось Торлагыр, что означает «место, где стоял лагерь». Там и поныне сохранились рвы, которыми солдаты окопали свою стоянку, опасаясь нападения повстанцев.

Первый раз воины Салавата атаковали карателей И. Рылеева 18 сентября 1774 г. около деревни Тимке (Тимкино, Тимошкино). Атака была дерзка и стремительна. И. Рылсев явно не ожидал такого разворота событий, остановился и вынужден был защищаться, неся большие потери. Четыре дня он искал основные силы Салавата и 22 сентября выступил с целью нанести ответный удар по лагерю повстанцев около деревни Норкэ. Но на подходе к лагерю был внезапно атакован отрядом Салаватом численностью,

по словам карателей, около 3 000 человек. Но орудийными залпами и ружейной стрельбой каратели смогли отразить атаку повстанцев и перешли в наступление. Войско Салавата, понеся тяжелые потери, – около 400 человек, вынуждено было рассеяться и, вновь собравшись, отойти к Елдякской крепости. Рылеев докладывал: «...едва сам злодей Салават мог спастись: оставил свою лошадь, бежал в болото» [150. С. 231]. По сей день у деревни Норкэ находят различные наконечники стрел, другое оружие. В тех местах записано предание о седле Салавата. Как сообщил И. Рылеев, Салават потерял коня около деревни Норкэ. Местные жители поймали этого коня, и старик Кисре, внук упомянутого выше аксакала Мусы Кадерметова, долго хранил это седло как память о Салавате. Х. Суфиянов, со слов которого было записано предание [108. С. 148], видел в детстве это седло и по памяти описал: ложе седла широкое; к луке была пристегнута кисточка, сплетенная из тонких ремешков; стремяна не из железа, а из гнутого дерева, отполированные до блеска. В эти же годы дом старика Кисре сгорел, в пожаре погибло и седло Салавата. Так народное предание, в этом случае, перекликалось с рапортом подполковника И. Рылеева.

После боев около деревни Норкэ старшины-каратели Кулый Балтачев, Ильмухамет Сулейманов и старшинский помощник Бахтияр Янышев написали в Уфимскую провинциальную канцелярию письмо, в котором сообщали, что Салават разорил и сжег их дома, угнал скот. Они «униженно и слезно просили, чтоб господин подполковник Иван Карпыч (Рылеев. – *Р. В.*) с командою своею для приведения в окружности их, Башкирцев-худомышленников в хороший порядок находился в нашем жилище».

Предатели боялись за свою судьбу. Повстанцы, рассеянные по округе, могли напасть на них. Видимо, их просьба была удовлетворена. И. Рылеев, отбив у отряда Салавата захваченную в Елдякской крепости казну и соль, дальше за ними не пошел, остался очищать от повстанцев дороги к северу от Уфы.

Салават же с немногочисленными остатками своего войска вернулся к отцу, осаждавшему Катав-Ивановский завод. Почти весь октябрь и три недели ноября 1774 г. провели они у стен этого завода, собирая по округе подкрепление, мобилизуя с каждого двора по одному человеку, чтобы, усилившись, взять, наконец, завод. Это тлел уже последний очаг борьбы в Башкортостане, и Салават тщетно пытался его раздуть. Но и завод не собирался сдаваться. Еще до начала Пугачевщины он был укреплен, обведен деревянной стеной с башнями и раскатами, на которых стояли

пушки. Это отметил побывавший здесь до восстания путешественник И. Лепехин.

От имени императрицы Екатерины II к Салавату с письмом от 29 октября 1774 г. обратился начальник секретной комиссии, генерал-майор «двора ее величества действительный камер-юнкер и кавалер» П. Потемкин. Это был вельможа, близкий не только к трону, но и к телу императрицы, – один из ее любовников-фаворитов.

Он писал, что Пугачев, обманувший башкир, уже пойман и вскоре вместе со своими сообщниками примет мучительную казнь. Ссылаясь на распространенные манифесты, он призвал Салавата прекратить сопротивление и прийти с повинной, убеждал в милосердии императрицы.

«Покайся, познай вину свою и приди с повинованием. Я, будучи уполномочен всемилостивейшею ея величества поверенностью, уверяю тебя, что получишь тотчас прощение. Но если укоснеешь еще за сим увещеванием, то никакой уже пощады не ожидай», – писал Потемкин.

Получил ли Салават это письмо? Скорее всего, получил. Во всяком случае известно, что люди из штаба карателей на Катав-Ивановский завод ходили. Так, генерал-майор Ф. Фрейман общал 7 ноября 1774 г. командующему генерал-аншефу П. Панину: «Из посланных на Катавский завод два человека из Уфы и двое Башкирцев из-за Табынска команды старшины Сайряна Сеитова не возвратились. А за оными еще отправленные 4 башкира прибыли обратно и объявили, что Салаватка и старшина Юлай разъезды около тех заводов продолжают, как реченный старшина Сеитов рапортует».

Похоже, что упомянутые в письме посланцы из Уфы и Табынска ходили на Катав-Ивановский завод с письмом Потемкина к Салавату, а последняя партия из 4 башкир была там с целью выяснить реакцию Салавата на это письмо. Они сообщили, что Салават не сложил оружия и продолжает осаду Катав-Ивановского завода. Для Фреймана все стало ясно, поэтому он в этом же письме сообщил Панину, что для «истребления сих злодеев» направляется подполковник И. Рылеев с командой и под их прикрытием к заводу идет обоз с 300 четвертями муки и 200 пудов соли [150, С. 260].

Юлай же, повидавший на своем веку многое, знавший всю силу и мощь Российской империи, принял решение капитулировать и принести повинную. Тем более что 31 октября к нему приехал его давний сослуживец по польскому походу 1771–1772 гг. Каскын

Самаров, известный пугачевский полковник, и предложил ему явиться с повинной к коллежскому советнику И. Тимашеву.

Будучи гражданским лицом и занимаясь в основном снабжением воинских частей, крепостей и заводов провиантом и фуражом, Иван Тимашев имел в своем ведении и некоторые воинские подразделения, обеспечивавшие прежде всего охрану обозов и складов. Выполняли они и некоторые карательные операции, но в крупных сражениях с повстанцами И. Тимашев замечен не был. Не отличался он и жестокостью к повстанцам, как, например, генерал-майор Ф. Фрейман. Видимо, поэтому именно к Тимашеву пришли такие известные пугачевцы, как генерал Юламан Кушаев, полковник Каскын Самаров и главный полковник, бригадир Каранай Муратов, организовывавший вместе с Салаватом Юлаевым и Канзафаром Усаевым нападение на Уфу.

По отношению к ним И. Тимашев выбрал тактику, применявшуюся еще В. Татищевым в борьбе с повстанцами во время Национально-освободительной войны 1735–1740 гг. Вождей Пугачевского восстания И. Тимашев не арестовывал и не сажал под караул, а использовал в своей хозяйственной работе, в снаряжении обозов, в закупке провианта и фуража. Одновременно он посылал их с сопровождением к бунтовавшим еще пугачевцам, обещая прощение «вины».

Когда Каскын Самаров приехал к Юлаю в первый раз, то осторожный Юлай не рискнул сразу отправиться к Тимашеву, прикинулся тяжелобольным. Он написал лишь «покорный рапорт», в котором постарался показать с хорошей стороны не только себя, но и Салавата, отметив, что он поехал собирать других старшин этой округи для совместной явки к Тимашеву с повинной.

Через неделю И. Тимашев вновь отправил Каскына Самарова к нему, и Юлай вместе с пятью другими старшинами 11 октября 1774 г. явился к Тимашеву с повинной, когда он следовал из Верхне-Яицкой крепости в Челябину. Приведя их к присяге, Тимашев отпустил старшин, приехавших с Юлаем, выдав им билеты. А Юлая он взял с собой в Челябину для «искупления вины».

Юлай, действительно, надеялся заслужить прощение. Пользуясь относительной свободой, он вместе со старшинами Дуванской, Тубеляской, Айлинской и Куваканской волостей вызвался на свои деньги купить провиант и фураж и на своих же подводах доставить его на Катав-Ивановский завод, который он же осадой довел до голода и падежа скота.

Трудно сказать, какие отношения сложились между Салаватом и Юлаем в это время. Отец принес повинную и всеми силами старался заслужить прощение. Сын продолжал воевать, собирал силы для решающего штурма Катав-Ивановского завода, к нему, последнему из крупных военачальников Пугачева, стекались повстанцы со всей Башкирии. Их оставалось уже немного, всего около 2 000 человек, но это были самые отчаянные, непримиримые бойцы. Юлай, отец, вел обоз с провиантом для осажденного Катав-Ивановского завода, а Салават, сын, держал этот завод в осаде.

Не сомневаюсь, что Юлай как умудренный опытом человек, участвовавший в восстании, идеологом которого был Батырша, и переживший все ужасы последующих репрессий, старался уговорить сына прекратить борьбу, сложить оружие и сдаться на милость победителей. Но не таков был Салават, молодая кровь кипела в нем. Он не думал о последствиях. Если перейти на язык Л. Гумилева, то Салават стал типичным пассионарием. Энергия, впитываемая им из окружающей среды, бушевала в нем и толкала на совершенно необдуманные поступки, риск для собственной жизни отодвигался на второй план. Рисковал Салават в каждом бою, и это стало для него обычным явлением.

Отец и сын не понимали друг друга, как не понимали своих отцов и молодые джигиты ранних поколений, которые, едва возмужав, поднимались на борьбу за свою землю, свободу и веру. Едва ли Салават пропустил отцовский обоз на осажденный завод.

Завод вот-вот должен был сдаться. Голод делал свое дело, настроение защитников падало. Знали это и повстанцы. Их командиры уже договорились взять завод, сжечь его и разойтись на зиму. Между тем уже подступили холода, выпало много снега. Заводчане не ждали помощи от властей.

Подполковник Рылеев со своей командой и с запасами провианта, соли появился около осажденного завода 22 ноября 1774 г. В его команде были отряды мишарских и «верных» башкирских старшин, а также тех старшин, которые стремились заслужить помилование путем поимки Салавата и его товарищей.

Надо, конечно, перечислить и тех, кто принял последний крупный бой той войны, кто до конца, вместе с Салаватом, остался верен своему народу, своей земле, своей вере. В том конном строю, готовясь к атаке, стояли команды старшин: Дуванской волости – Аллагужи Бақынова и Миндияра Аркаева, Тюбеляской волости – Субхангула Кильдякова, Айлинской волости – Тайша Сыныкаева, Сартской волости – Умета Уразембетова, Тырнаклинской волости – Яуна Чувашева, Кыр-Кудейской волости – Яхьи Якшиева, Катайской волости – Аккусюка Таирова. Зауральских башкир привели

сотник Телевской волости Аблязи Абданов и помощник старшины Кара-Табынской волости Ишмекей Бикбаев. Были и отдельные рядовые: из Кубелякской волости Альмухамет и из Исетской провинции башкир Маметкул Картабызов.

Как обычно, воины Салавата атаковали колонну карателей конной лавой, но те успели развернуться, выставить пушки и встретили повстанцев артиллерийским огнем и ружейной стрельбой. Сотни повстанцев полегли на поле боя в эти несколько минут, остальные бежали, прикрываясь огнем своих пушек. Войско Салавата оказалось разбитым, а сам он с сообщниками бежал в леса, докладывал будущий великий русский полководец А. В. Суворов главнокомандующему генерал-аншефу П. И. Панину в рапорте от 28 ноября 1774 г.

Стоит сказать хотя бы несколько слов о последних соратниках Салавата. Яун Чувашев – старшина Тырнаклинской волости. Его отца звали Суашбай, от башкирского *һыу* – «вода, питье», *аш* – «еда». Это имя никакого отношения к чувашам не имеет. Правильное написание фамилии Яуна – Суашбаев. Согласно шежере тырнаклинского рода, он имел брата по имени Усеш, или Эссен (Асан), и сына Хасана. Яун бунтовал и в 1740 г. вместе с дедом Салавата Азналыбаем под предводительством Карасакала.

Умет Уразембетов – старшина Сартской волости. В 1774 г. существовала деревня Уразембетово (Уметово), расположенная на левом берегу реки Ай, ниже современной деревни Абдрашитово (Дуванский район). Вместе с Юлаем Азналиным Умет был в польском походе 1771–1772 гг., будучи близок к семье Салавата и Юлая, участвовал с ними во взятии и сожжении Симского завода, ходил с Салаватом на Красноуфимск и Кунгур. После боя на Катав-Ивановском заводе явился с повинной к майору Гагрину. Остался старшиной. Ему фактически адресовал Салават свое известное письмо на волю, прося позаботиться о своей семье и оказать ему помощь.

Аллагужа Бакинов – старшина Дуванской волости, жил в деревне Аллагужево (Кигинский район). Сподвижник Салавата по походу на Красноуфимск и Кунгур. Среди пугачевцев был и его сын Кабыл, принесший повинную вместе с Юлаем Азналиным.

Миндияр Аркаев – старшина Дуванской волости. Во время восстаний 1735–1740 гг. служил переводчиком, был посредником между повстанцами и карателями. Вместе с Салаватом принял последний бой.

Субхангул Килтяков – старшина Тубелякской волости, жил в деревне Сюрюкай (Салаватский район), пугачевский полковник, ходил с Салаватом на Красноуфимск и Кунгур. По сведениям

С. Таймасова [115. С. 224], 17 февраля 1774 г. казнен в Кунгуре, но в рапорте А. В. Суворова значится участником боя около Катав-Ивановского завода 22 ноября 1774 г.

Не подтверждаются сведения С. Таймасова и о гибели старшины Айлинской волости Таиша Чаныкаева [115. С. 222] в бою с Михельсоном 31 мая 1774 г. Он также отмечен в рапорте А. В. Суворова как участник последнего боя 22 ноября 1774 г.

И, наконец, Яхья Якшеев – старшина Кыр-Кудейской волости. Его деревня Яхья (Яхино) есть и сегодня, а на карте 1755 г. неподалеку от нее, на правом берегу Юрюзани, обозначена и деревня его отца – Якшеево. Он, как и Салават с Юлаем, получил в мае 1774 г. указ Пугачева о сожжении заводов, построенных на башкирской земле. Также, по Таймасову, вместе с Юлаем Азналиным 11 ноября 1774 г. явился с повинной к И. Тимашеву, но рапорт Суворова говорит об его участии в бою против подполковника Рылеева 22 ноября 1774 г. Может быть, воевал после принесения повинной? Или кто-то ошибся: либо Таймасов, либо Суворов.

Все повстанцы, как и договаривались заранее, разбились на мелкие группы и разъехались по домам до весны следующего года. У Салавата своего дома уже не было – ни дома, ни семьи. Но если бы и был, путь ему домой был заказан. Верные императрице сыновья Шагания тотчас его бы арестовали и сдали властям. Как Салават сам потом сказал на допросе, он намеревался «уйти прямо лесом и горами в киргисцы, и чему и его товарищи согласны были». Не знаю, по какой причине он задержался. Возможно, из-за непогоды или хотел еще раз собрать своих товарищей, попрощаться, договориться о выступлении следующей весной, а может быть, просто дать отдохнуть коню перед дальней дорогой. Но буквально через 2 дня после сражения с командой И. Рылеева около Катав-Ивановского завода он оказался в глухой деревушке Миндиш на пути в свои родные места.

Не безмятежная и счастливая судьба ждала его в киргиз-кайсацких степях, а жизнь изгнанника, лишённого всего: и родной земли, и семьи, и поддержки родственников. Велики были шансы попасть в рабство и быть проданным куда-нибудь в Среднюю Азию или еще дальше – в Афганистан. Салават понимал, что, несмотря на его желание вернуться, он, возможно, навсегда покидает родину.

Ему бы надо одеться, открыть дверь и шагнуть в метель, сесть на коня и двинуть в горы, в сторону Белорецка, и дальше в Зауралье, в степи. Так бы и сделал прагматичный и практичный человек. Но не Салават! Его чувственное сердце тянуло на родину.

Может быть, он хотел спеть прощальную песню на пепелище родного дома или узнать хоть самую малую весточку о семье, о детях. Он стремился туда, в Шайтан-як, рвался навстречу собственной судьбе.

А она для него, после увещеваний самого П. Потемкина и отказа принести повинную, была уже определена. Его уже искали и жаждали поймать: одни – ради того, чтобы продвинуться по службе и получить очередное воинское звание, другие – чтобы его свободой заплатить за спасение собственной шкуры от наказания, третьи – чтобы получить дворянский титул, четвертые... И чем дольше он находился на родной уральской земле, тем уже становился круг его свободы. Он сжимался с каждым часом.

Но как и где Салават потерял свободу? Это важно для истории, ведь и по сей день из статьи в статью, из книги в книгу переписываются небылицы об обстоятельствах и месте ареста Салавата. Это недостойно памяти национального героя. Мы должны достоверно знать, где и как его судьба переломилась надвое: свобода сменилась вечной неволей.

В ноябре 1774 г. подполковник Н. Я. Аршеневский во главе 23-й легкой полевой команды выступил в северо-восточную Башкирию с приказом генерал-майора Фреймана «...для усмирения еще бунтовавших тогда девяти волостей под начальством его, Салавата». Команда Аршеневского направилась к реке Ай, где, по полученным известиям, действовал отряд Салавата Юлаева. К Аршеневскому присоединилась конная рать мишарского старшины Муксина Абдусалимова. О Муксине Абдусалимове (Резяпове) следует сказать особо. Он принадлежал к дворянской фамилии Резяповых из деревни Тукаево (ныне Аургазинский район РБ). Однажды присягнув на Коране служению русским царям, этот род всегда оставался верным клятве. Муксин и его брат Зямгур участвовали в подавлении восстания Батырши в 1755 – 1756 гг. Они, собственно, поймали Батыршу и этапировали его в Петербург. Известно, что при этом Муксин Абдусалимов и его сват, мишарский старшина Сулейман Диваев из рода дворян Диваевых из той же деревни Тукаево, были приняты императрицей Елизаветой Петровной. Исключительно активную роль сыграли братья Муксин и Зямгур Абдусалимовы и при аресте Салавата.

Муксин привел карателей в мишарскую деревню Шарып (ныне Шарипово, Салаватского района РБ). Расположившись в этой деревне, Аршеневский отправил на поиски Салавата команду поручика В. Лесковского, авангард которой составила конница Муксина Абдусалимова.

Картина ареста Салавата восстанавливается историками по двум документальным источникам:

1. Протокол показаний Юлая Азналина и Салавата Юлаева на допросе в Уфимской провинциальной канцелярии 5 мая 1775 г.:

«...Салават: ...А когда отец мой, Юлай, поехал с повинною явиться к господину коллежскому советнику Тимашеву, то и я с товарищами моими, в числе четырех человек, пешей, на лыжах, вслед за ним для того объявления туда ж пошел, но дорогою, блис деревни Каратавлы, в лесу командою господина Аршеневского пойман, но против оной хотя я оружие при себе имел, но никакого сражения не делал».

Казалось бы, все ясно. Салават точно указал место ареста – в лесу близ деревни Каратавлы. Показания Салавата согласуются с преданиями, бытовавшими в этой деревне. Салават, стараясь облегчить свою участь, заявил на следствии, что каратели арестовали его, когда он, следуя примеру отца, ехал принести повинную, особо подчеркнул, что не оказал сопротивления.

К сожалению, первый рапорт Аршеневского своему начальнику генералу Фрейману от 25 ноября 1774 г. об аресте Салавата и протоколы его допросов в Калмак-ауле не найдены. Возможно, они потерялись. Следствие уже тянулось полгода. Салават и Юлай, проделав тяжелый подневольный путь, встретившись в Казани, дошли до Москвы, побывали в Оренбурге и вернулись в Уфу на следствие. Уфимская провинциальная канцелярия запросила у Фреймана отчет об обстоятельствах захвата Салавата Юлаева, на что Аршеневский и подал Фрейману второй рапорт, сохранившийся в подлиннике:

2. Рапорт подполковника Н. Я. Аршеневского генералу-майору Фрейману об обстоятельствах захвата Салавата Юлаева в плен 25 ноября 1774 г. от 6 мая 1775 г.

«На рапорт, поданный от Уфимской провинциальной канцелярии к вашему превосходительству, в дополнение поданных от меня допросов Салавата Юлаева сам донести имею.

Прошлого 1774-го года ноября 24-го в деревне Мигдишкиной, отряженною от меня сильною партией под командою поручика Лесковского, в лесу Салават Юлаев 25 числа пойман, а каким обстоятельством и наставлением от меня, о том моим рапортом вашему превосходительству донесено было того ж числа. Куда я через несколько часов со всем detaшментом прибыл и расположился в деревне Калмыковой, так как оное происходило в некотором расстоянии от оной...»

Этот рапорт опубликован в сборнике документов «Крестьянская война 1773 – 1775 гг. на территории Башкирии». Составители сборника в примечаниях пишут: «Где же именно был арестован Салават Юлаев и четверо его товарищей? Подполковник Н. Я. Аршеневский в рапорте от 6 мая 1775 г. утверждал, что это произошло в лесу возле деревни Мигдишкиной и “в некотором расстоянии” от деревни Калмыковой. Сам Салават Юлаев на допросе 5 мая 1775 г. показал, что арестован он был в лесу близ деревни Каратавлы. Эти три селения, находившиеся невдалеке друг от друга и вблизи реки Ай в среднем ее течении, позволяют установить истинное положение того места, где произошло это событие».

Меня, уроженца тех мест, эти строки поразили. Дело в том, что эти деревни есть и сегодня. Действительно, Каратавлы (д. Ст. Каратавлы вошла в село Малояз) и Калмыково (Калмак) находятся невдалеке друг от друга, на противоположных берегах одной реки, а именно Юрюзани. Причем здесь Ай? Это явная ошибка. Похоже, что наши историки, вслед за командирами карательных отрядов, стали путать Юрюзань с Аем. Деревня же Миндиш, или Мигдишкино, как назвал ее Аршеневский, располагается более чем в 20 километрах от деревень Ст. Каратавлы и Калмак. Авторы сборника попросту свалили в кучу все географические названия, упомянутые в рапортах Аршеневского и получили таким образом район пленения Салавата.

Правильно указать место, где был пленен Салават, мог лишь он сам и его спутники, трое из которых были родом из тех мест. Тем не менее слова Салавата об этом поставлены под сомнение, и деревня Каратавлы лишь включена в общий список из трех деревень. Здесь нужно исправить и еще одну ошибку, вкравшуюся в историческую литературу и относящуюся к этой деревне.

Установлено, что при аресте вместе с Салаватом были есаул Ракай Галесев, его брат писарь Абдрашит Галеев, Юртом Адылев и Зайнаш Сулейманов. Последний был из деревни Кадырово Айлинской волости, Адылев – из деревни Ягафарово Кара-Табынской волости, а братья Галеевы считаются жителями деревни Карапсаул Тырнаклинской волости. Видимо, Галеевы на допросе назвали свою деревню по-башкирски: Каратаул, так и записали в протоколе. А вот прочитали через много лет букву «т» как две буквы: «п» и «с», и получилось Карапсаул. В документах того времени написание этих букв выглядит весьма похоже. Братья Галеевы проживали в деревне Каратаул, а их родовая вотчинная земля осталась в Тырнаклинской волости. Таких переселенцев в деревне Каратаул было немало. Название деревни Карапсаул более нигде не встречается. Такой деревни не было в Тырнаклинской волости.

Абдрашит и Ракай Галсеевы были с Салаватом с самого начала, от первого похода Салавата на Стерлитамакскую пристань. Они прошли с ним все боевые дороги, сопровождали раненого Салавата домой, вместе с ним были арестованы около деревни Каратаул.

Это моя родная деревня. Из поколения в поколение передавались у нас рассказы о том, как пленили Салавата. Брат моей прабабушки, дед Шаймухамет Аюпов, никогда не читавший рапортов Аршеневского и протоколов допроса Салавата, рассказывал нам, малолеткам, как в начале зимы арестовали Салавата и на саних, связанного, везли через деревню к Юрюзани. Известен в деревне и Ракаев род. Братья Галсеевы были, видимо, родственниками Салавата. Не зря в преданиях Ракай упоминается его старшим братом: с добавлением слова «агай», что означает еще и «дядя». Ракаев род в деревне прекратился лишь во времена Великой Отечественной войны. Как-то незаметно и по разным причинам исчезли из деревни последние представители Ракаева рода. Еще записано предание от Х. Галимуллина из деревни Алькино Салаватского района [108. С. 144], который также утверждал, что Салават был арестован в каратавлинских лесах.

Рапорт Аршеневского Фрейману от 6 мая 1775 г. и протокол допроса Салавата в Уфе 5 мая 1775 г. почти совпадают по времени, но написаны они спустя полгода после пленения Салавата. Эти полгода не могли не изгладить из памяти подполковника Аршеневского детали ареста, названия деревень, даже произношение которых было, наверное, для него затруднительным.

На основании же рапорта Аршеневского И. Гвоздиков, известный исследователь жизни и деятельности Салавата Юлаева, во всех своих трудах местом ареста нашего национального героя называет деревню Миндиш, не считаясь с показаниями самого Салавата. Далее эта ошибка стала переходить из одного издания в другое, повторяться и другими авторами. Она попала даже, к сожалению, в «Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан» [16. С. 190] с подачи доктора исторических наук Н. Кулбахтина.

Салават же, напротив, знал и до конца дней своих помнил то место, где он потерял свободу, ибо случилось это неподалеку от родных мест, от родной Юрюзани у маленькой деревушки Каратаул, жители которой стали первыми свидетелями его неволи. Здесь он бывал много раз, и нет никаких оснований не верить ему в этом.

Как же все-таки пленили Салавата? Большинство народных преданий последним его убежищем называют пещеру. На территории Салаватского района их несколько, но для зимнего жилья, даже кратковременного, они непригодны. Их связывают

с именем Салавата скорее благодаря неприступности и таинственности. У нас и радугу называют «мостом Салавата». И еще, пожалуй, потому, что башкиры и прежде во время своих восстаний жен и детей своих в пещерах прятали, а скот загоняли в тесные долины между скалистых гор. Они рассказывали об этом ученому-путешественнику П. С. Палласу в 1770 г., еще до начала Крестьянской войны.

Летом, верно, женам и детям можно было в пещерах укрыться, но не в ноябре и не Салавату. Не таков башкир, тем более сын старшины, уважаемого в тех местах человека. Не будет он прятаться в холодной каменной норе, когда в любой деревне найдется хоть дальняя, но родня. Она обогреет, накормит и язык будет держать за зубами.

Царские войска обычно приходили со стороны заводов. Там на дорогах у Салавата были верные люди, они предупредили бы его. Да и подполковник И. Рылеев сразу после сражения у Катав-Ивановского завода ушел на Ай, видимо, в погоне за другими повстанцами. Но хитрый Муксин Абдусалямов обманул Салавата. Он знал, где примерно прячется Салават, и поэтому увел Аршеневского в сторону, в мишарскую деревню Шарипово, к людям, близким ему по нации. От них Муксин узнал и новые сведения о Салавате.

Сам Муксин и его брат Зямгур со следующей за ними командой поручика Лесковского нагрянули к вечеру в Миндиш и окружили деревню. Это случилось 24 ноября, как показано в рапорте Н. Аршеневского. События 24 ноября он связал с деревней Миндиш, а далее в этом же рапорте указано: «в лесу Салават Юлаев 25 числа пойман...». Другими словами, и Н. Аршеневский местом и временем непосредственно ареста указывает не 24 ноября и деревню Миндиш, а какой-то лес и 25 ноября. Это, по сути, согласуется и с показаниями самого Салавата: «...близ деревни Каратавлы, в лесу...».

Деревню Миндиш каратели окружили 24 ноября, но, воспользовавшись рано наступившей темнотой, Салават и четверо его товарищей ушли из окруженной деревни.

Но в какую сторону мог уйти Салават? Деревню Миндиш дугой охватывают заводы и заводские деревни. Симский завод, заводские деревни Орловка, Ерал, Карауловка, Усть-Катавский завод, здесь же Юрюзаньский и Катав-Ивановский заводы, расположившиеся на исконно башкирских землях. Они уничтожались Юлаем по указу Пугачева вплоть до октября 1774 г. По правому берегу Юрюзани пришли войска императрицы. Их путь был опасен для Салавата, следом за Лесковским могла идти основная часть команды Аршеневского. Единственная свободная сторона лежала

по левому берегу Юрюзани. Это были родные края Салавата и его товарищей. Туда вели и санные пути, а на дорогах беглецы рассчитывали затерять свои следы.

До деревни Каратавлы они доехали верхом. Там у родственников братьев Галеевых Салават и его спутники оставили коней и утром 25 ноября встали на лыжи, пытаясь сбить преследователей со следа, и пошли в ближайший лес. Здесь и настигли Салавата каратели – в этот же день 25 ноября в лесу недалеко от деревни Каратавлы. Снег был еще не глубок. Их кони с трудом, но шли.

Гонец поскакал в Шарип-аул, и через несколько часов в Калмак приехал Аршеневский. Переправляться через Юрюзань он, видимо, не решился: разлившаяся река опасно бурлила и свинцово отдавала холодом. Лесковский перевез на другой берег пленников. Так впервые встретились Аршеневский и Салават. В Калмаке состоялся и первый допрос Салавата. Протокол допроса и рапорт о поимке Салавата Аршеневский отправил генералу Фрейману. Фрейман тут же известил генералов А. В. Суворова и А. Д. Скалона о захвате в плен Салавата.

Кончился допрос, уехали каратели, связанного, на санях увезли Салавата. У коновязи дома, где все это было, сиротливо стояла лишь одна лошадь. Это был конь Салавата. Он терпеливо ждал хозяина, но тому не суждено уже было вернуться. В наступивших сумерках кто-то из местных жителей увел коня к себе, напоил, накормил его, расседлал, снял уздечку. Так в Калмак-ауле осталось седло Салавата, которое через много лет краевед-патриот Гариф Султанов передал в Башкирский краеведческий музей.

Подполковник Аршеневский и сам обратился к генералу-майору А. Д. Скалону рапортом от 30 ноября 1774 г.: «...По содержанию пойманного мною бунтовщика из башкир старшины Салаватки важно нужен и отец его, Юлай старшина, которого теперь пребывание в Челябине под видом покорения и взятия билета. Я имею одного, поймав представить главной команде».

Так оказались в неволе и сын, и отец. Их разными дорогами вывезли из родного Башкортостана в сторону Москвы, на следствие в Тайную экспедицию Сената. Их пути сошлись в Казани. Какой была эта встреча?

Легко ли видеть отца в неволе? Тяжело понимать, что отец попал в такую беду потому, что пошел за тобой?

Легко ли встретить в неволе сына? Мучительно осознавать, что не уберег своего сына, более того, пошел за ним, несмотря на свой богатый жизненный опыт, зная, что многие поколения предков, поднимаясь против власти империи, повидали столько бед?

Что они сказали друг другу? Не знаю. Могу только предположить, что обнялись, поддержали, ободрили друг друга. А как иначе могут поступить люди, близкие по крови, по духу, по вере?

Им еще предстояла дорога в Москву, допросы с пытками и принуждениями дать показания друг против друга. Ни сын ни отец не сказали ни слова во вред другому.

Впереди была еще обратная дорога из Москвы в Оренбург. И вновь допросы, очные ставки с бывшими соратниками по борьбе, унижения и отчаяние – ведь они были на свободе!

Потом Уфа. Этапный тракт. Тяжкий путь, который приведет к пепелищу родного дома. Но не радостная встреча родных будет там ждать, а унижения на глазах родственников, истязания кнутом. Бить будут и на заводах под одобрительный гул заводчан. Далее – вырывание ноздрей, клеймение каленым железом. Выжгут буквы на лице «В», «З», «У», означающие «вор», «злодей» и «убийца». Это будет вечное клеймо бунтовщика, означающее, что его место всегда в тюрьме или на каторге. Некоторым удавалось бежать с каторги. О таких беглецах А. Пушкин в своих стихах писал: «И башкирец безобразный...».

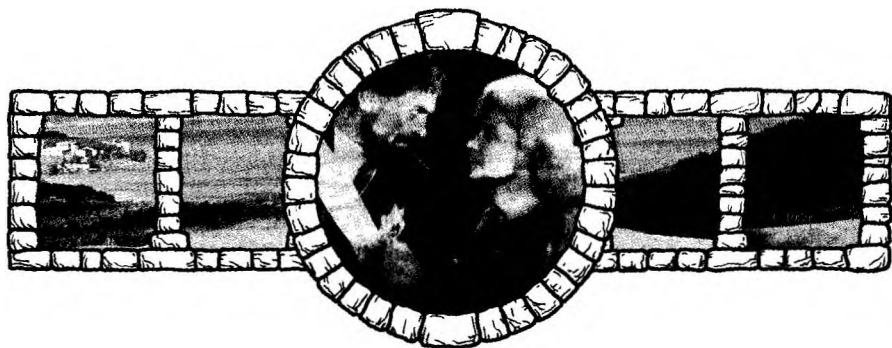
Дальше отец и сын пересекли всю страну, всю Российскую империю, увидели ее величие, мощь и силу. Их довели до берегов Балтийского моря. Они пришли в Балтийский порт – Рогервик. Кто их там встретил? Может быть, остался в живых кто-то из тех дошедших туда 116 башкир, 20 лет назад сосланных в Рогервик партией в 213 человек за участие в восстании 1755 – 1756 гг. Тогда 97 человек погибли в пути из-за жестокого обращения, холода и голода.

За 20 лет мужало каждое следующее поколение башкир, через 20 лет вспыхивало каждое последующее восстание, через 20 лет в Рогервик приходила очередная партия каторжников – на смену тем, кто ушел в мир иной в тяготах, мучениях и побоях, под окрики конвоиров и звон кандалный.

И отцу и сыну каторга была вечной. Это значит, им предстояло провести там всю оставшуюся жизнь. Сын прожил там около 26 лет, отец умер чуть раньше.

Глава 29

ПУГАЧЕВЩИНА В ГРИМАСАХ ИСТОРИИ

Во всяком государстве есть малые народы или хотя бы их осколки. Они инородцы и иноверцы в этом государстве, но живут на своей родной земле, имеют свою культуру, язык, религию. Земля этих народов бывает, как правило, богата полезными ископаемыми, а они ее не хотят уступать – это их родина, здесь могилы их отцов и дедов, привычная среда обитания. Поэтому малым народам в империи уготована одна судьба – они подлежат уничтожению. Не были исключением в этом плане ни Российская, ни Советская (СССР) империи. Уничтожая малые народы, в первую очередь наносили удар по их духовному богатству.

Вытеснялись и исчезали языки, выведенные из государственной жизни. Притеснялась религия путем насильственной христианизации или атеистической пропаганды. Высмеивались многовековые обычаи и традиции, представляемые пережитками прошлого.

Среди малых народов: башкир, татар, удмуртов, мари и других, весьма почитаем был жизненный опыт предков – дедов и отцов, история нации, другими словами. Вот поэтому в первую очередь подрубались корни нации, искажалась ее история, у народа отнимали его прошлое, его национальных героев, извращали смысл национально-освободительной борьбы.

Фальсификация истории – это инструмент геноцида. Как тут не вспомнить слова известного фашиста Геббельса, шефа пропаганды Гитлера: «Отними у народа историю – через поколение он превратится в толпу, а еще через поколение им можно управлять как стадом...».

С искажением истории уходит национальное самосознание, под громкими словами дружбы народов и интернационализма формируется национальный нигилизм – исчезновение национальных чувств. При этом стирается естественное стремление к самоуправлению, уничтожается чувство хозяина своей земли, убивается желание жить по своим обычаям и вере. Люди теряют национальное благородство.

Так случилось и с Национально-освободительной войной башкир, слившейся с восстанием яицких казаков под предводительством Е. Пугачева. Сегодня эту войну историки в своих книгах представляют нам Крестьянской войной 1773–1775 гг.

А какой считали эту войну раньше, до того как она стала «крестьянской»?

А. С. Пушкин, первый русский исследователь этой войны, назвал свой труд «Историей Пугачева». Говорят, что по требованию царя название было изменено и его книга вышла в свет в 1834 г. как «История пугачевского бунта». В конце XIX в. (1880) Ф. Нефедов писал о движении среди башкир перед Пугачевским бунтом [164]. Первый советский сборник материалов об этой войне вышел в 1926–1931 гг. под названием «Пугачевщина» [165].

В начале 30-х гг. XX в. И. Сталин, вскоре после убийства С. Кирова, опубликовал свою печально известную статью об обострении классовой борьбы как движущего фактора в развитии общества. После этой статьи и начались массовые репрессии 30-х гг. С тех пор в исторической науке воцарился классовый подход, а классовая борьба выдвинулась на передний фронт. Историки стали видеть классовую борьбу в каждом народном восстании. Если уж бунт никак не удавалось представить классовой борьбой, то восстание объявлялось реакционным, националистическим, религиозным и т. п. Такая же участь постигла и историю этой войны. Я буду называть ее Пугачевщиной. Это хорошее короткое название, отражающее ее суть и не содержащее ничего придуманного.

С 50-х гг. XX в. советские историки начинают активно разрабатывать Пугачевщину в рамках классового подхода, представляя ее классовой борьбой крестьянства против феодального гнета. Историки, служившие коммунистической партии, прекрасно понимали, что любой бунт XVIII в. в крепостной России нетрудно представить борьбой крестьян против феодалов-помещиков.

Переворот в оценке Пугачевщины произошел в 1961 г. с началом издания трехтомника В. Мавродина. Этот труд имел еще двойное название «Крестьянская война в России в 1773 – 1775 годах. Восстание Пугачева» [166]. Позже вторая часть названия в трудах историков исчезает, и Пугачевщина становится Крестьянской войной в России 1773–1775 гг.

В истории, как и в любой другой политизированной науке тех лет, царило единомыслие. Критика исключалась. Абсолютное большинство читателей принимало на веру все то, что писалось в книгах, печаталось в газетах и журналах.

Советское время прошло. В стройных рядах советских историков появились бреши, пробитые инакомыслящими. И от этого история стала вдруг очень интересной. Историческая литература стала популярнее фантастики, потеснила на прилавках даже детективы. Но этот интерес относился больше к истории, созданной инакомыслящими.

Основная же масса сегодняшних историков происходит из той, советской, идеологии. И книги их пишутся на базе все того же классового подхода. Они лишь убрали из предисловий ссылки на основополагающие идеи марксизма-ленинизма, а суть осталась та же. Не избежал этой участи и «Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан» [16], подготовленный в основном силами преподавателей учебных заведений, которые так и не смогли отойти от своих конспектов лекций 30-летней давности.

Так, наверное, уж сложен человек, что наибольший интерес у него вызывает история его малой родины. Она ближе ему, чем история мировой цивилизации. Вот и меня больше тянет к истории северо-востока Башкортостана, к прошлому народа, жившего на берегах Юрюзани и Ая, а это прошлое неразрывно связано с именем Салавата Юлаева, его борьбой, с Пугачевщиной в целом.

Ведущим авторитетом в области исследования борьбы нашего национального героя Салавата Юлаева считается И. Гвоздиков. Поэтому ее книга «Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева» не осталась без моего внимания [167].

Еще у прилавка книжного магазина, перелистывая книгу, я удивился обилию ссылок автора на другие источники. Буквально чуть ли не каждый абзац сопровождается ссылкой. Понятно, если автор хочет указать источник, откуда взяты те или иные исторические сведения, – ссылка необходима, но если даже обобщающие фразы заимствуются от других авторов, то что же собой представляет данная книга – труд И. Гвоздиковой или компиляцию книг на тему Пугачевщины?

Вот один из самых основных ее выводов: «Несмотря на значительный вклад яицких казаков, башкир и другого служилого населения в организацию восстания, его фундаментальной социальной силой стало крестьянство. Участие в восстании широких масс крестьянства, его реальные интересы, его место в общеисто-

рическом процессе превратили движение в крестьянскую войну, придали ей собственно антикрепостническую, антидворянскую направленность (с. 270)». Но оказывается, что это вовсе и не ее слова, а некоего М. Т. Белявского, опубликованные в «Вестнике МГУ» в далеком 1978 г. Вот так, в тиши московских кабинетов, «окрестьянивалась» эта война, а наши историки вот уже около 30 лет угодливо переписывают столичных идеологов.

Уже во введении автор откровенно пишет о той призме очков, через которую нам предстоит взглянуть на Пугачевщину: «Исходя из утвердившихся в современной исторической науке воззрений на классовую борьбу трудового народа против социального и национального угнетения, как на важнейшее явление в развитии общества (сталинский тезис. – *Р. В.*), в задачи данной работы входило изучение социально-политических мотивов массового стихийного выступления 1773 – 1775 гг., прямых требований и идейных представлений повстанцев».

Это классический пример штампа в виде «утвердившихся в современной исторической науке воззрений». Уж больше 50 лет как нет незабвенного Иосифа Виссарионовича, но идеи его настолько прочно вошли в сознание наших историков, что стали краеугольными камнями исторической науки. Рамки очерчены, осталось наполнить содержание «социально-политическими мотивами массового стихийного выступления». Не причины обуславливают следствие, а, исходя из заданных рамок утвердившегося мнения, отыскиваются причины. Мотивы подгоняются под эти рамки.

Точно так же искажается смысл борьбы башкир в этой войне. На передний план выставляется рост имущественного и социального неравенства в башкирском обществе, расслоение его на старшинскую верхушку и рядовых общинников, сопротивление трудовых масс засилью старшины. Пугачевское восстание представляют нам как протест трудовых масс башкирского народа, который якобы был направлен как против феодально-крепостнических порядков в стране, ущемления самоуправления башкир, религиозного неравенства, так и против всяческих притеснений со стороны феодализирующей старшинской верхушки, предавшей народные интересы и активно участвовавшей в карательных акциях против повстанцев. Итак, везде классовая борьба, гражданская война против феодально-крепостнических порядков.

Дескать, и не было никакого колониального гнета башкир, часто переходившего в ничем не прикрытый, циничный геноцид башкирского народа. А башкиры якобы воевали между собой, сами

сжигали свои деревни, вешали и рубили своих вождей, продавали в рабство женщин и детей.

Надо отдать должное автору за титанический труд по просмотру сотен, а может быть, и тысяч, первоисточников. Однако в книге мы не найдем и упоминания о тех, кто высказывал противоположные взгляды на Пугачевщину.

Так, в 1973 г. в Висбадене вышла работа Доротеи Петерс «Политические и общественные представления в повстанческом движении под руководством Пугачева», где она отмечает, что целью восставших башкир было изгнание всех русских из Башкирии. Салават Юлаев расценивается Петерс как руководитель не антифеодального, а национально-освободительного движения. В одной из глав она доказывает, что многие идеи Пугачева и его соратников были неприемлемы для рабочих горных заводов, а ведь это в основной массе приписанные к заводам крестьяне – те самые, кому историки определили быть «фундаментальной социальной силой» восстания.

И. Гвоздикова не могла не знать о работе Доротеи Петерс. Эта работа упоминается в краткой энциклопедии «Башкортостан» в разделе «Историография Башкортостана». Тогда почему же уважаемый историк не упоминает о ней? Видимо потому, что нет аргументов, чтобы ее опровергнуть.

Характер всякого восстания определяют его движущие силы. Кто же восстал? Насколько эта война была крестьянской? По крайней мере, на территории Оренбургской губернии – там, где она началась, куда входила и Башкирия?

В начале 70-х гг. XVIII в. в Оренбургской губернии, по мнению И. Гвоздиковой, наиболее многочисленными сословиями были крестьяне – 328,5 тысяч человек и башкиры – 200 тысяч человек (с. 39). Обратим внимание, число крестьян накануне войны превышало численность башкир более чем в 1,5 раза. А сколько же крестьян и сколько башкир восстало с Пугачевым? Конечно, напрямую практически невозможно указать эти цифры. Его войско постоянно менялось – как по численности, так и по национальному и сословному составу. Но есть другие количественные показатели, позволяющие судить о том, насколько многочисленна была представлена та или другая группа населения в войске Пугачева. В приложении к своей книге И. Гвоздикова приводит именной список повстанческих военачальников (с. 502 – 508).

Наиболее многочисленна здесь группа башкирских полковников, бригадиров и генералов – 44 человека, включая одного из двух генерал-фельдмаршалов Пугачева. Все остальные военачальники этого ранга: казаки, мишари, татары, калмыки, мари, русские,

взятые вместе, – 39 человек, а русских крестьян среди них всего 4 человека. Причем одного из четырех – П. Кузьмина, рудничного приказчика Воскресенского завода, крестьянином-то назвать нельзя. Он был одним из заводских управителей.

Итак, на 328,5 тысяч крестьян, живших в Оренбургской губернии, пришлось 3 полковника из русских крестьян и ни одного генерала, а на 200 тысяч башкир – 44 полковников и генералов, включая генерал-фельдмаршала. Как видно из этих цифр, русские крестьяне не проявляли особого рвения к участию в этой войне, чтобы считать эту войну Крестьянской.

Как правило, в армии Пугачева русским крестьянским отрядом командовал русский полковник, башкирами – башкир, мишарским отрядом – мишар, марийским – мариец, а казачьим – казак. Это было связано с необходимостью знания языка бойцов отряда. Многие из восставших знали лишь свой родной язык. Бойцы больше доверяли командиру своей национальности, даже в условиях войны они стремились соблюдать свои обычаи и религиозные обряды.

Конечно, к каждому отряду примыкали и люди иной нации, но это были временные бойцы. Коммунистическая идеология пыталась сделать эти отряды интернациональными, но факты и исторические документы говорят об обратном. Так, отряд Салавата Юлаева после 23 марта 1774 г. состоял из одних башкир [118. С. 254 – 255], а казачий отряд – из казаков [118. С. 238 – 240]. Конечно, главным полковникам подчинялись несколько отрядов, иногда различных национальностей.

Полковник командовал отрядом свыше 500 человек. Отсюда можно сделать приблизительный подсчет: 44 башкирских полковника имели под началом больше 22 тысяч башкир, 36 полковников остальных нерусских национальностей – вместе около 18 тысяч бойцов, 3 полковника из русских крестьян – 1,5 тысячи человек. Это, конечно, приблизительный подсчет, но соотношение воинской силы в армии Пугачева он показывает.

Подсчет может быть уточнен. Как заявляет сама Гвоздикова, ее список полковников не претендует на полноту (с. 502). С. Таймасов считает, что в армии Пугачева было 86 башкирских полковников и генералов, что даст около 43 000 башкир, участвовавших в этой войне.

История сохранила и другие количественные показатели. Так, на допросе в Яицкой секретной комиссии сам Пугачев показал, что после июньских 1774 г. боев с Михельсоном он провел в Башкирии около недели, где набрал «башкирцов тысяч десять и несколько заводских крестьян, и пошел на Красноуфимскую крепость» [168].

Эти слова Пугачева довольно красноречивы – «башкирцов тысяч десять и несколько завоцких крестьян». Благодаря этим нескольким крестьянам наши историки пытаются нас убедить, что Пугачев-де руководил «Крестьянской войной».

Учитывая все это, можно утверждать, что на территории Оренбургской губернии, в Башкирии, основной движущей силой восстания было служилое (военное) население, и в первую очередь башкиры. Сама война никак не получается крестьянской.

И. Гвоздикова, без каких-либо подсчетов, пусть даже приблизительных, дает следующий расклад движущих сил восстания (с. 496): 10 – 11 тысяч казаков, 5 тысяч мишарей и служилых татар, 2 тысячи калмыков, 50 тысяч башкир и 60 – 80 тысяч крестьян. Приведенные цифры, как она пишет, «вполне согласуются с утвердившимся в исторической науке определением массового вооруженного выступления под предводительством Е. И. Пугачева как крестьянской войны».

Такие цифры действительно согласуются с надуманным «крестьянским» характером этой войны, но противоречат национальному составу военачальников и высказываниям самого Пугачева о национальном составе войска.

Настаивая на том, что с первых месяцев Пугачевского восстания «оно было крестьянским, но с большим военным потенциалом, придаваемым ему участием служилого населения», И. Гвоздикова далее пишет: «Перекинувшись на территорию Симбирской, Казанской, других поволжских губерний, народное движение затронуло там огромные массы крестьянского населения страны, и крестьяне стали уже основной и активной действующей силой восстания» (с. 496).

Получается, по И. Гвоздиковой, что 60 – 80 тысяч человек, или «огромная масса крестьянского населения страны», была с Пугачевым в Поволжье, но книга-то посвящена событиям в Башкортостане, где сословный и национальный состав повстанцев был совсем иным.

С точки зрения движущих сил Пугачевщины, этот последний ее этап особенно показателен. После взятия повстанцами Осы 21 июня 1774 г. Главное войско во главе с Пугачевым переправилось через Каму и двинулось на Казань. Основная масса башкир, в том числе и Салават Юлаев, за Каму не пошла. Остались в Башкирии и многие другие знатные башкиры. За Камой им делать было нечего. Они воевали за свою землю, за свои права.

С Пугачевым на Казань пошел лишь отряд под командованием Юламана Кушаева. Известно, что этот отряд в сражениях под Казанью шел впереди пугачевского войска. После битвы за Казань

12 – 15 июля почти все башкиры вернулись в Башкирию. С Пугачевым остался лишь Кинзя Арсланов с небольшой группой башкир.

Пугачев после Казани действительно двинулся на Москву, как и обещал своим соратникам. Он думал, что это будет победное шествие, многотысячная крестьянская армия возведет его на престол. Но, увы, с уходом башкир и казаков его армия превратилась в толпу плохо вооруженных и совсем не организованных крестьян. Пугачев быстро понял свою ошибку, но было уже поздно. В Башкирию он вернуться не мог. Подтянутые к Казани войска императрицы отсекли Ново-Московскую дорогу и перекрыли путь в Башкирию. Пугачев раздумал идти на Москву и, переправившись через Волгу у Кокшайска, двинулся на Дон, рассчитывая поднять донских казаков.

Это было, по существу, бегством. Он уходил от регулярных войск, избегая сражений. И. Гвоздиков же совсем в иных красках описывает этот поход: «Но тысяча воинов Пугачева в который раз стала разрастаться, пополняемая новым притоком сил восстания. Народное движение охватило Казанскую и Нижегородскую губернии, смежные с ними уезды Московской и Воронежской губерний, в начале августа повстанческая армия вступила в пределы Астраханской губернии». Все хорошо, куда уж лучше! Только до железной клетки Пугачеву оставались считанные дни.

Вот на этом этапе, после Казани, после возвращения башкир и казаков на родину, армия Пугачева действительно стала крестьянской. К ней примкнули банды беглых крестьян, разбойничавших на Волге и в поволжских степях. Это был уже другой народ, другое войско и даже уже совсем не войско.

В Башкирии и в Оренбуржье за Пугачевым шло служилое население, военное сословие – в основном башкиры и казаки. Это были кавалерийские отряды, имеющие военную выучку, дисциплину и оружие, вплоть до пушек, главное – умеющие воевать. В Поволжье же крестьянская армия Пугачева представляла собой совсем иное. За ним шли толпы некогда мирного населения, вооруженного чем попало: топорами, косами, вилами. Эта армия не отличалась дисциплиной, не имела ни опыта боевых действий, ни конницы, ни артиллерии. Это было уже не войско, а большая банда.

Судьба этой крестьянской «армии» оказалась трагичной. Она просуществовала немногим больше одного месяца. Хоть «армия» Пугачева в этот короткий период и была действительно крестьянской, но Крестьянской войны не было и здесь. Эта армия не воевала – она бежала на юг, грабя по пути помещичьи усадьбы и захватывая мирные города. Под Царицыным Михельсон догнал

Пугачева, и в первом же сражении 25 августа 1774 г. крестьянское «войско» перестало существовать. Толпы крестьян разбежались. Из них впоследствии вновь сформировались банды, грабившие купцов в Среднем и Нижнем Поволжье.

Уход из Башкирии, опора на крестьян и привели Пугачева к столь быстрой трагической развязке. Его арестовали и сдали властям недавние его соратники. Он был доставлен в Москву под крепким караулом, а башкиры боролись еще почти год – до лета следующего 1775 г. Окончательным разгромом и поимкой Пугачева руководил А. В. Суворов. «Среди Большого Узенья, – вспоминал великий полководец в автобиографии 1790 г., – я тотчас разделил партии, чтоб его ловить, но известился, что его уральцы, усмотря сближения наши, от страху связали...» Как победитель, с радостью взялся он конвоировать Пугачева в Москву. А. В. Суворов писал П. Панину: «Ежели пожелать соизволите Е. Пугачева из Сызрана мне препроводить далее, я охотно то на себя принимаю ...»

Цифры упрямы. Они не подвластны мнениям историков, представляющих события в том или ином свете, угодном той или иной власти или идеологии. Если 44 башкирских полковника (а по С. Таймасову – 86) пришлось на 200 тысяч башкирского населения, а 3 крестьянских полковника на 328,5 тысяч крестьян, если в Башкортостане война шла почти 2 года, а крестьянское войско в Поволжье просуществовало чуть больше 1 месяца, то как эта война может быть «крестьянской»? Это была Национально-освободительная война башкир, объединившаяся с восстанием казаков. К ней примкнули и другие народы, населявшие Башкирию. У каждого народа были свои причины, побудившие его встать в ряды пугачевцев.

Надо сказать, что изобретение наших историков в виде «Крестьянской войны» – это нонсенс, то есть явление несуществующее. Крестьянских войн вообще не бывает. Воюют регулярные воинские части, состоящие из военных сословий. Для того времени это дворяне, солдаты, наемные офицеры-иностранцы, казаки и башкиры. Они имели вооружение, обладали соответствующей выучкой, подчинялись военной дисциплине, несли регулярную военную службу. Крестьяне ничем этим не обладали и воевать не могли. Всякое их стихийное вооруженное выступление являлось не более чем бунтом, а никак не войной. Бунты, как правило, кратковременны и легко подавляются регулярными частями. Это надо бы учитывать нашим историкам при написании трудов о крестьянских выступлениях.

А какой была эта война для башкир? Действительно ли борьбой рядовых вотчинников против засилья «феодализирующей стар-

шинской верхушки»? Было ли башкирское общество расслоенным на бедных общинников и богатых старшин? О чем говорят цифры?

В середине XVIII в., с временным прекращением внешних войн, императрица Екатерина II обратила свои заботы на экономику государства. Это дало повод ее приближенным устроить в России Вольное экономическое общество. Организаторы этого общества начали с того, что разослали по всем губерниям России запросы о состоянии экономики и просили людей просвещенных, проживающих там, ответить на них. От Оренбургской губернии, в которую входила Башкирия, прислал свои «Ответы» П. И. Рычков [169].

Он писал о башкирах: «Главная их экономия состоит в содержании конских заводов и бортевых пчел и в том они весьма прилежны и искусны». Среди башкир много семейств имели по пятьсот, а некоторые по тысяче бортей. Один человек справлялся с двумястами бортей. Большая часть башкир не нанимали себе работников, трудились всей семьей, не исключая глубоких старцев.

Оренбургская губернская канцелярия сообщала в центр: «Из продуктов их собственных за самой лучшей и для государства потребнейшей, можно было б почесть их, башкирских лошадей, которых они по великому пространству и привольству земель своих и угодий, содержат по немалому числу, так что у многих башкирцов (многих! – *Р. В.*) в конных их заводах содержится кобыл по тысяче и больше ...». Если сюда добавить приплод, молодняк, то получим 2 000 – 3 000 голов. В известной «Топографии Оренбургской губернии» [100. С. 148] П. И. Рычков указывает и цену башкирской лошади – от 30 до 50 рублей и выше.

По данным Георги, рядовой общинник имел 30 – 50 лошадей, зажиточный – 500; богатые башкиры имели более 2 000 лошадей и крупного рогатого скота вполтину против лошадей [129]. П. Рычков также называет среднюю цифру в 300 – 400 кобыл, или, с учетом молодняка, получаем 600 – 800 голов.

Возьмем для расчетов среднюю цифру 500 голов у уважаемого зажиточного башкира. В денежном выражении 500 х 40 рублей = 20 000 рублей – состояние среднего башкира, создаваемое лишь конским поголовьем. А как же «феодализирующаяся старшинская верхушка», нещадно эксплуатирующая рядовых башкир вотчинников? Каким состоянием она владела? Возьмем, к примеру, Юлая Азналина, отца Салавата Юлаева.

Будучи уже арестованным, на допросе в Тайной экспедиции Сената 25 февраля 1775 г. Юлай рассказал, что когда он был в Челябинске с повинной, отряд подполковника Аршеневского

ограбил его имение: «причем весь скот его лошадей с 50, также коров и мелкого скота немалое число взято». Жену его били, и она выдала 600 рублей серебряной монетой, старинных серебряных монет на 15 рублей, медных 15 рублей, три лисицы – одна в 30 рублей, а две по 3 рубля.

Если сравнить состояние Юлая по лошадям и деньгам с делением башкир, по данным Георги, на рядовых общинников, зажиточных и богатых, то получается, что Юлай – один из авторитетнейших башкирских старшин, был немногим богаче рядового башкира-вотчинника.

Конечно, в каждой волости было несколько бедных семей. Старшина как глава рода по законам родства, очень почитаемым башкирами, обязан был поддерживать их. Естественно, большей частью давал в долг. Причем он не требовал возврата долга деньгами, а договаривался с должником об отработке. Иногда старшина давал бедным родственникам скотину в пользование, что называлось *хауын*.

Но основная масса башкир в мирное время жила зажиточно. Сегодняшним башкирам, живущим в сельской местности, и в сказочном сне не приснятся те 30–50 голов лошадей, 10–15 коров, много овец и «великое пространство с привольем земель и угодий».

Однако вернемся к старшинам-эксплуататорам. Характерным примером таковых называют известного башкирского тархана, старшину Кыдрыса Муллакаева – человека весьма образованного, собиравшего древние рукописи, знавшего историю башкирского народа. И народ им был недоволен и требовал убрать его с должности, и наемных работников он держал, и дети наймитов его скот пасли – феодал, эксплуататор, одним словом. Вот только почему он оказался полковником в войске Пугачева наряду с Кинзей Арслановым? Случаен ли он там? Кто же возглавлял отряды башкир в войске Пугачева? Каков он, социальный облик пугачевского военачальника башкирской национальности?

Из 44 полковников и генералов 26 человек были из так называемой «феодализирующей старшинской верхушки»: тарханы, старшины, их дети, сотники, муллы – около 60 %. И. Гвоздикова отметила, что ее список военачальников Пугачева не может претендовать на полноту. Изучением их занимался С. Таймасов [115]. Он пишет: «Из 192 башкирских старшин 170 боролись против царского режима». Его список башкирских военачальников Пугачева включает 86 полковников и генералов. Из них «феодализирующая старшинская верхушка» составляет 70 человек, или 81 % от общего числа. Против кого же они

воевали? Против самих себя? Именно в этом нас пытается убедить И. Гвоздиков.

В башкирских родах управлял обычно самый авторитетный, знатный, состоятельный человек. Только под началом таких людей башкиры шли на исполнению своих воинских обязанностей, ему доверяли сбор ясака, общение с администрацией края. Он же был для них практически единственным судьей. История показывает, что во всех башкирских восстаниях, начиная со времен Ивана Грозного и до Пугачева, какими бы эти восстания историками не показывались, башкирские отряды возглавляли знатные, авторитетные, состоятельные башкиры: тарханы, батыры, муллы, ахуны, старшины, сотники. Это, если хотите, менталитет, характерная черта башкирского народа. Так было и во время Пугачевщины, как бы историки ни пытались поставить рядовых башкир и знать по разную сторону баррикад классовой борьбы. И у рядовых вотчинников, и у старшин были единые цели и задачи национально-освободительной борьбы.

Конечно, не одни только башкиры испытывали на себе тяготы колониального гнета. Царское самодержавие укрепляло свои позиции по всей юго-восточной границе. А на этой границе, кроме башкир, несли свою службу и яицкие казаки. Их предки, некогда бежавшие с Руси старообрядцы, осели на берегах Яика большой колонией, жили по своим обычаям и вере. Со временем на Яик потянулись беглые крепостные крестьяне, разорившиеся купцы, беглые рабочие с уральских заводов, обнищавшие и «потерявшиеся» башкиры, татары, калмыки. Яицкие казаки привозили из своих походов пленных, которые приживались между ними. Среди яицких казаков встречались персы, арабы, дети башкир, казненных за участие в Национально-освободительной войне 1735–1740 гг.

В течение нескольких веков сложился их своеобразный жизненный уклад, в основе которого лежала вольность, самоуправление и свобода вероисповедания. Казаки, как и башкиры, не подлежали закрепощению. Они владели землями по берегам Яика, но главной их вотчиной была сама река, от которой они кормились рыболовством. От продажи рыбы и икры они имели хорошие деньги. Пахотных земель у яицких казаков было мало, поэтому они не делили ее на отдельные вотчины.

Яицкое казачье войско управлялось кругом – съездом казаков, на котором они избирали войскового атамана, полковников и старшин. На службу они не призывали рекрутов, а нанимали тех, кто хотел служить за деньги. Другими словами, те, кто не хотел служить, платили деньги тем казакам, которые шли на службу.

К 70-м гг. XVIII в. Яицкое казачье войско состояло из 7 полков по 500 человек рядовых при 8 начальниках. Царская Военная коллегия, реформируя армию, стала вводить в Яицкое войско «регулярство» – порядки регулярной армии. Но казаки в большинстве своем не приняли этих порядков, воспротивились и стали защищать жалованные от прежних государей привилегии и обряды, из-за чего и произошел между ними раскол. Яицкие казаки не подчинились указу Военной коллегии от 15 декабря 1765 г., разрешавшему войсковому атаману определять полковников и старшин без избрания их на круге. Собравшись на круг, яицкие казаки заявили, что будут выбирать как атамана, так и полковников, старшин из тех, кого пожелают. Они потребовали выплаты жалованья, которого не получали пять лет: с 1766 по 1771 г.

Естественно, такие действия яицких казаков не остались без внимания царских властей. На казаков двинулись карательные отряды, и 13 января 1772 г. каратели открыли огонь по казачьему шествию. Было убито около 100 человек. Тогда и завязалось первое сражение, принесшее казакам победу. Более пяти месяцев они удерживали власть в своей округе, переизбрали старшин, объявили свободу крепостным крестьянам, некоторых тут же приняли в казаки. Горячие головы призывали двинуться на Москву, поднимая по пути крестьян и казаков. В Яицкий городок свозились запасы продовольствия, пушки и боеприпасы.

Понимая, что яицкие казаки представляют собой немалую, хорошо организованную и вооруженную силу, губернатор Рейнсдорп отложил выступление карательных войск до мая 1772 г., когда казаки отправятся на рыбную ловлю – свой главный кормящий промысел. На подавление восстания казаков подошли и воинские части из Москвы под командованием генерал-майора Ф. Фреймана.

В конце мая Фрейман выступил из крепости Рассыпной. Под его началом было около 8,5 тысяч солдат регулярной армии, более одной тысячи оренбургских казаков и калмыков с артиллерией, насчитывавшей 20 пушек.

Навстречу Фрейману вышел казачий отряд в 3 тысячи человек. В 60 верстах от Яицкого городка состоялось сражение. Фрейману удалось одержать победу, и казаки бежали в свою столицу, а там решили уходить дальше – к Гурьеву и Астрахани. Но быстро собраться и уехать смогли немногие казаки. Вскоре, 6 июня 1772 г., каратели вошли в Яицкий городок. Восстание было подавлено.

Власти нанесли главный удар по казачьей вольности. Екатерина II своим письмом в адрес губернатора запретила казачий круг и выборность, покончила с войсковой канцелярией и наймом рек-

рутов. Во главе Казачьего войска был поставлен комендант И. Симонов.

В Оренбург вскоре прибыла правительственная следственная комиссия, в результате работы которой был составлен проект приговора Военной коллегии, утвержденный затем императрицей Екатериной II.

Главные возмутители – 16 человек – были приговорены к наказанию кнутом и ссылке на Нерчинские заводы, 38 – также к наказанию кнутом и ссылке на поселение, 6 – отправлены на фронты русско-турецкой войны, 25 – переведены в солдаты регулярной армии.

Так закончилось покушение российских правителей на вольность яицкого казачества и попытка казаков отстоять свой многовековой уклад жизни. Но это было лишь прелюдией...

Исполнение приговора и публичная порка кнутом казаков были произведены в Яицком городке 10 июня 1773 г. Скрипели зубы, слышался стон, но их перекрывали хриплые проклятья и обещания вернуться и поквитаться. Императрице Екатерине II, ее чиновникам и генералам не удалось сломить яицких казаков. Это был крепкий духом, твердый в своей старой вере народ, который не уступил императрице даже такой малой детали своей культуры, как право служилых мужчин носить бороду. Они были готовы на любые жертвы ради исполнения своих традиционных обычаев и обрядов.

Сила духа этих людей, казалось, разнеслась над великими российскими просторами. Сюда, на Яик, стали стекаться беглые каторжники, замученные тяжелым трудом рабочие уральских заводов, забитые помещиками крепостные крестьяне, волжские бурлаки и покинувшие родину башкиры, бежавшие от казней за прошлые восстания. Шепотом разносился слух, что император Петр III жив, что он здесь, на Урале, кто-то видел его, вот он явится и покажет этой подлой немке Екатерине кузькину мать.

И он пришел в образе Емельяна Пугачева, такого же раскольника-старовера, который всего через три месяца после публичной порки казаков явился туда же – к Яицкому городку. Он направил 17 сентября 1773 г. в столицу яицких казаков свой манифест, в котором писал: «...я государь Петр Федарович, во всех винах прощаю и жалуюю я вас: рякою с вершин и до устья и землею, и травами, и денежным жалованьем, и свинцом, и порохом, и хлебным провiantом».

Что еще нужно было яицким казакам? Здесь и прощение вины за восстание, и их родная кормилица – река – от вершины до устья, и земли, и сенокосы, и жалованье, которое императрица Екатерина II

так и не заплатила им за 5-летнюю службу, и свинец, и порох, и хлеб, которого им всегда не хватало.

И вновь вспыхнуло яицкое казачество. Через 2–3 недели Пугачев уже во главе трехтысячного войска атаковал губернский центр Оренбург.

Губернатор Рейнсдорп имел немалые вооруженные силы в городе, но навстречу самозванцу их не выставил, не стал рисковать, предпочитая отразить Пугачева инородческими командами. По деревням башкир и мишарей поскакали посланцы с указами Рейнсдорпа о срочной высылке команд на подавление самозванца.

Такой указ получил и Юлай Азналин, а его сын Салават Юлаев возглавил один из отрядов в 90 человек, вышедший из Шайтан-Кудейской волости.

Итак, зачинателями так называемой Крестьянской войны 1773 – 1775 гг. выступили яицкие казаки. Вот это военное сословие и было главной движущей силой Пугачевщины на первом, начальном этапе восстания. Участие крестьян лишь предполагалось в заявлениях Пугачева накануне восстания: «...он с войском следовать будет в Русь, которая-де вся к нему пристанет» (показания М. А. Кожевникова 11.09.1773 г. в Яицкой канцелярии). Однако до Руси еще было далеко, и до крестьян – тоже.

Оренбургский губернатор Рейнсдорп называл Пугачева раскольников, иными словами старовером. Так ли это было? Во всяком случае он внешне очень походил на старовера: имел окладистую бороду, был стрижен «под горшок». Всем своим обликом он старался походить на яицких казаков, потомственных староверов. Пугачев без жалости казнил священнослужителей православной церкви, старых врагов староверов. Но, объявившись вскоре после начала восстания царем Петром III, Пугачев противопоставил себя староверам, ибо царская власть вместе с попами была им глубоко ненавистна. Поэтому яицкие казаки, в основной своей массе, после первых же поражений Пугачева покинули его и вернулись в свои дома. Когда самозванец бежал в Башкирию, с ним были лишь 500 человек, отнюдь не казацкого происхождения.

Вскоре после начала восстания, Пугачев своим указом № 6 от 01.10.1773 г. обратился к «башкирским моим областям, старшине и деревенским старикам» с приветствием. Отметим, Пугачев башкир знал и в первую очередь обратился с приветствием к старшинам. «Точно верьте, – говорил он, – вначале бог, а потом на земле я сам, властительный ваш государь». Пугачев требовал одного – признать в нем царя. Со своей стороны он обещал башкирам: «...отныне я вас жалую землями, водами, лесами,

рыбными ловлями, жилищами, покосами и с морями, хлебом, верою и законом вашим, посевом, телом, пропитанием, рубашками, жалованьем, свинцом, порохом, и провиантом, словом всем тем, что вы желаете во всю жизнь вашу. И бутте подобны степным зверям».

И вновь на изломе истории башкирам, как и яицким казакам, обещан утерянный уже национальный суверенитет: и самоуправление, и земли, и реки, и свободная вера, и свои законы, и огнестрельное оружие, и воля, наподобие степных зверей. Вот здесь переплелись интересы казачества и башкир. Вот почему башкиры присоединились к восставшим казакам.

Отметим, что в истории башкирских восстаний это случилось не в первый раз. Алдаровское восстание башкир в 1708 г. совпало с восстанием донских казаков К. Булавина. Булавины неоднократно пытались прорваться на соединение к восставшим башкирам, видя в них реальную силу, но им это не удалось.

Однако вернемся к Пугачеву. Ему не нужны были ни бедные крестьяне, ни классовая борьба. В этом смысле показателен его Манифест, объявленный во всенародное известие от декабря 1773 г.: «Кто не повинуется и противится: бояр, генерал, майор, капитан и иные – голову рубить, имение взять. Если есть имущество, привезите царю: обоз, лошади и разное оружие доставьте царю, другие пожитки раздайте армейским людям. В одно время они вас объедали, лишали моих рабов воли и свободы, сейчас вы их рубите, но если не подчиняются. Кто повинуется, тот не противник, того не трогайте».

Так Пугачев разделил население не на бедных и богатых, угнетенных и угнетателей, как пишут наши историки, а на тех, кто признал в нем царя, и тех, кто не признал.

В начале восстания, 5 октября 1773 г., когда Пугачев подошел к Оренбургу, его отряд состоял из 2 500 бойцов: казаков, солдат, башкир, татар при 20 пушках. В конце года в Бердском лагере было 25 тысяч повстанцев, из них башкир – 10 тысяч конников [16. С. 297]. Никаких крестьян там не было и никакой классовой борьбы – повстанцы осадили Оренбург, город, против строительства которого башкиры воевали 6 лет – с 1735 по 1740 гг., потеряв половину нации; город, который был олицетворением царской власти, столь ненавистной яицким казакам, жаждущим также своего суверенитета.

В апреле 1774 г. Пугачев, после крупных поражений под Оренбургом, пошел в горно-лесную зону Башкирии. В первых числах апреля он имел отряд всего из 500 человек, а к середине мая располагал уже 10 – 12-тысячным войском, наполовину (6 тысяч)

состоящим из башкир. Однако 21 мая Пугачев потерпел поражение от Деколонга, а 23 мая под деревней Лягушино – от Михельсона. Он потерял весь обоз, почти всю повстанческую армию.

С конца мая 1774 г. Пугачев, по сути, становится во главе Национально-освободительной войны башкир: 31 мая он занимает Златоустовский завод, а через 2 дня – Саткинский. Жителей завода он изгнал, строения сжег. Стремясь в очередной раз пополнить свою армию башкирами, Пугачев пошел на Ай, на соединение с Салаватом Юлаевым.

Они встретились 2 июня около деревни Лагыр, где располагался лагерь Салавата. По признанию Пугачева, Салават привел башкирскую конницу в 3 000 всадников. На следующий день в бою против Михельсона было уже 3 500 человек. По сути, в этом бою, длившемся три дня, Пугачев командовал башкирским войском. Лишь незначительная часть его отряда состояла из близких к Пугачеву казаков и бойцов других национальностей. Отметим, что 5 июня Пугачев, удовлетворенный исходом боев, присвоил Салавату Юлаеву чин бригадира. Впервые царские войска, во главе с лучшим командиром Михельсоном, не смогли его одолеть. Башкиры Салавата успешно противостояли отлично вооруженным, хорошо подготовленным регулярным частям.

Конечно, Пугачев понимал, за что воюют башкиры. Поэтому, уходя из Башкирии, он, желая еще больше раздуть пламя национально-освободительной борьбы башкир, издал 2 мая 1774 г. указ, повелевающий башкирам сжечь заводы, построенные на их землях, и выслать русских в Кунгурский уезд. Какая уж тут классовая борьба?

Судьба другого «острого угла» в жизни Башкирии – религиозных противоречий – в книге И. Гвоздиковой и вовсе уведена в сторону. В разделе, посвященному религиозному движению, не нашлось места описанию притеснений мусульман со стороны царской администрации. В России, особенно в Башкирии, мусульманская религия преследовалась законодательно. Указом от 16 мая 1681 г. официально провозглашалась насильственная христианизация, что явилось одной из причин Сеитовского восстания башкир (1681 – 1684 гг.). С начала XVIII в. власти, столкнувшись с вооруженным отпором, стали проводить христианизацию более осторожно и изощренно. Принявшим крещение давались различные льготы, они освобождались от податей, не призывались в рекруты, им выделялись деньги.

Одновременно ломались мечети, не допускалось строительство новых медресе и мечетей (Сенатские указы от 22 февраля 1744 г. и 22 июня 1744 г.). Не допускалось строительство мечетей там, где

поселялись русские или иные крещенные иноверцы. Ограничивалось число духовных лиц. Так, на всю Башкирию было оставлено 4 ахуна, по одному на каждую дорогу.

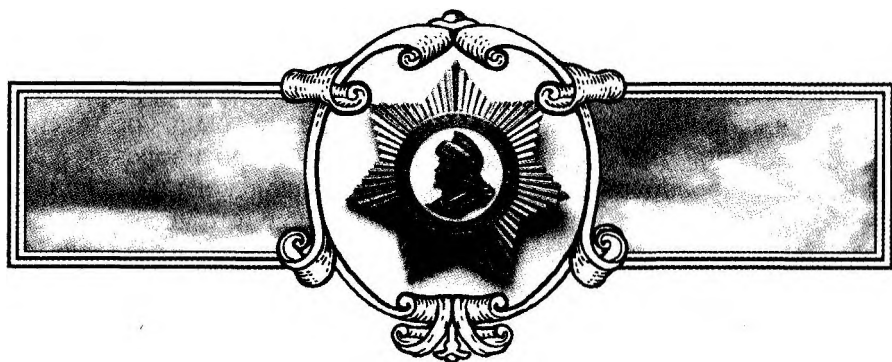
К сожалению, эти острые противоречия были обойдены И. Гвоздиковой. Вместо них из религиозных противоречий указывается старообрядчество среди казаков, заводского населения и попытка муллы Мурата Ишапова создать новую общечеловеческую религию на основе ислама. Этим автор уводит читателя от реальных религиозных противоречий, обусловивших национально-освободительную борьбу башкир, выставляет на первый план не главное, а второстепенное, не затрагивающее межнациональных и межконфессиональных противостояний. Исследовать, выявлять эти противоречия вовсе не означает обострять их, а, наоборот, это может помочь в будущем избежать подобных конфликтов.

Конечно, действия историков по «окрестьяниванию» восстания под предводительством Пугачева не случайны. Новые веяния настоящего времени позволили раздвинуть бывшие идеологические шоры. Появились труды башкирских историков и писателей, в которых эта война обрела, наконец, свое истинное, национально-освободительное лицо. Я имею в виду книги С. Таймасова, М. Идельбаева, А. Багуманова, Я. Хамматова. Выше я упоминал о сочинениях Д. Петерс.

Но, видимо, историкам старшего поколения трудно освободиться от былых идеологических установок, касающихся классовой борьбы и ведущей роли «старшего брата» в лице русского народа во всех прогрессивных свершениях на территории России. Это поколение историков еще диктует свое мнение и Национально-освободительная война башкир 1773–1774 гг., слившаяся с восстанием казаков под предводительством Е. Пугачева, все еще называется «Крестьянской войной».

Как видим, суть ведь не только в названии, а в попытках любыми способами доказать крестьянский характер этой войны. И это – не простой анахронизм, а сознательное искажение священной для башкир национально-освободительной борьбы, в которой сложили головы десятки тысяч лучших сынов башкирского народа. Пора понять, что такое искажение – это глумление над их памятью.

Послесловие

Каждый народ внес свой вклад в развитие человечества. Одни народы строили пирамиды, другие изобрели письменность, а третьи не достигли никаких высот и канули в вечность, не оставив после себя ничего. На страницах этой книги я попытался нарисовать этюды прошлой жизни башкирского и соседних с ним уральских и поволжских народов, останавливаясь на наиболее драматичных моментах их истории.

В заключение я бы хотел отметить исключительную уникальность башкирской истории, потрясающей воображение. Она начинается с первобытно-общинного строя, с каменного века, и повествуется самим народом в башкирском эпосе «Урал-батыр». Его по праву следует отнести к шедеврам мировой литературы. Ему нет равных в мире. Ни одно произведение народного творчества или отдельного автора не содержит столь древнего описания жизни человека, сделанного с натуры. Известные поэмы Гомера, аналогичного содержания, были сочинены в VII в. до н. э., когда человечество уже знало металлы.

Каменный век сменился эпохой меди и бронзы, за которой последовал век золотой. Обо всем этом рассказывает башкирский эпос «Урал-батыр», и главное — его строки вполне согласуются как с археологическими сведениями, так и перекликаются с более поздними священными писаниями: Библией и «Авестой».

Эпос «Урал-батыр», сообщения «отца истории» Геродота о предках древних башкир — аргиппеях, археологические памятники неопровержимо доказывают зарождение башкирского народа на Урале в эпоху каменного века. И что самое удивительное, народ помнит те времена, поет об этом в своих кубаирах.

Ни один другой народ не знает своей истории, начиная с каменного века, с первобытно-общинного строя, когда люди питались сырым мясом, раздирая дичь на куски. Даже Древний Египет не может сравниться по древности своей истории с Башкортостаном. Египтяне не знают своей истории в первобытную эпоху, несмотря на более раннее зарождение письменности. Как видим, человеческая память оказалась наиболее долговечным носителем информации.

В 2010 г. исполняется 100 лет со времени записи эпоса «Урал-батыр». Мухаметша Бурангулов в 1910 г. записал этот эпос, будучи в гостях у Габит-сэсэна в деревне Идрис Оренбургской губернии 2-й Бурзянской волости (ныне Баймакский район РБ) и у популярного уже тогда Хамита Альмухаметова. От него же М. Бурангулов послушал и занес в свою тетрадь песню «Урал» и кубаир «Карас и Карасакал».

Эпос «Урал-батыр» известен и популярен в среде тюркских народов. Об этом свидетельствует внимание тюркских ученых к научным конференциям и симпозиумам, посвященным этому произведению. Значение эпоса «Урал-батыр» для изучения истории и духовного мира тюркских и арийских народов столь велико, что юбилейные торжества по случаю 100-летия со времени его записи заслуживают проведения их под эгидой ЮНЕСКО и при участии таких международных организаций, как ТЮРКСОЙ, Финно-угорское общество и др.

Есть необходимость вернуться еще раз к обращению ученых с просьбой об увековечении памяти исполнителей и собирателей эпоса – сэсэнов Габита, Хамита и Мухаметши в едином монументальном комплексе с героями народного произведения: Урал-батыром, Шульгеном, Хумай, их сыновьями и другими персонажами. Эпос «Урал-батыр» должен встать в один ряд с известными шедеврами мировой литературы.

Ученый мир считает этот эпос мифическим произведением. К сожалению, его огромное значение как исторического источника незаслуженно остается в тени. Вместе с тем эпос «Урал-батыр» с сокрушительной силой развенчивает несостоятельные, надуманные концепции кочевнического происхождения башкирского народа, якобы зародившегося где-то в степях у Аральского моря в среде нищих бездомных скитальцев, не имеющих практически никакой собственной материальной культуры, не знающих ни бортничества, ни металлургии, ни металлообработки. Здесь мы имеем уникальный случай, когда творение народа, передаваемое из уст в уста через многие поколения, опровергает псевдоисторию, сочиненную в угоду правящей коммунистической идеологии.

Башкиры, зародившись как лесной народ на очень богатой уральской земле, с самых древних времен, еще до начала нашей эры, благодаря своей природной дипломатии, имели свое государство и на основе национального суверенитета входили в могущественные государственные объединения массагетов-саков, тюрков и в империю великого Чингисхана. В середине XVI в. башкирский народ со своей огромной территорией, простирающейся от Камы до Тобола, и богатейшими недрами Урала присоединился к Московскому государству, положив начало великой России.

И в этом неповторимость истории башкирского народа и всей России. Мировая история не знает другого такого случая, когда новое государство образуется путем добровольного присоединения мусульманского народа к христианскому государству. Этот шаг башкир во многом определил и вектор дальнейшего развития России как многонационального и многоконфессионального государства с разнообразием культур и религий.

В результате присоединения башкир вместе с богатейшими недрами Урала новое государство обрело свою металлургическую базу, корабельные леса и черноземные пашни. Это вывело Россию в ряд передовых европейских государств.

Шло время, менялись правители России. Династия Романовых, замешанная на невестках из западноевропейских правящих дворов, повела Россию в сторону, обратную от цивилизованного развития, в исторический тупик крепостного рабства.

В европейских государствах, несмотря на мракобесие инквизиции, развивались науки, знания, ремесла, искусства, литература. А в России, в своей никем не покоренной стране, русские люди становились рабами своих соотечественников. И это продолжалось более 650 лет после того, как подобную дикость законодательно отверг в своей империи великий Чингисхан. Таланты, которые могли бы прославить Россию в разных областях, жили на положении рабочего скота.

А Романовы, особенно Петр I, которого потомки крепостных рабов нарекли «Великим», желая просветить темную Россию, стали завозить третьесортных иностранных ученых, подпуская к ним в обучение весьма ограниченное число русских людей. Латинского языка, дескать, не знали россияне.

Не оценил Петр I ни башкир, ни их навыков поиска металлических руд, выплавки металлов и металлообработки. А одна из его преемниц, Анна Иоанновна, и вовсе запретила башкирам этим заниматься. Именно тогда в Европе сложилось мнение о России как о дикой стране необузданных рабов. Потом российские историки списали все это на татаро-монгольское «иго», забыв о том, что монголы, придя на Русь, спасли ее от самоуничтожения в междоусобных войнах, объединили под единой властью великого князя и заставили жить по законам, по «Ясе» Чингисхана.

Но закон и право никогда не правили на Руси, всегда были ей чужды. С уходом монголов ушли в прошлое и их законы. Россия надолго распрощалась с законами и стала самодержавной, самовластной страной рабов, в которой царь был для своих подданных полным хозяином.

Лишь башкиры, проявив необычайную прозорливость и обусловив свое присоединение к Московскому государству неизбежностью своих вотчинных прав на землю, оказались в сословии землевладельцев и не подлежали закрепощению. Башкортостан остался островом свободы в море крепостного рабства, разлившегося по широким российским просторам.

Но Урал оказался слишком лакомым куском для правителей России из семейства Романовых. Начиная с Петра I колониальная политика России на Урале обрела вид кровавой бойни и открытого геноцида башкирского народа. Этот царь задался целью покончить с башкирами, навсегда обрусить этот край. Однако башкиры ответили чередой восстаний, и Петр I вынужден был сменить свою политику в Башкортостане. Пошла ползучая колонизация, совершаемая изощренными методами, медленное уничтожение башкирского народа, его культуры и веры.

Преемники же Петра вновь перешли в открытое наступление на Башкортостан. Крепостное рабство стало проникать на Урал вместе с русскими крестьянами, переселяемыми сюда целыми деревнями для работы на металлургических заводах. Крепостные крестьяне становились заводскими рабами. Так зарождался российский пролетариат, не имеющий ничего, кроме своих цепей. Тринадцать веков прошло с той поры, когда прототюрки сокрушили рабовладельческий Рим, а Российская империя все еще жила в дикости рабовладельческого строя. Разве что гладиаторских боев не устраивали в России.

И под заводы, и под деревни заводских рабочих, и под их пашни изымалась у башкир их земля. А она была для них родиной, кормилицей, вотчиной, доставшейся им от предков. Башкиры отлично понимали, что в России лишь владение землей спасает от крепостного рабства. Поэтому они еще в XVII в. ответили на захват их земель рядом восстаний. Много батыров сложили свои головы за это святое дело. Правители России подвергали их разного рода жестоким, мучительным и изощренным казням. Башкир подвешивали за ребра, колесовали, отрубая по одной конечности, а затем, насладившись мучениями еще живого обрубка, отсекали голову. Так Татищев, ставленник императрицы Анны Иоанновны на Урале, казнил Бепеню Трупбердина. Сегодня об этом изверге выходят книги в серии «Жизнь замечательных людей» [67].

Вот такой ценой башкиры не только сохранили свою землю, свободу и веру, но и остановили продвижение крепостного рабства из Поволжья на Урал. Но этот исторический подвиг башкирского народа российская история, к сожалению, не замечает. Без малого сто лет спустя декабристы вышли в 1825 г. на Сенатскую площадь, не пожелав при смене власти присягать Николаю I, предпочтя более либерального Константина. Они известны нам со школьной скамьи. Их жены, последовавшие за мужьями в ссылку, в Сибирь, стали легендой. А кто знает имена Кильмяка, Бепени, Тулькусуры, Юсупа, Азналыбая и других башкирских батыров? Разве они не достойны памяти народа?

А ведь это именно они своей 200-летней борьбой остановили, наконец, колесо истории России, катившееся в тупик дикого рабства. Через каждые двадцать лет с возмущением каждого следующего поколения сотрясали они порядки рабской страны.

Уральские народы не принимали рабского повиновения. Русские люди, казаки-староверы, изгнанные царем со своей родины и проживавшие на берегах Яик-реки, объединились с башкирами и подняли восстание против колониального гнета. Эта война под предводительством Е. И. Пугачева потрясла до основания Российскую империю. В ней выдвинулся еще один башкирский батыр – Салават Юлаев, ставший национальным героем Башкортостана.

Он был не только выдающимся полководцем, но и поэтом-песенником, олицетворяющим собой лучшие черты башкирского народа, его извечную национальную идею, заключающуюся в родовом, наследуемом, вотчинном владении землей, самоуправлении и свободе вероисповедания. Эту национальную идею башкирский народ пронес через всю свою многовековую историю, начавшуюся на Урале в глубинах каменного века.

Хотелось бы, чтобы эта книга дошла до нашей молодежи, донесла до молодых людей нашего времени и гордость за свой народ, и патриотизм Салавата Юлаева и других батыров, и любовь к своей земле, родине, стремление к свободе и преданность своей вере.

44594

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бибиков С. Н. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала // Советская археология. 1950. Т. 12. С. 66–104.
2. Ибн Фадлан о народах Восточной Европы // Из глубины столетий. Казань: Татиздат, 2000. С. 85.
3. Урал-батыр. Башкирский народный эпос. Уфа: Китап, 2005.
4. Бибиков С. Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // Советская археология. 1950. Т. 13. С. 95–138.
5. Баимов Р. Н. Аркаим и «Авеста» // Истоки. 2004. 30 июля.
6. Обыденнова Г. Т., Шутелева И. А., Щербаков Н. Б. Атлас археологии Республики Башкортостан. Уфа: Китап, 2006.
7. Горбунов В. С. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа: Изд-во БГПИ, 1986.
8. Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. С. 36.
9. Геродот. История. Кн. 1. М.: АСТ, 2006. С. 242–243.
10. Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. М.: АСТ, Ермак, 2005. С. 192.
11. Исследователи-путешественники о Башкортостане. XVIII век // Сост., предисл., коммент. В. В. Сидорова. Уфа: Китап, 2007. С. 267.
12. Буровский А. Арийская Русь. Ложь и правда о «высшей расе». М.: Яуза, ЭКСМО, 2007.
13. Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. 1898.
14. Марр Н. Я. Чуваши-яфетиды на Волге // Избр. соч. Т. 5. Л., 1937.
- В 1952 г. его работы были подвергнуты резкой критике со стороны И. Сталина в известной статье, в которой «вождь народов» выступил большим знатоком по языкознанию.
15. Косинцев П. А., Варов А. И. Костные остатки из поселения Тюбяк // Тюбяк: поселение бронзового века на Южном Урале. Уфа: Изд-во БГУ, 2001. С. 136–152.
16. Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2007. С. 53.
17. Грусс Р. Чингисхан. М.: Молодая гвардия, 2000. С. 249.
18. Зданович Г. Б. Аркаим: арии на Урале. Гипотеза или установленный факт? // Фантастика и наука. Международный ежегодник. Вып. 25. М., 1992.

19. Немкова В. К., Климанов В. А. Характеристика климата Башкирского Приуралья в голоцене // Некоторые вопросы биостратиграфии, палеомагнетизма и тектоники кайнозоя Приуралья. Уфа, 1988. С. 65–71.
20. Из глубины столетий // Сост., вступ. статьи и комм. Б. Л. Хамидулина. Казань: Татиздат, 2000. С. 96 (Далее: Из глубины столетий...).
21. Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана. Т. 9. Уфа: Китап, 2001. С. 149.
22. Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа: Гилем, 2006.
23. Обыденнов М. Ф. Межовская культура. Уфа: Изд-во БЭК, 1998. С. 43.
24. Письмо Иоганки // Из глубины столетий... С. 157–160.
25. Аджиджи М. Полюнь половецкого поля. М.: ОАО «Типография «Новост», 2000. С. 453.
26. Сыма Цянь о хуннах // Из глубины столетий... С. 13–21.
27. Wittfogel K. A. and Fend Hsia-shend. History of Chinese Society Liao. Philadelphia, 1949. P. 505.
28. Иордан. О происхождении и деяниях гот. М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1960.
29. Тагиров И. Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань: Татиздат, 2000.
30. Вачьянц А. М. Западноевропейское Средневековье. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 92.
31. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1–3. М.; Л., 1950–1953. С. 220, 234, 227–228, 240.
32. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Рольф, 2002. С. 31–161.
33. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
34. Идукай и Мурадым // Башкирское народное творчество. Т. 5. Исторический эпос. Уфа: Китап, 2000. С. 166. Башк.
35. Бикбулатов Н. В., Юсупов Р. М., Шитова С. Н., Фатыхова Ф. Ф. Башкиры. Этническая история, традиционная культура. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002. С. 247.
36. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: АСТ, 2001. С. 712.
37. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 годах. Харьков, 1956.
38. Иванов В. А. Откуда ты, мой предок? СПб.: Грань; УНЦ РАН, 1994. С. 87.
39. Навеки с Россией. Сборник документов и материалов. В 2 ч. Ч. 1. Уфа: Китап, 2007. С. 28.
40. Письмо брата Юлиана о монгольской войне // Из глубины столетий... С. 153.
41. Псянчин А. В. Башкортостан на старых картах: История географического изучения и картографирования. Уфа: Гилем, 2001. С. 161.
42. Махмуд Кашгарский. Свод тюркской лексики. Т. 1. Ташкент, 1960. С. 64–65. Узб.
43. Лурье С. Я. История Древней Греции. Ч. 1. Л., 1940. С. 100.

44. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 211.
45. *Хазыев М.* История башкир. Казань, 1912.
46. *Валиди А.* История башкир. История тюрков и татар. Уфа: Китап, 1995. Башк.
47. *Салихов А.* О взаимоотношениях академика В. В. Бартольда и Ахметзакки Валиди Тогана // Ватандаш. 2000. № 6. С. 134.
48. *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974.
49. *Вахитов Р. Ш.* Пчелы и люди. Записки башкирского пчеловода. Уфа: Башкнигоиздат, 1992.
50. *Илимбетов Ф. Ф.* Пчеловодство у северо-восточных башкир // Археология и этнография Башкирии. Уфа: РИО БФАН СССР, 1973. Т. 5. С. 122-132.
51. *Hämäläinen Albert.* Beiträge zur Geschichte der primitiven Bienenzucht beiden finnisch-ugrischen Völkern // Journal de la Societe finno-ougrienne. Helsinki, 1933-1935. XLVII. S. 33.
- В Финляндии весьма серьезно изучают историю поволжских и приуральских финно-угорских народов, предков современных финнов. Существует Финно-угорское общество. Оно собирает сведения о жизни, быте, нравах, обычаях черемис, мордвы, удмуртов. Членом этого общества был А. Валиди.
52. Bienenzucht bei den Tscheremissen. Aufzeichnungen von *T. J. Jewsewiew* herausgegeben von *J. Erdodi* // Journal de la Societe finno-ougrienne. Helsinki. 1974, 73. S. 168-204.
- Тимофей Евсеев написал свои заметки на русском языке. Финно-угорское общество в Хельсинки опубликовало их на немецком языке. Т. Евсеев был репрессирован за связь с этим обществом. Его имя носит краеведческий музей в городе Йошкар-Ола.
53. Сокровенное монгольское сказание о Чингисхане, написанное неизвестным автором в 1240 г. // *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. 1884. Т. 2. 1941.
54. Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа: Башкирская энциклопедия, 1996.
55. *Янгузин Р. З., Хисаметдинова Ф. Г.* Коренные народы России. Башкиры. Уфа: Китап, 2007. С. 107.
56. *Валиди Тоган А.* Не сочтите за пророчество... Уфа: Китап, 1998. С. 188-189.
57. *Мерзабеков М. А.* Собственный корреспондент по Башкортостану. Уфа: Китап, 2008.
58. *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968.
59. *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
60. Повесть временных лет. Т. 1. Текст и перевод. Т. 2. Статьи и комментарии. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950.
61. *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
62. *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
63. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Л., 1980.
64. *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. М., 1980.

65. Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. СПб.: СЗКО «Кристалл», 2002. С. 308.
66. Арбман Х. Викинги // Перевод с англ. Н. В. Ереминой. СПб.: Евразия, 2006.
67. Кузьмин А. Татищев. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 1987.
68. Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. М.: АСТ, «Ермак», 2005.
69. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. СПб.: Изд-во И. Эйнерлинга, 1842.
70. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М.; Л.: Изд-во. АН СССР, 1940. С. 71–112.
71. Константин Багрянородный. Об управлении империей // Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1989.
72. Чтобы не затруднять чтение, цитирую Нестора не на старославянском языке, а в переводе В. Н. Татищева по его «Истории Российской» (Т. 2.)
73. Письмо Иоганки // Из глубины столетий... С. 157.
74. Иванов В. А. Дорогами предков // Сов. Башкирия. 1986. 13 февр.
75. Bendefy L. Az ismerelten Julianusz. Az elso Magyar azsiakutato eletrajza es kritikal melta tasa. Budapest, 1936.
76. Волков Д. С. Материалы к истории города Уфы. Т. 1–7. Рукописный фонд УНЦ РАН.
77. Истории князя Андрея Курбского // Русская историческая библиотека. Изд. Императорской Археологической комиссии. Т. 21. СПб., 1914.
78. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М.: ИНСАН, 1996. С. 368.
79. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 389.
80. ПСРЛ. Т. XI. С. 65.
81. Огонек. 2006. № 48. С. 44.
82. ПСРЛ. Т. IV. С. 57. Т. V. С. 225. Т. VIII. С. 210. Т. X. С. 217.
83. ПСРЛ. Т. X. С. 229.
84. Рогожский летописец. С. 66.
85. Абулгази. Родословное древо тюрков. Казань, 1906. С. 155–156.
86. ПСРЛ. Т. X. С. 230–231.
87. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках: Очерки из истории края и его колонизации. М., 1877. С. 136.
88. Усманов А. Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа: Башкинигоиздат, 1982. С. 74.
89. Уметбаев М. Ядкар. Казань, 1897. С. 51–53. Башк.
90. Кутлугаллямов М. Мы были, есть и будем // Ватандаш. 2007. № 4. С. 57–60.
91. ПСРЛ. Т. VIII. С. 291.
92. Юлай и Салават // Башкирское народное творчество. Т. 5. Исторический эпос. Уфа: Китап, 2000. С. 254. Башк.
93. Сура-батыр // Там же. С. 210. Башк.
94. Царственная книга. С. 321–328.
95. Соколов Д. Н. Оренбургская губерния. М., 1916. С. 85–86.
96. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 8. С. 164.

97. Доннелли А. Завоевание Башкирии Россией: 1552–1740. Страницы истории империализма. Уфа, 1995.
98. Нигматуллина И. В. Старая Уфа. Историко-краеведческий очерк. Уфа: Китап, 2004. С. 23.
99. История Уфы. Краткий очерк. Уфа: Башкнигоиздат, 1981. С. 30.
100. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 372.
101. Генинг В. Ф., Зданович Г. В., Генинг В. В. Синташта: археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск, 1992.
102. Рахимкулов М. Первый роман о Салавате // Веч. Уфа. 1996. 10 апр.
103. Злобин С. П. Салават Юлаев. Уфа: Китап, 2004.
104. Ибрагимова Х. // Башкортостан. 1999. № 41. Башк.
105. Зарипов Г. // Башкортостан. 1999. № 38. Башк.
106. Сидоров В. В. Был героем Салават. Уфа: Китап, 2003. С. 205–207.
107. Наш Салават. Уфа: Башкнигоиздат, 1973. С. 54–61.
108. Башкирские предания и легенды. Уфа: Башкнигоиздат, 1985. С. 147.
109. Бикбаев Р. Книга о поэте // Ватандаш. 2008. № 11. С. 69–70.
110. Российская родословная книга // Сост. П. Долгоруков. СПб.: Русская старина, 1873.
111. Башкирское народное творчество. Т. 5. Уфа: Китап, 2000. С. 254–288. Башк.
112. Гвоздиков И. М. Салават Юлаев. Исследование документальных источников. Уфа: Башкнигоиздат, 1982. С. 188.
113. Песни и сказания о Разине и Пугачеве // Сост. А. Н. Лозанова. М., 1935. С. 212–215.
114. Ватандаш. 2007. № 7. С. 169.
115. Таймасов С. У. Восстание 1773–1774 гг. в Башкортостане. Уфа: Китап, 2000. С. 120.
116. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 2. Кн. 1. СПб., 1770. С. 60.
117. Агидель. 2000. № 6. С. 126. Башк.
118. Документы ставки Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М.: Наука, 1975. С. 254.
119. Идельбаев М. Юлай улы Салават // Шонкар. 1993, 6/н. С. 67–75. Башк.
120. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 147. Л. 8.
121. Хурамышин И. Ш. Формирование теплоэнергетического процесса и лечебных факторов курорта Янгантау. Уфа, 2007. С. 92.
122. Материалы по истории БАССР. Т. 4. Ч. 2. С. 595 (далее: МИБ...).
123. МИБ. Т. 6. Уфа, 2002. С. 644.
124. МИБ. Т. 1. С. 390.
125. МИБ. Т. 1. С. 439.
126. МИБ. Т. 6. С. 392, 615.
127. МИБ. Т. 6. С. 371.
128. МИБ. Т. 1. С. 405.
129. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 2. СПб., 1799. С. 91.
130. Ватандаш. 2007. № 9. С. 79.

131. МИБ. Т. 1. С. 386, 394.
132. МИБ. Т. 1. С. 329.
133. МИБ. Т. 6. С. 401.
134. МИБ. Т. 6. С. 592, 615.
135. Агидель. 2007. № 10. С. 164.
136. МИБ. Т. 1. С. 386.
137. МИБ. Т. 1. С. 404.
138. МИБ. Т. 1. С. 396.
139. МИБ. Т. 1. С. 483–488.
140. МИБ. Т. 1. С. 493–494.
141. МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 128.
142. МИБ. Т. 1. С. 381.
143. МИБ. Т. 3. С. 253.
144. МИБ. Т. 3. С. 25.
145. МИБ. Т. 1. С. 445.
146. МИБ. Т. 6. С. 220.
147. МИБ. Т. 6. С. 215.
148. МИБ. Т. 6. С. 661.
149. Агидель. 2000. № 6. С. 110–122. Башк.
150. Крестьянская война 1773–1774 гг. на территории Башкирии. Сборник документов. Уфа: Башкиргоиздат, 1975.
151. МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 345.
152. МИБ. Т. 4. Ч. 1. С. 371–373.
153. МИБ. Т. 1. С. 9.
154. МИБ. Т. 1. С. 362.
155. МИБ. Т. 3. С. 494.
156. МИБ. Т. 6. С. 371.
157. МИБ. Т. 3. С. 513.
158. МИБ. Т. 6. С. 643.
159. МИБ. Т. 4. Ч. 2. С. 595.
160. Башкортостан. 1996. № 151–153, 156, 157, 159.
161. Башкортостан. 1999. 16 июля.
162. ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 371.
163. ЦГИА РБ. Ф. 473. Оп. 1. Д. 530.
164. *Нефедов Ф. Д.* Движение среди башкир перед Пугачевским бунтом. Салават – башкирский батыр // Русское богатство. 1880. X.
165. Пугачевщина. М.; Л., 1926.
166. *Мавродин В. В.* Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачева. Л., 1961.
167. *Гвоздиков И. М.* Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Уфа: Китап, 1999.
168. Вопросы истории. 1996. № 4. С. 120–121.
169. Труды Вольного экономического общества. Ч. 7. 1767. С. 111–112.
170. Возможно, Р. Кузеев ознакомился с этой «Историей башкир» раньше, в начале 1966 г. Среди книг, подаренных М. Кариму А. Валиди Тоганом и привезенных им из Турции, была «одна научная брошюра», название которой Мустафа Сафич в своих воспоминаниях по какой-то причине не указал (См.: Башкортостан. 2005. № 24).

*В книге использован предоставленный автором
иллюстративный материал*

Художественное издание

ВАХИТОВ Радик Шакирович

От Урал-батыра до Салавата Юлаева

Редактор *Л. Р. Бикбаева*

Художник *А. Г. Кузгин*

Художественный редактор *А. Р. Мухтаруллин*

Технический редактор *З. Г. Чингизова*

Корректоры *Р. А. Бондаренко, А. В. Борисова, А. Р. Галимова, Г. Н. Гутова*

Подписано в печать 18.11.09. Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 37,0+0,5 вкл.+0,25 форз. Усл.-кр. отг. 43,50. Уч.-изд. л. 33,81+0,53 вкл.+0,45
форз. Тираж 2000 экз. Заказ № 1.0166.09.

Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан
Башкирское издательство «Китап» имени Зайнаб Бишшевой.
450001, Уфа, ул. Левченко, 4а.

Отпечатано с предоставленных файлов.

Государственное унитарное предприятие
Республики Башкортостан «Уфимский полиграфкомбинат».
450001, Уфа, пр. Октября, 2.

Издательство
"КИТАП"
имени
Зайнаб
Биишевой